

Благотворительный фонд поддержки слепоглухих «Со-единение»
АНО «Ясенева поляна»
Московский государственный психолого-педагогический университет (МГППУ)

Доктор психологических наук,
Ведущий научный сотрудник МГППУ

А.В. Суворов
ВСТРЕЧА ВСЕЛЕННЫХ,
или Слепоглухие пришельцы в мире зрячеслышащих

Воспитателю и глубокому знатоку слепоглухих детей,
учителю моему,
доктору психологических наук
Александру Ивановичу Мещерякову
посвящаю эту книгу.

Редактор – президент благотворительного фонда поддержки слепоглухих
«Со-единение», к.полит.н., доц. Д.В. Поликанов
Научный рецензент – академик Российской академии образования, д.пед.н., проф. Б.М. Бим-
Бад

Содержание

ОТ РЕДАКТОРА.....	5
ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО.....	7
ВВЕДЕНИЕ.....	10
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ОСНОВНОЙ ВОПРОС.....	15
1.1. ОБРАЗ ФОРМИРУЕТСЯ РАНЬШЕ ДЕЙСТВИЯ.....	18
1.2. ИНОВСЕЛЕНСКИЕ СУЩЕСТВА.....	22
1.3. НЕВЕРБАЛЬНАЯ ОРИЕНТИРОВКА.....	29
1.4. ЖИЗНЬ В МУЗЫКЕ – ВОПРЕКИ СЛЕПОГЛУХОТЕ.....	36
1.5. ВЧУВСТВОВАТЬСЯ, ВДУМАТЬСЯ.....	41
1.6. КЛАССИФИКАЦИЯ, ИДЕНТИФИКАЦИЯ, РЕФЛЕКСИЯ.....	52
1.7. МЫСЛИ И ЧУВСТВА.....	65
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ИСТОКИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО.....	70
2.1. ОБЪЕКТ ОДИНОЧЕСТВА – «ПОЛУЖИВОТНОЕ-ПОЛУРАСТЕНИЕ».....	72
2.2. ОЧЕЛОВЕЧИВАНИЕ, ТО ЕСТЬ ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПСИХИКИ.....	78
2.3. ВОСПИТАНИЕ ЧЕЛОВЕКА: ЦЕПЬ.....	84
2.4. ЗАБЫТЬ О ЕДИНООБРАЗИИ.....	91
2.5. НЕ ХОРОНИТЕ РЕБЯТ ЗАРАНЕЕ.....	100
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ШКОЛА ВЗАИМНОЙ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ.....	107
3.1. ПРОПУСК НЕКОТОРЫХ ЭТАПОВ НОРМАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ.....	107
3.2. «РОДИТЕЛЬСКИЕ ПРАВА» НА СОВМЕСТНУЮ ПЕДАГОГИКУ.....	113
3.3. «САЛЮТОВСКАЯ» ИСТОРИЯ СОВМЕСТНОЙ ПЕДАГОГИКИ.....	117
3.4. «САЛЮТ»: ОБРАЩЕНИЯ К ПИОНЕРАМ И «ТРУБАЧАМ».....	125
3.4.1. ОБРАЩЕНИЕ ПЕРВОЕ: КТО ЕСТЬ КТО?.....	125
3.4.2. ОБРАЩЕНИЕ ВТОРОЕ: КАК СТАТЬ НЕВИДИМКОЙ?.....	126
3.4.3. ОБРАЩЕНИЕ К «ТРУБАЧАМ»: ПОМОГИТЕ НАМ СОРИЕНТИРОВАТЬСЯ!.....	127
3.5. ПРАКТИКУМ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ.....	131
3.6. ВОСПИТЫВАТЬ НЕ ПРИМЕРОМ, А ОБРАЗОМ ЖИЗНИ.....	135
3.7. ЧЕМУ УЧИТЬ?.....	143
3.8. ЧЕЛОВЕЧНАЯ БЕСЧЕЛОВЕЧНОСТЬ.....	150
3.9. ПРИНЦИПЫ СОВМЕСТНОЙ ПЕДАГОГИКИ.....	154
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ОСНОВНОЙ ОТВЕТ.....	161
4.1. ОПЫТ ЧЕТВЕРКИ.....	163
4.2. НАСТАВНИКИ: УРОКИ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ.....	169

4.3. ЖИЗНЬ И ВЫЖИВАНИЕ.....	180
4.4. КОНВЕЙЕР ДОБРОТЫ.....	190
4.5. ИНСТРУМЕНТЫ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ.....	200
4.6. ТОНКОСТИ СОПРОВОЖДЕНИЯ.....	213
4.7. ИНФОРМАЦИЯ: НУЖНАЯ И НЕНУЖНАЯ.....	225
4.8. ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ БУХГАЛТЕРИЯ.....	233
РЕВОЛЮЦИЯ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ).....	242
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. РАЙ.....	244
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. БОЛЬШОЕ КОРОТКОЕ СЧАСТЬЕ.....	246
По дороге в «Светлячок».....	246
Комната для обиженных.....	246
Кто умеет стоять на ушах?.....	246
Глаза и ум надо точить.....	247
Зачем я в лагере?.....	247
Первая забота.....	248
Алёна.....	248
«Подполковник» Максим.....	249
Про Кокованю, кошачьи глаза и душного козла.....	249
Женя-«чудотворец».....	250
Ежики и вертихвостки.....	251
Алёша.....	251
«С места в карьер».....	252
«Зелёные пятки».....	252
Избранницы и избранники.....	253
Женя из Первоуральска.....	255
Азбука-колодка.....	255
Алёша «заказывает музыку».....	257
Они светятся?.....	257
Оруженосец.....	257
Ежик или солнце?.....	258
Качели.....	258
«Эх!» – «Ура!».....	260
«Портреты неповторимости».....	262
«Ничо непонятно».....	264
«Вы – не наглядное пособие, а друг!».....	264

«Какие у меня недостатки?».....	264
«День Нептуна».....	265
«Волшебный корабль».....	265
«Приметливый» Женя.....	265
Фарит и Риточка.....	267
«Домовёнок».....	268
Цирк.....	268
Стихи о Прекрасном.....	268
Маленький Серёжа.....	269
«Ор голодных кошек».....	271
Составляем анкету.....	272
Дети, взрослые и творцы.....	273
«Какой ты редактор?».....	275
Последняя дискотека.....	276
«Тимофеев».....	277
Перо, пух и мех.....	277
ПРИЛОЖЕНИЕ 3. ВЕСЕЛЫЙ, МИЛЫЙ.....	279
ПРИЛОЖЕНИЕ 4. КАК ПРИЧЕСЫВАТЬ ЕЖИКА?.....	281
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КАК ПРИРУЧАТЬ ЕЖИКА.....	281
ГЛАВА 1. «ВОЗЬМИТЕ МЕНЯ ДОМОЙ!».....	281
ГЛАВА 2. ВМЕСТЕ – ИЛИ РЯДОМ?.....	284
ГЛАВА 3. ПРАВО НА НЕПОХОЖЕСТЬ.....	286
ГЛАВА 4. ЗАКОН ВЕЧНОСТИ.....	291
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. КАК ДРУЖИТЬ С ЕЖИКОМ.....	293
ГЛАВА 5. РУКОВОДСТВО ПО НЕВИДИМОСТИ.....	293
ГЛАВА 6. «СПАСИБОЧКИ!».....	299
ГЛАВА 7. СКОЛЬКО СТОИТ?.....	305
ГЛАВА 8. КУПАТЬСЯ ЛУЧШЕ В МОРЕ, А НЕ В КОМПОТЕ.....	307
ГЛАВА 9. РАЗРЕШИТЕ С ВАМИ ПОЗНАКОМИТЬСЯ.....	309
ГЛАВА 10. ИМЕТЬ ЛИЦО, А НЕ ЛИЧИНУ.....	312
ПРИЛОЖЕНИЕ 5. КАК БЫ ИНТЕРВЬЮ.....	314

ОТ РЕДАКТОРА

С Александром Васильевичем Суворовым я познакомился в 2014 году. Мы как раз тогда совершали обход экспертов, сильно искали контакта с участниками «Загорской четвёрки» и их преподавателями. Перед встречей общение шло в смсках, и я помню, как поразили меня очень чёткие и короткие инструкции - куда подъехать, как войти в подъезд, как звонить в звонок и одновременно по мобильному и т.п. Я волновался - дактилологии тогда не знал, Суворов на тот момент был в квартире один, без переводчика. Думал: как же мы будем общаться? Но всё прошло на ура! Начали с письма на ладони, а потом нашли способ быстрее - я печатал на компьютерной клавиатуре, а профессор читал на брайлевском дисплее и отвечал голосом. С тех пор мы и подружились, стали постоянными собеседниками в пространстве электронной почты. Вероятно, совпали энергетические модули в ладонях, о которых пишет Александр Васильевич в одной из глав.

Не скрою, что появление книги Суворова было моей мечтой. Наш фонд в принципе стремится вести летопись опыта и знаний в сфере слепоглухоты, а тут - реальная возможность получить написанную лёгким и понятным языком энциклопедию жизни слепоглохого человека. Человека, обладающего уникальными связями в прошлом и настоящем. Человека, не спасовавшего перед лицом недугов, а активного и деятельного. Человека светлого и полного энергии, «жизненного порыва», о котором когда-то писал французский философ Анри Бергсон. Человека, чья преданность своим Учителям вызывает неподдельное уважение. В какой-то момент мне даже приснилась книга Александра Васильевича - я просто очень чётко представил себе, как она должна выглядеть и о чем рассказывать.

Именно поэтому с такой охотой я взялся за редактирование - чтобы ускорить процесс появления на свет долгожданной «Тифлосурдопсихологии». Именно так в рабочем варианте назвалось это произведение, содержание которого автор много лет формировал и преподавал, стараясь сделать его сочетанием глубокого научного подхода и популярного практического изложения жизненных рецептов. Ведь важно, чтобы с книгой познакомились не только сотрудники институтов, преподаватели вузов и студенты. «Встреча вселенных...» - это настольная книга для родителей детей с нарушениями развития, родственников взрослых слепоглохих инвалидов, да и просто для любого человека, который стремится расширить горизонты сознания, размышлять по поводу смысла своего существования и открыть для себя новые аспекты познания реальности.

Свою редакторскую роль я видел в том, чтобы пройти через текст аккуратно, не расплескав эмоции и не нарушив авторский стиль. В итоге книга получилась стройная, логически связанная, но при этом каждую из глав можно читать и как самостоятельное мини-произведение, практически, как у Милорада Павича, переставляя части местами в соответствии с традициями постмодернизма.

Мне кажется, каждый найдёт здесь для себя интересные разделы. Кому-то будет важна гносеология слепоглохих, формирование их представлений о себе и о мире. Кто-то с удовольствием почитает воспоминания об обучении «четвёрки» и теплых, доверительных, совсем не формальных отношениях студентов со своими наставниками. Кто-то проникнется опытом совместной педагогики и рассказами из детских лагерей. А для кого-то настоящим откровением станет процесс организации самостоятельного быта человека, лишённого зрения и слуха: от безысходности текста некоторых «записок» на все случаи жизни до рассуждений о зависимости в мелочах вплоть до наличия или отсутствия буддистского сувенира на светильнике.

В книге есть очень много про отношения и про умение их строить, что роднит её с большими классическими романами. Особенно хорошо видна эволюция самого Суворова - человека со сложным характером, на протяжении многих лет выкристаллизовавшего свою идентичность, свой внутренний стержень и одновременно становящегося более терпимым, гибким и благожелательным с окружающими. Самое важное во «Встрече вселенных...» - это изложенная устами слепоглухого профессора попытка уйти от сюсюканья с инвалидами, от воспитания в них иждивенчества, от чрезмерной опеки к настоящему равноправию, которое одновременно предполагает ответственность и обязанности и той, и другой стороны.

Ну, и, конечно, для нас важно, что эта работа Александра Васильевича открывает «другой мир», мир неизведанный, мир слепоглухих людей, которые во многих странах живут на ролях «невидимок». Эта вселенная появляется во всей полноте - и оказывается, что это её визави подчас живет в состоянии душевной слепоглухоты. Такой слепоглухоты, с которой всё же можно бороться и которую можно побеждать. В том числе одолеть её силой таланта: не случайно, подготовка этого произведения финансировалась у нас в фонде по статье «поддержка проектов талантливых слепоглухих». Книга Суворова - это, пользуясь литературными аллегориями, сердце Данко, освещающее путь к такому контакту вселенных, простое и понятное руководство о воспитании настоящего Человека.

Д.В.Поликанов,

кандидат политических наук, доцент,

президент Благотворительного фонда поддержки слепоглухих «Со-единение»

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Перед нами книга отрудных жизненных победах и формулах счастья, о выковывании духа и борьбе с судьбой. Эту книгу создал слепой и одновременно глухой с детства человек- наш современник.

Когда-то великий русский полководец Александр Васильевич Суворов (1730 -1800), который не проиграл ни одного сражения, неоднократно наголову разбивал значительно превосходящие по численности силы противника, написал книгу «Наука побеждать». Автор «Встречи вселенных...» - полный тезка прославленного генералиссимуса, тоже Александр Васильевич Суворов, но не военачальник, а профессор психологии (род. в 1953 году), - имел бы право в точности, как и тот Суворов, назвать свой труд «Наукой побеждать», если бы не опасность путаницы с одинаковыми названиями разных произведений, разных авторов с одинаковыми именами. Но по сути дела обе книги - об искусстве побед, только у полководца Суворова - побед в военных сражениях, а у профессора Суворова - о победах духа.

Автор не приуменьшает трагизма слепоглухоты и не преувеличивает реальных и потенциальных достижений по преодолению этой беды. Жанр этой книги - очень оптимистическая трагедия.

Вселенная слепоглухих - вселенная осязания, в отличие от вселенной зрячих и слышащих людей. Осязание (тактильное чувство) заключается в способности ощущать прикосновения, давление, вибрацию, действия фактуры и протяжённости. Вместе с проприоцептивными (от латинских слов «проприус» - «собственный» + «рецепцию» - «принятие, восприятие») ощущениями, которые обеспечивают сигналы о положении тела в пространстве и составляют основу равновесия и движений человека, осязание играет решающую роль в регуляции жизни. Без осязания и проприоцепции человек самостоятельно существовать вообще не может, а зрение и слух помогают ему ориентироваться в мире, общаться и творить.

А.В.Суворов подчёркивает, что слепоглухота бьёт прежде всего по ориентировке, в этом создавая неслыханные трудности. Сенсорным инвалидам прежде всего необходима помощь в ориентировке. *«Не толкать в неизвестность, а терпеливо помогать самостоятельно разобраться, что к чему»*, - пишет автор.

Обходные пути к реальной человеческой - личностной - полноценности строятся на тактильном и вестибулярном чувстве, которые дают слепоглухому человеку сигнальные восприятия - вплоть до пальцевой азбуки. На основе осязания и деятельности формируется у незрячего и неслышащего человека воображение, благодаря которому он достраивает и выстраивает воспринимаемую им действительность. Автор книги прав, утверждая, что воображение *«воспитывается в процессе освоения культуры в целом – бытовой культуры, культуры общения, теоретической, художественной, нравственной, а также физической... Только воссоздавая в своей деятельности культуру, мы учимся чувствовать окружающий мир и себя в нём»*.

Поскольку главное в развитии - общение с миром культуры и другими людьми, постольку конечная цель совместной педагогики - специальной организации общения слепоглухих и зрячеслышащих детей, - преодоление абсолютного одиночества, полная его ликвидация. Как убедительно показывает это автор, без общения ни о какой личностной полноценности говорить всерьёз не приходится. *«Путь совместной педагогики - это меньше всего путь бесконечных праздников. И больше всего - путь содержательного общения»*.

Формирование общения идёт рука об руку с совершенствованием нравственности детей-инвалидов.

Без преодоления одиночества невозможно и воспитание поведения. Автор подчёркивает:

«Чтобы отдельные сформированные навыки самообслуживания и повторения составили в итоге целостную поведенческую систему, превратились в воспитание, тифлосурдопедагоги сознательно объединяют их в так называемую «цепь целевых звеньев». Окончание того или иного действия служит сигналом к началу следующего. Так, цепочка навыков, связанная с приемом пищи в столовой, заканчивается подготовкой к прогулке с подвижными играми, и т.д.».

В совместной педагогике Суворова центральное место занимает закон совместно-разделённого действия: *«это когда учитель начинает что-то делать вместе с учеником (совместное действие). Потом учитель вместе с учеником делает часть работы, а другую часть ученик пробует делать сам (совместно-разделённое действие). Потом ученик всё делает сам, от начала до конца, а учитель только следит за ним и исправляет ошибки (разделённое действие)».* *«На самом деле закон совместно-разделённого действия - это не только способ научить чему-нибудь слепоглухонемого ребёнка. Это закон всякой дружбы. Можешь - делай сам. А трудно - сделаем вместе».*

Слепоглухим ребятам приходится пережить тот факт, что они не такие, как все, но как бы это открытие ни было неприятно, без него невозможно полноценное личностное развитие. Нельзя скрывать правду, но можно и нужно смягчать её любовью, вниманием, общением.

Детям предстоит понять, что жить надо в имеющихся, наличных условиях, и искать в них возможности полноценной человеческой жизни.

Проблемы самостоятельности у здоровых острее всего стоят в подростковом и юношеском возрасте, а для инвалидов актуальны всю жизнь. *«Беспомощность - проклятие вообще, а при слепоглухоте особенно».* Закономерно, что А.В.Суворов определяет счастье как посильность, разрешимость проблем - разрешимость хотя бы с чьей-то помощью, лишь бы эта помощь поспевала вовремя.

Книга «Встреча вселенных» - призыв к читателям посильно участвовать в ослаблении, если не снятии, социальных последствий слепоглухоты. Очень важно при этом, чтобы о слепоглухих не судили бы по себе, не требовали бы от них непосильного, не навязывали им несвойственного.

Так, в Саше Суворове живёт безумная жажда музыки. Музыка в нём присутствует постоянно. Ни в какой иной форме его настроения просто не существуют. Он пишет: *«Стоит расслабиться, ни о чём не думать, ни с кем не разговаривать, ничего не читать, - и в душе сразу начинает что-то звучать, не обязательно слышанное раньше. Что-то соответствующее моему настроению - то ли бодрое, то ли грустное, то ли спокойное, то ли вообще траурное, похоронное».*

Неизбывна и тоска Саши по миру «цветущего разнообразия». Он не помнит цветовых различий.

Фундаментом всей своей деятельности - и творчества, и быта - автор считает рефлекссию. *«Определение рефлексии как «самосознания» - приблизительно. Будет точнее, если мы определим её как теоретическое отношение к жизни через теоретическое отношение к самому себе. Так понимаемая рефлексия - основа всей моей сознательной жизни».*

К чему же в результате привела А.В.Суворова рефлексия, к каким итогам?

Итоговое восприятие своей инвалидности: *«жить, приобщаясь к доступным богатствам человеческой культуры. Вести не отрицательную, а положительную бухгалтерию имеющихся, а не отсутствующих возможностей. Я - инвалид. Первой группы. Неизлечимый. Из неизлечимости моей инвалидности следует принцип: лечиться, чтобы жить, а не жить, чтобы лечиться. И понадобилась мне лично вся моя - неожиданно для меня самого долгая - жизнь, чтобы прийти к другому восприятию инвалидности, с противоположной точки зрения - не с точки зрения возможностей потерянных, а с точки зрения оставшихся и благоприобретённых. Отрицательная бухгалтерия - учёт минусов, потерь, - предполагает*

положительную: учёт плюсов, того, что есть - вне всякой связи с инвалидностью и/или вопреки ей».

Надо работать и активно всегда искать возможности работать, в тех условиях, какие есть. *«Нужно научиться доверяться буквально первому встречному, уметь вступать с ним в общение и организовывать себе его помощь, без которой всё равно не обойтись. Просьбы о помощи должны быть легко выполнимыми, не обременительными для окружающих. Помощники поэтому сменяются: один, например, помог дойти до остановки; другой помог сесть на нужный автобус; третий помог выйти на нужной остановке; четвёртый помог дойти до места, если вы сами дорогу не знаете, а если знаете, но на пути крупная транспортная артерия, - помог эту артерию преодолеть».*

Ещё необходимо спокойное мужество ошибаться. Не бояться ошибок, осознавать их без самооправдания, исправлять - без позы.

Жить своим умом, самим отвечать за себя, не допускать «выученной беспомощности» - привычки быть только ведомыми.

И ещё. Родителям и учителям необходимо трепетно, деликатно относиться к влюблённым своих подопечных. *«Нет ничего достовернее любви. Но нет и ничего иррациональнее - необъяснимее. Любовь есть источник силы жить, продолжать жить».* Бережно поощряйте в воспитанниках способность любить.

При соблюдении указанных Суворовым условий встреча привычной нам людской цивилизации с непривычной цивилизацией слепоглухих будет лишена безысходного трагизма, а, напротив, протекать с пользой для обеих.

«Встреча вселенных» непохожа на другие книги также и тем, что она не содержит в себе специального раздела благодарностей, а почти сплошь состоит из благодарностей. «Всем честию, и мертвым и живым». У автора значится: «Как и мама, Ильенков, другие близкие мне люди, которых нет... Которые всё равно как-то есть для меня, пока я жив...». Раскрывая образы самых дорогих ему людей, Саша Суворов объясняет, чем именно помогли они ему преодолеть «заклучение в склепе» полубеззвучия и тьмы, и тем самым показывает сложности и возможности развития тех, кто лишён возможности видеть и слышать. Логически и исторически тема благодарности завершается в книге признательностью фонду «Со-единение», который совершил прорыв в помощи слепоглухим разных возрастов в сопровождении и переводе, общении и творчестве. Благодаря фонду сбылась *«мечта энтузиастов реабилитации слепоглухих за сто с лишним лет её существования в России: мечта об Ассоциации (Сообществе) родителей и родственников слепоглухих».*

Перед нами книга итогов прожитой части жизни автора и книга-напутствие. Никто, надеюсь, не может считать, что это малый подарок человечеству.

Борис Бим-Бад,

доктор педагогических наук, профессор,

действительный член Российской академии образования

ВВЕДЕНИЕ

Зрячеслышащие – одна вселенная, а слепоглухие – другая. Они «иновселенцы», потому что, как понял великий знаток слепоглухонемых детей Александр Иванович Мещеряков, осязательные образы не имеют ничего общего со зрительными, слуховыми, обонятельными и прочими: «Ничего общего, кроме одного – их адекватности предмету». А эта адекватность объясняется тем, что и зрячеслышащие, и слепоглухие одинаково – по-человечески – с предметами действуют. В основе адекватности образов лежит адекватность предметной деятельности, в которой эти образы формируются.

В середине XX века яростно спорили о том, есть или нет у слепоглухих что-то специфическое, в отличие от зрячеслышащих. Одни, с чем к ним слепоглухой ни обратись, констатировали, что те же самые проблемы стоят и перед зрячеслышащими, – и дальше ни во что не хотели вникать, фактически отказывая слепоглухому в помощи. Другие абсолютизировали, преувеличивали специфику, рассуждали об особых «субкультурах» слепоглухих и других инвалидах, о том, что инвалиды – вроде этнических общностей, народов, со своим языком, своими обычаями. Не желая видеть общечеловеческого, концентрируя внимание только на специфике, эти «друзья» инвалидов разобщали их между собой и с человечеством в целом, поощряли групповую самоизоляцию, замыкание в «субкультуре» той или иной инвалидности.

С одной стороны, сплошное «общее», а с другой – сплошная «специфика». И с обеих сторон – фактический отказ от какого бы то ни было взаимопонимания.

Я сам слепоглухой с детства, живу главным образом среди зрячеслышащих, и с возрастом всё острее чувствовал необходимость взаимопонимания. Всегда склонен был думать, что оно возможно, пусть относительное, частичное. Только слепоглухим, хотя бы мне, нужно постараться объяснить зрячеслышащим самочувствие слепоглухих и, со своей стороны, не грех быть повнимательнее к самочувствию зрячеслышащих. Всё моё литературное, научное, психолого-педагогическое творчество всю жизнь и было на это нацелено.

В 1996 в ИПТК (издательско-полиграфическом тифлокомплексе) «Логос» вышла моя книжка «Слепоглухой в мире зрячеслышащих». Более точной формулировки проблемы – и более точного заглавия для книги, решению этой проблемы посвящённой, – нельзя было придумать. Но для новой, гораздо более фундаментальной работы по тифлосурдопсихологии я не хотел брать старый заголовок. Однако всякие там «Зрячеслышащие руки», «Чуткие пальцы» и прочее похожее казалось фальшивым, притянутым за уши, чересчур пропагандистским, как нынче говорят – пиарным. Вновь и вновь возвращаясь к гениальному выводу Мещерякова об отсутствии чего бы то ни было общего между зрительными, слуховыми, осязательными и прочими образами, кроме одного – их адекватности предмету, я наконец, при поддержке друзей, браковавших бесчисленные варианты, и пришёл к нынешнему заголовку: «Встреча вселенных, или Слепоглухие пришельцы в мире зрячеслышащих». Да и весь материал книги к этому общему заголовку подталкивал. Да, встреча. И взаимное изучение, взаимодействие, несмотря на абсолютно разный чувственный материал, составляющий образы мира и себя в мире.

Тифлосурдопсихология (от греч. τυφλος – слепой, лат. surdus – глухой, греч. psych – душа и logos – учение) – психология слепоглухих. Она исследует проблемы, которые возникают у слепоглухих людей в течение всего жизненного цикла, не только у детей, но и у взрослых.

А.И. Мещеряков, Э.В. Ильенков, А.Н. Леонтьев понимали тифлосурдопедагогику – теорию и практику обучения слепоглухих детей – как междисциплинарную науку, предмет которой – «экспериментально чистое» исследование закономерностей становления личности. Они настаивали, что эти закономерности обнаруживаются особенно отчётливо благодаря

экстремальной ситуации – слепоглухоте. В феврале 1975 года, открывая расширенное заседание учёного совета факультета психологии МГУ, посвящённое тифлосурдопедагогике, А.Н. Леонтьев подчёркивал:

«Особенность рассматриваемого нами эксперимента заключается в том, что он создаёт условия, в которых делаются зримыми – мне хочется сказать, даже осязаемыми и притом растянутыми во времени как бы с помощью замедленной киносъёмки – узловые события процесса формирования личности, становления (подумать только!) человеческого сознания, условия, которые открывают как бы окно в самые сокровенные глубины его природы. Вместе с тем эти редчайшие условия позволяют правильно понять и оценить то отношение, в котором находятся естественно-природные предпосылки и действительные условия бытия человека, то есть реальный образ (способ) его жизнедеятельности. Последнее обстоятельство придаёт эксперименту уже не только общепсихологическое, но и мировоззренческое, философское значение»¹.

Поэтому вся педагогическая работа со слепоглухими детьми, в СССР возглавляемая профессором И.А. Соколянским и его учеником, доктором психологических наук А.И. Мещеряковым, рассматривалась, прежде всего, как общепсихологический формирующий эксперимент, в котором все факторы психического развития находятся в буквальном смысле слова в руках педагога, что и обуславливает экспериментальную чистоту выявления закономерностей детского развития.

Но дети вырастали, пытались работать, жить в обычной социальной среде. Вставали новые психологические проблемы, прежде всего взаимоотношений, взаимопонимания слепоглухих и зрячеслышащих, на производстве, в быту, со случайными встречными на улице, в транспорте, в магазинах и т.п. В работе с детьми обострилась проблема взрослой перспективы: к какой именно жизни готовить, к какой работе, к общению с какими именно людьми, только ли такими же слепоглухими... Анализ этой проблематики обусловил необходимость выделения тифлосурдопсихологии в самостоятельную область психологического знания.

Предметом изучения тифлосурдопсихологии является личность слепоглухого в течение всей его жизни, от рождения до смерти. Она рассматривает также проблемы социо-личностной реабилитации слепоглухих как с детства, так и ослепших, и оглохших в зрелом и пожилом возрасте, проблемы общения слепоглухих между собой и с окружающими, прежде всего зрячеслышащими людьми, проблемы интеграции слепоглухих среди зрячеслышащих – в первую очередь взаимопонимания между ними и личностной полноценности слепоглухих, сравнимой на высшем уровне личностной реабилитации с полноценностью (в частности духовной и профессиональной) наиболее выдающихся зрячеслышащих.

Первоначально тифлосурдопсихология возникла и развивалась внутри тифлосурдопедагогике, поскольку последняя не только ставила перед собой чисто учебно-воспитательные задачи, но и занималась исследованием закономерностей становления – при формирующем участии педагога – личности слепоглухого ребёнка. Наиболее трудноразрешимые проблемы при слепоглухоте, врождённой или с раннего детства, связаны прежде всего с пропуском дошкольного детства.

У таких детей отсутствует или глубоко недоразвита ролевая игра, задерживается речевое, а следовательно, и общее, развитие. Не в последнюю очередь эта задержка происходит вследствие громоздкости используемых средств общения, особенно дактильной (пальцевой, алфавитной, не путать с жестовой) речи, исключаящей игровое овладение речью, описанное К.И. Чуковским. По его наблюдениям, речь у маленьких детей при сенсорной норме

¹ Цит. по: Гургенидзе Г.С., Ильенков Э.В. Выдающееся достижение советской науки // Вопросы философии. 1975. № 6. С. 63–73.

первоначально совмещается с подпрыгиванием, так что маленький зрячеслышащий ребёнок начинает говорить как бы стихами, а уже затем овладевает прозаической формой речи. Под пальцевый алфавит не очень-то попрыгаешь...

А.И. Мещеряков считал, что основная причина задержки развития личности при слепоглухоте – одиночество, приводящее и к немоте. Следовательно, главная психолого-педагогическая проблема – дефицит общения. Он лишь частично компенсируется совместной деятельностью с педагогом. Необходима более широкая среда общения, включающая зрячеслышащих детей и взрослых (не только педагогов и родителей, к тому же в условиях специального учреждения – Сергиево-Посадского детдома – ребёнок встречается с родителями недопустимо редко).

Отсюда возникла идея так называемой совместной педагогики (она же «личностная инклюзия») – целенаправленной организации общения слепоглухих ребят со зрячеслышащими и с другими детьми-инвалидами в лагерях Детского ордена милосердия, во время регулярных наездов зрячеслышащих в учреждение для слепоглухих. Такое общение должно ускорить прежде всего речевое развитие, а через него и общее.

Волонтёрское движение молодёжи на помощь воспитанникам Сергиево-Посадского (тогда Загорского) детдома возникло ещё на рубеже 1970–80-х годов (строительно-педагогическое объединение «Радуга»). Одновременно Загорск посещали и члены ростовского клуба «ЭТО» («Эстетика, творчество, общение»), созданного под руководством Т.В. Бабушкиной (Тиви, как ласково сокращали её имя ребята). С августа 1988 года начались регулярные выезды воспитанников в обычные пионерские лагеря, а позже – в лагеря общения Детского ордена милосердия. С осени 1989-го по 1992-й год по инициативе и под руководством И.В. Саломатиной осуществлялась программа дальних (в Ленинград, Киев, Одессу и т.д.) экскурсий вместе со зрячеслышащими подростками.

Совместная педагогика стала фактом, вошла в быт воспитанников детдома, а в рамках Детского ордена милосердия – в быт детей-инвалидов вообще во многих местах России и ближнего зарубежья. Возникли даже специальные школы для знакомства относительно здоровых подростков с особенностями общения с детьми-инвалидами, в ряде случаев называвшиеся, по моей одноимённой книге, ШВЧ – «Школами взаимной человечности». Этой работой заинтересовались кафедры социальной педагогики, кафедры специальной и клинической психологии педагогических университетов.

Конечная цель совместной педагогики как направления тифлосурдопсихологии – по возможности подготовить слепоглухих ребят к жизни в обычной социальной среде, а не в закрытых учреждениях и подчас не менее закрытых семьях.

Пионером тифлосурдопсихологии взрослых в России можно считать О.И. Скороходову. В своей книге «Как я воспринимаю, представляю и понимаю окружающий мир» (1972) она пытается ответить на вопрос, как в ситуации слепоглухоты личность ориентируется в окружающем мире, общается с людьми.

Следующий шаг сделал А.В. Апраушев, тогда директор Загорского учреждения, занявшись решением проблем трудоустройства выпускников детдома, а значит, и их адаптации в производственном коллективе. Часть выпускников разъехалась по домам, трудоустроившись по месту жительства и наладив общение, довольно широкое, как с сенсорными инвалидами (слепыми, глухими), так и со зрячеслышащими. Накапливающийся при этом опыт ещё ждёт своего исследования в рамках тифлосурдопсихологии.

Эстафету О.И. Скороходовой в области исследования самими слепоглухими личного опыта жизни среди зрячеслышащих приняли другие интеллектуально развитые слепоглухие. Их интроспективные работы время от времени появляются в периодической печати – как научной («Дефектология», «Психологический журнал», «Вопросы психологии», «Вопросы философии» и др.), так и специально освещающей проблемы сенсорных инвалидов (журналы

«Наша жизнь» Всероссийского общества слепых, «В едином строю» Всероссийского общества глухих; выходит и специально посвящённый слепоглухим «Ваш собеседник»). Некоторые российские слепоглухие приняли участие в международных форумах слепоглухих, где выступили с докладами интроспективного и теоретического характера. За рубежом идут те же процессы, что и в России. Там тоже говорят о психологии слепоглухих как особой области научных исследований.

Фундаментальные теоретические проблемы тифлосурдопедагогики и тифлосурдопсихологии в России разработаны главным образом в трудах А.В. Ярмоленко, И.А. Соколянского, А.И. Мещерякова и Э.В. Ильенкова; вслед за ними разработкой фундаментальной проблематики занимаюсь и я. В 2015 году выпущена великолепная монография Т.А. Басиловой «История обучения слепоглухих детей в России». Эта работа поистине восстанавливает связь времён, возвращая в научный оборот прежде всего бесценное творчество основателей российской школы тифлосурдопедагогики.

Как перед всеми людьми, перед слепоглухими в течение жизни встают общечеловеческие проблемы. Но в том-то и дело, что решать их приходится в ситуации слепоглухоты, и решать так, как она позволяет, т.е. порой весьма оригинальными способами. Кроме этих нестандартных способов решения общечеловеческих проблем слепоглухота не порождает никакой другой специфики. Но и её вполне достаточно, чтобы правомерна была особая тифлосурдопсихология – психология слепоглухих.

Без зрения и слуха особыми способами приходится ориентироваться в окружающем мире, познавать его. Это тифлосурдогносеология – теория и практика познания в ситуации слепоглухоты, соответственно, первый раздел предлагаемой книги.

Особыми способами приходится обучать слепоглухонемых с раннего детства или тем более от рождения детей. Это тифлосурдопедагогика – второй раздел.

Приходится изопрятаться, чтобы научить слепоглухих и зрячеслышащих подростков как-то взаимодействовать между собой. Это совместная педагогика (личностная инклюзия) – третий раздел книги.

Наконец, как-то по-особому приходится выживать взрослым слепоглухим в чужом для них, не приспособленном к ним мире зрячеслышащих. Это личностная реабилитация, тифлосурдореабилитология – четвёртый раздел.

Роль учреждённого в 2014 году благотворительного фонда поддержки слепоглухих «Соединение» в жизни россиян с разнообразными одновременными нарушениями зрения и слуха - и детей, и взрослых - поистине революционна. То, что делается Фондом, и не снилось до его появления. Это позволяет завершить книгу уверенно оптимистическим деловым заключением, которое так и озаглавлено – «Революция».

Книга дополнена пятью приложениями, два из которых сами представляют собой небольшие книжки.

Первое приложение – воспоминания об ученице Соколянского и ближайшей сотруднице Мещерякова Раисе Афанасьевне Мареевой.

Второе – художественный дневник смены общения Свердловского областного Детского ордена милосердия, которая прошла в июле – августе 1995 года в Полевском районе Свердловской области, в Детском оздоровительном лагере «Светлячок».

Третье приложение посвящено памяти председателя свердловского областного детского фонда Владимира Александровича Поспелова. Это как бы послесловие ко второму приложению.

Четвёртое приложение – руководство «Как причёсывать ёжика», адресованное активистам Детских орденов милосердия, ученикам Школ взаимной человечности.

Наконец, пятое приложение – ответы автора на вопросы слушателей его лекций и участников встреч с ним. Это «Как бы интервью» позволяет пополнить книгу штрихами, которые в

основном тексте к слову не пришлись.

Автор благодарен за помощь в работе над этой книгой многим-многим людям, особенно президенту фонда «Со-единение», предложившему неоценимую помощь в редактировании и структурировании книги. Автор, честно говоря, очень устал от этой книги, а Дмитрий Валериевич Поликанов так бережно организовал её материал, не потеряв при этом ни строчки, сколько-нибудь существенной, что автор заново полюбил свой труд и признал его ещё более своим, чем раньше. Да и вообще без поддержки фонда эта книга была бы невозможна.

Неоценимо вдохновляющее участие в обсуждении книги, в том числе её так трудно рождавшегося названия, академика Бориса Михайловича Бим-Бада, друга всей жизни автора, ещё с его студенческих лет. Постоянная поддержка Бим-Бада очень способствовала личностному и творческому росту автора.

Спасибо ректору Московского государственного психолого-педагогического университета, Виталию Владимировичу Рубцову, который автору фактически заказал эту книгу ещё на рубеже нулевых – десятых годов в виде учебного пособия или даже учебника по тифлосурдопсихологии. Доктор психологических наук Наталья Львовна Карпова предлагала издать том избранного, а Рубцов, как она рассказывала, попросил её передать автору, что лучше бы учебник. Но пока автор тянул резину, появился фонд «Со-единение», и аудитория книги необъятно расширилась, и вместо учебника получилось то, что получилось – автор сам не знает, как определить этот жанр. Местами монография, местами дневник, местами чуть ли не автобиографический роман... Ну, лишь бы интересно было читателю, а уж как учебное пособие книгу точно можно использовать.

Спасибо всем сотрудникам Психологического института РАО, МГППУ, фонда «Со-единение» – всем друзьям, так или иначе поддержавшим автора в работе над бесчисленными вариантами книги в течение как минимум восьми лет. Вообще же общая хронология создания текстов, вошедших в книгу и сплавленных в ней, – с 1984-го по 2017-й. Книга всей жизни...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ОСНОВНОЙ ВОПРОС

Начну с необычного. С моей фантазии про слепоглухое человечество.

Дорогие папы и мамы!

Если бы всё человечество было такое, то слепоглухота не считалась бы несчастьем. Она была бы нормой. Возможна ли цивилизация слепоглухих? Смогло ли бы человечество выжить без зрения и слуха, создать культуру и цивилизацию? И что это была бы за цивилизация и культура? Если вы, вместо того, чтобы оплакивать своих слепоглухих детишек заживо, всемерно поможете им в личностном росте, то тем самым и приблизитесь к ответу на вопрос, что за культура и цивилизация возможны на ощупь. Вы их создадите вместе со своими детьми. Правда, внутри зрячеслышающего человечества и с его помощью. Ну и тем лучше.

А то всё-таки я лично не могу себе представить слепоглухое человечество, например, в первобытные времена. С опорой на развитую технику – не штука: современные зрячеслышающие люди не видят большую часть излучаемого света, не слышат большую часть звуков, однако изобретённым человечеством приборам это всё доступно.

Ну и слепоглухое человечество это всё наизобретало бы... Если бы как-то выжило до появления какой бы то ни было техники... Ясно, что и огонь ему как-то пришлось бы приручать, и колесо изобретать, а земной шар и зрячеслышающее человечество почти что на ощупь изучило, ползая по нему в вёсельных и парусных калошах да в колымагах, запряжённых разнообразным зверьём. Как шутил Маяковский:

Можно

убедиться,

что земля поката -

Сядь

на собственные ягодицы

и катись!

Хотя бы посредством собственных ягодиц убедившись в покатоности Земли, слепоглухое человечество сообразило бы, что вокруг нашей планеты что-то есть – и вышло бы в космос.

Мы живём в трехмерном пространстве: длина, ширина, высота/глубина. Добавляем четвёртое – время. Фантасты гадают: а что, если бы измерений было больше или меньше? То есть и зрячеслышающее человечество в чём-то да ограничено и пытается представить себе, что было бы, если бы тех или иных ограничений не было, или, наоборот, их было бы больше. А не интереснее ли и, главное, не полезнее ли задуматься, каким образом ограничения снимаются?

Над этим задумалась культурно-историческая психология, созданная Л.С. Выготским и его последователями, разработавшими деятельностный подход. С опорой на него стал возможен феноменальный успех Загорского эксперимента – психолого-педагогического процесса в Загорском детском доме для слепоглухонемых. Бесспорной вершиной его признано высшее образование, полученное четырьмя выпускниками на факультете психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Но обучение «четвёрки» в МГУ – лишь наиболее яркое свидетельство успеха учебно-воспитательной работы не только и не столько с ней, а со всеми воспитанниками детдома.

В деятельности формируется психика, в том числе личность, и в деятельности формируется предметное тело человека (человечества) – его культура и цивилизация. В деятельности снимаются всяческие ограничения. Именно она – тот самый механизм, благодаря которому возможна компенсация слепоглухоты. Деятельность осуществляется, конечно, с наивозможно широким использованием всех сохранных и остаточных рецепций – зрительных, слуховых, тактильно-двигательных, вестибулярных, вибрационных и ещё, наверное, многих неведомых, шифрующихся под псевдонимом всевозможных «энергий»...

Но не сами по себе эти сохранные и остаточные рецепции компенсируют отсутствующие, а только в деятельности, никак иначе.

Очевидно, слепоглухие были всегда. Такими рождались. Такими становились – в раннем детстве и в более позднем возрасте, в том числе в глубокой старости. Их пытались лечить. А убедившись в неизлечимости, слепоглухоту пытались преодолеть психолого-педагогическими средствами. Не на пустом месте, не в порядке беспочвенного фантазирования Дени Дидро в своём знаменитом «Письме о слепых, предназначенном зрячим» пытался представить себе, как без зрения и слуха возможно сколько-нибудь нормальное человеческое существование и даже творчество.

И когда тифлосурдопедагогам удалось довести до высшего образования некоторых слепоглухих, – Елену Келлер и Ольгу Ивановну Скороходову, – тем в своих книгах пришлось отвечать, как возможно познание в условиях слепоглухоты. Основной вопрос философии – вопрос о происхождении и познаваемости окружающего мира. Аналогично тему познаваемости окружающего мира без зрения и слуха можно назвать основным вопросом психологии слепоглухих.

Мне в течение жизни довелось как минимум дважды пережить всплески острого интереса зрячеслышащих к слепоглухим. Первый раз – в молодости, когда я учился в Загорском детдоме и в составе той самой «четвёрки» на психфаке МГУ. Второй раз – в последние годы, благодаря бурной деятельности благотворительного фонда поддержки слепоглухих «Со-единение». Я обратил внимание, что прежде всего в таких ситуациях спрашивают именно о том, как формируются образы и понятия.

Зрячеслышащие в своём непонимании, как можно обходиться без зрения и слуха, доходят до неосознанного отрицания своей биологической единственности со слепоглухими, то есть того, что слепоглухие – такие же существа, как зрячеслышащие, в чисто биологическом смысле. К тому же биологическому виду относятся. Даже мать слепоглухонемого ребёнка, не понимая чего-то в его поведении, готова отнести это за счёт слепоглухоты – фактически за счёт того, что он какое-то иное, нежели она сама, существо.

Родила царица в ночь

Не то сына, не то дочь,

Ни мышонка, ни лягушку,

А неведому зверушку...

Впрочем, многие взрослые вообще так относятся к детям, как будто сами никогда не были детьми...

На самом деле между полным отсутствием зрения и слуха и стопроцентным их наличием – множество вариантов, так что фантазия о «слепоглухом человечестве», мягко говоря, высосана из пальца бредящего, извините, психа, полностью игнорирующего реальность. В жизни же существуют, во-первых, слепоглухорождённые, во-вторых, ослепшие и оглохшие в раннем детстве, в-третьих, позднооглохшие слепые, потерявшие слух после формирования стойкой устной речи, в-четвёртых, слабовидящие глухие, в-пятых, слабослышащие слепые, в-шестых, ослепшие и/или оглохшие в зрелом возрасте, в-седьмых, старческая слепоглухота, в-восьмых, слепоглухота, осложнённая дополнительными проблемами – опорно-двигательными, умственной отсталостью... И при каждом варианте – свои особенности познания мира. Фактически, сколько слепоглухих, столько и индивидуальных возможностей и особенностей познания. Какое уж тут «слепоглухое человечество». Бесчисленные варианты слепоглухоты возможны только внутри человечества зрячеслышащего.

Так что каждый из нас, слепоглухих исследователей слепоглухоты, отвечая на вопрос, как возможно существование без зрения и слуха, может опираться главным образом на индивидуальный опыт. И у меня в этой книге нет другого выхода. Я ослеп в три года (при постепенно снижающемся, но остающемся до сих пор светоощущении), оглох в девять лет –

при постепенно снижающемся остаточном слухе. Плюс прогрессирующие с возрастом опорно-двигательные проблемы – головокружение, на данный момент настолько нарушившее моё равновесие, что мне нужна инвалидная коляска. Читая мою книгу, всё это надо учитывать – и снижающееся с возрастом остаточное зрение, и снижающийся остаточный слух, и нарастающее головокружение... У других слепоглухих – свои сочетания. Но при любых неповторимо-индивидуальных особенностях – что же такое сознание? Откуда оно берётся?

1.1. ОБРАЗ ФОРМИРУЕТСЯ РАНЬШЕ ДЕЙСТВИЯ

Сознание – это осознание, прояснение для себя того, что и как мы на самом деле делаем. Сознание – соответствие наших знаний нашим действиям, согласование наших представлений об окружающем мире с нашей деятельностью в нём. Вне деятельности просто нечего осознавать, ибо знания – представления – формируются именно в деятельности. К. Маркс и Ф. Энгельс писали:

«Люди являются производителями своих представлений, идей и т.д., но речь идёт о действительных, действующих людях, обусловленных определённым развитием их производительных сил и соответствующим этому развитию общением, вплоть до его отдалённых форм. Сознание никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием, а бытие людей есть реальный процесс их жизни»².

И далее:

«Сознание, следовательно, уже с самого начала есть общественный продукт и остаётся им, пока вообще существуют люди. Сознание, конечно, вначале есть всего лишь осознание ближайшей чувственно воспринимаемой среды и осознание ограниченной связи с другими лицами и вещами, находящимися вне начинающего сознавать себя индивида; в то же время оно – осознание природы, которая первоначально противостоит людям как совершенно чуждая, всемогущая и неприступная сила, к которой люди относятся совершенно по-животному и власти которой они подчиняются, как скот; следовательно, это – чисто животное осознание природы (обожествление природы)»³.

Художественная иллюстрация обожествления – например, в «Собачьем сердце» М.А. Булгакова: пёс Шарик смотрит, как на бога, на профессора Преображенского, пока тот на свою голову не превратил Шарика в Шарикова.

Предметом обожествления позже – не в первобытном, а в классовом обществе – становятся и социальные силы, точно так же, как и первобытно-природные, противостоящие нам в качестве неприступных и чуждых. Формы такого обожествления всю жизнь разоблачал Э.В. Ильенков, в том числе сциентизм – обожествление науки – и модернизм в искусстве – обожествление, с одной стороны, штампа, а с другой – каприза, громко именуемого «свободой воображения»:

«Работа подлинно свободного воображения поэтому-то и состоит в постоянном индивидуальном, нигде и никем не описанном уклонении от уже найденной и узаконенной формы, причем в таком уклонении, которое хотя и индивидуально, но не произвольно. В таком уклонении, которое есть результат умения чутко схватить всеобщую необходимость, назревшую в организме общественной жизни... Такое «химическое» или «органическое» соединение индивидуальности воображения со всеобщей нормой, при котором новая, всеобщая норма рождается только как индивидуальное отклонение, а индивидуальная игра воображения прямо и непосредственно рождает всеобщий продукт, сразу находящий отклик у каждого, и есть суть и секрет свободы воображения и сопровождающего его чувства красоты»⁴.

Эта диалектика всеобщей необходимости и индивидуального, единичного осуществления, воплощения всеобщей необходимости в образе в полную силу «работает» и в детском

² Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений (новая публикация первой главы «Немецкой идеологии»). М.: Политиздат. 1966. С. 29.

³ Там же. С. 39–40.

⁴ Ильенков Э.В. Об идолах и идеалах. М.: Политиздат. 1968. С. 250–251.

развитии. Как предельно точно заметил Ф.Т. Михайлов, суть, содержание детского развития – вовсе не в механически-потребительском, пассивном «усвоении» или там «присвоении», а всегда в индивидуальном творческом освоении, овладении, и в процессе этого овладения – воссоздании общечеловеческой культуры⁵. Каждый из нас, таким образом, соавтор человечества постольку, поскольку вообще состоялся как человек.

Человеческое сознание может возникнуть только во взаимодействии с другим человеческим сознанием. На то оно и «со-знание» – «со-» и в смысле совместно создаваемого и просто общего, всем известного знания, и в смысле сопредельности готового знания взрослого возникающему знанию ребёнка.

В русском языке слово «сознание» самим своим составом выдаёт природу, сущность обозначаемого явления, а именно – предметно-деятельностную природу. Детско-взрослое знание добывается в совместной деятельности взрослого и ребёнка. Возникающее детское знание определяет границы по мере того, как совместная деятельность ребёнка и взрослого постепенно разделяется, превращается в самостоятельную детскую деятельность.

Чтобы сознание могло возникнуть, нужен предмет – предмет осознания, предмет овладения. Предмет этот – культура; в каждый данный момент – некая часть культуры, которой надо овладеть здесь и сейчас. Хрестоматийный пример, который анализировали и П.Я. Гальперин, и А.И. Мещеряков, и Э.В. Ильенков, – ложка: культурный предмет определённого назначения, и пользоваться им надо научиться. Никуда не денешься, «мордой» («лапами») в другой культурный предмет – тарелку – тебя не пустят... Только ложкой. Или вилкой. Или – в Китае, в Японии – палочками. Но не «мордой» и не «лапами».

Это я вспомнил предельно эмоциональное описание Э.В. Ильенковым детского протеста против ложки: «Отпихивает, он не хочет, он лезет «мордой» в тарелку». То есть – пытается лезть, а между его «мордой» и тарелкой снова и снова вставляют ложку. И вкладывают её в «лапы», тем самым превращая их в руки. Потрясающе неудобный предмет, – изумляется А.И. Мещеряков. До чего же, оказывается, это сложно – зачерпнуть ложкой пищу и донести до рта, не вывалив на себя!

На примере овладения ложкой А.И. Мещеряков и другие авторы показывали, во-первых, как формируются навыки самообслуживания. Во-вторых, на этом примере подчёркивалось, что педагогу необходимо строжайше дозировать свою руководящую («рукой водящую», – поясняет Э.В. Ильенков) активность, дабы не подавить на корню собственно детскую. Но ведь при овладении ложкой, как и любым другим культурным предметом, формируется не только соответствующий навык, не только соответствующее действие, а и целая система образов, без которой пользоваться ложкой по её назначению было бы просто невозможно. Пока не сформирована соответствующая система образов, невыполнимо никакое сознательное, произвольное, целенаправленное, «целе-со-образное» действие. Так что в совместно-разделённой деятельности скрыта и тайна формирования сознания вообще и воображения в частности.

В книге Э.В. Ильенкова «Об идолах и идеалах» глава о воображении называется «Что на свете всего труднее?» - и на этот вопрос тут же даётся ответ эпитафией из Гёте: «Видеть своими глазами то, что лежит перед ними». Так Ильенков сразу указывает на фундаментальную функцию воображения, которую в тексте характеризует следующими словами:

«Форма психической деятельности, обеспечивающей «превращение», воплощение «во образ» чисто физического факта, и есть во-ображение. Деятельность воображения как раз и соотносит зрительные впечатления с реальными формами вещей, с теми самыми реальными формами, с которыми человек имеет дело прежде всего в реальной предметной

⁵ Михайлов Ф.Т. Общественное сознание и самосознание индивида: Автореф. дис. д. филос. н. М., 1987.

жизнедеятельности, там, где он сам выступает не как «созерцающее» существо, а как реальное материальное тело среди других столь же реальных тел... И только соотнося зрительные впечатления с формами движения нашего собственного тела (в частности руки) по реальным контурам внешних вещей, мы научаемся и в зрительных впечатлениях видеть реальные контуры, а не результат воздействия вещей на сетчатку наших глаз»⁶.

Фундаментальная функция воображения, стало быть, – не перетасовка образов с целью получить некое «небывалое сочетание», а созидание их впервые. На эту функцию указывает даже этимология русского слова «во-ображение»: воплощение «во образ» некоего исходного материала. Иными словами – ориентировка в том или ином исходном материале: пока не воплотишь его «во образ» – не сориентируешься, не отследишь его форму, контур.

При теоретическом анализе совместно-разделённой предметной деятельности этот процесс воплощения собственных действий «во образ» проблемной ситуации, в которой приходится действовать, выступает особенно отчётливо.

«Оживление» – слово, точное до жути, которым А.И. Мещеряков выражает суть первоначального обучения слепоглухонемых детей. До специального обучения слепоглухонемого ребёнка просто нет как человеческого существа. Его человеческую активность, первоначально в сфере бытовой культуры, приходится именно оживлять – и не только в том смысле, что она когда-то была, однако подавлена тотальным насильственным обслуживанием, но и в смысле изначального формирования. А.И. Мещеряков пишет:

«Ребёнок овладевает предметным действием поэтапно. В начале обучения слепоглухонемого навыку самообслуживания все действия взрослый совершает самостоятельно. На этом этапе, по сути дела, еще нет совместного действия – его совершает один взрослый. На следующем этапе появляется первая активность ребёнка, который выполняет отдельные доступные для него операции, действие становится совместным и разделённым между взрослым и ребёнком. Правда, пока действие разделено на две неравные части. Часть, которую делает ребёнок, очень мала, активность его минимальна, но главное заключается в том, что она есть и её можно увеличивать. Взрослый, сдерживая свою активность и поощряя самостоятельность ребёнка, строит совместное действие таким образом, что в его осуществлении доля активности ребёнка все более и более увеличивается. Для ребёнка возрастание его активности – обязательное условие достижения цели действия»⁷.

Речь идёт о деятельности взрослого, ориентированной на «оживление» детской активности, первоначально хотя бы самой минимальной, – а не на её умерщвление, подавление тотальным насильственным обслуживанием. Подчёркиваю снова и снова, что таким способом можно умертвить активность и у взрослых слепоглухих, с весьма сомнительной перспективой последующего «оживления».

Чтобы успешно «оживить» активность ребёнка, формирование образа как самого действия, так и предметного поля, в котором оно совершается, должно опережать формирование самого действия. При изначальном отсутствии детской активности сориентироваться можно только одним способом – пробуя действовать, пробуя продолжить начатое взрослым. В ходе этих проб и начинает формироваться образ. Чтобы научиться пользоваться ложкой, нужно сформировать:

- образ самой ложки;
- образ предметного поля – стула, на котором сидит ребёнок, стула, на котором сидит

⁶ Ильенков Э.В. Указ. соч. С. 216.

⁷ Мещеряков А.И. Слепоглухонемые дети. Развитие психики в процессе формирования поведения. М.: Педагогика, 1974. С. 120–121.

- педагог, стола, за которым оба сидят, тарелки с пищей на этом столе;
- образ эталонного, правильного, адекватного, ведущего к успеху способа действия, обращения с ложкой.

И пока вся эта, как видим, очень даже сложная система образов не сформирована, – пока, иными словами, ребёнок полностью не сориентировался в способе и предметном поле действия, – само действие невыполнимо.

Так возникает зародыш человеческой психики. Образ, обеспечивающий выполнение действий, одновременно есть и понятие, которое Э.В. Ильенков определяет как «понимание сути дела», «понимание того, что и как ты на самом деле делаешь». Учась действовать, ребёнок учится и представлять себе это действие во всём достаточном для его выполнения предметном контексте, и понимать потребностный смысл и адекватный этому смыслу способ выполнения действия. Он осознаёт себя как субъекта действия. Так – в зачаточной форме, но уже – зарождается сознание. А внутри него, как его форма – восприятие.

1.2. ИНОВСЕЛЕНСКИЕ СУЩЕСТВА

Я был подростком, одним из испытуемых Александра Ивановича Мещерякова, когда он экспериментально исследовал восприятие нами брайлевских текстов и дактильной речи. Он пришёл к парадоксальному выводу, что пальцы зрячих на самом деле чувствительнее пальцев слепых. А кажется наоборот, потому что зрячие не умеют осязать. На самом же деле наши натруженные брайлевскими точками пальцы грубее.

Просто чувствительность и восприятие – это две большие разницы. Чувствительность – ощущение, способность ощущать, чувствовать. А восприятие – это создание и актуализация, воспроизведение образов из материала ощущений. Ощущения обозначаются термином «сенсорика», а восприятия – «перцепция».

Восприятие носит вероятностный характер, то есть основано на том, появление каких объектов восприятия вероятнее. Мещеряков различает объективную и субъективную вероятность опознания объекта восприятия. Объективно вероятность предъявления букв алфавита одинаковая, а субъективно что-то можно ждать больше или меньше. Объективно материала для создания образа может быть совершенно недостаточно, однако благодаря субъективной вероятности – точному ожиданию, прогнозированию объекта – можно обойтись минимумом сигнальных признаков, чтобы адекватно, безошибочно опознать объект. Александр Иванович со своими сотрудниками показал это экспериментально на примере восприятия дактильной речи слепоглухими воспитанниками Загорского детдома.

Он отмечал, что в дактильном «разговоре» при восприятии предъявляемых дактилем слепоглухонемые почти не производят ощупывательных движений пальцами. Во время разговора ладонь воспринимающей руки с отставленным большим пальцем и слегка согнутыми остальными пальцами нависает над «говорящей» рукой. Воспринимающая рука делает ощупывательные движения лишь при предъявлении первых дактилем пальцевого слова. При восприятии последующих дактильных букв «слушающая» рука лишь слегка касается говорящей руки. Движения сохраняются, они лишь становятся малозаметными, так как вся активная деятельность восприятия осуществляется внутренней (ладонной) поверхностью руки, скрытой от глаз наблюдателя.

Было решено проверить, каков характер этих «скрытых» прикосновений и велика ли площадь касания ладонной поверхности воспринимающей руки. Начались опыты с использованием, как её назвали, «методики чёрной руки». Предъявляемая для восприятия слепоглухонемому ученику рука покрывалась черной краской такого состава, что она легко стиралась, и каждое прикосновение к ней оставляло светлые следы. Они сразу же фотографировались, потом руку «красили» заново и предъявляли к следующему восприятию. В качестве объектов предъявлялись дактильные буквы.

Обращала на себя внимание незначительность площади прикосновения воспринимающей руки к «говорящей». Совершенно очевидно, что получаемой при таком прикосновении информации было недостаточно не только для того, чтобы сформировать образ пальцевой конфигурации, но и для опознания знакомой дактилемы. Однако буквы в дактильном разговоре с легкостью узнавались по малейшим прикосновениям.

«Возрастание субъективной вероятности появления объекта восприятия, – пишет А.И. Мещеряков, – сопровождается сужением сферы опознавательных признаков, являющихся сигналами образа предмета, т.е. увеличением сигнальности восприятия и уменьшением времени опознавания. При расхождении субъективной вероятности с объективной вероятностью появления объекта восприятия происходит расширение зоны опознавательных признаков, т.е. сигнальность восприятия уменьшается, время опознавания увеличивается, а сам процесс по своему характеру приближается к ориентировочно-исследовательской деятельности, которая служит основой для формирования нового

образа предмета»⁸.

Сузишь тут... Помню чувство брезгливого обалдения, когда в техническом кабинете Загорского детдома, где производились эти опыты, Александр Иванович вдруг заговорил со мной какой-то неожиданно «грязной» рукой. Захотелось просто отдернуть свою воспринимающую руку: что ещё за шутки? Разумеется, я старался как можно меньше касаться «испачканной» руки экспериментатора, и сигнальность моего восприятия, естественно, максимально возросла.

На меня часто сетуют за то, что я сжимаю дактилирующую руку, перебивая собеседника на полуслове. Есть грех. На самом деле я просто уже понял, что мне хотят сказать, и предлагаю продолжать с того места, где кончается моя догадка. Хочу помочь собеседнику, особенно когда он только привыкает писать зрячие буквы у меня по ладони. Говорю ему вслух, что он собирается писать. Если я догадался правильно, – а чаще всего именно так, – можно пропустить то, о чём я догадался, и продолжать с этого места. Но мало кто, особенно на первых порах, пользуется моей услужливой догадливостью. Человек продолжает чертить у меня по ладони именно то, что я только что озвучил. Поглощённый процессом письма по ладони, такого мучительно медленного поначалу дактилирования, собеседник не слышит моих попыток помочь, ускорить наше общение. И принимает нас, потрясающе догадливых слепоглухих, чуть ли не за телепатов...

Разницу между ориентировочно-исследовательской деятельностью и сигнальным восприятием могут очень наглядно продемонстрировать... водяные землеройки. Когда они находясь в знакомой обстановке, они строго следуют своим привычкам. Особым, поистине поразительным постоянством отличается их манера следовать однажды избранным путём.

«В незнакомой местности куторы никогда не передвигаются быстро, разве что под влиянием крайнего испуга – в этом случае они мчатся вслепую, натываются на различные предметы и обычно находят себе ловушку в каком-нибудь глухом тупике. Когда животное не испугано, оно передвигается в новом месте медленно, шаг за шагом, непрерывно ощупывая вибриссами пространство справа и слева от себя... После того как все это повторится несколько раз, кутора, без сомнения, начинает узнавать местность. Землеройка с предельной точностью воспроизводит все те движения, которые проделывала на этом пути ранее. Попадая на знакомый участок трассы, пройденной уже не один раз, зверёк стартует медленно, он тщательно определяет своё местонахождение при помощи вибрисс. Внезапно он наткнулся на знакомый ориентир и помчался вперёд, тщательнейшим образом повторяя все прыжки и повороты, которые совершал накануне... Часто случается так, что посреди тщательно отработанного пути остаётся ещё одно особенно трудное место, и здесь зверёк постоянно теряет свои ориентиры и вынужден прибегнуть к помощи обоняния и осязания. Он энергично обнюхивает и ощупывает все вокруг, пока не находит начало следующего хорошо известного этапа. Таким образом, он соединяет пройденный и оставшийся участки пути. Когда дорога проложена окончательно, кутора отныне столь же прочно привязана к ней, как локомотив – к рельсовому пути. Зверёк не может отклониться в сторону даже на несколько сантиметров. Если ему случится отойти хотя бы на дюйм от дороги, он тотчас же начинает старательно разыскивать знакомые приметы. Можно искусственно спровоцировать землеройку на эти поиски, если внести незначительные изменения в её привычный маршрут. Любое существенное преобразование на пути, по которому животное постоянно следует, приводит его в полное замешательство»⁹.

Прочитав это место в книге Лоренца впервые, я сразу узнал в водяных землеройках себя. Это

⁸ Мещеряков А.И. О вероятностном характере сигнального восприятия у слепоглухонемых // Дефектология. 1969. № 2. С. 18–29.

я, осуществляя ориентировочно-исследовательскую деятельность, залезаю во все тупики, отмахиваясь от суетящихся вокруг зрячих, пытающихся провести меня по прямой в полную неизвестность. Лишь обследовав один за другим все тупики, набивая при этом шишки, я постепенно спрямляю свой маршрут, хорошо зная, куда мне не надо. Так я изучил окрестности дома, в котором живу, и так же изучаю во время поездок помещения, в которых нахожусь временное пристанище.

А.И. Мещеряков убеждён, что сигнальное восприятие возможно лишь на основе ориентировочно-исследовательской деятельности, в процессе которой только и может формироваться образ. Сначала исследуется весь шкаф, а затем мы этот шкаф узнаём, прислонившись спиной к его углу либо прикоснувшись рукой к его дверце. Мещеряков называет это независимостью образа от сигнала, полученного от опознаваемого знакомого предмета.

Действительно, когда учат дактилологии слепоглухих, они сначала ощупывают обеими руками предъявленную дактилему, а затем с трудом воспроизводят её. И лишь очень постепенно, используя пальцевый алфавит в повседневном общении, слепоглухой сначала начинает воспринимать дактилемы одной рукой, давя на них всем «стопудовым урожаем», а затем ограничивается всё более лёгкими прикосновениями. Он не формирует новый образ, а узнаёт уже знакомый по всё меньшему числу признаков-сигналов.

В апреле 1981 года меня попросили помочь исправить восприятие дактильной речи двумя загорскими подростками. Они буквально висели на дактилирующих руках педагогов, те изнемогали под «стопудовым урожаем», не выдерживали и начинали самым базарным образом торговаться с ребятами, умоляя их давить хоть чуть поменьше. Но стоило педагогам чуть ускорить свою речь, как немилосердный прессинг возрастал.

Ну, я человек закалённый, студентом привык к дактильному переводу устных речей на огромной скорости. Я сразу понял ошибку педагогов, пошедших у мальчишек на поводу: они позволяли мальчишкам тормозить скорость своей дактильной речи: чуть быстрее - и тормозящий нажим возрастал... Мальчишки вообще предпочитали жестовое общение.

Я начал говорить с ними беспощадно быстро – как хотите, так и приспособляйтесь! Они стали по привычке давить на мои руки, – иногда я к ним обращался к обоим сразу, – я не снижал темп. Они поглаживали меня по рукам – жест, означающий просьбу говорить помедленней. Я – ноль внимания, фунт презрения. «Ну, держись, мы тоже так можем!» – и они в свою очередь пытались мне дактилировать на максимально доступной им скорости. Отведай, мол, каково нам! Я понимал их как ни в чём не бывало. Недели через две или три я таки добился своего – прессинг постепенно исчез...

Я любил передразнивать маму, поместив левую руку у неё на шее: большой палец под подбородком, остальные под затылком, ладонь под правым ухом. Мама кивает головой – я тоже киваю. Мама поворачивает голову справа налево и обратно – я тоже. Мама качает головой – и я.

Наконец мама с испуганной надеждой спрашивает, неужели я вижу её голову? А где моя левая рука, и не замечает – привыкла, что она всегда там. Обнаружив её у себя на шее, сердито сбрасывала: горькое разочарование...

Вот пример сигнального восприятия: мне не надо было каждый раз заново ощупывать всю мамину голову, чтобы копировать её движения. Достаточно было неподвижно держать левую руку на маминой шее.

Дилетанты любят подсчитывать неизвестно с какого потолка взятые «проценты

информации», которые мы получаем от той или иной – зрительной, слуховой, тактильно-двигательной – модальности рецепции. Столько-то от зрительного анализатора, столько-то от слухового, столько-то от тактильно-двигательного. Чувств это всё. Никто никогда – во всяком случае, среди серьёзных учёных, а не подбитых ветром фантазёров из СМИ – на самом деле этих «процентов» не считал.

Пресловутые «проценты» даёт то, какая рецепция играет ведущую роль. У меня – тактильно-двигательная, и я получаю в её материале ровно те же самые «проценты информации», которые зрячий получает от зрительной рецепции. Ибо дело в познаваемом нами предметном мире, а не в той или иной рецепции – зрительной, слуховой и т.д., – из материала которой формируются образы предметов.

Как отмечал Мещеряков, человек, ощупав с закрытыми глазами несложный предмет, может его нарисовать; восприняв предмет зрительно, он также может воспроизвести его на бумаге. В том и другом случае образ предмета относительно независим от характера рецепции. Подобная независимость имеет место и у слепоглухонемых детей: ощупав предмет правой или левой рукой, или губами и языком (обладающими наиболее тонкой тактильной чувствительностью), или ногой, слепоглухонемой ребенок бывает в состоянии с одинаковым успехом воспроизвести этот предмет в лепке. Следовательно, и в этом случае мы также имеем дело с независимостью образа от характера познавательной рецепции.

«У взрослого зрячего человека ведущей считается зрительная рецепция, – пишет А.И. Мещеряков. – Получая тактильно-двигательную афферентацию, мозг человека трансформирует её в модальность зрительной рецепции. Поэтому и при воспроизведении предмета, воспринятого осязью, у зрячего человека возникает зрительный образ. Конечно, это положение не абсолютно. Мир предметов велик, так же обширен и мир образов, и в зависимости от разных условий и нужд практической деятельности одни образы хранятся как следы одной рецепции, другие – как следы другой. Речь идёт не об отдельных случаях, а об общей тенденции взаимоотношения различных анализаторов при формировании образов предметов внешнего мира»¹⁰.

Что касается «отдельных случаев», то у меня, например, первоначальная форма письменной, вообще алфавитной речи – система Брайля, которой я овладел в семилетнем возрасте. В одиннадцать лет овладел дактилологией, в восемнадцать – зрячими печатными буквами во всю правую ладонь (левую не тренировал). И в какой бы форме я ни получил информацию, – в дактильной, графической (письмо по ладони) или какой-либо другой, – любая небрайлевская форма у меня мгновенно преобразуется в брайлевскую. Так что даже внутри ведущей тактильно-двигательной рецепции преобладающая, ведущая форма хранения и оперирования информацией лично у меня – брайлевская. Как бы свободно я ни воспринимал другие алфавиты, думаю только по Брайлю и только по Брайлю помню всё, что мне сказали с использованием других алфавитов. Не рискую обобщать, что первоначальный код всегда первичен по отношению к любым другим, позже освоенным кодам, но у меня получилось именно так: брайлевский код – первоначальный и первичный по отношению к кодовым системам, которыми я овладел позже.

Независимость образа от характера рецепции относительна. Потеря ведущей рецепции в раннем возрасте может приводить к угасанию образов, в таких случаях новые раздражители не актуализируют ранее сформированных образов, не становятся их сигналами. Природа образа прямо зависит от характера ведущей рецепции. При потере ведущей рецепции в корне меняется характер ориентировочно-исследовательской деятельности, продуктом которой является образ.

Короче говоря, слепоглухому и зрячеслышающему предметный мир представляется

совершенно по-разному. Наши образы из разного материала сделаны. И взаимопонимание между нами возможно лишь потому, что, из какого бы рецептивного материала ни были сделаны наши образы, они адекватны отражаемому ими одному и тому же предметному миру. Иначе мы были бы дальше друг от друга, чем если бы из разных галактик... Не инопланетные, не иногалактические, а иновселенские существа...

Однажды в горном палаточном лагере зрячеслышащий подросток спросил у меня:

– Верите ли Вы в пришельцев?

– А чего в них верить? – лениво потянулся я спросонья. – Я один из них.

– Чо? – обалдел подросток, на четвереньках пятясь от меня из палатки.

Так и не поверил, что я шутил... Но вот считаешь Александра Ивановича – и задумаешься: какая же на самом деле доля шутки была в той шутке?

Меня всегда удивлял, смешил и немного раздражал, например, дежурный вопрос, видят ли слепоглухие сны. В конце концов дошло, что людей интересует, именно видим ли. Не осязательно, а зрительно. На одной из встреч мне пытались объяснить: вот если мы, зрячие, закроем глаза, появляется как бы чёрный экран, на котором все образы... А у вас, слепоглухих, вроде и так этот экран постоянно... Или как? А как насчёт «цветных снов»?

Про «цветные сны» – это каверза, провокация, потому что есть предубеждение: если видишь «цветные сны» – значит, талантливый, а если нет – значит, простейшее, вроде амёбы. Кто же себя с амёбой уравнивает? Впрочем, я бы уравнивал – чтобы подразнить вопрошателей. Я могу себе это позволить, ибо моя талантливость вне всяких сомнений, независимо от пёстрой расцветки или однотонности моих снов... Моя любимая поговорка: «От скромности не умру». Вообще же понятно, конечно, о чём спрашивают... Наяву ничего не видишь, а во сне? Спишь – не шевелишься, чурбан чурбаном, ничего не ощупываешь, как же можешь видеть сон? А если тем не менее, то что видишь?

Пытаюсь ответить всерьёз:

– Обычно своих снов не помню, проснувшись, но сюжетно они запутаны...

– А цвет?

Опять тест на амёбообразность. Хитрю. Знаю, где собака зарыта. Только уж очень не хочется откапывать.

Нет у меня никакого экрана. А что есть? При хорошем самочувствии – прохлада в черепной коробке. Светлая прохлада – у меня остаточное светоощущение, отличаю, когда светло, когда темно. А если бы не отличал? Ну, просто прохлада, как вот сейчас в моей комнате, в которой включён на охлаждение кондиционер... И в этой прохладе – как бы объёмные модели того, что я себе представляю... Под кумполом, ближе ко лбу... Сейчас – набираемый мною на органайзере брайлевский текст. Не на каком бы то ни было фоне, а в виде комбинаций точек, висящих между кумполом и лбом. Черепная коробка – вроде кабины космического корабля, когда там невесомость.

Точно – нет фона. А что есть? Наверное, индивидуально. У меня вот некое вместилище, внутри него при хорошем самочувствии режим такой прохладной невесомости, в которой подвешены объёмные образы – модели, макеты... Невесомость не полная, модели не переворачиваются, может, и не висят, а скорее плавают, в центре вместилища... Описываю приблизительно. Точнее не получается.

Меня спрашивают о том, что на философском и психологическом языке называется чувственной тканью сновидений. Или, в физиологических терминах А.И. Мещерякова, о той рецепции, что поставляет материал для образов во сне. Наяву – тактильно-двигательный анализатор, а во сне? Снюсь ли я себе зрячим и слышащим? Или всё таким же слепоглухим, как и наяву?

С возрастом – всё больше слепоглухим... Но всё же не всегда... А каким – когда не слепоглухим? Каким-нибудь книжным... Ведь персонажи книг не слепоглухие... Начитаешься

фантастики или ещё чего – мало ли кем себе приснишься... И не дактильно же с Чапаевым или Марксом разговаривать...

Остаточный слух и светоощущение во сне присутствуют. А цвет – нет. Откуда? Цвета я никогда не различал. Этот вид рецепции мне неизвестен. Разве что из книг и общения со зрячеслышащими. Но никакого чувственного опыта за этим у меня не стоит. Только культурный опыт. Красный? Красная армия. Красное знамя. Красный – синоним красивого (красная девица, красное солнышко). Вот это – культурный опыт. А красный цвет – не знаю. Рецепция, отсутствующая наяву, не может появиться и во сне. Чудес не бывает. Во всяком случае, таких.

– А как Вы отличаете сон от яви? День от ночи?

Ох уж эти мне зрячеслышащие созерцатели. Видят – и воображают, будто отличают день от ночи по степени освещённости. День – когда светло, ночь – когда темно... А как быть с полярным днём и полярной ночью?

Между прочим, я не абсолютно слеп. Слабенькое, но светоощущение до сих пор, на седьмом десятке. Светло или темно – вижу. Горит свеча или нет – вижу в темноте. При ярком дневном или электрическом свете свечу не вижу.

И у меня есть часы. Механические наручные, с откидывающейся крышечкой и точечным циферблатом. Цифр нет, есть точки. 12, 3, 6 и 9 – по две точки; 1, 2, 4, 5, 7, 8, 10 и 11 – по одной точке. Нажал кнопку, откинулась крышечка; потрогал стрелки, на какие точки по краю циферблата они указывают, – и узнал время. Есть и системное время – в компьютере, в органайзере, в айфоне. Нажал кнопку в органайзере – на брайлевском дисплее время: сейчас – 06:38. Всю ночь работаю над книгой.

Сон от яви отличается вовсе не тем, светло или темно. Тонусом. Бодростью. Активностью. Днём я активен вынужденно, когда надо ехать на какие-то мероприятия. А так вялый, сонный. Ну и сплю. А чаще всего после двух часов ночи, иногда раньше или позже – самое бодрое время. Лучшее для литературной работы. Перед мероприятиями приходится принимать стимулирующие таблетки. Для умственной работоспособности. Дома без них обхожусь – и работаю в охотку ночью и рано утром. Не насилую себя, загоняя в искусственный режим. Для умственной работы важно выспаться. А ночью или днём – неважно, это всё условности. Дома я могу себе позволить работать тогда, когда работается лучше всего. А если начну воевать с организмом – ничего не буду успевать. За пять – шесть часов ночью и рано утром сделаешь больше, чем за десять – двенадцать днём, преодолевая сонливость. При моём постоянном головокружении надо ловить часы наибольшей бодрости, а не бездарно пропускать их на том основании, что в это время «люди спят». Другие спят – им на работу; когда мне на мероприятие, тоже сплю. Но вообще-то я – надомник, и, к счастью, имею роскошную возможность работать, когда работается. Соответственно состоянию здоровья.

Ещё спрашивают, как мы ощущаем движение, если не видим перемещения предметов вокруг себя.

Вибрация корпуса транспортного средства. Автомобиля, теплохода, вагона, самолёта. Всем телом чувствую неровности дороги, когда меня везут в инвалидной коляске. Чувствую повороты коляски, автомашины. Правда, иногда меня в коляске везут так плавно, что я не замечаю поворотов. Но обычно в машине поворот – один из важнейших ориентиров. Вот такси повернуло направо и почти сразу налево (завалилось на левый бок, потом на правый); это оно заехало в «карман» перед переездом через Ярославское шоссе – значит, скоро мой дом. Вот машина затряслась на неровностях – почти приехали...

Большое удовольствие доставляет встречный ветер при быстрой езде. Сейчас вагоны дальних поездов скучные, герметичные. А в молодости любил верхнюю полку с подветренной стороны, при открытом окне, особенно ночью: лежишь на животе и пялишься в темноту,

пытаюсь увидеть проплывающие мимо огни. Всегда любил до предела опускать боковое стекло в легковом автомобиле. В молодости любимыми аттракционами были американские горы, петля Нестерова и автодром. Горы – все тридцать три удовольствия: грохочущая вибрация, стремительные спуски/подъёмы/виражи, швыряет то вправо, то влево... Ну и встречный ветер, конечно... Ух! Петля Нестерова – несколько раз повисеть на ремнях безопасности, вцепившись в подлокотники, вверх тормашками. Автодром – использовал светоощущение, чтобы врезаться в скопления автомобильчиков. Толкотня со всех сторон, а в конце концов уткнёшься в угол в ограждение – и пытаешься выбраться оттуда, чтобы опять разбойничать... Тар-р-ран!

Я всегда любил прогулки по воде, но если не было возможности почувствовать встречный ветер, испытывал глубочайшее, острое детское разочарование. В студенческие годы по Москва-реке иногда удавалось прокатиться на «Ракете» с открытой кормой. Я, правда, ради встречного ветра предпочитал стоять на верхней ступеньке трапа, держась за перила – к негодованием водников, безуспешно пытавшихся меня оттуда согнать вниз. Удирал кататься на речном трамвае один, сидел там на кормовой открытой палубе под навесом, чтобы не палило солнце, и читал прихваченную книжку, готовясь к экзаменам.

Любил кататься на лодке и сам грёб или следил за журчащей вдоль бортов водой, опустив за борт в воду руку.

Огромным, но очень редким удовольствием всегда была моторная лодка. На всю жизнь запомнил поездку на моторной лодке по Ангаре в 1962 году. В 1981 году меня прокатали на спасательном катере по Иссык-Кулю. Шестиместный такой весьма комфортабельный открытый водяной автомобильчик. Мне сказали, что он красный. Я был в таком восторге от той поездки, оказавшейся единственной в моей жизни, что в тот же вечер разродился стихотворением «Мечта» – подтекстовкой под невесть где и как подхваченную мною вальсовую мелодию:

МЕЧТА

Тут не меряна глубина.

Нитка берега чуть видна.

Красный катер трясётся, прыгает, -

Как бульжник, тверда волна.

Славный щедростью Иссык-Куль

Все сокровища развернул:

Солнце, брызги всецветной радугой,

Ветра встречного ровный гул.

Вновь мечтаю: если бы весь

Так же искрился мир, как здесь!..

Смыть бы чистой волной прозрачною

Всё, что мутного в людях есть!

(12 августа 1981; 5 мая 1990)

1.3. НЕВЕРБАЛЬНАЯ ОРИЕНТИРОВКА

Общение – это ориентировка в себе по отношению к другим, в других по отношению к себе. Например, «я тебя люблю». В этом можно сориентировать вербально – сообщить о своих чувствах словами. Или – что, по сути, то же самое, – жестами. А можно нежно погладить по головке, по щёчке, по руке... То есть дать понять о своём чувстве невербально, бессловесно.

Зрячелышащих особенно интригует, как происходит невербальное общение при слепоглухоте. Узнавание, ориентировка в эмоциях, в самочувствии. В том, есть ли кто рядом... Почувствовать вибрацию пола от чьих-то шагов – и определить, кто именно подходит. Узнать кого-то по определённым духам.

Об узнавании по духам пишет О.И. Скороходова в своей книге «Как я воспринимаю, представляю и понимаю окружающий мир». А в монографии «История обучения слепоглухих детей в России» Т.А. Басилова выдаёт тайну этого узнавания, о которой, возможно, Ольга Ивановна и не подозревала. Дело в том, что учитель Скороходовой, профессор И.А. Соколянский, чтобы не пугать слепоглухонемых воспитанников неожиданным для них возникновением, рекомендовал всем сотрудникам своей школы-клиники выбрать определённый сорт духов и душиться только этим сортом. Ученики, чуждый знакомый запах, всегда исходящий только от одного человека, разумеется, «узнавали» этого человека по аромату специально для «узнавания» выбранных духов. У самого Ивана Афанасьевича тоже был такой специфический опознавательный аромат.

Ещё Иван Афанасьевич, приближаясь к воспитаннику, нарочно сильно топал по хорошо передающему вибрацию деревянному полу. Это тоже был сигнал-предупреждение. Очевидно, не случайно в Загорском детдоме полы тоже были паркетными – вибрации ради. В спортивном зале по утрам, проводя зарядку с воспитанниками детдома, учительница физкультуры оглушительно (даже для меня, например) стучала деревянной палкой по паркетному полу, и мы, делая упражнения, благодаря этому стуку не сбивались с ритма.

Для меня никто не озаботился, чтобы я отличал, с запахом чьих именно духов смешивается, извините, запах пота, подчас куда более ощутимый. Не силён я в парфюмерии, что поделаешь... Оказывается, потому не силён, что не были созданы специальные условия, в которых важно было бы в парфюмерии разбираться. Зато стихийно возникло другое условие, исключаящее пользование какой бы то ни было парфюмерией, – бронхиальная астма покойной сестры. Меня приучили к тому, что лучше, по возможности, вообще ничем не пахнуть – быть просто чистым.

Этим объясняется мой запоздалый – в тридцать пять лет – энтузиазм, с каким я начал отстаивать своё право носить шорты. Как-то летом 1988 года, гуляя со своим другом-коммунаром, Александром Зерновым, я нащупал на нём шорты. Очень удивился: до сих пор думал, что шорты носят самое позднее лет до шестнадцати. А тётке на тот момент было двадцать восемь.

– А что, лучше, чтобы от тебя несло, как от лошади? – вывел меня из шока тётка.

О!!! Вот это был довод! Я изнемогал от жары, обливался потом, так что от меня именно несло, как от лошади. Я немедленно стал упрашивать маму купить или сшить мне шорты. С отчаяния с другим коммунаром даже сам купил в спортивном магазине то, что он назвал шортами – просто-напросто очень, мягко говоря, нескромные красные трусы. Из которых, как я заметил уже после всех приключений, «разбежались овцы». Мама смеялась и возмущалась:

– Петух в красных штанах!

В том-то и дело, что без штанов... А я ещё заявился в тех трусах на ближайший сеанс неконтактного массажа к Джуне Давиташвили. Она удивлённо сказала, что тогда уж можно являться и вовсе в костюме Адама. Тут-то я и заметил разбежавшихся «овец»... Провалиться

сквозь землю не удалось, а штаны-то дома...

В конце концов мама обрезала и подшила старые, давно продранные на коленках во время моих многочисленных падений вельветовые брюки. Они и стали моими первыми шортами, и я поехал в них в ленинградский пионерский лагерь «Салют».

Но мы вообще-то об узнавании. Можно, конечно, узнавать и в естественной обстановке, без выработки условного рефлекса на условную связь между тем или иным запахом и тем или иным человеком. От кого-то постоянно несёт перегаром, от кого-то – табаком (иногда приятно, как от Ф.Т. Михайлова – удивительно душистым трубочным табаком), от кого-то – странной смесью одеколona с э... тухлыми яйцами, что ли (бывают такие «ароматные» мужчины, после которых не сразу и в ванну полезешь – надо подождать, пока проветрится). Чьё-то дыхание, по остроумному выражению Поля Брэгга, «может убить вола».

Узнавание по вибрации от шагов... Пол разный бывает. Дощатый, паркетный передаёт вибрацию хорошо. Бетонный, покрытый линолеумом – плохо. А у меня ещё и плохая чувствительность ног. Я плохо чувствую поверхности, по которым хожу, не говоря уж о вибрациях. И вообще, кто чем слушает... На первомайской демонстрации, где мы стояли рядом с оркестром, спрашиваю мальчика, воспитанника Загорского детдома, почему он без слухового аппарата. Тот отвечает – наповал: «Я слушаю животом!» Там у него вибрация от близкой музыки...

У меня есть маленькая поэма «Шаги». Это я лежал после купания в Иссык-Куле на досках пирса и всем телом ощущал вибрацию шагов. В стихах это передано через изменение ритма. Быстрый чёткий шаг явно молодого человека, побежка малышей, грузный марш пожилого увесистого ветерана войны и труда (как шутит Виктор Суворов, стопятидесятикилограммовый генерал, стовосьмидесятикилограммовый маршал)...

Очень интригует зрячеслышащих узнавание «по руке». При этом часто ведут себя крайне бестактно. Суют под ладонь слепоглохого свою руку и назойливо, бесцеремонно требуют узнавания. Рука при этом обычно совершенно неподвижна. И от меня требуют узнать по неподвижной руке точно так же, как зрячеслышащие узнают по лицу.

Не знаю, что значит узнавать «по лицу». Читал и много раз слышал, что для зрячеслышащих лицо наиболее информативно. Какие-то черты лица... Что это такое? Глаза светятся... Это как?

И мне бывает очень неловко, неудобно, когда берут мою руку и вдруг начинают едва ли не тереться лицом об неё: ощупай, мол, какое у меня лицо, представь меня себе. А что там? Нос, губы, щёки, глаза, лоб – всё на месте... Какие такие особые приметы искать? И зачем? Что, при каждой следующей встрече полезу ощупывать лицо? Даже если мне это разрешат – не думаю, что это уж такое удовольствие. Да и мне самому чужие лица мять... что-то мешает... какой-то внутренний тормоз... Этический, пожалуй.

Насколько знаю, по телефону голоса не всегда узнаваемы. И считается, скажем мягко, не очень хорошим тоном настырно допытываться, кому принадлежит голос. Или требовать, чтобы тебя по голосу узнали. А что, более тактично требовать от слепоглохого, чтобы узнал по руке? Не тактичнее ли сразу назвать себя?

В общем, всё это очень ситуативно. Я лично никого не могу узнать со стопроцентной гарантией. Особенно когда много народу. Случалось, обходя круг человек в тридцать, не узнавал в нём и родную маму. Сплошь да рядом одних принимаю за других. Ну, если два-три человека... В трёх соснах чаще всего удаётся не путаться, и то не без греха. Хорошо, если габариты «сосен» очень уж различаются. Или фактура кожи – у кого поглубже, у кого более гладкая, у кого твёрже, как дощечка, у кого помягче. Руки бывают натружены по-разному: не на сто процентов, но можно сообразить, кто натрудил себе руки стиркой и другой подобной работой, кто – огородом, а кто – металлообработкой... У кого-то спортивные мозоли... Степень влажности: у кого-то руки суше, у кого-то сильно потеют. Температура: у кого-то

руки обычно тёплые, у кого-то – холодные. Да вот ещё признак – маникюр... Кто-то стесняется «царапаться», когда пишет у меня по ладони, а кто-то – ничуть, и таких царапучих бывает легче понять. В небольшой компании по-разному натруженные, разных размеров, разной температуры и влажности, разной «царапучести» руки различить не сложно. А чем больше народу, тем сложнее сориентироваться.

В целом, смысл невербальной ориентировки при слепоглухоте – хоть как-то компенсировать сенсорный дефицит, то есть нехватку ощущений. И не надо навязывать нам зрительные стереотипы, самоотверженно предоставляя, например, свою физиономию для ощупывания. К тому же зрячеслышащие не знают, что это такое – «щупать». Берут, например, мою ориентировочную трость, и начинают с такой силой тереть ею об асфальт, бить по поребрикам, что мне становится страшно, не сломали бы. На самом деле достаточно лёгкого постукивания, лёгкого касания поверхности перед собой... С пальцами точно так же. Чтобы что-то почувствовать, не надо изо всех сил мять, давить при ощупывании. Так делают только те, кто щупать не умеет. А умеющему достаточно лёгких прикосновений.

Но ещё и ещё раз: на мою кожу, когда пишете по ладони, прошу нажимать! Пальцем, длинным ногтем, непишущим концом авторучки либо карандаша. Иногда к моей коже почти не прикасаются, пишут почти в воздухе, и попробуй тут хоть что-то понять...

Точно так же, ради разборчивости дактильной речи, пальцы должны пружинить. Каждой буквой надо как бы «выстреливать». Все комбинации пальцев должны быть чистыми, законченными, а не лишь намечающими нужное. Если пальцы в букве должны быть прямыми – их и надо выпрямлять, а не оставлять полусогнутыми, как часто бывает. Вся руку надо напрягать, держать кистью вверх, а не вниз, как дохлую змею. Пускай «змея» стоит на хвосте. То есть локоть внизу, кисть – вверху. Ни в коем случае не наоборот. Иначе мне придётся выворачивать мою «слушающую» руку, что страшно утомляет. Не поэтому ли появились и никак не проходят хронические боли в плече?

Дети очень хотят, чтобы я их не путал, тактичны, однако изобретательны. Тактичность проявляется в том, что никогда не играют в «узнавалки» – наоборот, всячески изощряются, чтобы по какому-то отличительному признаку помочь себя узнать. Девочки чаще всего предлагают узнавать их по кольцам, браслетам. Увы, разве что этой сбруи уж очень много... Как больше ни у кого.

Одна девочка, подходя, всегда тянула мою руку как можно ниже – никто больше так не делал, и мне ясно, с кем имею честь. Мальчика в начале смены потрепал по голове – и он тут же сделал это своим отличительным признаком: при каждой встрече треплет по голове меня. Весело и безошибочно – если никто не додумается до такого же. Один юный танцор, беря мою руку, начинал как бы танцевать с нею, будто с дамой... Покачивает мою кисть в воздухе, заставляет её слегка подпрыгивать... Я в такое влюбился. Другой, когда мы ночевали в одной комнате, не мог уснуть из-за моего храпа – и будил меня, хватая за нос. Потом это стало его отличительным признаком: при встрече хватать за нос – всё ясно, кто это. Но так можно только ему, никому больше. От других – не понравится, да и путаница начнётся. А ещё при встрече одна девочка начинает шутливо дёргать меня, иногда немножко и чересчур... Хорошенького понемножку. Как и таскания за нос.

Со стороны ребят это воспринимается нормально – игра. Но поведи себя так же взрослый – может нарваться на весьма отрицательную реакцию. Иногда на неё нарываються и подростки – если спутаю с кем-то из взрослых.

А в общем все выкручиваются, кто во что горазд, лишь бы узванными быть.

Зрячеслышащие опять же лопаются от любопытства, как это возможно при слепоглухоте – определить настроение и самочувствие.

Всё очень индивидуально. И, наверное, зависит от опыта общения, а он, кроме всего прочего, зависит и от сохранности органов чувств. У кого-то прекрасное равновесие и

виброчувствительность, а у меня – нет... Кто-то свободно подлаживается под идущего рядом, принаравливает свой шаг, очень чуток к малейшему движению попутчика, ещё и меня ведёт, лучше зрячего. Я – увы... С моей косолапостью, неуверенностью, спотыкливостью – лучше подлаживаться ко мне. И у ребят это получается так, как если бы сами они по-другому и не ходили.

От этой взаимной «состыковки» очень зависит настроение. Иначе – пререкания, бурчание... Мальчик очень чуток к малейшему моему напряжению, просит расслабиться – да просто требует – и, чтобы расслабить, трясёт мою руку с такой энергией, что выходят из строя наручные часы. Не раздражаюсь – у меня к ребятам изначально очень положительное отношение, им можно многое.

Вялая рука: что ни скажешь, о чём ни спросишь – нет реакции. В чём дело? Внезапно испортилось настроение? Почему? В общественном транспорте подобное может означать застенчивость. Зеваки пялятся, и подросток чувствует себя неудобно. Может попривыкнуть, приспособиться, начать всё воспринимать не без вредного, насмешливого по отношению к зевакам юмора. А может сбежать от меня.

Нет ничего такого в движениях, что не имело бы смысла. Держу пламенную речь, меня вроде бы слушают – и вдруг начинают поглаживать по руке. Мысли путаются, не могу продолжать говорить. Нежданная ласка отвлекает, сбивает с толку.

Какую другую, а вибрацию столешницы, когда по ней вдруг начинают барабанить во время моей лекции, мгновенно почувствую. И попрошу прекратить – под этот аккомпанемент лекция невозможна. Однако неподвижная вялая рука собеседника (переводчика) тоже не вдохновляет. Я жду активности, но не рассеянной, а подтверждающей, что говорю – не в пустоту.

Сжатие моей руки в знак согласия с моими мыслями, покачивание из стороны в сторону – в знак несогласия, сомнения, а вот рука безвольно повисла – уж не огорчил ли чем, не обидел ли...

Рука бывает задумчивая, грустная, усталая, спокойная, нетерпеливая, робкая. Бывает хмурая и ясная. Вот она потихоньку высвобождается из-под моей руки – дай отдохнуть, подремать, подумать, не приставай. А вот резко вырывается из моей руки – чем-то обидел, рассердил. Рука умеет кричать на меня – очень резкие, злые движения. Но вот гроза прошла, и рука доверчиво ложится ладонью в мою ладонь – прости, бес попутал, не бери плохого в голову, всё хорошо... Но и не допытывайся, почему ещё пять минут назад я вёл себя так грубо. Перестал грубить – и ладно, мир, мир.

Не примешь это предложение мира без лишних расспросов о причинах войны – ссора продолжится. «А что, умрёшь, если не будешь знать, почему я так себя вёл? Это допрос? А где мой адвокат?» Отбираю руку, едва прикасаюсь к руке недавнего грубияна. Он снова настойчиво вкладывает свою ладошку в мою: «Мир! Мир!! Мир!!! И ни о чём не спрашивай! Ну пожалуйста!» Я тоже умею быть недотрогой. Ну хорошо, мир...

Кожа не гладкая, но и не такая уж грубая, тёплая, сухая, сжимает мою руку осторожно, однако уверенно. Спокойные руки, добрые, и надёжные, можно почувствовать себя защищённым.

Кожа потливая, чуть что, почему-то – образ тростинки, былинки. Такие руки часто бывают холодными. Нервозность, неуверенность в себе, может быть, и с сердцем что-нибудь... Во время сильного волнения бывает и со мной – руки прямо коченеют... А под мышками – обильный пот.

Не говорю уже о треморе. Ты чего так трясёшься? Что тебя напугало? Сопровождающий в электричке затрясся, явно что-то увидев или услышав. Я не в курсе, но по реакции сопровождающего понимаю – что-то не так.

У рук своя интонация. Именно интонация – от слова «тон», а также «тонус». Без кавычек.

Кто-то пишет по ладони (или дактилирует под ладонь) уверенно, энергично, с крейсерской скоростью – быстро, но как раз так, чтобы успеть понять. Кто-то очень медленно выводит на ладони каждую букву, боится быстрее – вдруг я его не пойму. Подбадриваю. Кто-то еле-еле касается моей кожи – пишет почти в воздухе, понять невозможно. Стесняется давить на кожу, вдруг причинит неприятные ощущения... Подбадриваю. Вот начал давить, вдавливать пишущий палец мне в кожу, или дактильно – напружинил пальцы, каждая буква словно выстреливает. Молодец. Подбадриваю.

Обычно, кончив дактилировать, свою руку оставляют в моей, или убирают не сразу. Это нормально, я спокоен. Но вот, едва кончив говорить, сразу убирают руку, словно не хотят лишнего мига соприкоснуться с моей рукой. В чём дело? Брезгливость? Почему? Откуда? За что? – Ни за что. Чем обидел? – Ничем. Но – свежо предание, а верится с трудом. Что-нибудь да не так!

Когда пишу «рука», имею в виду обычно кисть руки. Не выше запястья. Остальное для меня – не рука. «Предручье».

Руки – источник «ладонных излучений». Обращать внимание на это я начал под влиянием экстрасенсов. Джуна Давиташвили предложила полечить меня своим «неконтактным массажем». Не вылечила, однако мне было интересно прислушиваться к своим ощущениям во время сеансов. Мой друг Ирина Поволоцкая, слепоглухая, давала характеристики личности, подставляя свои ладони под ладони другого или, наоборот, держа свои ладони над его ладонями. Мне тоже предложила так попробовать.

К своему удивлению, я обнаружил, что ладони очень разные не только по фактуре кожи, температуре и степени влажности. Оказывается, одни участки ладони теплее, другие холоднее. Есть центры наибольшего тепла, а есть – реже – и центры холода. И локализация разная: у запястья (и даже на запястье), у основания большого пальца, в центре ладони, вдоль пальцев, на кончиках пальцев...

Поначалу я так их и называл – «тепловые центры». Потом решил на более точное название – «ладонные излучения». То, что ощущалось «центрами» наибольшего тепла или холода, можно назвать источником излучения. Эти лучи иногда словно пронизывают мои ладони, а иногда нет. Иногда чувствуется некое струение, иногда нет. Лучи ощущаются светлыми, тёмными... Чем холоднее, тем светлее; чем теплее, тем темнее. Энергичный громоздкий дядя с горячими руками представляется тёмным, а ни большой, ни маленький обладатель сухих, обычно прохладных ладошек светится... Ну, не так однозначно и прямо связано светлое с холодным и тёмное с тёплым, но в общем и целом такая тенденция...

По характеру излучения – интенсивность, тёмность (или светлость), локализация – ощущается определённая личность.

Тёмные лучи у запястья, у основания большого пальца – тёмные точки (кружочки) в этих местах, чётко очерченные... Такой человек ощущается замкнутым, недоверчивым, как бы прячущимся в норке.

Ладонные чашечки, полные переливающегося через край тепла, однако чётко очерченные – энергичный организатор, готовый решать чужие проблемы, не склонный делиться своими.

Тёмные лучи от основания большого пальца к кончику указательного, бывает и шириной в два пальца – захватывает средний палец. Это – самоутверждение, целеустремлённость, упорство, не без агрессивности... Мою ладонь пронизывает холод, как будто там дыра – равнодушные...

Чем ближе источник лучей к кончикам пальцев, тем личность ощущается более открытой, доверчивой. У меня самого излучения сдвинуты к внутренним краям ладоней, вытянуты вдоль внутренних краёв к основаниям мизинцев. Чувствую это, складывая ладони вместе; так свои излучения может почувствовать каждый; кстати, если обе руки здоровые, излучения обычно симметричны, совпадают, совмещаются при соединении ладоней, а если одна рука

поражена параличом, симметрии нет. Свои собственные лучи воспринимаю как пограничные – границы между двумя мирами, внутренним и внешним, в которых живу.

Это всё чисто интуитивно. Не знаю, почему разные излучения воспринимаются так, а не иначе. Не знаю, почему они говорят мне о таком, а не другом складе личности. Так чувствуется – и всё тут. Да и сами лучи ощутить непросто, надо натренироваться. Вернее, надо знать, какого рода ощущения искать. Иначе ничего не почувствуешь. А вернее, не сможешь разобраться в своих ощущениях. Они реальны, не придуманы, но очень слабы, надо целенаправленно вчувствоваться.

Когда у мамы случился инсульт, я в больнице спрашивал у врача о локализации кровоизлияния. Положил ладони на мамину макушку, ощутил заметно повышенное тепло в правом полушарии, очертил это место пальцем – тут? Врач сказал, что с моими руками аппаратуры не нужно.

Впрочем, мне вполне хватает того, что получаю в ходе самого обычного общения. К ладоням надо «подключаться» специально, это привлекает излишнее любопытство собеседника. И главное, без подключения к ладонным лучам я вполне могу обойтись. Ну, разве что проверить с их помощью общее впечатление от человека. Постоянно всех подряд просить подержать ладони над моими ладонями – как-то уж слишком...

К тому же появляется масса желающих узнать, хорошие они или плохие, подержав свои ладони над моими. Это быстро утомляет. Скоро чувствуешь себя опустошенным. Поэтому я стал предпочитать не очень-то афишировать подобный экзотический способ ориентировки в людях. Достаточно и того, что даёт неизбежное соприкосновение, когда мне пишут по ладони или дактилируют. Подключиться к ладоням – это, наверное, примерно то же, что и посмотреть в упор, глаза в глаза. Напрягает, смущает... Тревожное любопытство, а то и внутреннее сопротивление: да ну тебя, колдун, всё выдумываешь, ничему не поверю! Такая изначальная установка на недоверие мне больше нравится, чем готовность проглотить любой «диагноз». Люблю самостоятельных, не нуждающихся в оракулах. Ведь поди объясни, что мои ощущения мимолётны, сейчас одни, через минуту могут быть другими...

И не надо рассматривать их как тест на хорошость. Как приговор какой-то. Одна глухая девочка ворвалась однажды в мою комнату в лагере: «Я хорошая или плохая?» – и суёт мне свои ладошки, не принимая моих немедленных заверений, что конечно же хорошая.

Я ничего не диагностирую. Просто пытаюсь дополнительно сориентироваться. И правы те ребята, которые назвали это «игрой в ладошки». Для меня это, конечно, не совсем игра – попытка дополнительно вчувствоваться в человека, – но для него пусть лучше будет игрой.

Мне очень не понравилось, когда одна женщина стала упорно пристраивать ладонь своей правой руки в ладони моей левой. Она хотела таким образом установить со мной «энергетический контакт». А неплохо бы задуматься, хочу ли я его устанавливать. Да, иногда я на это иду. Но только с очень близкими. И только с их согласия. Иначе лучше пусть моя ладонь будет на тыльной стороне кисти... Сам я «энергетического контакта» предпочитаю никому не навязывать.

В заключение хочу сказать еще об одном способе восприятия эмоций – позах. Меня они всегда интересовали. Они особенно интересны у детей и подростков. Но и «подсмотреть» сложно – всё время меняют.

Вы пробовали держать себя за язык? Взять и подержать, сколько сможете подольше. Я пробовал – ещё школьником, и удивился, что язык ни мгновения не бывает неподвижным, всё время меняет форму, объём, сжимается, расширяется, дрожит, пытаюсь высвободиться... Вот так и детские позы.

Невозможность наблюдать детские позы – один из поводов для особо острого сожаления, что не вижу... Ведь не будешь ощупывать каждый раз всю фигуру. Это почти то же самое, что и мять лицо. Хотя мгновенно коснуться щёк себе позволяю – в поисках улыбки.

Мешки под мамиными глазами принимал за улыбку, и только после её смерти мне объяснили, что это мешки. И показали их под моими глазами. А я думал: раздвинуто в стороны от носа – значит, улыбка.

Держа большой палец у мамы под подбородком, а остальные пальцы – под затылком, я мог контролировать движения маминой головы. Кивает – «да». Качает – «нет». Жмёт плечами – не знает, что сказать. Я позволял себе трогать и мамины губы. Если она не совсем меня понимала, не знала, что ответить, – губы приоткрывались и немного вытягивались. Я смеялся: «Клювик-ворчлювик». Нет, она не была ворчливой, я так называл её почти постоянное бормотание в пространство, как бормочет радио...

1.4. ЖИЗНЬ В МУЗЫКЕ – ВОПРЕКИ СЛЕПОГЛУХОТЕ

Восприятие мира для меня невозможно без музыки. Скажут – слепоглухой, и при чём тут музыкальность?

Остаточный слух – это не просто больший или меньший дефицит громкости. Это ещё, что важнее, большее или меньшее смещение, искажение звуковысотного диапазона. Такие искажения измеряются специальной аппаратурой и с использованием специально разработанных методик. В этом и заключается проверка слуха, и результат проверки называется аудиограммой. То есть получается график, на котором видно, каково (в децибеллах) снижение слуха при той или иной высоте звука (в герцах).

У меня, например, наибольшая потеря громкости, измеряемой в децибеллах, в речевом звуковысотном диапазоне (от тысячи до трёх тысяч герц). В более низком диапазоне до меня доходят более тихие звуки, чем в речевом, а в более высоком – ещё более тихие, чем в низком. То есть лучше всего, даже без слухового аппарата, я слышу звуки выше трёх тысяч герц. С басами и барабанами (большими) уже некоторые проблемы. Шум улицы с оживлённым движением транспорта без слухового аппарата не слышу совсем, хотя нормально слышащих он может оглушать, и часто из-за этого бывают пререкания: меня не слышат, а я уверен, что кругом тихо.

Замечена и ещё одна интересная, не зависящая от моей воли и сознания особенность: чем выше уровень шума, тем тише почему-то я говорю, и чем тише вокруг, тем я говорю громче. Я могу объяснить это только так: я постоянно бессознательно прислушиваюсь, и, если вокруг есть шум, пусть мною и не осознаваемый, но как-то до меня доходящий, я невольно говорю тише; если же шума нет, я бессознательно прислушиваюсь к собственному голосу, может быть, к вибрации собственных голосовых связок, и начинаю орать, так что меня просят говорить потише, а я выполнить эту просьбу просто не в состоянии. Словом, потеря слуха и степень искажения звуковысотного диапазона у меня очень велики.

Глухого может выручить приставка для цветомузыки: переливы огней – это, конечно, не музыка, но что-то вроде. Эти переливы могут передать ритмы, длительности... Передаёт ли такая приставка высоту звука? Насколько читал – может в какой-то мере передать и это: разной высоте звука соответствует свой цветовой оттенок. У Ивана Ефремова в романе «Час Быка» много рассуждений о цветовом спектре музыки. Ну, мне, при моём светоощущении (почти полной слепоте), всё это недоступно. Хотя просто мелькание огоньков, если выключен всякий другой свет, заметить вблизи могу.

Ольгу Скороходову спрашивали, как она воспринимает музыку. Она писала и на встречах с разными аудиториями обычно рассказывала, что кладёт руку на крышку рояля, на корпус гитары... Воспринимает вибрацию, и ей это нравится. Увы, мне неизвестно, чтобы она подробно анализировала свои вибрационные ощущения от музыки.

По личному опыту знаю, что тут можно в какой-то степени различать звук и по высоте, причём точно так же, как это происходит на слух: чем ниже звук, тем грубее и ощутимее вибрация; чем выше, тем тоньше, слитнее. Вибрация может быть и низко-, и высокочастотной, и тихой (слабой), и громкой (сильной).

Глухие и слепоглухие ребята очень любят класть руки на корпуса музыкальных инструментов, на особо сильно вибрирующие поверхности акустических систем радиоаппаратов. Мне случалось вместе с ребятами в Загорске слушать мою любимую духовую музыку, ряд произведений я знал наизусть настолько хорошо, что мог подпевать, и однажды директор детдома Альвин Валентинович Апрашев буквально обалдел, зайдя в класс, где мы этим занимались: звучал хорошо мне знакомый марш, я пел, уверенно передавая по крайней мере динамику звучания, если не высоту звуков, а вокруг меня столпилось несколько ребят, державших руки кто где смог примоститься: на макушке, на

горле, на спине, на груди... Все эти части тела хорошо передают вибрацию голоса, особенно низкого, мужского.

Однажды в лагере воспитательница, как сама потом энергично выразилась, «перематерилась». Я взял с собой на костёр диктофончик и кассету с вальсами Йоганна Штрауса, включил на полную громкость, благо и батарейки мне только что привезли из города, держал у своего левого уха, а меня облепило с десятков слепоглухих ребятишек, все тянулись к источникам вибрации – то ли к самому диктофону (хоть пальчиком, благо вибрировал весь корпус), то ли, когда я мог подпевать, к моему горлу, к макушке и прочим моим естественным вибраторам. Облепили: кто на коленях, кто на плечах, кто на шее у меня почти верхом, кто чуть ли не на голове... Во была картинка! А у воспитательницы, как на грех, села батарейка для вспышки фотоаппарата, и моя диктофонная туда не лезет, слишком велика. И дело вечером, естественного света не хватает. Было от чего «перематериться» воспитательнице: не удалось такое сфотографировать! Мы надеялись, что ещё представится случай, но увы... Как не вспомнить Твардовского:

...И оператор с киновышки

Хватился поздно – кадр пропал.

И, зная, для сходного конфуза,

На верхотуре выбрав пост,

Отваги полный, член союза

Художников сидел, как дрозд.

Я слышал более-менее нормально до девятилетнего возраста, к тому времени уже успел стать настоящим меломаном. Мама моя прекрасно пела, а вкус имела такой, что репертуар у неё был самой высокой пробы: русские народные песни или ставшие народными. Впервые услышав на торжественном собрании у мамы на работе духовой оркестр (в возрасте примерно четырёх лет), я полюбил этот оркестр на всю жизнь, и всякая другая музыка мне нравилась в зависимости от большего или меньшего сходства с духовым оркестром. Поэтому я так и не смог подружиться со струнной и фортепианной музыкой. Орган мне трудно слушать чисто технически: там звуки переливаются друг в друга без пауз, и это затрудняет восприятие.

В провинции вообще, по моим личным наблюдениям, музыкальная культура значительно выше, чем в столицах. А родился и до одиннадцати лет жил я в Кыргызстане, в Бишкеке (тогда – Фрунзе). В то время как в «культурных центрах» уже всюду свирепствовали ансамбли, заменявшие ритм грохотом, а мелодию – душераздирающими воплями, у нас ещё господствовала лёгкая классика, на танцплощадках преобладали вальсы, польки... И есть что послушать, и есть подо что потанцевать. Но молодёжь стала эти танцы под духовой оркестр игнорировать, подавай им «эстраду», и устроили настоящий бойкот, так что оркестр играл по вечерам в парке, в сущности, сам для себя. Помню, как я плакал в детстве от обиды за музыкантов, что их вот так выживают со сцены: танцплощадка пуста, все стоят за оградой, демонстрируя презрение к этой «старомодной» музыке и нежелание под неё веселиться.

А в лагере как-то на концерте угораздило звукооператора включить фонограмму чего-то «тяжёлого». Я был так близко от акустических систем, что и без слухового аппарата мог оценить этот шум и потом откровенно высказался: «Впечатление такое, словно задница решила стать оперной певицей».

Окружающие ребята и вожатые кто где стоял, тот там и сел от такой характеристики, но больше при мне такого безобразия не включали. Стеснялись. А за точность характеристики, несмотря на её малоаппетитность, ручаюсь: звук был именно такой же низкий, только до безобразия откровенно, бесстыже громкий. Уж с этим-то звуком каждый знаком независимо от состояния своего слуха, поскольку при определённых проблемах с желудком волей-неволей производит его сам.

Став меломаном в детстве, я позже очень скучал без музыки, от тоски по музыке стал и поэтом, – хоть какая-то компенсация, в поэзии тоже ведь ритм и мелодия. Тоска по музыке ещё в студенческие годы довела меня до мечты о самоубийстве. Путного слухового аппарата у меня тогда не было. Обнаружив, что воздушный детский шарик хорошо вибрирует, я как-то надул его в парке перед концертом духового оркестра, а он возьми да оглушительно лопни посреди вальса.

Позже появились хорошие слуховые аппараты, и стереонаушники, и проигрыватели с достаточно мощным предусилителем для наушников, с возможностями коррекции звуковысотного диапазона (приглушать или усиливать низкие, высокие, а если есть соответствующий регулятор, то и средние частоты). Такую же коррекцию (настройку по аудиограмме) можно делать и у слухового аппарата.

Всё это в какой-то степени компенсирует потерю слуха, корректирует остаточный слух приблизительно так, как очки – остаточное зрение. Мощности предусилителей мне всё же катастрофически не хватало, и я либо пользовался слуховым аппаратом, либо клал акустическую систему к себе на плечо, возле левого, лучше слышащего уха. Последний способ из-за вибрации корпуса колонки мне нравился больше, чего никак нельзя сказать о соседях по дому: очень громко. Одно время у меня был мощный усилитель высшего класса с огромными акустическими системами, между которыми я садился в специально для этого сделанную нишу книжного шкафа. Тут уж слушал всем телом, удовольствие было огромным, а соседи тоже стояли в это время на ушах, но в другом смысле. Впрочем, я старался так слушать днём, в рабочее время.

Мой друг Владимир Викторович Богуславский, инженер, спаял специально для меня переходник, который можно подключать вместо акустических систем, а уже к нему – стереонаушники. Это решило проблему громкости, хотя наушники, может, и перегружались, но за много лет ещё ни разу не сгорели. Я, впрочем, чтобы сберечь их, по подсказке того же доброго человека, прижимал их специальным зажимом поплотнее к ушам, что позволяло включать музыку всё же не очень громко. Да и наушники у меня были мощные, для профессионалов – настройщиков радиоаппаратуры: я не пожалел на них денег.

Позже мне подсказали вместо наушников и акустических систем музыкального центра использовать активные компьютерные колонки, имеющие самостоятельное сетевое питание и регулировку громкости. Я подключал их к магнитолам на вход для наушников. Колонки прижимал к ушам, закрепляя сшитыми в кольцо широкими резинками, а затем специально купленным ремешком. Чем плотнее колонки прижаты к ушам, тем меньше достаточная для меня громкость прослушивания и меньше террор окружающих... А регулировка громкости двойная: в магнитоле и самих колонках.

В 2007 году с помощью своего названного сына Олега я купил первые в моей жизни колонки с сабвуфером. Дома лёг, положил сабвуфер на грудь, пристроил колонки на ушах, включил музыку – и заплакал от счастья: благодаря сабвуферу я в кои-то веки чувствовал ритм без напряжения.

А 1 июня 2015 года с помощью своего друга А.В. Золотовой купил очень хорошие колонки с сабвуфером. Муж Александры Владимировны Дмитрий, профессиональный компьютерщик, научил меня пользоваться MP3-проигрывателем моего брайлевского органайзера «Пронто», который до этого я около пяти лет использовал только для чтения и ввода текстов. Оказалось, что в органайзере через колонки можно достаточно громко и чисто воспроизводить произведения не друг за другом, целыми альбомами, а отдельно. В именах аудиофайлов можно писать названия произведений. И если они написаны, я теперь знал, что именно слушаю, и мог найти нужное произведение, не листая диск. Я смог наконец-то вслушиваться в каждую мелодию по отдельности. При непрерывном воспроизведении целых дисков это было сложно.

По подсказке Дмитрия купил я и маленькую моноколонку, диаметром чуть больше ушной раковины, через которую можно слушать музыку в поездках, на улице...

Олег и некоторые другие друзья «накачали» мне много классической музыки в интернете, самое любимое – на карте памяти органайзера, а так она хранится на флешках. У меня уже полное собрание симфонических произведений Гайдна, Моцарта, Бетховена, Шостаковича, Берлиоз, Вагнер...

Словом, чем хуже слух, тем лучше должна быть аппаратура. Вот такая обратная зависимость. Музыка – это мое настроение. После смерти мамы я восемь месяцев не включал совсем никакой музыки, даже траурной. На лагерных дискотеках, куда и раньше ходил только ради общения с детьми, с неизменным отвращением относясь к самой тамошной какофонии, я после маминой смерти не мог находиться вообще, не мог выдержать даже пяти минут – начинал душить плач.

Дело в том, что музыка во мне звучит постоянно. Моя собственная, внутренняя. Ни в какой иной форме мои настроения просто не существуют. Стоит расслабиться, ни о чём не думать, ни с кем не разговаривать, ничего не читать, – и в душе сразу начинает что-то звучать, не обязательно слышанное раньше. Что-то соответствующее моему настроению – то ли бодрое, то ли грустное, то ли спокойное, то ли вообще траурное, похоронное.

Вот это последнее и преобладало после маминой смерти, и дискотечный грохот оказывался с моей внутренней музыкой в резчайшем диссонансе. И вообще-то не любитель массовок, я после маминой смерти вынужден был их тщательно избегать, общаясь с ребятами только индивидуально.

Постепенно я снова начал слушать музыку – траурную и близкую к ней. Не решался включать даже вальсы. Проклинал моду: по радио невозможно найти никакой классики, не то что траурной, а просто спокойную симфоническую музыку. Личная же фонотека была невелика, и я знал её слишком хорошо.

Я на своём тяжёлом настроении не заикливаюсь, но и искусственно развеселиться не пытаюсь – просто работаю и жду, пока время подлечит. Траурная, как и всякая, музыка написана для живых, а не для мёртвых.

Музыка – не роскошь, а необходимость. Это культура чувств в самом чистом её выражении. Не представляю себе духовной полноценности без высокой культуры чувств, а это значит – без высокой музыкальной культуры. В той музыке, которую люблю, я полностью растворяюсь. Не имея доступа к либретто и всяким другим поясняющим текстам, не зная нот, я лишён какой бы то ни было внешней организации своего восприятия музыки. Она у меня напрямую связана с моим эмоциональным состоянием в данный момент, и даже не связана, а, точнее, совпадает, сливается с ним. Музыка непосредственно организует, формирует мою эмоциональную жизнь, и на все сто процентов её составляет, то есть моя эмоциональная жизнь состоит из музыки в том смысле, в каком стол, например, состоит из дерева, а образ восприятия – из ощущений. Эмоций, как бы то ни было иначе, не музыкально, выражающихся, у меня просто нет.

На одном концерте, где композитор заигрывал с публикой, терзая рояль эстрадной какофонией собственного сочинения, мне стало очень не по себе: как будто на меня бегут маленькие злые существа, пытаются навязать мне какую-то свою мелкую (и мелочную) волю, грозя, если не подчинюсь им, буквально растерзать меня на мелкие кусочки, соответствующие их собственным размерам. В лучшем случае модная «лёгкая» (на самом деле для меня эмоционально очень тяжёлая) какофония – лужа, в которой толком и ног не замочишь, не то что плавать. А мне надо плавать, мне надо нырять! И получается у меня это только с классической музыкой, в том числе действительно лёгкой (бальной).

Недаром в нормальном душевном состоянии не устаю сотни раз подряд слушать Йоганна Штрауса, или старинные вальсы для духового оркестра, или Свиридова, обе его знаменитые

сюиты. Балеты Чайковского, симфонические танцы Рахманинова, симфонии Бетховена, сонаты для флейты (соло и с клавесином) Баха, симфонии Моцарта, конечно, – самое любимое, то, в чём можно не только плавать и нырять, а раствориться, забыть о себе, слиться в одно.

Нравится церковное пение. Однажды был на всенощной перед пасхой в Сергиевом Посаде, мне попробовали как-то помочь воспринять пение. Слов не понимаю, поэтому пение для меня – просто разновидность инструментальной музыки. Женщина попыталась передать мне свои ощущения (педагог из детдома для слепоглухих), я тихонько поправил её в соответствии со своими: «Нет, я чувствую тут тоску по счастью, когда поют погромче, словно жалуются на земную юдоль, а потише – и голоса более звонкие при этом – словно ангелы с неба отвечают на эту жалобу, уговаривают потерпеть...» Что-то в этом духе, надо включить запись, тогда я смогу передать свои ощущения точнее. Хотя они зависят и от обстановки – всё-таки я был в церкви. Женщина опешила: «Да ты понимаешь это пение лучше меня! Извини, не буду больше тебе мешать».

Подчеркну в заключение: музыкой, как и вообще духовной культурой, надо жить! Я многого не знаю, многих классических произведений не слышал, не читал, не изучал (научных), но до чего смог добраться, то – это я сам, это часть меня, а не предмет моды, не повод для снобизма (вот-де я какой культурный, вот сколько всего я знаю, а вы все серые валенки). Современная музыкальная мода действительно всегда вызывала у меня отвращение, а музыкальная классика, в том числе фольклор и церковная традиция, уж насколько мне удалось в них вслушаться – это часть меня самого.

1.5. ВЧУВСТВОВАТЬСЯ, ВДУМАТЬСЯ...

Как мы уже отмечали, восприятие мира тесно взаимосвязано и с особенностями коммуникации. Порассуждать на тему разницы в общении слепоглухих и зрячеслышащих меня натолкнуло обсуждение моей кандидатской диссертации на заседании двух лабораторий Психологического института Российской академии образования. Академик А.А. Бодалёв и доктор психологических наук, профессор В.Э. Чудновский в своих выступлениях предложили мне попробовать ответить, хотя бы очень коротко, на интереснейшие вопросы, касавшиеся главным образом конкретных механизмов общения слепоглухого (то есть меня) с окружающими.

Доктор психологических наук Ю.Б. Некрасова, ведущий научный сотрудник в лаборатории А.А. Бодалёва, рассказывала мне о своей работе как психотерапевта, и я понял (может быть, не совсем верно), что эта работа сводится к восстановлению нарушенных механизмов общения. Однажды, анализируя вслух с помощью её наводящих вопросов мои собственные проблемы, я сформулировал тезис, что у меня (как и очень многих других слепоглухих, – да, вероятно, и не только слепоглухих) во многих случаях механизмы общения не столько нарушены, сколько просто не налажены, так и не сформировались за всю жизнь.

Дело не в том, что мы когда-то умели нормально общаться, но однажды почему-то «разучились», а в том, что не умели никогда или умели более-менее в ограниченной сфере, за пределами которой нормальные механизмы так и не сформировались и либо действует ненормальный, патологический механизм, либо никакой не действует, мы просто в полной растерянности. Как по другому поводу сказал мне А.В. Апраушев: «Если бы я знал, я бы сделал». Тут, правда, сразу же встаёт гносеологическая – теоретико-познавательная – проблема: что значит знать? Если это значит всего лишь «иметь информацию», то очевидно, что одной информации для делания недостаточно, хотя, с другой стороны, и без информации тоже ничего не поделаешь, не обойтись. Если же «знать» значит «уметь», «мочь», то воистину: если бы все мы знали, мы бы сделали.

В огромном большинстве случаев при загвоздке в общении я просто не знаю, как с хорошей миной выйти (выпутаться) из явно плохой игры, а поэтому нагромождаю глупости, о которых потом очень горько и очень долго сожалею, за которые сам себя казню. Я из тех, кому стыд глаза выедаёт – ест буквально всю оставшуюся жизнь. И очень многие связи с людьми, которых любил, я потерял, так и не решившись возобновить встречи после того, как перед ними провинился.

В других случаях сохранить – или восстановить – хоть сколько-нибудь нормальные отношения удаётся только благодаря безоговорочному признанию своей глупости, неправоты, прямой вины. Благодаря своей маме я в какой-то мере умею не только «не видеть умом», но и искренне не чувствовать унижения в признании своей вины, если уж действительно виноват. Не всегда, но часто это обезоруживает праведно разгневанного друга, и конфликт гасится. Настаивать на своём лишь потому, что оно своё, неважно, правильное или нет, либо «защищаться» по принципу «сам дурак», «сам не лучше, а то и хуже», оправдывая собственную ошибку тем, что и другие не святые, а то и пытаюсь взвалить свою вину на этих других, свалить с больной головы на здоровую, – такое поведение, конечно, верх неразумия, и в результате рискуешь либо замкнуться в узкой, тем более узкой, чем ты нетерпимее, секте «единомышленников», либо вообще оказаться в одиночестве.

Впрочем, замыкаться в самоедстве, в самобичевании, в самоосуждении не лучше. Это моральное самоубийство, и я к этому очень склонен. Склонен – но, к счастью, из-за фатальной открытости характера с огромным большинством людей это у меня не получается. Ведь следствием замыкания в своих бедах тоже может быть полное одиночество, а то и самоубийство физическое. Будучи слепоглухим, я самому себе сделать скидку на

слепоглухоту не могу. Это не значит, что я вообще «фактор слепоглухоты» игнорирую – наоборот, тщательно учитываю, но с целью не самооправдания, а как можно более точного самоисследования.

Вообще мне тогда же пришло в голову, что я – как бы разведчик науки на планете слепоглухоты, и в этом качестве мне было бы очень хорошо иметь список вопросов, составленный учёными самых разных научных интересов. Это очень облегчило бы мою исследовательскую работу.

При этом я не испытываю ни малейших этических судорог по случаю моей «разведывательной» роли. Все мы, говоря словами А.М. Горького об О.И. Скороходовой, «существа для эксперимента» в силу уникальности, неповторимости каждого. Все мы вынуждены отвечать на задаваемые жизнью вопросы. Все мы вынуждены поэтому, более или менее сознательно, заниматься самоисследованием, чтобы наша жизнь хоть в какой-то мере зависела от наших усилий, – чтобы хоть самим, что называется, сдуру не нагромождать проблем сверх совершенно неизбежных. И если я, вполне добровольно и сознательно, готов предоставить в распоряжение науки мой личный опыт, – я не «подопытный кролик», а вполне сознательный участник эксперимента, по не зависящим ни от меня, ни от науки причинам поставленного надо мной жизнью. И это, может быть, единственная достойная человека, единственно нравственная позиция – позиция участия в ослаблении, если не снятии, социальных последствий кошмарного «эксперимента», имя которому – слепоглухота.

На первом же обсуждении автореферата моей кандидатской диссертации А.А. Бодалёв и предложил мне целый список вопросов, «танцую», разумеется, от собственных исследований в области психологии общения зрячеслышащих (формулировки от лица А.А. Бодалёва):

- «1. Отношения могут осложняться субъективной догадкой (если это связь человека с человеком): видя, воспринимая другого человека, наделение его теми или иными чертами личности.
2. Затем обязательно врывается эмоциональный компонент, у нас возникает чувство симпатии или антипатии, протест, восхищение и т.д. Отношение всегда несёт поведенческий компонент...
3. Показать своеобразие отражения окружающих, не видя других людей, эмоциональных откликов на них, на общении с ними, (откликов), которые позволили бы сделать эти контакты с другими людьми максимально благоприятными, результативными, творческими...
4. Есть проблема «Эффект ореола»... У меня невольно возникает некий ореольчик, за которым стоит весь мой предшествующий опыт общения. ... Когда кто-то меня обижает, кто-то не откликается на мои притязания, я, соответственно, награждаю этого человека тоже определённым ореольчиком, с ним соответственно себя веду. Мне кажется, что у слепоглухих этот эффект ореола своеобразно должен возникать.
5. Затем... децентрация, то есть я ставлю себя на место другого и вижу себя глазами другого; мне кажется, что у слепоглухих эта проблема децентрации... очень специфична...
6. Фрейд... очень много говорит о феномене проецирования, то есть вкладывания себя в другого, когда мы собственные мысли, настроения приписываем этому человеку, с которым сейчас общаемся, и, как другие исследователи говорят, что в зависимости от типа личности этот феномен проявляется у одних сильнее, у других слабее. В условиях дефицита информации он проявляется сильнее.
7. Я... сталкивался с такими перлами: женщина, которую когда-то обидел мужчина, говорит: «Все мужчины таковы». ... Незаметно для себя в процессе общения классифицируем людей: преподавателей, товарищей, друзей, начальников. ... У вас (то есть у меня – слепоглухого), возможно, присутствует классификация людей на тех, кто вам помогает, и тех, кто не помогает.
8. Феномен идентификации - это социально-психологический феномен, заключающийся в

том, что, сталкиваясь с человеком, берём его в роли образца, примера. Может быть, когда мы говорим об общении слепоглухонемого, этот феномен... тоже очень своеобразно обрабатывается.

9. Феномен рефлексии... формула Чернышевского: «Кто не познал человека в самом себе, не может рассчитывать на глубокое знание других людей».

10. В.Э. Чудновский (и по существу другие участники обсуждения) огорчился тем, что «пока он сам» [то есть я] «как субъект выступает, а те субъекты, с которыми взаимодействует, их нет [не видно в моей работе]».

Спасибо за щедрость. Только по этому списку можно написать многотомную книгу. Хватило бы жизни... Попробую предельно кратко пройти по получившимся пунктам.

О субъективной догадке. Я мог бы просто констатировать, что этот психологический механизм (как и другие) в частности у меня присутствует; без него всякое общение было бы парализовано, и особенно при слепоглухоте, лишаящей возможности ориентироваться на выражение глаз и лица, на интонации, просто наблюдать издали действия партнёра по общению, – но нужны примеры.

По поводу термина «партнёр общения». Понимаю, возникают ассоциации с «сексуальным партнёром» или «партнёром по шахматам». Но как сказать?.. «Собеседник» – узко, чисто разговорно, а ведь общение к разговорам никак не сводится. «Партнёр» – более общий термин, и, несмотря на нежелательные ассоциации, более подходящего не знаю. Разве что «субъект общения»? Нет, уж больно наукообразно, да вроде и не совсем про то по смыслу: в «субъекте» на первом плане активность, а не взаимность.

Надеюсь, А.А. Бодалёв не посетует, если для примера я возьму его же собственную речь по поводу моих скорбных диссертационных трудов. Её мне перевели дактильно во время самого выступления; затем дословно дактильно же перевели с фонограммы; наконец, дали сокращённый текст. При переводе с фонограммы я обратил внимание, что ученый сравнивает меня с «ёжиком», у которого что-то «вызывает подъём иголок». Я сразу почувствовал себя мальчиком, которому ласково взъерошили волосы, и в ответ на эту ласку в моей душе поднялась волна тепла к академику.

Читатель, конечно, обратил внимание на многочисленные отточия, которыми я отметил пропуски в тексте А.А. Бодалёва при составлении списка вопросов ко мне. В большинстве случаев в пропущенных местах он извиняется за свою якобы некомпетентность, за то, что он «неумеха» и «пустышка» во всём касающемся слепоглухих. Очень настойчиво, многократно извиняется. Можно подумать, что у академика – комплекс неполноценности. Но нет, я чувствую в этих извинениях улыбку, усмешку, тонкую иронию, а также предупредительное подчёркивание того обстоятельства, что Алексей Александрович ни на чём не настаивает, всего лишь «танцует» от своей, хорошо ему знакомой «печки». Мне, с одной стороны, очень доброжелательно помогают, а с другой стороны – со мной как бы играют, чуть-чуть «подначивают». Да, в прямом, а не через переводчика, общении с А.А.Бодалёвым могло бы быть захватывающе интересно, непринуждённо и весело.

Алексей Александрович не раз предупреждает, что, может быть, начнёт говорить неприемлемые для меня вещи. По этому предупреждению я «субъективно догадываюсь», что он, очевидно, знает меня куда лучше, чем я его, прекрасно осведомлен о прежней моей задиристости, над которой посмеивался и Э.В. Ильенков, называвший меня «молодым петушком». Хотя для меня было и есть немало неприемлемого в окружающей жизни, могу заверить: всё сказанное Бодалёвым у меня вызвало только горячую благодарность и острую заинтересованность.

Вообще видно, как тщательно академик старается нейтрализовать фактор самолюбия, из-за которого мы сплошь да рядом принимаем попытку помочь за чтение морали. «Не спеши защищаться, – настойчиво просит он. – Дай себе труд выслушать и вдуматься». Да. Что-что, а

вслушиваться и вдумываться нам часто «недосуг». Я первый грешен.

«Субъективная догадка» А.А. Бодалёва – то же самое, что и «субъективная вероятность» А.И. Мещерякова. И общение – такой же объект восприятия, как и любой другой. Без субъективной догадки и децентрации общение вряд ли было бы адекватным.

Предыдущее служит хорошей иллюстрацией и эмоционального компонента. Волна теплоты в ответ на «ёжика», то есть в ответ на шутливую ласку. Улыбка в ответ на извинения за «некомпетентность». Горячая благодарность и острая заинтересованность в ответ на всё. А ведь это опосредствованное общение, через переводчика, через текст. В прямом же общении появляется реакция непосредственно на эмоции партнёра, на состояние его рук. В первые же секунды, ну, в минуты, можно определить общий интеллектуальный уровень собеседника (по тому, как быстро он осваивается с тем фактом, что общается со слепоглухим, что надо не орать в ухо и не хвататься за карандаш и бумагу, а чертить пальцами «печатные» буквы во всю правую ладонь или же осваивать специальный алфавит). Можно более-менее точно определить, есть ли у человека дача, огород (бывают, как я их называю, «земляные» руки), занимается ли он видами спорта, связанными с натиранием мозолей, или же сложным ювелирным трудом по ремонту механизмов – от часов до компьютеров...

Руки самого Алексея Александровича – сухие, скорее прохладные, чем тёплые. Спокойные, и я бы даже сказал – улыбчивые. В марте 1996 года я привёл брата устраиваться на работу в качестве моего лаборанта в Психологический институт. Таяли сугробы, и между журфаком МГУ, юрфаком МГУ и Психологическим институтом РАО разлилась громадная лужа. Мы растерялись и занервничали, тем более, что я не мог объяснить брату, которое из трёх зданий нам нужно, и тащил его прямо в лужу, куда он категорически не хотел. Тут к нашей паникующей парочке подошёл академик. Он взял меня за руку и провёл ко входу в институт. Брат – за нами. В тот момент рука Бодалёва даже не улыбалась – тихонько смеялась, не могу сказать иначе – светилась... Успокаивала нас, детишек.

Говоря о своеобразии эмоциональных откликов слепоглохого, вероятно, имеются в виду те, что облегчают контакт с ним самим. Если я правильно понял смысл вопроса, то существуют достаточно общеупотребительные, как бы я их назвал, «двигательные междометия»: разнообразные поощряющие, ободряющие, торопящие, успокаивающие поглаживания собеседника по руке. Рукой можно проделывать всё то же, что и головой: согласно кивать, отрицательно покачивать.

Думаю, слепоглохому в общении в плане эмоциональных откликов нужно быть особо сдержанным именно в силу дефицита информации. Не пассивным, а сдержанным. Не спешить делать выводы, не спешить реагировать, быть подтошнее, повъедливее, «выжимать» по возможности «досуха» всю доступную информацию, чтобы точнее сориентироваться, и в то же время как-то избежать «занудности».

Самой собой, что здесь главный «орган чувств» тот же, что и у всех людей, а именно уровень общей культуры. Интеллектуальной, эстетической, нравственной. Уровень интеллигентности. Уровень воспитанности. Чтобы со слепоглохим хотелось общаться, а не просто милосердно «возиться», у него этот уровень поневоле должен быть несколько выше, чем у зрячеслышащих, – потому, что с ним, слепоглохим, общаться технически труднее, и у людей должен быть дополнительный стимул для преодоления этих трудностей.

Столь высоким, жёстким требованиям мало кто удовлетворяет, да не все и хотят удовлетворять; среди слепоглохих, так же, как и среди зрячеслышащих, распространена аргументация типа: «Почему я должен к кому-то подлаживаться, а ко мне никто?» Стремление к взаимному равноправию, прямое требование взаимного равноправия в условиях слепоглохоты особо жёсткое. Обидчивость из-за недостатка взаимного равноправия чрезвычайно повышенная. Очень болезненно переживается и отвергается тот факт, что зрячеслышащие без нас обойдутся, а мы без них – нет. Мы бы хотели, мы настаиваем, чтобы

без нас тоже нельзя было обойтись. Но тут можно «качать права», а можно работать над собой, над тем, чтобы хоть чем-то стать интересным, хоть в чём-то нужным. Здесь источник всех на свете комплексов. Здесь повышенный риск погибнуть и лично: замкнуться в предельно тесном кругу общения, спрятаться за спину хорошо знакомых людей, самым откровенным образом «подлизываться», лишь бы чем бы то ни было не вызвать недовольства, смиренно просиживать в полном одиночестве сколько угодно времени, дожидаясь, пока о твоём существовании вспомнят; можно погибнуть и физически: заболеть и умереть от недостатка внимания, покончить с собой.

Мне, чрезвычайно (даже по меркам зрячелышащих) широко общающемуся, спокойно доверяющемуся незнакомым людям в парке, на транспорте, в учреждениях всякого рода, – мне и то очень часто не хочется жить. Хочется по меньшей мере спрятаться, где-то отсидеться, пока пройдёт стыд за себя или обида на окружающих. Это по меньшей мере. Ибо я твёрдо решил, что, пока жива мама – единственный человек, который моей смерти бесспорно не пережил бы, – я права на самоубийство не имею хотя бы потому, что это было бы одновременно и убийство.

Оказалось, что у меня нет права на самовольный уход и после смерти мамы. Уж очень за последующие десятилетия оказался я неожиданно востребованным, да и семейное благополучие в конце концов наладилось благодаря названному сыну, – всё это не могло не убедить меня, что мне удалось стать нужным очень многим людям, мне есть ради кого и ради чего жить и после смерти мамы. Поэтому формула: «Пока есть мама, должен быть я», – изменилась так: «Пока есть я, есть и мама». То есть я должен закончить не только свою, но и её жизнь. Преждевременным уходом я обесмыслил бы её страдальческий жизненный путь. Мама такой чёрной неблагодарности уж никак не заслужила. А названный сын своим существованием, не говоря уж о заботе, вообще снял с повестки дня вопрос о самовольном уходе...

Обжитое социальное пространство – исключительно ёмкий термин. Это пространство (и время), в котором я чувствую себя хоть сколько-нибудь уверенно. Это и хорошо изученная местность, и та сфера общения, где я – центр или один из центров эмоциональной и деловой заинтересованности. Я могу поехать в детский лагерь, в котором с самого начала нет ни одного знакомого человека, и тем не менее весь этот лагерь будет в пределах моего обжитого социального пространства. Для того ведь и еду, чтобы знакомиться, привлекать к себе как можно более широкое внимание и детей, и взрослых. Первоначальные трудности общения, что называется, входят в условия задачи.

Мне интересно с пишущей братией; с коллегами в области теоретической и практической психологии; вообще с духовно богатыми людьми, с кем есть о чём поговорить, есть в чём посотрудничать. Это всё моё обжитое социальное пространство. Понятно, что оно постоянно расширяется, в него входят новые и новые люди.

В обжитое социальное пространство и время входит и чтение всей доступной литературы (в том числе работ Маркса и Ильенкова), и музыка, да не какая-нибудь, а инструментальная классика. Никакой слуховой аппарат не помогает мне понять устную речь, но музыку слушаю с удовольствием, именно классическую – потому, что в другой музыке, в массовой, тархтящей и чихающей, как испорченный мотоцикл, мне просто «мелко»: в музыке надо растворяться, расплываться, а тут, наоборот, хочется удирать и прятаться. Как-то я слушал фортепианный концерт одного эстрадного композитора, он сам играл, и у меня было чёткое ощущение какой-то нудной, мелкой, назойливой агрессивности, будто на меня бегут, вот-вот начнут избивать маленькие злые существа, гномы, что ли...

В общем, обжитое социальное пространство/время может сколько угодно расширяться, но уже на готовой основе, – на то оно и «обжитое». За его пределами я чувствую себя поистине инвалидом – существом, за которым «ухаживают», но которому отказывают в существовании

души. В такой ситуации мы очень часто оказываемся в собственных семьях; нас кормят, но и только; даже регулярно бывать на воздухе – уже роскошь. Огромное большинство слепоглухих, да не только слепоглухих, вообще лишено обжитого социального пространства/времени. У меня-то оно, как, вероятно, уже убедился читатель, огромно. Дай бог всякому зрячеслышащему такое же. А вот один мой знакомый пятилетний мальчик не хотел ехать к родителям от бабушки: «Бабушка со мной играет, а вы нет!» Его социально обжитое пространство – у бабушки, с бабушкой, а дома он – не дома. Ребёнок зрячеслышащий, вполне здоровый... Но дома оказался на положении инвалида. Социального. Об эффекте ореола. Если есть хоть какое-то остаточное зрение, ореол зрительный. Мой друг Ирина Поволоцкая, слепоглухая с остаточным зрением и слухом, видит людей в цвете, причём сразу, при первом же знакомстве. У меня – светоощущение: отличаю тёмное от светлого, а цвета, сколько себя помню, никогда не различал. Соответственно люди мною воспринимаются светлыми и тёмными, причём тёмный – не обязательно плохой, а светлый – не обязательно хороший.

Например, Эвальд Васильевич Ильенков казался всегда тёмным, подавленным, грустным, усталым, прокуренным. Даже не грустным, а печальным: грусть – мимолётное состояние, а печаль – постоянное. В то же время тексты Ильенкова всегда воспринимались светлыми, даже светящимися.

Очень светлые – светящиеся – тексты у Владимира Леви, с которым я лично встречался однажды, случайно и мимоходом, а заочно, по текстам, знаю его со студенческой скамьи. При личной встрече он мне показался хронически усталым, переутомлённым, а потому ни тёмным, ни светлым, посерединке где-то.

Кстати, А.А. Бодалёв спросил вдогонку к остальному и о первом впечатлении при знакомстве, а также о восприятии незнакомых. Как-то я заблудился в лесопарке, потерял нужный мне поворот. Стал просить помощи у прохожих. Сначала остановил какую-то тётку, которая долго пялилась в дощечку, где сказано, что я слепоглухой и со мной можно разговаривать с помощью параллельного – рельефно-точечного и зрячего – алфавита. Руки у тётки были грубые, широкие, короткопалые, с явно плохо гнущимися пальцами. От них веяло равнодушием, глухoduшием и какой-то бараньей или коровьей тупостью. Она так и не осилила ни инструкции на алфавитной дощечке, ни моей, многократно повторённой, устной просьбы показать поворот к лесному пруду. По рукам я предположил, что их обладательница работает явно продавщицей в одном из тех магазинов, где в перестройку на прилавке не было ничего, а гнилую вонь на улице слышно. Что сами не разворовали, то сгноили. Кончилось тем, что она так и пошла своей дорогой, чуть не унеся и алфавитную дощечку в качестве сувенира. Рядом с ней я заметил ещё два очень тёмных силуэта, оказавшихся ничуть не понятливее, но этих за руки не держал.

Потом я остановил двоих. Имел дело с одним; второго (или вторую) видел тёмным вертикальным пятном (так я вообще видел днём людей, одетых в тёмное, но в пожилом возрасте перестал замечать окружающих вообще, если не берут за руку). У этого человека руки были очень уютные, сухие, тёплые, какие-то не мягкие, не жёсткие, в складках. Человек был явно образованный, творческий: минуты не прошло, как он разобрался с моей алфавиткой, стал писать у меня на ладони, проводил до нужного поворота, готов был к моим услугам и дальше, но я поблагодарил и сказал, что теперь и сам разберусь. Отходя от них по указанной тропинке, я чувствовал, что они стоят и провожают – берегут – меня глазами. Теплое чувство к этому человеку и его спутнику (скорее всего, всё-таки спутнице) у меня живо до сих пор, хотя прошло уже много лет. Жалко, постеснялся познакомиться по-настоящему, – может быть, дружили бы сейчас...

На этом месте (в первоначальном варианте данная работа написана весной 1994 года) меня отвлекла мама: сунула в руки две морковки. Мамин ореол – даже не нимб, а сплошное

сияние, с головы до ног. Также светятся обычно ребятишки. Маму я и называл своим самым маленьким и самым любимым ребёнком. Любое её проявление умиляло меня так, что я смеялся от нежности (точно такая же реакция у взрослых на детей). Когда нам приходилось разлучаться, я всё время проверял, как там мама, – светится или нет. Если вдруг её образ темнел, я посылал телеграмму с просьбой срочно сообщить, всё ли в порядке.

Однажды в лагере Детского ордена милосердия я вдруг испугался за маму так, что меня, лишь бы успокоить, тут же на ночь глядя сводили на центральный телеграф Евпатории, и мы дали маме телеграмму с указанием точного адреса (в Москве я не удосужился это сделать, отсюда и паника: вдруг что случилось, а за отсутствием адреса мне сообщить не могут). Дети были удивлены: они думали, что это только их привилегия – так скучать без мамы...

Удивительная трансформация произошла с ореолом одного моего знакомого. Пока знакомый «выбивался в люди», обрастал деловыми связями, это был вполне законченно круглый светящийся живой столбик. Когда же знакомый вырвался аж в правительственные сферы, за спиной у него за клубилось что-то вроде чёрного облака или густейшего чёрного дыма, а сам он превратился из столбика в угол этого расширяющегося, клубящегося зловещего «нечто».

Похожая история с моим собственным ореолом: чем больше людей со мной связано, тем больше и ярче за моей спиной марево или заря. А раньше я был круглым столбиком, как и положено законченному дураку. Но если за моей спиной разгорается «заря», то за спиной упомянутого знакомого, увы, сгущается мрак. У меня с этим знакомым глухой затяжной конфликт...

А вот Юлия Борисовна Некрасова однажды представилась мне очень усталой и в целом, так сказать, пасмурной, но руки на этом пасмурном фоне горели, полыхали, как два костра в поздних вечерних сумерках. Почти ночных. Когда она одной рукой брала меня за пальцы, а другую руку клала мне на плечо, у меня проходила и физическая, и душевная боль, налаживалось какое-то умиротворённое настроение. Её руки представлялись мне как два костра, две луны, два светящихся окошка в ночи, два маяка... Или как два солнышка. Именно солнышка, а не солнца. Грели, но не жгли.

Это понятно: у Юлии Борисовны – руки психотерапевта. А вот чей свет вылечил меня как-то зимней ночью от головной боли? Я вернулся с работы очень усталым, поужинал и сразу лёг спать. Голова разболелась ещё на работе. Я лежал с закрытыми глазами, и вдруг там, где, как объясняли знакомые экстрасенсы, находится «третий глаз», появилось отчётливое свечение, потом сияние, а потом оно разгорелось до почти слепящего, как от включённых в полную силу автомобильных фар, столба света. Этот свет уткнулся мне в «третий глаз», залил правый глаз, – и боль, пульсировавшая в висках, стала постепенно проходить. Я слабо поворачивал голову на подушке так, чтобы столб света упирался точно в «третий глаз» – над переносицей. По мере того, как уходила боль, мерк и этот свет. Утром я проснулся немного раньше, чем нужно было по будильнику, который будил сначала маму, а она потом меня. Головной боли не было, я чувствовал себя на редкость свежим, как давно уже не случалось...

Децентрация. Слепоглухому это особенно трудно – и особенно нужно. Без постоянного «влезания в шкуру» окружающих сколько-нибудь полноценное общение невозможно. Здесь – тот сказочный перекрёсток, где, в какую сторону ни пойдёшь – определишь свою судьбу, свой образ жизни.

Ещё в студенческие годы я считал, что никакая слепоглухота не даёт права мнить себя самым несчастным в мире. Какой-нибудь инвалид-колясочник при встрече со слепоглухим небось думает: пусть я неподвижен, зато слышу и вижу. А я, когда познакомился с колясочниками в лагерях Детского ордена милосердия, уж точно сравнивал – и решил, что мне лучше: могу ходить, могу действовать своими руками. Слепота лишила меня возможности созерцать физически, зато вынудила особо точно, расчётливо действовать, и тем самым видеть «внутренним взором», духовно.

В студенческие годы я сравнивал себя не с колясочниками, а со здоровыми людьми, – хотя бы с собственным секретарём Геннадием Ерохиным, – и часто находил, что моему помощнику, студенту-вечернику, приходится нередко солонее моего. Вообще я никогда не любил меряться, «кто несчастнее».

Тут нет противоречия с тем фактом, что в жизни и творчестве я страстно подчёркиваю трудности существования при слепоглухоте. Я не считаю себя самым несчастным, но, стремясь по мере сил понять каждого встречного-поперечного «изнутри», я хотел бы, чтобы и меня понимали изнутри, не судили обо мне по себе, не требовали непосильного, не навязывали несвойственного. А так как столь доброжелательное взаимопонимание между людьми – вообще едва ли не самый большой дефицит, я вынужден объяснять свою ситуацию, рассказывать о ней, помогать (хотя бы своему вероятному читателю) вообразить её в какой бы то ни было минимальной степени.

В общем, я – за взаимопонимание и взаимную ответственность. А если получается не взаимно? Если я пытаюсь понять, а меня не хотят? Если я ответственен, а со мной безответственны? Не раз бывало и наоборот: я сам отвечал на ответственность безответственностью, на желание понять нежеланием понимать. И потом очень об этом жалел – иногда непоправимо поздно.

Ну что ж, если не получается взаимной человечности, то человечнее всего защищаться. Человечность не должна быть беззащитной, бессильной, иначе она превратится в свою противоположность – в бесчеловечность. Вполне притом взаимную.

После смерти мамы я оказался вынужден по-разному отреагировать на две сложные ситуации, которые подробно анализировать здесь не хочу, но попробую кратко подытожить.

В одной у меня была возможность очень жёстко продиктовать свою волю, немедленно пресекать попытки рецидивов безответственности или истеричности. Даже если я не совсем был прав, я понимал, что надо настоять на своём во что бы то ни стало, иначе потом будет не сладить. Потому что истеричность, с которой я столкнулся – прежде всего следствие инфантильности, способ (закрепившийся в детстве) паразитировать, криком, слезами, скандалом вынуждать к уступкам, хоть в чём, большом и малом. И уступить – значит подтвердить «эффективность» подобного способа устраиваться поудобнее за чужой счёт, за счёт, мягко говоря, «дискомфорта» близких. А тогда совместное существование станет попросту невыносимым и невозможным. Придётся принимать слишком уж крайние решения: либо избавляться от истерика (а если это близкий родственник – попробуй избавиться), либо самому уходить из жизни (рановато, слишком много надо сделать, да и много чести истерику).

В другой ситуации пришлось просто порвать отношения. Ничего больше не оставалось. Моей слепоглухотой нагло пользовались, чтобы «незаметно» (а я-то всё замечал) обворовывать меня. Я всегда точно знал, сколько у меня в кошельке денег, и недостачу замечал мгновенно. Вина семнадцатилетнего парня была очевидна, как было очевидно и то, что он от всего будет нагло отпираться. И я просто сказал ему, что больше никогда не пущу его в свою квартиру. Захлопнул дверь перед его носом, не пускаясь ни в какие объяснения, ни в чём не упрекая и не обвиняя. По поводу его нежелания где бы то ни было учиться и работать объяснялись раньше. Меньше чем за двое суток до своей смерти с ним по телефону обсуждала этот вопрос и моя мама. Я понял его мотивы слишком хорошо, чтобы питать какие-то иллюзии, пускаться в бесплодные пререкания.

Поведение людей, с которыми давно и близко знаком, могу, естественно, в какой-то мере прогнозировать. Тут есть определённый диапазон ожиданий. Более или менее точно известно, чего можно, а чего нельзя ждать от того или иного человека. Этим в решающей степени определяются и границы доверия к нему. Наибольшего доверия заслуживает тот, кто не разбрасывается обещаниями; если не уверен, что может сделать – не обещает, а если

уверен в себе и обещает, то делает как может быстро, не тянет резину, так что не нужно беспокоиться и стоять у него над душой. Будучи из-за слепоглухоты в определённой степени беспомощным, я, разумеется, больше тяготею к таким вот надёжным людям, на чьё плечо можно твёрдо рассчитывать. По возможности рад подставить и своё плечо.

Допустим, главное для меня, как, впрочем, и для каждого, – как-то решить мои проблемы; но из всех проблем самая главная – быть нужным, полезным. Смотри в чём, конечно, и смотря кому. В случае с тем семнадцатилетним парнем я готов был помочь ему в учёбе, в трудоустройстве, но не в том, чтобы бездельничать и доставлять себе примитивные удовольствия за моей (и чьей бы то ни было) широкой спиной. Так что надёжность в людях я ценю не только и не столько из-за моей относительной беспомощности, связанной со слепоглухотой, сколько потому, что сам больше всего на свете хочу быть надёжной опорой для как можно большего числа людей – в честном решении их проблем.

Я тяжело переживаю, выхожу из себя, когда мне «морочат голову», и сам не намерен никого подвергать подобной психологической пытке. С ненадёжными людьми можно в своё удовольствие пообщаться «за жизнь», но полагаться на них ни в чём нельзя; с ними можно разделить удовольствие, но не стоит делить проблемы. Их можно иметь в числе знакомых, но себе дороже – иметь в числе сотрудников. Имеется в виду, конечно, не сотрудник – штатный работник, а друг, то есть тот, с кем можно разделить трудности, со-трудн-ик в буквальном смысле слова.

Ещё в студенческие годы я решил для себя, что ни один человек до конца не познаваем. Можно познавать, узнавать, но нельзя «знать как облупленного». Неожиданности возможны всегда и от кого угодно, включая себя самого. Мы можем сами себя радостно удивить, а можем и очень огорчить.

Не надо зарекаться, самонадеянно и фамильярно хлопать кого бы то ни было по плечу: я, мол, тебя знаю. Нет, я знаю, что никого не знаю, и наряду с диапазоном ожидаемого, повседневного, обычного надо всегда сохранять – из элементарной осторожности хотя бы – кто его знает насколько широкий диапазон неожиданностей. Диапазон необычного для данного человека поведения, того, что, может быть, в порядке вещей для других, но не для него. Необычного, а не ошибочного; непривычного, а не плохого; странного, а не глупого. Именно ради объективности давать по возможности субъективные характеристики: мало ли что ошибочно, плохо или глупо с моей точки зрения, кто я такой, чтобы выносить приговоры? Но: может быть, это и правильно, но в пределах моего опыта общения необычно; может быть, это и хорошо, но для меня непривычно; может быть, это и умно, но мне – непонятно, странно. Именно для меня, а не для кого-то другого, нет ничего страшнее самоуверенности; ибо именно я, а не кто-то другой, ослепну и оглохну к живому человеку вследствие настаивания на своей шкале ценностей, вследствие превращения этой шкалы в истину в последней инстанции, в абсолютный критерий для оценок; поэтому в моих интересах быть поосторожнее в приговорах, во всяком случае, всегда быть готовым на «самокассацию» этих приговоров.

Разумеется, всё это верно для нормального общения с нормальными людьми, а не для таких экстремальных ситуаций, когда приходится защищаться. Нарвавшись на слишком уж неприятную, абсолютно неприемлемую для меня «неожиданность», я предпочитаю не иметь больше никаких «диапазонов» относительно данного субъекта, – ни диапазона ожиданий, ни диапазона неожиданностей. Иногда безопаснее быть в позиции: не знаю – и знать не хочу!

Проецирование противоположно децентрации. Перевожу на русский язык: судить о других по себе, мерить других на свой аршин. Думается, что проецирование зависит не только от дефицита информации, а в решающей степени – от дефицита культуры, включающей в себя и информацию, но к информации ни в коем случае не сводимой.

Я люблю зелень, люблю бывать в лесу, в парке. Но вблизи каких-нибудь дремучих зарослей

меня охватывает странное, тревожное чувство. Оттуда веет неясной угрозой. В то же время меня тянет проверить, так ли страшен сидящий в зарослях чёрт, как его малюет моё воображение. И есть ли там вообще какие-то черти. Поэтому в детстве, обмирая от страха, я всё же лез в кусты. В зрелом возрасте меня тянуло свернуть на тропинку, которую я с трудом нашупывал тростью, рискуя потерять, а значит, и заблудиться.

Вот это ощущение притягательной дремучести я проецирую на примитивных взрослых людей, глядящих на мир, ничего в нём не понимая и давно отчаявшись понять. Я не вижу их глаз, но трогаю их корявые равнодушные руки, и мне кажется, что у них из глаз течёт дремучесть. Мне их нестерпимо жалко. И я их боюсь. Именно они – серые, примитивные, дремучие, безобидные вроде бы, – основа всякого фашизма. И чёрного, и коричневого, и красного. Они при случае ужасно мстят за свою дремучесть... От них – физическое истребление интеллигенции, истребление всех сколько-нибудь более, чем эти дремучие, культурных людей.

В студенческие годы, когда в первой своей публикации я написал: «Каждый человек – это целый мир», – я проецировал на всех собственную страстную увлечённость творчеством и воссозданием доступной мне культуры. Мне всерьёз казалось, что все люди такие, только почему-то стесняются и прячут, маскируют под дремучестью душевную красоту и духовное богатство. Я видел дремучесть, но не верил в неё, – тем более, что я был под обаянием революционно-демократического идеала, некрасовского народолюбия, умиления, любования Народом, столь свойственного до 1917 года русской интеллигенции.

Перестройка и последующее озлобленное растаптывание и сладострастное обхаркивание всего, что мне было и осталось дорого в советской культуре (то есть культуре, созданной в советскую эпоху вопреки сталинскому террору, неслыханному чиновничьему произволу политической системы), – нигилизм якобы «демократов» освободил меня от народолюбия. Тех, кто, разочаровавшись в одном вожде, тут же ищет себе другого, я стал называть чернью и сбродом. Правда, в работах Ленина, написанных весной 1917 года, я нашёл термин «развратитель масс», несущий ту самую смысловую нагрузку, что и слово «вождь» («фюрер») в последующую эпоху фашизма. Ленин говорит, что те, кто обманывает народ звонкими фразами вместо честного анализа его проблем и поиска их решения, – не политические вожди, а «развратители масс». Трудно в данном случае удержаться, чтобы не обернуть на самого Ленина его излюбленную насмешку над своими оппонентами, которые «побивали сами себя». Определением «развратитель масс» Ленин именно сам себя и побил, охарактеризовав как нельзя более точно. Ну, тем более, ничего, кроме гадливости и презрения, нельзя испытывать к людям, которые, разочаровавшись в одном развратителе, тут же ищут себе другого... Своим-то умом жить никак не хотят, сами за себя отвечать никак не желают...

Я говорил о примитивных взрослых, – примитивных окончательно, – навсегда толстокожих, тупых, бездуховных и бездушных. Детский примитивизм иной. Он может перейти во взрослый, летальный, а может смениться чуткой восприимчивостью, духовным богатством, душевной щедростью и космической ответственностью.

Долгие десятилетия слепоглухонемые воспитанники Сергиево-Посадского детского дома, примитивно, весьма бессодержательно общаясь только между собой и с педагогами, этот свой способ существования и нищету общения проецировали по ту сторону детдомовского забора. Оттуда иногда появлялись родители, приходили слепоглухие рабочие, бывшие воспитанники детдома. И дети обобщили: на свете бывают только ученики и рабочие. Моё появление поставило их в тупик. «В каком классе ты учишься?» – «Я уже не учусь в школе». – «Ты работаешь, делаешь булавки?» – «Нет...»

Поездки в пионерские лагеря, а позже в лагеря Детского ордена милосердия, резко расширили кругозор слепоглухонемых ребят, познакомили их со здоровыми детьми и

другими инвалидами – слепыми, глухими, олигофренами, опорниками. Среди взрослых тоже были всякие: не только рабочие, но и студенты, люди самых разных профессий, в том числе научные работники. Теперь и мне легче стало объяснять, кем я работаю. Ребята поняли главное: жизнь по ту сторону детдомовского забора неизмеримо богаче, сложнее, чем по эту; большинство детей живут в семьях постоянно, а не только во время каникул; они хорошо видят, слышат, говорят. Разумеется, слепоглухим ребятам пришлось пережить тот факт, что они не такие, как все, но как это открытие ни было неприятно, без него невозможно полноценное личностное развитие. Нельзя скрывать правду, но можно и нужно смягчать её любовью, вниманием, общением. Если такого смягчения нет, тогда беда, и там, где ходят мимо, не замечая в упор, этим детям нечего делать. Ощущать себя «прозрачным» – кошмарная пытка.

Одна слепоглухая девочка спросила меня, о чём мы разговариваем со зрячеслышащей пионеркой. Мы обсуждали книгу – не помню, какую, но в тот момент, отвечая на вопрос слепоглухой девочки, я книгу назвал.

– Почему она знает, а я нет?

– Потому что она много читает.

Будучи взрослой и живя в родном городе у родственников, эта слепоглухая женщина стала активной читательницей местной областной библиотеки слепых.

1.6. КЛАССИФИКАЦИЯ, ИДЕНТИФИКАЦИЯ, РЕФЛЕКСИЯ

Теперь, продолжая отвечать на вопросы А.А. Бодалёва – о классификациях. Лично у меня их очень много, по самым различным критериям.

Например, по критерию нарушенного, или изначально не налаженного, или же нормального, не затруднённого общения.

Ещё критерий: одним стыд глаза выедаёт, а другие выходят из воды сухими, даже не встряхиваясь.

Критерий третий: одни умеют каяться (искренне признавать свою действительную вину), а другие не умеют – либо из самолюбия (признают «в глубине души», но не могут «унизиться» до признания вслух), либо из-за полного отсутствия самокритичности, из самообожествления, из искренней убеждённости в личной непогрешимости. Есть ещё демагоги – мастера не просто признавать, не просто отрицать свою вину, а взваливать её на обвинителя, вывернуть истину наизнанку и вывернуться, да так, что обвинитель и сам не уверен, кто же в конце концов провинился: пакостник-демагог или его обличитель. Я перед такими демагогами бессилён, поэтому они мне особенно ненавистны. Единственное оружие, которое я против них придумал – это не связываться с ними, в упор их не замечать, игнорировать, как тот раздор из басни Эзопа, который чем больше бьёшь, тем он сильнее разрастается.

Критерий четвёртый: способ самоубийства – физического или морального, вследствие нетерпимости к другим или нетерпимости к себе, вследствие неумения принимать себя и других такими, как есть. Вследствие, наконец, неприемлемости наличного качества жизни – и невозможности (действительной или кажущейся) добиться желаемого качества.

Критерий пятый – отношение к слепоглухоте (шире – к любой инвалидности, к любой хронической болезни, к любому постоянному затрудняющему жизнь «фактору»). Либо игнорировать, либо исследовать, либо спекулировать. Всё это могут и окружающие, а не только сам слепоглухой. Я предпочитаю исследовательский подход с обеих сторон: так легче друг друга понять.

Критерий шестой: юмор – ласковый, небидный, ерошащий волосы у ребёнка на макушке; злой, саркастический, убийственный; примитивный, даже не обидный, а скучный, что ли, «несмешной»; наконец, отсутствие какого бы то ни было юмора, когда некто «серьёзен как гроб».

Критерий седьмой: способность к благодарности (либо есть, либо нет). И ещё – цена этой благодарности: нередко «в благодарность» от нас ждут и требуют отказа от себя, от собственной воли, от собственного образа мыслей, образа действий, образа жизни; ждут и требуют полного подчинения «благодетелю». От меня тоже этого много раз ждали и требовали, но, не дождавшись и получив категорический отказ, уличали в том, что я классифицирую друзей на «чёрных» и «белых», обзывали неблагодарным и предателем... Что верно, то верно: лучше «предать» рабовладельца, «кукловода», притворившегося благодетелем, чем самого себя. Разумеется, дилемма эта чаще и быстрее всего осознавалась мною, ибо речь шла о моей голове, о моей судьбе; агрессоры же искренне себя считали благодетелями, и их бывало очень жалко.

Но себе я тоже ведь не враг, – и поэтому в некоторых случаях сам могу предъявить очень жёсткий ультиматум, потребовать, например, у жившего со мной брата, от которого деваться некуда, отказа от собственного круга общения, который фатально замыкался на отбросах общества – алкоголиках, наркоманах и уголовниках. То есть предъявлял ультиматум в интересах обоюдной безопасности – и своей, и своего брата. В том случае, конечно, если приходилось убедиться, что на сознательность и ответственность брата (инвалида с детства – олигофрена в стадии дебильности) рассчитывать по меньшей мере трудно, если вообще

можно. И если ультиматум можно подкрепить достаточным авторитетом – не только моральным. Например, финансовой властью – тем, что все деньги у меня.

Когда брат женился и ушёл в семью жены, жёсткая взаимозависимость исчезла, а с ней и необходимость в ультимативном обращении. Со мной стал жить названный сын – официальный попечитель.

Кстати, обратите внимание на разницу: опекун опекает, несёт юридическую ответственность за недееспособное лицо, то есть неспособное отвечать за себя самостоятельно, – за ребёнка, например, или тяжёлого олигофрена; попечитель же печётся о лице, юридически дееспособном, но из-за проблем здоровья ограниченного в возможностях бытового и отчасти социального самообслуживания. Я, например, физически не могу мыть полы, стирать, самостоятельно пользоваться общественным транспортом, картой Сбербанка... Но интеллект в порядке, и юридически я дееспособен настолько, что работаю при случае с детьми, преподаю, пишу книги... Поэтому мой названный сын – мой попечитель, но ни в коем случае не опекун. Юридически мы оба дееспособны.

В общем, иногда можно быть очень мягким, а иногда приходится быть очень жёстким. Смотря с кем. Смотря по тому, какова степень взаимной зависимости, есть куда или некуда деваться друг от друга, в чём и насколько можно друг на друга рассчитывать. А глобальная – и потому абстрактная – мягкость так же неприемлема, как и абстрактная, со всеми подряд, жёсткость. Абстрактная мягкость превращает тебя в жертву каждого, кто не побрезгует на твоей шее прокатиться, а абстрактная жёсткость превращает тебя в палача. Ни жертвой, ни палачом, естественно, быть не хочется. Значит, остаётся исследовать, каждый раз отдельно решать, насколько можно позволить себе мягкость и насколько приходится проявлять жёсткость.

Критерий восьмой: заинтересованность. Избирательная – или детски-всеядная. Или тупость, апатия.

Сразу же всплывает и критерий девятый – креативность, способность или неспособность к творчеству. Причём речь идёт не просто о познании. Заинтересованность в другом человеке, а следовательно – творчество отношений с этим человеком. Любовь. Этическое творчество.

Критерий десятый – темперамент. Холерик – вечная эмоциональная взбаламученность до самого дна; сангвиник – поверхностная эмоциональная разлохмаченность (те и другие делятся на умеющих и не умеющих сдерживаться). Меланхолик – подземные атомные взрывы; флегматик – на всё реагирует «предельно рационально», как чёрный ящик, молчит. Меланхолики делятся на умеющих и не умеющих выражать свои чувства, а флегматики – на считающихся и не считающихся с чужой эмоциональностью, как-то отвечающих на неё или просто созерцающих. Эту классификацию я где-то вычитал, и, возможно, запомнил не совсем так, как это общепринято.

Критерий одиннадцатый: партнёрство. По сексу, по спорту, по общению, по проблемным «остроугольным круглым столам»... По решению любых проблем мирными, ни в коем случае не конфликтными средствами, ибо в конфликтах бывают лишь противники. Особая разновидность партнёрства – соперничество: есть противостояние, но нет конфликта.

Критерий двенадцатый: дотошность – до занудства, беспечность – до русского «авось»; ответственность и безответственность; опытность – неопытность в чём-либо.

Критерий тринадцатый: взаимность. Обязательна или нет. Готовность взять на себя «односторонние обязательства» – или паритет, равенство, равноправие во всём, до смешного, до абсурда. В молодости я был сторонником паритета. Потом, пожалуй, переборщил с односторонними обязательствами, беря на себя больше сильного. Теперь же пробую сочетать одностороннюю ответственность и паритетную, смотря по ситуации. Предпочитаю всё же одностороннюю, когда всё зависит от меня и мне по силам.

Критерий четырнадцатый: правда. Искать правду, бороться за правду, жить по правде.

Предпочитаю первое и третье. «Борьба за правду» освобождает от необходимости жить по правде, откладывает жизнь по правде до окончательной победы «в борьбе за правду». В случае поражения жизнь по правде считается невозможной, ибо для неё «нет условий». На словах все за правду, противников у правды не бывает. Я пришёл к выводу, что на деле противники правды – именно борцы за правду.

Критерий пятнадцатый – инвалидность. Как я определил её в автореферате кандидатской диссертации, инвалидность – это затруднённость участия в решении проблем, от глобально общечеловеческих или общенародных до семейных. Инвалидность – это обездоленность, лишённость доли участия в жизни, большая или меньшая исключённость из жизни. С этой точки зрения всякая инвалидность – прежде всего социальная, ибо означает хроническое затруднение социальной жизнедеятельности в каких бы то ни было её разновидностях и масштабах. Дальше уже подробности, что именно явилось ближайшим поводом (а не причиной) для возникновения этого затруднения: то ли физический недостаток (слепота, глухота, слепоглухота, хромота, горбатость, общий паралич, навсегда укладывающий в коляску), то ли сиротство, то ли безработица, бездомность, безденежье, то ли общая бездуховность, бескультурье, слепо- и глухотушие, или «заикание совести», по прекрасному выражению Ю.Б. Некрасовой. Классификация по критерию инвалидности может быть весьма подробной.

Критерий шестнадцатый: ореол. Постоянный и меняющийся. Светлый – тёмный – серый (то есть посередине, между светлым и тёмным, а что такое цвет – я не знаю); хороший – плохой – ни то ни сё; добрый – злой – равнодушный; бодрый – усталый – так себе; «хвостатый» – «бесхвостый» (имею в виду наличие-отсутствие тумана, пространства, марева за спиной; «хвостатый» – чей-то представитель, а «бесхвостый» – сам по себе; пример «хвостатости» у Твардовского: Тёркин дерётся с немцем, и «самолеты, танки, пушки у обоих за спиной»); уютный – неуютный – безразличный; теплый – холодный (до озноба) – прохладный; целительный – ядовитый – нейтральный... Пожалуй, можно продолжать до бесконечности: тут неисчерпаемый источник поэтических характеристик.

Критерий семнадцатый – несчастье. Каждый несчастен по-своему – и все несчастны одинаково в том смысле, что я категорически не желаю сравнивать, кто несчастнее. Счастье – не отсутствие трудностей, а наличие возможностей для их преодоления. Несчастен беспомощный, бессильный. Счастлив справляющийся. Я – в большей мере счастлив, чем несчастен. А степень счастья и несчастья, силы и бессилия обычно (не всегда, но обычно) прямо зависит от степени одиночества: один в поле не воин. «Закон вечности» Нодара Думбадзе: душа каждого из нас – непосильно тяжела для одиночки; мы можем выдержать тяжесть душ друг друга только вместе, сообща.

Критерий восемнадцатый – взаимопонимание. Можем – не можем, умеем – не умеем, хотим – не хотим понимать друг друга. Что для нас важнее: понять и принять – или «размножиться», своё навязать. А может быть, отвергнуть именно потому, что понято, но неприемлемо, и от этого неприемлемого приходится защищаться.

Критерий девятнадцатый – мужество и трусость. Мужество самокритичности и ответственности за себя (в конечном счёте – за весь мир). Трусость неоправданного оптимизма, беспочвенных надежд, отказа от постановки и решения проблем, сознательного закрывания глаз на проблемы, замазывания проблем сопливой жалостливостью и слюнявым «жизнелюбием».

Критерий двадцатый: надёжность – ненадёжность. Можно или нельзя рассчитывать, полагаться, опираться в чём-то на кого-то. Подведёт – не подведёт. Это куда сложнее, чем предположенная А.А. Бодалёвым классификация по критерию помощи: помогают – не помогают... Нет, тут главная проблема в том, возможна ли с этим человеком взаимопомощь. Сотрудничество. Можно ли довериться ему настолько, чтобы впрячься в одну упряжку, – или

не стоит рисковать, ибо это, возможно, пустопляс, который, как в горку, так тебя одного в упряжке и бросит. Тут проверка на посильность «Закона вечности», о котором шла речь выше: выдержит некто Закон вечности или нет.

Критерий двадцать первый: уровень культуры. Дремучий примитивизм в сочетании с зоологической завистью и ненавистью к чужому духовному богатству – психологическая основа фашизма, всякой охлократии. Чернь и сброд (в духовном смысле) – или народ, создатель духовных и материальных ценностей, носитель и источник доброты. Урывание от жизни, зависть, что кто-то больше урвал, – или полноценная жизнь.

Критерий двадцать второй: возраст. Взрослые и дети. Дети мною все любимы, но делятся на пассивных, а может, выжидающих, замкнутых, закрытых, – и активных, инициативных, открытых. С первыми мне очень трудно придумать, чем бы заняться, как бы растормошить, расшевелить их. Со вторыми только успевай поворачиваться: они сами придумывают занятия, и мне остаётся лишь санкционировать их выдумку своим участием или запротестовать: «Я так не играю!» Мне с инициативными ребятами легко и приятно при всей их подчас приставучести, претензии на то, чтобы моё внимание принадлежало безраздельно им. Я даже благодарен им за этот монополизм: значит, любят. С пассивными же мне очень трудно. Пассивные дети могут быть «удобны» только тем взрослым, которым детство мешает своим существованием, которые поэтому превыше всего ценят в детях послушание.

Одна воспитательница похвалила пятилетнего слепоглохого мальчика, сидевшего на стуле, поджав под себя ноги, низко-низко опустив голову, так что спина колесом:

– Спокойный малыш. Хорошо.

Я промолчал, а про себя подумал: «Спокойный – или пассивный?»

Взрослые же делятся на взрослых и творцов. Взрослые – это те, кто сжёг все мосты между собой и собственным и всяким детством; кто, как говорится, «не помнит себя ребёнком». Творцы – это те, кто сохранил от детства и многократно усилил существенные черты: непосредственность, любопытство, способность увлекаться – всё то, без чего невозможно творчество. Творчество во всех областях, в том числе – и, может быть, особенно, – в области этики межличностных отношений: интуитивная, в смысле не рассудочная, не рассуждающая, доброта, какая-то естественная терпимость. Мастер любви принимает всех такими, как есть, он иначе не может; именно то, что всего труднее всем остальным, вечным борцам за свою независимость, легко и естественно, как дыхание, для мастера любви.

Таким мастером любви, несомненно, была моя мама. По мне, самые лучшие взрослые – это выросшие дети, в чём-то главном и лучшем так навсегда и оставшиеся детьми, а поэтому способные на творчество. Просто взрослых, переставших быть детьми, порвавших с детством, я не люблю. Они скучные, назидательно-нудные, вечно резонёрствующие, противные. Это – вконец испорченные дети.

Вот сколько критериев для классификации людей я извлёк из предыдущего изложения. Думаю, что этот перечень нельзя было оборвать стандартным «и так далее», ибо за меня этот список никто не составит и не закончит. Анализ других моих текстов мог бы непредсказуемо расширить перечень критериев для классификации людей. Только зачем расширять?.. И так ясно, что критериев у меня столько, что всякие классификации вообще-то лишаются смысла. Ибо все эти критерии сводятся, в сущности, к одному – к категорическому отрицанию какой бы то ни было штамповки людей, к признанию уникальности каждого. И тогда кончается наука. Начинается искусство с его вниманием к единичному.

Жизнь вынудила меня свернуть в науку с прямой дороги моего развития, которая лежала – и похоже, пролегла-таки, несмотря ни на что – именно в искусство, в литературно-художественное творчество. Поэтому я никогда не любил, да и не умел, классифицировать. Поэтому любой мой научный текст самым фатальным образом соскальзывает в публицистику, эссеистику и, наконец, откровеннейшую лирику. Так уж я «задуман» с

детства, и все попытки изменить этот «замысел», заменить каким-то другим приводят лишь к обогащению первоначального «замысла». Попытка стать исследователем сделала меня публицистом, а попытка стать педагогом-практиком помогла преодолеть кризис поэтического творчества, привела к появлению особого рода любовной лирики, обращённой к детям. А в конце концов, все три сферы творчества у меня давно слились воедино, взаимно обогащают друг друга, и разрывать их, противопоставлять не стоит. Всё равно другим быть не смогу.

Алексей Александрович, прочитав эту часть текста, спросил, не потому ли я выдал так много критериев классификаций, что был задет его предположением, будто слепоглухие делят людей на помогающих и не помогающих. Я не возражал – и поэтому тоже.

Идентификация. Если я правильно понял Бодалёва, это стремление и попытка стать похожим на кого-то образцового, эталонного, на некий «живой идеал». Кроме того, это осознание себя как чьего-то представителя – человечества, народа, той или иной социальной группы, носителей того или иного мировоззрения...

Я лично идентифицирую себя со всем человечеством и с теми, кто в своей деятельности дорос до общечеловеческого масштаба (классики мировой художественной и философской литературы). Среди тех, с кем я общался лично, это прежде всего Эвальд Васильевич Ильенков и Александр Иванович Мещеряков.

С Э.В. Ильенковым у меня было немало серьёзных столкновений по поводу моей пространственной самостоятельности: он за меня боялся, чисто по-отцовски, а для меня это был буквально вопрос жизни и смерти, – я бы не выжил после университета в домостроительке, посреди других строящихся домов, а значит, в непролазной грязи, если бы не научился ещё в студенческие годы организовывать себе помощь случайных встречных. Но независимо от того, как складывались наши с Э.В. Ильенковым личные отношения, я всегда был сторонником его, и только его, ильенковской, философской позиции и в спорах наших именно к ней апеллировал, упрекая, в сущности, живого Ильенкова за то, что он не такой, как в собственных книгах. Это был юношеский максимализм: мол, в жизни автор должен быть непременно таким же, как в книгах, иначе он, получается, «лицемерит». Теперь-то на личном опыте убедился, что такое уж полное соответствие и невозможно, и не нужно. Чего не хватало – самого себя мумифицировать! И мне теперь, как никогда, понятен пафос ильенковского стога души: «Я живой человек!» На месте Ильенкова я и сам бы мог ответить только таким же стоном...

Разумеется, я всегда идентифицировал себя с мамой. Это был нежный и вместе с тем очень принципиальный человек, никогда не уступавший ни в чём главном – в вопросе ли о моём здоровье, в вопросе ли о моей учёбе, в вопросе ли о собственном человеческом достоинстве. Она умела не позволять себя унижать. Мелкий, но характерный штрих: брат покритиковал её стряпню, чего-то там ему показалось мало, и мама сказала – сам готовь. Самому мне самой вкусной едой всегда казалась та, что получена из маминых рук – как бы ни приготовлено, – и именно самое, с маминой точки зрения, «неудачное», «подгоревшее», я уплетал с особым аппетитом. Плакала, жалела, а везла в школу слепых, где я был в состоянии войны почти со всеми ребятами. Она совершила подлинный подвиг материнской любви, всегда хотела одного – быть нужной своим детям, и в первую очередь мне, как самому, казалось, обездоленному.

На деле получилось, что именно я покоил её старость в последние десять лет её жизни (интересно: Мещерякова и Ильенкова я тоже знал и любил последние десять лет жизни каждого из них), и только я способен оказался возглавить и кормить семью, когда это стало не по силам маме.

Она делала то, на что хватает очень немногих родителей: не терпела посредников в переписке со мной и ради этого освоила рельефно-точечную систему Брайля, чтобы самостоятельно

читать мои письма и отвечать на них доступным мне способом. Позже много переписывала по этой системе необходимую мне научную литературу, и я поражаюсь, как она, не разгибаясь, печатала на специальной пишущей машинке по двадцать больших страниц за четыре часа – без единого перерыва! Она подменяла моих помощников, я боялся, что приучит их к этому и от них вообще нельзя будет получить даже самую пустяковую помощь (что и выходило на самом деле во многих случаях). Я ворчал на неё за это, а она отвечала потрясающе просто: «Если я не буду с тобой везде ездить, я буду тебе не нужна». И доездила до инсульта. Она знала, что я ей нужен сам по себе, но странным образом до неё не доходило, что мне она тоже нужна сама по себе, независимо ни от чего, ни от какой самой громадной или минимальной помощи, – лишь бы была. Только после инсульта я смог убедить её в этом, купая её, как ребёнка, снимая головную боль и онемение в больных конечностях массажем, которому специально поучился по книгам и в санатории. Она всегда была для меня недостижимым образцом нежности, принципиальности, умения принимать людей такими, как они есть, – всё это вместе, в сплав. Больше, чем её, я никого не любил, и если вообще научился как-то любить (кого бы то ни было), то это – слабый ответ её громадного таланта любви.

Мама заложила фундамент моей личности, на котором потом строило, перестраивало, достраивало множество людей, в том числе, конечно, я сам. Без мамы не было бы меня не только физически (это-то само собой понятно), но, что неизмеримо важнее – личностно. И момент для смерти словно специально выбирала: смогла умереть не раньше, чем окончательно за меня успокоилась (и тем самым – за брата и сестру), увидев защиту моей докторской диссертации, увидев отношение ко мне множества людей, оценку ими её материнского подвига, увидев всё то, что теперь не отпускает меня вслед за ней. Она словно получила разрешение: «Теперь можно и отдохнуть. Он глупостей не натворит». А уйди она годом, даже полугодом раньше – мог бы натворить...

Ещё феномен идентификации работает у меня в общении с детьми. Я всегда на стороне детей и всегда, насколько хватает воображения и информации, стараюсь быть на их точке зрения, понимать их изнутри, с их собственных позиций. У меня дело может дойти (хотелось бы, чтобы доходило почаще) до перевоплощения в ребёнка, так что наши «я» сливаются в «мы».

Однажды в лагере меня потеряли: пора было ужинать, а меня нет нигде. Я просто-напросто спал у себя в комнате, но столь прозаическая догадка пришла в голову последней. Сначала же меня искали по всей территории лагеря, в самых немыслимых закоулках, несмотря на то, что у меня в то время болела нога, я передвигался с костылём и не во всякий закоулок физически мог попасть. Когда я спросил у начальницы смены, почему же сразу не зашли в мою комнату, она ответила, что учитывалось прежде всего моё отношение к детям, то, что в компании детей я способен забраться куда угодно, хотя бы и с переломами обеих ног. Вообще говоря, они рассуждали совершенно верно, и я был очень доволен такой их логикой, вовсе не учитывающей, как нечто несущественное, любые мои немощи, зато ставящей на первое место мою влюблённость в детей.

Мой названный сын дважды затащил меня в горы, где я прожил в палаточных лагерях по месяцу. Когда в интернете распространилась весть о первом моём походе в горы, педагогическое сообщество испытало настоящий шок: в горах и здоровым-то нелегко, а как же слепоглохой с нарастающими опорными проблемами?.. Я считаю Олега главной наградой за всю свою жизнь. Нам друг на друга фантастически повезло. Я смог поддержать его в учёбе и творчестве, а он своим существованием помог мне выжить физически и тоже по возможности помогает в творчестве. Он – мой официальный попечитель, и его поистине самоотверженное попечение, как при жизни мамы, поддерживает мою творческую полноценность. Множество других людей может участвовать в моей жизни только потому, что в ней есть Олег. Не будь его – с большинством из них мы едва ли бы встретились...

В науке много копий сломано из-за сущности человека, из-за того, что человек за существо. «Животное двуногое, но без перьев», «животное, производящее орудия», «социальное», «биосоциальное», «разумное», «безумное» существо... Я склонен считать человека прежде всего эмоциональным существом. Потом уже разумным или безумным. Ответственным или безответственным. Всё дело в иерархии эмоций, в том, какие преобладают. Это преобладание и делает человека либо действительно человеком, либо животным, либо человеконенавистником (преступником в широком антисоциальном, античеловеческом, антигуманном смысле, а не только в чисто юридическом).

И я полностью присоединяюсь к христианству в важнейшем пункте, что преобладать должна любовь. Правда, смотря к кому, смотря к чему... В христианстве – к богу, а затем уже к «ближнему». Бога можно интерпретировать как «Человеческий Дух», духовную культуру человечества. Лично у меня любовь к Человеческому Духу, творческая одержимость – главный источник и критерий идентификации себя с другими людьми. Только с духовными, а в случае с детством – с теми, кто может стать духовным. Будущая всеобщая, поголовная духовность (а это значит прежде всего человечность) – вот главный предмет моей постоянной страсти, моего самого сильного, преобладающего чувства. Любовь к будущему духовному совершенству людей, даже без надежды на его осуществимость, – вот моё главное чувство. Тот, кто снисходителен к себе в отношении духовности, кто способен существовать (прозябать) без идеала, без утопии, без романтики, без прекрасной, пусть и кажущейся несбыточной, мечты, без сказки, – тот вызывает во мне по меньшей мере брезгливое безразличие, скуку, а если доведётся столкнуться чересчур близко – то и отвращение, и непримиримую ненависть. Это для меня – просто не люди. Какие-то совсем другие существа, неизвестные биологии, но хорошо известные народным сказкам, где их так и называют – «нелюди».

Всё хорошо в меру. Идентификация может сыграть с человеком роковую шутку, так что он и не заметит, как откажется от самого себя, от самостоятельной жизненной позиции, спрятавшись навсегда за широкую спину какого-нибудь живого «эталона» – уже не идеала, а идола.

Чаще ли это бывает у слепоглухих, чем у зрячеслышащих?.. Нет статистики, трудно судить, а если «на глазок», то – мне кажется – реже у слепоглухих. Нас, чисто количественно, слава богу, не так уж много. И среди тех, кто вообще дорос до этой проблемы – прятаться или нет от жизни за чью-то широкую спину, – огромное большинство, как и я, предпочитает не прятаться.

Правда, это обычно почти бессознательный выбор: лучше по возможности самим решать свои проблемы, чем смиренно ждать, пока кто-то снизойдёт, найдёт время. Рассчитывать-то всё равно особо не на кого обычно... Не желая ждать ничьей услуги, мои слепоглухие знакомые самостоятельно ходят и ездят, зарабатывают (если есть работа) и покупают. Я с детства действовал так же: если со мной некому (особенно обидно, если «некогда») гулять, я гулял один, как бы мне это ни запрещали, как бы за меня ни боялись. И вообще мы в этом – последователи пророка Магомета, изрёкшего, что если гора не идёт к Магомету, то Магомет идёт к горе; мы тоже предпочитаем сами идти, не дожидаясь, пока удосужатся подойти к нам. У меня эта позиция подкрепляется ещё творческой идентификацией с человечеством – ни больше ни меньше.

В 2014 году появилась «гора», готовая пойти навстречу слепоглохому «магомету» – благотворительный фонд поддержки слепоглухих «Со-единение». На его поддержку действительно можно рассчитывать в большей степени, чем на семью и государство. Мне грех жаловаться на мою нынешнюю семью – Олега и его жену Татьяну, но не будь фонда, нам было бы непредставимо труднее.

Рефлексия. Определение рефлексии как «самосознания» приблизительно. Будет точнее, если

мы определим её как теоретическое отношение к жизни через теоретическое отношение к самому себе. Так понимаемая рефлексия – основа, фундамент всей моей деятельности: и творчества, и быта. Я подчас даже слишком пристален к любым возникающим загвоздкам, – до мнительности, до того, что называется «зреть (смотреть) глубже корня», то есть видеть проблему там, где всего лишь маленькое недоразумение, и то исключительно у меня.

Особенно наглядно это проявляется в ситуациях бездумного зубоскальства, когда я не знаю, обижаться или нет на ту или иную шутку, показавшуюся мне скользкой, – а также в ситуациях простой неловкости, неуклюжести.

Однажды в присутствии Некрасовой и одной лаборантки мне сунули две плитки шоколада и, как пятилетнему ребёнку, предложили поздравить этими шоколадками названных дам с восьмым марта. Я был смущён именно тем, что поздравлять женщин мне предложили в присутствии, на глазах у этих женщин. Я почувствовал себя униженным и успокоился только через несколько дней, прямо спросив женщин об их реакции на эту неуклюжесть. Они сказали, что ничего не заметили и, во всяком случае, не придали этому никакого значения.

Вообще я очень часто не знаю, как поступить, и очень этим мучаюсь. Завидую тем, кто сразу, не задумываясь умеет вести себя правильно. А значит, меньше имеет поводов себя стыдиться. Такая интуитивная безошибочность была в высшей степени свойственна маме. Она была терпима, всегда готова считаться с человеком таким, как он есть, – «что поделаешь, если он такой», – и если была неправа, то именно по причине чрезмерной подчас терпимости, – неправа именно потому, что терпела совершенно нетерпимое. Но и тут у неё преимущество: о такой неправоте можно сожалеть, зато стыдиться такой неправоты уж никак не приходится. Стыдно, когда сыграл роль палача, а если оказался в роли жертвы – стыдно должно быть твоему палачу, а тебе стыдиться нечего, ты ведь «перегнул палку» не в сторону бесчеловечности, а, как раз наоборот, в сторону человечности. И я всегда восхищался этой маминой способностью, а часто и завидовал ей, потому что мне-то свойственно скорее недотерпеть, чем перетерпеть, – следовательно, взрываться не по делу, а потом мучаться угрызениями совести, стыдом.

Незнание, как поступить, нередкая растерянность там, где другие действуют безошибочно, не задумываясь, у меня, вероятно, связана со слепоглухотой, то есть с недостатком информации, без которой трудно оценить обстановку. Я не знаю, как себя вести, потому что в большинстве случаев лишь догадываюсь, что именно происходит. У зрячеслышащих эти же проблемы возникают, насколько могу судить, не от недостатка информации, а от недостатка «способности к суждению», от слабости или полного отсутствия рефлексии, – словом, от неумения осмысливать избыточную информацию. Я не сомневаюсь, что сумел бы осмыслить информацию – было бы что осмысливать. А вот этого, того, что осмысливать, часто и не хватает. Потому-то и «зрю» иногда «глубже корня», – что же ещё остаётся делать, если в твоём распоряжении больше догадок, чем точных фактов?..

Чтобы не брать других примеров, закончу анализ того же самого, восьмимартовского. Он достаточно элементарен и в то же время наглядно демонстрирует все мои трудности.

Ко мне обращаются, как к пятилетнему ребёнку: дают шоколадки и предлагают поздравить тут же сидящих женщин, в то же время подчёркивая, что они «мои сотрудники» («поздравь своих сотрудников»). Я не просто растерян, а задыхаюсь от немедленно вспыхнувшего раздражения, можно сказать, настоящей злобы. Мне хочется грубо оттолкнуть руку с шоколадками: «Сам поздравляй!» Но у меня нет ни малейшего желания учинять скандал. К тому же мне непонятно, почему этот человек позволяет себе со мной так обращаться.

Если б я мог видеть выражение лица, я, может быть, сразу понял бы это. А так мне остаётся догадываться: провокация скандала? Или простая неуклюжесть, расчёт на то, что дактильное обращение ко мне никто не услышит, так что в особой «конспирации» нет нужды?.. Но разве он не понимает, что шоколадки-то видно, если и не слышно его дактильных речей? Если

сознательная провокация скандала, то, дав волю своему раздражению, я на нее поддамся. Провокатор будет втихомолку злорадствовать, заставив меня вести себя самым недостойным образом в присутствии женщин. Если же это просто бессознательное неуважение ко мне, проявление некой нравственной недовоспитанности, этической слепоглухоты – надо как-то это загладить. Но как?

Я принимаю шоколадки и... обе протягиваю Ю.Б. Некрасовой: она рядом сидит, а где в данный момент лаборантка, я не вижу. Вынужден звать её через всю комнату и, чёрт знает какую чепуху бормоча от смущения, передаю лаборантке вторую шоколадку, забрав её у Некрасовой. Прямо цепная реакция, нагромождение неловкостей! К тому же от моего внимания не ускользнуло, что первым, скорее всего безотчётным, движением Юлии Борисовны было оттолкнуть шоколадки. Почему? Потому ли, что она заметила неловкость и тоже смущена и раздражена, или потому, что решила, будто угостили меня, а я ей отдаю?.. Я не выдерживаю и говорю ей нарочно погромче, на всю комнату:

– Меня тут приняли за пятилетнего малыша, и я вынужден вести себя соответствующим образом. Поздравлять вас шоколадками, которые мне для этого у вас на глазах сунули.

Таким образом я показал, что хотя и вынужден, во избежание скандала, играть роль пятилетнего, самолюбие-то у меня сорокалетнее.

Через пять дней, когда мы с Некрасовой, как психотерапевтом, занимались психоанализом, я вернулся к этой продолжавшей меня мучить ситуации, нарочно в присутствии «провокатора», чтобы до него дошло хотя бы, в какое дурацкое положение он меня поставил. Я объяснил Юлии Борисовне, что меня не сама по себе эта неловкость занимает, а то, как вообще реагировать в подобных случаях. Она ответила, что, в общем, я поступил правильно, показав свой конфуз. Лучше реагировать правдиво, искренне, чем нагромождать взаимную фальшь. В то же время она подчеркнула, что ровным счётом ничего не заметила, что женщине вообще приятен сам факт поздравления, в какой бы неловкой форме это ни было сделано.

Ну, честно говоря, заверениям этим я не поверил, отнеся их за счёт желания Некрасовой меня успокоить. Для себя же решил: если кто вздумает так же бесцеремонно при всем честном народе меня «воспитывать», надо дать очень резкий и очень короткий, как оглушительная оплеуха, отпор. В данном случае мне следовало всё-таки молча оттолкнуть руку с шоколадками, а снова полез бы – грубо оборвать: «Отстань!» И больше не тратить. Поставить на место – и поставить точку. Чтобы в следующий раз крепко подумал, прежде чем соваться с подсказками. Я взрослый человек и сам способен выбрать момент, когда и как поздравлять. В общем, в подобных случаях, видимо, не сдерживать раздражение, но и не размазывать его, а швырнуть в лицо обидчику плотным сгустком так, чтобы не я, а он переживал и гадал, что он такого сделал. А дальше, шмякнув этот сгусток раздражения, вести себя как ни в чём не бывало, ни в коем случае не кукситься. Ну а если мне действительно нужна подсказка, как поступить, я всегда сам, без малейших судорог «самолюбия», попрошу совета у тех, кому доверяю.

Почему всё-таки возникают подобные неясные ситуации? Думается, недоучёт моего «сорокалетнего самолюбия» связан со слепоглухотой, с очевидной (и преувеличиваемой) моей беспомощностью, нехваткой точного оперативного знания обстановки. Мне хотят помочь, но не всегда умеют сделать это необходимо, тактично. Можно, конечно, тут же ответно обидеть. Нельзя молча сносить унижение. Жертвой оказаться хоть и не стыдно, но и ничего хорошего. Но затем, оставшись вдвоём, хорошо бы попытаться объясниться, подсказать, как лучше действовать в следующий раз, чтобы не вынуждать меня к отпору, чтобы не было взаимных обид.

Мы сами приучаем людей и к уважительному, и к неуважительному обращению с нами. Лучше, конечно, вести себя как-нибудь так, чтобы с нами обращались только уважительно,

чтобы и в голову не приходило обращаться иначе. Но это требует весьма высокой собственной культуры поведения, а значит, очень точной, на уровне интуиции работающей рефлексии. Мне до этого идеала далеко...

Ну и о «других субъектах» – вопрос В.Э. Чудновского. В самом деле, куда я их дел в своей кандидатской диссертации? Почему невооружённым взглядом не видно их в моих текстах? И чем взгляд читателя «должен» быть вооружён, чтобы их увидеть?

«Другие субъекты», другие люди в моих текстах всегда есть, но я вынужден их зашифровывать. Главным образом во избежание лишней склоки, лишних обид, поскольку тексты у меня остропроблемные. Ильенков не раз, выслушивая мои монологи, огорчённо замечал по поводу какого-нибудь небрежного обобщения: «Ну вот, походя опять обидел кучу людей». Клянусь, я нечаянно! Но ведь за «нечаянно» и бьют отчаянно... И Б.М. Бим-Бад, которому я несколько лет подряд читал, прежде чем перепечатывать по-зрячему, все свои рукописи вслух, вынужден был специально учить меня зашифровыванию тех, кто в бесчисленных конфликтных ситуациях ставил передо мною бесчисленные проблемы.

Не анализировать этих проблем нельзя, – их анализ может вооружить и меня, и других несчастных, перед кем эти проблемы встали, алгоритмом решения, знанием, как поступать. Но и те, с кем я «заморочился», из-за кого эти проблемы передо мною встали, кто вынудил меня к анализу, – эти люди в большинстве своём не так уж сильно провинились, чтобы срамить их упоминанием; или наоборот, провинились настолько сильно, что я не хочу создавать им хотя бы и отрицательную «рекламу», называя их имена.

Кроме того, мне свойственно шарахаться из крайности в крайность, либо перехваливая, либо чересчур яростно проклиная. Проблемный анализ конфликтной ситуации (или эйфории, увлечённости, первой влюблённости) производится мною обычно по горячим следам – тогда, когда горит, когда болит. Остыв, я начинаю стыдиться как чрезмерных похвал, так и чрезмерных проклятий, – похвал меньше, чем проклятий, а с некоторых пор и вовсе для себя решил, что перехвалить не стыдно, стыдно оказаться палачом.

К тому же, особенно в студенческие годы и немного позже, иные «субъекты» прямо требовали, чтобы я не смел их упоминать в своих сочинениях, как бы то ни было, – ни в похвалу, ни в порицание. Когда же мне стукнуло за тридцать и я, по выражению одного знакомого (кстати, того самого провокатора с восьмимартовскими шоколадками), стал «очень выгодной фигурой», началась суета из-за приоритетов: кому я чем обязан, кого есть, а кого не за что благодарить; получалось так, что я должен благодарить лишь нынешних своих «отцов-благодетелей», а прежних оплёвывать. Иногда я не выдерживал и уступал этому беспардонному нажиму, чего потом не мог себе простить и стыдился показаться на глаза оплётанному человеку.

Мне с работой бы – поспевать,

Плодотворно – детей любить...

Перестаньте – меня терзать!

Прекратите – меня делить!

Написать, поскорей издать,

Душу перед людьми излить...

Перестаньте – меня терзать!

Прекратите – меня делить!

А кому же – отчёт давать?

Кто же вправе – руководить?..

Перестаньте – меня терзать!

Прекратите – меня делить!

Ничего не желаю знать.

Кем угодно – согласен слыть:

*Перестали б – меня терзать,
Прекратили б – меня делить.
(26 марта 1990)*

Поэтому я решил для себя вообще поменьше называть имён, а уж если называть, то, как правило, в благодарность, в похвалу, а не в порицание, и обязательно по делу, а не специально, обязательно по поводу анализа той или иной проблемы, которую они мне помогли решить или осознать. И вообще, я, в конце концов, пишу для анализа проблем, а не ради составления церковного синодика, – не ради составления списка, кому ставить свечку за здоровье, а кому за упокой. Пусть каждый читатель на место зашифрованных мною «субъектов» подставляет своих знакомых, с кем у него возникали похожие проблемы. С какой стати мне тыкать пальцем в своих обидчиков?.. Не говоря уже о том, что одни и те же люди могут выступать и в роли обидчиков, и в роли благодетелей; в жизни чаще всего бывает именно так.

В публицистике, в научном тексте главный «герой» – проблема, а не единичный решающий её субъект. Другое дело – текст художественный: здесь люди по поводу проблем, а проблемы по поводу людей. Но и тут предпочтительнее зашифровывать знакомых, либо обращаясь к ним как бы с письмом, где имя заменяется личным местоимением второго лица («ты», «вы»), либо заменяя настоящее имя вымышленным. Как правило – шифр; как исключение – открытый текст, который требует исключительного такта. Если не уверен в своей тактичности, лучше прибегнуть к шифру, ибо нет ничего оскорбительнее для другого – и ничего стыднее для себя – публичного поношения. Потом, остыв, сам сгоришь со стыда, что превысил меру вины, обругал несправедливо. А мне и так уж перед многими стыдно – и живыми, и покойными. Особенно перед покойными, ибо тут уж ничего не поделаешь, не поправишь, не загладишь вины... Да и перед некоторыми живыми – тоже «особенно».

А чем объяснить, что «других субъектов» не видно не только в моих, но и в текстах О.И. Скороходовой? Вероятно, в какой-то степени уже названными причинами. У меня не было тесного доверительного контакта с Ольгой Ивановной, и мне трудно судить, насколько её отношения с окружающими людьми были похожи на мои. Бесспорно, однако, что они не были бесконфликтными, но к своим конфликтам она относилась иначе, по-другому их переживала, – она была другим человеком, более замкнутым: близко знавшие её люди говорили мне о ней как о великой скромнице. Не то что других – саму Скороходову в её книге не очень-то видно. Есть её «восприятия и представления», но нет её самой как личности, и поэтому нет её «понятий», хотя заключительная часть книги и называется «Как я понимаю окружающий мир».

В какой-то степени это наверняка объясняется исторической эпохой, в которую пришлось жить Скороходовой. Не могла не сказаться сталинская и вообще советская обезличка, безусловный приоритет «коллектива», спутанного с военным строем, над «личностью». Учитель Скороходовой, профессор Иван Афанасьевич Соколянский, подвергался репрессиям, и его мог пугать любой пристальный взгляд, любое, хотя бы и доброжелательное, и благодарное внимание к его «персоне». Само слово «персона» тогда употреблялось не иначе как в уничижительном контексте, – даже у Э.В. Ильенкова, одного из создателей действительно марксистской философско-психологической теории личности. Так что Скороходова могла «стесняться» «выпячивать» свою «персону». Я не стеснялся никогда, хоть Ильенков и журил меня за это, и потому в моих текстах если и плохо видно других, то уж меня-то самого видно наверняка отчётливо. Пусть даже чересчур отчётливо. Ничего. После советской обезлички этим маслом каши не испортишь.

Ну и в какой-то степени наверняка тут виновата слепоглухота. Мы лишены физической возможности наблюдать «со стороны», что и как делают «другие». «Другой» для нас существует только тогда, когда мы к нему прикасаемся. Откуда нам знать, какие разговоры о

нас в нашем же присутствии ведутся, если переводчики дисциплинированно соблюдают запрет переводить нам эти разговоры?.. О таких запретах мне иногда говорили – вынуждены были говорить, ибо я требовал ответа, почему переводчик молчит. Не каждый сумеет в одну секунду придумать, как правдоподобнее соврать, вот и признавались, что переводить запрещено, да нередко «ничего такого» и не видели в таких запретах.

В общем, если кому не нравится, что в текстах слепоглохого плохо видно кого-то ещё, кроме самого слепоглохого, – то счёт следовало бы предъявить, может быть, даже в первую очередь, тем, кого «плохо видно». Они вправе не желать, чтобы их было видно лучше.

И они, хотя и не вправе по-человечески, но могут разрешить себе, надеясь, что не будут разоблачены, «немножечко» попользоваться нашей слепоглохотой, ввести, разумеется желаячи нам добра, некую цензуру, некую дозировку информации. Как это очень часто позволяют себе вообще взрослые по отношению к детям, а правительства – даже самые «демократические» – по отношению к народам. Да ещё, что, наверное, особенно «тактично», о пределах дозировки информации договариваются в нашем же присутствии! Мы же не услышим и не узнаем... Один «другой субъект» – между прочим, тот же самый, который отвесил мне сомнительный комплимент насчёт моей чрезвычайной «выгодности», – настойчиво объяснял мне, что меня очень легко обмануть. Через несколько лет у меня накопилось достаточно причин задуматься, не пользуется ли он первый этой лёгкостью, равно как и моей «выгодностью». Это к вопросу о тех «других субъектах», которых я называю кукловодами...

Вот и заполнилась своего рода «анкета». Научную тему сформулировать легко: речь идёт о том, как работают – и какие именно – механизмы общения в условиях слепоглохоты. Есть у Ильенкова статья «Думать, мыслить...» – один из вариантов знаменитой работы «Школа должна учить мыслить!». Тут, пожалуй, подсказка.

Зрячелышащие, общаясь, всматриваются и вслушиваются. На этой чувственной основе вдумываются. Главное в общении, кто бы ни общался, – вдумываться в себя и в других. За бездумное порхание приходится расплачиваться более или менее жестоко. Можно общаться уверенно, непринуждённо, но это вовсе не значит – бездумно. Просто накопился достаточный опыт, в общем и целом «накаталась колея», по которой и катится наше повседневное общение.

Мне трудно общаться потому, что я никогда не доверял колеям, особенно если они накатаны кем-то – не мной. Я всегда ревизовал и продолжаю ревизовать колеи. И особенно я недоверчив к тем колеям, которым доверяются «все». Я всегда добивался рационального объяснения, почему я должен вести себя, «как все», и кто такие эти «все». Аргумент: «все так делают, и ты так делай», – для меня всегда был тем же самым, чем является красная тряпка для быка.

Но я не вижу лиц. Не слышу голосов, а если даже и слышу через слуховой аппарат – не понимаю жужжащих вокруг меня разговоров. Как же мне ориентироваться в общении с людьми, если отвергаю накатанные колеи, вернее, недоверчиво осторожен с этими колеями?

А колеи мне очень нужны. Такие, в которых я был бы уверен. Без них общение, особенно с самыми близкими, любимыми, изматывает. Любой пустяк оборачивается проблемой. Не зная, как объяснить мотивы поведения окружающих, не доверяя ходячим объяснениям, дохожу до настоящей мнительности, подозреваю нечто чрезвычайно сложное там, где всего лишь пень да колода, – то есть человек действует через пень-колоду, как чёрт на душу положит, как придётся, по привычке или по случайному импульсу, а я над этим ломаю многомудрую голову.

Я на всю жизнь остался ребёнком в том смысле, что хочу быть хорошим и хочу понять, что значит быть хорошим. Значит ли это «быть как все»? Да, если все лучше меня. А они лучше ли? И чем именно лучше? А вдруг, рекомендуя «быть как все», мне рекомендуют сходить с

ума за компанию со «всеми»? Нет, я так не играю. Предпочитаю быть не «как все», а как я – быть самим собой, быть искренним. Но боже мой, до чего же это трудно... Это вообще трудно, и подавно – при слепоглухоте.

Очень выручает художественная литература. Она помогает компенсировать слепоглухоту, ориентироваться в том, чего физически не могу ни видеть, ни слышать. Я никогда не стеснялся сравнивать себя с самыми лучшими. Хоть с Пушкиным, хоть с самим господом богом. И, разумеется, всегда сравнивал с литературными персонажами своих знакомых. Детская художественная литература помогает мне понимать детей, компенсируя невозможность их физически наблюдать.

Слепеглухота вообще много чего не позволяет. Не позволяет полноценно (а то и никак) видеть и слышать. Если слепеглухота ранняя и тем более врождённая, то не позволяет говорить голосом, а то и как бы то ни было. Не позволяет общаться – совсем или сколько-нибудь полноценно. На любом уровне развития личности, даже на относительно высоком, проблемы общения крайне остры. Непосильно остры. Даже человек с более-менее разборчивой речью, безкоризненно грамотный, начитанный страдает от недостатка общения, сетует на него, не знает, кого и винить в своём одиночестве – больше себя или больше окружающих. И срывается в назойливость, в требование внимания, упорно лезет, пристаёт ко всем без разбора, без учёта ситуации, с отчаяния не допуская и мысли, что людям может быть просто некогда. Такое назойливое поведение среди слепеглухих довольно-таки распространено.

Я стесняюсь приставать, надоедать. Я твёрдо усвоил, что насильно мил не будешь. Круг моего постоянного общения всё же меньше, чем мне бы хотелось. И качество общения оставляет желать много лучшего, особенно в смысле непринуждённости. Но я с детства привык общаться опосредствованно – прежде всего, привык читать круглые сутки. Эта привычка меня здорово выручает. Мне не скучно одному. Я читаю, сам пишу, слушаю музыку, насколько позволяет остаточный слух и звукоусиливающая аппаратура. И поэтому могу быть по-настоящему интересен хоть некоторым людям. Избегаю к ним приставать, стараюсь, чтобы они общались со мной в охотку. Из страха надоесть, прискучить – налицо даже некоторый недостаток инициативности в общении. Лучше меньше, да лучше. Лучше реже, но хоть сколько-нибудь регулярно и в течение долгих лет. Лучше общаться содержательно, по делу, творчески, чем «балдеть просто так». «Балдеть» не умею и терпеть не могу, – тягостно, скучно.

В общем, слепеглухота предъявляет крайне жёсткий выбор: или научиться жить полноценной творческой, напряжённой духовной жизнью, компенсируя недостаток «живого» общения через книги и результаты собственного творчества, – либо так и мучиться своей ненужностью, неинтересностью, обвиняя в равнодушии, бессердечности весь мир. Третьего слепеглухота не даёт.

Либо научиться общаться с миром в творческом уединении, и благодаря этому умению в конце концов заинтересовать собой окружающих, получив возможность полноценного, пусть недостаточного количественно, общения с живыми людьми, – либо так и остаться одиноким, никому не интересным и не нужным. Либо стать равноправным субъектом общения – либо остаться объектом более-менее презрительного, более-менее брезгливого «милосердия».

Вчувствоваться, вдуматься – и обрести себя, друзей, весь мир. Порхать, развлекаться, бездумно существовать – и, не став теоретиком собственной жизни, собственного общения, остаться скорее животным, чем человеком. Или – или.

1.7. МЫСЛИ И ЧУВСТВА

Закончу теоретико-познавательную (гносеологическую) часть этой книги тем, с чего начал: фантазией, интуицией, мироощущением. Фантазия – это способ обобщения материалов восприятия с целью увидеть мир не просто как-то необычно, а, несмотря на эту необычность или, скорее, благодаря ей, более точно, чем это допускает непосредственное «соотнесение чисто физического факта с реальными формами вещей» (Э.В. Ильенков). С.Л. Рубинштейн в работе «Человек и мир» говорит, что эстетическое видение мира характеризуется совпадением сущности с явлением, закона существования – с единичной реализацией этого закона¹¹.

Я физически не могу ни всматриваться, ни вслушиваться (разве что в громкую музыку). Не всегда и не со всеми можно «вщупываться». Во что же в таком случае вдумываться? В чувства. В ощущения. Не зрительные, не слуховые, не осязательные даже, а интуитивные. Становиться зрячим к тому, к чему слепы зрячие. Внимательным к тому, к чему глухи слышащие. К микродвижениям. К температуре рук. К чему-то ещё – неуловимому, невыразимому, но заставляющему категорически назвать одного человека добрым, другого – равнодушным, третьего – любопытным, четвёртого – угнетённым чем-то сейчас или постоянно, замкнувшись ненадолго или замкнутым вообще. Прикоснуться и сразу сказать, кто это – в смысле преобладающего отношения к миру и к людям.

Откуда я знаю? Из этической, эстетической и интеллектуальной культуры, какой овладел за всю жизнь. И продолжаю овладевать. Воссоздавать для себя и, может быть, впервые создавать для всех. Обо всём сужу – вернее, всё чувствую – благодаря всему освоенному, и осваиваемому, и умножаемому мною общечеловеческому опыту. Именно не только и не столько личному, сколько общечеловеческому.

В последнее время я стал называть это «личностным тембром» своих ощущений. В этом важно разобраться: тут, может быть, где-то близко прячется разгадка экстрасенсорности. Многие экстрасенсы, сколько могу судить по литературе и личному общению, чрезмерно озабочены тем, верят им или не верят, а потому склонны к шарлатанству, к эффектности, чтобы заставить себе поверить. Мне это чуждо. Я, наоборот, если не спрашивают ни о чём, просто стараюсь промолчать о своих выводах, а если спрашивают – подчёркиваю, что могу ошибиться, и прошу не принимать мои высказывания слишком-то всерьёз. Я стараюсь быть честным исследователем, а не шарлатаном. Мне поэтому не нужна ничья слепая вера. Хотя мне важно проверить себя: насколько мои – описанные вслух – ощущения совпадают с самосознанием испытуемого? Кажется, настолько, что многие предпочитают не отвечать на мои прямые вопросы об этом, – слишком в глаз, а не в бровь. Ведь как я ни осторожен, а приходится касаться и проблем...

Ильенков писал, что интуиция – это высшая форма воображения, высший результат овладения эстетической культурой человечества. Но он был Спинозистом и, конечно, не стал бы оспаривать утверждение Спинозы, что интуиция – третий, высший род познания после воображения (сводимого Спинозой к восприятию) и разума (рационального, логического мышления); у меня лично другое, скорее этическое, чем теоретико-познавательное понимание разума: понимание, в основе которого лежит категория ответственности за мир, а познание мира связано сначала с необходимостью выжить, а затем, в интересах выживания, с осознанной наконец-то необходимостью за мир отвечать. По Спинозе, сначала восприятие. Потом наука. Потом интуиция, то есть непосредственное, минуя внешние контуры и рационально-логические реконструкции, постижение мироздания. Спиноза определяет

¹¹ Рубинштейн С.Л. Человек и мир [Электронный ресурс]. СПб.: Питер, 2003. Режим доступа: <http://rubinstein-society.ru/engine/documents/document55.pdf>, свободный.

интуицию как «непосредственное постижение Бога». Таким образом, интуиция у Спинозы оказывается не просто «высшей ступенью познания», а вершиной духовного развития личности и одновременно фундаментом ее ориентировки в мире и в самой себе.

Маркс ещё в 1844 году писал, что человеческие чувства в результате исторического развития «стали теоретиками» (под «чувствами» он имел в виду органы чувств и психологические механизмы пользования ими). Иными словами, следовательно, мой, в сущности, единственный «орган чувств» – духовная культура человечества. Интуитивно вчувствоваться – и вдуматься, перевести с языка интуитивных постижений на язык логики. Так я общаюсь. Так вообще живу. Жить иначе не позволяют совесть, детская потребность «быть хорошим» и слепоглухота.

Меня спросили в письме: «...сколько чувств у человека. Кто-то считает, что их три. Кто-то насчитывает – 21 или 33. Я однажды насчитала девять. Ваше мнение на этот счёт?»

Я ответил: «Что касается количества чувств, то моя позиция радикальная: раз – и обчёлся. Не три, не пять, не девять, не 21 и не 33, конечно, а всего одно. То самое, которому посвящена работа Ильенкова "Об эстетической природе фантазии", и другие его работы эстетического цикла. Воображение и высшая его форма – интуиция. Чувство это воспитывается в процессе освоения культуры в целом – бытовой культуры, культуры общения, теоретической, художественной, нравственной, а также физической... Только воссоздавая в своей деятельности культуру, мы учимся чувствовать окружающий мир и себя в нём. Одно чувство. Одно-единственное».

Сама же эта интуитивная чуткость, как и все остальные универсальные способности человека, обусловлена человеческой целесообразной преобразующей предметной деятельностью, трудом. Обусловлена очеловечиванием, то есть, как писал Э.В. Ильенков, «реальной антропоморфизацией» природы.

Он отмечал, что красивой воспринимается любая система, сложившаяся в соответствии с собственными законами её существования, то есть в соответствии с собственной, именно этой системе присущей внутренней мерой, не искажённой внешними, случайными, хаотически нагромождающими обломки столкновениями. Красиво то, во внешнем облике чего воплощена (выявлена) его собственная мера, а это возможно только при условии целостности, неискажённости в результате случайных воздействий, формы тела.

Учёт целостности присущ подлинно человеческой – созидательной, а не разрушительной, преобразующей, а не коверкающей, – деятельности. Э.В. Ильенков говорит, что если понимать эстетическое чувство широко, то оно включает в себя и нравственное чувство, то есть эстетическое совпадает с этическим. Безошибочная чуткость к проблемным ситуациям и выходам из них, которую мы называем интуицией, формируется целе- и целостностью ансамбля общественных отношений, с самого начала включающего в себя ребёнка. В этом ансамбле так или иначе представлена культура человечества на всех её уровнях – от бытового до этического. Культура является системой факторов, формирующих интуицию, вынуждающих отыскивать целостность вообще во всём.

Сенсорный дефицит бесспорно является одним из факторов, который в единичном варианте развития личности может либо активизировать, либо пресечь поиски целостности.

Если сенсорный дефицит (или что-то другое) при определённых уникальных условиях активизирует поиски целостности больше обычного, он вынуждает реагировать на подчас очень необычные признаки, даже самим человеком не всегда осознаваемые. Как я уже писал, слепоглухой или экстрасенс могут сделать вывод об эмоциональном состоянии, физическом самочувствии, нравственных качествах человека, к которому едва прикоснулись. Могут получить подтверждение правильности своего вывода, могут быть с самого начала убеждёнными в этой правильности, – но не осознавать, каким образом этот вывод сделан, откуда он взялся. «Я так чувствую» – и всё тут.

Пока близкий мне человек жив, я каким-то образом «подключён» к нему. Сын в горах, и я жгу свечи, – церковные и таблетки, – чтобы меньше за него беспокоиться. Связывает ли нас как-то огонь свечи, или это на все сто процентов моя выдумка, никакой объективной основы под собой не имеющая, – но мне так спокойнее, и я не хочу подавлять, отбрасывать, отвергать это ощущение связи. Когда нет никакой другой – непосредственной или через мобильный телефон, электронную почту, – пусть будет хотя бы такая.

Чем отличается произвольная выдумка от произвольной? Я не придумываю нарочно, что как-то связан с покойной мамой, покойным Ильенковым. Я не сочиняю эту связь так, как сочинял свои детские игровые фантазии. Я эту связь непосредственно чувствую.

В Перми нас с сыном возили на экскурсию, в том числе в парке возле местного монастыря показали архангела с изображением храма на груди. Я долго не мог оторваться от этой скульптуры. Когда пошли к автобусу, возникло ощущение, что архангел летит за нами, осеняет нас крыльями. Я это не придумал, образ возник совершенно произвольно, – я это именно почувствовал. Какими чудесами?

Такими же, какими на Новодевичьем кладбище в Москве чувствую Ильенкова, когда навещаю его могилу. Глажу бронзовый памятник, протираю влажной салфеткой от пыли – и мысленно беседую с Эвальдом Васильевичем. Уходя с кладбища, чувствую Ильенкова где-то у себя над головой и за спиной – в виде более-менее светящегося или тёмного столбика или шара, – он провожает меня. То же самое – на Донском кладбище, где похоронены мои мама, сестра и брат. Навещать могилу Мещерякова у меня нет физической возможности, но с ним я тоже как-то постоянно связан, он как-то участвует в моей жизни, следит за ней, что-то в ней одобряет, что-то нет... Как и мама, Ильенков, другие близкие мне люди, которых нет... Которые всё равно как-то есть для меня, пока я жив...

Это – чувство, реальное чувство, не выдумка. Я так чувствую... Что именно чувствую? Какую реальность? Насколько объективную, насколько субъективную?

Субъективную на все сто процентов, а объективно ничего нет? – так скучно жить, если отвергать существование субъективной или даже откровенно сказочной реальности. Это просто примитивно. Тот, кто отвергает сказку, обходится в жизни без сказки, тот – примитивное существо. Сам себя кастрирует, извините за грубость.

Я способен не спать до утра, если мне попадётся в руки сказка, – не могу уснуть, пока не прочитаю. Однажды я так зачитался до шести утра. Уже занималось апрельское утро. Окно моей комнаты выходит на восток, и моё светоощущение позволяло мне видеть какие-то вспышки, блики на стене. Переполненный только что прочитанной сказкой, я лежал без сна, и во мне зазвучали строки:

На рассвете

лучей -

пляска.

От нейтронного,

что ли,

огня?

Дайте мне

дочитать

сказку,

А потом -

пусть не будет

меня.

Может,

атомный взрыв -

это;

*Может,
сварка,
а может,
заря...
От беды бы
спасти -
деток,
А потом -
пусть не будет
меня.
Всё равно
на тот свет -
в яму.
Маме
горя добавить
нельзя.
Дотерпеть,
пережить -
маму;
Через миг -
пусть не станет
меня!*

К вопросу о том, что существует, а чего нет, ощущение мира не сводится. Мои чувства существуют. Они сами по себе – некая реальность. Эмоциональная. Эстетическая. Этическая. Я никогда не хотел укладывать свои чувства в прокрустово ложе той достоверности, которая допускается моим мировоззрением. Есть мировоззрение – то, что я думаю о мире, а есть мироощущение – то, что чувствую. И пусть мысли не мешают чувствовать. Не всё поддаётся рациональному объяснению. Я всегда оставлял в своей жизни место иррациональному, необъяснимому, но тем не менее реальному. Хотя бы для меня. Без иррационального – скучно, тускло, примитивно жить...

Чувства дополняют, обогащают, уточняют мысли. Мысли – это попытка осмысления мира, в том числе мира чувств. Чувства перед мыслями – так же, как и вся остальная реальность, и в этом смысле чувства объективны. И если попытка осмысления неудачна и даже мысли бунтуют против реальности, – тем хуже для мыслей. Чувства «существуют – и ни в зуб ногой» (Маяковский), а мысли подлежат коррекции. Не наоборот.

Я всегда был категорически против коррекции, подгонки чувств под те или иные мысли. А если чувства иллюзорные, кажущиеся, если они – галлюцинация? Ну что ж, практика – источник, цель и критерий истинности познания. А в данном случае практика такова, что мы сиротства боимся, за любимых боимся – и поддерживаем с ними связь во что бы то ни стало, отмахиваясь от рационалистических выкладок насчёт того, что существует, а чего нет. Когда мой сынок далеко от меня, мне со свечкой спокойнее, а без свечки страшно. Таков психологический факт. И когда мои дорогие покойники приходят в мои кошмары – предпочитаю заплатить за их церковное поминание. Так спокойнее. Таков психологический факт.

26 сентября 2003 года мне что-то жуткое приснилось, и я потащил брата на Донское кладбище к праху мамы. Посидел у надгробной плиты, заказал поминание в Донском монастыре, поставил свечку за упокой. Успокойся, мама, не тревожь меня в кошмарах...

День был тяжёлый, тревожный какой-то, душа места себе не находила. Приехали домой – через несколько минут брат сообщил о смерти Юрия Михайловича Лернера, самого старшего

в нашей четвёрке слепоглухих студентов психфака МГУ.

Мой кошмар, моя мама, смерть Юрки... Что тут с чем связано? Или не связано? Какая разница? Надо быть открытым всему – и кошмару, и моей покойной маме, и тусклому, тягостному дню, и упокоившемуся в этот день Юрке, которого я так любил смешить, заставляя его не смеяться, а оглушительно реветь, к ужасу – до заикания – окружающих, не понимавших, что это – смех...

И когда я, посетив колумбарий, где прах моей мамы, сестры и брата, затем иду в храм и ставлю там свечки за упокой и за здоровье, – моя собственная вера или неверие в бога ни при чём. Имеет значение вера или неверие моих покойников. Мои покойные родственники не были сознательными атеистами. Я бы назвал их смутно, на уровне выполнения неких ритуалов, верующими. И, навещая их прах или дома в их дни рождения и смерти, я – ради них, ради их, а не своей, смутной веры – выполняю ритуал. Жгу свечи. Включаю запись церковной панихиды.

Сам я хотел бы, чтобы меня похоронили с оркестром. Мне с детства нравится именно этот ритуал. Не надо церковной панихиды. Хватит и гражданской. С оркестром. Ну пожалуйста! Ну что вам стоит! Не навязывайте мне свои ритуальные предпочтения. Уважьте напоследок, перед кремацией, мои.

За воинствующего атеиста Ильенкова зажигаю не церковную свечку, а таблетку. Оно и безопаснее в смысле пожара, и дольше горит. И включаю его любимую траурную музыку. Впрочем, моё – ильенковское. Недаром я его духовный сын. Его любимая траурная музыка – и моя любимая.

Кстати, в общении с живыми тоже надо танцевать от них. По возможности принимать их такими, как есть... Тут тоже выручает интуиция...

Но снова и снова: чувства «существуют – и ни в зуб ногой». Смолоду прозой я писал то, что думаю, пытаюсь осмысливать предмет рационально-логически. А стихами писал о своих чувствах. И тут, на уровне поэтических метафор, разрешал себе то, на что не решался в прозе.

Днём ребятишки котятami

греются на коленях.

Я освятил компьютер

звонкими их именами.

Ночью таинственной комната

вся в световых явлениях:

Ты на груди моей – шариком,

детские свечи – над нами.

Это из моих стихов, в которых я оплакивал маму. Мама – светящийся шарик. Прижалась к моей груди, ища защиты. А над нами, вокруг нас, – в виде светящихся столбиков-свечек, – дети, с которыми общаюсь днём. Стихотворение написано в лагере.

Снова и снова: эти «световые явления» – не выдумка. Я так чувствую. Так представляю. Кто мне смеет это запрещать? Так не только можно, но и нужно чувствовать. Иначе я не человек. Счётчик-вычислитель, как называл Ильенков слепоглухих эмоционально, эстетически, этически – Адам Адамычей...

Чувства имеют право на существование, независимо от того, укладываются ли в прокрустово ложе наших рационально-логических схем. Потому что нет ничего достовернее любви. Но нет и ничего иррациональнее, необъяснимее...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ИСТОКИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО

Узнав о существовании слепоглухоты, зрячеслышащие в полной растерянности, даже в шоке, спрашивают: как это можно обходиться без зрения и слуха? Какое в этих условиях возможно познание окружающего мира? И возможно ли вообще?

Тем самым, специально для случая слепоглухоты, формулируется основной вопрос философии, который как раз о познаваемости мира, включающего в себя человечество; и если мир познаваем, то каким образом; и откуда мир взялся, и каково в нём место человечества...

Имея в виду именно основной вопрос философии, я и назвал первую часть этой книги «Основной вопрос», – тот самый, который стоит перед каждым человеком, зрячеслышащий он или слепоглухой. При всём разнообразии материала, вошедшего в первую часть, в ней речь идёт именно о тифлосурдогносеологии – теории (и практике) познания в условиях слепоглухоты. Что познание в условиях слепоглухоты в принципе возможно, доказывается уже тем фактом, что автор этой книги – слеп и глух с детства, и я не единственный слепоглухой автор; за сто с лишним лет, прошедшие после выхода в свет книги Елены Келлер «История моей жизни», возникла целая литература, созданная слепоглухими авторами. А как бы она могла возникнуть, если бы познание без зрения и слуха было невозможно?

И не просто познание, а человеческое познание, то есть преломлённое единственным, по сути, действительным «органом чувств» – культурой, созданной и созидаемой человечеством на протяжении всей его истории.

А поскольку познание, да ещё человеческое, в условиях слепоглухоты возможно и это неоспоримый факт, встаёт следующий вопрос: как процесс познания «запускается от нуля», у ранооглохших и ослепших детей, а тем более слепоглухорождённых? Елена Келлер стала слепоглухой на третьем году жизни в результате тяжёлой болезни. Скороходова ослепла и оглохла в семи-, если не восьмилетнем возрасте...

А если врождённая слепоглухота? Или приобретённая в таком нежном возрасте, что ничего толком не успело сформироваться до потери зрения и слуха?

Я таких малышей брал на ручки, беседуя с их воспитателями, но личного опыта их воспитания у меня нет. Как-то содержательно с ними, уже подростками, я мог работать лишь после первоначального и нескольких лет школьного обучения. Что ж, ведь и обычные педагоги специализируются на том или ином возрасте...

О маленьких я читал в трудах своих учителей и коллег. Прежде всего, у А.И. Мещерякова, А.В. Апраушева и Т.А. Басиловой. И поскольку в моей книге по тифлосурдопсихологии нельзя совсем обойти вопрос о первоначальном обучении рано оглохших и ослепших, или слепоглухорождённых, малышей, я и опираюсь при ответе на него на труды названных и некоторых других авторов. Как оно и полагается вообще-то: каждый исследователь обязан хоть в какой-то степени владеть «литературой вопроса». В моём случае оговорка про «хоть какую-то степень» особенно уместна – и потому, что слеп и глух, и потому, что знаю только русский язык, так что на исчерпывающую эрудицию претендовать не приходится...

Ну, кому надо, тот и без меня доберётся до всего того, что мне долгие десятилетия было недоступно и навёрстывать в оставшиеся годы жизни поздно, а я чем богат, тем и рад. Впрочем, А.А. Бодалёв серьёзно полагал, что недостаток эрудиции в моём случае скорее плюс, чем минус. Как-то я похвастался ему, что в моём компьютере установили CD-ROM и теперь я могу через брайлевский дисплей читать диски типа «Библиотека в кармане». Он всполошился, заперевивал, не помешает ли мне слишком подробное знакомство с литературой оригинально мыслить... Я со смехом его успокоил: поздно уже, я не студент, а

как-никак доктор наук, и столь высоко Бодалёвым ценимому оригинальному мышлению не может повредить никакая эрудиция-ерундиция.

2.1. ОБЪЕКТ ОДИНОЧЕСТВА – «ПОЛУЖИВОТНОЕ-ПОЛУРАСТЕНИЕ»

А.И. Мещеряков подчёркивал, что первейшее и страшнейшее по своей катастрофичности для развития психики социальное следствие слепоглухоты – одиночество, ведь этот ребёнок лишён обычных способов общения с окружающими его людьми. При врождённой и ранней слепоглухоте немота – в смысле, отсутствие устной речи, а не речи вообще, – именно его, одиночества, следствие. Поэтому таких детей и называют слепоглухонемыми. Позднооглохших слепых, то есть тех, у кого глухота наступила после устойчивого формирования словесной речи в устной форме, называть с разбега слепоглухонемыми никак нельзя. Они – в том числе я – слепоглухие, но уж никак не слепоглухонемые. Устная речь у них более-менее сохранныя.

Все наши беды – следствие объективного и субъективного одиночества. Первое, которое А.И. Мещеряков характеризует как абсолютное, не осознаётся, и потому не переживается. Слепоглухонемой ребёнок – объект, но не субъект своего одиночества. Именно в качестве такого объекта он представляет собой то самое существо, которое в многочисленной литературе описывается как «полуживотное-полурастение». В связи с этим А.И. Мещеряков обсуждает, чем отличается человеческое одиночество от зоологического. Пытливые умы издавна задавались загадкой: развились бы у человека речь, ум, способности, если бы он со дня рождения рос в полной изоляции от других людей? А если нормально развитого человека поселить в изоляции от людей, например, на необитаемом острове, утратит ли он, сохранит или даже, может быть, разовьёт свои человеческие качества?

Для большей наглядности дадим слово Б.Ф. Поршневу:

«В XVIII в. великий естествоиспытатель Карл Линней, впервые отважившийся включить вид «человек разумный» (Homo sapiens) в систематику животных, выделил в качестве вариации (или разновидности) этого вида «человека одичавшего» (Homo ferus), иными словами, те несколько известных к его времени случаев, когда дети человека были вскормлены вне человеческой среды дикими животными... Обобщение Линнея гласило, что в этих случаях одичавший человек не обладает речью и человеческим сознанием, даже ходит на четвереньках... Во всех достоверных случаях похитителями и «воспитателями» были дикие хищные животные, чаще всего волки, но в некоторых случаях медведи и даже леопард... Высокая приспособляемость человеческого мозга сказывалась в том, что ребёнок, усвоив крики и повадки, вызывавшие у животного соответствующий рефлекс, принуждал его кормить себя таким образом на протяжении двух, трех и более лет... Почему они ходили на четвереньках? Главной причиной, очевидно, было то, что «пробы и ошибки» показывали бóльшую приемлемость такой позы для хищников-кормильцев. Выпрямленное положение могло вызывать в них оборонительный рефлекс, ослаблять рефлекс кормления. Впрочем, не забудем и о том, что наших детей мы в определённом возрасте учим ходить: их анатомия и физиология приспособлены к двуногому передвижению при условии подключения на нужном этапе такого фактора, как показ и научение...»¹².

Наиболее известна находка двух девочек в 1920 г. в Индии в волчьей берлоге вместе с выводком позже родившихся волчат. Одной было лет семь-восемь, другой – около двух. Будучи доставленными в воспитательный дом, они сначала ходили и бегали только на четвереньках, причём только в ночное время, а в течение дня спали, забившись в угол и прижавшись друг к другу, как щенята. Да со щенятами они и чувствовали себя лучше, чем с детьми. По ночам выли по-волчьи, призывая свою приемную мать и всячески стараясь убежать обратно в джунгли. Воспитатели настойчиво работали над их «очеловечением». Но

¹² Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1966. Цит. по: Бим-Бад Б.М. Педагогическая антропология: Учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2015. С. 58–59.

младшая, названная Амалой, умерла через год. Старшая, Камала, прожила ещё девять лет. Добрых пять лет ушло, пока она научилась ходить прямо. Говорить же и понимать человеческую речь она училась очень медленно. Поистине силы её ума были истрачены на приспособление к среде совсем иного рода. Достигнув примерно семнадцатилетнего возраста, она по уровню умственного развития напоминала четырехлетнего ребёнка.

В известной мне литературе состояние «полуживотного-полурастения», или, по Соколянскому, «двигательной смерти», ярче всего описывает Э.В. Ильенков.

«Непосредственная причина этого явления – слепоглухота... Получена ли она от рождения или обретена в раннем детстве в результате болезни или несчастного случая – это дела не меняет, ибо при рано наступившей слепоглухоте очень быстро деградируют и атрофируются все те намеки на человеческую психику, которые едва успели возникнуть до этой беды, и ребёнок становится подобным некоему человекообразному растению, чем-то вроде фикуса, который живёт лишь до тех пор, пока его не забыли полить. И это при вполне нормальном (с биологической, с медицинской точки зрения) мозге. Мозг продолжает развиваться по программам, закодированным в генах, в молекулах дезоксирибонуклеиновых кислот. Однако в нем не возникает ни одной нейродинамической связи, обеспечивающей психическую деятельность. Он так и остается лишь органом управления процессами, протекающими внутри тела ребёнка, – процессами кровообращения, пищеварения и выделения, газообмена, терморегуляции, работой эндокринной системы и т.д., а они протекают без участия психики и в ней не нуждаются. Нет в ней необходимости – и она не возникает, хотя все морфофизиологические предпосылки для этого налицо»¹³.

Исходя из этого, ученые приходят к выводу, что мозг человека изначально, от рождения, не является органом речи и мышления, а становится им прижизненно. Органом мышления и речи, вообще психики, мозг делают специфически человеческие отношения и взаимосвязи.

А.И. Мещеряков по этому поводу указывал:

«У предоставленного самому себе человека не развивается человеческая психика. Вспомним хотя бы Каспара Гаузера, которого в раннем детстве заключили в тюрьму, где он не видел, не слышал, не осязал людей. Развитие психики мальчика было приостановлено, и, когда в семнадцатилетнем возрасте его освободили, психика этого теперь уже юноши оказалась на уровне ребёнка того возраста, в котором его оставили в одиночестве, если не ниже»¹⁴.

(Наверняка ниже, потому что человек не чемодан, ждущий востребования из камеры хранения. Невостребованный общением человек деградирует. – А.С.)

Формулируя самые фундаментальные аксиомы педагогической антропологии – теоретического фундамента педагогики, – академик Б.М. Бим-Бад пишет:

«У предоставленного самому себе человека не развивается человеческая психика, так как собственно человеческих наследственных форм поведения у детей нет. Среди волков, например, человеческий ребёнок становится по своей психике и поведению волком... Человека делает человеком присвоение системы важнейших основных элементов исторически накопленной культуры... Но это должно быть не пассивное присвоение, а активное действие... Развитие человека происходит в процессе овладения им как орудиями, так и знаками путем обучения. Именно поэтому обучение занимает центральное место во всей системе организации жизни ребёнка, определяя его развитие... Воспитывающее обучение ведёт человека от «просто знания» к познанию (применению знаний на практике)»¹⁵.

Слово «орудие» в данном случае употребляется в расширительном смысле. Им обозначается всё, что опосредствует удовлетворение потребностей человека общественно выработанным

13 Ильенков Э.В. Становление личности: к итогам научного эксперимента // Коммунист. 1977. № 2. С. 68–69.

14 Мещеряков А.И. Слепоглухонемые дети... С. 310–311.

способом. Это и сделанные человеком для человека предметы (ложка, одежда, жилище и т.д.), и нормы поведения (режим, правила, обычаи и т.д.). Очевидно, к «орудиям в расширительном смысле» относятся и всевозможные знаковые системы.

Когда я был одним из четырёх слепоглухих студентов факультета психологии МГУ, к нам пришёл студент-кибернетик и сказал, что хотел бы побеседовать с Ильенковым, дабы убедить его в возможности конструирования машины умнее человека. Студент в такой возможности сам ничуть не сомневался. Он подкараулил Ильенкова, когда тот зашёл к нам в гости.

– Так ты уверен, что можно сделать машину умнее человека? И берёшься за это? – спросил его Ильенков.

– Да! – храбро отвечивал студент.

– Делай! – отрезал Ильенков. И больше не обращал на него внимания. Продолжил какой-то разговор со мной...

Психика – не жидкость или газ, выделяемый организмом. Психика – это жизнедеятельность, – а именно деятельность, обеспечивающая жизнь. И в чисто зоологическом, и в человеческом смысле слова «жизнь». В наброске «К разговору о Мещерякове» Ильенков формулирует предельно ясно:

«...Психика от начала до конца есть функция и производное от внешнего действия организма, то есть от его передвижения во внешнем пространстве, заполненном предметами, то есть передвижения, схемы и траектории [которого] не записаны в структурах мозга и не могут быть записаны по той простой причине, что они каждый раз индивидуальны, неповторимы и потому неожиданны... Значит, первая задача – сформировать психику вообще, то есть психику в её элементарной – животной – форме. Превратить растение в животное»¹⁶.

О том, как именно «растение превращается в животное», подробно и очень ярко рассказывает Мещеряков на примере слепоглухонемой девочки Нины Х. Когда её обследовали в одном из детских домов, обычное её положение и времяпрепровождение были таковы: она сидела в кровати, раскачивая туловище вперед и назад, иногда останавливалась, как бы прислушиваясь; покачивала головой два-три раза из стороны в сторону и вновь начинала раскачиваться; при наклоне вперед громко выпускала воздух сквозь стиснутые зубы. Из положения лежа могла самостоятельно сесть. Самостоятельно обычно не ложилась: даже если засыпала, то дремала сидя. Умела стоять, держась за опору, но самостоятельно никогда не вставала. Если её поставить и оставить без поддержки, сразу же садилась.

При прикосновении к ней с целью одеть, раздеть или задержать её раскачивание девочка на какое-то мгновение замирала, как бы чего-то ожидая, а потом начинала хныкать или ныть. Если её оставляли в покое, нытье прекращалось. Вставать, ходить, самостоятельно есть, пользоваться горшком, одеваться, раздеваться она не могла. Она не брала и не ощупывала ни одного предмета.

Любой предмет, вкладываемый ей в руку (кроме соски), она вяло выпускала из рук, а при повторном вкладывании отталкивала, у неё не было никаких попыток ощупать игрушку или любую другую вещь, даже если эту вещь вкладывали ей в руку.

«Специальными приемами мы пытались развить активность ребёнка при еде. Кормление производилось маленькой ложкой. Лишь первая ложка опрокидывалась в рот при полной пассивности ребёнка. Вторая ложка вводилась в рот и не сразу опрокидывалась, а тогда,

15 Бим-Бад Б.М. Педагогическая антропология... М.: Юрайт, 2015. С. 38.

16 Ильенков Э.В. Школа должна учить мыслить! М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК». 2002. С. 98.

когда девочка верхними зубами и верхней губой захватывала пищу, после чего ложка выводилась из рта, а пища, захваченная верхней губой, оставалась во рту. Это было уже проявление первой пищевой активности ребёнка, и эту активность ни в коем случае нельзя было пропустить и угасить. (Вот, уже при формировании психики вообще, зоопсихики, звучит это настойчивое предостережение – не пропустить, не угасить её самые первые проявления. – А.С.) Следующая ложка уже никак не должна быть просто опрокинута в рот: с этой ложки ребёнок должен взять пищу активными движениями губ. Так, постепенно и дозированно, задерживая момент опрокидывания ложки в рот, формировалось активное движение верхней губы, а впоследствии и такое сложное движение, как отхлебывание, т.е. введение пищи в рот с ложки активными движениями верхней и нижней губы вместе со струёй воздуха»¹⁷.

Постепенно и медленно увеличивалось активное движение рта и головы ребёнка при приёме пищи. Ложка уже не вносилась в рот ребёнка, а лишь подносилась ко рту и чуть касалась его губ в разных местах. В ответ на это ребёнок осуществлял реакцию захвата пищи. Таким образом формировалась, а в дальнейшем и расширялась зона сигналов, вызывающих реакцию захвата пищи.

Дальше начал меняться сам способ сигнализации. Были сделаны попытки научить ребёнка реагировать на запах пищи, подносимой ко рту, на ощущение тепла от пищи. К движениям головы и губ ребёнок с помощью взрослого добавил движение своей руки, которая следовала за кормящей рукой взрослого, а потом постепенно должна была и заменить её. Принципиальный момент: ложка ещё в руке взрослого, а не самого ребёнка, но рука ребёнка уже следит за траекторией движения кормящей руки взрослого. Так ребёнок постепенно должен научиться подносить ложку ко рту, и открывание рта согласовывать с положением руки в пространстве. В этом случае создаётся сложный комплекс согласованных движений руки, головы и рта, нужный для правильного осуществления процесса еды.

Аналогичная история случилась и с Ритой Л. Она поступила в детский дом из семьи в возрасте 2 года 8 месяцев с диагнозом «врождённая глухонмота и врождённая катаракта обоих глаз». При обучении её владению ложкой во время еды можно было видеть, насколько ложка является искусственным и в общем-то довольно неудобным орудием приема пищи. Девочка никак не могла понять, зачем нужна эта неудобная штука, которую надо как-то по-особому держать – что необыкновенно трудно, – из которой всегда всё вываливается и проливается и которой так трудно попасть в рот. (От себя отмечу, что с вилкой дело обстоит ещё хуже. Я лично так и не смог подружиться с вилкой. Даже курицу и сосиску предпочитаю поддевать ложкой. – А.С.)

Первое время Рита активно отталкивала ложку и брала пищу из тарелки только руками. Но педагог вновь и вновь вкладывал ложку в руку девочки и своими пальцами удерживал ложку в руке ребёнка. Держа в своей руке руку Риты, в которой находилась ложка, педагог зачерпывал пищу и подносил её ко рту девочки. При таком совместном действии, при котором пока ещё ребёнок не был активным, пища попадала в рот в большем количестве, чем при еде рукой, и Рита уже не сопротивлялась. Приучив девочку брать ртом пищу с поднесённой к её рту ложки, воспитательница начала уменьшать свою активность. Зачерпнув ложку и поднеся её ко рту ребёнка, она попробовала разжать свою руку, предоставляя девочке самой удерживать ложку у рта. Девочка вслед за этим сразу же опускала свою руку с ложкой, не успев схлебнуть пищу. Пища проливалась. Тогда воспитательница только ослабляла свой захват, потом только поддерживала, потом только прикасалась к руке, как бы поддерживая, а потом и совсем отпускала. Постепенно девочка научилась удерживать ложку у рта до тех пор, пока еда не попадала ей в рот.

¹⁷ Мещеряков А.И. Указ. соч. С. 85–89.

Зачерпывание пищи оказалось наиболее трудной операцией в овладении ложкой. Во-первых, само движение зачерпывания довольно сложное (вращение кисти); во-вторых, между этим движением и попаданием пищи в рот нет прямой связи (психологически эта связь более отдалена, чем, например, между движением руки ко рту и попаданием пищи в рот).

При каждом «удобном» случае ребёнок стремился заменить это движение другим, более для него простым и понятным. Как только обнаруживалось, что консистенция пищи позволяла брать её рукой, девочка сразу же захватывала еду левой и тащила её в рот. При этом правая рука с ложкой или совершенно бездействовала, или совершала какие-то движения, которые не достигали цели, т.е. деловым образом девочка действовала левой рукой, но при этом производила какие-то непонятные манипуляции правой рукой, держащей ложку, подчиняясь требованию воспитательницы.

В дальнейшей операции по овладению ложкой девочка сделала ещё одну уступку, лишь бы избежать трудного движения зачерпывания: держа ложку правой рукой, она левой рукой накладывала из тарелки пищу в ложку и потом несла ложку ко рту, придерживая её левой рукой. (Мне, например, подсказали с той же целью – для накладывания второго блюда в ложку левой рукой – использовать кусок хлеба. – А.С.)

Рита сначала, опрокинув содержимое ложки в рот, отпускала ложку. Уж теперь-то, когда в ней пищи не было, эта вещь явно была не нужна, и ложка падала. То же самое было и с чашкой: отхлебнув немного киселя или молока из чашки, девочка выпускала её из рук. А прожевав и проглотив пищу, искала новую её порцию. Потом Рита научилась отставлять чашку и класть рядом с тарелкой ложку. И лишь специально придерживая руку ребёнка и постепенно ослабляя это придерживание, её приучили держать в руке ложку, не бросая, пока не прожужется первая порция пищи, чтобы потом зачерпнуть и поднести ко рту следующую порцию.

Крайне важно во всей этой ситуации направлять активность ребёнка по естественному руслу. Например, Нине Х. первоначально не повезло: её не учили стоять, ходить, одеваться, раздеваться, садиться на горшок. Всё это осуществлялось в быстром темпе, без учета нужд ребёнка. (Та же проблема стоит и у части взрослых слепоглухих: зрячеслышащие навязывают им свои темпы движения и стереотипы восприятия, что может привести к травмам и в конце концов гасит собственную активность у даже взрослых слепоглухих. Я испытал такое отношение даже на себе – в больнице, например, где мне меняли постель, не давая встать с кровати, хотя моё состояние позволяло встать, пусть и медленно. Неопытный зрячеслышащий сопровождающий не тормозил при спуске с тротуара, и я с разбегу падал, разбивал колени и рвал одежду. – А.С.)

В итоге для девочки это был сплошной хаотический и непонятный поток прикосновений, в результате которых она то замирала от страха, очутившись в воздухе без твёрдой опоры, когда её переносили, то попадала в воду при купании, то её одевали, то раздевали. Естественная первоначальная активность её, если она в какой-то степени и существовала, была стойко угашена. Необходимо было определить возможность и пути развития двигательной активности ребёнка. Обследование показало, что двигательную активность сформировать и развить вполне возможно.

Обычно, когда Нину надо было переместить с места на место, её быстро брали руками под мышки, поднимали, переносили и сажали. При этом Нина сохраняла в воздухе то же положение ног, которое у неё было, когда она сидела в кроватке. Для того чтобы преодолеть поджимание ножек, к их подошвам приставлялась опора (хотя бы рука воспитателя), и подъём туловища осуществлялся в замедленном темпе. Ребёнок, чувствуя под ногами постоянную опору, начинал разгибать ноги, туловище уходило от опоры, а ноги оставались на ней. В дальнейшем воспитатель постепенно начинал поддерживать туловище ребёнка всё слабее и слабее.

Со временем доля активности ребёнка постепенно увеличивалась. Воспитатель помещал свои руки под мышцы ребёнка и начинал его поднимать, однако подъём намеренно осуществлялся медленно и слабо, при этом ребёнок сам, силой своих мышц начинал помогать подъёму. Таким образом, во всех этих историях зарождалось совместное действие взрослого и ребёнка: взрослый его начинал, ребёнок продолжал. И это важнейший этап первоначального обучения слепоглухонемого ребёнка.

2.2. ОЧЕЛОВЕЧИВАНИЕ, ТО ЕСТЬ ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПСИХИКИ

В понятии очеловечивания нет ничего «кошунственного», оскорбительного, шокирующего. Раз понято и принято, что мы не рождаемся, а становимся людьми, что формировать приходится даже психику вообще, в её зоологической, животной форме, – то тем более подлежит прижизненному формированию специфически человеческая психика, отличающаяся от животной «орудийностью в расширительном смысле». И что же это, если не очеловечивание – стихийное или целенаправленное? Как иначе это назвать?

В вопросе о прижизненности и, более того, стопроцентной социальности всего человеческого в человеке Э.В. Ильенков бескомпромиссно категоричен.

«...Все специально человеческие формы психики (на все 100%...) определены чисто социально, и ни на один процент не определены биологически, со стороны врождённых структур мозга и тела особи вида «гомо сапиенс». Конечно, такое внешнее условие, как медицински-нормальный мозг, должно присутствовать. Нет этого условия – не будет и никакой психики, ни человеческой, ни даже животной. Не будет того материала, из коего человеческая – то есть социально-исторически возникшая – жизнедеятельность делает орган человеческой психики, преобразует орган управления процессами, протекающими внутри тела, – в орган управления сначала движением этого тела во внешнем пространстве, а затем и управления всеми теми вещами и процессами, которые совершаются вне тела человека... то есть человека, понимаемого не как биологический вид, а как родовое существо, как род по отношению к любому другому виду, как универсальное существо, как совокупность всех общественных отношений»¹⁸.

Мещеряков также подчеркивает, что вся человеческая психика – результат активного практического взаимодействия индивида с другими индивидами в условиях среды, созданной человеческим трудом. Строится оно в ходе совместно-разделённого предметного действия – в частности в продолжении работы с уже описанной нами ложкой.

«Нину стали приучать к твёрдой пище, и постепенно она научилась откусывать и жевать твёрдую пищу. В руку ей стали давать ложку. Ложку она не держала, поэтому воспитатель держал её руку на ложке и её рукой подносил ложку ко рту. Так Нина научилась держать ложку своей рукой и стала делать попытки нести её ко рту. Чаще всего ложка не находила рта, но, как только ложка касалась лица, Нина правильно передвигала её ко рту и правильно опрокидывала пищу в рот. Постепенно она научилась откусывать хлеб (первое время хлеб ей крошили в суп)... Как видим, с самого начала у Нины не были сформированы или были угашены сформированные во младенчестве важные органические потребности: в пище, в движении... в общении. Пищевая потребность была угашена ненормальным процессом кормления, потребность в активности нашла своё удовлетворение в стереотипных... движениях туловища, потребность в общении не развилась или была угашена неправильными, непонятными для ребёнка резкими прикосновениями и движениями при обслуживании его»¹⁹.

Фактически первая стадия очеловечивания заключается в приучении к необходимым движениям, в руководстве (это слово приходится понимать вполне буквально, в его первоначальном смысле, «руководить, рукой водить»), но без принуждения, и во внимательности к малейшему проявлению самостоятельности. Ильенков отмечал: *«Как только такой намёк появился, сразу же ослабляй, педагог, руководящее усилие. И продолжай его ослаблять ровно в той мере, в какой усиливается активность руки малыша!*

¹⁸ Ильенков Э.В. Школа должна... С. 102–105.

¹⁹ Мещеряков А.И. Указ. соч. С. 89.

В этом первая заповедь педагогики «первоначального очеловечивания», имеющая принципиальное значение и – что не трудно понять – не только для воспитания слепоглухонемого»²⁰.

Это, кстати, касается не только детей, но и взрослых инвалидов, чья активность нередко гасится обслуживающими более здоровыми нетерпеливыми людьми, которым «удобнее» всё для инвалида делать вместо инвалида, а не вместе с ним, тщательнейшим образом подстраиваясь под собственные темпы инвалида, чтобы он успевал сориентироваться.

Таким образом, эти первые шаги по развитию самостоятельной активности должны быть в дальнейшем подкреплены формированием понятия режима дня и устойчивых навыков самообслуживания. Как отмечал Мещеряков:

«Когда ребёнок появляется на свет, он попадает в очеловеченную среду. Пространство вокруг него заполнено предметами, сделанными людьми: это и дом, в котором родился и живёт ребёнок, и кровать, в которой он на первых порах находится большую часть времени, и одежда, и все многочисленные предметы ухода за ребёнком, предметы быта, труда, за которыми закреплены выработанные человечеством функции и способы действия. Они создают вокруг ребёнка очеловеченное пространство. Но объективизация человеческих способностей в истории человечества происходила не только в создании материальных предметов, но и в разработке правил поведения, распорядка жизни. Так что кроме очеловеченного пространства так же объективно, т.е. независимо от ребёнка, существует ещё и очеловеченное время, режим – в широком смысле этого слова, распорядок жизни, предопределяющий, что и когда делать ребёнку в течение суток, недель и т.д. Очеловеченное пространство и очеловеченное время – вся очеловеченная среда реализуется для ребёнка поначалу в определённых действиях других людей, направленных на его обслуживание. Таковы факторы очеловеченной и очеловечивающей ребёнка среды, в которую он попадает, появившись на свет»²¹.

В своей книге он рассказывает об этом на примере всё той же Риты Л. Дома у девочки не воспитали никаких навыков самообслуживания. Первое время она совершенно не могла быть одна, плакала и, как только чувствовала, что к ней кто-то из взрослых подходит и дотрагивается, тянулась на руки. Ни к какому режиму девочка совершенно не была приучена. Для неё не существовало смены дня и ночи. Рита не употребляла ни одного жеста. Единственным знаком требования внимания к себе был крик. Им она пользовалась часто.

Первое, с чего началось воспитание Риты в детском доме, – это приучение её к режиму. Девочка сопротивлялась новому для неё распорядку. Не хотела ложиться спать в тихий час, вставала, плакала, выбрасывала из кровати подушки, одеяло. Воспитательница, взяв в свои руки ручки Риты, подводила её к кроваткам других детей, показывала ей, что дети разделались и легли спать, и делала руками девочки жест «спать». Если утром девочка вовремя не просыпалась, осторожным прикосновением её будили, в строго определенное время кормили, одевали, водили гулять, укладывали спать. Тщательные наблюдения показали, в какое время ребёнка целесообразно высаживать на горшок. Дома у неё не могли выработать привычки к опрятности, часто сажали на горшок уже после того, как штаны были мокрые, подолгу держали на горшке. Это было не только бесполезно, но и вредно для ребёнка. У Риты выработалось стойкое отвращение к этой процедуре. В детском доме её стали сажать на горшок в строго определенное время и ненадолго. Специально следили, чтобы горшок не был холодным. Вскоре она перестала сопротивляться.

За первые четыре месяца Рита привыкла к режиму. Перестала кричать, сопротивляться и

²⁰ Ильенков Э.В. Становление личности... С. 75.

²¹ Мещеряков А.И. Указ. соч. С. 298.

выполняла все режимные моменты, как должное, а многие и с видимым удовольствием. В умывальную шла спокойно, сама подставляла руки под струю воды, научилась делать первые движения при умывании – терла ладошкой о ладошку, самостоятельно несла мыло и полотенце как в умывальную, так и из умывальной в групповую комнату. Правильно вытирать полотенцем лицо и руки ещё не научилась, но уже видно было, что и этими навыками она вскоре овладеет.

(Даже меня, почти взрослого, Александру Ивановичу однажды пришлось учить этой премудрости. Я был у него в гостях, помыл руки перед обедом, а полотенце скомкал и этим комом пытался вытереть руки. Хотел побыстрее, но руки оставались мокрыми. Александр Иванович под моими руками расправил полотенце, повесил его на мои вытянутые кисти и показал, как надо вытираться расправленным полотенцем. С тех пор я больше полотенце не комкал. – А.С.)

Как только одевать и раздевать Риту воспитатели стали медленнее, поощряя малейшие её самостоятельные движения, активность девочки начала расти изо дня в день. Она сразу же научилась поднимать руки, когда с неё снимали кофточку, поднимала ногу, когда надевали чулок. Педагог, взяв руки девочки в свои, учила её надевать и снимать чулки, всё время давая возможность попробовать самостоятельно. Сначала Рита научилась снимать ботинки, предварительно расшнурованные педагогом, и отстегнутые чулки. Потом научилась расстегивать пуговицы на кофте и платье. А через четыре месяца после поступления в детский дом, готовясь ко сну, она уже самостоятельно снимала платье, обувь, штаны, чулки (правда, отстегивать их ещё не умела). Снятую одежду, которую девочка сначала бросала на пол, теперь пыталась повесить на спинку стула. Научилась Рита и более сложным навыкам – надевать платье, кофту, штаны, ботинки; расшнуровывать, зашнуровывать и завязывать шнурки ещё не умела, так же, как и застегивать пуговицы. Во время подготовки к прогулке пыталась сама надеть пальто, шапку.

Более того, постепенно Риту научили самостоятельно подниматься и спускаться по ступенькам лестницы. Сначала она по лестнице могла передвигаться, только за руку с педагогом, потом научилась подниматься по лестнице вверх, держась за перила. Труднее оказалось спускаться по лестнице, но к четвертому месяцу обучения девочка овладела и этим умением.

(Зависит, конечно, и от диагноза, а не только от навыка... Мне с моим постоянным, с возрастом нарастающим головокружением всегда труднее было спускаться, чем подниматься. То же касается и чувствительности ног. Уже младшему научному сотруднику, мне в детдоме учительница физкультуры рассказала о мальчике, который на уроках всё время терял лыжню и звал на помощь учительницу, – а ей надо было и за другими учениками следить. Она спросила, как бы я учительнице посоветовал поступить. Я уточнил:

– А может, у этого мальчика плохая чувствительность ног? Вы не проверяли? Меня проверили в прошлом году, и оказалась пониженная чувствительность... Поэтому и походка неуверенная – плохо чувствую дорогу под ногами.

– Да я тебе про тебя же и рассказывала! – смутилась учительница. – А.С.)

На следующем этапе началось формирование у ребёнка стремления к подражанию. Риту Л. специально обучали наблюдать то, что делают взрослые и дети. Её подводили к детям и показывали, как они одеваются, ложатся спать. Воспитательница вместе с Ритой брала одежду, обувь, подставляла стул к столу и т.д. Создавались условия, чтобы девочка могла наблюдать, как взрослые одеваются, раздеваются, метут пол, стирают, гладят и т.д. Постепенно круг действий, которые наблюдала Рита сначала вместе с педагогом, а потом и самостоятельно, лишь направляемая им, расширялся. Девочка научилась ориентироваться в комнате, потом и в коридоре, освоила дорогу в умывальную, в столовую, научилась выходить и во двор на прогулку. После того как воспитательница организовала наблюдение за

процессом подметания пола, Рита отыскивала веник и попыталась подмести сама. Дальше обучение её навыкам уже сводилось к организации наблюдения за тем, что делали другие дети, с последующей коррекцией её движений.

За подражанием наступил этап обучения жестам-сигналам. Перед тем как вместе с Ритой приступить к выполнению какого-либо действия, педагог с самого начала показывал девочке её же руками жест, обозначающий предстоящее действие. Например, перед тем как надевать чулок, её рукой проводилась как бы черта по ноге Риты от ступни к колену, и только после этого чулок надевался. Вначале девочка эти жесты никак не воспринимала, подлинным же сигналом к одеванию для нее было то, что на её ступню педагог надевал чулок; сначала чулок натягивали совместными усилиями взрослого и ребёнка, а потом девочка делала это самостоятельно.

Постепенно Рита стала понимать простые жесты, обозначающие много раз повторяющиеся действия по ее обслуживанию. К концу четвертого месяца обучения девочка хорошо понимала жесты, связанные с раздеванием и одеванием (надеть-снять чулок, кофточку, штаны, обувь), едой, умыванием. В общении Рита их ещё не употребляла – для неё это было ещё рано, – но понимала. Восприняв, например, жест «умываться», она брала мыло и полотенце и направлялась в умывальную, получив жест «есть», доставала передник, чтобы ей его подвязали, и направлялась в столовую.

При чтении книги А.И. Мещерякова у меня создается впечатление, что этот человек знал про слепоглухоту всё. Он как-то изнутри о ней пишет. Обычно сетуют на то, что зрячеслышащие не могут до конца представить себя на месте слепоглухих. Но у Мещерякова и теоретические схемы прямо-таки исчерпывающие. За ними громадный практический материал.

Пересказывать Мещерякова – значит обеднять его. Пусть говорит сам:

«Нормально видящий и слышащий ребёнок, взаимодействуя с... факторами очеловеченной среды, очеловечивается, т.е. формирует свою человеческую психику в естественном процессе жизни, привычно и поэтому незаметно для окружающих... Ещё до начала специального обучения слепоглухонемого ребёнка взрослый, ухаживая за ним, удовлетворяет его органические нужды способами, выработанными человечеством: по определённому режиму кормит ребёнка, одевает его, укладывает спать и т. д... Уже на этом этапе закладываются первые элементы человеческой психики. Они возникают потому, что нужды ребёнка удовлетворяются человеческими предметами (одежда, предметы ухода, бытовые вещи) и человеческими способами (кормление, одевание, туалет). Происходит важнейшее событие в жизни ребёнка: его органические нужды, обретая человеческий предмет и человеческий способ удовлетворения, становятся человеческими потребностями... Возникает орудийное удовлетворение потребностей (ребёнок ест ложкой, а не ложку)... Выработанный обществом способ действия и составляет общественное значение, заключающееся в вещи. Таким образом, между субъектом (ребёнком) и предметом его потребности вклинивается вещь (орудие) со скрытым в ней общественным значением. Это и есть решающее обстоятельство в очеловечивании ребёнка. Овладевая вещью, т.е. обучаясь посредством её удовлетворять свои потребности, ребёнок усваивает (и присваивает) общественное значение, превращая его в свой личностный смысл»²².

В итоге органические нужды превращаются в человеческие потребности, опредмечиваются в действиях. Э.В. Ильенков этот пример тоже приводит:

«Предположим, мы с вами, собравшись в тесной комнате, надыхали бы так, что, как говорится, уже дышать стало нечем. Исчерпали кислород. В комнате стало невыносимо душно. Как среагирует на этот факт наша биология, её врождённые механизмы?»

Учащением сердцебиения, учащением дыхания, попыткой поскорее убраться из комнаты в какое-то другое пространство, на «свежий воздух». Это и делает любое животное. А что делаем мы? Подходим к окну и открываем форточку. Или включаем вентиляцию. И этот способ реагирования на условия среды никак не был и не мог быть записан ни в самой по себе внешней среде, ни в нашей физиологии. Он записан только в устройстве форточки и вентиляции»²³.

Все виды деятельности, совершаемой ребёнком для удовлетворения своих потребностей, строятся из выработанных человечеством действий, операций, приёмов. Они – двигательные, ориентировочные, подражательные, осуществляемые совместно со взрослым, – усваиваются ребёнком, а затем рожают новые потребности. Виды деятельности являются условиями принятия ребёнком задачи, направленной на обучение новым формам деятельности: игровой, познавательной, подражательной, деятельности общения, как отмечал Мещеряков²⁴.

Обратим внимание: ребёнок должен принять ту или иную задачу. Никакого насилия, принуждения. Диалог между ребёнком и взрослым. Диалог, в ходе которого всё должно быть принято, а принятие подготовлено. А дальше постоянное самосовершенствование, развитие за счёт возникновения новых потребностей и несовершенства в удовлетворении старых.

Здесь возникает коварный вопрос: а почему же аналогичные умения, воспитанные у животных, например, у обезьян, не очеловечивают их? Дело в том, что животное наследует опыт предшествующих поколений, генетически фиксированный в анатомо-физиологических структурах и обусловленных ими формах поведения. Опыт, полученный в индивидуальной жизни особи, пропадает, если он не фиксируется в механизме генов. Мещеряков отмечает:

«Человек в несравнимо меньшей степени, чем любое животное, наследует формы поведения, фиксированные биологически... Человек наследует опыт предшественников, фиксированный в культуре. Индивидуальный опыт человека посредством социальных контактов становится достоянием общества, общественное же достояние присваивается индивидом, становясь его собственным поведением... Чем больше почерпнул индивид из копилки «общественной мудрости» и чем больше он вложил в эту копилку из своего личного опыта, тем больше он человек»²⁵.

Человеком никто не рождается, а становится. Более того, нельзя стать человеком раз и навсегда. Каждый из нас – человек лишь тогда и постольку, когда и поскольку поступает по-человечески. Как только перестаёт поступать по-человечески – перестаёт быть и человеком. Снова становится животным, а то и хуже – преступником, врагом культуры.

«Человек – историческое образование. Человек – плод присвоения культуры, благодаря которой он способен включиться в человеческое сообщество. А культура накоплена исторически. Человек становится человеком, присваивая исторические пласты культуры»²⁶.

Энгельс вообще с первых до последних своих работ был уверен, что существует только одна наука – история. Чего бы и кого бы то ни было. История Вселенной. История Солнца и его планетной системы. История планеты Земля. История геологической, биологической, гидро- и атмосфер на этой планете. История разумной жизни на Земле. История религии, история наук, история общества... Собственно, нет и быть не может ничего, кроме истории.

23 Ильенков Э.В. Школа должна... С. 102.

24 Мещеряков А.И. Указ. соч. С. 301–303.

25 Мещеряков А.И. Указ. соч. С. 308–309.

26 Бим-Бад Б.М. Указ. соч. С. 47.

И чтобы история каждого «Я» состоялась, при зарождении личности очень важно считаться с темпами реакции данного организма на педагогическое воздействие, настаивает Мещеряков. И, добавлю от себя, не только при зарождении личности – вообще-то всегда, в течение всей её жизни. Правда, со временем возрастает сопротивляемость личности воздействиям, игнорирующим темпы её реакции, и со своей стороны личность может корректировать такие воздействия. Да и то до поры до времени, в некоторых границах. Слишком ретивое, нетерпеливое воздействие может окончиться травмой: либо душевной, либо физической, либо той и другой. Я сам инвалид – слепоглухой – и на себе испытал последствия игнорирования темпов моих реакций на те или иные воздействия. Вплоть до тяжёлых переломов и необратимо тяжких ссор, в ходе которых теряются навсегда самые близкие... Короче говоря, главное, что мы должны уметь в обращении друг с другом, это ждать. Ждать, пока друг на друга прореагируем. И ничего не предпринимать, не дождавшись реакции.

2.3. ВОСПИТАНИЕ ЧЕЛОВЕКА: ЦЕПЬ

«Очеловечивание» – сложный процесс. Успех в нём возможен лишь тогда, когда воспитателя слепоглухота воспитанника обрекает на педагогический оптимизм, на понимание стопроцентной прижизненности психики и тем самым – на осознание стопроцентной ответственности педагога за результат его труда. Э.В. Ильенков отмечал:

«Нормальный (зрячеслышащий) ребёнок развивается под воздействием самых разнообразных, перекрещивающихся и противоречащих друг другу (а потому друг друга взаимно нейтрализующих и корректирующих) факторов, влияний. Грубые промахи семейного воспитания зачастую исправляет здесь двор или детский сад, со школьной педагогикой конкурируют и телевизор, и случайно складывающиеся микроколлективы, и улица, и кружки в Доме пионеров, и многое, многое другое... В случае слепоглухонемоты всё это исключено, и воспитателю приходится брать на себя полную ответственность за плоды своих стараний. Тут ему никто не мешает, но никто не может и помочь скорректировать перекосы и заполнить пробелы в его педагогике. Слепоглухонемота поэтому оказывается жестокой и острой проверкой педагогических способностей воспитателя, его умения привить ребёнку все атрибуты нормальной человеческой психики: ум, волю, речь, потребность в общении с другими людьми, интерес к окружающему миру, аккуратность, терпение, умение заполнять свой досуг содержательной игрой и даже просто улыбаться или плакать. Ибо само собой тут ничего не возникает, и воспитать ум вы сможете лишь в том случае, если точно знаете, чего именно вы хотите, и ясно представляете себе, что такое ум, как этот ум связан с речью, с деятельностью руки, с потребностью в общении с другим человеком и т.д., и т.п.»²⁷.

При этом нужно понимать, что каждый ребёнок воспитуем. Способность поддаваться воспитанию сама воспитывается, т.е. формируется по мере развития способности к произвольному вниманию, широты и глубины интересов, самостоятельного выбора.

Настаивая на дозировке взрослой активности в пользу детской в совместно-разделённом предметном действии, иногда перегибают палку в сторону чисто механической тренировки или даже дрессировки. И дальше поражают воображение ошеломленной публики астрономическими цифрами количества повторений, якобы совершенно необходимых, чтобы научить слепоглухонемого ребёнка чему бы то ни было – вне конкретного психолого-педагогического контекста.

У одного автора я вычитал про восемь тысяч повторений, у другого – все сорок тысяч. Подсчитано, дескать. Кем? Когда? И не успел ли ребёнок вырасти, пока считали? Источники сей жуткой статистики не указываются...

На этот раз я не буду цитировать авторов, такой статистикой щеголяющих. Просто предупреждаю читателя – а значит, вооружаю: не спешите верить жутким цифрам, если где на них наткнётесь. Цифры эти – не точная наука, а скорее метафора. Иллюстрация того, какое нужно адское терпение в работе со слепоглухонемыми детьми. Кстати, если бы и вправду кто-то считал, цифры вряд ли получились бы такими круглыми...

На самом деле бесконечные – и бессчётные – повторения требуются тогда, когда ребёнка приносят в жертву той или иной методике, так называемой сенсомоторной тренировке. Или устному методу.

До Соколянского и Мещерякова слепоглухонемых детей пытались учить сразу устной речи, независимо от того, умеют ли дети делать хоть что-то, о чём требовалось бы кому-то сообщить. И поскольку навыки самообслуживания не сформированы, приходилось бесконечно твердить слова, да ещё учить понимать их, например, по вибрации горла, как учат

27 Ильенков Э.В. Александр Иванович Мещеряков и его педагогика // Молодой коммунист. 1975. № 2. С. 83.

зрячих глухих чтению с губ.

Сенсомоторная тренировка – лепка, разного рода конструирование, – вне контекста, значимого для ребёнка, тоже не только бесполезна, но и вредна. Не возражая против сенсомоторной тренировки в «деловом» контексте удовлетворения детских нужд, Александр Иванович Мещеряков категорически против неё как самоцели:

«До начала обучения „деловой“ деятельности и до образования внутри её относительной самостоятельности познавательной деятельности не могут сформироваться условия для специальных учебных занятий по так называемой сенсомоторной культуре. Заниматься сенсомоторным развитием ребёнка до того, как у него сформированы первые навыки самообслуживания, и в отрыве от них – дело не только бесполезное, но и вредное, так как порождает у ребёнка глубочайшее отвращение к учебному процессу»²⁸.

Всё хорошо вовремя. Бывает рано, бывает и поздно. Я поступил в Загорский детдом в одиннадцатилетнем возрасте, после четырёх классов школы слепых. Сенсомоторная культура – лепка и конструкторы – давно была стихийно включена в контекст моей игры-фантазирования. От какого-то конструктора имелась деревянная дощечка на четырёх колёсах, с четырьмя продольными бороздками с одной стороны, для укрепления на дощечке других, отсутствовавших, деталей конструктора. По этим бороздкам я любил надстраивать из пластилина грузовик, автобус... И фантазировал – играл.

В детдоме мне предложили лепить совершенно оторванные от значимого для меня игрового контекста морковки, огурцы. Мне сразу стало скучно. И пластилин мне раз и навсегда опротивел. До сих пор, если предлагают что бы то ни было вылепить, наотрез отказываюсь.

Зато увлёкся игрушечной железной дорогой и другими конструкторами...

Чтобы отдельные сформированные навыки самообслуживания и повторения составили в конечном итоге целостную поведенческую систему, превратились в воспитание, тифлосурдопедагоги сознательно объединяют их в так называемую цепь. Каждая операция (элемент) движения связана с рядом других. Всё это встраивается в режим дня.

Всё бытовое поведение слепоглухого ребёнка, связанное с удовлетворением нужд организма, строится как цепочка «целевых звеньев». Окончание того или иного действия служит сигналом к началу следующего. Например, нужно выполнить все акты утреннего туалета (встать с кровати, одеться, обуться, умыться, убрать постель) для того, чтобы пойти завтракать. Цепочка навыков, связанная с приемом пищи в столовой, заканчивается подготовкой к прогулке с подвижными играми, и т.д.

Порядок в расположении вещей и в последовательности действий составляет стабильную предметную ситуацию. Всё вместе это рождает целостное непрерывное человеческое поведение. Навыки поведения, ориентировки, самообслуживания и игры формируются не разрозненно, а в связи друг с другом. Соответственно этому и образы предметов составляют целостную систему, в единую картину внешнего мира. Такая стабильность необходима для формирования правильной ориентировки в пространстве.

Однако по мере развития ориентировки строгая стабильность положений предметов становится не только не нужной для дальнейшего развития ребёнка, но и вредной, потому что окружающая нас действительность постоянно меняется.

И.А. Соколянский столкнулся и с необычайной косностью сформированных цепочек поведения.

«Например, после целого ряда занятий дети осваивали умение умываться в ванной комнате самостоятельно. Они сами приходили туда, подходили к умывальникам, открывали краны, мыли руки и умывались. Но однажды случилось аварийное отключение воды, и она перестала течь из кранов. Слепоглухонемой ребёнок пробовал открыть кран в умывальной

²⁸ Мещеряков А.И. Указ. соч. С. 82.

комнате школы снова и снова, но ничего не получалось. Он искал взрослого рядом – и не находил. Эти поиски могли продолжаться в течение полутора часов и более. Ребёнок растерянно продолжал откручивать краны и искать взрослого рядом с собой. Всё это привело к мысли, что нельзя все навыки выстраивать как идеальные. Необходимо было специально организовывать «препятствия» к достижению цели и учить детей самостоятельно находить выход (уйти из умывальной комнаты и найти взрослого, чтобы попросить помощи; попробовать самостоятельно найти другой источник воды для умывания – специально приготовленное ведро с водой, зачерпнуть кружкой и умыться из неё). Все эти навыки выстраивались достаточно медленно, каждое новое изменение привычной ситуации требовало нового поиска и решения с помощью взрослого»²⁹.

Например, когда воды в кранах не было и слепоглухонемая девочка Варя стояла в растерянности, не зная, что делать, к ней подходил взрослый и касался её плеча. Она хватала его руку и тянула к крану. Взрослый объяснял жестами, что воды нет. Говорил дактильно, что кран испорчен, воды нет, вода есть в ведре. Вёл к ведру и показывал. Вместе с девочкой зачерпывал воду кружкой из ведра и учил умываться из неё. Через неделю опыт с испорченными кранами был повторен. Девочка стала искать ведро с водой на прежнем месте, но его там не было. К ней подошла няня и показала новое место, где стояла вода. Варя самостоятельно зачерпнула воду и умылась из кружки. Через некоторое время воду снова отключили. Девочка, обнаружив, что краны не открываются, стала искать ведро сначала в одном месте, затем в другом, не найдя его там, стала искать вокруг, пока не обнаружила и не умылась, зачерпнув там воду. Этот опыт закончился тем, что Варя стала совершенно самостоятельно искать ведро в ванной комнате, а если ведра не было, обращалась за помощью к няне, которая показывала ей, где можно найти воду – бак для питья в буфетной.

Впрочем, изменчивость изменчивостью, но обязательно в границах некоторой стабильности, без которой нечему меняться, ибо меняется именно она. Если границы стабильности всё время нарушаются – просто не выжить. Во всяком случае, жить весьма затруднительно. И это хорошо иллюстрирует О.И. Скороходова:

«У меня бывают зрячие гости и, забывая о том, что я не вижу, производят в комнате беспорядок – бросят стул среди комнаты, поставят посуду не там, где обычно ставлю я, – меня это раздражает, и я отказываюсь понимать, почему зрячим так нравится беспорядок. Однажды подруга пила воду и оставила чашку на краю стола. Я же была уверена, что чашка стоит на своём обычном месте. Я хотела стереть со стола крошки, размахнувшись рукой, свалила чашку на пол, она разбилась. Я рассердилась на подругу:

– Ты не хочешь понять, что я не могла узнать, что чашка стоит на краю стола... Ведь для меня она всегда на своём привычном месте, и я протягиваю руку совсем не в ту сторону, где ты оставила чашку.

Подруга весьма легкомысленно отвечала:

– А ты привыкай к тому, что я могу оставить чашку там, где вздумается.

– Ты говоришь очень странно, забываешь, что имеешь дело с незрячим человеком. Для тебя как для зрячей не составит большого труда одним взглядом окинуть комнату и увидеть нужную вещь. А мы, слепые, если вещь переставлена без предупреждений, не представляем того места, на котором она стоит, мы представляем её на старом месте и, если не находим там её, должны потратить иногда немало усилий, чтобы найти то, что нам нужно...»³⁰.

У любого слепоглохого есть горький опыт описанного Скороходовой рода. Когда я жил один

29 *Басилова Т.А.* История обучения слепоглохих детей в России. М.: ЭКСМО. С. 96–97.

30 *Скороходова О.И.* Как я воспринимаю, представляю и понимаю окружающий мир. М.: Педагогика, 1972.

и сам, как мог, поддерживал порядок в квартире, я очень злился, если гости оставляли тряпку для вытирания стола неизвестно где. Сейчас у меня на обеденном столе специальный поднос, где стоит необходимая мне посуда и лежат две мои личные ложки – одна обычная столовая, а другая с дырками, чтобы вылавливать из воды пельмени и подобную еду. Поднос я время от времени мою, а стол остаётся чистым. Рядом на другом подносе – ножи, консервные ключи и прочие кухонные мелочи, а также блендер для приготовления овощных и фруктовых пюре. Микроволновка стоит в углу кухни между плитой и окном. Всегда на своём месте и тостер. Меня очень обижает и раздражает бесцеремонность тех киношников, которые во время съёмок в моей комнате без спросу убирают всё, что им не нужно в кадре, а затем уезжают, не восстановив привычный мне порядок. Например, я постоянно прикрываю от пыли специальной салфеткой и полотенцем брайлевский компьютерный дисплей, который иначе быстро пачкается, и читать становится невозможно – где точки текста, а где грязь... Ничего не имею против того, чтобы мою технику снимали, но убирать защиту от пыли мне лучше самому, чтобы потом не искать. То, что для вас тряпка, для меня – специальная салфетка, которой я постоянно протираю и прикрываю дисплей. Прошу подальше руки, скажите мне – и я сам уберу салфетку из кадра.

Но горький опыт убедил меня, что зрячеслышащие делятся на две категории: одним ничего не надо объяснять, потому что они хорошо представляют себя на моём месте, а другим объяснять что бы то ни было бесполезно – игнорируют, считая, как та скороходовская подруга, что все должны приспосабливаться к ним, а они – ни к кому. К счастью, грех жаловаться: живущие со мной люди или регулярно меня посещающие все относятся к тем, кому ничего объяснять не надо. Ну, на худой конец, сказать один раз...

Так что в борьбе с нашей «косностью» не стоит особо усердствовать. Приучать к некоторой лабильности обстановки, разумеется, нужно, – к предсказуемым изменениям вроде водопроводной аварии. Но слов нет, аварии ни в коем случае не должны быть повседневными. А чем беспомощнее человек, тем более «мелкие» (для более самостоятельных) изменения могут приобрести значение аварий и даже катастроф.

Жизнь – это осмысленное существование. Без учёбы его не осмыслишь. И учёба – точнее, творчество, – сама по себе может быть смыслом...

Родители не могут не мечтать о выздоровлении своих детей. Но, к сожалению, это весьма проблематично. В случае неизлечимости надо готовиться жить в тех условиях, какие есть. И именно жить, а не прозябать. Я не призываю отказываться от лечения. Просто прошу понять: шанс вылечиться может быть иллюзорным, на деле – нулевым, а реальный шанс выучиться может быть упущен, пока родители с ребёнком мечтают по врачам.

По возможности, лечиться и учиться нужно параллельно. Однако надо трезво оценивать перспективы. Удастся ли вылечиться – неизвестно. А – готов повторить миллион раз – время на получение образования упускать нельзя. Как сложится жизнь – не только в будущем, но и прямо сейчас, – от учёбы зависит. Нет ничего судьбоноснее. Поэтому даже на краю могилы учёбой жертвовать нельзя. Учёба самоценна.

Решая одни проблемы, есть риск напороться на другие, возможно, ещё более серьёзные. Я всегда был уверен, что лучше быть умным слепоглухим, чем глупым зрячеслышащим. И на трепанацию черепа ради зрения и слуха, рискуя стать клиническим идиотом, никогда бы не согласился. Надо уметь ценить, хранить и преумножать то, что есть.

Да, лечиться, чтобы жить. Но не наоборот, не жить, чтобы лечиться. Да и жизнь ли это?

Слепоглухота многое вынуждает уточнить. Мама пятилетнего слепоглухонемого малыша горевала: пять лет сыну, а я всё ещё его кормлю, в то время как ему давным-давно пора бы овладеть ложкой самому.

Что значит – пора бы? Я в семь лет не умел завязывать и развязывать шнурки. Помню, перед отбоем в общежитии школы-интерната для слепых, где все спальни, сижу в коридоре на

корточках, а шнурки затянулись в тугие узлы. Зубами не достану, слюнявлю зачем-то пальцы – только хуже. Подходит кто-то из старших ребят, не без труда и чертыхания распутывает мою путаницу... Удивляясь, как меня угораздило так затянуть...

Никто на самом деле не составлял график, что и когда надо уметь. Вернее, графиков-то этих тестологи насоставляли без числа, да нам тестологи не указ. Обосновывая необходимость пробного обучения в течение года, чтобы решить вопрос об обучаемости слепоглухонемого ребёнка, Александр Иванович от скучных, притянутых за статистические уши фантазий тестологов не оставил камня на камне. Не указ нам их статистика и их расписания.

«Следует иметь в виду, что стандартизированное тестологическое обследование даже нормальных детей не достигает поставленной цели – не устанавливает действительного уровня развития и не отвечает на вопрос о способностях, ибо по своей сути... не учитывает особенностей каждого отдельного ребёнка... Нельзя найти хотя бы двух слепоглухонемых детей, одинаковых по уровню развития и по условиям жизни. На начальных уровнях развития (а именно в этот период и возникает задача установления степени обучаемости) слепоглухонемой ребёнок вообще не принимает предлагаемого ему тестового задания... В этом периоде слепоглухонемой ребёнок должен обучаться, например, есть ложкой, пользоваться горшком, надевать рубашку. Эти задачи слепоглухонемой принимает, потому что формирование навыков самообслуживания в его восприятии связывается с вполне ощутимой пользой: овладевая ложкой, он насыщается, овладевая навыками одевания, он защищает организм от холода, и т.д. Тестовые же задания ему совершенно чужды, они ничего не значат, ибо не ведут ни к каким ощутимым для него результатам»³¹.

Нужно исходить из логики развития. По какой-то причине нарушена логика, например, речевого развития, и надо думать, как эту нарушенную логику восстановить.

Под внутренней логикой личностного развития-саморазвития имеется в виду вся история этого процесса, вся уже возникшая – и предопределяющая перспективу – система поведенческих стереотипов, предпочтений, тенденций.

По критерию этой внутренней логики я в своей докторской диссертации выделил следующие этапы развития и саморазвития.

Первый – стихийное саморазвитие в процессе первоначального овладения навыками самообслуживания в быту под руководством и с помощью близкого взрослого – матери, педагога. Особо подчёркивается собственная детская активность, без провоцирования, поощрения, направления которой в совместно-разделённом взаимодействии взрослого и ребёнка любые развивающие усилия взрослого результата не дадут. Саморазвитие ребёнка на этом первом (в предлагаемой периодизации) этапе названо стихийным, так как собственная детская активность, без которой оно неосуществимо, носит скорее вынужденный, чем сознательно-добровольный характер. Он вынужден делать то, чего от него добиваются, учиться тому, чему его хотят научить, – вынужден вопреки собственному, подчас отчаянному, сопротивлению.

Второй этап – стихийное саморазвитие в процессе совместно-разделённого – бытового, игрового, трудового и т.д. – взаимодействия как со взрослыми, так и с детьми, особенно превосходящими по уровню развития. Взаимодействия, внутри которого совершается речевое развитие от первичного набора сигнальных жестов до свободного владения национальным словесным языком как основным средством общения, в том числе (в перспективе) с самим собой.

Так как словесный язык у слепоглухонемых и глухонемых детей носит «официальный» характер, то есть предназначен только для общения со взрослыми, которые этот язык ребёнку навязывают, для него непонятно зачем, – очень важно общение таких детей с нормально

³¹ Мещеряков А.И. Указ. соч. С. 62–64.

слышащими, для которых словесный язык – основное средство общения, родной, а не «иностранный». И в таком общении словесно-речевое развитие глухонемых и слепоглухонемых детей действительно резко ускоряется, ибо словесная речь оказывается нужна для взаимопонимания и как можно более полного самовыражения в какой-либо совместной деятельности (в игре, в совместных «творческих делах»), а не для выслушивания нотаций и назиданий взрослых, то есть оказывается действительно жизненно необходимой.

Третий этап – стихийно-сознательное саморазвитие в большой ролевой игре и в реализации всевозможных увлечений (лепкой, рисованием, конструированием, драматизациями, чтением, всякого рода попытками литературного творчества).

На этом этапе в творческом уединении зарождается (или может зарождаться) умение общаться с самим собой. Цепь действий, составлявшая детское поведение в соответствии с режимными моментами, разрывается. Не в том смысле, что режим перестаёт соблюдаться, а в том, что личность определяет, формирует своё поведение сама, и сигнализация окончанием одного действия о начале следующего постепенно становится не нужна. Личность решает сама, чем заниматься, в то время как до сих пор это решали за неё другие. Если сравнивать саморазвитие с баржей, то на первых двух этапах этой барже нужен буксир, а на третьем, благодаря возникающему творчеству, она становится самоходной.

Осуществляется всё более интенсивный труд души, в котором накапливается материал для содержательного непосредственного общения. Ребёнок занимается тем, что ему нравится, и именно потому, что ему это нравится, не думая, конечно, о том, как это сказывается на темпах, качестве и направленности его саморазвития, остающегося пока стихийным. Однако при этом постепенно определяется приоритетная сфера творческих интересов личности. Осознание этих приоритетных интересов может привести ко всё более сознательному выбору направлений саморазвития, и к сознательным же попыткам самореализации в выбранных направлениях.

То есть третий этап – переходный между стихийностью и сознательностью саморазвития. Именно на этом этапе начинаются попытки осознания не только мира вокруг себя, но и себя в мире, прежде всего своего места среди других людей, – иными словами, начинает формироваться рефлексия.

Пока ещё на эмоциональном уровне формируются начатки будущей мировоззренческой системы. То есть я, например, полюбив подростком научно-фантастические романы Ивана Антоновича Ефремова о далёком коммунистическом будущем («Гуманность Андромеды», «Сердце Змеи», особенно «Час Быка»), на всю жизнь «заболел» мечтой об этом будущем, которое позже теоретически осмыслил благодаря трудам Ильенкова. Формируются эмоционально-мотивационные предпочтения, которые позже определяют мировоззренческий выбор.

Четвертый этап – сознательное саморазвитие в зрелом творчестве и самотворчестве (то есть творчестве себя, в самосозидании). Происходит формирование мировоззренческой системы (индивидуальной, именно данной личностью признанной за свою, данной личностью предпочтённой, картины мира) на основе ранее возникших эмоционально-мотивационных предпочтений.

С опорой на мировоззренческую систему – определение смысла жизни и попытки его сознательной реализации в образе жизни (при условии достаточного стимулирования воли к жизни и жажды жизни). Попытки сознательной реализации смысла жизни – это и есть попытки сознательного достижения акме как конечной цели всех усилий. (Акме в переводе с греческого – вершина; имеется в виду вершина развития или саморазвития личности.)

Возрастные границы этих четырёх этапов абсолютно индивидуальны, и пытаться определить эти границы для всех – не для каждого, а именно для всех одни и те же, – просто нелепо. Ясно, что далеко не все дорастают не только до четвёртого, высшего, но даже до третьего

этапа, до старости застревают на втором, а то и на первом.

2.4. ЗАБЫТЬ О ЕДИНООБРАЗИИ

И в этом смысле важно намеренно «забыть» о единообразии в обучении. Например, невозможно и не нужно собирать всех слепоглухих в одном месте, в одном огромном учреждении. В Республиканской школе слепых во Фрунзе (ныне Бишкек) я чувствовал себя изгоем. Да и в Загорском детском доме для слепоглухонемых, честно говоря, при всём положительном в целом отношении к нему, у меня были пренеприятные моменты, которые невозможно забыть и простить.

Я поступил в детдом в 11-летнем возрасте. Очень скучал по маме. После отбоя, перед сном, часто плакал. Ночевавшей недалеко на диване в коридоре няньке звуки моего плача мешали. И она просила двух старших ребят меня «успокоить». «Успокаивали» так: один трогал мою грудь, – поднимается ли судорожно, – и если да, то второй по сигналу первого меня бил по груди. До тех пор, пока огромным усилием воли я не заставлял себя дышать равномерно...

Нечто подобное помнят и другие известные мне взрослые слепоглухие, учившиеся в разных школах-интернатах для слепых. Я совершенно искренне называю Загорский детдом времён Мещерякова и Апраушева «добрым местом». Но из нынешней моей квартиры вернуться в это «доброе место» не захотел бы.

Вообще недаром говорят: «Меньше народу – больше кислороду». Да. И в прямом, и в переносном смысле. В харьковской школе-клинике Соколянского было не более восьми воспитанников. В идеале в каждом регионе должны быть созданы именно такие школы-клиники, не более чем на десять воспитанников – в беседе со мной эту цифру назвала Т.А. Басилова. Маленькая школа-клиника и не в пример уютней, и, может быть, в образовательном отношении перспективней крупного учреждения.

При слишком медленном обучении детское развитие на самом деле тормозится, и воспитанники не столько учатся, сколько содержатся, например, в том или ином детдоме. Воспитанников-инвалидов некуда выпускать. Ну и держат их до тех пор, пока по окрику из министерства не отгрузят переростков из «детского учреждения» то ли в семью, то ли в дом престарелых, то ли вообще в психоневрологический интернат. Всё это разные варианты прозябания, и трудно сказать, где хуже...

Алексея Живагина, бывшего гордостью Сергиево-Посадского детдома, занимавшегося скульптурным творчеством, керамикой, – держали сколько могли, но всё же вернули в семью. И однажды я получил от него отчаянный вопль, что ему там «совершенно нечего делать». Я добился, чтобы местная библиотека слепых регулярно снабжала его брайлевской литературой. Алексей оказался на диво настойчив, благодаря неплохому остаточному слуху созвонился по мобильному телефону с одной нашей общей знакомой, которая тут же обратилась ко мне, а я – в фонд «Со-единение», как раз к этому времени открывший ресурсный центр в московском микрорайоне Ясенево. В итоге Алексей прошёл курс компьютерной грамотности в Пучково, получил брайлевский компьютер, вернулся домой. Пытался наладить со мной обмен эсэмэсками. Лучше, конечно, переписываться по электронной почте... А то на эсэмэсках разоримся, он всё же в Краснодарском крае, а я в Москве...

Впрочем, сейчас он тоже в Москве, в так называемом «Тихом доме», созданном для одиноких слепоглухих фондом «Со-единение». Фонд – благотворительное, а не бюджетное учреждение, и чтобы содержать «Тихий дом», приходится всё время собирать, как говорится, с миру по нитке.

Интернат в качестве базы для региональной школы-клиники – это просто исторический прецедент. Соколянский. На самом деле не стоит заикливаться, база может быть и какой-то другой. Детский дом какой-нибудь местный. Пансионат... Не знаю. Лишь бы хороший, равнодушный руководитель. И помещения достаточно удобные. Я просто к тому, что зону

поиска базы надо расширить, не ограничиваясь только интернатами. Где нам рады, там и хорошо. Опыт – дело наживное. Даже плюс иногда, что его нет. Меньше зашоренности.

В Ереване мне показывали восьмилетнего слепоглохого мальчика, обучающегося там при местной школе слепых. Насколько я понял, ночует он дома. Зависит от конкретных условий. Как далеко живёт семья в том числе. Необходимость ночёвки в интернате может быть обусловлена приучением к режиму, что в домашних условиях сложнее наладить.

Одинаковых детей не бывает. Будьте готовы к работе по индивидуальным планам и программам. В моей, например, учебной группе в Загорске формально – три ученика, а фактически у каждого – свои учебники для разных классов школы слепых. И сам я по литературе и истории учился по учебникам для старших классов, по остальным предметам – с большим или меньшим отставанием, особенно по математике. В общем, от шестого до одиннадцатого, выпускного, класса. И это на момент поступления в университет!

Нас объединяли в группы не столько по критерию, какие нарушения и какие уровни развития, сколько просто потому, что было невозможно каждому дать единоличного учителя. Формально на одного воспитанника в штатном расписании приходился один педагог, но не мог же он быть при ребёнке круглосуточно! Поэтому на деле они работали в три смены: один педагог приходит после обеда, на следующий день – с утра до обеда, следующий день – выходной. Такая карусель с понедельника до субботы, а в воскресенье – дополнительное дежурство, по очереди каждый из трёх педагогов – целый день. Вот и всё. Поэтому – три ученика на одного учителя. А учебные планы и программы – строго индивидуально. Чтобы действительно на одного ученика приходился один педагог, их в штатном расписании при описанной посменности должно было быть втрое больше, чем детей.

Готовых кадров нет нигде. Их создаёт практика. Честность, добросовестность и, главное, любовь к детям – это востребовано во все времена. Остальное – дело наживное. Ищите родителей и энтузиастов-педагогов, любящих детишек. Ведь может и так быть: битый год (бились-бились – ничего не добились) ребёнок у данного педагога «не шёл»; перевели к другому – ещё как «пошёл».

Я принимал нелюбимую математику только от своей любимой учительницы, Валентины Сергеевны Гусевой. С другой математичкой, Ниной Ивановной, два года провоевал, пока мне не «отдали» Валентину Сергеевну.

Между прочим, статус воспитателя я ставлю гораздо выше статуса учителя. И Валентина Сергеевна была прежде всего воспитателем, потом – учителем. Уже студенту, она мне призналась, что легко могла бы увлечь меня математикой.

– Но ты и так сухарь, – безжалостно оценила она мою душевную чёрствость. – Так что уж лучше пиши стихи.

Тут она невольно «подпела» и Апраушеву, который ничуть не настаивал, чтобы я делал булавки:

– Лучше пиши стихи.

Отмечая мою «сухость», Валентина Сергеевна одновременно констатировала и мою чрезвычайную увлекаемость. Но не всё равно, чем увлечься. Я, после изгойства в школе слепых, сторонился ровесников, прятался от них в запойном чтении. В этом Валентина Сергеевна и видела проявление моей «сухости». Увлеки она меня математикой – я стал бы ещё «суше», самодостаточнее. А и так – куда уж дальше! Поэтому – бог с ней, математикой.

И не стоит повторять без конца, без всякого смысла пройденное. Всего не запомнишь, и не надо. Что постоянно используется в жизни – не забудется, а остальное можно вспомнить, когда – и если – понадобится. Разумеется, «повторение – мать учения». Но если без конца возвращаться к каждому забытому параграфу учебника, как бы не получилось повторение без учения.

Когда-то я чуть не сбежал из Загорского детдома к себе домой, во Фрунзе, спасаясь от

слишком усердного повторения каждой подробности из учебника. Из всей математики я, в сущности, перезабыл всё, кроме элементарной арифметики, процентов да графиков. Без остального во взрослой жизни вполне обхожусь. Как и, наверняка, огромное большинство людей – не специалистов-математиков.

Способность увлекаться очень выручила меня позже в университете. Я хотел быть профессиональным литератором и считал, что настоящая психология только в художественной литературе. Недаром же писателей называют инженерами человеческих душ! И пока мы проходили всякие там ощущения, восприятия, память, внимание, – мне было скучно. И Ильенков обижался: ему-то психология бесконечно интересна, а мне скучна. Может, я просто переутомился, и не обратиться ли «ко врачам»?

Но его-то, Ильенкова, работами о воображении я увлёкся. Потом увлёкся периодизациями детства – красивые схемы! Я заинтересовался на всю жизнь. Особенно когда полюбил детей – и воспел их в своих стихах, компенсируя свою научно-исследовательскую и философскую «сухость»...

В 1980-е годы я взялся индивидуально заниматься литературой и историей с одним слепоглухим мальчиком, воспитанником Загорского детдома. Я не смущался забвением чего-то; если это мешало пониманию нового – вспоминали ровно столько, сколько нужно сейчас, и шли дальше. В учёбе появилось движение, и мальчик мне сказал, что ему со мной очень интересно заниматься. Если я знал больше, чем есть в учебнике, я это рассказывал, чтобы лучше разобраться в новом материале.

А вообще, принцип: надо учиться по возможности ускоренным темпом, чтобы ученик чувствовал продвижение, а не топтание на месте. Именно от топтания на месте я хотел сбежать из Загорска, наивно рассчитывая подготовиться к поступлению в вуз самостоятельно. От топтания на месте очень страдал и тот мой мальчик. Со мной он почувствовал движение вперёд, поэтому со мной ему наконец-то стало интересно учиться.

Ещё одной хорошей формой обучения, подразумевающей как раз индивидуальный подход и высокую квалификацию учителя, могла бы стать семейная тифлосурдопедагогика. В этом смысле примечателен опыт бывшего директора Загорского детского дома А.В. Апраушева.

Альвин Валентинович прошел путь от воспитателя до руководителя. Одним из его увлечений были технические средства обучения. Я лично обязан ему поистине судьбоносным навыком – умением печатать на обычной «зрячей» плоскочечатной машинке. Он научил этому десятка полтора воспитанников, но для меня это важно потому, что моя профессиональная жизнь оказалась связана с созданием разнообразных текстов. Та же Скороходова «зрячей» машинкой не владела, вынуждена была диктовать свои тексты зрячим помощникам. Я же в этом отношении всегда был максимально самостоятелен. Писал сначала по рельефно-точечной системе Луи Брайля, либо грифелем на специальном брайлевском приборе, либо на пишущей машинке для слепых, а затем эти брайлевские тексты самостоятельно перепечатывал на «зрячей» машинке, под копирку сразу до четырёх экземпляров. В феврале 1995 года этот навык очень облегчил мне овладение персональным компьютером с подключённым к нему брайлевским дисплеем-приставкой. Данную книгу пишу на брайлевском органайзере «Пронто» немецкой фирмы Baum Products, предоставленном мне в числе других слепоглухих москвичей Правительством Москвы в сентябре 2011 года.

Вынужденный покинуть Загорский детдом в сентябре 1988 года Альвин Валентинович, как говорится, в душе остался тифлосурдопедагогом. Преподавая зрячеслышащим подросткам, он использовал опыт работы со слепоглухими воспитанниками. Я старался не терять с ним связь, по возможности навещать его дома, а он навещал меня. Поэтому я оказался пусть не участником, но в какой-то мере свидетелем настоящего психолого-педагогического подвига, который Апраушев совершил в первой половине 2000-х годов в качестве домашнего учителя слепоглухонемого мальчика и консультанта ещё, насколько знаю, в двух семьях со

слепоглухонемыми детьми.

Семья этого мальчика жила в Москве, Апраушев – в ближнем Подмоскowie, и в свои семьдесят с лишним лет (он родился 25 января 1930 года) он несколько лет подряд каждый понедельник ездил в семью своего ученика, жил там до четверга, а в четверг уезжал на выходные, иногда по пути заезжая ко мне. Спонсором, чтобы платить Апраушеву зарплату (300 долларов в месяц), стала какая-то фирма аж в Бангладеш.

Параллельно с практической работой Апраушев всегда писал книги. В середине 2000-х годов описал он и этот свой опыт в форме руководства для будущих домашних учителей – тифлосурдопедагогов. Руководство несколько сыровато, нуждается в редактировании. Из-за возраста сам Апраушев компьютером так и не овладел, печатал всё на обычной «зрячей» машинке, и бумажные тексты пришлось сканировать. Файл с оцифрованной рукописью руководства для домашних тифлосурдопедагогов попал ко мне 9 мая 2011 года.

С самого начала Апраушев в шутку называл себя «губернатором». Мне очень нравился этот каламбур, передающий суть дела – то, что домашний учитель должен работать не только и не столько с учеником, сколько со всей семьёй, организуя совместно-разделённое предметно-деятельностное общение ученика с родителями и другими родственниками. Губернёр относится к домашней прислуге, а губернатор – руководитель семейного учебно-воспитательного процесса. Губернёр освобождает состоятельных родителей от хлопот по воспитанию детей, а губернатор, наоборот, обременяет их этими хлопотами, добивается, чтобы они участвовали в воспитании и обучении своего слепоглухонемого ребёнка. Совсем другой статус!

Я огорчился, обнаружив, что в своём руководстве Апраушев заменил прелестный и очень понятный каламбур «губернатор» на менее выразительный термин – «губермен». Убоялся почти полного созвучия со словом «губернатор». А зря, по-моему. Ну, термин уже закрепился...

Вот выдержка из его рукописи:

«Стремление родителей оставлять слепоглухонемого ребёнка в семье на первоначальный период воспитания имеет и ряд преимуществ. Во-первых, не прерывается эмоциональная связь с родителями, и тем самым устраняется опасность госпитализма, во-вторых, по глубокому убеждению автора, первоначальное воспитание слепоглухонемого ребёнка в принципе должно быть сугубо индивидуальным и осуществляться в семье до овладения им активной дактильной речью в пределах обихода... Известно, что детский контингент специального учреждения неоднороден и по интеллектуальному, и по языковому развитию. Домашний ребёнок неизбежно попадает (в детдоме. – А.С.) в неконтролируемую речевую стихию, основу которой составляют жесты. Стихийное жестовое общение значительно вредит интересам формирования у слепоглухонемого ребёнка дактильной речи и перспективам его умственного развития. Поэтому лишь после овладения ребёнком активной словесной речью в дактильной форме допустимо оформление его в специализированное учреждение. И только тогда с высот дактилологии можно будет снисходить до использования жестов (которым легко и никогда не поздно обучиться) в общении с жестовиками».

При этом Апраушев отмечал, что просто до трех лет находясь в семье и без специальной помощи, слепоглухонемой ребёнок не развивается. Скорее наоборот, он приобретает поведенческие аномалии, типа навязчивых движений, которые очень сильно потом мешают обучению. Поэтому начинать его нужно как можно раньше, с момента обнаружения комплексного дефекта, не дожидаясь взросления ребёнка. Да и я всегда говорю, что, когда ребёнок попадает наконец в руки тифлосурдопедагога, его приходится фактически перевоспитывать. Он привыкает к тотальному обслуживанию, и вдруг его начинают учить заботиться о себе самостоятельно!

Конечно, ранняя помощь затрудняется недостатком информации. Сам Апраушев с горечью пишет о том, как он, например, случайно обнаружил трехлетнего слепоглухого малыша не где-то в российской глубинке, а в доме ребёнка во Фрязино. Там никто и понятия не имел, что специальное учреждение для слепоглухих детей находится у них под самым боком, в Сергиевом Посаде.

Описывая опыт работы гувермена, Альвин Валентинович отмечал, что кроме непосредственного воспитания и обучения слепоглухонемого ребёнка, туда входит не менее сложная задача: обучение родителей и близких родственников квалифицированному обращению с необычным ребёнком. Это предполагает переориентацию традиционного семейного менталитета в направлении интересов психофизического развития ребёнка, мобилизацию в помощь ему духовных, интеллектуальных и материальных ресурсов семьи.

«В программу работы гувермена со слепоглухонемым ребёнком входит:

«1. Первоначальное воспитание – «очеловечивание» – путём деятельного включения ребёнка в очеловеченное пространство и время.

2. Выявление у ребёнка наличия естественных жестов.

3. Организация первых систематических контактов родителей с ребёнком на уровне предметно-действенного общения.

4. Формирование навыков самообслуживания.

5. Построение бытовой поведенческой системы ребёнка на весь период бодрствования.

6. Обучение родителей словесным средствам общения в дактильной форме.

7. Доведение ребёнка до осознания смысла дактильных слов и фраз, выполнение им дактильных инструкций в соответствующих ситуациях.

8. Формирование у ребёнка словесной речи в дактильной форме».

Не знаю, что имел в виду Апраушев, когда писал, что «впервые в России на профессиональном уровне организуется психолого-педагогическая служба помощи детям со сложным дефектом». Но в апреле 2014 года учреждён фонд «Со-единение», а в ноябре – декабре 2015-го им в Москве был открыт Ресурсный центр поддержки слепоглухих. Регулярно проходят летние и зимние школы для вузовских преподавателей из регионов, также на этих школах осуществляется реабилитационная программа для слепоглухих детей и их семей. Всё это можно рассматривать как шаги к организации службы гуверменов.

«Ясенева поляна» – это первый в стране центр, ориентированный на поддержку людей с одновременным нарушением слуха и зрения. В ежедневном режиме в центре в классах обучаются ребята с одновременным нарушением слуха и зрения и тяжёлыми множественными патологиями развития.

Отдельно стоящее здание бывшего детского садика отремонтировали и оснастили современным учебным и реабилитационным оборудованием (интерактивные доски, развивающие и коррекционные тренажеры и пособия). Оно соответствует всем требованиям к обеспечению безбарьерной среды (пандусы, электрический лифт-подъёмник, тактильная плитка и брайлевские схемы навигации).

Здесь расположены школа (учебные классы, кабинеты индивидуальной работы, кабинет психолога, зал лечебной физкультуры и музыкальный зал, столовая), а также мастерские творческой реабилитации для детей и взрослых – гончарная, свечная, столярная, социально-бытовая, полиграфическая и ткацкая. Тут же находится лекторий-трансформер, оборудованный для проведения как вебинаров, онлайн-лекций и встреч с ведущими специалистами, так и выступлений, концертов. Есть тренинговый центр – класс компьютерной грамотности, обучения Брайлю, ориентировки. Кроме того, в Ясенево есть массажный кабинет, где уже работает слепоглухая студентка медицинского колледжа, комната дневного отдыха для семей, приезжающих на диагностику и консультации специалистов из других городов.

На втором этаже находятся библиотека, лаборатория разработки и тестирования современных технических средств реабилитации, консультационно-диагностический центр (кабинеты офтальмолога и сурдолога оснащены современным оборудованием для постоянного контроля слуха и зрения у ребят и медицинских консультаций для региональных посетителей Центра), классы индивидуальной работы (с детьми, родителями и членами семей), сенсорная комната.

Центр старается совмещать развитие индивидуальных программ и общих педагогических методик, сохраняя приоритет семейного воспитания при одновременном развитии навыков коллективного обучения и творчества.

В завершение разговора о необходимости забыть единообразие приведу пример моей переписки о своего рода «педагогических оврагах». Я получил два письма от мамы пятилетнего слепоглохого ребёнка. Они очень ярко иллюстрируют проблемы первоначального очеловечивания таких детей. Публикую их с любезного разрешения автора, не называя имён, что потребовало небольшой правки.

«Здравствуйте, Александр Васильевич! Это вас снова беспокоит... мама слепоглохого ребёнка. Простите за очередное беспокойство. Можно к вам снова обратиться с вопросами, на которые пока не могу найти ответа. Напомню о ребёнке – слепоглохой ребёнок 5,5 лет, по слуху имплантация справа, по зрению по обследованиям – острота зрения правого глаза не менее 0,05-0,1, умеренное нарушение проведения светового стимула по зрительному пути на уровне 3 нейрона и выше, паразитоз нижних конечностей. По пунктам свои проблемы и непонимания, что делать:

- 1. Дома ходим за руки, либо одна рука по стеночке, вторая у взрослого в руке, бегают в ходунках, а вот на улице или в большом пространстве, кричит и не ходит вообще. Что делать? Я четко вижу, что себя в пространстве он не ощущает, у него нет равновесия в положении стоя (сидит нормально, стоит на коленках тоже нормально, а вот в положении полностью вертикальном стоит только у опоры), то есть если теряет одной рукой опору, то сразу как неваляшка, ищет за что зацепиться. Как помочь ребёнку преодолеть страхи?*
- 2. На занятия, при которых надо что-то делать, что он не хочет делать, или хочет делать, но по-своему, реагирует агрессией (крик, щипания, царапанье, кусания), как реагировать? Как снимать такой приступ агрессивного поведения?*
- 3. У сына закрепились в качестве навязчивого действия клацанье языком (задней частью языка о мягкое нёбо). Пыталась отследить, когда больше клацает, связывала с едой, с эмоциональным состоянием, и т.д., но так и не могу прийти к выводу, когда больше или меньше или вообще не клацает. Как на это реагировать? Не всегда переключается при смене деятельности. Он кое-какие простенькие ритмы может хлопать в ладоши (повторять), так вот клацаньем языком повторяет такой же ритм, параллельно хлопкам».*

«Александр Васильевич, прошу прощения за очередное беспокойство. Может у вас будет время почитать мою писанину и ответить, прокомментировать и дать совет:

- 1. Ещё раз о ходьбе. Мы сейчас были на лыжах в Сочи, в центре адаптивной физкультуры и спорта. Первые 3 дня орал, потом понял, что сопротивление бесполезно, успокоился, далее ему усложнили езду. Сначала он ездил в слайдере и были поручни для рук, т.е. фактически он на них упирался и всё. Как только он успокоился, ему убрали поручни и поставили просто палочку. Это вызвало опять бурю негатива, он кричал, руки ему привязали, т.к. он то садился, то тряс слайдер, то вис подбородком, только б не стоять на ногах самостоятельно. Но через два занятия, он и к такому привык, и крики перешли в молчание. Мы ходили там же на ЛФК, весь час он кричал, сначала сопротивлялся, потом понял, что тренеру всё равно, он просто орал, делая упражнения, часто*

симулировал, то наклоны не до конца, то приседания не полностью, но при этом он успевал щипать и царапать тренера, хотя [сын] был всегда к нему спиной, но у тренера руки до локтя все в синяках. Да, характер у него дай Боже, выражение сопротивления к любому действию. Я понимаю, что ему очень даже хорошо, что мама всё за него делает и зачем ему напрягаться. Но при этом анализируя его поведение, комментарий инструктора – [сын] физически может всё делать, но уверенности у него нет в своих ногах, мальчик перспективный в двигательном плане. И тогда я понимаю, что во многих действиях главная наша проблема – страх. Как с ним бороться? Только пройдя этап крика, а затем привыкания? Вот мы учимся самостоятельно стоять, у опоры он может, а сам нет. Придерживаю его внизу за коленки, т.к. от страха у него ноги съезжаются, и он садится на попу. Держу, руки его в свободном полете, потрясет ими, ко рту поднесет, игрушку дам, выкинет и всё..... Он не понимает куда дальше можно их деть, и тогда он теряет контроль над своим телом или равновесие, или опять овладевает страх и он ищет опоры руками.

2. Страху.... Что в ходьбе, что в деятельности, всегда приходится преодолевать страх? Или это как обычные дети – кто-то напролом везде, а кто-то сидит в сторонке? Что происходит у слепоглохого? Мы в очередной раз достали пальчиковые краски.... это крики, он боится палец туда засунуть а потом по бумаге растереть, причем тут же вытираю палец, он сухим пальцем трет по бумаге. Да, возможно, вы скажете, что для такого ребёнка краски вообще не нужны, ну пробую всё... может и действительно не стоит и настаивать если ему не нравится? Но у нас любые действия через крики и только со временем спокойно, так же начинали работать с тестом или пластилином.
3. Бытовые навыки. Я не знаю, как нужно себя вести, чтоб его умение одеться и раздеться закрепились. Снять колготки, носки он может без проблем, когда ему надо, если по просьбе, в тот момент когда мы раздеваемся, он может постоять поорать, я молча жду, он снимает урывками – чуть спустил колготки орет или смеется или хлопает, чуть спустил, опять какая-то реакция – это может быть и негативная – крик, щипания.... но до автоматизма довести не получается. Это нужно время? Или всё же какая-то для него экстремальная ситуация? Такая же беда с едой – не могу научить зачерпывать ложкой еду, будет держать, подносить пустую ко рту, 100 раз пустую облизнет, а потом положит, но набирать из тарелки не будет. Ложку держит и готов есть самостоятельно, помогаю только зачерпывать, только ту еду, которая ему нравится, если это суп, он не ест, приходится кормить. Я понимаю, что это манипуляции. Вообще, мы приучались к ложке так – в июне прошлого года я себе сказала всё хватит, скоро пять, а я всё кормлю. Стала в очередной раз предлагать взять ложку, он в крик и швырял её. Я рука в руку вкладываю и вроде как кормить, он в крик и не ел, если сама кормлю ест, я выгоняла из-за стола, на обед сажаю – опять рука в руку ложкой не ест, орет, а если пробую покормить ест, выгоняю... так борьба длилась два дня, он не берет ложку, я не кормлю, два дня был голодным, на второй день вечером в 9 часов (мы на ночь едим размоченное печенье с творогом) он сам схватил ложку и пустую стал облизывать».

«Дорогая ...!

Простите за задержку с развёрнутой реакцией на Ваши потрясающие письма. Было о чём крепко подумать... Вы надеетесь на мой совет, но сам я никогда не работал с маленькими детьми, только читал о том, как с ними работают, и в советчики вряд ли гожусь... А прокомментировать Ваши письма – попробую.

Да, страх большого пространства – понимаю. Сам, правда, не боюсь, хотя случается потерять ориентировку. Заблужусь – прошу помощи. Ребёнок, возможно, должен быть уверен, что Вы рядом. Может быть, Вам медленно отходить, вынуждая его идти к Вам. Крики и всяческий

негатив пережидать. Но снова и снова: иди ко мне. Шажок ко мне, другой шажок ко мне, а я – шажок от тебя, другой шажок от тебя. Медленно. Терпеливо. Пережидая всяческие неистовства – и снова... Он к Вам, Вы – от него... Давайте себя поймать, но снова ускользайте... Сначала в комнате, где попросторнее, потом – на улице. Это я фантазирую, в реальности может ничего не получиться, но что-то попробовать надо, Вы бесконечно правы.

Только лучше бы никакой борьбы. Должно быть сотрудничество. Не борьба, а поддержка. Никакого другого лекарства от страха представить себе не могу.

Или идти вместе с ним, осторожно, нежно поддерживая, по возможности, в вертикальном положении, постепенно ослабляя эту поддержку, чтобы и сам не заметил, что – сам идёт. И всячески поощряя лаской это «сам». Не надо с ним воевать. Я так понял из Вашего описания, что Вы из крайности в крайность – то сдаётесь, делаете за него (кормите, одеваете, раздеваете), то – ждёте, чтобы он уже сам. А надо вместе с ним, постепенно ослабляя своё участие. Мещеряков отметил, что зачерпывание – самое трудное действие с ложкой. Круговое. Зачерпывать надо вместе, вместе доносить ложку с едой до рта. То есть кормить, но не вместо ребёнка, а вместе с ним, не идя у него на поводу, а добываясь и дожидаясь его активности, его участия в кормлении, сопротивление – игнорируя. У Мещерякова об этом очень подробно.

Если что-то хочет делать по-своему – почему бы не позволить? Как – по-своему? Ну-ка, покажи своё. И если свой способ ведёт к успеху – то и пусть по-своему... Или если этот «свой» способ неприемлем почему-то – например, лезет в еду руками, игнорируя ложку, – на своём настаивать очень мягко, терпеливо, не ждать, что сразу овладеет этим трудным круговым движением зачерпывания пищи ложкой. Помогать, но минимально. Однако не оставлять без помощи совсем, пока помощь нужна. Ложка в руке ребёнка, а его рука – в Вашей руке. Вы рукой ребёнка зачерпываете ложку и несёте к его рту. А под конец только делаете вид, ребёнок сам, а Вы страхуете, чтобы еда в рот попала. Это я Мещерякова пересказываю, лучше бы оригинал почитать...

Щипается? Кусается? Не знаю, но, наверное, не стоит позволять уж так себя терроризировать. Уклоняться как-то?.. Ох, не знаю, очень это индивидуально и ситуативно-неповторимо. Если он дерётся – как тут «пережидать»? Дать себя щипать и кусать? Или спрятаться? Как там у Льва Толстого? «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить...» Ох уж эти мне педагогические «овраги»...

У меня тоже с детства что-то очень похожее на описанное Вами «кляцанье языком». Сейчас вот делаю – язык вроде в этом не участвует, зато весьма активно участвует нос и голосовые связки. Резкий выдох носом и как бы кашель так, чтобы получился звук удара. Имитирую большой барабан духового оркестра. По Вашему описанию очень похоже, что и Ваш мальчик тоже подражает музыке. Великое дело, если у него и вправду зачатки подражательной активности. Мещеряков это высоко ценит. Не попробовать ли вместе с ребёнком послушать музыку, ненавязчиво дирижируя своей рукой под его рукой? Я, правда, не люблю, когда мне так делают, потому что обычно у этих «дирижёров», как ни странно, чувство ритма хуже, чем у меня. Они хоть немного, да сбиваются, меня это отвлекает и раздражает. Хорошо бы добиться, чтобы ребёнок вместо хлопков в ладоши и «кляцанья» дирижировал сам. Может, его рукой поддирижировать? Но очень мягко, ласково, немедленно прекращая, если заметите недовольство.

Пальчиковые краски, видимо, никак не связаны с интересами ребёнка. У него ещё многие навыки самообслуживания не сформированы, а Вы – пальчиковые краски... Какой смысл, с учётом почти слепоты? Я бы на его месте тоже протестовал, потому что очень брезглив. Чего не хватало – пачкать пальцы! И так постоянно пачкаешься невесть где, случайно, а тут ещё нарочно зачем-то пачкаться...

Я в детстве любил мозаику – кнопки, из которых на круглой дощечке с отверстиями

выкладываются узоры и рисунки. Кнопки разноцветные, но мне важно было, что узор получался рельефным, доступным осязанию. Может, это лучше пальчиковых красок? И чисто, и пощупать можно. Кнопки, правда, не всегда крепко держатся, теряются...

Мещеряков тоже заметил, что снять колготки ребёнку проще, чем надеть. Так что ничего удивительного, что и Ваш малыш снимать уже умеет, а надевать пока нет...

Недавно мне директор Ресурсного центра поддержки слепоглухих в Ясенево Наталья Александровна Меликсетян прислала статью о своей работе в надомном отделении Московской школы глухих #65. Позвольте процитировать:

«Особое значение мы придаём налаживанию эмоционального контакта между учителем и учеником. Большинство наших воспитанников имеют эмоциональные нарушения и очень чувствительны к особенностям учителя. Именно по этой причине мы достаточно часто меняем учителей для некоторых воспитанников и постоянно убеждаемся в правильности этих наших действий. Потому что совсем не всё зависит от высокой квалификации учителя, но и от того, насколько учитель и ученик могут взаимодействовать между собой. В обучении ребёнка с множественными нарушениями это имеет немаловажное значение».

Я к тому, что с Вашим мальчиком, видимо, хорошо бы поработать свежему человеку, с которым эмоциональные отношения не сложились ещё, как с Вами. Возможно, то самое совместно-разделённое действие у свежего человека лучше получилось бы. Плюс, конечно, профессионализм... С уважением, Ваш Александр Васильевич Суворов».

2.5. НЕ ХОРОНИТЕ РЕБЯТ ЗАРАНЕЕ

Я родился в 1953 году в Киргизии, где, как и во всей остальной советской провинции, последствия Великой Отечественной войны чувствовались дольше и явственнее, чем в столицах. Если уже не было прямого голода, то неполноценное питание было массовым явлением. Мама моя пережила и самый настоящий голод во время коллективизации, войны и в первые послевоенные годы. Это не могло не сказаться отрицательно на её организме, и врачи предполагают, что в эмбриональный период у меня произошла какая-то мутация, связанная с нарушением в мамином организме обмена веществ, – мутация, впоследствии обернувшаяся слепоглухотой. В течение моей жизни врачи многократно подтверждали диагноз «Болезнь Фридрейха» – наследственно-дегенеративное заболевание нервной системы с поражением задних столбов спинного мозга, атрофией зрительных и слуховых нервов, нарастающей с возрастом атаксией (головокружением), в конце концов усадившей меня в инвалидную кресло-коляску. Я родился с ослабленной нервной системой, и по мере того как подрастал, без всякого непосредственного болезненного повода была обнаружена сначала практическая слепота (светоощущение), а затем и резкое ослабление слуха. Очевидно, ослабление зрения и слуха шло постепенно с момента рождения, причём потеря зрения прогрессировала быстрее. Так макросоциальный фактор – коллективизация и война – в значительной степени предопределил мою судьбу задолго до моего рождения.

Ещё более наглядно подобное «предопределение» в случаях, когда младенцы отравляются лекарствами при каких-либо тяжёлых ранних заболеваниях. Насколько знаю, значительное число слепоглухих лишилось зрения и слуха именно поэтому. Лекарства – тоже социальный фактор, так как в готовом виде в природе не встречаются, а производятся фармакологической промышленностью.

Всё чаще «биологические» проблемы оказываются следствием социальных, как в приведённых примерах. Человеческое в человеке социального, родового, а не биологического, видового происхождения. Талантливыми не рождаются, а становятся, и если становятся не все, то не потому, что несправедлива природа-матушка, а потому, что безответственно общество-батюшка, превращающее талант в привилегию для 20 или даже для 6% своих членов. Дело не в достоверности «статистики талантности». Дело в самом, этой статистикой констатируемом, но не объясняемом, чудовищном факте существования «привилегии талантности». Дело в нашей собственной ответственности за этот факт.

Признание родовой, социальной природы личности со всеми её талантами означает признание социальной же, родовой ответственности за «привилегию талантности». Но раз в ответе общество, то именно от общества, от нас с вами, не от кого другого, зависит и создание условий для стопроцентной талантности населения.

Отсюда – исторический оптимизм: со временем общество может стать иным, не таким несправедливым по отношению к «бесталанному» большинству своих членов. Отсюда же – психолого-педагогический оптимизм: талантливых людей можно и нужно воспитывать.

Для воспитания талантливых людей необходимо, считал Ильенков, чтобы люди умели самостоятельно учиться всему, чему понадобится или захочется, – раз уж невозможно знать и уметь всё, что знает и умеет род, человечество в целом. А чтобы уметь учиться, надо уметь быть духовно и физически здоровым.

Быть духовно здоровым, по Ильенкову, – значит, во-первых, уметь мыслить диалектически, на уровне первоклассных, крупнейших мыслителей человечества, то есть владеть философской классикой, теоретической культурой; во-вторых, уметь чувствовать красоту, то есть «целосообразность», целостность мира, чему учит художественная классика, эстетическая культура; в-третьих, уметь по-человечески, по-доброму, человечно, ответственно относиться к себе, к другим людям, ко всему миру, то есть владеть этической

культурой. Иными словами, быть духовно здоровым – значит быть мыслящим, эстетически чутким и нравственным существом.

Что касается физического здоровья, то оно предполагает умение (способность) по-человечески, медицински грамотно обращаться с собственным организмом, поддерживать его в чистоте и всё время упражнять разнообразнейшим движением, чтобы он не захирел – так и хочется сказать: не заржавел – за ненадобностью, за неиспользуемостью. Надо гонять, нагружать своё тело, – с умом, разумеется, сколько выдержит, не до надрыва. И это возможно практически при любой инвалидности. Это возможно – пока жив.

Короче, быть духовно и физически здоровым – это и значит быть универсальным, родовым, а не только биологическим, видовым существом; это и значит быть человеческой индивидуальностью, личностью, а не просто биологической особью, индивидом.

«Способными» не рождаются, а становятся. «Способность» вообще-то от слова «способ», а способами овладевают в течение жизни. Ведь мы способны к той или иной деятельности. Чтобы осуществлять эту деятельность, ей надо научиться. Надо учиться даже человеческим способам элементарных физических отправок: выделения отправлять не куда попало, а в специально для этого предназначенные места; пищу в рот – не лапами, а руками с помощью опять-таки специально для этого предназначенных человеческих, культурных предметов; чистить зубы зубной пастой и щёткой, умываться с мылом, водой из водопровода, вытираться полотенцем, защищаться от жары и холода одеждой и разнообразной техникой... До уровня же таланта и подавно нужно доучиться, доработаться. Понятно, что способности реализуются не бестелесным духом, а телом, но телом культурным, а таковым тело становится.

Противоположная позиция вредна, ведёт в конечном итоге к историческому и психолого-педагогическому пессимизму, что и отмечает Мещеряков на примере Елены Келлер:

«Необычайная шумиха была поднята вокруг упомянутой Елены Келлер, которая была объявлена величайшим чудом XIX в. Журналы и газеты Америки фабриковали свою очередную сенсацию, используя слепоглухонемого ребёнка в первые же месяцы его обучения. По свидетельству Анны Сулливан, «почти каждая почта приносит какую-нибудь нелепость, печатную или письменную. Кажется, уж чего удивительнее действительности? Так нет, газетам мало, и они выдумывают всякие небылицы» (цит. по: З.А. Рагозина, 1915, с. 8). Эти небылицы и вся рекламная шумиха вокруг имени Елены Келлер, как правильно заметил один немецкий сурдопедагог, сильно повредили делу обучения слепоглухонемых. Почти в каждой статье или газетной заметке об Елене Келлер она объявлялась гениальной, недостижимой, овладевшей знаниями исключительно благодаря своей сверходаренности. Понятно, что другим слепоглухонемым, не обладавшим такой неповторимой сверхгениальностью, нечего и рассчитывать на сколько-нибудь заметный успех в обучении»³².

По другому поводу Ильенков уточняет:

«„Гений“ – это не индивидуальная характеристика человека, каковой является «талант», а скорее определение, так сказать, удельного веса данного индивида в данной социальной среде. Потому-то в ранг «гениев» много раз возводились лица, превосходившие всех других своей грубостью, прямолинейностью, жестокостью и примитивностью психики, а вовсе не подлинной мудростью, человечностью и добротой. Какова «среда», таков и её «гений». Так что «гениев» мы оставим в покое и будем говорить о «талантах»³³.

32 Мещеряков А.И. Указ. соч. С. 22–23.

33 Ильенков Э.В. Психика и мозг (ответ Д.И. Дубровскому) // Вопросы философии. 1968. № 11. С. 145–155.

Наиболее распространено – господствует – понимание таланта как «дара». «Дар Природы» или «Дар Божий» – вот самые распространённые варианты ответа на вопрос, что же такое талант. Редкость «дара» оправдывается. Так уж, мол, устроено свыше. И от нас тут ничего не зависит. От самой личности якобы зависит разве что использование либо неиспользование этого «дара». Если же до рождения, а то и до зачатия, тебя «даром» обделили, – ничего не поделаешь. Прозябай так. Тем самым ты заранее похоронен социально, заранее признан бесталанным, то есть необучаемым...

Ведя определённый образ жизни, мы можем перестроить, пересоздать свой организм. То ли по возможности оздоровить его, то ли отяготить новыми и новыми болезнями. Функция создаёт себе орган. А извращённая функция создаёт патологию органа.

Признание социальной обусловленности всего человеческого в человеке, всех человеческих «функций» человеческого «тела» – это, в сущности, лишь последовательное развитие более общей позиции, признающей первичность функции и вторичность органа в живой природе вообще. Признающей, например, тот факт, что необходимость дышать атмосферным воздухом превратила жабры в лёгкие, необходимость передвигаться по суше превратила плавники в лапы, необходимость вновь вернуться с суши в море трансформировала лапы в ласты и так далее. Точно так же необходимость жить среди людей, вступать в общественные отношения сформировала мозг и всю остальную нашу «телесную организацию» как орган специфически человеческих функций – специфически человеческой психики.

Функция – это необходимость действовать тем или иным совершенно определённым образом. Реализация этой необходимости, то есть само действие, без определённым образом устроенного органа, разумеется, невозможна. Но в том-то и дело, что сама настоятельная необходимость действовать так или иначе предъявляет совершенно определённые, весьма жёсткие требования к устройству органа, и тем самым формирует его. Необходимость прямохождения предъявляет к человеческим ногам иные требования, нежели отсутствие такой необходимости – к задним конечностям четвероногих существ, – и формирует именно человеческие ноги.

Никакие специфически человеческие способности анатомо-физиологически нам не «даны», в наши тела не «встроены». Они «заданы» культурой. И в процессе овладения культурой способности впервые возникают, становятся, формируются, а не просто «развиваются» якобы уже существующие в момент рождения и даже до него. Это верно даже по отношению к способности ходить. Новорождённый ходить не умеет – он только может научиться ходить, только обладает возможностью обрести способность ходить, овладеть этой способностью.

Способность – это актуальное, уже наличествующее умение, а не потенция, не возможность уметь. И когда говорят, что ребёнок «способный», «талантливый» или не очень, речь на самом деле должна идти не о том, будто он уже обладает какими-то «врождёнными способностями», а о том, насколько успешно ребёнок учится именно сейчас, о том, насколько успешно он формирует свои способности, овладевая той или иной культурой.

Так что же такое талант, если не «дар» каких-то внешних по отношению к людям «высших сил»?

Это просто способность к тому или иному творчеству, реализуемая на уровне мастерства. Талантлив – тот, кто сумел стать мастером в своём деле. Кто сумел стать, например, одним из хороших и разных поэтов, хороших и разных музыкантов, педагогов, родителей... поваров, слесарей, токарей... агрономов, зоотехников... спортсменов... и так далее. Я дразнил студентов, спрашивая, бывают ли «талантливые ноги». Я имел в виду спортсменов-бегунов, танцоров... Талантлив, конечно, сам человек, достигший высот мастерства то ли в беге, то ли в танце. Он при этом и свои ноги сделал «талантливыми» – способными обеспечить решение тех задач, которые стоят перед мастером. И не только ноги, конечно. Всё тело.

Имеет значение, конечно, и состояние здоровья – особенно насколько наш мозг медицински

нормален, а если болен, то каков характер патологии. Но и при хронических болезнях, при инвалидности можно превратить своё тело в орган, орудие реализации того или иного мастерства, и именно на уровне мастерства – таланта.

У понятия таланта, кроме чисто профессионального или учебного, есть ещё и этический смысл. Мы признаём талантливость только у тех, чьё мастерство положительно оценивается в обществе. Если «мастерство» такого свойства, что общество вынуждено искать от него эффективную защиту, то понятие таланта предпочитают не применять. Как-то не звучит – «талантливый вор», «талантливый грабитель», «талантливый бандит», «талантливый убийца», «талантливый палач»... Да и понятие мастерства в этих случаях тоже не стоит применять. Ловкость рук, коварство, вероломство, дьявольская хитрость, дьявольская жестокость, тупость робота...

Сам я, вступая в спор о происхождении таланта ещё в подростковом возрасте, за несколько лет до личного знакомства с Эвальдом Васильевичем Ильенковым, – яростно, что называется, всеми печёнками, воспротивился против концепции таланта как чьего бы то ни было «дара». Меня до глубины души оскорбил тот самый «убийственный аргумент», «...что из нас с вами нового Моцарта или Платона сделать нельзя, как строго нас ни наказывай». В моём случае этот «аргумент» прозвучал из уст учительницы литературы в такой редакции: «Ты что, Пушкин?» Вот такой я получил ответ, когда впервые спросил, что такое талант и можно ли талантливым стать, а не родиться. У меня и тогда хватило ума ответить, что Пушкин тут ни при чём, что мне бы стать самим собой – Суворовым...

Ещё в тринадцать лет я сердился на зрячеслышащих ровесников, у которых, про что ни спроси, на всё был один ответ: «Не по нашим возможностям». Почему они так уверены в своих невозможностях? Почему хоронят свои возможности заранее? И какой-то мерой возможности измеряются?

Если не отказываться от возможностей заранее, то мера одна: поставить перед собой явно недостижимую цель – и попробовать достигнуть. Что всё же получится, то на сегодня и есть мера наших возможностей. Только на сегодня. Эта мера не бывает одна и та же на все времена. Планку можно повысить или понизить. Мера возможностей – это мера наших усилий. Мера саморазвития.

Ответ на вопрос, что же такое талант и зависит ли от меня лично хоть что-нибудь, дабы стать талантливым, мне пришлось искать самостоятельно. К моменту знакомства с Ильенковым я, в общем, уже определил свою позицию раз и навсегда, и искал только аргументы в её пользу. Я отбрасывал с порога любые рассуждения о врождённости таланта и с благодарностью брал на вооружение высказывания писателей и литературных критиков о том, что талант – это работа, работа и ещё раз работа. Работы, во всяком случае увлекательной, творческой, сложной, я не боялся и мог поэтому надеяться, что талант у меня возникнет.

Точно так же я расправился и с проблемой вдохновения. С отвращением реагировал на любые намёки на то, что вдохновения надо дожидаться сложа руки, а если оно само откуда-то не возьмётся, ничего путного не сотворишь, будь даже самым расталантливым. И с восторгом принимал спокойное рабочее отношение к этому состоянию: до вдохновения надо просто доработаться. Например, запомнился спор Гоголя с Соллогубом, автором повести «Тарангас»: «Да что ж делать, Николай Васильевич, – стонал Соллогуб, – если не пишется?» «А вы пишете! – уговаривал Николай Васильевич. – Сегодня вам не пишется и так далее, наконец надоест и напишется». Я хохотал – и аплодировал Гоголю, презрительно фыркая в сторону Соллогуба.

24 мая 1968 года Мещеряков привёз Ильенкова в Загорский детдом, где я с Эвальдом Васильевичем и познакомился. С тех пор он почти неизменно сопровождал Александра Ивановича в его поездках в Загорск. Нередко появлялся и без него, привозил своих коллег, в том числе зарубежных. Когда четверых воспитанников перевели в Москву для подготовки к

поступлению в МГУ, Мещеряков с Ильенковым приходили к нам почти ежедневно, общались «за жизнь», гуляли с нами, баловали как могли. Они нас очень любили. После смерти Мещерякова 30 октября 1974 Ильенков неофициально руководил нашим обучением, занимался проблемами нашего трудоустройства и жизнеустройства, сам беспокоился и всех тормошил. Поэтому после смерти Мещерякова нас называли «ребятками Ильенкова» с не меньшим правом, чем учениками Мещерякова.

Больше всех из четвёрки с Эвальдом Васильевичем сблизился я. Александр Иванович очень поощрял нашу дружбу. Ещё когда я был воспитанником детдома, он в беседе наедине сказал мне, что очень хотел бы нашего сближения с Ильенковым. Мы стояли в полутемной прихожей у двери в кабинет директора, тогда Апраушева. И Александр Иванович, положив мне левую руку на плечо, правой доверительно рассказывал об Эвальде Васильевиче, какой это большой, умнейший и добрейший человек, просил не стесняться и обращаться к нему со всеми моими проблемами, уже начавшимися творческими исканиями, подчёркивал, что сам не может ответить на очень многие вопросы, на которые смог бы ответить только Ильенков. В той беседе Александр Иванович по существу сказал мне то же самое об Эвальде Васильевиче, что лет за десять до этого нашего разговора внушала мне моя мама относительно школы вообще: «Учись, сынок! Я уже дала тебе всё, что могла, больше даст только школа, тебе надо учиться больше и лучше, чем зрячим». Вот так и Мещеряков передал меня буквально из рук в руки Ильенкову, который стал мне ближе родного отца, определил своей любовью и бесконечной душевной и духовной щедростью всю мою дальнейшую жизнь.

Потом нам стали переписывать рельефно-точечным шрифтом некоторые статьи Эвальда Васильевича, в том числе – я был уже студентом – «Психику и мозг». Вот тут-то я в его философию и «вцепился». Я нашёл в ней то, что давно искал: всестороннее, на уровне до конца продуманного философского мировоззрения, обоснование посюсторонности таланта. Обоснование того, что талантливый можно и нужно стать. Значит, со мной лично всё в порядке. Стану! Надо только работать.

Прошли десятилетия. Время от времени до меня доходят разговоры о том, что Суворов-де принял всем сердцем ильенковскую философию, во-первых, под могучим воздействием личности философа, а во-вторых – просто потому, что ничего другого не знал и выбирать, собственно, было не из чего.

Могучее воздействие личности не отрицаю. А выбор всегда есть. Даже в условиях слепоглухоты. В шестидесятые годы XX века, когда я был школьником, как и сейчас, подавляющее большинство людей считало талант «даром». Не бога, так природы, дезоксирибонуклеиновых кислот – генов мамы с папой. И проще было к этому господствующему мнению присоединиться. Вот только я присоединиться не мог. Категорически не хотел.

Мне фантастически повезло, что я встретил Эвальда Васильевича. И ещё больше повезло, что я смог познакомиться с его философией по его произведениям. Надо было именно «смочь», потому что, кроме пары-тройки статей в паре сборников, по системе Брайля ничего никогда не издавали. Работы Ильенкова приходилось переписывать в единственном экземпляре на брайлевской машинке. И только с появлением у меня в 2000 году электронной почты знакомство с произведениями Ильенкова упростилось: доктор философских наук Андрей Дмитриевич Майданский, создатель и владелец сайта «Читая Ильенкова», любезно пересылает всё, что прошу и чем сам располагает, прикрепленными файлами, доступными мне через специальный брайлевский дисплей. В общем, чтобы добраться до этих духовных сокровищ, надо было очень постараться, особенно до появления брайлевского компьютера...

Я совершенно сознательно присоединился к философской позиции Ильенкова. Присоединился, потому что именно это мне и было нужно. Именно этого я и искал – ещё

задолго до личного знакомства с философом, а тем более – с его работами. Я выбрал это мировоззрение потому, что к нему однозначно подводила вся логика моего личностного становления, роста. И если бы работы Эвальда Васильевича остались недоступны мне (а это вполне могло случиться), я обосновал бы тезис, что талантливым стать и можно, и нужно самостоятельно. Хотя бы только для себя, если не в виде теоретического продукта общечеловеческой значимости. А так... Я лишь избавился от необходимости изобретать велосипед.

Весь пафос Мещерякова, Ильенкова и их единомышленников в «Большой Науке» направлен на отстаивание собственной детской активности от чрезмерной ретивости всякого рода взрослых «рукой водителей». Иными «популяризаторами» их идей ставится чрезмерный акцент на «формировании», на «делании», даже «лепке» человека из ребёнка.

На одном из «круглых столов» я, тогда студент, в своём выступлении взбунтовался против увлечения скульптурными аналогиями, когда речь идёт о становлении личности. Кто-то из выступавших слишком уж нажал на том, что «формирование» и есть как бы «лепка» человека, «точь-в-точь» подобная созданию скульптурных произведений. Это было сказано слишком уж в лоб, бестактно, беспардонно, в присутствии четырёх слепоглухих студентов, которым всё переводили, – и я «взорвался»: всё-таки живой человек, в том числе ребёнок, чем-то принципиально отличается от пластилина, глины или мрамора. Протест мой был чисто эмоциональным. До теоретического спора я ещё не дорос. Я с обидой вспомнил, как в ответ на мой протест по какому-то поводу: «Нельзя так обращаться с человеком!» – воспитательница ехидно спросила: «А ты человек?» Я протестовал против расхожей сентенции «яйца курицу не учат», против отказа ребёнку в человеческом достоинстве: подрасти, мол, сначала. За неуважение к себе ребёнок никогда никого благодарить не будет, и так называемая проблема «трудных детей» – это именно проблема детского протеста против унижения человеческого достоинства. И сам по себе возраст никак не достаточное основание для уважения или отказа в уважении. Уважение должно быть заслужено, уважают за что-то, и в этом дети и взрослые равны.

В то же время я не оспаривал идеи формирования всего человеческого в человеке от нуля, я поимённо перечислил, кому и за что искренне благодарен. Я выступил вовсе не против «целенаправленного формирования», «воспитания» как такового, а против унижительного, чересчур «популярного», вульгарного сближения этих сложнейших процессов со скульптурным творчеством, с какой бы то ни было «лепкой». Против, так сказать, десубъективации ребёнка; против уподобления ребёнка пассивному материалу, сырью; против стопроцентной активности скульптора, с одной стороны, и стопроцентной пассивности материала для скульптуры. И Эвальд Васильевич признал мою правоту.

Да, детскую активность тоже нужно формировать, «сама» она не возникает, но формировать активность – это и значит формировать способность к саморазвитию в смысле самосозидания, самотворчества, на первых порах бессознательного, стихийного. Из ребёнка ничего нельзя «вылепить» именно потому, что ребёнок «лепит» себя сам, своими собственными усилиями, пусть и спровоцированными, направляемыми, руководимыми педагогом. Это и есть – саморазвитие. Сначала провоцируемое и направляемое, а затем, возможно, и сознательное. Но в любой отдельно взятый момент ребёнок – субъект собственного развития, а не объект воздействий, якобы безразличный к тому, кто и как на него «воздействует», кто и как его «лепит». Ребёнок – сотрудник взрослого, пусть до поры до времени и невольный. Какие бы то ни было «развивающие», «формирующие» «воздействия» возможны только потому и постольку, поскольку ребёнок саморазвивается, сам себя «делает», творит.

Передо мной, когда я, уже взрослый, полюбил детей и подружился с ними, с самого начала встала проблема: я рад бы поделиться с ребятами всеми сокровищами собственной духовной

культуры, да не тут-то было, не принимают моего роскошного подарка. Как «дать» так, чтобы взяли? При каких условиях вообще можно подобные «подарки» брать? Вот и пришлось понять, что решающее такое условие – собственная детская активность, иными словами – детское саморазвитие. Иначе очень легко было бы жить: знай вкладывай в «пустой сейф» сокровища... Если ребёнок и «сейф» – изначально, согласен, пустой, – то «сейф» этот так хитро устроен, что наполняет себя только сам. Это – факт, с которым приходится считаться, как бы ни переполняли меня энтузиазм и нетерпение осчастливить малыша моими «сокровищами».

Моя мама вспоминала, что, когда меня стали готовить в университет, кто-то из загорских педагогов даже уговаривал её воспротивиться этому: мол, я стану слишком умным, буду понимать всю глубину своей обездоленности, мне тяжело будет жить. Это ещё меня жалели... Выход один – в ускоренном развитии до как можно более высокого уровня, чтобы ребята были способны понять ситуацию в жизни общества и найти в ней своё хоть какое-то место. Либо всю жизнь содержать их в закрытом учреждении, фактически обрекая на бесконечное, пожизненное детство, – либо всех, кого только удастся, выводить на как можно более высокий уровень общего развития.

Мещеряков, Ильенков и Леонтьев пренебрегли очень многими «формальностями» и «подробностями» ради нашего высшего образования: не стали дожидаться, пока мы формально закончим среднюю школу и получим аттестаты зрелости. Мы сдали вступительные экзамены в университет вне общего конкурса; нас освободили от математики и иностранного языка, обучали нас отдельно от здоровых студентов, добиваясь не формального, а реального, качественного равенства нашего со здоровыми. Таким образом, при категорическом настаивании на принципиальной всеобщности законов нашего психического развития, специфика его учитывалась в полной мере, «детальными» и «подробностями» ни в коем случае не пренебрегали. Наши духовные родители прекрасно понимали, что «подробности», несущественные в общетеоретическом контексте, весьма и весьма существенны в процессе живого развития.

Все мы равны в своей адекватности общечеловеческой культуре, но адекватность эта в жизни каждого из нас реализуется индивидуально-неповторимо. Именно эту неповторимо-индивидуальную вариативность развития, при полном соответствии общечеловеческой сущности его, имел в виду Ильенков, определяя личность как «человеческую индивидуальность».

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ШКОЛА ВЗАИМНОЙ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Книга А.И. Мещерякова «Слепоглухонемые дети. Развитие психики в процессе формирования поведения» вышла в свет перед самой смертью автора 30 октября 1974 года. 29 октября вечером Александр Иванович зашёл к нам, слепоглухим студентам, нагруженный связками авторских экземпляров. А на следующее утро нам сообщили о его смерти...

То, что Александр Иванович успел издать, было, по замыслу автора, только первым томом. В следующем он намеревался рассказать о развитии психики в процессе общения, об освоении словесного языка. Можно догадаться и о содержании третьего тома – он, скорее всего, был бы посвящён проблемам нравственного развития.

«...Всё остальное идёт уже принципиально легко: и обучение языку (вначале жестовому, затем дактильному и устному, а в итоге словесному), и формирование навыков логического мышления, и усвоение нравственных норм. Всё это прививается на почве уже сформированной культуры поведения. В обратном порядке невозможно создать ни бытового поведения, ни нравственных принципов. Этим экспериментально опровергается бытующая до сих пор идея о том, что человеческая психика рождается или просыпается только вместе с усвоением языка, речи. С нашей точки зрения, язык на первых порах лишь оформляет уже сложившиеся элементы человеческой психики, возникшие в актах предметно-практического поведения. Само собой разумеется, что, возникнув, язык оказывает сильнейшее обратное воздействие на сложившееся поведение и психику, позволяя ей подняться на следующий, более высокий уровень развития, без языка недостижимый. Только вместе с усвоением языка слепоглухонемой приобретает способность анализировать свои собственные действия и поступки с точки зрения выработанных человечеством норм культуры в любой области жизни. Все эти проблемы, обуславливающие развитие поведения и психики слепоглухонемого ребёнка в связи с овладением им средствами общения, в частности словесным языком, составляют предмет дальнейшего исследования, результаты которого будут опубликованы в следующей книге»³⁴.

Читая эти отсылки к «следующей книге», я воспринимал их как завещание, которое по мере сил должен выполнить и я. Разумеется, не претендую на такой научный уровень, на каком собирался и мог осуществить свой замысел только сам Александр Иванович.

Однако то, что я назвал совместной педагогикой, можно в какой-то, пусть ничтожной, мере считать реализацией научного завещания Мещерякова. Хотя бы потому, что предмет совместной педагогики – именно формирование общения, а также и нравственности, детей-инвалидов (особенно слепоглухих) совместно с относительно здоровыми детьми.

Итак, мы постарались ответить на вопрос о принципиальной познаваемости мира в условиях слепоглухоты, а затем на вопрос об истоках человеческой психики в этих условиях. Теперь постараемся ответить на вопрос о том, в какой мере может быть преодолён дефицит общения – главное социальное следствие слепоглухоты.

3.1. ПРОПУСК НЕКОТОРЫХ ЭТАПОВ НОРМАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Если воспользоваться распространенной у нас возрастной периодизацией детства, то окажется, что первоначальное очеловечивание слепоглухонемых детей решает проблемы лишь младенческого и преддошкольного возраста, да и то не все. Резко – и невыгодно – отличается первоначальное речевое развитие слепоглухонемых от первоначального речевого развития зрячеслышащих детей. У тех и других на базе бытового самообслуживания возникают естественные жесты, представляющие собой имитацию действий.

³⁴ Мещеряков А.И. Слепоглухонемые дети... С. 317.

Но у нормально слышащих детей переход от естественных жестов к полноценной словесно-звуковой речи осуществляется, по замечательному наблюдению Корнея Ивановича Чуковского, через этап «экикик», то есть более или менее членораздельных звуков в ритме движений ребёнка (прыжков, бега). Ещё не научившись толком говорить, нормально слышащий ребёнок уже играет звуковыми элементами словесного языка, пропевает их в ритме своих движений. Психологически «экикики» – очень важный этап раннего речевого развития, пропуск которого чреват самыми плачевными последствиями. Теми самыми, что наблюдались у глухонемых от рождения или с очень раннего возраста.

Глухота считается ранней, если ребёнок рождается глухим или оглохнет до формирования устной речи. До или после формирования устной речи наступает глухота – принципиально потому, что означает различные сценарии общего личностного развития.

При ранней глухоте устная речь формируется разве что искусственно, усилиями логопеда и сурдопедагога. Если таких специальных усилий нет, налицо глухонмота. Скорее всего, родным языком для глухонемого станет не национальный словесный, а жестовый, словесный же будет восприниматься в качестве иностранного. Словесная речь останется на уровне набора отдельных слов, предъявляемых не устно, не голосом, а дактильно – посредством особого пальцевого (дактильного) алфавита. (Обратите внимание: АЛФАВИТА, а не языка!) Книжной культуре глухонемой останется полностью чужд.

Мы имеем порочную цепочку: ранняя глухота – немота (то есть отсутствие устной речи) – отсутствие полноценной словесной речи – чуждость литературе, то есть зафиксированной в ней культуре своего народа и человечества.

При поздней глухоте, наступившей после формирования устной речи, последствия для общего личностного развития могут быть не столь катастрофическими. Устная речь, пусть и не без некоторых дефектов (например, в виде монотонности, шепелявости, недостаточной разборчивости, требующей от слушателя более или менее долгого привыкания), сохраняется на всю оставшуюся жизнь. Возможна, конечно, специальная коррекция устной речи, особенно облегчаемая при постоянном ношении слухового аппарата. Но главное – национальный словесный язык – родной, развитый, фразовый. Зафиксированная в литературе народная и общечеловеческая культура доступна.

Э.В. Ильенков, обосновывая необходимость овладения словесной (пусть и преимущественно в письменной форме) речью, в качестве решающего аргумента подчёркивал, что на жестовый язык невозможно перевести Гегеля и Достоевского. На развитом словесном национальном языке доступна вся мировая философская и художественная классика.

Это не значит, конечно, что глухой, как и слышащий, владея словесным языком, к этой классике приобщится автоматически. Но в этом случае приобщение возможно в принципе, а при владении только жестовым языком – нет.

Почему же последствия ранней глухоты для речевого и общего личностного развития тяжелее, чем последствия глухоты поздней? Ответ можно получить, сопоставив процесс речевого развития при ранней глухоте и при нормальном слухе. Такое сопоставление выявляет нарушение логики речевого развития у ранооглохших. А это и есть подлинная общая причина речевой и общекультурной катастрофы при ранней глухоте.

Дело в пропуске как минимум, двух периодов речевого развития, через которые проходит нормально слышащий ребёнок в отличие от ребёнка ранооглохшего.

Первый этап выделил К.И. Чуковский в знаменитой книге «От двух до пяти». Он рассказывает:

«Однажды на даче у меня под окном появился незнакомый мальчишка, который закричал в упоении, показывая мне камышинку:

– Эку пику дядя дал!

Эку пику дядя дал!

Но, очевидно, его восторг выходил далеко за пределы человеческих слов, потому через несколько минут та же песня зазвучала у него по-другому:

– Экикики диди да!

Экикики диди да!

Из «экой пики» стало «экикики», из «дядя дал» – «диди да».

«Случай чрезвычайно выразительный, но, к сожалению, в то время, когда мне привелось услышать эту песню, я неправильно истолковал трансформацию, которой подверг её поющий ребёнок. Мне почудилось, будто ребёнок «освободил свою песню от смысла, как от лишнего груза». Я так и написал в своей книжке, и лишь позднейшие наблюдения убедили меня, что у детей никогда не бывает нарочитого стремления к бессмыслице. Как мы уже видели, дети, напротив, стремятся во что бы то ни стало осмыслить каждое услышанное слово, превращая «экскаватор» в «песковатор» и «вазелин» в «мазелин». В данном случае ребёнок освободил свою песню совсем не от смысла, а от затруднительных звуков. Произнести «кикики» легче уже потому, что все три согласные здесь совершенно тождественны. В сущности, таковы же и гласные, ибо, если фонетически записать это слово, получится, конечно, «икикики», где одни и те же согласные чередуются с одними и теми же гласными. Всё дело здесь в облегчённой фонетике. Характерно, что и во втором варианте ритмика стиха осталась та же»³⁵.

Чуковский отмечал, как велико у ребят чисто мышечное ощущение стиха. От движения – к звуку, от звука – к слову, вот истинный путь «экикик». И всё в ритме хорея, в абсолютном позитиве, в приятной новизне впечатлений. Такие «экикики» прилипчивы, заразительны, моментально подхватываются другими детьми, превращаются из личного в коллективное творчество. Благодаря «экикикам» нормально слышащий ребёнок стремительно расширяет свой словарный запас и достигает развёрнутой фразовости речи.

Но пропуском этапа «экикик» нарушение логики речевого развития при ранней глухоте не исчерпывается. Ещё важнее пропуск устно-речевого дошкольного этапа, то есть овладение словесной речью поневоле сразу в письменной (алфавитной) форме – в форме дактильного, пальцевого алфавита.

Нормально слышащий ребёнок, прежде чем начать учиться читать и писать, проходит большой путь овладения национальным словесным языком в устной форме. Затем он овладевает этим же самым языком в другой форме – письменной. Такова нормальная последовательность словесно-речевого развития.

При ранней глухоте всё наоборот. Сначала ребёнок овладевает навыками бытового самообслуживания, затем – эквивалентными этим навыкам жестами, а затем глухонемой ребёнок вынужден перепрыгивать через гигантскую пропасть – от жеста сразу к алфавиту! Пусть и пальцевому, дактильному. Будучи алфавитной, дактильная речь по существу является письменной. Никакой фонетики – сразу орфография. И, разумеется, никаких «экикик».

Попробуйте одновременно петь и дактилировать – ничего не выйдет. Поэтому что-нибудь одно: либо через слуховой аппарат, или хотя бы положив пальцы на горло певца, через вибрацию горла, наслаждаться мелодией песни; либо вникать в дактильный перевод слов, текста песни. Либо мелодия, либо текст. Одновременно того и другого дактильная речь, в отличие от речи устной, не допускает. Мне укажут на жестовое пение – но ведь жестовое, под словесно-музыкальную фонограмму, а не алфавитное! Поэтому жестовое пение уже предполагает развитую словесную речь, в том числе и в устной форме (как иначе петь

³⁵ Чуковский К.И. От двух до пяти [Электронный ресурс] / Электронная библиотека modernlib.ru. М.: Детская литература, 1963. Режим доступа: http://modernlib.ru/books/chukovskiy_korney_ivanovich/ot_dvuh_do_pyati/read, свободный.

жестами под фонограмму?).

Навязывая малышам дактильный алфавит, мы коверкаем детское речевое развитие, безнадежно задерживаем его. Дактилология своей громоздкостью сразу заявляет ребёнку: «Я тебе не игрушка, я дама серьёзная, со мной не попляшешь!» То-то и горе, что не попляшешь, а значит, и на языке своего народа не научишься говорить как следует. Разумеется, дактилология навязывается ребёнку не злонамеренно, а просто потому, что нет – не придумано – никакой другой формы словесного языка, доступной без слуха. Но мы настолько привыкли к этому никуда не годному «заменителю» устной речи, что и не думаем искать другого.

Любой алфавит – это вариант письменной речи, а не устной. Надо искать не звуковой, а какой-либо другой вариант именно устной речи. Может быть, вибрационный. Тогда нужны слуховые аппараты, не только усиливающие звуки нужной частоты, но и преобразующие звуки в вибрацию. Причём усиление звука и вибрации должно регулироваться отдельно. К бинауральным (рассчитанным на оба уха) карманным слуховым аппаратам можно подключить и костники – устройства для преобразования звука в вибрацию, которые обычно с помощью специального зажима укрепляются сразу за ушной раковиной. Есть люди с хорошей костной (через кость) и плохой воздушной (через ушной проход) проводимостью звука. Если костник пристроить у них позади ушной раковины вплотную к ней, то проходящая через черепную кость вибрация, воздействуя непосредственно на слуховой нерв, воспринимается как звук.

У меня костная проводимость плохая, лучше воздушная, и я вкладывал в ушную раковину специальный вкладыш, подключённый к телефону бинаурального карманного слухового аппарата. Я пробовал так: один карманный аппарат подключён ко вкладышам в ушах, другой – к костникам, которые я держал просто в руках. Тогда можно было отдельно регулировать звук и вибрацию. Если же я подключал костник и телефон с вкладышем к одному и тому же бинауральному карманному слуховому аппарату, то при общем регуляторе громкости приходилось выбирать что-нибудь одно: либо вибрацию (тогда звук в ухе был чересчур громок), либо звук (тогда почти бесполезен оказывался костник).

Я мечтаю о шлемофоне, который имел бы и слуховые аппараты воздушной проводимости, и вибраторы. И все – с отдельной регулировкой. На левом и на правом ухе – по заушному аппарату воздушной проводимости (звук проводится через ушной проход), каждый со своим микрофоном и регулятором громкости. На лбу – над переносицей – вибратор, а лучше два над глазами, чтобы устанавливать местонахождение источника звука по тому, с какой стороны вибрация сильнее. Вибраторы тоже должны иметь самостоятельные микрофоны и регуляторы громкости. Может быть, сочетание усиленного звука с так же отчетливо ощутимой вибрацией облегчит восприятие устной речи слабослышащими, как бы ни был растренирован остаточный слух...

О кохlearной имплантации слышал. Насколько понял, это путь восстановления и тренировки нормального речевого слуха. Постепенно распространяется, но пока большинству глухих это недоступно.

Надо вывести ребёнка за рамки бытового самообслуживания в ролевую игру, вообще в раннюю эстетическую деятельность как в форме ролевой игры, так и в форме изобразительного творчества (у слепоглухонемых детей это прежде всего лепка). Речь идёт о комплексе проблем дошкольного возраста. Между тем слепоглухонемых, да и глухонемых детей прямо с преддошкольного уровня тянут на школьный. Это связано не с чьей-то злой волей, а просто с нерешённостью дошкольных психолого-педагогических проблем, возникающих в ситуации ранней глухоты.

Исторически сложилось так, что – нравится нам это или нет – основным средством передачи сведений в школе является народный язык. Неудивительно: словесный язык – универсальное

средство общения, а потому универсальный носитель и хранитель человеческой культуры, особенно духовной. И преподавание в школе просто не может не вестись на словесном языке. Разумеется, в школе словарный запас детей существенно расширяется, обогащается по мере роста интеллектуальной, эстетической, физической, бытовой, трудовой культуры ребёнка. Например, чтобы исправить ударения в речи ученика с помощью стихотворных текстов, я дал слепоглухому подростку сразу слого-ударную схему стихотворных строк, объяснил, что такое стихотворная стопа, какие бывают виды стоп, и мы составляли схемы стихотворных строк, следя за правильным чередованием ударных и безударных слогов. Убеждён, что неслышащим ребятам такие вещи надо давать обязательно, и как можно раньше. Тогда, читая стихотворные тексты, они будут следить за чередованием ударных и безударных слогов, и это постепенно поможет им правильно ставить ударения и в устной речи. Теория стихосложения, факультативная для слышащих учеников, знающих из повседневного устного речевого общения, куда надо ставить ударения, – эта теория в своих основах неслышащим необходима как воздух. Без таких тонкостей, как поэтическая звукопись и многое другое, можно и обойтись, если, конечно, ученик не начнёт писать стихи, но слогоударные схемы, все пять видов стихотворных стоп, надо неслышащему знать назубок, как таблицу умножения.

Основой языка как целостной знаковой системы, как универсального средства бытового и игрового общения дети овладевают ещё до школы. На это-то владение основами словесного языка школа с самого начала и ориентируется. А если дошкольный, тем более даже преддошкольный отчасти, этап развития пропущен, в принципе немыслима и школа. Неизбежно получается бессмыслица в последней степени – «бессловесная школа». Об этой бессмыслице хорошо сказал В.А. Сухомлинский, непосредственно имевший в виду значение книг: в школе может многого не хватать, но если в ней увлеченно читают – школа есть; и наоборот, школа может быть роскошной во всех отношениях, но если в ней не читают – не умеют читать, а не хотят, многого в книгах не понимая, – школы нет.

Ранооглохшие дети, как правило, не знают основного словарного фонда и грамматического строя родного языка. Знают алфавит, да что толку... Если читают, то как гоголевский Петрушка, которого занимало, что из букв вечно выходят какие-нибудь слова, чёрт знает что порой обозначающие. Читательская полноценность отдельных слепоглухих ребят объясняется тем, что они оглохли «поздно», уже владея основами языка. Таких можно учить по программе обычной, «массовой» школы в варианте для слепых и слабовидящих.

Конечно, надёжнее бы для развития глухих детей иметь какой-нибудь неалфавитный заменитель, а не звукоусилитель устной речи. Над этой проблемой должны бы поработать не только инженеры, но и психолингвисты. Нужно разрабатывать не только новые аппараты, но и новые средства общения с заданными, рассчитанными на решение определённых проблем характеристиками.

Это новое средство общения не должно быть алфавитным, с одной стороны, но это и не жесты. Это должен быть эрзац устной речи. Для России – новый устный вариант именно русского языка. Устный, но не звуковой, а какой-то другой. Цель – обеспечить раннее овладение русским языком при ранней глухоте, а затем на этой основе учить ранооглохших детишек, как и нормально слышащих, письменной форме – по-зрячему ли, по Брайлю ли, – смотря по состоянию зрения. И чтобы можно было под такую речь прыгать и бегать! Этап «экикик» должен быть доступен детям, лишённым слуха.

Вообще, это крайне сложная задача. Если бы эту задачу удалось решить, речевое, а в конечном счёте общее личностное развитие таких ребят резко ускорилось бы. Оно стало бы сравнимым по темпам с личностным становлением зрячеслышащих детей.

Фактически, что-то вроде брайлевской революции, только для глухих. До Брайля проблему грамотности слепых пытались решить, предлагая слепым зрячую письменность, но в

рельефном исполнении. Пытались упрощать начертания зрячих букв. Но о принципиально другом, не линейном, рельефном шрифте до Брайля не помышляли, и, когда он предложил шеститочие, встали на дыбы: вот ещё, какой-то особый алфавит для слепых, который надо тифлопедагогам изучать, с какой стати... Десятки лет прошли после смерти Брайля, пока осознали, что его шрифту альтернативы нет, только этот шрифт решает проблему грамотности слепых. До такой степени, что даже для китайского и японского языков пришлось, говорят, из-за слепых разработать рельефно-точечный алфавит. Для зрячих тысячелетиями обходились иероглифами, а для слепых пришлось произвести алфавитную революцию.

Вот так и с искомым средством общения для глухих – не алфавитным, и не звуковым, но каким-то... каким? Появится ли у глухих свой Брайль?

3.2. «РОДИТЕЛЬСКИЕ ПРАВА» НА СОВМЕСТНУЮ ПЕДАГОГИКУ

Слепоглухота обесчеловечивает не сама по себе, но абсолютным одиночеством, абсолютной невозможностью предметно-деятельностного общения традиционными средствами, и, значит, абсолютной оторванностью от человеческой культуры. Таков основной факт, а не теоретический вымысел или домысел. А раз так, то конечная цель – преодоление абсолютного одиночества, полная его ликвидация. Это и есть конечная цель совместной педагогики – специальной организации общения слепоглухих и зрячеслышащих детей. Без этого ни о какой личностной полноценности говорить всерьёз не приходится.

Легко ли брать на себя ответственность говорить о других? Неточности практически неизбежны, а те, о ком речь, этим неточностям придают обычно болезненно большое значение. Как ни старайся – будешь бит.

Но и только за себя отвечать не легче. Не в безвоздушном же пространстве действуешь. Как уйти от обвинения в том, что всё на свете приписал себе, присвоил чужие лавры?

Совместная педагогика – дело многих, а размышлять о ней на теоретическом и литературном уровне, насколько знаю, самая большая потребность – у меня. Я же, собственно, озабочен не индивидуальными заслугами, приоритетами, а только существом проблем, которые позволяет решить совместная педагогика. Меры индивидуальных заслуг, в том числе своих собственных, попросту не знаю. Когда же мои коллеги со всех сторон, наперебой, пытались объяснить мне каждый свою выдающуюся роль, я только безнадежно запутывался. И в конце концов раздражённо отмахивался: «Пишите сами! Сами себя прославляйте!»

А по-честному – давайте не будем считаться славой. Все мы только участники одной большой работы. Перечислить поимённо всех участников не берусь. Личный вклад каждого оценить не могу – о многом просто не знаю.

Сам я от «родительских прав» на совместную педагогику отказываюсь. Сознательно, со всей возможной для меня опорой на теорию, я на путь совместной педагогики встал только в августе 1988 года, когда впервые приехал в «Салют» с четырьмя слепоглухими ребятами. Так ли уж важно, кто первый сказал «верую»: Апраушев, Ильенков или сам Карл Маркс?.. Для меня куда важнее, сколько человек сказало «верую», и насколько искренне. А главное – как совместно-педагогическая вера проявила себя практически, в деле.

Я бы не упоминал о торге из-за приоритетов, если бы его не было. Но он был, длился несколько лет, совершенно меня измучил, и я очень боюсь, как бы он не возобновился в связи с моей книгой. Не буду называть участников торга: самые ретивые непременно от своего участия отрекутся, скажут, что я их неправильно понял. И особенно, конечно, отрекался бы от лавров участника тот, упокоившийся в феврале 2009 года, участник торга, который призывал желанные времена, когда за воровство чужих идей будут судить. Волосы встанут дыбом, как подумаешь о неизбежной склоке, которую вызовет попытка доказать, кто чьи идеи украл...

Я учился в Загорском детском доме с 13 сентября 1964 по 9 февраля 1971 года, а спустя десять лет впервые появился в детдоме в качестве, как сам потом определил, «общественного воспитателя». Договориться об этом первом приезде по телефону с А.В. Апраушевым мне помог Б.М. Бим-Бад. И позже больше всего он заинтересованно следил за моей работой с детьми, слушал мои дневники, которые я читал ему вслух, тут же по ходу чтения обсуждал со мной мои проблемы, давая очень ценные советы. И первую мою поездку в «Салют» мы с ним тоже всесторонне обсудили. Трудно сказать, как бы сложились мои отношения с детьми без заинтересованности и подсказок Бориса Михайловича. Если что-то у меня получалось, то в этом немалая и его заслуга.

Я очень благодарен Борису Михайловичу и за то, что, став организатором и ректором Университета Российской Академии образования, он добился издания в университетском

издательстве моей первой книги – первой вообще и первой по совместной педагогике, – «Школы взаимной человечности». Книга вышла к осени 1995 года и в течение двух-трёх месяцев практически разошлась.

В педагогике слепоглухих интеграционные тенденции уже давно возникали и набирали силу. Ещё в середине 1970-х годов Апраушев попробовал организовать общение детдомовцев со зрячеслышащими ребятами из ближайшей школы. Не знаю, на что он надеялся, но из этого первого опыта ничего не вышло. У детей не было общих интересов, им нечего было вместе делать. Пионеры послонялись какое-то время по детдому и исчезли.

В конце 1970-х к детдому привлекла внимание публикация В.Р. Хилтунена в «Комсомольской правде». В детдоме появились шефы-комсомольцы. Это были студенты различных московских вузов. Постепенно они оформились в Строительно-педагогическое объединение «Радуга», признанным лидером которого с самого начала стал А.А. Савельев.

Шефы начали с хозяйственной помощи детдому. В педагогический процесс детдома поначалу не вмешивались, хоть Апраушев, а затем и я, убеждали их. Мы говорили, что самый страшный дефицит у наших ребят – это дефицит общения, и круг общения надо всячески расширять. Впрочем, Апраушев как директор детдома следил за тем, чтобы в «общественно-полезной деятельности» воспитанники участвовали вместе с «радужанами». У «Радуги» был свой собственный педагогический процесс: помогая детдому, она воспитывала так называемых «трудных» подростков. Но нам было важно обратить внимание ребят на то, что в детдоме есть не только педагоги. Поэтому с самого начала я стал водить к «радужанам» тех детей, с которыми сам дружил. Очень скоро моё посредничество стало ненужным. Наступили времена, когда некоторых ребят от «радужан» было не вытащить.

Какое-то время в детдоме появлялись и коммунары из Ростова-на-Дону, члены клуба «ЭТО» («Эстетика, творчество, общение»). Были они несколько моложе «радужан», среди них преобладали школьники старших классов. Они тоже занимались хозяйственной помощью детдому, но прежде всего, как только появились, начали работать с детьми. Они первые на моей памяти попробовали устроить совместные праздники, вовлечь слепоглухих ребят в своё эстетическое творчество. Помнится, они организовали игру в цирк, сколотив из загорских ребят даже «оркестр», производивший адский грохот. Мне говорили, что появление у нас «этовцев» – тоже заслуга «Радуги». Но чего не знаю, того не знаю. Во всяком случае, «этовцы» сразу же включились в педагогический процесс, а «радужане» – попозже. Было бы хорошо, если бы историю «Радуги» в детдоме написал кто-нибудь из «радужан», всего бы лучше сам Савельев, а я могу отвечать лишь за то, к чему сам имел прямое отношение.

«Радуга» организовывала для ребят походы в ближайшие леса. Младшее поколение «Радуги» – в основном школьники старших классов – создало свой особый отряд «Лосинка» во главе с Александром Седовым. «Лосинка» регулярно организовывала для ребят праздники. К «Радуге» восходит и компьютеризация детского учебного процесса: первые компьютеры в детдом привезли именно «радужане». Компьютерные игры очень ребят увлекли.

Но всё это, по-моему, было шефством, беременным совместной педагогикой. Да ведь нужно ещё и родить, то есть осознать и сознательно осуществлять интеграционную стратегию работы. «Радуга» «родила». Когда хронологически происходили «роды» – пусть об этом нам сообщит историк-«радужанин». Я гадать об этом откровенно боюсь: не хочу участвовать в торге из-за того, кому принадлежит приоритет, у кого больше прав претендовать на звание «родителей» совместной педагогики.

Когда процесс пошёл, «радужане» неизменно приходили мне на помощь, и у меня хватало ума от этой помощи не отказываться, какие бы ни кипели «приоритетные страсти». Особенно надёжным оказалось дружеское плечо И.В. Саломатиной. С августа 1989 года по июнь 1991 года без неё не обошлось ни одно мое лагерное лето. И она позже стала организатором регулярных экскурсий загорских ребят в Одессу, Киев, Ростов-на-Дону, Петрозаводск,

Феодосию. Особенная прелесть и ценность этих поездок, по-моему, в том, что в них участвовали в качестве сопровождающих и зрячеслышащие ребята. Говорят, что каждый раз новые. Что ж, наверное, правильно: не потому, что «хорошенького понемножку», а потому, что свежие люди больше внимания уделяют слепоглухим. А ведь количество и качество этого внимания и есть главный смысл совместной педагогики...

Ребят возили в дальние экскурсии, пока были деньги. Потом «Радуге», как и очень многим организациям, денег стало не хватать. Но, в основном работая со зрячеслышащими ребятами, «радужане» не забывали и слепоглухих, – как детей, так и взрослых, прежде всего меня грешного. Саломатина занялась преподаванием английского языка одной поздноослепшей и позднооглохшей девочке. Когда эта девочка ушла из детдома и стала учиться дома заочно, – как хотел сделать и я, не чувствуя продвижения в своей детдомовской учёбе, – Ирина Владимировна продолжала её опекать, следила за её учебным процессом. В чём мог, помогал здесь и я, встречаясь с девочкой, беседуя с ней, поддерживая переписку.

Ирина Владимировна всегда выручала меня, став одним из самых близких моих друзей. Если какую-то проблему не мог решить никто, я звонил в «Радугу» и Ирине Владимировне домой, и выход мы старались найти. Ирина Владимировна организовала для меня переписку по Брайлю необходимой литературы, чтобы я пополнил свою эрудицию перед защитой докторской диссертации. Сама тоже много переписывала. И продолжала работать с детьми: организовала учёт слепнущих глухих ребят, с дальним прицелом на создание ассоциации родителей слепоглухих ребят. Такие ассоциации есть уже и очень активны во многих странах, и если бы возникла у нас, то можно было бы всерьёз думать о создании ассоциации самих слепоглухих.

8–11 ноября 2015 года в подмосковном пансионате «Красная Пахра» наконец-то прошёл учредительный съезд Межрегиональной общественной организации «Сообщество семей слепоглухих». 30 ноября 2016 прошёл и второй съезд. Идёт юридическое и организационное становление. Стали традицией родительские школы с участием волонтеров и специалистов. Сообщество семей слепоглухих обещает стать большим кораблём, которому, согласно поговорке, большое плавание. И маршруты этого корабля пролягут через воды совместно-педагогического океана. Главное, родители слепоглухих наконец-то смогут сами растить своих детей, а не маяться в многолетней очереди на место в единственном в России Сергиево-Посадском детдоме.

Но об этом чуть позже. А пока скажу, что одной из важных вех стало знакомство с «Салютом». Осенью 1985 года я с одним моим коллегой ездил в Ленинград. Там мы познакомились с коммунарским зональным студенческим педагогическим отрядом «Трубачи», действовавшим на физическом факультете Ленинградского госпединститута имени А.И. Герцена. Летом отряд работал в «Салюте» – одном из пионерских лагерей научно-производственного объединения «СВЕТЛАНА» (женское имя получилось из сокращения действительного названия предприятия – «Световые лампы накаливания»). Начальник лагеря, поэт-бард В.И. Вихорев, обеспечивал коммунаров необходимой им, как студентам, педагогической практикой, а коммунары обеспечивали его лагерь кадрами вожатых и кружководов.

«Трубачи» сразу же стали звать меня в гости в «Салют». Испугавшись трудностей общения со зрячеслышащими детьми, я сначала отвечал радушным хозяевам уклончиво. Но в июле 1987 года приехал сначала один, а в августе 1988 и 1989 годов – с воспитанниками Загорского детдома для слепоглухонемых. Именно в связи с работой в «Салюте» я придумал сам термин «совместная педагогика», готовясь к первой поездке туда с загорскими детьми.

В 1990 году возникло движение «Детский орден милосердия». Слепоглухие ребята, как и другие дети-инвалиды и относительно здоровые, стали ездить в лагеря на смены общения Детского ордена милосердия. Я включился в это движение с самого начала, и президент его,

Г.В. Никанорова, делала чудеса, добывая деньги, организуя смены – как смены общения, так и инструктивные сборы для старших ребят, желающих лучше понять проблемы детей-инвалидов. Там я познакомился со многими замечательными энтузиастами, такими, как Г.М. Косова (Набережные Челны), Н.С. Морова (Йошкар-Ола), Н.Ю. Романов, Т.О. Ушакова... Особенно сблизился я со Свердловским областным Детским орденом милосердия, рыцарем которого стал 30 мая 1993 года. Руководители этой организации – супруги Н.О. и В.А. Пospelовы (он возглавлял ещё и Детский областной фонд; увы, умер в ноябре 2015 года). С 1994 по 2001 годы я работал в лагерных сменах, руководимых супругами Пospelовыми, приезжая в Екатеринбург в командировки и между сменами, в течение учебного года.

Летом 2002 и 2003 годов я по месяцу пожил в горных палаточных лагерях детской экологической экспедиции «Тропа», которой руководил педагог и бард Ю.М. Устинов. В результате написана книга «Философия процесса, или Педагогика Тропы». А главное лично для меня – в горах я встретил свою судьбу, названного сына Олега Гурова, который стал моим официальным попечителем и незаменимым сотрудником. Он, что называется, покоит мою старость...

В 2002 году я подружился с И.С. Маловичко, президентом Волгоградского клуба ЮНЕСКО «Достоинство ребёнка», а через неё – с президентом волгоградского объединения «Созвездие талантов». Летом «Созвездие талантов» организует «Детские творческие дачи», и мне четыре раза удалось на них съездить.

В Сергиево-Посадском детдоме эстафету «Радуги» фактически подхватили православные добровольцы. Ещё в 1990-е годы Троице-Сергиева лавра стала одним из главных спонсоров детдома: на его территории построили храм, многие прихожане работают в детдоме. Я там подружился с замечательным иеромонахом – отцом Мелитоном.

К религии как мировоззрению отношусь, поточнее бы сказать, сдержанно. Для меня это не вера, а одно из явлений духовной культуры, наряду со светской духовностью, – не культ, а религиозоведение как часть культурологии. В общем, с этим мировоззрением ко мне, пожалуйста, не приставайте – уважайте моё! Я тоже имею право на свободу совести, и мои чувства не меньше ваших заслуживают того, чтобы их избегали оскорблять.

Так обстоят дела на уровне мировоззрения. Но что касается практики любви и милосердия – тут нам нечего делить. Верующие – хорошие, добрые люди, в душевном тепле которых нуждаются воспитанники детдома. И спасибо им за это тепло. Только, чур, без самозванного миссионерства! Давайте лучше дружить, а не держать взаимную оборону.

База совместной педагогики очень широка, поистине всероссийская. И, я бы сказал, всеконфессиональная. Люди учатся, делают что могут. Теоретически осмыслить и методически учесть специфику работы одновременно с больными и относительно здоровыми детьми – очень нелёгкая задача. Но ростки совместной педагогики налицо. И не страшно, если где-то вянут – в других местах прорастают.

3.3. «САЛЮТОВСКАЯ» ИСТОРИЯ СОВМЕСТНОЙ ПЕДАГОГИКИ

«Фантастические авантюристы!» – это первая моя реакция на приглашение меня в «Салют» со слепоглухими ребятами. Опомившись от удивления, я начал думать.

Мы склонны обобщать, возводить в абсолют свой частный опыт – и индивидуальный, личный, и исторический. Согласно этому частному опыту, здоровые дети обычно обижают детей-инвалидов, и потому последних надо обучать и воспитывать отдельно, оберегая от жестокости детей без тех или иных «дефектов». Но такой вывод – результат конкретного стечения обстоятельств, в том числе и довольно долго сохраняющих своё значение.

Например, такое исторически преходящее обстоятельство, как классовый антагонизм. Не берусь доказывать, но уверен почему-то, что классовый антагонизм между здоровыми членами общества не может не порождать его между относительно здоровыми и инвалидами вообще. Убеждён, что классовый, да и всякий иной, антагонизм – не вечное явление, когда-нибудь его да не будет. Антагонизм между относительно здоровыми и «дефектными» детьми – факт; детская жестокость – факт. Но если до сих пор в нашем опыте ничего другого не было, это ещё не значит, что ничего другого и быть не может, что указанные противостояние и жестокость были, есть и будут во веки веков, аминь.

Мой личный детский опыт, кстати, вполне подтверждает, во всяком случае, факт детской жестокости. До Загорска я получил начальное образование (четырёхклассное) во Фрунзенской школе слепых, где мои отношения с одноклассниками были крайне враждебными. Я считал, что меня обижают, всячески отгораживался от ровесников, предпочитая иметь дело только со взрослыми и с книгами. Без специального анализа трудно, пожалуй, обнаружить в моём собственном детстве предпосылки для будущего совместно-педагогического энтузиазма. Да вряд ли там эти предпосылки и были... Разве что такая «предпосылка», как болезненный интерес при встрече с любым детским скопищем к тому, есть ли в нём, в этом скопище, такие же всеми обижаемые изгои, каким себя чувствовал я, особенно в школе слепых. Даже в студенческие и более поздние годы эта детская моя боль сохраняла всю свежесть и остроту. Может быть, подсознательно именно из-за своего детского опыта я поначалу испугался первого приглашения в «Салют»... А то бы поехал туда годом раньше.

Ну ладно. Я теперь взрослый человек, сам себе хозяин. Но я – одно дело, а загорские ребята – другое. Не создам ли я для них тот самый ад, в котором сам промучился в детстве?

Да, несколько позже, уже в эпоху совместно-педагогической практики, я имел право назвать себя самым смелым экспериментатором из всех взрослых участников совместно-педагогического эксперимента. Мне было, наверное, труднее решиться на него, чем другим. Во всяком случае, благодаря своему детству я лучше других мог представлять, чем мы рискуем в случае провала нашей затеи. И то, как позже выяснилось, я недоучёл ровнёхонько половину всех возможных бед. Я готовился защищать слепоглухих ребят от зрячеслышащих, но быстро убедился, что скорее надо защищать зрячеслышащих ребят от слепоглухих. Пятилетнему ребёнку наш Денис попробовал пальцами выдавить глаза... Удалось вовремя помешать, но шок мы все получили... Не подберу эпитета.

Но «салютовцы» свято верили в человечность своего коллектива. И я в неё поверил, пожив в нём месяц. Я убедился в первое лето: если контакта между пионерами и загорчанами не получится, то загорчане, на самый худой конец, проживут сами по себе со своими педагогами в лагере, как на даче. «Обижать» их здесь некому. Исключено.

Потому-то, собственно, я и решился. Только не был уверен в реакции детдомовского руководства. Однако за год подготовки никто при мне не усомнился в ценности затеи. Поддержка со стороны директора А.А. Федорова, а тем более со стороны А.В. Апраушева, который в то время ещё «исполнял обязанности» завуча, с самого начала была полной.

Первый раз в «Салют» на третью смену ездило восемь человек: четверо ребят и столько же взрослых. Дети: два слепых слабослышащих мальчика с довольно тренированным остаточным слухом (Алёша и Денис); слабовидящий мальчик, оказавшийся и слабослышащим (Серёжа); глухая и почти слепая девочка (Галя). Уровни развития разные. Задержка речевого, а с ним и общего развития – у всех, но у Гали и Дениса – меньше, а у двух остальных такая, что по-русски почти невозможно было о чём-либо договориться.

Взрослые: два загорских воспитателя – Л.В. Марьина и Г.Н. Табаков; два сотрудника НИИ общей и педагогической психологии академии педагогических наук СССР – Л.Д. Шавельзон и я, официально руководитель эксперимента и всей группы. Финансировался эксперимент отчасти за счёт детдома, отчасти (поездка в Ленинград) за наш с Шавельзоном командировочный счёт, а в основном за счёт лагеря, то есть объединения «СВЕТЛАНА».

Дениса и Алёшу мы «вкрапили» в третий отряд – отряд барабанщиков, а двух других – в четвёртый отряд («Корвет», изучающий элементы морского дела). Это были так называемые «профильные» отряды. Чтобы загорчане имели меньше возможностей цепляться друг за друга, а значит, больше необходимости общаться с пионерами, мы с самого начала разделили их по разным звеньям.

Звенья в «Салюте» всё делали строго по очереди: одно занимается по профилю (барабанит или что-то по морскому делу), другое готовит на вечер «творческое дело», третье убирает территорию, или дежурит по столовой, или что-нибудь ещё такое же. Поэтому быть в разных звеньях значило общаться между собой только в свободное время, а им лагерный быт, слава богу, не богат. Более напряжённой, бурной жизни я раньше никогда нигде не встречал: каждый день, чуть ли не каждый час – новая затея.

Мы, взрослые, тоже сознательно ограничивали своё общение с загорскими ребятами, чтобы они не могли отгораживаться от пионеров ещё и нами.

Теперь о динамике настроений ребят. Галя с самого начала больше всех рвалась в лагерь и сразу же почувствовала себя как рыба в воде. Денис начал с истерики и с требования немедленно отправить его домой – скучно, видите ли. Алёша тоже поначалу растерялся. А Серёжа сразу же начал играть с пионерами в пионербол и в другие подобные игры.

В течение недели, пока действовал фактор новизны, Гале даже поднадоело излишнее к ней внимание пионеров, и она иногда грубо их от себя отгоняла. Одновременно Галя требовала особого к себе отношения; например, просила мазать ей хлеб маслом и обижалась на указание, что сама ведь умеет. Но к концу смены сообразила, что не пуп земли, научилась интересоваться степенью занятости окружающих, а не требовать их внимания, как приспичит, и при этом сохранила неизменно положительное эмоциональное отношение к лагерю, желание приехать на следующий год.

Алёша был самым покладистым, абсолютно на всё согласным. Он давал Денису превращать себя в ширму, которой тот отгораживался от всего лагеря, отгораживая заодно и Алёшу. Но Денис тут несколько переборщил, и однажды Алёша пошёл на танцы без Дениса, а Денис остался капризничать в гордом одиночестве, – у Алёши вдруг появилось личное мнение. Думаю, это был результат наших провокационных действий. Заметив, что Денис всегда решает за себя и за Алёшу, мы начали все вопросы типа, кто чего хочет, задавать сначала Алёше, а потом Денису. Алёша покладисто соглашался на все предложения, а когда Денис капризничал, давать задний ход было уже неудобно, да и мы не позволяли, напоминая о только что данной согласии. Кто их разберёт, что там между ними происходило, но, видимо, Денис проявил своё недовольство в чрезвычайно агрессивной форме, так что к концу смены они даже подрались, к ужасу ребят из отряда, примчавшихся с этой жуткой вестью ко мне. Я успокоил пионеров тем, что в детдоме Денис с Алёшей помирятся, а пока пусть отдохнут друг от друга. Оба – и Денис, и Алёша – увлеклись барабанным делом и иногда играли на отрядных и даже дружинных линейках.

Особенно сложный путь прошёл Денис. Родился слабослышащим; постепенно терял зрение; окончательно ослеп 12 апреля 1987 года, уже в Загорске, в девятилетнем возрасте. Отслойка сетчатки. Изуродован горем родителей, превратившим его в маленького деспота. Сам тоже перенёс после окончательной потери зрения эмоциональный шок. Раннее осознание своего несчастья привело к жуткой зависти, что кто-то ни за что ни про что видит, а он ни за что ни про что слеп. Он сжался, как перепуганный зверёк, готовый броситься на каждого «чужого», дерзнувшего подойти слишком близко. Отсюда – ярко выраженная самоизоляция.

Речевое и общее развитие нормальное. Остаточный слух настолько хороший, что с ним можно было свободно общаться устно, произнося всё немного чётче, чем обычно, прямо на ухо. Мы очень просили пионеров не пользоваться дактильным алфавитом в общении с ним. Результат оказался ошеломляющим. Слух, конечно, лучше не стал, а вот прогресс звукоразличения, то есть восприятия на слух, нас потряс. Уже недели через две он свободно переговаривался со своими новыми знакомыми через всю баню по диагонали, то есть мог понимать в гулком помещении на расстоянии пяти метров от собеседника. При повседневном общении наклоняться к уху тоже стало не нужно. Даже на улице он стал понимать нормально на расстоянии полутора-двух метров.

Можно себе представить реакцию родителей, проводивших в лагерь полуглухого мальчика, а получивших назад через месяц нормально слышащего, только ближе, чем здоровые. Такова роль устно-речевой среды, о создании которой мечтают все логопеды, но которую создать искусственно невозможно. Обрадованные родители стали добиваться перевода Дениски в школу слепых. С января 1989 года Денис перешёл во второй класс Московской школы-интерната № 1 для слепых и слабовидящих детей.

Кстати, речевой прогресс остальных трёх тоже был заметен. По крайней мере, у всех более или менее расширился словарный запас. Серёжа, сначала не реагирующий на устные обращения, дней через десять стал отвечать, обнаружив их понимание, – сообразил наконец, видимо, зачем в детдоме его тренируют на слуховых занятиях. А то раньше в лучшем случае только повторял то, что ему скажешь голосом. Пионеры, плохо знавшие дактильный алфавит и потому в конце концов кричавшие ему на ухо всё, что нужно, всего за десять дней превратили его из попугая в субъект устно-речевого общения. До этого господствующим средством общения у Серёжи был жестовый язык. И остался, конечно, но заработало и всё остальное, чему его учили, но в чём раньше он, похоже, смысла не видел.

У слепоглухих ребят были развлекательные ожидания: карусели, качели, купание, стук (а не игра) на барабанах. Настоящей лагерной жизни они себе не представляли, и подготовить их к ней было, пожалуй, невозможно. Откуда взять представление о жизни коллектива, имея в собственной жизни только опыт парных отношений с педагогами да немного – с родителями? Попытка рассказать им о лагере могла бы их и отпугнуть. Так что развлекательных ожиданий я не опровергал и не подкреплял, надеясь, что жизнь в лагере ошеломит своей неожиданностью и сама всё расставит по местам в ребячьих головах. (Можно сказать, что я надеялся на макаренковский «взрыв».) В целом мои надежды оправдались, но процесс был нелёгкий. На первых порах были попытки самоизоляции, выразившиеся у Гали – в полном игнорировании режима и законов коллективной жизни, в отказе от общения с пионерами и приставаниях с общением к вожатым.

В целом, эмоциональное отношение к лагерю к моменту отъезда у всех, кроме Серёжи, было положительным. Даже у Дениса. Того избрали каким-то начальником в отряде, кажется – заместителем дежурного командира на один день, пока тот сам дежурил по лагерю, – и Денис жутко заважничал, сразу забыв все свои претензии и желание раньше срока уехать домой. Да и ребята звали приезжать ещё, и он обещал. Хорошо ли, плохо ли – детское честолюбие, но мы рады были, что хоть на тщеславии Дениска попался. Ведь маленькому деспоту большой доброжелательный коллектив нужнее, чем многим другим.

А с Серёжей нас подвело упование на его слабовидение. Рассчитывая, что он многое увидит и легче сориентируется, мы старались обеспечить переводом в первую очередь остальных. В итоге он видел больше, да мало понимал, и ему часто было скучно. Неважно сложились и его отношения с пионерами. Обнаруживая примитивное и даже пошловатое чувство юмора (уделял много внимания девчоночьим косичкам), шуток в свой адрес не понимал, обижался. Как-то обменялись с одним мальчиком шаржами. Мальчик своё карикатурное изображение тут же порвал, да и дело с концом, а Серёжа со своим портретом ходил по всему лагерю – вот, мол, как меня обижают. Какие-то озорники спрятали у него подушку, а он поколотил за это первого попавшегося. Атмосфера вокруг Серёжи стала накаляться, и мне пришлось объяснить ребятам, что фактически это двух-, ну трехлетний ребёнок, и относиться к нему надо соответственно – снисходительно.

Пионеры сначала не подозревали о задержке развития слепоглухих ребят, считали их равными себе, то есть думали, что они только видят, слышат и говорят хуже их, а в остальном такие же. Пришлось объяснить пионерам разницу между паспортным и психологическим возрастом, то, что по умению (и физической возможности) ориентироваться в человеческих отношениях слепоглухие ребята меньше самого маленького октябрёнка из младшего отряда. После этого отношение пионеров к слепоглухонемым ребятам стало осознанно шефским.

У Серёжи осложнились отношения в отряде. Я пришёл к ребятам в тихий час, посадил к себе на колени одного из пионеров (тоже Серёжу) и стал рассказывать им эпизод из «Соляриса» Станислава Лема, где лётчик, пролетая над разумным океаном, увидел «очень маленького ребёнка» в два-три метра ростом. Комиссия, которой он это своё наблюдение рассказывал, удивилась: как так маленький, если такой большой? Он мог ответить только, что «очень маленький» – уж таким тот ребёнок выглядел, несмотря на свои габариты, – как-то так шевелился, подобно действительно очень маленьким детям.

Я спросил ребят, сколько бы они дали Серёже лет. Они назвали приблизительно его паспортный возраст – двенадцать или тринадцать. Я сказал, что на самом деле ему, самое большее, по уровню развития – три года. Серёжа-пионер, сидевший у меня на коленях, написал на моей ладони изумлённое:

– Ух ты!

Это явно было выражением реакции всех зрячеслышащих мальчишек. Такой гигантской задержки развития они себе не представляли.

Позже лучшие наши помощники из пионеров осознали себя не просто шефами, а педагогами, делающими главную работу со слепоглухими ребятами. Ничего другого не оставалось, ибо для полного равенства не было предпосылок у загорских ребят, а так, во-первых, получился самый доброжелательный вариант из всех возможных, а во-вторых – загорчане всё же не были изолированы. Сначала по нашей подсказке, а затем и сами пионеры начали планировать эпизодическое участие слепоглухих ребят в массовых мероприятиях, втягивая их во что только можно, исходя всё же из представления о равенстве возможностей, а потому организуя подчас такое, что с нашей взрослой точки зрения могло показаться непосильным для слепоглухих (игра в пионербол). Помню, как «моряки» довольны были, когда Серёжа преуспел в вязании морских узлов. На всех праздниках ребята специально придумывали эпизоды с участием загорчан, а к концу смены начали готовить и праздники, полностью на их сквозное участие рассчитанные. Принцип эпизодического и сквозного участия – это наше прочное завоевание.

Одновременно понимание психологического «младшинства» слепоглухих ребят сказывалось в том, что пионеры не спешили на них обижаться, негодовать даже в случаях нетерпимых (грубость со стороны Гали, дёрганье за косички со стороны Серёжи), а терпеливо и с юмором учили более цивилизованной манере поведения (Серёже объяснили, что девочек лучше

гладить по головке, и он стал проделывать это и со всеми остальными; Галю учили вежливости и тому, что не надо ни на кого набрасываться со своими проблемами, не выяснив предварительно, не держат ли человека за горло другие, более серьезные проблемы). Терпение и доброжелательность, формирующиеся в общении с загорскими ребятами, пионеры переносили и друг на друга. Все вожатые отметили, что «моральный климат» между пионерами заметно потеплел. Ребята стали добрее, терпеливее. Польза от общения обоюдная. Неоценима, конечно, роль и отряда «Трубачи», и начальника лагеря. Валентин Иванович – недаром поэт – высоко ценил каждое своё слово, так что лёгкий треп с ним был невозможен. Он был неизменно очень конкретен, деловит, надёжен, когда требовалась его помощь. Я, честно говоря, благоговел перед ним. Иметь с ним дело было легко и приятно, все трудности сразу обнажались, и надо было только придумать способы преодоления. Глубоко чуждый сентиментальности, он трезво оценивал свои возможности, и, не беря на себя и на своих вожатых ничего непосильного, тем самым оказывал определяющее влияние на окончательные формы работы.

Именно так он определил следующий этап эксперимента – в августе 1989 года. Он сказал, что, если будет не более пяти ребят, можно будет сделать так же, как прежде. Если больше – нужен уже особый отряд, своя медсестра при нём, не менее, чем один педагог на двух детей. Так и было: восемь ребят, три воспитателя, три специально нанятых помощника воспитателя, медсестра и я. Мы составили особый отряд – «Дружба», и этот отряд был даже признан лучшим за всю смену. Правда, при столь мощном кадровом обеспечении – по взрослому на каждого ребёнка – нетрудно быть передовым, тем более, что в остальных «салютовских» отрядах в этот раз не хватало вожатых, а кружководов почти совсем не было.

Главный урок августа 1989 года, по-моему, тот, что и при существовании организационной отделённости детей-инвалидов совместная педагогика остаётся совместной педагогикой. Через отряд мы оставались частью всего лагеря, жили его жизнью, по его режиму. Мы организовали для всего лагеря кружок и стенгазету (хорошим кружководом оказалась М.Б. Мень, а стенгазета – это заслуга прежде всего И.В. Саломатиной; обе – специально взятые на смену помощницы воспитателей; кстати, этот выезд финансировался программой «Загорский детский дом» Всесоюзного Фонда социальных изобретений, и, конечно, профкомом завода «СВЕТЛАНА», которому принадлежал лагерь). Рассчитанные на весь лагерь затеи привлекали к нам ребят из всех отрядов, и поэтому при всей организационной автономии мы не были замкнуты сами на себя. Зато отношения между детьми носили более добровольный характер. При желании они всегда могли отдохнуть друг от друга. Правда, Денис ворчал, что в отряде зрячих ребят ему в прошлом году было лучше, и, может быть, он был прав: при его уровне общего развития, и главное, способе общения (только устным), он мог быть в обычном отряде.

Сделаю небольшую попытку теоретического анализа этого опыта. Всякая инвалидность более или менее ограничивает возможности активного членства в обществе, – следовательно, более или менее отчуждает инвалида от сущности человечества и личности. На фоне именно этого факта воспринимаются как подвиг случаи, когда отдельным инвалидам, вопреки тяжёлой форме инвалидности, удаётся стать полноценными личностями (Н. Островский, А. Маресьев, П. Дикунь). На самом деле случаи эти – просто нормальные, и исключительными кажутся лишь на фоне изолированного, ущербного, ненормального существования основной массы инвалидов.

Слепота ведёт к наиболее полной изоляции в силу того простого факта, что самые употребительные средства общения, как и подавляющая масса предметов культуры, рассчитаны на дистантное восприятие – зрительное и слуховое. Для преодоления этой изоляции приходится искать, по выражению Л.С. Выготского, «обходные пути» (особые, адекватные той или иной инвалидности, способы и устройства, позволяющие решать общие

со здоровыми проблемы), что в семье обычно не удаётся делать. Родственники, искренне убеждённые в безысходной беспомощности слепоглухонемого, усиливают эту беспомощность тотальным обслуживанием – до полной ненужности что-либо делать самому. Поэтому приходится либо забирать инвалида (как ребёнка, так и взрослого) из семьи в специальное реабилитационное учреждение, либо направлять в семью специалиста из такого учреждения для «коррекции» отношения родных к инвалиду. Переписка специалистов с семьями, мягко говоря, малоэффективна.

Но и в специальном реабилитационном учреждении изоляция может быть преодолена лишь отчасти – постольку, поскольку инвалид овладевает элементарными навыками самообслуживания и простейшего труда, а также специальными средствами общения (рельефно-точечным алфавитом Брайля и разного рода ручными алфавитами, да и языком жестов). Полноценного включения в общество в специальном инвалидном учреждении нет и быть не может.

Организация деятельности ученика может быть только средством, пусть даже самым главным, но только средством достижения цели, а никак не целью психолого-педагогической работы. Применительно к инвалидам цель – их включение в мир здоровых, уничтожение какой бы то ни было изоляции от мира здоровых. Не должно быть особого инвалидного мирка. Создание такого мирка ведёт к закреплению инвалидности – вместо её преодоления. Закрепление инвалидности ведёт к её усугублению, к дополнению физической инвалидности личностной.

Если ребёнок испытывает нажим взрослого (всё равно, мягкий или жёсткий), то единственным мотивом его деятельности, единственной потребностью является стремление избавиться от нажима: дескать, ну ладно, быть по-вашему, – только отвяжитесь.

Особенно ярко это демонстрировал Денис. Он всё время капризничал, часто демонстративно отказывался от участия во всём, что бы ему ни предлагали. Отказывался, например, лепить. Алёша уже давно покладисто лепит, а этот качает какие-то никому, в том числе ему самому, не ведомые права. Его уговаривали: вот Алёша слепил медведя, медведю скучно, слепи что-нибудь и ты ему в компанию. Денис снисходительно соглашался и лепил зайца. Мне было очевидно, что главное для него – заставить себя поуготоваривать, вокруг себя похороводиться, почувствовать себя центром общего внимания.

Я уставал и старался соблюдать тихий час, чтобы хватало сил на ночные планёрки. Денис и Алёша приходили ко мне будить меня и звать на полдник. Я в шутку называл их своими «живыми будильниками». Но Дениса выбрали в отряде каким-то начальником, как я уже писал, и он тут же заважничал. Когда я утром, встретив его возле умывальника, улыбнулся: «А, живой будильник рядом», – он возразил:

– Живого будильника тут нету. Тут дежурный командир!

Уже в 1989 году тот же Денис никак не хотел ходить с тростью. Его уговаривали и так и сяк, объясняли необходимость, но он сопротивлялся. Когда ездили на экскурсию в Новгород, Денис категорически отказался взять трость из автобуса в монастырь, хотя там было множество лестниц. Я сказал, чтобы его не уговаривали. На месте воспитательницы я бы предпочёл как бы случайно «уронить» его на лестнице, чтобы не я, а его собственная разбитая коленка убедила бы его в необходимости подстраховываться. Но воспитательница на это не решилась, и напрасно. А вечером Денис гордо сообщил мне, что он «выиграл спор» с воспитательницей...

Вот в чём дело, оказывается. В сознании ребёнка на первом месте вовсе не предмет спора, а сам спор, и главный мотив – этот спор выиграть, настоять на своём, а не разобраться в реальной правоте участников «дискуссии». Коли так, лучше уж вообще стараться избегать споров, «поединков» и как-то вынуждать ребёнка убеждаться в нашей правоте не из наших доводов, а из проблемной ситуации, специально нами созданной. В истории с тростью такой

проблемной ситуацией могло бы послужить падение на лестнице. Ничего страшнее разбитой коленки это за собой не повлекло бы, зато ребёнок имел бы повод пожалеть, что оставил трость в автобусе.

Мне думается (я не претендую на учёт всех существующих теорий мотива, а только высказываю точку зрения, к которой меня вынудила моя работа), что диалектическая сущность мотива – в вынужденной добровольности. Мотив – это потребность личности в той или иной деятельности, в процессе которой могут быть решены те или иные проблемы, действительно вставшие перед личностью, поставленные жизнью, а не подsunутые как нарочно для её, жизни, усложнения. Взрослый должен быть в глазах ребёнка не источником ненужных осложнений, а помощником в решении всё новых и новых проблем, возникающих в самом процессе жизни в обществе, жизни с людьми. Иначе говоря, ребёнок сам должен почувствовать невозможность не учиться, невозможность не учитывать в своём поведении интересы других людей. Он должен почувствовать, прочувствовать все эти невозможности, а не просто узнавать от красноречивых взрослых, что ему зачем-то надо становиться каким-то не таким, какой он есть.

Когда речь заходит об инвалидах в «нормальном» коллективе, под «нормальностью» обычно подразумевается, что данный коллектив в основном состоит не из инвалидов. Учитывая опыт мучений инвалидов среди здоровых, приходится уточнить, что такое «нормальный коллектив». А именно: таковым можно признать только человеческий коллектив, в котором невозможно шельмование сильными слабыми, инвалиды эти слабые или нет. И уж если растить слепоглухих детей среди здоровых, то детский коллектив должен быть нормальным не просто в смысле неинвалидности массы его членов, а прежде всего в смысле человечности. Такой человеческий, этически нормальный коллектив оказывается самой лучшей питательной средой для личностного роста, для реализации личностной полноценности.

Сначала я поехал в «Салют» с целью выяснить возможности установления нормальных личностных отношений слепоглохого взрослого, то есть меня, со зрячеслышащими детьми. Мне пришлось нелегко. Я в который раз остро почувствовал свою слепоглухоту именно потому, что с детьми крепко подружился, и очень хотелось полностью, до последней мелочи раствориться в их жизни. Не шельмование, а дружба, не бесчеловечность, а именно человечность «среды» заставили меня в который раз проклясть мою слепоглухоту. Но когда проклинаешь в связи с бесчеловечностью со стороны здоровых – замыкаешься, отгораживаешься, сам изолируешься от них; когда же проклинаешь в связи с человечностью – мобилизуешь все силы, даже без сил рвёшься и прорываешься к здоровым друзьям буквально несмотря ни на что, преодолевая самую тяжкую форму инвалидности.

Прокливание инвалидности в связи с человечностью – мощнейший стимул полноценного развития и существования личности. Этот стимул – стремление быть со своими здоровыми друзьями, несмотря ни на какую инвалидность, – должен стать решающим мотивом, побудителем к самореабилитации у слепоглухих детей. Вот почему понадобился эксперимент по включению четырёх ребят с различными нарушениями одновременно зрения и слуха в жизнь нормального – человеческого и не-инвалидного – детского коллектива лагеря «Салют».

Для контроля за процессом включения ребят в жизнь лагеря, для целенаправленного руководства им уже с 7 августа (а смена началась 31 июля 1988) я начал проводить педсоветы (разумеется, с согласия всех участников). Ежедневно мне сообщали о контактах наших ребят с местными в течение дня, о содержании и длительности этих контактов, о складывающихся между детьми взаимоотношениях. Выявлялись трудности, намечались пути их преодоления, подводились итоги проделанной работы, намечались ближайшие и отдалённые перспективы. Уже с 10 августа потребовалось участие в этих педсоветах всех вожатых и кружководов, поскольку общение наших ребят не ограничивалось теми отрядами, куда они попали в

первый же день. Педсоветы стали частью общей планёрки – еженежного совещания по итогам ближайшего прошлого и планам на ближайшее будущее (обычно – на предстоящий день). Уже это слияние педсовета с планёркой показывает, что мы полностью влились в общелагерный коллектив и что слепоглухие ребята были фактором общелагерным, а не внутризвеньевым или отрядным.

Главной нашей задачей была строжайшая дозировка нашего, взрослого, общения со слепоглухими ребятами, чтобы излишней опекой не отгородить их от зрячеслышащих детей. Поэтому – никакого сюсюканья, никаких уговоров, никакого особого внимания, никакой помощи сверх минимально необходимой. Минимум определялся тем, в чём могли, а в чём не могли помочь пионеры. Например, вместе работать и играть, вместе ходить куда-либо – могли, а вот переводить на массовых мероприятиях (концертах, конкурсах, спектаклях) пионеры смогли бы лишь в результате длительных пробных попыток. Я настойчиво напоминал, что выключать загорских ребят из происходящего недопустимо, и если с переводом не справляются пионеры, значит, переводить должны взрослые. В конце концов, главную тяжесть эксперимента и приняли на себя пионеры, а мы лишь помогали им там, где их силёнок и умения не хватало.

Мы так боялись изолировать слепоглухих ребят своим излишним вниманием, что иногда, пожалуй, впадали в обратную крайность, бывая с ними меньше, чем следовало бы, не всегда приходя на помощь, когда эту помощь могли оказать только мы. Но такие промахи замечались и исправлялись в рабочем порядке; лучше всех зная на собственном опыте необходимый минимум внимания, я чувствовал и резко реагировал, как он превышался или не полностью обеспечивался. Я служил, таким образом, как бы барометром для зрячеслышащих коллег. В целом же мы взаимодействовали между собой вполне удовлетворительно; немаловажно то, что меня принимали всерьёз, постоянно обо всём информировали, так что я чувствовал себя реальным руководителем эксперимента (другое дело – был ли им; в последующие годы я всё больше начал сомневаться в своей способности реально руководить).

Все материалы эксперимента свидетельствуют о том, что становление личности слепоглухого в нормальном, то есть человеческом, коллективе зрячеслышащих ускоряется. Если вне такого коллектива задача преодоления инвалидности просто не встаёт, то нормальный коллектив её ставит, и самой своей нормальностью, человечностью, неодолимой притягательностью вынуждает решать.

3.4. «САЛЮТ»: ОБРАЩЕНИЯ К ПИОНЕРАМ И «ТРУБАЧАМ»

В заключение «салютовского» опыта хочу привести пару своих писем зрячеслышащим ребятам. У меня с собой была портативная пишущая машинка, и я мог обращаться к детям и вожатым письменно. Позже я возил с собой брайлевский ноутбук.

3.4.1. ОБРАЩЕНИЕ ПЕРВОЕ: КТО ЕСТЬ КТО?

Третья смена 1988 года в пионерском лагере «Салют» – особая, потому что на эту смену приехали ребята из Загорского детского дома для слепоглухонемых детей. Давайте познакомимся с ребятами чуть поближе. Но сначала – немного о детском доме в Загорске.

Народ там очень разный. Есть полностью – от рождения – слепоглухонемые. Есть оглохшие и ослепшие в первые два-три года жизни, потерявшие из-за глухоты и речь. Есть слабовидящие глухие (их больше всего) и слабослышащие слепые (таких немного).

Очень отличаются ребята и тем, кто из них что умеет делать. Одни не умеют ничего – ни умываться, ни одеваться. Родители их только жалели, а ничему не научили. Другие кое-что умеют – кто меньше, кто больше, очень по-разному. Настолько по-разному, что настоящего коллектива из них не склеишь. Есть отдельные компании, а коллектива такого, как у вас в «Салюте», нету. Каждый варится в собственном соку, живет сам по себе и для себя. Как тут не быть капризам? Да ещё у каждого за плечами тяжелейшая болезнь, а то и не одна. И – на всю жизнь – великое несчастье: слепоглухота.

Самый маленький в четвёрке – Денис. Родился тугоухим. Это привело к задержке речевого развития, так что его даже принимали за умственно отсталого. К нам в Загорск его привезли слепнущим, и окончательно он ослеп в апреле 1987 года. Вылечить его невозможно. Он хорошо помнит время, когда хоть немного видел, и тяжело переживает слепоту. С ним надо подружиться. Дружбой убедить его, что и слепой может быть человеком среди людей. Не оставлять его одного, взять играть, работать вместе (обязательно вместе!). И не обижаться на капризы, терпеливо гнуть своё. Он сейчас как ледышка. Надо, чтобы растаял от человеческого тепла.

Алёша, насколько знаю, таким и родился – слепым и слабослышащим. Привезли его к нам в семилетнем возрасте. Слов никаких не знал, бурчал что-то невнятное в ответ, когда ему говорили в ухо. Послушный, слишком послушный, ничего не пытался делать сам. Он попал к хорошим педагогам. Сейчас умеет говорить голосом, знает русский язык (правда, как четырехлетний малыш, но и это немало!). Очень ему помог с речью и слухом Денис. Они в детдоме в одной группе, и пока Денис учился говорить дактильно (пальцами), он разговаривал с Алёшей на ухо, везде его водил (тогда он ещё немного видел). Теперь они между собой обходятся без пальцевого алфавита. Обходитесь и вы. Говорите обоим на ухо: так вас быстрее, лучше поймут. Алёша очень добрый и сговорчивый. Не помню, чтобы его приходилось долго уговаривать что-то сделать. С ним дружить легко и приятно. Только надо побольше объяснять непонятные слова.

Серёжа родился нормальным. Маленький много болел, отравился лекарствами, из-за этого потерял слух и частично – зрение. Стал слабовидящим глухим. Разговаривать привык больше жестами, поэтому речь очень слабая, мало знает слов, плохо понимает, чего от него хотят, если обращаться к нему дактильно. Я не знаю жестов, и с такими ребятами мне в детдоме трудно. А их много. Для меня было новостью, когда мне сказали, что он разборчиво говорит голосом. Проверьте это, пожалуйста. И поменьше понимайте его жесты. Пусть учится русскому языку. А какой Серёжа в играх и работе, вы, думаю, уже знаете лучше меня.

Галя много падала в детстве и, насколько я понял, слух и зрение стали хуже из-за сотрясения мозга. Она самая старшая в нашей четвёрке, больше всех знает слов, с ней можно говорить о чём угодно. В детском доме мы с ней подолгу болтаем. Я познакомил её с коммунарами из объединения «Радуга», и с некоторыми из них она очень подружилась. Но всё-таки, несмотря

на свои пятнадцать лет, ведет она себя примерно как восьми- или девятилетняя. Не умеет тормозить свои желания. Думаю, не столько потому, что её баловали в семье и в Загорске, сколько из-за сотрясения мозга. Такие вещи – сотрясение мозга – даром никому не проходят. Но всё же надо, чтобы она научилась сдерживать свои желания, когда они мешают другим людям. Этого надо добиваться без грубых одергиваний, но настойчиво. Без этого умения очень плохо жить.

Ребята! Мы привезли четвёрку из Загорска, чтобы они познакомились с вашей жизнью. Эти четверо, как и другие в детдоме, о жизни здоровых детей ничего не знают. Помогите им, пожалуйста, узнать как можно больше!

3.4.2. ОБРАЩЕНИЕ ВТОРОЕ: КАК СТАТЬ НЕВИДИМКОЙ?

– А зачем быть невидимкой?

– Иногда очень нужно.

– Но ведь это сказка!

– Нет, это жизнь. Ты умеешь переводить слепоглухим ребятам?

– Причём тут невидимость?

– А вот, смотри. Вот мне взялись переводить какой-то разговор. Переводчик говорит: «Вон этот, как его, говорит хорошо, коротко и умно, а тот, ну как там его, говорит плохо, длинно и глупо». Кого видно в таком «переводе» – переводчика или собеседников?

– Не знаю.

– А ты подумай. Через какие очки лучше видно? Через те, которых не видно, – не так ли?

– Так.

– А лучше всего слышно через тот слуховой аппарат, которого не слышно, – верно?

– Наверное.

– Так и с переводом. Задача переводчика – не задача судьи. Я и сам разберусь, кто дурак, а кто умный. Но я должен услышать слова собеседников и узнать, в какой обстановке они разговаривают и что они делают. Переводчик просто смотрит и слушает, и рассказывает мне, что видит, повторяет слова, которые слышит. Тогда я тоже вижу и слышу его глазами и ушами.

– Но ведь голосом говорят много быстрее, чем пальцами!

– Молодец, в этом вся трудность. Если человек останавливается и ждёт, пока успеют передать его слова, – это легко. Мне поэтому кто угодно может переводить по телефону. Мне передают, что говорят на том конце, а я сам отвечаю в трубку. И то надо привыкнуть говорить от имени собеседника, а не от своего. И собеседнику надо привыкнуть обращаться ко мне, а не к переводчику. Не могу понять, почему, но к этому многие никак не могут привыкнуть. А вот когда пионерская линейка, концерт, научный доклад... Никто ведь специально ждать не станет. Семеро одного не ждут.

– Как же тогда?

– Вот тогда держись! Сумей выбрать из трёх-четырёх предложений одно, самое главное, и повторить только его. Сумей связать главные предложения, чтобы получилась связная речь. Да ещё сумей при этом коротко рассказать, что делается, например, на сцене. И дактилируй чётко, не торопясь, чтобы не пришлось повторять одно и то же. Вот где высший переводческий пилотаж!

– М-м-да-а-а...

– Я сказал, что легко просто повторять за человеком, когда он специально ждёт, пока его слова передадут. Конечно, легче, чем в театре или на концерте, но... Я не раз наблюдал, как трудно новичку переводить по телефону. Говорят много лишнего, а того, что надо, не успевают. Например, надо передать: «Деньги высланы обычным переводом». А мне переводят: «Он (она) говорит, что деньги высланы обычным переводом». Это вместо того,

чтобы просто передать сказанные по телефону слова – и ни буквы лишней. Переводчик должен быть всегда прозрачным – невидимым и неслышимым. Его как бы нет, и я как бы напрямую разговариваю, как бы смотрю и слушаю сам. Для этого надо суметь забыть о себе, а это получается только у очень добрых людей, которые и всегда-то привыкли забывать о себе – для других. И получается, что перевод – как бы экзамен на человечность. И на хорошее воображение тоже. Нелегко многим вообразить, что их как бы нет...

– Ну, хватит пугать...

– А ты не трус! Быть человечным и сообразительным не просто, но очень нужно. Как во всяком новом деле, трудно сначала, а потом привычно и легко.

3.4.3. ОБРАЩЕНИЕ К «ТРУБАЧАМ»: ПОМОГИТЕ НАМ СОРИЕНТИРОВАТЬСЯ!

Первые дни экспериментального отдыха слепоглухонемых ребят в пионерском лагере для обычных детей показали, что эксперимент психолого-педагогически по существу не подготовлен. Не будем искать виновников неподготовленности – бесплодное и вредное это занятие. Эксперимент проводится впервые (на то он и эксперимент). Ничего заранее нам известно не было. Ничего нельзя было высосать из пальчика, и только начало практической работы могло сориентировать. Вероятно, можно было побольше посуетиться вокруг четвёрки в подготовительный период, – чему-то ребят скоропалительно и почти наугад поучить, в робкой надежде, что в лагере им это пригодится...

Я хотел организовать эту суету, просил педагогов, просил комсомольцев из стройпедобъединения «Радуга». Но прежде всего должен был суетиться сам. А вот на это времени не оказалось. Я вынужден был заниматься постановкой и общим теоретическим решением стратегических проблем личностной реабилитации слепоглухих, как детей, так и взрослых. В результате публикаций о Загорске в центральной печати и в результате трансляции по центральному телевидению фильма «Прикосновение» получилось так, что суждений по стратегическим проблемам стали ждать именно от меня. Так что давайте спишем неподготовленность эксперимента на объективные обстоятельства (они всё стерпят – отговорка безотказная), констатируем самый факт неподготовленности, и подумаем без паники, как же нам теперь быть.

Мы сейчас полностью используем то, что нам дал прошлогодний эксперимент (мой тогдашний приезд тоже был экспериментом). Создан хороший положительно-эмоциональный заряд в отношении к слепоглухим. Начался процесс овладения дактилологией и системой Брайля как вожатыми, так и детьми. Я проверил на себе некоторые неизбежные трудности контакта, наметил общие пути преодоления этих трудностей, благодаря чему и могу сейчас что-то подсказывать, советовать. Наконец, была на практике (а не только в первом теоретическом приближении), с опорой на некоторые принципиальные положения Э.В. Ильенкова, открыта сущностная (а не только техническая) специфика образа жизни при слепоглухоте. Очень важно, что инициатива приезда детей из Загорска исходила от «Трубачей», это ещё один прекрасный итог прошлогоднего эксперимента.

Как же нам работать с детьми? Ко мне обращались уже несколько человек с конкретными вопросами по кружковой и вожатской работе. Я отвечал, как мог, и мы пришли к выводу, что всё это надо сделать всеобщим достоянием надолго, то есть закрепить на бумаге.

Пожалуй, центральная проблема – поэтапность обучения. Насколько знаю, общее учение об этом разработано в основном в исследованиях крупного советского психолога П.Я. Гальперина. Он считает предметом психологии как науки «не всю психику и не только психику, а ориентировочную деятельность». Я согласен с Петром Яковлевичем в таком понимании предмета психологической науки, только мне так и осталось непонятно, что же ещё есть и может быть в психике, кроме ориентировки в быстро меняющихся и, как правило, не повторяющихся ситуациях. Но в том, что никакое действие невыполнимо, пока нет образа

ситуации, в которой действуешь, и образа самого действия, – в этом я крепко убеждён.

Прежде всего нужно сориентироваться, создать образ. Это можно сделать и в процессе, пробуя действовать. Но пробы допустимы не во всех ситуациях. Очень часто нужно действовать только наверняка. И тогда действие полностью обнаруживает свою сущность, чётко распадаясь на две части – ориентировочную и исполнительную.

При обучении на каждую из этих частей приходится два этапа. Первый – ориентировка в ситуации, в которой действие надо совершить, в той системе, где данное действие абсолютно необходимо. Это ответ на вопрос: зачем действовать? Для чего и, главное, для кого? Никакое действие не имеет цены само по себе (разве что игровое, да и то чисто субъективно, в самочувствии и самосознании субъекта действия). Действие ведь – это средство достижения какой-то цели. В ней-то, в смысле действия и нужно сориентироваться на первом этапе.

Второй этап – ориентировка в самом действии, в том, как именно оно может осуществляться. Строится образ действия, и он не сразу укладывается в голове, становится своим, родным, привычным, а должен по закону интериоризации (врастания – об этом законе писал Л.С. Выготский) вращаться извне вовнутрь, во внутреннее – внутрисубъективное, внутриличностное, внутрисубъективное, конечно, а не нутряное, – наше хозяйство. Для этого образ должен полностью развернуться вовне – в показе, рисунке и ещё в каком-нибудь изображении. Так, кажется, П.Я. Гальперин этот этап и назвал – изобразительным. Это этап рассказа, показа, причём показать можно, выполняя действия и руками самого ученика, в буквальном смысле слова учеником руководя.

Слепоглухота бьёт прежде всего по ориентировке, в этом создавая неслыханные трудности. Об этом надо крепко помнить в общении с сенсорными инвалидами (то есть глухими, слепыми, а тем более слепоглухими – вообще с теми, у кого не работают или плохо работают те или иные органы чувств). Прежде всего таким людям необходима помощь в ориентировке. Не делать за них, не толкать в неизвестность, а терпеливо помогать самостоятельно разобраться, что к чему. И в малом, и в большом. ...

Нашей четвёрке надо побольше рассказывать о происходящем вокруг них, побольше показывать, побольше по возможности объяснять. И побольше вовлекать – во что только можно. Помогите нам сориентироваться, увидеть вашими глазами, услышать вашими ушами, а сделать мы, как правило, сумеем без особых трагедий.

Первый этап обучения исполнительной части действия – попытки выполнить действие с помощью и под руководством учителя. Уже представляя себе (после ориентировки в способе действия) всю технологию – последовательно, шаг за шагом, овладевать операциями, составляющими действие...

На втором этапе обучения исполнительной части действия операции, входящие в действие, уже освоены, но ещё возможна путаница в их последовательности. (Я пользуюсь известной терминологией А.Н. Леонтьева: деятельностью удовлетворяется мотив, действием достигается цель, операцией решается какая-то сиюминутная задача.) Помощь учителя в исполнении отдельных операций уже не нужна, но ещё нужен контроль за всем процессом в целом и нужна оценка результата. Кому это не знакомо? Вроде бы уже научился пользоваться магнитофоном, но то одну кнопку нажать забудешь, то другую, то вместо воспроизведения нажмёшь на запись, и всё на свете сотрёшь, то нажмёшь на перемотку – ищи потом нужное место... Словом, по принципу: «Я уже всё умею, но я ещё всё путаю».

Ориентироваться слепоглухому невероятно трудно. Вряд ли проще и помогать ему в ориентировке – иной раз за всё хорошее и по шее схлопочешь. От меня, пока умнел, перепадало моим помощникам не раз, да и сейчас, бывает, влетает им за чрезмерное усердие. Ибо нельзя слишком забегать вперёд, навязывая свою волю на том основании, что, мол, «я вижу». Вы видите, а я ещё нет, и с какой стати я должен вам верить на слово? Помогите мне тоже увидеть, убедиться, что дело обстоит именно так, как оно вам видится, – я тогда и сам

не хуже вас буду знать, что мне делать.

Бывает, конечно, что некогда тянуть резину, что надо отбросить от раскрытого распределительного щита с высоким напряжением (меня однажды отбросили) или сдёрнуть с мостовой, прежде чем свободолюбец окажется под машиной. Но это исключительные ситуации...

Но прежде чем помогать ориентироваться ребятам, нужно сориентироваться самим. Вот почему сразу же возникла необходимость сообщения нам всех отрядных и дружинных планов на день. Нужен план и всей смены, чтобы иметь время заранее подготовить ребят. Иначе им не будет понятен смысл происходящего, а это, мягко говоря, очень тягостно.

У них нет возможности (или она очень ограничена) ориентироваться вприглядку и внаслышку. Одна из особенностей жизни при слепоглухоте – фактическое совмещение ориентировки с исполнением. Приходится ориентироваться, пробуя делать. Чтобы не было тягостного ощущения непричастности ни к чему, необходимо соблюдать принцип приоритетного участия во всём ребят с сенсорными нарушениями. Они должны участвовать в чём только им под силу, а мы должны создать насколько удастся широкий выбор возможностей их участия.

Когда я должен выступить в какой-то аудитории в течение десяти минут, я просижу в ней три часа, но ощущения потерянного времени у меня не возникает. А вот если я десять минут просижу за столом, где идет общий разговор, но я в него не включён, – это пытка. Так же и у ребят. Пусть из десятка конкурсов доступен будет лишь один – они запомнят свое присутствие при всех десяти как праздник. Но если ни один конкурс не будет на них рассчитан, они уйдут с праздника подавленными ощущением своего несчастья, обиженными на невнимание.

Я никого ни в чём не упрекаю. Вы, «Трубачи», делаете для ребят невероятно, фантастически много. О принципе приоритетного участия мы с вами договорились ещё весной, и вы в меру своей богатой фантазии его соблюдаете. Просто этот принцип так важен, что подчеркнуть его лишний раз – труд никогда не лишний. От того, насколько последовательно, в как можно более широком масштабе нам удастся его провести, зависит судьба эксперимента, соотношение горя и радости в лагерной (и всей последующей) жизни загорских детей, судьба всей работы со слепоглухими в ближайшие десятилетия. Ибо именно сейчас, в нашем с вами эксперименте, решается, будут ли в нашей стране и дальше изолировать слепоглухих ребят от всего мира, боясь причинить им лишнюю травму, – или будут смело включать их в большой мир, вплоть до совместного воспитания со зрячеслышащими детьми в одном учреждении. Вот как стоит вопрос. Вот в чём стратегический смысл нашей работы в «Салюте».

Впрочем, ни о чём сверхъестественно сложном и новом разговора нет. Возможности деятельности в лагере огромны. Надо лишь взглянуть на них с точки зрения нашего эксперимента, и многое окажется достаточно слегка видоизменить, а многое будет годиться без всяких изменений. Мы уже убедились, – это было ясно с самого начала, – что трудовая деятельность по коллективному самообслуживанию (уборка территории, дежурства, уход за кроликами и т.д.) особых проблем перед нами не поставит. Пока что совместный труд слепых слабослышащих со зрячеслышащими ребятами поставил перед нами разве что ту проблему, что у зрячеслышащих нет особой охоты заниматься трудом в какой бы то ни было компании. У слепых слабослышащих – тоже. Капризы и попытки увильнуть, отказаться возможны и от тех, и от других.

Кружковая работа, видимо, доступна тоже практически вся, но с видоизменениями. Мягкая игрушка – слепым годится всё, кроме работы с фломастером, а слабовидящим доступен и фломастер. Пение: слабослышащие вполне могут разучивать и исполнять несложные песенки, а слабовидящие их инсценировать. Кстати, Алёша и Денис очень музыкальны.

Можно давать первые практические знания по физике, демонстрируя опыты и объясняя, что там к чему. Это наверняка вызовет интерес.

(Была проба с Алёшей и Денисом в моём присутствии, когда я предыдущий абзац уже написал. Задачку на рисование для первого класса мы решить не сумели, – затруднились не только дети, но и я. Задача: квадратный пруд, по углам четыре дуба; надо расширить пруд, сохраняя квадратную форму и не трогая деревьев, но и не помещая их на островки. Решение: рыть так, чтобы дубы оказались по сторонам, а не по углам квадрата (с прежней позиции теперь ромба). Весь фокус в том, чтобы мысленно повернуть квадрат. Простенькая задачка на зрительное восприятие, предполагающая наличие опыта дошкольного рисования, которого, конечно, не было ни у ребят, ни у меня.

Очень мокрой неудачей кончились и попытки показать, что если налить в стакан воды и прикрыть его, слегка прижав, куском картона, а потом перевернуть стакан, то вода не прольётся. У меня этот фокус получился, – я очень осторожно касался картонной «крышки», не нарушая герметизацию. Ребята же не смогли касаться картона, не сдвигая его, и вся вода немедленно оказалась на столе и у них на одежде. Впрочем, купание доставило им удовольствие, они, особенно Дениска, визжали от смеха).

Занимательные задачи кружковод по математике и физике уже подбирает по программе начальной школы, и, как мне говорили, ребята с помощью взрослых справились. Значит, эти задачи – в зоне их ближайшего развития.

С лепкой ребята хорошо знакомы по детдому. Кажется, встречается в детдоме и стилизация, но редко и только у слабовидящих. Возникла мысль попробовать дать задание по стилизации нашим слепым слабослышащим – Алёше и Денису. Вообще нужно пробовать всё, даже самое фантастическое на первый взгляд. Мне только что сказали, что Алёша и Денис участвовали в игре в пионербол. Я думал, слепым это недоступно.

Никаких предубеждений, никакой уверенности заранее в недоступности чего бы то ни было! Если взять что-то острое (шило или стальной карандаш из прибора для рельефного рисования и черчения), выдавить этим острым на фанере контур чего-либо, то по выдавленному контуру может что угодно выпилить и слепой. Это была моя любимая работа в загорском детстве, в столярной мастерской (Алёша в лагере довольно много занимался выпиливанием). Кто знает, и выжигание тоже можно приспособить для слепых?..

Твори, выдумывай, пробуй! – вот девиз нашего эксперимента. Давайте не робеть и пробовать напропалую.

3.5. ПРАКТИКУМ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ

Если говорить об идеале дружественного сосуществования инвалидов и здоровых, то я лично вижу к нему только один путь – до конца, чем полнее, тем лучше, осуществить принцип разновозрастности. Не только дети с детьми, но и дети со взрослыми, как и взрослые с детьми. А взрослые – как профессионалы-педагоги, так и родители, вообще любые родственники, и волонтеры.

Родители нужны не для того, чтобы сделать отношения зрячеслышащих детей с их ровесниками – сенсорными инвалидами (слепыми, глухими, слепоглухими) – действительно добровольными. Для этого достаточно профессионалов-педагогов – хотя бы одного на трёх, а лучше одного на двух детей-сенсорников. А ещё лучше – один к одному, чтобы педагоги могли работать, сменяя друг друга и имея выходные.

Нет, родители нужны сами по себе. Воспитанники Сергиево-Посадского детдома и так растут почти без родителей, если те далеко живут, а тут ещё мы со своими лагерными затеями. Что и говорить, мы не имеем права усугублять интернатское сиротство ребят. Родители и так практически совсем не участвуют в воспитании своих детей-сенсорников. Особенно слепоглухонемых. Всё на профессиональных педагогах. А ведь многие ребята, вырастая, возвращаются к родителям, которые никакого понятия не имеют, как с ними быть. Да и на летних каникулах родители думают главным образом о желудке ребят, кормят на убой, а библиотека там или организация, тем более, контактов с ребятами-соседями – это уж лишнее, блажь, мы работаем, нам некогда, и так дома посидят, ничего с ними не сделается. И дети возвращаются в руки педагогов растерявшими немало из того, что приобрели за учебный год. И так развиваются, как правило, из рук вон медленно, а тут ещё и в значительной степени топчутся на месте из-за бездарного каникулярного времяпрепровождения. Не преступление ли – оставлять родителей в стороне от воспитания их детей? Какие другие, а эту «льготу» предоставлять ни в коем случае нельзя.

Словом, школьные каникулы должны стать (и с 2015 года наконец-то стали) временем практикума для родителей, братьев и сестер слепоглухих ребят. И лучше не пансионат, а вместе пансионат и лагерь, чтобы общение со зрячеслышащими ребятами тоже было.

В июне 1991 года была попытка хоть как-то реализовать эту идею на базе лагеря «Солнышко», принадлежащего Московской школе-интернату № 1 для слепых и слабовидящих детей. Были два слепоглухих мальчика: один – с матерью и младшим братом, другой – с обоими родителями и младшей сестрёнкой.

Оба мальчика имели неплохой остаточный слух, и всё же их контакт с лагерными ребятами получился, пожалуй, довольно слабым. Вообще опыт работы в «Солнышке» убедил меня в том, что слепые, хоть и нормально слышащие, ребята – не самая лучшая среда общения для слепоглухих.

Связано это, видимо, с тем, что у слепых преобладает ориентировка на слух. Они постоянно напряжённо прислушиваются, и это ведёт к какому-то даже оцепенению, к общей скованности движений. А слепоглухие ориентируются прежде всего по движениям, и слепые для них самые, пожалуй, малоинформативные. Как ни странно, чисто осязательная, на ощупь, ориентировка у слепых, во всяком случае с раннего детства, недоразвита. Они не умеют строить пространственные образы на ощупь. Между тем восприятие знаков дактильного алфавита предполагает именно осязательную пространственную ориентировку, иначе знаки друг от друга трудно отличить. Я убеждён, что именно поэтому так трудно научить слепых дактильному алфавиту.

Зрячий мгновенно схватывает и почти без проблем повторяет конфигурацию пальцев. Слепому же большого труда стоит чётко представить себе, вообразить знак. Он должен каждый знак подолгу ощупывать обеими руками, прежде чем, после многократных

безуспешных попыток, сумеет правильно повторить его. Немногим легче непосредственно «лепить» тактильные знаки из руки слепого, принудительно складывая его пальцы как нужно. Сложишь, а они рассыпаются – образа-то нет! Все это создаёт очень трудно преодолимые препятствия для свободного общения. А зрячие осваивают этот алфавит за один-два дня, некоторые даже за полчаса-час, и дальше – только тренировка в непосредственном контакте.

Не могу утверждать, что в «Солнышке» получился практикум для родителей. Правда, они остались довольны и благодарили за отдых, но насколько лучше они стали понимать своих детей и свой родительский долг?.. Да и у кого было учиться? Квалифицированных кадров, способных на продуктивную работу с родителями, у нас ещё, рискну утверждать, просто не было. Единственным человеком, уже имевшим какой-то опыт работы с родителями, была в «Солнышке» И.В. Саломатина.

«Радуга» к тому времени по крайней мере один раз уже успела организовать отдых в подмосковном пансионате «Жаворонки», где были и слепоглухие ребята с родителями, и взрослые слепоглухие со зрячеслышащими детьми. Насколько знаю, это было сделано как раз по инициативе И.В. Саломатиной и при её самом деятельном, в том числе организаторском, участии. Нам фантастически повезло, что с нами в «Солнышке» была эта замечательная женщина.

Не могу удержаться от небольшого лирического отступления. Много из того, что получалось у меня в первые три-четыре года моей совместно-педагогической деятельности, получалось благодаря присутствию и участию Ирины Владимировны. Еще в 1989 году сложилась трудная ситуация, когда в «Салюте» оказался катастрофический дефицит и вожатых, и кружководов, – несмотря на то, что на третью смену в лагере оставалось не более сорока ребят, даже это количество было сложно обеспечить педагогическими кадрами. Двух вожатых старшего отряда, забросивших ребят и занимавшихся только своими личными отношениями, Вихореву пришлось даже выпроводить из лагеря с позором. Мы с Ириной Владимировной как-то вечером уединились и обсудили эту ситуацию, она меня расспрашивала, я рассказывал, что знал. И просил поддержки. Ирина Владимировна тогда немного торжественно сказала, положив мою руку на своё плечо:

– Вот тебе моё плечо, можешь опереться – оно надёжно.

Я люблю это вспоминать. Плечо оказалось действительно на редкость надёжным – не в каких-то, более-менее ограниченных, пределах, а на все сто процентов. И когда, бывало, все другие плечи вдруг выскальзывали из-под моей руки, под ней оказывалось неизменно плечо Ирины Владимировны. Я не могу найти слов, чтобы достойно отблагодарить её за такую уникальную надёжность. Когда встречаемся с Ириной Владимировной и обсуждаем те или иные возникшие загвоздки, я неизменно тихонько восхищаюсь ею, и рядом с ней мне хочется жить. Совсем немного около меня людей, которые своим присутствием, даже просто существованием, вызывают прилив жизнелюбия, желание пожить и побороться ещё. А желание жить у меня частенько пропадает из-за того, что я всё необратимее устаю от необходимости побеждать слепоглухоту каждую секунду и практически ежедневно то тем, то другим людям объяснять, что слепоглухоту нельзя игнорировать, её надо в общении со мной учитывать постоянно. Для того, чтобы нечаянно не причинить мне лишнюю боль.

Да, я неплохо – лучше многих – приспособился к жизни в этой ситуации, но я никогда не мог и не смогу с этой ситуацией смириться. Это вообще, видимо, закон: чем выше уровень духовной полноценности человека, тем невозможнее смириться с ограничениями из-за той или иной инвалидности. Тем неукротимее желание эти ограничения как-то снять. Отсюда вечный поиск обходных путей к реальной человеческой – личностной – полноценности. Этим вечным поиском прежде всего и характеризуется то, что академик Чудновский, познакомившись со мной, назвал «высшим этапом» или «высшим уровнем

социореабилитации». Уточню лишь, что речь идёт о высшем уровне не социореабилитации вообще, а личностной самореабилитации.

Мы в «Солнышке» старались – и, кажется, смогли, – не давать скучать ни детям, ни родителям, но этого маловато. Один из родителей, впрочем, признавался мне, что пребывание в «Солнышке» изменило его отношение к своему сыну. Раньше он проявлял нетерпение, когда у мальчика что-то не получалось. Однажды я заметил, что отец с утра чем-то расстроен. Оказывается, они с малышом не поняли друг друга во время утреннего умывания. Выяснив подробности, я сделал предположение, что папа был слишком нетерпелив, а мальчика это еще больше сковывало, просто пугало, и получалось еще хуже. Я этим предположением поделился с отцом. Подсказал, как лучше присматриваться к ребёнку и приспособливаться к его возможностям, а не раздражаться, что у него пока не получается всё так, как нам бы хотелось. Папа попробовал – и остался очень доволен. Сдержав себя, он освободил инициативу сына, дал ей простор, и обоим стало легче. Так что кое-что в смысле родительского практикума всё же, пожалуй, получалось.

Проблема родительской педагогической неграмотности – общая проблема. Пока она не решена, профессионалы всех уровней и специальностей во многом бессильны. Старо как мир: родители ругают профессионалов, а те сетуют на родителей...

В лагерь Детского ордена милосердия вместе с самыми сложными ребятами (колясочниками, например, то есть с тяжёлой формой детского церебрального паралича, или безногими) ездили и их родители. Это прекрасно. Как могли, они участвовали в происходящем, помогали своим детям включаться в лагерную жизнь, общались между собой и со специалистами, учились потихоньку. Но это еще далеко не практикум. Необходимы специальные занятия для родителей.

Главное внимание там должно уделяться проблемам взаимопонимания детей и родителей, проблемам активной организации родителями духовной и душевной (эмоциональной), а не только «желудочной», жизни своих детей. Чтобы, вернувшись из лагеря, они уже не могли погрузиться вместе с детьми в прежнее тусклое существование, не могли духовные потребности ребят в общении, чтении, в разного рода увлечениях, считать чем-то необязательным и неважным по сравнению с организацией питания и гигиены. Родители должны не существовать рядом с детьми, а жить с ними одной жизнью. Счастье моё, что моя мама никогда не ограничивалась элементарным уходом за мной, а всегда была, сумела на всю жизнь остаться моим другом, активной участницей во всех моих делах. И я всегда был привязан к ней так, как можно быть привязанным только в раннем детстве.

По-настоящему работа с семьями слепоглохих детей развернулась в школах фонда «Соединение» через 24 года, с июня 2015-го. К этой работе привлекли и специалистов, и волонтеров. Вот это практикум так практикум – по высшему разряду!

Мне глубоко в душу запала мысль В.А. Сухомлинского, что все без исключения родители, помимо имеющейся у них профессии, должны получить высшее педагогическое образование в процессе воспитания собственных детей от рождения и до... по крайней мере, до окончания школы. Великая задача! Хочется верить, что когда-нибудь она будет решена. Наиболее продвинутые родители из Сообщества семей слепоглохих до осознания этой задачи уже выросли. По крайней мере, в выступлении одной мамы на втором съезде Сообщества прозвучала мысль, что родители сами должны быть специалистами-профессионалами для своих детей.

Родители больных детей должны знать не только о болезнях своих ребят (как можно подробнее!), но и о психолого-педагогических аномалиях, связанных с этими болезнями, и о правильной стратегии, о грамотных методиках психолого-педагогической реабилитации, цель которой – эти аномалии преодолеть или перевести в более лёгкую форму. Надо овладеть профилактикой психотравм, а не только обычного детского травматизма и всевозможных

инфекций. В лагерях необходимы родительские практикумы, семинары, а по месту жительства – родительские курсы, вроде тех, что работали при школе В.А. Сухомлинского. Это всё банальные рекомендации, которыми сыплют как из рога изобилия все грамотные педологи, то есть педиатры, педагоги, психологи, – все те, чьей профессией стал тот или иной раздел знания о детях, та или иная сфера помощи детям.

Педология ведь, в переводе на русский язык, – вовсе не буржуазная лженаука и не шарлатанство, а просто общее, целостное, единое, интегральное знание о детях, то есть детоведение. Я это не сам придумал. Это объяснил мне впервые историк педагогики, ныне академик Б.М. Бим-Бад, автор учебника по педагогической антропологии.

3.6. ВОСПИТЫВАТЬ НЕ ПРИМЕРОМ, А ОБРАЗОМ ЖИЗНИ

Кого считать субъектом детского развития – самого ребёнка или взрослого? Оба главные. Взрослый ничего не может дать ребёнку, чего бы тот не взял сам, собственными усилиями, которые надо замечать, нельзя перечёркивать, приписывая всю «заслугу» себе. Взрослый должен ненавязчиво ориентировать и направлять ребячью деятельность, а не приставать к ребёнку со своими «лекциями» на какую бы то ни было тему.

Между тем в исконно воспитательной, а не учебной сфере – сфере нравственности – очень часто господствует «лекционный» подход, тяготеющий, в конечном счёте, к чтению нотаций. Взрослые в общении с детьми явно страдают недержанием своих премудростей. Больше всего на свете они озабочены тем, чтобы как можно больше как можно скорее дать – вернее, впихнуть – в ребёнка. Этот альтруистический позыв столь силён, что взрослому оказывается не до ребёнка, не до реальных детских интересов, не до того, скучает ребёнок или нет. Только бы почесать зудящее место – объяснить, рассказать, показать, скорей поделиться своим богатством!

Нет-нет, не обвиняю. Наоборот, очень хорошо понимаю бедных взрослых, и от души сочувствую им, так как сам испытал почти непреодолимую силу этого позыва. Любя ребёнка, мы испытываем сильнейшее желание научить его любить всё то, что сами любим, поскорее осчастливить его всей нашей «духовностью» – от поэзии до математики, от жажды знаний ради самих знаний до человеколюбия, доброты. Желание, пожалуй, естественное. Но у нас не должно быть никакой власти над ребёнком, никакого права ломать его сопротивление, если мы в своём желании добра чересчур прямолинейны, откровенно агрессивны.

Слава богу, когда со мной скучно становилось, дети от меня просто смывались. И это их святое право. Тем самым они учили меня любить – не себя в них, а их самих. Слава богу, что я никогда не имел над ребятами власти родителя или учителя. Бывая с детьми только в свободное от всякой обязательности время, я всегда беспокоился о том, как бы сделать скромные дары моей души привлекательными для ребёнка, чтобы он добровольно взял, принял их. Мои альтруистические порывы, не подкреплённые правом командовать (и поэтому именно порывы, а не позывы – почувствуйте разницу!), вынуждали меня думать о ребёнке. А правящий, власть имущий альтруизм – штука страшная. В политике он оборачивается террором. В педагогике – «лекциями», нотациями, которые ребёнок, как любой компьютер, должен сохранить в памяти и без искажений воспроизвести по первой же команде. То есть тоже террором, только психологическим. А в семье правящий альтруизм оборачивается самодурством.

Я, кажется, шарахнулся в другую крайность. Навязываться, надоедать – боюсь. Находить какие-то общие с детьми дела, придумывать их – не умею. В итоге никого не могу надолго возле себя удержать. Ребёнок часто просто не знает, о чём говорить, а я боюсь увлечься монологом – и беседа не клеится. Между тем с каждым моим малолетним любимцем бывает замечательный этап в развитии наших отношений, когда ребёнок согласен заниматься чем угодно, лишь бы только быть со мной.

В общем, я так боюсь навязать свои дары, что сплошь да рядом вообще их не показываю. И мы с ребятами, в сущности, сплошь да рядом не знаем друг друга.

А что значит – знать? Если мне известна семья ребёнка – знаю ли я его? Если мне известна его биография – знаю ли я его? Какая информация даёт право говорить, что мы знаем человека? Вероятно, информация о его проблемах. А как о них узнать?

Меня ругали то эгоцентристом, то эгоистом. За то, что не расспрашиваю, не интересуюсь прошлым и вообще ничем. Не вызываю на исповедь. А сам только и делаю, что исповедуюсь. Но, исповедуясь, я всегда рассчитывал на взаимность, на ответную исповедь. Доверяясь – надеялся и надеюсь, что и мне доверятся. Но просить об этом не могу. Считаю, что человек

может и должен только сам решить, доверяться мне или нет. Я слишком часто в детстве и юности нарывался на откровенно издевательскую, оскорбительную демонстрацию недоверия. Мне слишком часто когда-то (не сейчас) говорили, что я болтун, трепло, не умею держать секретов. Иногда это говорили всерьёз (и не могу утверждать, что это всегда было неправдой). Иногда шутили. Но больно-то мне было не в шутку.

И я спрятался под маску безразличия, за что и получил обвинения в эгоцентризме и эгоизме. Позже эта маска превратилась в этический принцип: никому в душу не лезть. Чаще всего попытки залезть в душу оборачиваются садистским ковырянием в чужих болячках. У чужой души и её болячек должен быть статус неприкосновенности. Рукоприкладство давно уже под запретом. А ведь «словоприкладство» хуже. Давно уже как-то не принято увечить друг друга физически. А увечить друг друга душевно – очень даже «принято».

Но как же воспитывать, не касаясь души? Воспитание – это же не просто «касание», а формирование, созидание души.

Один мой знакомый – воспитатель по должности, – всерьёз убеждал меня, что в самой идее воспитания уже заложено насилие над ребёнком. Ребёнок ведь не должен быть кем попало. Он непременно должен быть «хорошим человеком».

Конечно, едва ли кто осмелится защищать «свободу быть нехорошим». Но саму «хорошесть» люди понимают кто во что горазд. Например, для одних «хорошесть» – послушание, удоборуководимость. Другие говорят (и я согласен с ними), что послушный – он скорее робот, чем человек. Да здравствует инициатива, творчество! Но – смотря в чём...

Не стоит дальше углубляться в эти дебри. Прежде всего, предлагаю быть поскромнее. Что за претензия – формировать душу? Задача педагогики в том, чтобы помогать, способствовать формированию. Душа формируется образом жизни. Какая жизнь, такова и душа. Прав Христос: «По делам их узнаете их»...

Так мы приходим к идее саморазвития. Ничему нельзя научиться без личных усилий, затрачиваемых на учёбу, то есть без адекватной педагогическому вызову (стимулу) собственной активности. С рождения имеет место именно стихийное, бессознательное саморазвитие. До сознательного саморазвития, самотворчества, самосозидания можно так и не дорасти. Сознательное саморазвитие – это та вершина, то «акме», к которой устремлён весь процесс. Это его логическое завершение, знаменующее сознательное взятие личностью всё новых и новых вершин.

Это выход на высший уровень существования – на тот, который великий австрийский психотерапевт Виктор Франкл называет «духовным существованием». Только такое существование Франкл согласен считать истинно человеческим, и сущность его усматривает в свободе от трёх видов предопределённости: внешних воздействий (среды), внутренних импульсов (влечений – например, сексуальных, и/или к чревоугодию, и/или к наркотикам) и... наследственности. Даже от неё. Например, сознательная нейтрализация последствий наследственных недугов.

Есть предположение, что причина моей слепоглухоты – какая-то внутриутробная мутация, то есть искажение наследственности. Если так, то преодоление мною социальных последствий слепоглухоты – это как раз пример реализации свободы от наследственности. Все эти предопределённости остаются, конечно, никуда не исчезают, но человек волен сам определять свою позицию по отношению к ним, – и в этом смысле он реализует свою свободу, а реализуя её, только и становится собственно человеком (так я понял В. Франкла).

Пока мы внутри предопределённостей, или обусловленностей, нашего бытия, то есть пока плывём по течению, уж как и куда вынесет, – мы ещё, по Франклу, не люди. Кто мы такие, он не уточняет, но ясно из контекста, что мы остаёмся внутри животного царства, по существу ничем принципиально из него не выделяемся и над ним не возвышаемся. Специфика собственно человеческого бытия – в духовности, в осмысленности этого бытия,

выражающейся в определении своей позиции по отношению ко всем трём видам предопределённостей, в предпочтении того или иного смысла – следовательно, образа – жизни, пусть и неадекватно осознаваемом предпочтении.

Но коль скоро мы не просто плывём по воле внешних воздействий, внутренних капризов или наследственных, тех или иных, особенностей и даже болезней, а пытаемся как-то куда-то выгрести, прокладывая траекторию, несколько отличную от той, которая получилась бы при абсолютном подчинении перечисленным факторам, – у нас уже есть смысл жизни, и он реализуется в совершенно определённом, нами отстаиваемом образе жизни. В некоей автономности по отношению к предопределённостям, в относительной самостоятельности маршрута жизни, определяемого нами вопреки предопределённостям, хотя и с их учётом, – в этой учитывающей всевозможные факторы, но и противостоящей им, самостоятельности маршрута, – наша свобода. Я излагаю Франкла несколько упрощенно; система его понятий, его своеобразная философия и основанная на ней психотерапия требует специального анализа, на который я здесь не претендую.

Исходное – это признание права каждой личности (в том числе, разумеется, ребёнка) на самоопределение. И я претендую лишь на то, чтобы помочь ребятам самоопределяться. Как помочь? Прежде всего, ориентируя их в возникающей ситуации, анализируя её вместе с ними, перебирая возможные варианты решения проблем. Ребёнок имеет право на ошибку, как и каждый из нас. Всё-таки варианты действия в любой ситуации неравноправны. Принципиальная позиция: решай сам, но давай посмотрим, какие возможны решения и их последствия, ведут ли они к той цели, которую ты перед собой сам поставил.

Я никому не пример для подражания, не образец, не эталон. Мой образ жизни – один из многих возможных образов жизни, который каждый волен не только принять, но и отвергнуть. Пример для подражания не оставляет места сомнениям: вот идол – молись ему. Пример для подражания – это когда именно навязывают свой образ жизни, свой образ мыслей.

Я очень не любил в детстве, когда мне кого-то (особенно кого-то из ребят) «ставили в пример». Это было, в сущности, способом уклониться от необходимости учить, учитывая индивидуальные особенности. «Почему он может, а ты не можешь? Бери пример с него!» У меня из-за этого было много конфликтов, особенно на уроках труда и физкультуры. Ну не виноват же я, что меня не учили дома столярничать, что мой отец всё предпочитал делать сам, а моё участие было для него обременительно, ему не хотелось со мной возиться, учить меня делать полки, например. Другие ребята строили сложнейшие деревянные модели. Я не умел. Не прочь был бы научиться, но меня не учили, а шпыняли чужим умением, чужим «примером». Учителю труда интереснее и легче было с более умелыми, а меня он месяцами держал на крайне скучном, нудном, бессмысленном строгании брусков, на зачистке черенков лопат наждачной бумагой и рашпилем. Я увлёкся только тогда, когда другой учитель начал процарапывать по фанере контуры, а я по этим хорошо прощупываемым контурам выпиливал лобзиком. И на выставке ребячьих поделок были даже такие сложные мои работы, как олень с весьма ветвистыми рогами. Этому меня учили, не ставя никого в пример, а ориентируясь только на мои возможности и склонность к творчеству при отвращении к однообразному, отупляющему скукой труду.

Ещё хуже получилось на уроках физкультуры. Я никогда не был заядлым физкультурником, в разного рода упражнениях не видел смысла, делать их мне было скучно. И опять двадцать пять: «Почему другие такие ловкие, а ты такой неуклюжий? Лентяй, такой-сякой!» А мне, между прочим, было ещё и противно заниматься на этих уроках – в спортзале стоял резкий запах пота, у меня вызывало отвращение чужое потное тело и заодно своё собственное.

Я именно на этих уроках возненавидел всё касающееся тела – чужого и своего. Я стал чуть ли не стыдиться своей телесности. Со мной бы и тут следовало позаниматься индивидуально, но

это требует от педагога больше терпения, больше труда. Терпения же как раз не хватало. Как-то летом на утренней зарядке, когда надо было отжиматься от садовой скамейки, учитель физкультуры шлёпнул меня по мягкому месту и потребовал: «Убери зад!» Я был жестоко шокирован словом «зад», ибо больше всего стеснялся как раз этой части тела. Понадобилось много лет, прежде чем я научился произносить подобные слова без внутренних судорог. И самым неприятным было делать упражнения под стук палочки о паркетный пол. Я чувствовал себя муштруемым. Упражнения не получались. Физкультурница раздражалась тем, что я вяло машу руками, всё делаю не так энергично и свободно, как другие. Опять эти другие...

Немудрено, что через несколько лет я был очень благодарен Б.М. Бим-Бадю за тезис, высказанный им в первых наших беседах: соревноваться только с самим собой. Мало ли что могут другие! Важно, что могу я теперь такого, чего не мог недавно. Важно чувствовать собственный рост, собственное движение вперёд, а не унижение от того, что кто-то может больше меня, и меня этим шпыняют, вместо того чтобы помочь подняться на более высокий по сравнению с моим сегодняшним уровень.

Вот именно такое шпыняние, унижение чужой умелостью, искусностью на фоне твоей собственной неумелости, беспомощности я и называю «воспитанием примером». А терпеливое обучение по принципу соревнования с самим собой – это воспитание образом жизни, помощь в формировании своего нового образа жизни. За такую помощь можно быть только благодарным. И уже позже можно рискнуть посоревноваться и с другими, когда справишься с самим собой настолько, что сам почувствуешь желание померяться силами с кем-то ещё.

То есть принцип соревновательности должен применяться, видимо, в два этапа: сначала с самим собой, а потом с другими. Ни в коем случае не сразу с другими, если ты ещё слишком слаб. Самолюбие может быть источником желания посоревноваться с другими, в чём-то опередить этих других, но можно именно из самолюбия, понимая отсутствие шансов выиграть в соревновании с другими, вообще отказаться от участия в соревновании. И даже люто возненавидеть ту сферу, в которой тебя со скандалом и пререканиями заставляют соревноваться на заведомо проигрышных для тебя условиях. Как я возненавидел уроки труда, и особенно физкультуры. И брезгливость ко всякой телесности не удалось до конца преодолеть, чем, в числе других причин, можно объяснить мой абсолютный отказ от какой бы то ни было сексуальной жизни, а тем самым – и от создания собственной семьи. Моё закоренелое, упорное, принципиальное холостячество, так огорчавшее мою маму и всех моих друзей, идёт в том числе и от уроков физкультуры в детстве, от скандалов на них из-за моей неловкости, от брезгливости к потному азарту одноклассников.

Нет! Я живу, как умею, как выходит. А выходит не всегда и не совсем так, как мне бы хотелось. Я, как и любой из нас, претендую на то, чтобы со мной, с моим образом жизни считались как с фактом. Чтобы брали в расчёт просто факт моего существования и не трогали моих любимых мозолей.

Со своей стороны, я, конечно, обещаю, если не гарантирую, точно такое же отношение к факту существования других людей – и маленьких, и больших. Гарантировать не рискую, потому что очень уж мы все привыкли осчастливливать ближних, проповедуя им наши истины в последней инстанции. Как с нами, так и мы. Культуры терпимости всем нам ой как ещё не хватает. Поэтому не будем зарекаться, давая невыполнимые гарантии.

Итак, воспитывать не примером, а собственным – и детей, и взрослых – образом жизни. Каким же он должен быть, мой образ жизни? Что мне по силам, а что нет, учитывая слепоглухоту? И что из посильного осуществлять?

Слепоглухота лишила меня возможности непосредственно наблюдать за детьми. Остаётся несбыточной мечтой – понаблюдать, вникнуть в то, чем занят ребёнок, а затем естественно,

непринуждённо, весело включиться в его деятельность. Ещё когда я был в «Салюте» первый раз, без загорских ребят, я пришёл к выводу, что единственно возможный в ситуации слепоглухоты путь – не включаться в детскую деятельность, а включать ребёнка в свою; не подстраиваться к тому, чем ребёнок занят, а предлагать ему какое-то общее, обоим доступное и интересное занятие. Но вот найти такое занятие – это проблема из проблем... Поэтому с каждым годом всё больше внимания уделял я формированию лагерной игротеки – набора возможных занятий для детей и для себя с детьми.

Надо по возможности общаться с ребятами, чтобы чувствовать их непосредственно и друг сквозь друга, а не только сквозь взрослых. С каждым разом в первые годы собирая для лагеря всё более богатую игротеку, я толком с ней не работал, да и другие педагоги недостаточно её использовали. Немудрено, что и ребята часто не знали, что с ней можно делать. Я должен был вместе с ребятами изучить игротеку и овладеть всем, что доступно без зрения.

Только в августе 1991 года в подмосковном лагере «Маяк» единственный раз игротека была использована на всю катушку благодаря замечательной работе «Радужанки» А.О. Сыровой. Спокойный, немногословный, очень добрый человек, грамотнейший педагог, она сумела разобраться в нашем богатстве и привлечь всех детей, из обеих дружин – как хозяйской, так и нашей, гостевой. Я часто подолгу сидел у неё, рассматривал игрушки, любовался (через Аллу Олеговну, расспрашивая) играющими детьми, сам пытался включиться в игру.

Невозможность непосредственного наблюдения затрудняет фронтальную работу сразу с целыми группами ребят. Когда осенью 1995 года я вёл кружок по изучению системы Брайля, я не знал, сколько ребят приходит на занятия, а спрашивать стеснялся. Думал, человека два-три, с которыми мог общаться напрямую, а уже после лагеря один мальчик удивил меня сообщением, что он тоже там был, и ещё много было. А я-то думал, что почти все разбежались после первого урока.

Между тем, как один из главных инициаторов и организаторов экспериментов по совместной педагогике я первые годы оказался вынужден руководить совместно-педагогическим процессом, непрерывно по ходу дела заниматься теоретическим анализом практики, чтобы быть в состоянии эту практику хоть как-то направлять. Ведь за советом шли ко мне, разъяснения ближайшей перспективы, ответа на вопрос, что делать и, особенно, чего ни в коем случае не делать, ждали от меня. Дело новое. У нас хватило дерзости за него взяться, но продвигались мы вслепую, и освещения дороги, хотя бы самого тусклого, ждали от меня. Предполагалось, что, будучи сам слепоглухим, я должен хотя бы интуитивно постигать состояние ребят-сенсорников как никто другой.

Конечно, я не стеснялся признаваться в своей беспомощности – наоборот, даже подчёркивал её. Но, видимо, анализируя возникающие загвоздки вместе со взрослыми и ребятами, совершенно откровенно рассказывая о личном опыте решения тех же самых или похожих проблем, я ухитрялся давать своим сотрудникам-друзьям настолько им нужное, что при всей моей откровенной, подчёркнутой беспомощности они продолжали обращаться за советом. К тому же, не находя времени думать вместе, мы рисковали потерять взаимопонимание. Иногда мы его и теряли. Отношения натягивались, возникали взаимные склочные претензии, и только срочный педсовет, где я честно рассказывал о трудностях, вплоть до самой суровой самокритики, и так же просил высказываться остальных, – только такой, взаимно-исповедальный, педсовет помогал нам найти общий язык. Правда, я всех всегда очень просил обо всём меня информировать, ориентировать во всём, даже вроде бы в мелочах. Это нужно было всем, чтобы избежать педагогической разногласности. И может быть, именно поэтому ко мне и шли с разного рода проблемами, а не потому вовсе, что надеялись на мою соломонову мудрость. Так или иначе, а проблема руководства, его физической осуществимости для слепоглухого передо мной встала почти сразу.

Всё сказанное относится только к «салютовскому» периоду работы. В «Салюте»-то меня, как

руководителя, принимали всерьёз. Только когда со мной вместе в лагере (другом, после «Салюта») была Саломатина, она делала как-то так, что я чувствовал себя реальным руководителем и, очевидно, в какой-то мере был им.

Я пробовал удержать в своих руках какой-то контроль за ситуацией, взвалив на себя совершенно непосильную бухгалтерскую нагрузку: все деньги, какие Детский фонд и другие организации давали на работу в лагерях, держал у себя, строго контролировал их расход, просил давать мне финансовую документацию – чеки, квитанции, билеты, составлять акты о расходах, иным способом не документируемых, разбираться во всех этих зрячих бумажках, раскладывать их, чтобы я в них слепому не запутался, – для финансового отчёта. В «Салюте» мне в этом всячески помогали. В сентябре 1991 года вся работа по составлению финансового отчета свалилась фактически на мою маму.

После этого я вынужден был раз и навсегда отказаться и от финансовой, и вообще от какой-либо организаторской ответственности. Тем более что, не имея в то время никакой систематической секретарской помощи, я вынужден был всюду ездить и звонить сам. Мне, слепоглохому, почему-то оказывалось легче позвонить в Детский фонд, чем моим зрячеслышающим коллегам, хотя я должен был ещё где-то найти и переводчика. Мне, слепоглохому, почему-то оказывалось легче поехать на официальную встречу, хотя я должен был где-то найти сопровождающего, да притом ехать приходилось без достаточной информации – снабдить меня ею, видите ли, было недосуг. Всё это чем дальше, тем больше походило на откровенное издевательство и шельмование, а не реальную совместную работу.

С 1992 года я больше пальцем не пошевелил как организатор. Участник общей работы, один из многих, и теоретик, осмысливающий процесс, прежде всего, чтобы самому хоть что-то хоть как-то понимать. И только с июня 1994 года в «Орлёнке», благодаря деловитости и ответственности супругов Поспеловых, я снова начал не просто общаться с детьми, где и когда получится, а читать им лекции, писать для всего лагеря тексты, которые в 1995 году стали вывешиваться в моей личной стенгазете в лагере тех же Поспеловых летом и в инструктивном подмосковном лагере – осенью. Благодаря Поспеловым я вернул себе положение идеолога, но быть организатором больше уже не решался. Я действительно могу осуществлять какое бы то ни было руководство, только работая в такой области, где никакое посредничество не нужно и невозможно.

Я понял, что проблема руководства в условиях слепоглохоты, да и в любых других условиях, – это проблема прежде всего отношения к руководителю. Если его элементарно не уважают, игнорируют, – при самых здоровых глазах и ушах ничего не сделаешь.

Так что не в руководстве самом по себе дело. По большому счёту дело в этике человеческих взаимоотношений, во взаимной ответственности-безответственности. И в мере для всех сильной взаимной ответственности.

Трудно найти и предложить ребятам общее дело. Трудно быть инициатором, организатором, руководителем, а не только рядовым участником эксперимента. Всё больше и больше тревожила меня и третья трудность – нарастающее отчуждение от детей, при моём-то и без того не больно-то надёжном с ними контакте. Не желая «заслонять» собой ребят-сенсорников от здоровых детей, я ограничивал своё общение с ними, чтобы дети поневоле больше общались между собой. Видимо, это было ошибкой. Я добровольно ограничил свою работу областью, где ничего не могу сам, без постоянного информационного, ориентирующего (или сбивающего с толку) посредничества. Я уже почти не играл с ребятами, лишь изредка беседовал с ними, чтобы не «воровать» их друг у друга. В результате я, похоже, украл-таки ребят у себя самого, а себя – у ребят.

К тому же проблема любимчиков... Равномерно размазывать общение со всеми – во-первых, значит ни с кем не общаться, а во-вторых – просто физически непосильно. Для меня, слепоглохого, может существовать один-единственный, тот, с кем общаюсь в данный

момент. Прочих, даже присутствующих, не видя их и не слыша, я не могу контролировать. А дети – монополисты. Я никак не научусь, не обижая их, прерывать общение, переключаться на других. Доходило до того, что они между собой из-за меня дрались, – чтобы моим вниманием завладеть. Да не всегда и можно переключаться, а то опять же выходит со всеми и ни с кем.

В результате меньшинство детей считало меня своей собственностью, а большинство с этим смирялось и только помогало мне в розысках представителей меньшинства. «К кому тебя отвести?.. Кого тебе найти?..» Подразумевается само собой, что сам по себе услужливый провожатый мне вряд ли интересен. Признав мою принадлежность меньшинству, большинство уже и само не очень-то меня к себе подпускало, не очень-то передо мной раскрывалось.

Никто ведь не сможет, например, вместо меня дышать. Так и работать с конкретными ребятами, дружить с ними тоже никто не сможет за меня. Отключившись от ребят, я пускал их общение между собой на самотек. А если переходить от одного ребёнка к другому, а затем попробовать активно их между собой сближать, опираясь на личный опыт общения с каждым?..

Впрочем, с 1994 года получалось общение со всё новыми ребятами по нарастающей. Перед сменой 1995 года Пospelовы меня спросили, на что я надеюсь в лагере. Я ответил, что мечтаю посадить себе на голову весь лагерь. Владимир Александрович улыбнулся: «Так и сделаем». И сделали. Спасибо тысячу раз... Потом это получалось и в других лагерях.

Ещё в самом начале своей работы в Загорске, задолго до «совместно-педагогической эры», я задумался, что к детям, может быть, лучше относиться так же, как и ко взрослым. Что значит «так же»? Так же вежливо, терпеливо, предусмотрительно, предупредительно. Так же культурно. Лучше бы ещё культурнее. Тактично. Уважительно. Стараться ни словом, ни взглядом не унижить, а если уж не повезло и сорвался – честно признать срыв и извиниться, и стараться не допускать впредь.

Почему нам так трудно это с детьми? Может быть, потому, что наша культура общения между собой, между взрослыми, зачастую вынужденная, а не добровольная. Мы бы охотно без неё обошлись, если бы не опасались вполне реального и жёсткого отпора нашей грубости, нашему хамству, нашей примитивной «юмористической доблести», а попросту – пошлости. Другой взрослый как-нибудь за себя постоит, в ответ на словоприкладство тоже за словом в карман не полезет, а дойдёт до рукоприкладства – сдачи даст. Ребёнок до поры до времени такого отпора дать нам не может. Подрастёт – отыграется, будьте уверены! А зачем этого дожидаться? Это я и имел в виду, когда размышлял о необходимости относиться к детям так же, как ко взрослым – по меньшей мере, с таким же расчётом на возможный отпор или «отыгрыш», не сейчас возможный, так в будущем, хотя бы через десятилетия. Это по меньшей мере. А по-настоящему культура поведения должна бы быть такой же органичной, как пить, есть и дышать.

Кто-то из великих детских писателей – то ли Маршак, то ли Чуковский, – сказал, что для детей надо писать так же, как для взрослых, но только лучше. Я бы добавил: с детьми надо вести себя так же, как со взрослыми, но только лучше. Дети могут меня огорчить, и очень сильно, но я не могу на них разозлиться, не могу закатить истерику, устроить скандал. Я могу растеряться и открыто свою растерянность признать, но не могу наорать на ребёнка, «сорвать на нём сердце». Не потому, что я такой хороший, а потому, что я детей очень люблю. И то, что возможно в другой обстановке, в другом окружении, с ними, при них просто не получается. Могу в крайнем случае по-детски расплакаться от огорчения, но не могу напомнить, сколько лет ему и сколько мне – дескать, как ты смеешь, с кем ты разговариваешь?! В лагерях, вообще при детях, я самому себе нравился больше всего. Больше всего на свете я боялся отпугнуть детей неуправляемой вспышкой эмоций. В общем,

«страх божий» держал в рамках приличия. Всем бы такой «страх божий» – со всеми, но с детьми в первую очередь. Иначе нечего и мечтать, чтобы они выросли лучше нас...

В лагерях фонда «Со-единение» больше имею дело со взрослыми – родителями, специалистами. С детьми – отражённо, через взрослых. Они – маленькие, часто ещё неграмотные, я просто при всём желании не могу общаться с ними непосредственно. Это совсем новый для меня статус и новый этап работы, на котором многие прежние лагерные проблемы уже не актуальны. Но уверен, что этот мой прежний опыт может пригодиться другим.

3.7. ЧЕМУ УЧИТЬ?

Я назвал эту часть книги «Школа взаимной человечности», имея в виду не учебное заведение, а постепенное накопление определённого – человеческого – жизненного опыта. Но пионеры очень скоро заговорили о том, что им не хватает каких-то знаний для общения с детьми-инвалидами, что они хотели бы где-то у кого-то эти знания получить.

Летом 1992 года в лагере «Орлёнок» (под Туапсе) проходила смена Детского ордена милосердия. Часть ребят и там почувствовала нехватку знаний и навыков для общения с детьми-инвалидами. Появилась идея некой школы при Ордене, которую для начала окрестили «Школой юных социальных педагогов», а потом, прочитав ксерокопии некоторых глав моей работы, в ряде мест эти учебные курсы стали называть «Школами взаимной человечности».

Раз уж речь зашла не о «школе жизни», а о школе – учреждении, где что-то кому-то преподают, – понадобились и концепция обучения, и учебная программа. Принять участие в их разработке предложили и мне. Так возникла необходимость дидактического дополнения к моей работе, посвящённой в основном проблемам воспитания, а не обучения.

Речь не идёт о том, чтобы предопределять профессиональную судьбу участников акций Детского ордена милосердия. Речь не о том, чтобы всех здоровых ребят, имеющих в лагере дело с ровесниками-инвалидами, сватать поголовно в дефектологи.

Зачем вообще в лагерях собираются вместе здоровые и больные подростки? Чтобы научиться друг с другом дружить. Чего больше всего не хватает взрослым инвалидам, да и не только инвалидам? Человеческого тепла, доброжелательности, понимания их трудностей и готовности эти трудности разделить. Короче, не хватает человечности. Взаимной человечности. А этого не хватает, потому что этого мы не умеем. Не обучены.

Значит, нашим ребятам нужна не ранняя дефектологическая подготовка. Им надо преподавать именно человечность, и делать это надо в условиях совместно-педагогического лагеря, с опорой на живую практику детского общения. А так как мы, взрослые, сами человечности, в сущности, только учимся, преподавание должно вестись, может быть, в форме совместного осмысления лагерного опыта, возникающих в лагере загвоздок. И, осмысливая лагерные проблемы, бережно отмечать, собирать удачи, накапливая положительный опыт.

Я не представляю себе школы взаимной человечности отдельно от лагеря. Может быть, эта школа должна быть поначалу своеобразным психолого-педагогическим кружком или системой из нескольких кружков, объединённых задачей облегчить общение здоровых и больных ребят. В сущности, так и получилось поначалу. Накопив дидактический опыт, изучив круг проблем, в московской ШВЧ перешли к более систематическому и углублённому учебному процессу.

Чему же следует учить ребят такому, что пригодилось бы им в жизни, не было бы забыто после экзамена?

Это прежде всего различные средства общения. Надо по возможности устранять чисто технические препятствия в общении. И может быть, в качестве кружководов приглашать ребят-инвалидов постарше, владеющих теми средствами общения, которым надо учить здоровых. Пусть слепые обучают системе Брайля, а глухие – алфавитным средствам общения (дактилологии, коду Лорма) и жестовому языку.

На Западе различают знаковый язык и жесты, и это различие, думается, оправдано. Жесты – имитация действий и «стилизованное» изображение контуров предметов. Знаки – движения, не имеющие никакого чувственного (то есть внешнего) сходства с обозначаемым. Тот язык, который мы именуем жестовым, на самом деле знаковый, и это именно язык, то есть замкнутая система общения, система обмена мыслями и чувствами, а не набор

случайных и разрозненных сигналов. Во всём мире для ранооглохших детей родным является не тот или иной национальный словесный язык (немецкий, английский, русский...), а именно знаковый. В некоторых школах США преподают знаковый язык глухих в качестве иностранного языка. В Вашингтонском университете имени Галлаудета знаковый язык – язык преподавания наряду с английским.

Обучение системе Брайля предполагает наличие определённой материальной базы: бумаги, приборов, грифелей, машинок, если удастся их раздобыть. Из личных средств кружковод этого не напасётся. Меня всегда поражало, что, отправляясь в лагерь со слепыми ребятами, педагоги не брали с собой из школы ни приборов, ни грифелей, ни бумаги. Ничего, чтобы писать и рисовать. Потом начинались хождения друг к другу с протянутой рукой. А бывало и так: всё брали, но, перепутав при великом переселении народов (при заезде в лагерь) коробки и ящики, так за всю смену и не удосуживались распаковать и найти. А припечёт – искать некогда; не найдётся ли кто попредусмотрительней, кто бы выручил?..

Со своей стороны, здоровые ребята могли бы обучать слепых зрячему алфавиту. Полезно тренировать пространственное осязание слепых, вычерчивая пальцем по их ладони зрячие печатные буквы.

Ну хорошо. Дети знают специальные средства общения, а что дальше? Что им делать друг с другом?

Труднейшая проблема – включение детей-инвалидов в разного рода действия. Слепым надо рассказывать, что делается на сцене и вообще вокруг. Глухим надо переводить речи выступающих. Слепоглухие нуждаются и в том, и в другом, плюс при недостаточном знании словесного языка им очень трудно что-либо объяснить. Ребята с опорно-двигательными проблемами, особенно колясочники, страдают от того, что вынуждены оставаться созерцателями, не могут быть участниками.

Это проблема всех вообще больных детей – проблема включённости не просто в качестве созерцателей, тем более в качестве «присутствующих для мебели», а в качестве участников. И милосерден (в смысле человечен, добр) прежде всего тот, кто умеет обеспечить это участие. Кто, пригласив инвалида на праздник, не празднует сам, время от времени для очистки совести интересуясь, интересно ли инвалиду, но умеет перевести, поддержать порыв инвалида подать свою реплику, включиться в качестве выступающего, – словом, умеет сделать праздник и инвалиду. Это очень трудно, но это очень нужно, и детям, и взрослым, и именно этому в первую очередь (после овладения специальными средствами общения, конечно) должна бы учить школа взаимной человечности. Как это можно преподавать? Может быть, разыгрывать на занятиях ситуации, требующие усилий по включению инвалидов?

Человек может хорошо переводить, но при этом сковывать мою инициативу. Я не виноват, что, пока мне переводят одно, речь идёт уже о другом. Если у меня есть реплика, неважно, что поезд уже ушёл: учитывая мою специфику, надо «поезд» возвращать туда, где у меня возникли дополнительные соображения. В конце концов мы не на железной дороге, а в тёплой общающейся и совещающейся компании, и душевный комфорт и включённость каждого важнее того формального обстоятельства, что о том, к чему я хочу добавить, уже не говорят. Мне иногда приходилось на встрече даже с иностранцами тихонько воевать со своим переводчиком, переводившим добросовестно, но зажимавшим мне рот. Если он не давал мне высказаться, я вынужден был искать того, кто лучше понимает мою специфику, и настойчиво добиваться, чтобы мне позволили поучаствовать. Лучше быть настырным, добиваясь, чтобы тебя выслушали, чем накапливать глухое раздражение и жалеть, что вообще пришёл на встречу.

Инвалидам очень часто бывает нужна помощь и в быту. Её тоже надо уметь оказывать. Кстати, в основе глагола «уметь» лежит существительное «ум», это однокоренные слова;

следовательно, уметь помогать и помогать с умом – это одно и то же.

Слепых нельзя торопить. Чтобы сказать дактильно: «Быстрее!» – надо отвлечь слепоглухого от того, что он делает. Например, я обуваюсь. Шнурок не слушается, а помощник нервничает, мы опаздываем. «Быстрее!» – дактилирует он мне в руку. Но я не успел завязать шнурки, которые мне пришлось бросить, чтобы уважить нетерпение помощника. И теперь, выслушав его, я вынужден начать всё сначала. Вместо того чтобы поторопить меня, он только мешает мне торопиться. Эта ситуация время от времени возникает с самого моего загорского детства...

Люди, впервые меня видевшие, не умели даже правильно посадить меня на стул. Стул мне нужно просто показать, дать прикоснуться к сиденью рукой, и я сяду сам. Вместо этого меня с двух сторон хватили непрошенные доброхоты, ворочали мною, как мешком, и, как мешок, пытались взгромоздить меня на стул. Подчиняться такому ретивому «руководству» я не умею, – тут тоже нужен навык, чтобы послушно приспособливаться к такой суете. Стул же может в суматохе сдвинуться или даже опрокинуться, а я – оказаться на полу, рядом со стулом.

За столом нельзя ставить чашки с чаем и прочими жидкостями сбоку от тарелки, а только за тарелкой или, если стол вплотную придвинут к стене, у стены. Если чашка сбоку, я в любой момент могу её опрокинуть, даже если знаю о ней.

Помню, когда мы вместе с Мещеряковым ехали в поезде и пили чай, я всё время ронял чайную ложку. Александр Иванович объяснил, что ложку можно оставлять в чашке с чаем, и показал, как пить чай, чтобы ложка не мешала. Чашку он посоветовал оставлять на блюдце и вместе с блюдцем подносить ко рту. Тогда, если при толчке вагона чай немножко прольётся, он попадёт в блюдце, а не на одежду.

Еду лучше положить на стол или на тарелку, а я сам возьму. Показывая мне предлагаемые блюда, лучше прикасаться моими пальцами к краю тарелки, а не совать мои руки прямо в салат или торт. Я, как и вы, брезглив.

Думаю, вы уже заметили, что, о какой бы помощи ни шла речь, принцип один: помогать, не подавляя моей активности, а рассчитывая на неё. Этому надо учиться и учить.

Итак, во-первых, в школе взаимной человечности надо учиться человечности, а дефектологии и прочим профессиональным подробностям – постольку, поскольку это необходимо для овладения именно человечностью. Нечего предвосхищать профессиональный выбор учащихся и подменять соответствующие учебные заведения.

Во-вторых, надо овладеть всеми существующими специальными средствами общения.

В-третьих, надо научиться включать инвалида в праздник здоровых на правах участника, а не только созерцателя или, того хуже, неодушевлённого предмета обстановки.

В-четвёртых, надо научиться помогать в быту с умом, а не суетиться.

И вообще, в-пятых и самых главных, надо покрепче зарубить себе на носу, что быть человечным – это значит стимулировать активность окружающих, а не подавлять её; всячески расширять самостоятельность (конечно, не бросая под этим предлогом на произвол судьбы), а не обслуживать сверх необходимого, делая то, что человек мог бы сделать и сам; давать возможность самоутвердиться собственной активной деятельностью, а не утверждать собственное умиление собственным же милосердием.

В своих размышлениях о том, чему следует учить в школе взаимной человечности, я сразу же почувствовал явственный перекося в сторону пусть умного, но всё же обслуживания инвалидов здоровыми. Как-то всё больше у меня о том, что «должны» здоровые инвалидам. А что инвалиды «должны» здоровым?

Вообще-то так ставить вопрос не стоит. На самом деле просто надо, чтобы людям – здоровым ли, инвалидам ли, – было друг с другом интересно. Вот тут-то и загвоздка.

Здоровым детям с инвалидами интересно до тех пор, пока они могут чему-то у инвалидов

поучиться – хотя бы специальным средствам общения. Овладев же этими диковинами, они чаще всего не знают, о чём говорить, что вообще вместе делать.

Надо подумать, как общение со слабыми ребятами сделать условием и даже средством духовного роста более сильных ребят. Иначе говоря, перспектива должна быть не только у детей-инвалидов, но и у здоровых. Интересно всем должно быть не столько брать, сколько давать; не только учиться у слабых тому немногому, чему они могут научить (однако и это обязательно: учиться у слабых значит давать им радость честного самоутверждения), но и самим делиться своим богатством, своим «умельством».

Если психологию и педагогику переосмыслить как культуру взаимопонимания и взаимопомощи – то они и могут стать главными учебными предметами в школе взаимной человечности. Не дефектология, а, так сказать, этическая психология и педагогика, то есть наука о том, как обрести и сохранить человеческое достоинство, как помочь в этом и себе и другим.

Способ существования инвалидов, особенно таких тяжелых, как слепоглухие, определяется не ими, а отношением к ним окружающих людей, представлениями этих окружающих о том, что они могут, чего не могут. Естественно, это проблемы всех детей, поначалу на все сто процентов зависящих от мамы с папой и остального окружения, от того, чего окружение требует и что запрещает. Развитие к тому и сводится, что от стопроцентного «определения» извне, от полной зависимости ребёнок постепенно переходит к возможно большему самоопределению, возможно более полной самостоятельности. Он становится самим собой постольку, поскольку что-то может сам. Особенно поскольку сам строит свои отношения с людьми, своим отношением к ним определяя их отношение к себе. Именно от этого зависит степень свободы в определении, осуществлении собственного образа жизни.

Осуществлять его, учитывая образы жизни соседей, ох как не просто. Мой образ жизни, частично или даже полностью, может оказаться в резком противоречии с образом жизни окружающих. Те проблемы, которые здоровые решают обычно в подростковом и юношеском возрасте, инвалиду приходится решать всю жизнь.

Вот почему проблемы самостоятельности, у здоровых острее всего стоящие в подростковом и юношеском возрасте, для инвалидов актуальны всю жизнь. «Всё понятно: пятнадцатилетний мальчик», – поставили однажды диагноз, познакомившись с некоторыми моими стихами, где я протестую против попыток навязать мне чьи бы то ни было представления о том, как я должен жить в ситуации проклятой слепоглухоты. Видимо, эта первая реакция на такого рода мои стихи вполне естественна, что не мешает ей быть крайне поверхностной. Именно здоровые люди, в своём «милосердии» чрезмерно опекающие инвалида, превращают «пятнадцатилетние» проблемы в вечные, пожизненно для него актуальные.

Моя мама тоже очень за меня боялась, «с ума сходила», стоило мне прийти домой, например, с прогулки, на несколько минут позже, чем договорились. Но когда мои родные переехали в Смоленскую область, мне не мешали бродить всюду одному, изучая новые места. Это вызвало громадный переполох среди местных жителей, впервые, видимо, столкнувшихся с подобной самостоятельностью тяжелейшего инвалида. Не видит, не слышит, а не боится выходить на улицу! Запутывается на открытых местах, теряет всякое представление о сторонах света, но упорно отказывается от предложений проводить, объясняет, что хочет сам разобраться в обстановке! Падает, разбивает об асфальт ладони и колени, рвёт на коленях штаны, но на следующий день, а то и в тот же вечер, снова осматривается с помощью трости в том самом месте, где накануне расшибся!

Продавцы из продуктового магазина по соседству с домом первое время бежали к моей маме сообщить, что я заблудился. Какая-то бабушка, поймав меня на широкой площадке довольно далеко от дома, дошла со мной до квартиры и требовала от мамы больше не выпускать меня. Эта бабушка так за меня распереживалась, что, разговаривая с моей мамой, за сердце

держалась, бледная, вся трясущаяся, как мне потом рассказали. Мама ворчала, что я создаю родным в округе «славу» чёрствых людей. Но... Я заболел без свежего воздуха, сидя в четырёх стенах. Сестра непрерывно болела; брат с утра до вечера на работе, если тоже не болел; мама вечно занята по хозяйству, да и не тот уже возраст, чтобы два часа ежедневно бродить со мной по улицам, – а мне нужно было никак не меньше двух часов, чтобы не болела голова. И мама лишь робко просила меня «далеко не ходить», когда я собирался на улицу.

А летом в Москве я проводил в лесопарке «Лосиный остров», в нескольких километрах от дома, целые дни, – читал, писал (брал с собой машинки – обычно брайлевскую, а иногда и зрячую; возил всё это вооружение за собой на тележке). На изучение дорожек в этом парке я потратил два месяца, зато потом любого зрячего мог оттуда вывести.

Мудрая моя мама умела перешагивать через свою материнскую тревогу, умела чётко отличать свои переживания и «общественное мнение» от того, что её сыну действительно полезно или вредно. После инсульта это умение несколько ослабло, но всё же сохранилось. Мама по-детски цеплялась за меня, боялась вдруг остаться совсем одна. Оправдывалась: «Ты для меня всё».

Очень скучала, пока я на работе, а я некоторое время работал не дома, с тех пор как овладел компьютером с брайлевским дисплеем, – с утра до вечера в Российском центре компьютерных технологий при Центральном правлении Всероссийского общества слепых. Пока-то мне подарили брайлевский компьютер домой... Я с ужасом думал, что буду делать, если вдруг некому станет сопровождать меня в компьютерный центр. Больная мама и слышать не могла ни о какой моей самостоятельности в этих поездках. Лучше сама доползёт через силу, доведёт, но одного не отпустит, как я ни доказывал, что не рискую зря, прошу помощи окружающих людей.

К концу жизни у неё был синдром маленького ребёнка: вдруг что с мамой случится, и он останется совсем один? Так и она боялась меня потерять. Я у неё был единственный свет в окошке. Даже в магазин рядом с домом непременно увязывалась со мной. Я не особенно возражал: хоть так выползала на улицу, дышала немножко, да и мне, конечно, проще, хотя все сумки с припасами, разумеется, таскал сам. Ведь продавцов в магазинах не так легко было приручить, научить со мной общаться. А если мама совсем сляжет?.. «Вот тогда понятно, тогда и ходи сам», – говорила она. Понимала, что выхода другого не будет.

Меня этот мамин страх несколько сковывал. В принципе, я мог бы найти дорогу до компьютерного центра сам. Правда, ехать надо было на электричке и потом на метро, это не так уж просто, но договориться вовремя о помощи с пассажирами всегда можно. Зато не пришлось бы теребить друзей, просить сопровождать меня, когда официальный помощник, В.В. Богуславский, на выходных или в отпуске. Да и заболел Владимир Викторович, тоже мог бы сам управляться.

Но я не мог перешагнуть через мамин труп. И на вечер пятницы, на субботу вынужден был договариваться с друзьями по телефону (мама переводила), чтобы они меня в пятницу забрали из компьютерного центра (утром привозил Владимир Викторович), а в субботу отвезли-привезли. Просить терпеть не мог, очень стеснялся, смущался, извинялся за беспокойство, но что же делать. Мама не в том возрасте и не в том состоянии, чтобы переживания прошли безнаказанно. Не дай бог, обеспечу ей второй инсульт...

Так что подошла и моя очередь перешагивать через себя, беспокоясь о маме. Но пока можно решать жизненные проблемы «бескровно» – лучше так... Ведь уйдет мама «в никуда», я первый не прощу себе своей безжалостности по отношению к ней и прокляну обретенную наконец такой ценой свободу передвижения с помощью случайных встречных. Да и так уже проклял в 1986 году, когда мама была ещё далеко, в Кыргызстане. Я этой свободой пользовался, а только что переехал в новую квартиру, в новый, незнакомый район, и очень

трудно было там обжиться, и договориться с людьми о помощи почему-то стало сложнее, чем раньше. У меня тогда на этой почве совсем расшатались нервы, кричал на незнакомых людей, не просил, а требовал помощи, позволяя себе вопрошать, идиоты они, звери или люди. Так что ну её, эту свободу, ещё наемся. Пока, слава богу, выручали друзья, и Владимир Викторович – сама аккуратность. Трудно надеяться, чтобы так удачно всё складывалось и впредь, не могу же я приковать к себе Владимира Викторовича на всю оставшуюся жизнь. А другой такой едва ли будет... Вот и спешил, чтобы, пока всё более-менее нормально, и тучки где-то на горизонте, а не над головой, успеть как можно больше – издать книги, защитить докторскую... А вообще-то не мог уверенно смотреть в будущее больше, чем на полгода вперед.

Так я терзался, но проблемы постепенно рассасывались: удалось устроить дебильного брата к себе лаборантом – хоть проблема сопровождения на работу таким образом решилась. А 19 октября 1996 года мне подарили домой первую брайлевскую компьютерную технику, и последние месяцы маминой жизни я смог работать дома, ужас перед ближайшим будущим отступил...

Обычно же слепоглухие, всю жизнь пробывшие под крылышком родителей, конечно, тяготятся родительской опекой, воюют за право на самостоятельность, но быть самостоятельными чаще всего не умеют. И если их протест против опеки справедлив, то справедливы и опасения родителей, отлично знающих, а порой и преувеличивающих, беспомощность больных своих взрослых детей. И когда болезнь, а то и смерть родителей предоставляет слепоглухим возможность посамостоятельничать, столь, казалось бы, желанную, – воспользоваться ею слепоглухие могут не всегда.

Наверное, умнее всего – и дешевле всего в смысле сохранения нервов и здоровья себе и близким – потихоньку, постепенно, не вступая ни в какие пререкания, учиться самостоятельности, на деле осуществлять свои права, а не «качать» их, не воевать за них, провозглашая смешные, в сущности, декларации прав, возмущаясь неуважительным отношением уже не столько к себе, сколько к этим своим декларациям. Мы слишком много суедемся из-за слов, боремся за дело вместо того, чтобы молча делать всё возможное здесь и сейчас, тем самым создавая хороший задел и на будущее.

Прежде чем во все подходящие жилетки плакаться на тех, кто мешает нам быть самостоятельными, не грех бы спросить себя: а всё ли мы умеем, можем из того, против чего никто не возражает? Уверен, ответ будет отрицательным – если, конечно, хватит мужества на честный ответ.

Итак, различные наши образы жизни, во-первых, могут формироваться и осуществляться только со взаимным учётом и в расчёте друг на друга. Одновременно, во-вторых, они частично или полностью могут вступать в противоречие, иногда очень острое, даже непримиримое. Этим определяется эффект от воспитания собственным образом жизни.

Не надо бояться, как бы чего не вышло. Если не бояться, то, скорее всего, ничего особенно плохого и не выйдет. Бенджамин Спок рассказывает о маме двухлетнего малыша, которая «на всякий случай» запрещает ему подходить к телевизору. Тому до телевизора и дела не было, но мама подала интересную идею, и малыш к нему тут же направился. А мама расстроено обратила внимание соседки на то, какой у неё непослушный сын. По мнению Б. Спока, ей следовало не звать соседку в свидетели, а как-то энергично, внушительно подтвердить сыну свой запрет, раз уж наложенный. А ещё лучше – предусмотрительно не подавать «интересных идей».

Разумеется, правил нет без исключений. Разрешать можно многое, кроме того, что грозит ребёнку настоящей бедой. При этом не надо бояться мелких травм – небольших ожогов, ушибов, ссадин. Они могут сыграть роль своего рода прививки.

Я с удовольствием вспоминаю уморительный случай, когда в Загорске ко мне прибежала

воспитательница в самых разлохмаченных чувствах: один мальчик (а дело было в ноябре 1982 года) разгуливал по жарко натопленному детдому в трусах. Дескать, жарко. Воспитательница просила меня повлиять на сорванца, который как раз входил в мою «гвардию», то есть в число ребят, особенно со мной друживших. Я спросил:

– Что я должен делать? Как повлиять?

– Ну объясни ему, что так разгуливать нехорошо. Он тебя послушается.

– А вы уверены, что он этого сам не понимает? Парню пятнадцать лет! Может быть, он как раз на вашу суету вокруг него и на девчоночий визг рассчитывает специально, издевается над вами. А вы и рады плясать под его дудку, доставлять ему удовольствие. Ещё меня не хватало в вашем хороводе!

– Но что же делать? Так же нельзя...

– Нельзя. А что делать?.. Я бы на вашем месте без долгих слов спустил бы с него и трусы. Жарко, так давай раздеваться полностью. Уверен, он тут же рванет за брюками – их, на ремне-то, сдёрнуть сложнее.

Воспитательница минуты две переваривала мой совет, а потом чуть не села тут же на пол от смеха. Шут их знает, как там они разобрались. Похоже, мой совет был-таки выполнен. Во всяком случае, когда на следующий день я завёл с мальчиком разговор на эту тему, он смущённо засмеялся и разговора не поддержал. Больше я ни разу не слышал жалоб на подобные его подвиги...

А причём тут самостоятельность? Ну как же, воспитание способности определять меру и уместность юмора – дело очень важное. По моим наблюдениям, многим этой способности не хватает – и слепоглухим, и зрячеслышащим. Первый каюсь. Я тоже часто теряюсь не хуже той воспитательницы. Тот случай был одним из самых удачных, когда удалось правильно подыграть, а заодно преподать урок. Потому, наверное, и запомнился...

3.8. ЧЕЛОВЕЧНАЯ БЕСЧЕЛОВЕЧНОСТЬ

Общение с другими должно быть дополнено общением с самим собой. Нельзя же быть полноценным человеком, то есть представителем человечества (а членами именно этого огромного коллектива – человечества – мы все в конечном счёте являемся во Вселенной), не овладевая общечеловеческой культурой. Иначе с людьми, в том числе с самим собой, просто не о чем общаться. Нет повода, нет содержания для общения.

Будучи субъектом своего одиночества, субъектом, иначе говоря, ненормального, патологического общения, вы тем самым можете быть, способны стать и субъектом общения нормального. И не только можете быть и способны стать, но и одновременно являетесь обычно как субъектами одиночества, патологии, так и субъектами нормы. То есть кроме врагов и просто безразличных к вам людей, у вас одновременно есть и друзья.

Субъективное одиночество как патология общения – это царство бесчеловечности. Но потому-то субъективное одиночество и относительно, что соотносится с царством человечности, – царством нормальных человеческих – человеческих – отношений, нормального человеческого – человеческого – обращения вашего к другим и с другими, этих других – к вам и с вами.

Вот эта-то возможность человечности как шанс избавиться от бесчеловечности субъективного одиночества и есть предмет совместной педагогики. Ребёнок-инвалид – не только слепоглухой – должен стать субъектом собственной личностной реабилитации. Для этого он, как ни странно, должен... почувствовать себя одиноким. Но – одиноким среди друзей!

Объективное одиночество бывает не только абсолютным, но и относительным. В относительной форме – по отношению к внешнему, вне детдомовской территории, миру, – объективная изоляция сохраняется и в процессе обучения. Ребята общаются прежде всего со своими педагогами, более-менее – между собой. Ну, изредка с родителями и другими родственниками, если есть, ибо среди воспитанников Сергиево-Посадского детдома немало сирот, в том числе, увы, «отказников» (от которых отказались родители).

В относительной форме объективное одиночество сохраняется до тех пор и постольку, пока и поскольку субъекта устраивает статус-кво. Пока, иными словами, слепоглухому не мешает его слепоглухота. И пока она ему не мешает, он не является субъектом собственной реабилитации; он – объект реабилитирующих усилий окружающих.

Я был таким объектом реабилитации до шестнадцати лет. Летом 1969 года некий доброхот пристал к маме, как банный лист, с безответственными рассуждениями о том, что медицина бурно развивается и что считалось неизлечимым раньше, сегодня, может быть, уже лечится... В итоге меня на целый месяц раньше сорвали с летних каникул, вернули от мамы в детдом, – и зря, потому что у врачей тоже бывают летние отпуска и попал я на консультацию в институт имени Гельмгольца только в сентябре. Ну, неизлечимость подтвердили...

На следующее утро я, умываясь, горько рассмеялся над собой: что и требовалось доказать! На что надеялся, о чём мечтал? Не верил, не разрешал себе верить, что вдруг неизлечимое окажется излечимым, однако абсурдная надежда шевелилась в глубине души...

В то утро я убежал из умывальной комнаты на детскую площадку и проплакал до третьего урока. Часа три. Это был момент осознания слепоглухоты как мешающего жить кошмара, из-за которого мне недоступны огромные пласты культуры, особенно больно – музыка. Потом я проклинал слепоглухоту и по другим поводам – главное, из-за невозможности любоваться любимыми, не прикасаясь к ним.

Однако нет худа без добра. Начав проклинать слепоглухоту, я тем самым наконец-то – и на всю жизнь – стал субъектом собственной личностной реабилитации.

О да, я очень близко знаком с отчаянием. Среди моих стихов много надрывных, и я этого

ничуть не стыжусь, ибо это есть, и об этом тоже надо писать. О да, страдаю суицидным комплексом. Зато я научился за себя, за свою жизнь – отвечать перед теми, кто меня любит и кого, главное, сам люблю, кого поэтому просто стыдно было бы ни за что ни про что обидеть самовольным уходом из жизни. Нет иного ответа на часто задаваемый вопрос, что не пускает на тот свет, что даёт силы жить, преодолевая суицидный комплекс. Как ни банально, источник сил единственный – любовь.

Для религиозных людей неотразим довод, что великий грех – швырнуть в лицо богу самовольно прерванную жизнь. Я – вне религии, вне конфессий, мой интерес к идее бога сугубо научный, исследовательский, религиоведческий, философский. Ну, ещё эстетический (в стихах). Философская идея бога и художественный образ бога, но не вера в бога. И довод, неотразимый для религиозных людей, для меня – абстрактный, абсолютно неубедительный.

Кстати, я не случайно называю религиозных людей – религиозными, а не верующими. Ибо именно считаю себя верующим, однако не религиозным. Верующим – в смысле: уверенным, убеждённым в том, что без человечности, без человеческого, ответственного отношения к себе и окружающему миру человечество не выживет, не станет ни в коем случае действительно разумной формой жизни. И я безоговорочно согласен с протоиереем отцом Александром Менем, который говорил, что неверующих людей не бывает, все во что-нибудь да верят; а те, которые веруют, а не просто верят, не во что-нибудь, но именно в бога, они – не просто верующие, но именно религиозные.

Итак, довод, что великий грех – обидеть бога, мне чужд. Но вот обидеть любящих и любимых мною, как покойных, так и живых, им, а никакому не богу, швырнуть в лицо самовольно оборванную жизнь, – кто его знает, бога, но они в моей жизни были и есть, и они этого капризного швырка не заслужили.

Итак, вокруг друзья. Они готовы помочь. И осознание ограниченности своих возможностей (о, какой лицемерный термин – «лица с ограниченными возможностями здоровья»!), тоска по их расширению – не безнадежны. И вот она, спасительная формула: «Пусть я чего-то не могу, но зато рядом друзья. Они тоже чего-то не могут, не умеют по сравнению со мной. Я им помогу, они помогут мне».

«Мы всё можем!» – девиз первых (в 1990-е годы) фестивалей творчества детей-инвалидов. Да, мы всё можем, но не напоказ нашим здоровым друзьям, не ради самоутверждения, дабы кому-то что-то «доказать», не с целью кого-то в чём-то убедить: гляньте, какие убогие – и какие молодцы! Нет! Мы всё можем – рядом и, главное, вместе с нашими здоровыми друзьями. Мы всё можем – потому что они тут.

«Я тут, я тут», – приговаривала мама сослуживица, нянчившая меня в детстве, когда я, уже студент, навещал её, старенькую, на летних каникулах. «Тут я, тут, всё хорошо», – успокаивает меня сынок по электронной почте и эсэмэсками.

Никогда в жизни я не сделал бы ни одного шага в горах. А будущий сынок в феврале 2002 года написал мне: «А слабо провести по горам без травм!» – и 6 июля 2002 года взял меня за руку, и три дня – 20 километров – вёл меня за руку до палаточного лагеря детской экологической экспедиции «Тропа». Ему тогда шёл пятнадцатый год. Мне исполнилось недавно сорок девять. И вместе, держась за руки, мы смогли невозможное.

В этом суть совместной педагогики. Относительное объективное одиночество – самодостаточность. Ну да, инвалид, ну и что... Формально он знает про свою инвалидность. На деле – не осознаёт. В смысле, не занимается подсчётом и самооплакиванием из-за того, чего в связи с инвалидностью лишён. Очевидно, потому, что не с чем сравнивать. Поэтому нужно общество более здоровых ребят, чтобы осознать свою инвалидность. Здоровые – в качестве зеркала. Вот, глянь, чего тебе не хватает по сравнению с ними. Вот тут-то до ребёнка и доходит: что-то не так. Относительная форма объективного одиночества переходит в одиночество субъективное. Та самая человеческая бесчеловечность, то бишь бесчеловечная

человечность – осознание ограниченности своих возможностей. Но ведь и их возможности ограничены! В каком-то другом отношении. И они – мои друзья. Они мне помогут, а я – им. Ну пусть я... Зато они... В общем, мы вместе. Ура!!!

Такая вот диалектика превращения относительной формы объективного одиночества – через бесчеловечность одиночества субъективного, из-за которого осознаётся инвалидность, – в человечность совместного преодоления инвалидности, всяких там «ограниченных возможностей здоровья».

Бывает и наоборот – осознание инвалидности без дружеской поддержки, в ситуации изгойства. Никому до тебя дела нет, над тобой издеваются, твоё «уродство» (инвалидность) веселит честной народ. Как сказано в одной из сказок «Тысячи и одной ночи», двадцать четвёртая ночь: «...Увидели на дороге горбуна, вид которого мог рассмешить огорчённого и разогнать заботу опечаленного». Моя мама в таких случаях говорила: «Смешно дураку, что рот на боку».

Осознание инвалидности как смешного дуракам уродства – это очень больно. Такое субъективное одиночество калечит, озлобляет. Я испытал изгойство в школе слепых. И меня спас уединённый труд души – игра-фантазирование и запойное чтение.

Уединяясь, я напряжён сам с собой общаюсь. Чему-то учусь, над чем-то размышляю, из-за чего-то переживаю. Слушаю музыку. Читаю о том, в чём понадобилось разобраться или что просто интересно.

Труд души не терпит суеты. Именно так рождается новое и новое содержание, новые и новые поводы для общения (в том числе чтобы восстановить нарушенное общение) с окружающими людьми. И не только содержание, но и способы общения.

Уединение – это умение общаться с самим собой, или неумение скучать. Это результат развития в общении с другими, под сознательным руководством или с неосознанной помощью других – и в то же время предпосылка, залог, важнейшее условие сознательного саморазвития, самосозидания, самотворчества. Это высшая и одновременно фундаментальная форма общения, лежащая в фундаменте всех остальных его форм.

Пожалуй, в совместной педагогике, как нигде, надо ориентироваться не на массовки, а на содержательное индивидуальное общение и на общение с самим собой. Такую возможность надо иметь всегда. Её надо создавать специально. И надо постоянно ломать голову над созданием этой возможности. Иначе мы фатально будем приходить к профанации совместности.

Нам нужно постоянно заботиться о создании как можно более разнообразных поводов для содержательного индивидуального общения, а также для уединённого труда души. Путь совместной педагогики – это меньше всего путь бесконечных пионерских праздников. И больше всего – путь содержательного общения в малочисленных группах и наедине с самим собой. Пока это не так – совместной педагогики ещё нет.

Результатом всей этой работы должна стать личностная инклюзия – включение в жизнь общества. Так как человек – общественное существо, можно сказать, что личностная инклюзия – это включение просто в жизнь.

Понятно, что задача такая стоит с рождения перед каждым из нас, независимо от состояния здоровья. Решать её можно по-разному. И дело не в том, лучше или хуже та или иная стратегия, а в том, насколько она адекватна данной проблемной жизненной ситуации. Вот почему в корне порочна установка на инклюзивное образование вместо всякого иного. Правильно и вообще грамотно ставить вопрос об инклюзивном образовании наряду с другими формами образования, в том числе с коррекционным.

На самом деле такая взаимная инклюзия возможна при любых формах образования, и в этом смысле просто неграмотно противопоставлять инклюзивное образование коррекционному или какому-то другому. Нельзя лишать ребят доступного – и, значит, какого бы то ни было, –

образования, закрывая коррекционные школы под тем предлогом, что в них ребята-инвалиды изолированы от здоровых, вообще от жизни, пребывают в «резервациях».

Сохраняя необходимую специфику учебного процесса, учитывающую инвалидность, приуроченную к инвалидности, – в действительности можно и нужно впускать «жизнь» в интернат и выходить из интерната в «жизнь». При грамотном подходе даже колонию для беспризорников можно и нужно сделать открытым учреждением, разнообразно взаимодействующим с внешним миром, да так, что само противопоставление внутреннего мира внешнему теряет всякий смысл. Колонисты и коммунары Макаренко ощущали себя частью окружающего мира.

В конце концов, любая школа готовит к жизни, коррекционная тоже, хотя бы просто потому, что воспитанников ни в какой школе нельзя держать до бесконечности, они пребывают в её стенах до определённого возраста.

Личностная инклюзия в широком смысле так или иначе практикуется всегда, как у детей, так и у взрослых. Подвиг Николая Островского – это не что иное, как исключительно удачный опыт личностной инклюзии взрослого инвалида, сумевшего организовать взаимодействие с окружающим миром так, что оказалось возможно литературное творчество на общечеловеческом уровне. Этот опыт повторили в своей жизни те, кому в музее-центре «Преодоление» имени Николая Островского посвящена экспозиция «Люди корчагинской судьбы».

И когда на фестивале «Детство без границ», ежегодно проводимом в Москве, подростков награждают званием «Добрый волшебник» – это награда именно за успешную личностную инклюзию. За то, что ребята-инвалиды при поддержке взрослых, несмотря на инвалидность, душевным своим теплом сумели согреть других людей.

3.9. ПРИНЦИПЫ СОВМЕСТНОЙ ПЕДАГОГИКИ

В принципах совместной педагогики теоретически осмыслена и подытожена практика личностной инклюзии вообще и детской в особенности. Когда вырастут, ребята должны уметь организовывать свою инклюзию осознанно и в этом смысле самостоятельно.

1. Принцип взаимной человечности.

Это самый фундаментальный принцип. Речь идёт о поиске и реализации условий взаимно человеческого обращения людей друг с другом, о принципиальной возможности воспитания человечности человечностью, а не разговорами, «подкрепляемыми» голым насилием. Практически-педагогически – это прежде всего разнообразная взаимопомощь.

Взаимная человечность предполагает и защиту от носителей бесчеловечного, агрессивного, охлократического начала, противостоящих педократии – власти детей. Защита эта бывает по необходимости весьма жёсткой, – как это отмечает и Макаренко, говоря в «Педагогической поэме» о «далеко не нежных сопротивлениях коллектива», – но ведь иначе – гибельный хаос. Педократия пытается ассимилировать, подчинить законам созидательного общежития носителей анархо-охлократического разрушительного начала, или хотя бы по возможности обезвредить, нейтрализовать их. Ребята должны попадать в условия, властно требующие от каждого «быть человеком» здесь и сейчас, а не когда-то в будущем «становиться».

И Юрий Михайлович Устинов противопоставляет свою педагогическую систему традиционной пионерской, в том числе и по такому признаку: в основе устиновской системы – «Будь человеком» (прямо сейчас), а в основе традиционной – «Стань человеком» (когда-то). Быть человеком – значит прежде всего быть тружеником, не понарошку, а взаправду. Словом, подтверждается известная истина, что «труд создал человека».

2. Принцип взаимной надёжности.

Ставится акцент на необходимости и условиях реализации взаимной ответственности, на категорической недопустимости инфляции обещаний, то есть отношения к собственным обязательствам как к чему-то необязательному (дескать, могу дать слово, могу и назад взять), – короче, на взаимном уважении и самоуважении.

Успех всякого общего дела предполагает взаимную надёжность участников. Надо, чтобы рядом с тобой работали люди, на которых ты можешь положиться.

3. Принцип взаимной интеграции.

Выделен в антагонистически острой полемике с позицией, согласно которой интеграция инвалидов (и детей, и взрослых) среди здоровых – это якобы только их, инвалидов, заботы и проблемы. Смогут интегрироваться – ну и ладно, не смогут – значит, плохо старались. Здоровые якобы не обязаны ничего предпринимать со своей стороны, чтобы помочь, облегчить инвалидам интеграцию.

Иногда подобное бездушие «объясняется» («оправдывается») тем, что здоровые, дескать, «не готовы» принять инвалидов в свою среду. На самом деле – не хотят. Ведь «неготовность» может быть следствием простого неумения, незнания, как решить проблему, – и рады бы в рай, да дверь не найдут. В данном же случае речь идёт именно об откровенном, циничном до издевательства, до глумления, нежелании принять инвалидов в свою среду. О систематическом шельмовании, нежелании знать инвалидов и знаться с ними, предпочтении пренебрежительно отмахнуться со словами: «Это ваши проблемы!» Для этой бесчеловечной позиции не может быть, не должно быть никакого оправдания, «благовидного объяснения».

Единственно человечна только взаимная интеграция, то есть совместное решение инвалидами и здоровыми всех проблем, возникающих при интегрировании инвалидов среди здоровых. Фактически речь идёт о создании того, что называется безбарьерной средой. Об устранении барьеров между инвалидами и здоровыми. Барьеров, которых могло бы не быть, если бы здоровые помнили об инвалидах и их сложностях.

Но этот принцип, разумеется, можно истолковать и шире – как принцип устранения межличностных барьеров, как принцип взаимопонимания. Недоразумения возможны всегда, по самому ничтожному поводу, и надо уметь культурно эти недоразумения прояснять.

Многие взрослые привыкли снисходительно посмеиваться над детскими драками, считая их само собой разумеющимся атрибутом детства. Мол, это же дети, вы же понимаете, как у детей, – сейчас играют как ни в чём не бывало, а минуту назад подрались... В системе Ю.М. Устинова ребятам прививается культура ненасилия. Если что-то не поделили – не деритесь, а дождитесь вечернего разбора у костра и спокойно, при всех, выскажите свои претензии. Если правы – и поддержку получите, и совет, как лучше разругать ситуацию. А не правы – получите урок: придётся научиться признавать свою неправоту, считаясь не только со своим «нравом», но и с окружающими.

4. Принцип совместно-разделённой дозированной деятельности.

Это конкретный механизм взаимодействия детей между собой и со взрослыми. Речь идёт о динамике взаимной активности, о соотношении руководства и самостоятельности, о дозировке руководства по мере нарастания самостоятельности.

Философски осмысливая тифлосурдопедагогический опыт, Ильенков считает совместно-разделённую дозированную деятельность всеобщим законом всякого возможного обучения. Его друг и единомышленник Ф.Т. Михайлов идёт ещё дальше, считая совместно-разделённую дозированную деятельность всеобщим законом всякого возможного человеческого взаимодействия, всякого возможного разделения труда. Взаимодействуя, мы должны приспособляться друг к другу, «подлаживаться» друг под друга, и тем самым соразмерять, дозировать свою активность по отношению к активности партнёра, коллеги, сотрудника.

В общении в корне порочная установка – выпячивать «своё», навязывать его, подавляя волю партнёра. А надо, наоборот, уметь быть взаимно уступчивыми. Спиноза, а вслед за ним Ильенков, определяют мышление как способность мыслящего тела действовать по форме (по контуру) и по логике (по закону существования) любого другого тела. О том же пишет и Маркс – о человеческой способности к каждой вещи прилагать её собственную, ей присущую мерку, а не коверкать её сообразно со своим капризом. Участь человеческому взаимодействию, ребята тем самым учатся мыслить, учатся видеть собственную меру предмета, по поводу которого взаимодействуют, и сообразовываться с этой мерой. Чтобы сломать, не надо много ума; а вот попробуй преобразовать...

5. Принцип преобладания индивидуальных форм работы над массовыми действиями.

Во внешкольной работе с детьми традиционно много массовых мероприятий, праздников, в которых участие инвалидов более-менее проблематично. И если мы хотим на деле, а не только в декларациях, осуществлять совместную педагогику, мы должны сделать упор на видах деятельности, по возможности доступных всем ребятам, и инвалидам, и относительно здоровым. Здесь необъятное поле для методического творчества с целью обеспечить взаимное демонстрирование, реализацию и наращивание детьми своего творческого потенциала. Во всяком случае, с массовых праздников акцент должен быть перенесён на кружковую работу и спонтанное совместное занятие каким-либо общим увлекательным делом, – вдвоём, втроём, вчетвером.

Но так как нужны серьёзные затраты на всякого рода оборудование, реализация данного принципа очень затруднена. Очевидная область его реализации – дополнительное образование. Возражают, что индивидуальный подход «дорого стоит» не только в смысле денег, но и в смысле затрат времени и сил. Когда детей много, проще иметь дело не с отдельными ребятами, а с их массой. Дискоотеки, КТД (коллективные творческие дела), и прочее, и тому подобное...

Главный порок такой массовой педагогики – упор на развлечения, а не на какую-либо общую

работу, действительно кому-то нужную. Если тебе сложно двигаться (а то и вовсе на коляске), или не видишь, или не слышишь, или всё это вместе, – из массовки в той или иной степени обязательно «выпадешь». Поэтому, если уж пригласили инвалидов, надо помнить об их присутствии, специально к их участию что-то приспособлять, максимально индивидуализировать работу.

В устиновской системе предмет специальной заботы – «масштабирование» группы и отдельного члена в группе. И группа не должна быть слишком многочисленной, чтобы ни один отдельный ребёнок не мог в ней потеряться, как неизбежно теряешься в толпе. Это объясняется психолого-педагогической необходимостью максимального раскрытия индивидуальности каждого. Такое раскрытие индивидуальности Ю.М. Устинов и называет масштабированием личности. Он даже вывел математическую зависимость, удивительно напоминающую... гегелевскую триаду: тезис – антитезис – снятие. Один – тезис, второй – антитезис, а третий снимает, уравнивает первых двух. Получаем тройку. Теперь тезис – тройка, другая тройка – антитезис, а седьмой член группы – диалектическое снятие, уравнивание троек. Теперь семёрка – тезис, другая семёрка – антитезис, и пятнадцатый член группы – диалектическое снятие, уравнивание двух семёрок. И всё, больше не должно быть, иначе получится чересчур много, и индивидуальность потеряется в массе, не сможет масштабироваться. Для тяжёлого инвалида и пятнадцать, и семь – слишком много; спасибо, если получится масштабироваться в пределах тройки.

6. Принцип постоянного поиска точного сочетания заботы и самостоятельности.

Речь идёт о профилактике детского паразитизма, спекуляций на, с одной стороны, своей якобы беспомощности («не могу-у-у-у!»), а с другой стороны, на неумной любви к себе, то есть на готовности родителей или ещё кого-то сделать всё для тебя за тебя без тебя. Такой паразитизм возможен у всех детей, но у детей-инвалидов, как и у сирот, его опасность особенно велика – спекуляция на взрослой жалостливости.

Психолого-педагогический процесс вообще очень динамичен, так как его содержание – содействие человеческому росту юного существа. Ситуация быстро меняется, чего не умели раньше, то умеем сейчас, чего не понимали раньше, понимаем теперь. И если этого не учитывать, мы обречены на хронический конфликт из-за отставания отношения взрослых к ребёнку от его возросших возможностей. Может отставать и отношение части взрослых (обычно родителей) к новому социальному статусу ребёнка: другие (взрослые, ровесники) могут относиться более адекватно – и ребёнок, естественно, предпочитает ориентироваться на них, «потому что они его лучше понимают». Всегда должна быть перспектива роста.

7. Принцип постоянного поиска обходных путей решения проблем.

Сам термин «обходные пути» предложен Выготским, и он же приводит примеры таких обходных путей: в обход слепоты – рельефно-точечная письменность, изобретённая слепым французом Луи Брайлем; в обход глухоты – дактильный (пальцевый) алфавит. Всякие технические средства – тоже обходные пути.

Но значение принципа куда более универсально: реализация этого принципа обеспечивает личностную самостоятельность, ставит непреодолимый заслон перед «кукловодческими» поползновениями некоторых окружающих людей, то есть перед попытками манипулировать вашим сознанием, превращать вас в чью-то марионетку, в куклу, – следовательно, обезличивать вас.

Чтобы быть самим собой, состояться в качестве личности, а не чьей-то марионетки, необходимо постоянно создавать и поддерживать альтернативную систему жизнеобеспечения: не стоит замыкать решение всех своих проблем на каком-то одном, сколь угодно близком и заслуживающем хотя бы самого полного доверия человеку; нужно решать свои проблемы с помощью разных людей, обязательно всегда имея запасной вариант. Невозможно в условиях инвалидности состояться в качестве личности, самостоятельного

субъекта собственной жизни, не работая совершенно сознательно и постоянно над созданием и сохранением альтернативной системы жизнеобеспечения. Система эта полезна всем людям, но в условиях инвалидности она – главный, если не единственный, гарант личностного выживания. Ведь на инвалидности может спекулировать не только сам инвалид, – среди здоровых тоже находятся желающие, которые пытаются подчинить тебя своему абсолютному контролю на том как раз основании, что ты инвалид, и сам правильно сориентироваться, правильно собой распорядиться якобы не можешь. Система даёт возможность вырваться из лап таких спекулянтов, обойти их, и поэтому она – самый главный, магистральный, стратегический из всех возможных обходных путей. Что может быть важнее задачи отстоять себя как личность!

Речь идёт о том, чтобы не стесняться обращаться за помощью к незнакомым людям, как бы подчас ни было сложно. Принцип решения своих проблем – распределять свои трудности между несколькими друзьями, не валить всё на кого-то одного. Это, с одной стороны, делает помощь наименее обременительной для друзей; с другой стороны, делает инвалида максимально самостоятельным, наименее зависимым от каждого отдельного помощника. Как говорят американцы: «Не кладите все яйца в одну корзину».

8. Принцип самоопределения личности.

«Что хочешь, то и получи») противопоставляется взаимная ответственность, самоопределение сначала по обязанностям, а на их основе по правам – взаимное определение в диалоге образов жизни.

Самоопределяются прежде всего по отношению к работе. Либо участвуешь в работах, либо нет. Либо труженик, либо развлекающийся бездельник.

Не всеобщий анархический хаос – охлократия, власть толпы, ещё точнее – власть черни, демагогически оправдываемая болтовнёй о «самоопределении личности». Нет, культивируется взаимная ответственность, а следовательно – педократия, власть детей, власть основного, наиболее ответственного, самого работающего, круга, ядра, постепенно вбирающего в себя всех ребят. В итоге мы имеем дело действительно с личностями, а не самоутверждающимися на какой-нибудь ерунде павлинами.

9. Принцип полной разновозрастности.

Принцип полной разновозрастности означает, что надо быть не вне детства, не над детством и не под детством («над» оборачивается взрослым самодурством, а «под» – детской вседозволенностью), но внутри детства. Взрослые должны быть членами детских коллективов точно так же, как и сами дети, только, может быть, более опытными, ответственными и авторитетными членами, но именно членами, а не какими-то божками («над») или выючными животными («под»). Требование полной разновозрастности – это требование включения взрослых в детскую жизнь в качестве её участников, интеграции («инклюзии») взрослых среди детей, уважения взрослыми человеческого достоинства детей (корчаковское и устиновское: они уже сейчас люди, а не когда-то в будущем; макаренковское: я как вы). Взрослые не стоят над ребячьей массой, а являются членами ребячьей группы, причём, по возможности, ведомыми, а не ведущими. Ведущая роль предоставляется ребятам.

10. Принцип самосоревновательности.

Против манеры горе-педагогов «ставить в пример» одного ребёнка другому, спекулировать на детской азартности, формируя неуверенность в себе и самоуверенность вплоть до наглости. Личность ни в коем случае не должна самоутверждаться за чужой счёт. С этой точки зрения можно переосмыслить иерархию видов детской игры: высшая форма – не массовая, а одиночная ролевая игра – фантазирование и предтворчество, как основа саморазвития личности.

Не «пример для подражания», а диалог образов жизни – вот что должно быть нормой.

Соревнование не с «другими», а с самим собой: вчера я чего-то не умел, а сейчас умею; завтра ещё чему-то научусь и/или в чём-то усовершенствуюсь. То есть на первом месте должны быть мои достижения, а не чьи бы то ни было ещё. Превзойти надо стараться прежде всего себя самого, и лишь во вторую и десятую очередь – ещё кого-то. Чрезмерный азарт, чрезмерная озабоченность тем, что у кого-то лучше получается, может серьёзно искалечить, деформировать личность. Сделать её завистливой, закомплексованной на собственной неполноценности.

Соревнование – от слова «ревность». «Ревновать», в смысле – ревностно относиться, надо прежде всего к своим обязанностям и обязательствам, а не ревниво, завистливо следить за чужими успехами. Тогда за других научишься радоваться, а не завидовать им. Помочь, научиться – вот нормальная основа нормальной мотивации. Помочь, научиться и научить, а не кого-то там в чём-то переплюнуть, обскакать, превзойти, ткнуть носом в собственную неумелость по сравнению с кем-то умелым.

11. Принцип диалектического единства прямого общения с уединённым трудом души.

Импульсы для саморазвития личности первоначально даёт непосредственное общение с окружающими людьми, но как только появляются устойчивые увлечения (ролевой одиночной игрой-фантазированием, чтением, конструированием, музыкой, хоть филателизмом), так возникает и уединённый труд души, потребность в уединении для любимого занятия.

Путать его с одиночеством не надо: одиночество – феномен негативный, а уединение – позитивный. Одиночество – ощущение оторванности от людей, непонятости и неприятности ими, следствие конфликта в сфере прямого общения и сам конфликт (страдание); одиночество может серьёзно деформировать личность, процесс её становления, а то и вовсе оборвать всякое развитие, стать причиной деградации.

Уединение, наоборот, позитивно; это не что иное, как неумение скучать наедине с самим собой, когда ты сам себе самый интересный собеседник. В уединении можно быть по-настоящему счастливым, причём это высшее счастье – творческое. Личность углубляется, становится всё более содержательной, и тем самым создаётся содержание для прямого общения с окружающими людьми. Я интересен другим постольку, поскольку интересен самому себе в процессе уединённого труда души. Прежде всего в уединённом труде души я учусь, как сказал Маяковский, «дерзать, думать, хотеть, сметь». Без этого умения просто не с чем идти к другим людям.

Детей надо специально учить уединяться и любить уединение. Тогда их личностный рост будет прежде всего их проблемой, а не только – и не столько – проблемой воспитателя, и эту проблему они будут решать сами в постоянном соревновании с самими собой. Тогда не нужно будет суетиться по поводу формирования личности извне, – вполне достаточно будет ограничиться ролью помощников, доверенных участников процесса саморазвития, самоформирования ребят. Да, в сущности, ни на что большее мы и не должны претендовать. Брать на себя роль буксира, а ребёнка низводить до роли баржи – ни в коем случае не самоходной, – ничего более нелепого, тягостного, неблагодарного придумать нельзя.

Когда чувство по-настоящему глубокое, для себя, а не напоказ – наслаждаются молча. Ещё и поэтому крайне вредны школьные сочинения по литературе, эти нудные разборы «Образы Татьяны Лариной» и тому подобное. На самом деле так учат забалтыванию (а значит, умерщвлению) живой эстетической реакции. Ученика делают умненьким, а не умным; учат трещать вроде цикады, дабы показать, какой он умненький.

Общение с красотой в её разнообразных формах, и прежде всего с красотой человеческих чувств, человеческих отношений – порождает, формирует потребность в собственном творчестве. Рисунок. Художественная фотография. Стихи. Музыка...

12. Принцип взаимного доброжелательного сравнения возможностей.

Опять к вопросу о превращении ребёнка если и в баржу, то всё же в самоходную. Здесь речь идёт о необходимости осознания ребёнком-инвалидом своей инвалидности, иначе он никогда не станет субъектом самореабилитации, а останется только объектом чьих-то реабилитирующих усилий.

Но чтобы при осознании своей инвалидности ребёнок не получил психотравму, возможно неизлечимую, уже должна существовать к моменту осознания антиэкстремальная коалиция людей (взрослых и детей), настроенных доброжелательно, готовых помочь. Взрослый инвалид такую антиэкстремальную коалицию должен уметь создавать вокруг себя самостоятельно, а ребёнку лучше иметь её в готовом виде, в общении же со здоровыми ребятами учиться её создавать. Настрой должен быть следующий: «Пусть я не такой, как другие, чего-то не могу по сравнению с другими, но я не один, вокруг меня друзья».

Пожалуй, главная цель совместной педагогики – именно создание такой антиэкстремальной коалиции, благодаря которой каждый ребёнок чувствовал бы себя окружённым друзьями. Тогда сравнение себя с другими, пусть в чём-то и не в свою пользу, психотравмы не причинит, а лишь мобилизует на расширение возможностей.

Глухой не слышит, зато, например, прекрасно рисует или выжигает. Слепой не видит, зато хороший певец и музыкант. Слепоглухой не видит и не слышит, зато (автор скромно имеет в виду себя, особенно в условиях детского лагеря) оказывается «ходячей энциклопедией», странным образом способен ответить на любой вопрос.

На пути к высшему уровню личностной самореабилитации инвалиду необходимо пройти следующие этапы.

– Этап элементарной реабилитации. Самый «объективный» этап: не ты себя, а тебя кто-то реабилитирует; ты – объект реабилитации. Обучение бытовым навыкам и одновременно – особенно важно для взрослых – убеждение в том, что ты не так уж беспомощен, многое можешь сам.

– Этап совместно-разделённой личностной реабилитации. Твоя реабилитация становится не только проблемой реабилитолога (специалиста или просто родственника, друга...), но и твоей личной. Создание для тебя антиэкстремальной коалиции, включение тебя в эту коалицию в качестве равноправного члена. Ты – не объект, а один из субъектов собственного реабилитационного процесса. Содержание этапа – главным образом нравственная реабилитация, выработка адекватного отношения к проблеме и к союзникам по коалиции.

– Этап личностной самореабилитации. Субъект реабилитации – главным образом ты сам. Ты сам организуешь или сохраняешь, если она налицо, антиэкстремальную коалицию. Сознательно делаешь окружающих людей своими друзьями, союзниками, делаешь общение с тобой по возможности приятным для них. Иными словами, наконец-то умеешь или сознательно учишься дружить. Создаёшь тем самым альтернативную систему собственного жизнеобеспечения.

13. Принцип взаимного обучения.

В условиях совместно-педагогического процесса это значит, прежде всего, что здоровые дети должны понять: у ребёнка-инвалида можно учиться. А ребёнок-инвалид должен понять, что может учить. Дети вообще любят учиться друг у друга, и авторитетом пользуются у них именно те, у кого можно чему-то научиться, и до тех пор, пока учиться есть чему.

Макаренко отмечал, что ребята уважают всякого мастера своего дела, а хвастуна, у которого амбиции не по амунции, – презирают. «Авторитет кулака», культ физической силы – зоологическая, а не человеческая норма; на человеческом уровне это вообще не норма, а патология. Вот и нужно стараться сделать так, чтобы все без исключения дети были друг для друга «авторитетными специалистами» в той или иной области – как это имеет место и у взрослых.

На самом деле ребята любят учиться, но – в охотку, а не из-под палки. И ещё очень важно – у

кого. Не у всякого захочется учиться. А что, у взрослых разве не так? От кого-то примут с удовольствием, а кого-то, при возможности, послали бы куда подальше.

14. Наконец, принцип индивидуального личностного акме.

Это акмеологический аспект совместной педагогики. Речь идёт о постоянной отмотобилизованности всех сил личности – и духовных, и душевных, и физических. Нельзя расслабляться. Иначе – личностный крах. А постоянная отмотобилизованность предполагает, что ты всю жизнь – с детства до старости – находишься на вершине своих возможностей. Возможности в ходе саморазвития расширяются, и вершина становится всё выше и выше. Сначала это только твоя вершина, твой высший уровень, твоё, пока ещё учебное, достижение; но однажды может оказаться, что твоя вершина – уже не только твоя, а общечеловеческая.

* * *

Не стоит оценивать принципы совместной педагогики с точки зрения их научной новизны. Пусть они тысячу раз тривиальны, – лишь бы их соблюдение помогало детям вырастать полноценными людьми.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ОСНОВНОЙ ОТВЕТ

В первой части данной книги я постарался ответить на основной вопрос только в гносеологической – теоретико-познавательной – его формулировке: возможно ли в ситуации слепоглухоты познание мира и себя в мире.

Но в самой широкой формулировке основного вопроса речь идёт о принципиальной возможности ЖИТЬ без зрения и слуха. И чтобы ответить на него, понадобилось во второй части рассказать об истоках человеческого в человеке, то есть о формировании человеческой психики при врождённой и ранней слепоглухоте, – о первоначальном обучении слепоглухонемых детей.

В третьей части понадобилось рассказать о совместной педагогике, то есть о том, как возможно взаимно человеческое общение слепоглухих подростков с более-менее здоровыми подростками, а также инвалидами других категорий.

Осталось ответить на самое главное – как возможно включение взрослых слепоглухих в жизнь человеческого общества в целом, могут ли слепоглухие получить высшее образование и могут ли жить среди зрячеслышащих, а не в закрытых учреждениях того или иного типа.

Здесь я прежде всего опирался на опыт собственной жизни. Сколько-нибудь исчерпывающий ответ могли бы дать, очевидно, автобиографии или биографические очерки всех взрослых слепоглухих. На такую полноту, разумеется, не претендую.

Прежде всего, поскольку наши учителя не подытожили эксперимент по получению высшего образования четвёркой слепоглухих, самым младшим членом которой был и я, – этот почётный долг и труд я дерзнул взять на себя. Хотя бы потому, что именно мне ещё в 1975 выпала честь писать статьи о том, «Как мы учимся», и в дальнейшем я и продолжил осмысление опыта нашей учёбы.

Четвёртая часть и начинается с рассказа о нашем обучении на факультете психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Основателем и первым деканом психфака МГУ был академик Алексей Николаевич Леонтьев.

А дальше, естественно, я рассказал о том, как выкручивался по окончании МГУ. Понятно, что каждый взрослый слепоглухой, в том числе другие трое из четвёрки, выкручивался по-своему. Я рассказал о себе, обобщая постольку, поскольку мой личный опыт и всё-таки не совсем зажившие душевные раны позволили обобщать.

И в заключительной главе я попытался дать самый главный, нравственный ответ на основной вопрос о возможности полноценной жизни без зрения и слуха. Этот основной ответ на основной вопрос я сформулировал очень просто: надо считать имеющиеся возможности жить полноценно в условиях слепоглухоты. Возможности, а не потери. То, что есть и возможно, а не то, чего нет и быть не может из-за слепоглухоты.

В книге «Как перестать беспокоиться и начать жить» Дейл Карнеги рассказывает о своём школьном учителе, который однажды пришёл в класс, держа в руках стеклянную бутылку с молоком. Вдребезги эту бутылку разбив, он обратился к ученикам:

– Не плачьте над пролитым молоком!

Я очень долго – десятилетия – «плакал над пролитым молоком», считая-пересчитывая потери, связанные со слепоглухотой. Зачем-то яростно убеждая всех в том, что мне очень плохо. И в итоге всей душой присоединяюсь к мудрому учителю Дейла Карнеги.

Чего нет, того нет и не будет. Что случилось, то случилось. И нет ни малейшего смысла на этом заикливаться – утверждаю я, который заикливался едва ли не всю жизнь. Сходите ко мне на сайт – www.avsuovorov.ru, – почитайте книгу моих стихов «Достоинство в склепе», переполненную тем самым плачем над пролитым молоком.

И вот в качестве основного ответа на основной вопрос я теперь, на склоне лет, настаиваю, что

надо жить в имеющихся, наличных условиях и искать в них возможности полноценной человеческой жизни. Поэтому заключительная часть этой книги так и названа – «Основной ответ».

К этому ответу, вероятно, много можно добавить, но он основной, потому что его невозможно опровергнуть и отменить: надо считать имеющиеся и возможные плюсы, а не минусы. Это не «казённый оптимизм», как я поначалу думал, настаивая на своём «праве» «плакать над пролитым молоком». Это просто... здравый смысл. Неопровержимый и неотменимый.

Тот самый, в высшей степени человеческий, здравый смысл, которым руководствовались учителя слепоглухонемых детей, пытавшиеся обучать этих детей вопреки очевидной, казалось бы, безнадежности этой затеи.

Тот самый здравый смысл, которым руководствовались мои учителя, давая мне лично шанс не прозябать, а нормально жить...

4.1. ОПЫТ ЧЕТВЕРКИ

Где бы нынешние студенты-инвалиды, обучающиеся в средних и высших учреждениях профессионального образования, ни получили предпрофессиональную подготовку, – в обычной школе или коррекционном интернате, – в колледже и вузе они попадают в среду неинвалидов. Да и вообще цель специального коррекционного образования – сделать возможной учёбу и/или работу инвалидов среди «обычных» людей. Просто к этому можно готовиться разными путями: в обычной школе, среди обычных учеников, – и в спецшколе, в том числе с интернатом.

Нормально, когда родители имеют право выбора и решения, и, как бы они ни решили, специалисты – коррекционные педагоги, специальные психологи, врачи – всегда к их услугам.

Плохо, когда искусственно оставляют открытым один путь (инклюзия ли в обычной школе, интернат ли), а все прочие пути закрыты.

Интернатный вариант подготовки к жизни в обществе ничуть не «устарел», для многих он более приемлем, чем инклюзивный, посильный далеко не каждому. Да и в массовой школе ученик может не «выжить». И всегда должна быть открыта возможность перевести его в более щадящие, в том числе интернатные, условия. Интернаты существуют даже при некоторых вузах – например, в Москве при институте искусств для инвалидов. И это правильно. Не все могут получить высшее образование, если для этого не созданы специальные условия. Их в любом случае надо создавать, по возможности учитывая особенности учащихся, а не огульно подгонять всех подряд под пресловутые «общие основания». Не надо создавать лишние проблемы, которые при подгонке под «общие основания» возникают неизбежно.

Иногда из ложно понятого «благородства» сами инвалиды готовы игнорировать свою инвалидность, учиться «как все» – и в итоге учёба может оказаться под угрозой полного срыва. Я ещё в свои студенческие годы хорошо это понимал, и в нашей четвёрке слепоглухих студентов настаивал на том, чтобы в нашем экспериментальном учебном процессе как можно полнее учитывался фактор нашей слепоглухоты.

Четвёрка состояла из Юрия Михайловича Лернера (31 мая 1946 – 26 сентября 2003), Сергея Алексеевича Сироткина (9 февраля 1949), Натальи Николаевны Корнеевой, в замужестве Крылатовой (16 декабря 1949), и меня, Александра Васильевича Суворова (3 июня 1953). Из Загорского детдома нас забрали в Москву в начале февраля 1971 года, а с первого семестра 1971/1972 учебного года началось наше обучение на дневном отделении на факультете психологии МГУ им. М.В. Ломоносова.

Фактически мы проучились шесть лет вместо официальных пяти, потому что весь первый год был, по существу, пробным – никто не знал, как подступиться к организации нашей учёбы. В мире имелся опыт получения высшего образования слепоглухими поодиночке – Елена Келлер в США, Ольга Скороходова в СССР, – но опыта массового (а четверо тяжёлых инвалидов – это уже масса) обучения не было нигде.

Никто из нас не закончил средней школы, не получил аттестата зрелости. В Загорском детдоме учебный процесс имел тенденцию продолжаться вечно: нас подолгу держали на повторении совершенно ненужных подробностей, так что продвижение по программе тормозилось почти до нуля. По интересующим меня предметам (прежде всего история и литература) я, например, давно уже прочитал все доступные школьные учебники, а по программе, с учителем, топтался где-то классе в девятом. Соответственно учебная мотивация была полностью подорвана... Остальные трое к завершению школы были ближе, чем я, но всем эта учебная жвачка обрыдла до последней степени, и наше образование, задержись мы в детдоме, грозило безнадежно уйти в песок.

Поэтому Мещеряков решил не дожидаться формального окончания нами средней школы, а добиться нашего приёма в вуз, исходя из фактического уровня знаний. Со специального разрешения министерства высшего образования нас приняли вне конкурса, хотя вступительные экзамены сдавать всё же пришлось.

Лернер и Сироткин жили в Москве, а мы с Корнеевой – иногородние: она – из Николаева (Украина), а я – из Фрунзе (ныне Бишкек, Кыргызстан). Это привело к проблемам с пропиской. Жить в обычном студенческом общежитии мы физически не могли, и в конце концов нас там прописали фиктивно, с тем чтобы реально мы проживали в другом месте.

Местом этим с самого переезда из Загорска стала экспериментальная школа глухих при НИИ дефектологии АПН СССР (бывшая Кропоткинская набережная, 1). От Москвы-реки здание отделяла набережная с оживлённым движением транспорта. Из окон школы можно было увидеть Крымский мост, а за ним – через реку – Центральный парк культуры и отдыха имени Горького.

Первые года полтора наша группа занималась в комнате на третьем этаже школы. Спали мы вместе с глухими ребятами в интернатских спальнях, на том же этаже. Затем нас перевели на первый этаж, дали две соседние комнаты: большая – для нашей студенческой четвёрки, маленькая – для собственно экспериментальной группы, состоявшей из трёх слепоглухонемых детей. Все мы теперь спали на раскладушках: малыши в своей комнате, мы, трое студентов-мальчиков, – там же, где днём учились, а Наташа Корнеева на ночь свою раскладушку ставила возле классной доски в учебном классе глухих, дверь которого располагалась как раз напротив двери группы малышей, через коридор.

Нам предоставили класс, где днём мы все четверо занимались. Питание наше было организовано в столовой школы вместе с детьми, мы платили за него в бухгалтерию НИИ дефектологии полцены – рублей пятнадцать в месяц. Школа была городская, интернат в ней работал только в учебное время, на выходные и на все каникулы ученики разъезжались по домам, а столовая в это время не работала. Лернер и Сироткин тоже на выходные уезжали по домам, а нам с Корнеевой в столовой оставляли еду, которую сотрудники экспериментальной группы при лаборатории обучения и изучения слепоглухонемых детей, возглавляемой тогда Мещеряковым, разогревали на электрической плитке.

На время осенних, зимних и весенних школьных каникул, а также майских праздников нас иногда «эвакуировали» в Загорский детдом – из-за неработающей школьной столовой. Когда осенью 1973 года нашим куратором стала Л.Ф. Обухова (22 июля 1938 – 20 июля 2016), на время зимних и летних сессий нам с января 1975 года предоставляли путёвки в студенческий профилакторий в высотном здании МГУ (зона Е, пятый этаж), где мы в течение двадцати четырёх дней жили и готовились к экзаменам. Там я научился пользоваться лифтом; слетев с лестницы и чудом не покалечившись, осознал необходимость ориентировочной трости для слепых. Мы в профилактории не только готовились к экзаменам, но и получали поддерживающее лечение, которое назначали врачи профилактория. Там-то, помнится, и встретились мы с Александром Шапиро, и я часто заходил в его комнату поболтать.

Московское городское правление ВОС предоставило каждому из нас ежемесячную субсидию на помощника в размере 90 рублей. Помощники эти нанимались из числа студентов психфака, только с вечернего отделения. В профсоюзе коммунальных работников, или домработниц, или бытового обслуживания, – не помню точно, как он назывался, – нашим помощникам шёл трудовой стаж и взимались подоходные налоги. Другого способа обеспечить их трудовым стажем не нашлось. Деньги на помощников – субсидии – выплачивались нам, слепоглухим студентам, непосредственно на руки в бухгалтерии МГП ВОС, куда мы с помощниками ездили ежемесячно.

Сначала мы просто отдавали им эти деньги, но им всё чаще стало некогда выполнять свои обязанности, поэтому я категорически настоял на почасовой и постраничной оплате труда, по

крайней мере, нашего с Сироткиным общего помощника, Геннадия Ерохина. Половина субсидии выплачивалась за время, в течение которого помощник работал с нами в качестве переводчика и сопровождающего, а другую половину субсидии отрабатывал, перепечатывая для нас на брайлевской машинке литературу по нашим заказам. Поскольку в распоряжении нашего с Сироткиным общего помощника было две субсидии, он зарабатывал, по советским меркам, очень прилично.

Сначала мы с помощниками и сотрудниками лаборатории Мещерякова ездили на лекции, семинары, где нам пытались переводить дактильно. Я сразу же начал категорически возражать против этого порядка, доказывая, что так учиться невозможно, всё впустую. Во-первых, никакой перевод не заменит непосредственного восприятия лекций. Во-вторых, я лично под перевод очень часто неудержимо засыпал, так что до меня и вовсе практически ничего не доходило...

Бессмысленность посещения нами лекций очень быстро стала очевидна всем организаторам. Поэтому пошли путём создания условий, благодаря которым действительно можно было как-то учиться.

Лаборатория закупила партию магнитофонов, на которые стали записываться для нас лекционные курсы. Слепые студенты эти фонограммы расшифровывали и переписывали по Брайлю, им за это немного платили. А мы имели возможность лекционные курсы просто читать, как любую брайлевскую книжку. Правда, качество фонограмм, особенно на первых порах, бывало из рук вон плохим; брайлевские расшифровки пестрели жалобами расшифровщиков на «сильное наложение», из-за которого часто пропадало до половины содержания каждой лекции. Но это было всё равно неизмеримо больше, чем могло бы до нас прийти через дактильный перевод, не говоря уже о возможности перечитывания расшифровок, – а дактильный перевод, понятное дело, не «перечитаешь».

В общем отладилась такая система обеспечения нас учебными материалами: на 2000 рублей в год, которые выделял ректорат университета на специальную литературу, переписывались наиболее необходимые тексты из «зрячих» изданий; из этих же денег оплачивалась расшифровка фонограмм лекций; одна брайлевская страница стоила 20 копеек, и мы имели, таким образом, десять тысяч страниц в год и при малейшей возможности использовались книги, изданные по Брайлю, – учебники по истории КПСС, по научному коммунизму, по марксистско-ленинской философии, по истории философии, по политической экономии... Словом, цикл общественных наук был вполне прилично обеспечен для всех незрячих студентов и специалистов издательством «Просвещение», и эти книги можно было взять в библиотеке слепых, а издаваемые по текущим планам издательства – заказывать.

Всё остальное переписывалось вручную на специальных брайлевских пишущих машинках и даже (расшифровки ряда лекций) от руки на брайлевских приборах незрячими расшифровщиками, оплачивалось из специально выделяемых университетом средств, а также из субсидий на помощника и, если очень хотелось, из личных стипендий и пенсий по инвалидности. Впрочем, выделяемых университетом денег и наших субсидий вполне хватало, и, кажется, только я иногда тратил на эти цели личные деньги.

Нашим информационным обслуживанием было занято, насколько могу прикинуть, человек двадцать... Точная цифра мне никогда не сообщалась, но можно приблизительно прикинуть: перепечаткой для нас занимались педагоги – сотрудники экспериментальной группы при лаборатории; наши помощники из числа студентов-вечерников; родители некоторых слепоглухонемых детей, учившихся в экспериментальной группе; а также незрячие студенты, которых к этой работе (к расшифровке лекций в основном) привлекали через ВОСовскую первичную организацию работников интеллектуального труда (РИТ) при Российской государственной библиотеке слепых (РГБС). Мы четверо сами состояли на учёте в этой первичной организации, объединяющей всех московских слепых студентов и окончивших

вузы специалистов.

Для непосредственного общения с преподавателями и гостями использовалось особое устройство – телетактор: клавиатура зрячей и брайлевской машинок на центральном пульте, а у каждого из нас – шеститочия (позднее строка из 24 шеститочий) и клавиатура брайлевской машинки, чтобы мы могли одновременно говорить голосом и через эту клавиатуру – друг другу.

Всех нас ещё в Загорске научили зрячей машинописи, и мы могли совершенно самостоятельно печатать свои учебные работы на обычных пишущих машинках. Сначала их нам предоставил детдом, а потом я смог себе купить личную портативную машинку. Были они и у остальных, если мне не изменяет память.

Книги из библиотеки слепых и лавинообразно нарастающие объёмы переписок поначалу совершенно завалили нашу комнату. Школа глухих, где мы жили вместо общежития, предоставила помещение в бараке во дворе, где располагались гаражи и школьные мастерские. Там в торце барака имелись две комнаты с коридором и туалетом, с отдельным входом со двора. Одну из этих комнат и прилегающую часть коридора предоставили нам под библиотеку. С самого начала библиотекарем четвёрки был я, мне дали ключи от этих помещений. Школьная столярная мастерская соорудила для нас стеллажи в коридоре, в комнате стояли книжные шкафы... Я старался поддерживать в книжном хозяйстве образцовый порядок. Хранил там и личную библиотеку – книги, заказанные по планам издательства «Просвещение» и полученные по почте из специализированного магазина слепых «Рассвет». В той библиотечной комнате иногда ночевали наши гости, в том числе моя мама.

От иностранного языка и математики нас освободили. Иностранный язык не преподавался в детдоме, а математику просто невозможно было сделать доступной для нас: лекции по математике не запишешь на магнитофон, и нужны специальные знания, чтобы такие фонограммы расшифровывать по Брайлю. А издательство «Просвещение», насколько знаю, не выпустило ни одного вузовского учебника по математике – еле обеспечивали учебниками школы слепых. Думаю, в виде исключения стоит освободить студентов-инвалидов от некоторых непосильных и к тому же второстепенных предметов, чтобы сберечь время и силы для главного.

В практикумах мы тоже не могли участвовать. На первых курсах изредка ходили на биофак на практикумы по анатомии и физиологии человека, но для меня всё свелось к тому, что дали потрогать законсервированный в формалине мозг... Студент-помощник почему-то совсем там не переводил – сам был занят, видимо, участием в практикуме. Кстати, по биологическому циклу предметов нас выручили школьные учебники, изданные «Просвещением», и ещё, припоминаю, имелся в издании по Брайлю учебник по математической логике Д.П. Горского...

С нашей студенческой практикой так ничего и не придумали. То ли освободили от неё, то ли формально засчитали наше общение с воспитанниками родного детдома.

Для проведения с нами семинарских занятий преподаватели приходили в нашу комнату и вели занятия через телетактор. Некоторые зачёты и экзамены тоже принимались преподавателями прямо в нашей комнате, с использованием этого же прибора. Но чаще сдавать зачёты и экзамены мы всё же ездили в университет. Брали со стола экзаменационной комиссии билеты, помощники нам их читали, мы записывали по Брайлю, какое-то время соображали, что можем сказать по доставшимся вопросам, составляли план ответов (я, во всяком случае, составлял), а затем устно демонстрировали свои познания экзаменаторам. «Достаточно... Давайте зачётку», – часто останавливали меня, когда я только начинал увлекаться своим рассказом. Не припомню, чтобы я хоть раз заменил билет. Что первое попадалось, то и сдавал, как подчас ни трудно.

В последние года два или три нашего обучения была налажена переписка для нас экзаменационных билетов. Мы их обычно имели уже в середине семестра, так что можно было читать литературу, ориентируясь на экзаменационные вопросы.

Контактов с обычными студентами у нас было очень мало. Мы учились отдельно, и потому с однокурсниками почти не встречались. Не считая наших помощников – студентов-вечерников, с которыми отношения иногда принимали враждебно-зависимый характер, поскольку мы не могли обойтись без их помощи, а им, естественно, было нужно свободное время, ну и возникал торг... Изредка к нам на семинары или экзамены, проходившие в нашей комнате, преподаватели приглашали студентов – видимо, по каким-то причинам не сдавших экзамен со всеми. Не более трёх человек. Один раз организовали наше участие в Зимней психологической школе, возили туда старый телетактор, со студентами там тоже пересекались. Это было интересно, однако мало.

Думаю, слабость контактов с другими студентами была крупным недостатком нашего обучения. Это сейчас, на склоне лет, новые знакомые время от времени сообщают мне, что они учились на психфаке одновременно с четвёркой и хорошо нас помнят. Но мы-то можем помнить лишь тех, кто к нам подходит и вступает в общение...

В целом, нам всячески шли навстречу, учитывали наши возможности, создавали специальные условия, чтобы учебный процесс был вообще возможен. О том, что мы «такие же» студенты, «как и все», иногда заговаривали разве что из воспитательных соображений... А так – грех жаловаться: сделано было всё возможное и невозможное, чтобы наша учёба состоялась и была максимально эффективной.

На работу всех нас распределили в НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР, ныне – Психологический институт РАО. Директор, академик Василий Васильевич Давыдов, в конце последней сессии приходил к нам в профилакторий и спрашивал, как лучше – в аспирантуру нас взять или оформить младшими научными сотрудниками? Я уточнил, что имеется в виду под обоими вариантами, и мы все выбрали второе. И вскоре начались наши мытарства с якобы работой: какой-токой работы от нас можно ждать и требовать, никто не имел ни малейшего представления. Но это совсем другая история...

Лично у меня студенческие наши годы вызывают ностальгию, пожалуй, наибольшую по сравнению со всеми другими периодами жизни. Через десятилетия представляется, что это была самая счастливая пора, а я проявлял ещё такую незрелость и наивность, что тот период жизни поистине сейчас воспринимается как один из детских периодов, едва ли не самый защищённый и добрый. Даже через несколько лет по окончании университета мне однажды перевели отзыв Б.М. Бим-Бада обо мне:

– Сочетание потрясающей наивности и серьёзной глубины.

Я уже пересказывал своими словами статьи Ильенкова так, что он задумчиво вздыхал:

– Ну, что ж, понял ты меня вроде совершенно правильно...

И в то же самое время я способен был довести учительницу экспериментальной группы А.Я. Акшониной почти до обморока вопросом про первые в жизни солнечные очки, ту их часть, что на носу: всегда ли будет давить на переносицу это «влагалище». Мы как раз поднимались по лестнице на третий этаж школы, купив мне в киоске у метро «Парк культуры кольцевая» очки для защиты глаз от пыли, разносимой ветром с территории близрасположенного цементного завода, – и казалось, что Алла Яковлевна при этих моих словах покатится по ступенькам вниз:

– Ой, Суворов!.. _СЕДЛЮ_! – сообщила Алла Яковлевна правильное название той части очков.

А я ещё долго не понимал причины столь бурной реакции: переносица вкладывается в эту часть очков, почему бы её так не назвать?.. Хотя и поправку про седло сразу принял: говорят же – «оседлать нос очками». Вот до какой степени я был наивным. Ну как же не детство?

В феврале 1972 года я вдруг заявил, что не хочу учиться на психфаке, что никакой психологии там на самом деле не учат, а настоящая психология в художественной литературе. Это скорее анатомия с физиологией и медициной... А в художественной литературе про чувства, и именно это – настоящая психология! Хочу учиться в литературном институте Горького!

Эвальд Васильевич потратил целый вечер, уговаривая меня не посылать коту под хвост усилия многих людей по организации моего обучения на психфаке. Даже просил:

– Не обижай меня. Я всю жизнь считал психологию самым интересным делом, а тебе, видите ли, скучно.

Предлагал:

– А не пойти ли нам ко врачам? Устал ты, наверное, просто...

И действительно, всё время болела голова, и назначили через несколько дней курс каких-то витаминных уколов.

Продолжая капризничать, я в том разговоре бурчал, между прочим, что мне надоело писать заметки в детдомовскую стенгазету, опускаться до примитивной речи слепоглухонемых воспитанников. Тут Эвальд Васильевич вскипел:

– Эка ты зазнайка! А может, тебе не опускаться, а подниматься до ребёнка нужно?!

И напоролил – всю взрослую жизнь я поднимался до детей.

Поэтому, когда сейчас меня спрашивают, как я выбрал психологию, – я, вспоминая тот разговор с Эвальдом Васильевичем, отвечаю:

– Всё было наоборот. Это не я психологию, а психология меня выбрала.

А насчёт «серьёзной глубины», конечно, взрослым виднее. Они и не скупилась на доброжелательные оценки. Ещё в 1972 году, едва ли не в тот же вечер, когда уговаривал меня не бросать психфак, совершенно справедливо находя мои стихи пока слабыми, ученическими, Ильенков подчёркивал:

– Но твоя проза – это серьёзно!

Лет через пять в статье «Откуда берётся ум?» он написал: «Саша пишет стихи, и стихи по-настоящему хорошие». Помня его отзыв пятилетней давности, я при чтении статьи недоверчиво хмыкнул на эту фразу. Во всяком случае, по моим собственным позднейшим оценкам, моё поэтическое детство продолжалось ещё лет десять – до 1986 года.

Что касается моей научной прозы, то Бим-Баду как минимум два раза довелось мне сообщить, ни дать ни взять по Мольеру, что я говорю прозой (а не стихами): первый раз я узнал, что всегда работал в жанре эссе, а второй раз узнал, что всё научное, когда-либо мною написанное, так или иначе – про педагогическую антропологию... Что ж, конечно, можно и так интерпретировать...

4.2. НАСТАВНИКИ: УРОКИ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Вечером во вторник 9 февраля 1971 года, когда вся четвёрка впервые собралась в экспериментальной школе, к нам пришли Александр Иванович Мещеряков и Эвальд Васильевич Ильенков. После ужина мы вместе с ними вышли во двор школы. Зима, сугробы, небольшая метель, мороз... Здание фасадом выходило прямо на тротуар набережной, и если стоять лицом к реке, то позади и слева от здания – ворота и калитка, ведущие во двор школы, позади и справа – забор, этот двор окружающий. Двор был засажен высокими старыми деревьями вокруг школьной спортивной площадки. Зимой она была превращена в школьный каток. Между основным зданием и площадкой – длинное одноэтажное здание с гаражом, столярной мастерской и как бы двухкомнатной квартирой в торце, половину которой позже заняла наша студенческая библиотека.

Летом выяснилось, что по крайней мере часть деревьев, росших во дворе школы, – тополя. Моего светоощущения хватало, чтобы увидеть на земле тополиный пух, и я развлекался тем, что бросал на середину тополиной дорожки горящую спичку. В предвечерних сумерках было хорошо видно, как два огонька стремительно разбегаются в противоположные стороны – и гаснут. Если кто-то заставлял меня за этой забавой, я неизменно получал на орехи.

Забор вокруг двора под прямым углом поворачивал к бассейну «Чайка», а затем, снова повернув под прямым углом, отделял территорию бассейна от территории школы. На территорию бассейна со двора школы можно было проникнуть через дырку в заборе (или калитку?). Позже я не раз и проникал туда этим коротким путём.

Однажды через эту дырку или калитку я провёл на территорию бассейна Эвальда Васильевича. Погожий денёк то ли в конце мая, то ли в начале сентября 1973 или 1974 года... Эвальд Васильевич углядел бревно в кустах, и мы присели на нём. И на этом бревне я впервые услышал от него об Александре Галиче. Ильенков дактильно прочитал наизусть одну из песен Галича, из которой я на всю жизнь запомнил:

Пол-литра всегда пол-литра,

И стоит везде трояк.

Через сорок с чем-то лет я прочитал эту песню в электронной версии полного собрания стихов и песен Галича...

В Париже издали «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына, советские СМИ по этому случаю захлёбывались в истерике, которая через брайлевский общественно-политический журнал «Призыв» доходила и до меня, и я обсуждал её с Эвальдом Васильевичем. Недоумевал, почему Солженицына ругают-ругают, а не дадут хотя бы в приложении фрагмент его текста. Читатель же не дурак, сам разберётся, – наивно рассуждал я. Вот, видимо, в этом контексте и всплыл Галич на том бревне, вряд ли случайно облюбованном для беседы со мной Ильенковым, – подальше от посторонних ушей. И бревно это как нельзя лучше иллюстрировало песню про «соображавших на троих» представителей «класса-гегемона»...

Вряд ли стоило со мной, молокососом, вести такие разговоры, – но и как уклониться, если я прямо спрашивал про Солженицына. Не подозревая, что примерно в это время судьба Солженицына и Галича ждала – или уже настигла – Александра Зиновьева, коллегу Ильенкова по институту философии... И только через сорок с лишним лет, раскопав эту песню в своей электронной библиотеке, я оценил смелость и доверие Эвальда Васильевича. Впрочем, воспринимать стихи дактильно весьма сложно, и до меня тогда едва ли много дошло...

А вот анекдоты и дактильно воспринимаются без особых проблем. И на том же достопамятном бревне, в ту же или другую прогулку, Ильенков рассказал мне анекдот про то, как полезно знать бытовую химию.

– В Институт Склифосовского доставили старика с такими повреждениями: проломлена

голова и обожжена задница. Обедая на кухне в отсутствие жены, он посадил пятно на скатерть. Попробовал оттереть пятновыводителем – протёр дырку. Вылил пятновыводитель в унитаз, уселся на унитаз, и в ожидании взбучки от жены решил покурить. Чиркнул спичкой, прикурил, а горящую спичку бросил в унитаз... Пятновыводитель взорвался...

Я не запомнил только название горючего-гремучего пятновыводителя – не то ацетон, не то бензин...

В апреле 1971 года нас регулярно водили в этот бассейн плавать, пока у Наташи Корнеевой не потекло из ушей. К сожалению, под этим предлогом запретили посещать «Чайку» и нам, мальчишкам. Я потом пользовался территорией бассейна просто как прогулочной зоной – почитать на скамейке, готовясь к экзаменам...

Уже в единоличном порядке, с кем получится, я посещал и Сандуновские бани. Недолгое время к нам ходил тренер, кажется, из дворца культуры ВОС, проводил с нами зарядку, однажды организовал поездку в район метро «Водный стадион», где мы катались на лодках. Я учился грести, а он подсказывал, направляя движение лодки. Вот и вся, к сожалению, крайне эпизодическая, наша физкультурная программа.

В июле 1974 года четвёрка впервые побывала в санатории ВОС – геленджикском «Солнечном берегу», на берегу Чёрного моря. Ездили там и на экскурсии – в Новороссийск на Малую Землю, на горный перевал... Чуть не попали в Анапу, но сломался автобус. В августе 1976 года снова побывали в санатории ВОС, но в подмосковных «Соснах» (посёлок Быково).

Первые дни я жестоко страдал без брайлевских книг и не мог дожждаться обещанной экскурсии в Республиканскую центральную библиотеку слепых (РЦБС), которая в то время располагалась рядом с метро «Добрынинская», на Садовом кольце. Всего-то в двух остановках метро от нас по кольцевой линии. Наконец экскурсия состоялась. Нам всё показали – и читальный зал, и надомный абонемент, и между ними – читальные кабины в недрах прямо-таки книжных катакомб. Хотя мне обещали, что скоро машина надомного абонента привезёт нам книги, я не мог ждать и сразу выпросил что-то с собой. Потом контакты с библиотекой наладились, книгами нас бесперебойно снабжали, работали мы и в читальном зале. Осмотревшись вокруг школы и обнаглев, я не раз шастал в библиотеку один, да ещё не на метро, а пешком, через Крымский мост и дальше по Садовому кольцу, с сумкой на двухколёсной тележке для книг. Прибытия машины надомного абонента я никогда не мог дожждаться.

Александр Иванович и Эвальд Васильевич пользовались каждой возможностью с нами погулять, часто приглашали к себе в гости. Как-то в начале 1971 года мы были в гостях у Ильенкова, и они с Мещеряковым решили поздно вечером проводить меня с сопровождающим до метро. Почему-то я в тот вечер гостил у Эвальда Васильевича из всей четвёрки один, но Александр Иванович тоже был. Ильенков жил на углу Проезда МХАТ (сейчас Камергерский переулок, если не ошибаюсь) и улицы Горького (ныне Тверской), напротив Центрального телеграфа. До ближайшей станции метро «Проспект Маркса» (ныне «Охотный ряд») надо было пройти всего-то квартал, но прогулка затянулась. Мне предложили прогуляться до старого здания Московского университета. Вообще-то, я продрог, но с удовольствием согласился продлить общение ещё на несколько минут.

Потом я хорошо узнал эту дорогу – через улицу Горького по подземному переходу, откуда можно было сразу нырнуть в тепло, на станцию метро «Проспект Маркса»; по проспекту Маркса мимо гостиницы Националь через улицу Герцена, ещё полквартала – и вход в университетский двор, где напротив здания нынешнего факультета журналистики стоит памятник Михаилу Васильевичу Ломоносову. Этот памятник и был нашей целью. Мы как-то подобралась к нему поближе, и я вежливо трогал всё, до чего мог дотянуться, заочеченными пальцами. А мои экскурсоводы наперебой старались описать мне то, до чего я дотянуться не

мог...

Помню только сам факт этой почти ночной импровизированной экскурсии, в мороз и метель. Памятник меня не интересовал, и я его не запомнил, зато меня, как много раз потом, пронизывало, кроме собачьего холода, ощущение необычности происходящего. Два добрейших человека, больших учёных, устроили почти в полночь импровизированную экскурсию слепоглохому мальчишке, будущему студенту МГУ. Мне было важно, с кем и когда, и ничего, что холодно, зато будет что помнить всю оставшуюся жизнь – не памятник, а этих моих иномирных экскурсоводов, – людей из мира большой духовной культуры, к которой они пытаются приобщить и меня...

Иномирность Ильенкова и Мещерякова проявлялась и в том, что их не смущал коллючий снег, который несло морозным обжигающим ветром в лицо, и не смущало позднее время – почти полночь. Они были счастливы прямо сейчас, не откладывая на более, казалось бы, подходящее время, приобщить меня к одной из величайших святынь – памятнику Ломоносову и носящему его имя университету, который они оба когда-то закончили. И я благодарен им был, что вот именно почти в полночь, в метель и мороз, и не на Красную площадь или в подобные места, до которых тоже два шага от квартиры Эвальда Васильевича, а вот именно сюда, к этому памятнику, в этот двор, в глубине которого, между факультетами журналистики и юридическим, находится и трехэтажное здание НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР, ныне – Психологического института Российской академии образования. Здание института, в который нашу четвёрку распределили по окончании МГУ. Тут десять лет назад, в 1961-м, защитила кандидатскую диссертацию Скороходова, и тут через четверть века предстояло дважды, в 1994-м и 1996-м, защититься и мне. А сейчас, январской ночью 1971-го, я не подозревал, что Мещеряков и Ильенков привели меня на порог моей собственной научной судьбы...

Александр Иванович и Эвальд Васильевич в ту зимнюю ночь решили, что надо прямо сейчас устроить мне встречу – ни много ни мало – с моей Научной и вообще Человеческой, с большой буквы, Судьбой. Они это понимали. Они об этой судьбе для меня и всей остальной четвёрки мечтали, делали всё возможное и даже невозможное для осуществления своей дерзкой мечты. Я тоже чувствовал значительность момента, но связывал её прежде всего с тем фактом, что я – здесь и теперь – с ними, с Мещеряковым и Ильенковым. Моя Судьба? Ну да, само собой. Потому что рядом они, мои духовные родители.

Весной, когда стало тепло, мы не могли обойти вниманием и Парк Горького. Александр Иванович и Эвальд Васильевич приходили после ужина, к восьми вечера, и мы шли гулять в парк. Вот когда я перепробовал все, доселе неизвестные мне, аттракционы. Особенно полюбил автодром. И больше всего мне нравилось врываться в скопления машин, которые едва различал как пятна, толкаться... Иногда утыкался в ограждение и никак не мог снова вырваться на оперативный разбойничий простор. Я просто не знал, что надо учиться водить машину, учиться именно избегать столкновений. Я ставил перед собой противоположную задачу – получить как можно больше толчков. И вполне преуспевал. А реакция ребят, сидевших в других машинах, мне не была известна. И странным образом мне о ней не рассказывали – берегли мою детскую радость, моё счастье, что вот, слепой, с ничтожным светоощущением, а немножко поводил машину...

Мы катались по Москве-реке на речных трамваях и на «Ракетах». Без зрения и слуха главный способ почувствовать движение – ветер. И я, вцепившись в перила ведущего в салон трапа, оставался на его верхней ступеньке, чтобы почувствовать ветер от движения ракеты. Согнать меня оттуда вниз было невозможно. А на речном трамвае всегда предпочитал скамейку на открытой палубе, лучше на носу, обязательно – у огораживающего бортика, где ветер сильнее. И радовался, что вижу, как трамвай (или ракета) проплывают под мостами.

Весной 1971 года Мещеряков защитил докторскую диссертацию. Четвёрка наша

присутствовала на этом мероприятии в полном составе. Ильенков только-только начинал говорить дактильно, получалось у него очень медленно, а прибегать к посредническим услугам он принципиально не желал. На защите был цвет тогдашней психологической науки, Эвальд Васильевич знакомил меня с корифеями – Гальперин, Эльконин, Лурия, Запорожец... Каждого, представляя, шутливо характеризовал. Среди других поймал за полу пиджака и Давыдова, представил:

– Вася Давыдов, весёлый человек и с большим животом.

Но пока, полностью сосредоточившись на движениях своих пальцев, это всё выговаривал, – весёлого человека с его большим животом и след простыл. Выдающуюся часть давыдовской комплекции мне довелось потрогать через несколько лет, уже после смерти Мещерякова, при самых анекдотических обстоятельствах. Василий Васильевич приехал в экспериментальную группу, к слепоглухим малышам, а от них зашёл и в соседнюю комнату, к нам, студентам. Я как раз зачем-то направился в коридор, и мы с ним столкнулись в дверях. Я недоумённо провёл пальцами по голове, плечам, пиджаку на груди, а потом спросил Аллу Яковлевну:

– Это что за тётя?

– Ой, Суворов, с тобой хоть стой, хоть падай! – ужаснулась Алла Яковлевна. – Это же академик Давыдов!

Мещеряков был научным руководителем всей четвёрки. После его смерти моим научным руководителем формально числился Давыдов, пока академик Леонтьев, декан психфака, не уговорил Ильенкова принять научное руководство надо мной. Ильенков от руководства мною отказывался, ибо это было всё равно что руководить собственным сыном. С Давыдовым никак не удавалось пересечься ради обсуждения моей курсовой работы, и я на это неоднократно сетовал. И вот в декабре 1975 года Эвальд Васильевич зашёл за мной и говорит:

– Разведка донесла, что Давыдов будет сегодня в ресторане госкино. Пойдём на авантюру? Поймаем его там?

Ну, разумеется, я принял предложение с восторгом. Сначала зашли на квартиру к каким-то знакомым Эвальда Васильевича, а уже оттуда – в ресторан. С Давыдовым встретились в вестибюле. Василий Васильевич отказался ждать лифта, – мол, я по лестнице быстрее добегу. Только он пустился в путь, как лифт тут как тут. Мы с Ильенковым вышли на нужном этаже, и Эвальд Васильевич демонстративно уселся вместе со мной на диван, да ещё и развалился, – мол, вот как долго ждём Давыдова. Сидим на диване, а Эвальд Васильевич мне дактилирует:

– Бежит Вася, удивляется, что мы его на лифте обогнали.

Это был единственный раз, когда мне удалось-таки побеседовать с Давыдовым как моим научным руководителем.

В ресторане мы засиделись допоздна, а когда вышли на улицу, Эвальд Васильевич по телефону-автомату позвал Л.Ф. Обухову, чтобы вместе с ней проводить меня в школу. Людмила Филипповна вскоре появилась, полная праведного негодования на Ильенкова, таскающего меня, «ребёнка», по ресторанам. Едем в почти пустом ночном троллейбусе к метро «Парк культуры», стоим возле дверей, она Эвальда Васильевича отчитывает, а он поворачивается вокруг своей оси, блаженно приговаривая мне дактильно:

– Стрловая мама, стрловая мама...

Именно так: не «строгая», а «стрловая», дабы подчеркнуть, что «строгость» не всерьёз, «для порядку».

Нашей «мамой» Людмилу Филипповну он стал называть после её поездки в Венгрию, откуда она привезла четвёрке экзотическое угощение – напиток «Оранж» и ещё что-то хрустящее. Эвальд Васильевич как раз беседовал со мной, когда она вошла в нашу комнату со всеми этими деликатесами, и прокомментировал её приход:

– Мама пришла, молочка принесла...

После зимней сессии, в конце января 1976 года, Людмила Филипповна устроила четвёрке поездку на Зимнюю психологическую школу, которую вёл В.Я. Дубровский. Мне запомнилось предложенное им различие правды и истины: правда – штука субъективная, она у каждого своя, ей противоположна ложь; истина объективна, поэтому одна, ей противоположно заблуждение.

В Москву мы возвращались электричкой, и я разговорился со студентами, которые тоже были на ЗПШ. Я посетовал на сложность терминологии, сквозь которую трудно пробиться к смыслу, к тому, о чём, собственно, речь. Студент ответил, что надо просто почаще их использовать – в конце концов они станут привычными и понятными. Меня очень удивил такой попугайский подход. Я, наоборот, пока не доберусь до сути дела, – то есть пока термин не превратится в понятие, – ни в коем случае не буду его использовать. Всегда предпочитал выражать свои мысли попроще и пояснее, терпеть не мог, как называл их Макаренко, «пустых словесных трелей» – нанизанных друг на друга терминов.

Мы уже зашли во двор школы глухих, где обитала наша четвёрка, и я всё радовался – наконец-то дома. Вела меня Людмила Филипповна. Но, воистину, не кажи гопа, пока не перескочишь, – я поскользнулся на ледяной дорожке и шлёпнулся, воздев ноги к небесам. Людмила Филипповна засмеялась так звонко, что даже до моих ушей дошёл этот звук. Потом она любила вспоминать в качестве анекдота, как я заранее радовался, что дома, дома, а сам взял и шлёпнулся на льду.

1 и 2 мая 1976 года Обухова организовала для четвёрки автобусную экскурсию на Золотое Кольцо – в Суздаль и Владимир. Ночевали мы в Суздале, в гостинице для экскурсантов. Мне запомнился этот постоянный двор собачьим холодом... А вся экскурсия – попыткой Людмилы Филипповны показать мне дароносицу в Суздальском соборе. Пытаясь дотянуться моей рукой до дароносицы, Людмила Филипповна ушибла ногу о возвышение, на котором стоял этот предмет. Мне захотелось отвесить Людмиле Филипповне комплимент, и я сказал, что она сама – живая дароносица.

– Какая я дароносица! – запротестовала Людмила Филипповна. – Я синяконосица!

Она преподавала нам детскую психологию и была любимой ученицей Гальперина. Эвальд Васильевич однажды затащил его в гости к четвёрке. Держался Эвальд Васильевич подчёркнуто скромно, назвал Гальперина «умнейшим человеком», у которого готов был учиться вместе с нами. Он хотел, чтобы тот поговорил с нами о Спинозе, но Пётр Яковлевич предпочёл беседовать не на заданную тему, а в свободном диалоге, стихия которого вынесла нас на сновидения.

– Знаете ли вы, что такое быстрый сон? – спросил Пётр Яковлевич.

Мы не знали.

– Мне приятно вас познакомить с этим незнакомцем...

И дальше он изложил нам целую теорию, в которой я особенно обратил внимание на то, что сновидения при всей своей прихотливости вовсе не хаотичны. У них своя сновидческая логика, а именно – логика эмоций: друг к другу притягиваются образы, так сказать, с одинаковым «эмоциональным знаком». Отсюда и сюжетная затейливость, кажущаяся случайность расположения сновидческого материала.

Фактически мы учились отдельно. И всё же я, например, считал своим другом Александра Шапиро, который начинал учиться на астрономическом факультете, а потом перевёлся к нам на психфак. Мы и через много лет изредка пересекались в психологическом институте, заново каждый раз обмениваясь координатами, в надежде на нормальную дружескую встречу...

Прежде чем Шапиро перешёл на психфак, он успел организовать для четвёрки экскурсию на обсерваторию астрономического факультета на Ленинских горах. Нам там показывали телескоп, и я расспрашивал об устройстве Вселенной – как раз «для души» много в то время

читал соответствующей научно-популярной литературы.

9 мая 1975 года Эвальд Васильевич пришёл к нам при всех наградах – орден, если не ошибаюсь, Отечественной Войны второй степени и четыре медали в честь Победы, включая самую первую, 1945 года, – и предложил экскурсию в планетарий, что в районе станции метро «Баррикадная». Мы и съездили. Потом он пригласил нас в кафе «Украинские вареники». Я хотел сам за себя заплатить, но он обиделся:

– У меня есть деньги! И зачем они мне, если я не могу их тратить на друзей!

Хмурым осенним днём посетили Новодевичье кладбище. Ильенков завёл нас к «своим старикам» – туда, где были захоронены его отец и дядя, где позже легли его мама и он сам. Показал надгробие Назыма Хикмета. Мы ездили на эту экскурсию с целью поклониться могиле профессора Соколянского. Я деньги с собой не взял, как назло, Наташа Корнеева купила цветы специально для этого надгробия, дала каждому из нас по букетику, чтобы каждый возложил... А по пути к Соколянскому я потянул Эвальда Васильевича к могиле Твардовского, которую в единоличном порядке посещал уже не раз. Там ещё не было плиты, мраморная дощечка с именем и датами рождения и смерти да каменная рамка вокруг холмика. Я склонился над могилой любимого поэта, а сам всё поворачивал голову влево, к Ильенкову, не решаясь высказать свою само собой понятную просьбу. Эвальд Васильевич махнул рукой:

– Клади.

И я положил цветы, предназначенные Соколянскому, на могилу Твардовского. Наташа очень сердилась, ругалась, а Эвальд Васильевич уже после экскурсии у нас в школе долго объяснял ей, что это мой любимый поэт, дорог как самый близкий друг, а с Соколянским у меня всё же ничего личного не связано... Он умер за несколько лет до открытия Загорского детдома и моего там появления. А смерть Твардовского в декабре 1971 года я пережил как большое личное горе.

Летом 1972 года при финансовой поддержке ВОС и ВОГ состоялась большая, в течение месяца, экскурсия по маршруту Москва – Ленинград – Таллинн – Рига – Москва. Кроме четвёрки в ней участвовало двое или трое ребят из Загорского детдома. Особенно много времени посвятили мы Ленинграду. Поселили нас там в школе-интернате для слепых и слабовидящих детей, откуда мы пешком ходили купаться на Неву. На большинство экскурсий нас возил микроавтобус Ленинградского городского правления ВОС. Как-то Александр Иванович сидел в этом автобусе передо мной, а окна по случаю жары были открыты, и он шутливо поздоровался со мной, просунув руку в своё окно наружу и оттуда дотянувшись до меня через моё соседнее окно. Я сердечно пожал руку учителя, а Алла Яковлевна тут же шутливо сделала нам замечание:

– Не обезьянничайте с А.И.

Когда однажды в вечерних сумерках мы осматривали скульптуру сфинкса на одном из мостов через Неву, надо было залезть на постамент, который с двух сторон отвесно обрывался на лестницу, ведущую к воде. Меня этот обрыв напугал – я всегда отличался плохим равновесием. Всё же полез вслед за другими, но с перепугу так напрягся, что у меня сзади лопнули по шву брюки. Когда я слез, Александр Иванович огорчённо сказал:

– Я не думал, что ты такой трус...

Через девять лет мне поставили диагноз, объясняющий мою «трусость» болезнью, которая в пожилом возрасте сделала меня колясочником.

Ездили на «Метеоре» в Петродворец, гуляли в парке с шутихами. На одной из них, внезапно облитый водой, я от неожиданности упал, так что был не только мокрым, но и грязным.

В Эрмитаже меня особенно впечатлила скульптура льва, напавшего на дровосека. Лев напал сзади и вгрызся прямо в мягкое место дровосека, а у того рот был разинут в отчаянном крике...

Посетили Пискаревское кладбище, где братские могилы, в каждой из которых, как сказали, похоронено по десять тысяч человек, произвели на меня огромное впечатление. Поросшие короткой травой квадратные холмы – вместо привычных могильных холмиков... И круглосуточно звучащий над кладбищем тихий траурный марш, который позже мне удалось услышать через слуховой аппарат. Тогда, в первый раз, аппарата у меня ещё не было.

В Таллинн летели на самолётике «Як-40». взлёт и снижение были очень крутыми, снижение началось, когда я спал, и у меня заложило уши, да с такой болью, что я даже застонал. Там нас опекало Эстонское общество глухих, а в Риге, куда мы перебрались через несколько дней поездом – Латвийское общество слепых. Латыши поселили нас в загородном пансионате, где я очень обрадовался брайлевской библиотеке, прочитал там «Звёздные корабли» Ивана Ефремова. Купались на Рижском взморье... В Риге посетили превращённый в мемориальный музей концлагерь, с четырьмя гигантскими статуями расстреливаемых узников, из которых одну или две удалось ощупать полностью, потому что она лежала на земле.

Кстати, когда скульптуры нельзя было ощупать из-за их размеров, сопровождавшие нас зрячие принимали те же позы, в каких были статуи, чтобы мы всё же получили по возможности самые полные представления.

Но за всю эту поездку больше всего мне запомнился задушевный разговор с Александром Ивановичем о книгах и музыке. Состоялся он в Ленинграде, во время одной из прогулок по городу. Я всё ждал, когда же к нам присоединится Ильенков, который так и не вырвался из Москвы. Вот мы и разговорились о его меломании, о том, как он заразил ею Мещерякова.

Для общего развития личности Александр Иванович придавал решающее значение книгам, а музыку долго недооценивал. Как-то в больнице у него было время подряд, том за томом, прочитать всего Шекспира – и с тех пор для него не стало ничего сравнимого, хоть скольконибудь к Шекспиру приближающегося. А музыка... Он рассказал мне, как Ильенков усаживал его с собой слушать музыку, с партитурами и либретто опер Рихарда Вагнера в руках, и буквально в полном соответствии с законом совместно-разделённой предметной деятельности учил Александра Ивановича слушать и слышать музыку, комментировал её...

Вообще, Эвальд Васильевич очень щедро делился всем, что знал и любил. У меня в студенческие годы был очень плохой карманный слуховой аппарат, через который музыка воспринималась как сплошной вой. Бывая в гостях у Ильенкова, я поэтому предпочитал усаживаться под самым динамиком, прижимаясь к нему невооружённым ухом. Так удавалось услышать хоть что-то. Уже тогда я полюбил Траурно-торжественную симфонию Гектора Берлиоза, пластинку с которой после смерти Эвальда Васильевича мне отдали на память.

Перед новым 1976 годом я впервые побывал и в Большом театре – по приглашению Б.М. Бим-Бада. Шла опера Верди, если не ошибаюсь, «Иоланта». Через тот же карманный сундук я толком ничего не услышал, но праздник всё равно состоялся: главным для меня было общение с Борисом Михайловичем. Он постарался хотя бы пересказать мне либретто...

Позже я пользовался каждой возможностью посетить музыкальный театр, чаще всего – Станиславского и Немировича-Данченко. У меня уже были заушные (то есть висящие за ушами) слуховые аппараты, хорошо передающие музыку; я ходил только на балеты – там можно слушать оркестр сам по себе. Воспринимать оперную музыку мне всегда было сложнее, чем балетную...

А вообще, как только позволили деньги, я купил себе стереопроеигрыватель второго класса – «Аккорд». Установил эту систему в нашей студенческой библиотеке, в бараке за зданием школы, и там наслаждался, устроив голову между колонками, без всяких слуховых аппаратов, включая музыку на полную громкость. Соседняя комната, через коридорчик, чаще всего пустовала, так что я никому не мешал. Трудно было с выбором пластинок: любимого духового оркестра долго не удавалось найти, популярные тархтелки терпеть не мог, и великим счастьем стала пластинка с вальсами Йоганна Штрауса. С тех пор Штраус – мой

любимый композитор.

...Летом и осенью 1974 года Александр Иванович умирал. Почти без промежутков его переводили из одной больницы в другую. Перед последней больницей он лежал в клинике медицинского института, совсем рядом с НИИ дефектологии. Осень в тот год выдалась на редкость погожая, бабье лето затянулось до конца октября, и мы при любой возможности – почти каждый день – навещали Мещерякова. Сидели на лавочке во дворе больницы, беседовали, и тут не упускали случай устроить маленькую экскурсию: лазили осматривать памятник не то Сеченову, не то Пирогову – я дотянулся до кончика его носа. Пошутил:

– Вот бы Зимина за нос поймать!

– Ну, до его носа ты не дотянешься, – подхватил шутку Александр Иванович.

Зимин Борис Владимирович – тогдашний председатель Центрального правления ВОС. Шла борьба за строительство комплекса – большого учреждения для слепоглухонемых, как для детей, так и для взрослых; в Загорский детдом почти сразу после его открытия возникла очередь. Проект комплекса, разработанный архитектором Степановым, давно был готов, четвёрку даже водили куда-то смотреть бумажный макет комплекса. Но строительство никак не начиналось, участок под стройку то давали, то отбирали... Среди тормозивших дело сановников был и Зимин, который, видимо, не хотел оплачивать это дорогое удовольствие из прибылей предприятий общества слепых, а государство раскошелиться, как всегда, тоже не собиралось... Задним числом готов понять Зимина: общество слепых, например, на свои средства строило жильё, а государство в порядке грабительского «долевого участия» забирало не менее половины.

В общем, со строительством комплекса для слепоглухих дело было глухо, пока в начале перестройки «Комсомольская правда» не опубликовала моё резкое письмо об этом советском долгострое и наш комплекс объявили Всесоюзной комсомольской стройкой – едва ли не последней... В конце августа 1990 года детдом справил наконец новоселье, сдали в эксплуатацию первую очередь комплекса – для детей. Их стало вдвое больше – сто, а не пятьдесят. Вторую очередь, общежитие и производственный корпус для такого же количества взрослых слепоглухих, достраивали до начала 2000-х годов.

Пока Мещеряков болел, как-то некому оказалось побеспокоиться о возобновлении наших запасов брайлевской бумаги – специальной перфокарточной бумаги для письма рельефно-точечным шрифтом слепых. Между тем она кончалась, на что я и пожаловался Александру Ивановичу. Тот пообещал навести порядок, а когда я позволил себе заворчать, что, мол, долго, он обиженно спросил:

– Ты не веришь мне?

Я растерялся...

К концу пребывания Александра Ивановича в той клинике Ольгу Скороходову торжественно награждали орденом Трудового Красного знамени. Торжество происходило в актовом зале НИИ дефектологии. Там, где Александр Иванович защищал свою докторскую диссертацию и где 1 ноября 1974 стоял его гроб... Мещеряков твёрдо пообещал там быть во что бы то ни стало – и пришёл, благо НИИ Дефектологии располагался от клиники очень близко, на соседней улице.

Вскоре после этого торжества Александра Ивановича отправили в Новый Иерусалим. Вернулся он оттуда не позже воскресенья 27 октября. Во вторник, 29 октября, вечером он был у нас. Только что вышла его книга «Слепоглухонемые дети», и он надписал по экземпляру каждому из нас. Приезжала к нам в тот вечер и Скороходова. Уходили они вместе – Мещеряков вызвался проводить её домой. Провожая его до выхода на улицу, я заметил, что он в обеих руках несёт по увесистой упаковке с экземплярами своей книги... А ведь никаких тяжестей носить ему было нельзя...

30 октября 1974 года, в пять часов утра, Александр Иванович во сне скончался от четвёртого

инфаркта. Для каждого из четвёрки это была, пожалуй, первая в жизни тяжёлая утрата. В моей жизни – уж точно первая. Помню, как я суетился, хотел заказать гроб, но мне сказали, что такие вещи делают родственники. Мы заказали венки. Поздно вечером 30 октября я с помощью Аллы Яковлевны позвонил по телефону Эвальду Васильевичу, беспокоясь, как он переносит потерю близкого друга.

– Тоска... – ответил он.

31 октября мы все четверо ездили к Александру Ивановичу домой. Гроба ещё не было, он лежал в большой комнате на обеденном столе. На следующий день, 1 ноября, хоронили – гражданская панихида в НИИ дефектологии, оркестр по пути от ворот кладбища к могиле и траурный митинг на Востряковском кладбище, у открытой могилы... Друзья предлагали похлопотать о похоронах на Новодевичьем кладбище, но родственники сказали, что он хотел лежать рядом со своей мамой. Там и положили, два холмика за общей оградой. Потом один из четвёрки, Юрий Лернер, отлил с помощью зрячих бронзовый бюст Мещерякова, ставший частью памятника на его могиле.

Всё время похорон я ни на минуту не отходил от Ильенкова. Не плакал – потому что время от времени тряса от плача он. Мои слёзы были впереди – в том числе в слабых ещё стихах. А в январе 1979 года я точно так же ни на минуту не отходил от Эвальда Васильевича на похоронах А.Н. Леонтьева. «Теперь моя очередь», – сказал тогда он. И через два с небольшим месяца мы потеряли и его... Смерть Ильенкова я пережил ещё тяжелее, чем смерть Мещерякова. В сущности, она стала незаживающей душевной раной на всю жизнь. Следующей тяжелейшей утратой стала смерть моей мамы. Три самые тяжкие утраты за всю жизнь...

Не знаю, возглавил ли Эвальд Васильевич официально руководство дальнейшей учёбой четвёрки и продолжением борьбы за комплекс после смерти Александра Ивановича. Во всяком случае, фактически он всем этим занимался. Стал наследником части того, что для краткости именовалось «делом Мещерякова».

В феврале 1975 года состоялось расширенное заседание учёного совета факультета психологии МГУ, посвящённое итогам жизни и деятельности Александра Ивановича. Обзор этого заседания под заголовком «Выдающееся достижение советской науки», подписанный Э.В. Ильенковым и Г.С. Гургенидзе, опубликован в шестом номере журнала «Вопросы философии» за 1975 год. В приложении к обзору – полностью выступления четвёрки. Ещё раньше Эвальд Васильевич выступил в февральском (1975) номере журнала «Молодой коммунист» со статьёй «Александр Иванович Мещеряков и его педагогика». В приложении к статье – воспоминания четвёрки «Учитель (коллективный портрет А.И. Мещерякова, составленный его учениками)». Это были наши первые публикации. Журнал ВОГ «В едином строю» заказал мне статью о нашей учёбе. Эвальд Васильевич эту статью (озаглавленную без затей «Как мы учимся») предложил и в журнал «Знание – сила». К обеим публикациям моей статьи он написал свои коротенькие предисловия...

По его инициативе мы все четверо приняли участие в круглом столе журнала «Молодой коммунист», а я выступал и на круглом столе газеты «Правда». В редакции «Молодого коммуниста» я резко протестовал против сравнения слепоглухих с глиной, из которой скульптор-педагог лепит всё, что заблагорассудится. Я подчёркивал, что мы благодарны нашим учителям, но мы – вместе с педагогами – полноправные участники нашего личностного становления. Тезис этот я пронёс потом через всю жизнь. Из него выросла моя концепция саморазвития личности.

На круглом столе в редакции «Правды» я говорил о принципиальной установке фашизма на массовую личностную ущербность. Я был в цейтноте из-за назойливых предупреждений, чтобы соблюдал регламент, – это зрячим легко, не прерывая речь, поглядывать на часы, а мне с часами надо возиться отдельно... В самый патетический момент Эвальд Васильевич, желая

подбодрить и в знак солидарности с моими мыслями, взял меня за руку. Я его не понял – подумал, что время кончилось, – и скомкал речь, к большому его огорчению.

Кстати, Александр Иванович время от времени выступал в различных аудиториях с лекциями об обучении и воспитании слепоглухонемых детей. Каждый раз приглашал на эти свои лекции четвёрку. Помню такие лекции на факультете дефектологии Московского государственного пединститута имени Ленина, ещё – в каком-то доме культуры... Эвальд Васильевич это продолжил в расширенном масштабе. В целом он придерживался плана, по которому такие лекции читал Мещеряков, особо нажимая на то, чему сам придавал наиболее принципиальное теоретическое значение. Приглашая меня на одно из таких мероприятий, Эвальд Васильевич говорил: «Давай выступим за себя и за того парня» (то есть Мещерякова). В начале июня 1976 четвёрка во главе с Эвальдом Васильевичем ездила в Ростов-на-Дону по приглашению ректора тамошнего университета Ю.А. Жданова. Было много встреч с научными и студенческими аудиториями, а также экскурсии – в Змиевскую балку, где мемориал, посвящённый жертвам гитлеровской оккупации, в музей А.П. Чехова в Таганроге...

Продолжалось и обивание порогов в тщетных попытках добиться строительства комплекса. Через родственников добрались даже до Председателя Совета министров СССР А.Н. Косыгина. Среди этих родственников оказался академик Т.И. Ойзерман, под руководством которого Ильенков писал кандидатскую диссертацию. Квартира Ойзермана была в высотном здании МГУ, и мы с Эвальдом Васильевичем ходили к нему домой. Помню, когда шли к нему от станции метро «Ленинские горы», Ильенков предложил мне выбрать:

– На троллейбусе или пёхом?

Ехать было всего одну остановку, троллейбусы ходили не часто, а погода стояла приятная, осенняя. Конечно, я выбрал «пёхом»...

Ойзерман спросил, с какой скоростью я читаю по Брайлю. Я ответил, что мечтаю научиться быстро чтению, а так – со скоростью устной речи.

– Быстрее и не надо, – улыбнулся академик, – а то подумать не успеешь.

* * *

Какова же мораль сей басни? Какие выводы можно сделать из опыта внеучебной деятельности четвёрки?

Если главное содержание учебной деятельности, естественно, учёба, то главное содержание деятельности внеучебной – межличностное общение. Прежде всего, со всеми, кто организовывал и обеспечивал нашу учёбу. Не случайно, что я лично смутно запомнил, например, многочисленные экскурсии, а вот эпизоды общения с моими дорогими учителями в память врезались на всю жизнь.

Думаю, это – принципиальное обстоятельство, которое следует учитывать в первую очередь, организуя внеучебную деятельность студентов. Мероприятия познавательного, оздоровительного, развлекательного или какого-либо иного характера – поводы и фон.

Организуя внеучебную деятельность, кураторам стоит тесно сотрудничать с общественными организациями студентов. При Советской власти – с комсомолом. Сейчас эта сторона жизни современных студентов мне неизвестна. Но что касается студентов-инвалидов, то в их жизни существенную роль играют инвалидные общественные организации. Мы четверо были членами первичной организации ВОС при РЦБС – членами первички незрячих РИТ (работников интеллектуального труда). Как члены этой организации мы имели и ежемесячные пособия на помощников, и путёвки в санатории, не говоря уже о свободном доступе к библиотеке слепых. И всё же в нашем случае сотрудничество с ВОС носило довольно-таки формальный характер. При организации же внеучебной деятельности студентов-инвалидов подобное сотрудничество может и должно быть весьма тесным и разнообразным, и это очень желательно хотя бы с точки зрения максимально полного учёта

специфики инвалидности.

Общение между студентами-инвалидами и неинвалидами надо стимулировать – провоцировать – специально, организуя как можно больше мероприятий, в которых принимали бы участие и те, и другие. Потом это общение может продолжиться спонтанно. Может и не продолжиться... Тут особая сложнейшая проблема, над которой имеет смысл ломать голову отдельно.

4.3. ЖИЗНЬ И ВЫЖИВАНИЕ

У особо тяжёлых детей-инвалидов, – слепоглухонемых, паралитиков, – есть одна особо острая общая проблема, по крайней мере в России представляющаяся неразрешимой. Это проблема перспективы взрослой жизни, и прежде всего – профессиональной подготовки и трудоустройства. А нерешённость этой проблемы полностью обесмысливает и учебно-воспитательный процесс.

Чему можно вообще научить таких детей? Чему из этого учить в первую очередь, с прицелом на взрослую перспективу? Что отвечать ребятам, когда они начинают задумываться – и неизбежно спрашивать у взрослых – о своём будущем, о своей послешкольной судьбе? А не сумею ответить на эти вопросы, что противопоставить суицидным настроениям самых талантливых, интеллектуально продвинутых ребят? Чтобы возникли суицидные настроения, нужен высокий уровень осознания своих проблем, ясное понимание их неразрешимости. Основная масса слепоглухих до такого уровня интеллектуального развития не поднимается. Суицидные настроения – расплата за сколько-нибудь нормальный интеллект в условиях тяжкой инвалидности.

Что касается сенсорных инвалидов (слепых, глухих, слепоглухих), то их профподготовка и трудоустройство при Советской власти почти полностью осуществлялись всероссийскими обществами слепых и глухих. Даже если инвалид работал вне системы ВОС и ВОГ, эти организации, как могли, поддерживали его. В ВОС, например, выделялись небольшие субсидии незрячим студентам и специалистам, – главным образом на оплату услуг чтеца. На очень льготных условиях, если не вообще бесплатно, распределялись магнитофоны. В ВОГ оплачивался сурдоперевод, по вполне доступным ценам продавались слуховые аппараты (сейчас эти цены недоступны почти ни для кого), а также специальные телефонные аппараты с усилителями.

Когда я воспитывался в Загорском детском доме, там для мальчиков действовала столярная мастерская, для девочек – швейная. Была кооперация с фабрикой игрушек, с местным учебно-производственным предприятием (УПП) ВОС, где мы зарабатывали пенсию по инвалидности, изготавливая кронштейны для кукольных глаз (фабрика игрушек) и булавки (УПП). Девочки что-то шили на швейных машинках, даже электрических. Для получения права на пенсию по инвалидности требовался минимальный трудовой стаж: годичный – при первой группе инвалидности, двухлетний – при второй. Этот советский закон не уличишь в особой логичности: какой смысл ставить пенсию по инвалидности в зависимость от трудового стажа, когда речь идёт об инвалидности с детства? И если инвалидность такова, что никаким, самым примитивным, трудом на производстве стажа даже в один год не получишь, – то что же, так этот инвалид и останется даже без минимальной пенсии?..

Взрослые воспитанники Загорского детдома в основном шли работать на местное УПП ВОС. Как и большинство ВОСовских предприятий в 1970–80-е годы, оно было электротехническим по приоритетному профилю.

Ребята работали, например, на сборке штепсельных вилок, причём использовались электрические отвёртки. Позже они работали на конвейере – собирали платы для телевизоров и/или радиоприёмников. Возникло общежитие для наших выпускников. Оно считалось филиалом детдома, и работали там детдомовские же воспитатели.

Многие выпускники детдома уезжали к родителям, где устраивались на местные УПП ВОС и ВОГ. Кто мог самостоятельно передвигаться и пользоваться общественным транспортом, работал в цехах, а другие дома, где устанавливалось необходимое несложное оборудование. Надомникам с определённой регулярностью развозились по домам комплектующие и зарплата, одновременно забиралась готовая продукция.

Таким образом, судьба почти всех слепых и глухих была предопределена – непосредственная

или надомная работа на УПП. Если после вуза инвалиду не удавалось устроиться по специальности, он тоже шёл на УПП или в аппарат ВОС (ВОГ). Слепые студенты и специалисты с высшим образованием объединялись в ВОС в первичных организациях при спецбиблиотеках. За этими организациями закрепилась аббревиатура РИТ – работники интеллектуального труда. В основном это музыканты, юристы, педагоги, программисты, научные работники... Трудоустраивались они чаще всего вне системы ВОС – кто где, смотря по специальности, – и всегда могли рассчитывать на поддержку родной РИТовской первички, в пределах её, увы, более чем скромных возможностей.

И в ВОС, и в ВОГ была развитая культурно-просветительная инфраструктура – клубы, дома и дворцы культуры, различные творческие объединения. Можно было заниматься самодеятельным творчеством, так что помимо работы на УПП – чаще всего достаточно монотонной, отупляющей, – жизнь могла быть вполне яркой, интересной, разнообразно насыщенной. Один такой самодеятельный слепой творец сказал мне в 1984 году:

– Мы стараемся, чтобы не было пустоты.

В 1990-е годы бороться с пустотой стало всё труднее и труднее. Рухнули налаженные производственные связи, многие предприятия фактически остановились, в том числе и в Сергиевом Посаде. Содержать культурно-просветительную инфраструктуру стало не на что. Многие специалисты с высшим образованием были сочтены «неконкурентоспособными», потеряли работу по специальности, а количество рабочих мест сокращалось. Взрослые выпускники детдома в общежитии при УПП оказались вынуждены существовать на грошовую пенсию по инвалидности. В самом детдоме образовалась большая группа взрослых, которых некуда девать – по месту жительства родителей работы не стало. Жизнь кончилась. Началось выживание, в том числе самого детдома. Если бы не спонсоры, особенно немцы и американцы, а также Троице-Сергиева лавра, детдом, пожалуй, прекратил бы своё существование.

Благодаря спонсорам появились новые мастерские – в частности, художественные изделия из керамики. Вместо булавок стали делать мебельные гвозди. Производство булавок, а тем более мебельных гвоздей, вредно для осязания. Но эту крайне низко оплачиваемую работу предложить, кроме инвалидов, некому... Вообще слишком часто не до медицины – выжить бы. В 1990–2000-е годы построили большое общежитие для взрослых (на сто мест) и производственный корпус.

Медицинские противопоказания к той или иной профессиональной деятельности полностью соблюдать не удавалось никогда. Мой брат, инвалид с детства (олигофрения на уровне дебилности), вынужден был скрывать свою инвалидность, чтобы устроиться на какую угодно работу, в том числе абсолютно противопоказанную ему по состоянию здоровья (грузчик). В конце концов он доскрывался до потери официального статуса инвалида, оставаясь, конечно, инвалидом на деле. Таких фактических инвалидов в России, наверное, никак не меньше, если не больше, чем «официальных».

В любом случае в трудоустройстве инвалидам нужна помощь. И чем тяжелее инвалидность, тем помощь эта должна быть значительней, активней. Большинство инвалидов просто не может найти себе работу самостоятельно. При слепоглухих рабочих обязательно должен быть переводчик (в Сергиевом Посаде это всегда был один из воспитателей детдома). Даже при самом доброжелательном отношении трудового коллектива слепоглухой всегда находится в некоторой изоляции. Мне лично пришлось в конце концов смириться с этим как с данностью – нервничать было бесполезно, получалось в итоге только хуже. Особенно тяжело на всяких массовых мероприятиях. Поэтому я предпочитаю при малейшей возможности везде налаживать индивидуальный контакт. Но общий уровень развития большинства слепоглухих слишком низок для осознания (во всяком случае адекватного) всех этих проблем. Поэтому довольно широко распространена антагонистическая модель

взаимоотношений: более здоровые коллеги, сами-то не шибко культурные, держат инвалидов за «дураков», а те их – за «врагов». На почве такого антагонизма пышно расцветает своеобразный инвалидный «шовинизм» – групповая самоизоляция, родственная классовой и националистической.

Судьба ничтожного меньшинства инвалидов, получивших высшее образование и работу по специальности, всегда уникальна. Чтобы такая судьба стала возможной, требуется уникальное стечение многих обстоятельств. Если не на все 100%, то в значительной мере тут можно сказать спасибо везению.

Четверым выпускникам Загорского детдома повезло. Во-первых, всё тогда в детдоме было экспериментальным. Не было стандартных учебных программ – они были индивидуальными. Практически отсутствовала система отметок – они выставлялись разве что за контрольные работы, чуть ли не к концу учебного года (во всяком случае, почти не могу припомнить, чтобы отметки ставились в середине учебного года или в начале). Педагоги были в большинстве энтузиастами, ориентировались на фактический уровень знаний. В итоге нелегко было ответить на элементарнейший вопрос: «В каком классе ты учишься?» Смотря по какому предмету... По литературе, например, в десятом, по истории – тоже, по географии – в девятом, по биологии, по химии – в восьмом, по остальным предметам – примерно в седьмом, а то и в шестом... Я воспроизвожу свой собственный разброс. По сути, в каком я классе по какому предмету, определялось просто тем, учебником для какого класса школы слепых я в данный момент пользовался.

Во-вторых, научное руководство учебно-воспитательным процессом осуществлял Мещеряков. Во главе детдома фактически с 1967 года стоял его друг и ученик Апраушев.

В-третьих, к детдому было приковано внимание научной, а затем и более широкой общественности. Он вообще был создан по приказу высшего советского руководства – «Открыть в двадцать четыре часа!».

«...В 1960 году Иван Афанасьевич (Соколянский. – А.С.) умер – ему было тогда уже за семьдесят. Через год создали лабораторию, назвали её его именем. Но, по сути дела, была только одна вывеска.

Надо было нашу контору превратить в действующую. А детей к нам уже начали приводить, хоть деть их нам было некуда – могли помочь родителям только консультацией. Но мы ведь видели, что гибнут люди, что нужна специальная школа для них. Стали писать бумаги в разные инстанции. Министерство просвещения отвечает, что оно школу бы такую открыло, но ведь речь идёт о слепоглухонемых, то есть об инвалидах, так что обратитесь, пожалуйста, в Министерство социального обеспечения. А те нам шлют письмо, что раз речь идёт об обучении, то тут все равно, здоровые ли, инвалиды ли – дело не наше, а минпросветовское.

Сколько бы лет вертелась эта карусель – неизвестно. Но с отчаяния мы убедили Ольгу Ивановну Скороходову написать письмо Ворошилову – она переписывалась с ним с давних времен, посылала ему свои работы, книги. Климент Ефремович направил её письма куда положено с просьбой принять меры и найти возможность открыть школу для наших слепоглухонемых детей. Но в соответствующих высоких инстанциях дело наше «застряло». Тогда Ольга Ивановна снова обратилась к Ворошилову – он стал тогда президентом страны (Точнее, Председателем Президиума Верховного Совета СССР. – А.С.). И вот тут мы вдруг получили срочное, категорическое указание немедленно, в двадцать четыре часа, подготовить всю необходимую документацию для того, чтобы открыть нашу школу.

Стали носиться по всему Подмосковию – искать здание. Сначала предложили нам здание в Красногорске, но мы его забраковали. Потом вот тот дом в Загорске... Но надо было еще придумать устав, штатное расписание, тысячи бумажных дел и хлопот.

Всякими путями – и правдой, и обманом – выторговали у Министерства финансов право

иметь на трех учеников одного педагога и двух воспитателей. Получилось на каждого ребенка по взрослому человеку. Стали готовить учителей, но чему их учить? Всё внове, всё неясно. Сотрудники института читали им лекции, кто что знал. Обучали дактилологии – умению разговаривать с помощью рук, брайлевскому алфавиту для слепых, печатать на брайлевской и обычной машинке. Правда, потом оказалось, что лекции наши слишком много пользы не принесли. Не в них было дело. Хорошим учителем становился у нас в школе тот, у кого было два качества: честность и добросовестность. Ну, конечно, если он еще при этом любил детей – попросту жалел их, старался что-нибудь для них сделать»³⁶.

Учёные же, пока был жив Мещеряков, оценивали значение Загорского детдома ни много ни мало как «синхрофазотрона общественных наук» (так отозвался о детдоме, если не ошибаюсь, Д.Б. Эльконин, а может, А.В. Запорожец, – и этот отзыв стал крылатым, облетел страницы периодической печати и более специальных изданий).

Очень хотелось увенчать общий эксперимент, шедший в «синхрофазотроне», экспериментом по высшему образованию наиболее продвинутых воспитанников. Насколько знаю, наше обучение на факультете психологии МГУ – единственная в мире попытка одновременного обучения целой группы слепоглухих. Этот опыт нуждается в специальном описании и подытоживании. Но Мещеряков умер в разгар нашей учёбы. Доведшие дело до конца Ильенков и Леонтьев тоже умерли в начале 1979 года. Подвести итоги оказалось некому. Я постарался это сделать в двух предыдущих главах настоящей книги.

После окончания обучения все мы были распределены в НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР, в лабораторию теоретических проблем психологии деятельности, которой заведовал друг Ильенкова и Давыдова, впоследствии академик, Ф.Т. Михайлов.

Тут-то сложности и начались. Какую-то работу можно спрашивать с нас, никто себе не представлял. Ставок на помощников по окончании МГУ нас лишили. Денег на перепечатку литературы не было. Президент АПН СССР В.Н. Столетов, когда к нему со всеми этими техническими проблемами сунулись, отрезал: «Нечего в Академии создавать республику слепоглухих!» Получалось, что в виде ставки младшего научного сотрудника мы имели не зарплату, а как бы вторую пенсию по инвалидности.

Я для себя решил, что если никто не знает, какую-то научную продукцию с меня (как и с остальных из четвёрки) можно спрашивать, то, значит, эту проблему я должен решать сам. Поскольку мне без зрения и слуха нечего делать в Ленинской библиотеке, а финансировать помощников и перепечатку литературы Академия отказалась, обычная карьера теоретика для меня закрыта. Надо входить в науку со стороны практики, мобилизовав для её осмысления весь теоретический багаж, уж каким располагаю. И я напросился в Загорск, к детям.

Впоследствии среди моих любимцев появились дети-инвалиды всех категорий, а также здоровые дети. Я пытался передружить их между собой, и эти попытки назвал «совместной педагогикой». Свои организационные и бытовые проблемы решал, как мог, с помощью зрячелышащих друзей, махнув рукой на оплачиваемых помощников, которые, если время от времени и появлялись, почти все не работали, а только числились, занятые личными делами и вполне довольные тем, что я как-то умудрялся без их услуг обходиться.

Без поддержки настоящих, бескорыстных друзей, список которых весьма велик, я не смог бы защитить кандидатской диссертации, затем освоить компьютер со специальным брайлевским дисплеем, и в кратчайшие сроки защитить докторскую диссертацию. Тема кандидатской диссертации – «Саморазвитие личности в экстремальной ситуации слепоглухоты» (проанализирован личный опыт самореабилитации). Тема докторской – «Человечность как фактор саморазвития личности» (это по материалам совместной педагогики). А про компьютер – особо.

36 Прочитирован рассказ А.И. Мещерякова из кн.: *Левитин К.Е.* Всё, наверное, проще... М.: Знание, 1975.

На самом деле мы всегда жили в информационном обществе. Просто информационные возможности в разные исторические эпохи были разными. Связывать эти возможности исключительно с компьютерными технологиями неправильно, и меня всю жизнь беспокоила тенденция отказываться от прежних возможностей ради новых. Убеждён, что прежние возможности должны сохраняться наряду с новыми, а не отменяться по мере появления новых.

Железные перья отменили гусиные, авторучки отменили железные перья, но сам способ письма от руки сохраняется и должен сохраняться, несмотря ни на какие пишущие машинки (в недавнем прошлом) и персональные компьютеры (сейчас). Нельзя считать грамотным человека, который не умеет писать от руки.

Электронная книга не отменяет бумажную. Я всегда настаивал на этом же, когда речь заходила о «говорящих» книгах для слепых – и о бумажных, брайлевских книгах. Отказ от брайлевской книги в условиях слепоты – это отказ от грамотности. И необходимость писать по Брайлю от руки так же неотменима, как необходимость писать от руки «по-зрячему».

К тому же электронные технические средства доступны далеко не всем, хотя круг их пользователей расширяется, но они пока относительно недолговечны по сравнению с брайлевскими бумажными книгами. Пусть эти книги очень громоздки, их сложно хранить в домашних условиях в сколько-нибудь серьёзных количествах, но брайлевское книгопечатание должно сохраняться.

С ужасом думаю, что брайлевского дисплея хватает лет на десять, потом надо заменять, а механизм замены, во всяком случае в России, не отработан ни законодательно, ни финансово... Поэтому износ брайлевских дисплеев может обернуться настоящей творческой катастрофой. И уже никакие бумажные издания, брайлевские машинки и средства письма по Брайлю от руки не смогут эту катастрофу предотвратить.

Впрочем, прогресс в обеспечении брайлевскими дисплеями можно проследить хотя бы по истории решения этой проблемы лично для меня.

В конце января 1995 года мой друг В.В. Богуславский привёл меня в РЦКТ – Республиканский центр компьютерных технологий, который возглавлял С.Н. Ваньшин. Договорились об обучении меня компьютерным технологиям. Вскоре Богуславский самоотверженно возил меня туда на весь рабочий день ежедневно, а Ваньшин ежемесячно предоставлял по моему заявлению в полное распоряжение компьютер с брайлевской приставкой. Я довольно быстро научился работать с текстовым редактором, с матричным принтером. Для моих творческих потребностей этого было достаточно, и это произвело в моём творчестве настоящую революцию. Раньше я писал/печатал по Брайлю на бумаге, затем перепечатывал на зрячей машинке, и дальше работать над текстом не мог – зрячие делали пометки на полях моих зрячих рукописей, но эти пометки кто-то должен был переписать для меня по Брайлю... Пока маму не хватил инсульт 13 мая 1994 года, этим занималась она...

Теперь текст можно было сохранить на дискете, распечатать на принтере, зрячему помощнику относительно несложно было вставить в электронный текст пометки на полях распечатки, и я знакомился с ними через брайлевский дисплей. Возможности редактирования текстов с участием зрячих расширились безгранично. Главное, я стал полноценным автором, технически равным зрячим. И это сделало возможной подготовку и защиту докторской диссертации, фактически менее чем в полтора года.

19 октября 1996 года генеральный директор корпорации «Эдванс» Н.Н. Никитенко, которого разыскал журналист М.Ю. Кожухов, подарил мне в Останкинском телецентре фактически два компьютера – брайлевский ноутбук «Da¹/₂id—486» и приставку «INKA», представлявшую собой брайлевский дисплей в одном корпусе со зрячей компьютерной клавиатурой. Эту приставку в апреле 1997 года подключили к системному блоку «Пентиума», на который в РЦКТ установили программное обеспечение для приставки.

В июле 1998 года Богуславский установил на «Пентиуме» CD-проигрыватель, и мои информационные возможности гигантски расширились благодаря дискам типа «Библиотека в кармане».

9 апреля 2000 года в порядке гранта, предоставленного московским филиалом американского проекта «Гармония», мне установили электронную почту, а вскоре создали и мой личный сайт. Почти отпала необходимость в распечатке на принтере – отныне я просто посылаю их по электронной почте и получаю обратно с правкой.

9 марта 2005 года реабилитационная программа правительства Москвы предоставила мне целый комплекс новой техники – системный блок, жидкокристаллический монитор, брайлевский дисплей-приставку зеленоградской (Москва) сборки, лазерный и даже брайлевский принтер. Зрячим принтером завладел мой названный сын, распечатывающий при необходимости различные документы и для меня, а брайлевский принтер я отдал в редакцию журнала слепоглухих «Ваш собеседник».

В сентябре 2011 года правительство Москвы предоставило органайзер «Pronto» – фактически планшетный компьютер, на котором я смог работать лёжа и беру его во все поездки. 1 июня 2015 года Дмитрий Золотов научил меня пользоваться MP3-проигрывателем в том же органайзере, что произвело революцию в доступности музыки. Всю музыку теперь храню на флешках, а самую любимую – непосредственно на карте памяти органайзера. Вместо дисков музыку мне стали «качать» из интернета и «сбрасывать» на флешки. За два года я почти заполнил 10 флешек по 8 Гб, и две – по 32 Гб.

1 декабря 2014 года благотворительный фонд поддержки слепоглухих «Со-единение» предоставил мне айфон, подключённый без проводов к маленькому брайлевскому дисплею-приставке «Фокус» и зрячей клавиатуре. Стали доступны SMS, WhatsApp и мобильная электронная почта, которую настроил мне тот же Дмитрий Золотов.

Итак, прогресс: от случайной благотворительности – к благотворительности в рамках государственной (правительство Москвы) программы, к специальному благотворительному фонду поддержки слепоглухих «Со-единение». Новые компьютерные возможности настолько революционны, что ими надо обеспечивать всех, иначе громадное большинство слепых и слепоглухих оказывается в условиях куда худшей дискриминации, чем когда бы то ни было раньше.

Воспитанники детского дома, в том числе и я, с брайлевским дисплеем познакомились первыми в мире, лет за двадцать до того, как эти устройства и соответствующий термин появились на Западе и пришли в Россию в качестве приставок к обычному персональному компьютеру, а также в качестве самостоятельных брайлевских компьютеров класса «ноутбук» и «органайзер».

Нет, я вовсе не собираюсь рассказывать очередную сказочку о том, что Россия – родина слонов. Я имею в виду целое семейство устройств, которыми мы пользовались в детдоме, а затем в своей студенческой комнате. Назывались эти устройства телетакторами и предназначались для одновременного общения одного зрячеслышащего с несколькими – смотря по количеству периферийных устройств, «такторов», – слепоглухими. Вся славная история телетакторов прошла на моей памяти, и о ней неплохо бы знать русскому читателю, замордованному байками о том, что в России нет и не может быть ничего путного, кроме импортного.

Разработкой и изготовлением этих устройств занимался, если не ошибаюсь, физико-технический (или физико-математический, или просто физический) факультет Владимирского государственного педагогического института. Возглавлял там эту работу А.Е. Пальтов. Выполнялась она по заказу лаборатории изучения и обучения слепоглухонемых детей НИИ дефектологии АПН СССР, а также по заказу Загорского детского дома.

Первые телетакторы появились в детдоме не ранее лета 1965 года, и я участвовал в их

испытаниях, пока другие способные на это ребята были по домам на летних каникулах. Апраушев снял меня, двенадцатилетнего, с качелей и привёл в слуховой кабинет, где несколько часов разговаривал со мной через первую модель телетактора. Он печатал на «зрячей» клавиатуре, я это воспринимал через брайлевское шеститочие в центре верхней панели тактора-кубика, отвечая голосом.

Первая модель телетактора представляла собой центральный пульт с клавиатурой обычной пишущей машинки, к которому подключались кубики-такторы, с шеститочиями в центре верхней панели. При нажатии той или иной клавиши на центральном пульте у меня под левым указательным пальцем, и вообще сразу на всех подключённых к центральному пульту такторах, выскакивали соответствующие сочетания точек – брайлевские буквы. Клавиши надо было удерживать нажатыми, чтобы буквы не мелькали: стоило отпустить – и комбинация точек из-под пальца исчезала, так что не успеешь определить её.

Гнёзда для подключения кубиков-такторов располагались на задней панели центрального пульта – штук восемь или десять... Сколько такторов подключишь – с таким количеством слепоглухих и разговариваешь.

Конечно, от будущего брайлевского дисплея тут был всего лишь один элемент, да и тот неполный – шеститочие, который позже, на Западе, преобразовался в восьмиточие. Но первые брайлевские компьютеры с обычной магнитофонной кассетой вместо дискеты, версабрайли, имели дисплей – строку из двенадцати брайлевских шеститочий. Мне как-то в 1988-м или 1989 году довелось несколько часов изучать версабрайль в Ленинграде, на одном из учебно-производственных объединений ВОС... С помощью клавиатуры обычной брайлевской машинки текст набирался на магнитофонную кассету, а воспроизводился через брайлевский дисплей, состоящий из двенадцати шеститочий.

А в Загорском детдоме не позже 1967 года появился телетактор, рассчитанный на десять слепоглухих. Представлял он собой десятиугольный стол, разделённый на две половинки, с пятью такторами на каждой (по одному тактору на каждой стороне десятиугольника). Половинки раздвигались, чтобы за центральный пульт, расположенный на одной из половинок стола и обращённый к его центру, мог сесть наш собеседник. Мы были вокруг него. Половинка стола без центрального пульта пододвигалась вплотную и подключалась к главной снизу с помощью специального кабеля. Такторы теперь были снабжены не только шеститочиями, по-прежнему пока одиночными, но и клавиатурой брайлевской пишущей машинки: две группы по три клавиши слева и справа от шеститочия, каждая клавиша, как и в машинке, отвечает за одну точку, а под шеститочием – клавиша пробела. На каждом такторе и на центральном пульте имелась и кнопка вибровывода: нажмёшь – и тарыхтит весь «стол». Это чтобы привлечь наше внимание. На центральном пульте под клавиатурой обычной пишущей машинки тоже располагалась брайлевская клавиатура. Таким образом, к нам мог обращаться слепой человек, владеющий только ею. Каждый из нас тоже мог обратиться ко всем остальным со своего места, через брайлевскую клавиатуру своего тактора.

Словом, если первый телетактор был односторонним – обращение только с центрального пульта на периферические устройства, – то второй уже имел обратную связь. Первый – для монолога (при диалоге предполагался устно-речевой ответ), второй – для диалога: ведь большинство слепоглухих ещё и немые. На центральном пульте было световое шеститочие: знающий систему Брайля человек мог считывать по вспышкам лампочек то, что говорилось кем-то из воспитанников. Ну а вообще-то мы говорили одновременно и вслух, и через клавиатуру своих такторов. Именно через такой телетактор в конце мая 1968 года с нами впервые разговаривал великий философ Эвальд Васильевич Ильенков.

Всего было три модели, три типа, три поколения телетакторов, и каждая следующая революционно отличалась от предыдущей. Первая модель была односторонней, вторая – двусторонней, но обе – индикаторные, то есть на каждом такторе было по одному

шеститочию. А вот третья модель, появившаяся не то в 1969-м, не то в 1970 году, была уже строчной. Телетактор со строками. Такторы на этом устройстве и представляли собой уже почти современного вида брайлевские дисплеи.

Первый строчный телетактор был рассчитан на стандартную детдомовскую учебную группу, то есть на трёх человек. Он представлял собой квадратный стол, с одной из четырёх сторон которого располагался центральный пульт, а с каждой из трёх остальных – по тактору. В нашем распоряжении теперь было не по одному, а по двадцать четыре шеститочия. Строка. Эти строки обслуживались тогдашней громоздкой компьютерной памятью, находившейся под верхней панелью стола и защищённой металлическими листами со всех боков. Сущий сейф. Брайлевский текст, теперь уже с обязательным использованием пробельных клавиш (на индикаторных телетакторах они были скорее для красоты), набирался на строке, и с достижением последней, двадцать четвёртой, позиции шумно сбрасывался, сразу вся строка очищалась, и в недрах стола «ухало». Затем текст снова набирался – слева направо, и снова сбрасывался, снова «ухало»... Гулко так. Это «уханье» можно было почувствовать через вибрацию стола.

Вибровывоз на строчном телетакторе, по крайней мере на том, что был у нас, четырёх студентов (и соответственно периферических тактора было четыре), заменили вентиляторами. Можно было индивидуализировать вызов, предложив высказаться кому-то одному, чьё лицо обдувал в этом случае его персональный вентилятор. Хороший способ разбудить закемарившего студента. Меня так будили много раз.

Наш, студенческий, строчный телетактор был снабжён даже магнитографом, чтобы записывать беседу на специальную широкую ленту. Но он оказался ненадёжен, ломался без конца и практически применялся мало.

Этот телетактор был не квадратный, как детдомовский, а прямоугольный. С одной длинной стороны располагался центральный пульт такого же вида, как и в предыдущей, двусторонней, модели, тоже с двумя клавиатурами – как «зрячей», так и брайлевской. Слева от центрального пульта стоял громоздкий магнитограф, который, за ненадобностью, через некоторое время куда-то исчез. Напротив центрального пульта – два такторных места со строками и брайлевскими клавиатурами, а на коротких сторонах стола – ещё по одному тактору, всего четыре. Один из такторов время от времени выходил из строя, и тогда тому, чей тактор сломался, переводил пальцами кто-нибудь из остальных ребят.

В общем, строчный телетактор располагал уже несколькими (тремя в детдоме, четырьмя в студенческой группе) самыми настоящими брайлевскими дисплеями, из двадцати четырёх шеститочий каждый (по числу шеститочий в строке обычного прибора для письма по Брайлю от руки). Устройство предназначалось для общения, а не для обработки текста, хотя делалась попытка и в сторону будущего версабрайля – магнитограф.

В любом современном компьютерном брайлевском дисплее предусмотрена возможность переключения с восьмиточечного режима на шеститочечный и обратно. Шеститочечный режим превращает любой современный брайлевский дисплей в аналог нашей телетакторной строки, длиной от двенадцати до сорока и даже иногда восьмидесяти знаков.

Что же касается телетактора, то сейчас устройств такого класса, насколько знаю, нет. Зато есть общепланетный «телетактор» – интернет...

В моей жизни огромную роль сыграло, по инициативе Апраушева, освоение обычной «зрячей» («плоскопечатной») пишущей машинки. Ещё в докомпьютерную эру «зрячая» машинка сделала меня в моём творчестве максимально самостоятельным. Я сам писал свои труды сначала по Брайлю, от руки грифелем на приборе или на брайлевской машинке, а затем переписывал «по-зрячему». И поскольку в основе стандартной компьютерной клавиатуры лежит именно клавиатура «зрячей» пишущей машинки, освоить компьютерную клавиатуру в начале 1995 года, при наличии брайлевского дисплея, было легко.

Без тех или иных компьютерных устройств и возможностей я вообще не представляю своей жизни. Даже обычная литература по Брайлю давно издаётся на основе специального компьютерного набора, печатается на специальных брайлевских принтерах. Не говоря уже о таких возможностях, как компакт-диски с библиотекой Максима Мошкова, и практически любая литература, которую мои друзья находят для меня в интернете и пересылают по электронной почте.

Сам я свободно владею электронной почтой, но никак не могу освоить браузер, чтобы бродить по сайтам и самому собирать «урожай» электронной литературы.

Невозможно представить ни одной, сколько-нибудь существенной, области в моей жизни, в которой чаще прямо, чем косвенно, так или иначе, не применялись бы возможности, создаваемые компьютерными технологиями. Вот если бы брайлевский дисплей мог позволить себе каждый слепой, а тем более слепоглухой пенсионер...

Слышащие слепые могут обходиться речевыми синтезаторами, а вот слепоглухим без брайлевского дисплея нельзя никак. Не случайно первые устройства, напоминающие современные брайлевские дисплеи, – телетакторы, – порождены потребностями именно слепоглухих и были разработаны для общения с ними. Для слышащего слепого брайлевский дисплей – удобство; для слепоглухого – единственный полноценный выход в мир современной культуры.

Электронная почта меня и воспитывает, вынуждая строже, осторожнее обращаться с личной информацией, в чём я всегда был беспечен. Как человек пишущий, я привык быть откровенным в своих текстах, – иногда абсурдно откровенным. Некий абстрактный образ читателя-друга, перед которым можно душу наизнанку выворачивать, – этот абстрактный образ конкретизировался благодаря электронной почте, распавшись на образы отдельных живых людей, пусть я никогда и не встречал их лично. И не перед каждым вывернешь душу, у многих это, мягко говоря, вызывает недоумение, а то и озноб, как представят столь же откровенными себя. Так что интернет воспитывает, с неоспоримой наглядностью подтверждая правоту поговорки: «Болтун – находка для шпионов». Главное, прежде всего – себе же во вред...

Сначала, уходя от якобы унижительного термина «инвалид», приняли западное словотворчество – «лица с ограниченными возможностями», часто забывая добавить – «здоровья». Теперь, на волне фантастического прогресса информационной техники, расширяющего возможности всех, в том числе и инвалидов, – задумались: а не расширились ли возможности инвалидов настолько, что они, собственно, перестали быть инвалидами, «лицами с ограниченными возможностями»?

Но, как читатель может убедиться из всего вышесказанного, ограничения никуда не делись. Хотя бы финансовые. Хотя бы ограничения, связанные с относительно быстрым износом. Техника изнашивается быстрее, чем люди, даже больные. Не говоря уже о том, что никуда не делись ограничения здоровья – инвалиды остаются инвалидами. И только прогресс медицины может эти ограничения снять, сделав меня, например, зрячим, слышащим, свободно двигающимся. А сейчас, несмотря ни на какой прогресс информационной техники, я слеп, глух, нуждаюсь в различного рода ходунках и даже инвалидной коляске.

Брайлевский дисплей этих ограничений не снимает, а помогает их преодолевать, живя полноценно несмотря на них, вопреки им. И, увы, не приходится сомневаться, что зрение, слух, двигательные возможности у меня лично останутся ограниченными до самой смерти. Вообще, всякого рода специальные устройства не снимают ограничений здоровья, а компенсируют их, помогая более полноценно, чем раньше, жить вопреки этим ограничениям, несмотря на них.

Мне повезло. Мне всегда помогали. Но дело в том, что людям вовсе не безразлично, в чём помогать. Мне помогали, потому что я сам всегда был одержим творчеством, увлечён и

поглощён своей работой. Академик Бодалёв как-то сформулировал это прямо:

– Я всегда Вам буду помогать, потому что считаю Вас неординарным мыслителем...

Какой я «мыслитель», ему виднее. Я же услышал в его словах главное – мотив помощи. Мне помогают потому, что я работаю, хочу работать и сам активно всегда искал возможности работать, в тех условиях, уж какие были. То есть действовал по принципу: кто хочет работать – ищет повод, а кто не хочет – ищет причину. Я всю жизнь искал повод для работы, а не причину, чтобы не работать. И мне поэтому помогали и помогают так, что возможным оказывается невозможное...

4.4. КОНВЕЙЕР ДОБРОТЫ

Как, при всей обусловленной слепоглухотой неизбежной зависимости, можно тем не менее жить самостоятельно? Для этого прежде всего нужно научиться верить, доверяться буквально первому встречному, уметь вступать с ним в общение и организовывать себе его помощь, без которой всё равно не обойтись. Просьбы о помощи должны быть легко выполнимыми, не обременительными для окружающих. Помощники поэтому сменяются: один, например, помог дойти до остановки; другой помог сесть на нужный автобус; третий помог выйти на нужной остановке; четвёртый помог дойти до места, если вы сами дорогу не знаете, а если знаете, но на пути крупная транспортная артерия, – помог эту артерию преодолеть.

Такой сознательный переход из рук в руки, такую смену помощников, совершенно случайных, попавшихся по дороге, я назвал «конвейером доброты». Каждый инвалид сам должен налаживать, организовывать свой конвейер доброты, исходя из своих трудностей, но никакой конвейер доброты невозможен, если бояться людей, не доверять им, в каждом заранее видеть бандита и грабителя.

Все описанные ниже приёмы организации конвейера доброты – ни в коем случае не истина в последней инстанции, у каждого могут быть свои, но смею надеяться, что, познакомившись с моим опытом, читатель-инвалид сможет разработать свою конструкцию, избежав многих ошибок, разочарований, сложностей, – неизбежных, если всё делать от начала до конца самому и «с чистого листа». Мне самому на седьмом десятке многое не по силам, – не могу, например, даже с помощью случайных встречных пользоваться общественным транспортом, – но стратегия доверия себя оправдала, остаётся в силе даже сейчас, когда я передвигаюсь на ходунках.

Я писал не руководство, а только исповедь, делился личным опытом, накопленным за десятилетия, и очень надеюсь, что он хоть сколько-нибудь облегчит жизнь другим. Многое из этого можно бы использовать и в разного рода спецшколах для детей-инвалидов, в реабилитационных центрах для взрослых.

Инвалиды – не какой-то особый «народ», а самые обычные люди, попавшие в необычно сложные, экстремальные условия существования, и эти условия диктуют некоторое видоизменение общечеловеческой культуры, цель которого – как раз приобщиться к этой культуре с наибольшей возможной полнотой, а ни в коем случае не заменить общечеловеческую культуру какой-то особой «малой культурой». Я принципиально стою на позициях самой широкой интеграции инвалидов в остальном человечестве, и прежде всего духовной интеграции, и поэтому против всего, что хоть в малейшей степени воздвигает какие бы то ни было барьеры между инвалидами и остальными людьми.

В то же время я категорически против игнорирования самого факта инвалидности, против того, чтобы «делать вид», будто инвалидности нет, будто инвалид – не инвалид, будто ему не труднее во многом, чем более здоровым людям. Любую инвалидность надо изучать, раз уж она есть, но с тем, чтобы вопреки ей прорваться к людям, найти лазейки, которые помогли бы устранить социальные и психологические последствия инвалидности в максимально возможной мере. Я – инвалид, это факт, с этим фактом приходится считаться и мне, и окружающим меня людям, приходится его учитывать, и в том числе приходится заменять недоступные мне способы приобщения к общечеловеческой культуре какими-то другими, доступными. Но речь идёт именно о поиске доступных инвалиду путей к человеческой полноценности, – а не о замыкании в каком-то особом мирке, не об отгораживании от человечества какой-то особой инвалидной культурой.

Пытаясь доходчивее объяснить свою позицию, я прибегал к такому сравнению: плывёт огромный корабль, на нём всё человечество, но некоторые пассажиры оказываются по тем или иным причинам в шлюпках за бортом. И вот, что лучше – постараться их всех вернуть на

борт так или иначе или оставить в отдельных шлюпках, которые и буксировать? Корабль – общечеловеческая культура, а шлюпки – особые инвалидные «субкультуры»: слепая, глухая, слепоглухая, безногая, безрукая... Хоть беззубая и плешивая... В шлюпках тесно и скучно. В большой компании веселей.

Жизнь взрослого слепоглухого среди зрячеслышащих порождает множество проблем, но из них одна – главная, центральная, решить которую – значит получить возможность более или менее успешно решить и все остальные. Речь идёт о проблеме взаимоотношений между слепоглухим и окружающими его людьми, то есть, по существу, о тех или иных конкретных принципах и средствах общения между ними.

Эту проблему ставит тот факт, что мир, в котором вынужден жить слепоглухой, – это мир зрячеслышащих, а не его. Мир этот устроен зрячеслышащими в расчёте на зрение и слух, а не на осязание. Все национальные языки – звуковые; одно из важнейших искусств – музыка – требует физической возможности слышать и умения слушать. Письменность, живопись, архитектура, скульптура, всевозможные шкалы в разнообразнейших приборах – всё это и многое другое предполагает физическую возможность видеть и умение смотреть. А сколько рассчитанного сразу и на зрение, и на слух – вроде кино!

Конечно, так как слепота и глухота по отдельности встречаются не очень, но часто, кое-что – и немало – сделано для полноценной жизни в мире зрячеслышащих людей с недостатком либо зрения, либо слуха, а значит, в порядке побочного эффекта, и людей с недостатком зрения и слуха вместе. Но всё-таки полная самостоятельность не то что слепоглухих – даже слепых и глухих, – в мире зрячеслышащих невозможна. Это не их мир: отчасти к ним подладившийся, к ним доброжелательный, но всё равно чужой. Всегда есть более или менее значительная сфера жизни, в которой слепой не может обойтись без помощи зрячего, а глухой – без помощи слышащего (и «говорящего», поскольку глухоту очень часто сопровождает полное отсутствие или более/менее серьёзное нарушение устной речи). Сфера же, в которой слепоглухой не может обойтись без помощи зрячеслышащего, тем более велика.

Степень зависимости у слепоглухих так велика, что, кажется, они обречены на пожизненную опеку зрячеслышащими, ибо никакая самостоятельность для них вообще невозможна. Ну, ещё туда-сюда – в своём доме, во дворе, если двор есть. А на улицах, особенно с большим движением транспорта? А на общественном транспорте? А в магазинах, а на почте?

Возможности, конечно, очень индивидуальны, и зависят они далеко не только от степени утраты зрения и слуха, да и зрячеслышащие вообще склонны скорее недооценивать, чем переоценивать возможности самостоятельности в условиях слепоглухоты. Чтобы недооценка не приводила к попыткам сверхзаботливых зрячеслышащих жить за слепоглухого, вместо него, надо понять самое главное: возможность или невозможность для слепоглухого быть самостоятельным зависит в решающей степени вовсе не от величины остатков зрения и слуха, а от коммуникабельности, то есть от желания и умения общаться с самыми разными людьми, обращаться за помощью, особенно к случайным встречным. Это самый главный вывод, который я сделал за годы собственной жизни среди зрячеслышащих, с помощью зрячеслышащих.

И ещё один, тоже очень важный вывод: чтобы быть самостоятельным на улице, в транспорте и общественных учреждениях, слепоглухому на самом деле нужна совсем небольшая, прямо-таки ничтожная помощь. Например, я не мог часто бывать в Лианозовском парке, недалеко от которого прожил восемь лет, только потому, что он находился на противоположной стороне улицы с большим движением, но без подземных переходов. А велика ли услуга – перевести через дорогу?

Перевести, довести, посадить, высадить, помочь купить – от зрячеслышащих в их к зрению и слуху приспособленном мире такая помощь не требует ни особых усилий, ни особого

времени. Чтобы жить без чрезвычайных затруднений, слепоглохому со стороны окружающих – буквально первых попавшихся, первых встречных, – нужна самая минимальная помощь. Но вот получить её иногда, и гораздо чаще, чем можно предполагать интуитивно, неимоверно трудно.

Очень трудно втолковать первому встречному обывателю (то есть считающемуся нормальным человеком идиоту), что ты – слепоглохой, слепой и глухой одновременно, человек, нуждающийся в самой ничтожной, но очень важной для него помощи, без которой тебе из-за слепоглохоты, может быть, попросту не выжить. Острее всего психологическая проблема взаимоотношений с другими людьми, а не физиологическая проблема исправности глаз и ушей.

Как-то я запутался на круглой площадке, на которую со всех сторон света выходит не меньше восьми дорожек, – запутался, не в силах сообразить, по какой дорожке я сам сюда попал. Это была детская площадка в парке, и народу там было немало. Но только десятый из всех подходивших ко мне людей понял, что я слепоглохой, что мне надо чертить пальцем печатные буквы во всю правую ладонь, и что я всего лишь не могу сообразить, в какой стороне Ярославское шоссе. По моей просьбе он посадил меня на скамейку рядом с нужной мне дорожкой, чтобы я в любой момент мог сам выбраться из парка. Я не спешил, хотел почитать и подышать в парке, а фактически в лесу, – и мы разговорились.

– Вы не похожи на слепоглохого, – сказал мне этот человек.

– А каким, по-вашему, должен быть настоящий слепоглохой? Вы раньше-то, до меня, слепоглохих видели?

– Нет, не видел.

Вот эта «непохожесть» на то, чего никогда не было в опыте случайного встречного, очень мешает слепоглохим быть самостоятельными. Это самое серьёзное внешнее препятствие, а ведь они и сами себе мешают не меньше, если не больше, боясь «чужих», стесняясь «приставать» с просьбами о помощи к незнакомым людям, а то и просто стесняясь своей неразборчивой устной речи. Одни из нас эти психологические проблемы упорно пытаются решить и более или менее успешно решают; другие, боясь этих проблем, просто отказываются от их решения, и тем самым от самостоятельности, попадая к постоянному окружению в безысходную зависимость, часто куда более унижительную, чем минутная зависимость от самого недогадливого случайного встречного.

И вот парадоксальный факт: люди с довольно значительными остатками зрения и слуха оказываются иногда гораздо беспомощнее тех, у кого эти остатки намного хуже, но зато есть воля к самостоятельности во что бы то ни стало. А если есть воля, то умение быть самостоятельным – дело наживное.

Ещё необходимо спокойное мужество ошибаться. Не бояться ошибок, идти навстречу им, осознавать их без самооправдания, исправлять – без позы (например, без позы обиженного или позы не оценённого благородства). Это касается всех людей, но слепоглохих – в первую очередь.

Зрячеслышащие настолько благоустроили свой мир, что им элементарная самостоятельность даётся легко, не требуя от них ни воли, ни мужества. Много ли нужно воли для перехода через дорогу, или мужества для прогулки в дачном лесу? На элементарном, простейшем уровне – сплошное удовольствие, или нечто до незаметности привычное. Воля и мужество требуются в более сложных ситуациях, в межличностном общении, в работе. А то и нигде: вместо воли и мужества – привычка, вся жизнь держится на одних привычках.

В результате при встрече с чужим несчастьем – бегство, а если несчастье обрушилось на собственную голову, то первая мысль – тоже о бегстве: на тот свет.

Сфера приятной лёгкости и привычной незаметности бытия у слепоглохих сужена до предела, и поэтому воля и мужество от них требуются там, где зрячеслышащий действует

машинально. От меня, например, литературное творчество требует гораздо меньше воли и мужества, чем покупка молока, несмотря на право покупать вне очереди.

Вообще пользоваться льготами по инвалидности я никогда не стеснялся, ибо и при всех льготах жизнь бывает просто невыносимой. Льгот, как ни много – мало, потому что на самом деле до монетизации были все льготы, кроме самой главной, – кроме льготы понимания и готовности помочь со стороны первого встречного. А уж этого никакой парламент не предоставит; ведь речь тут идёт не о тех законах, которые можно принять, исправить, вообще отменить, а о тех законах, которые действуют или не действуют в зависимости от уровня нравственной – как и эстетической, интеллектуальной, экономической и всякой иной, – культуры общества в целом, и каждого члена общества в отдельности.

Говорю об отсутствии, вернее, недостатке «льготы понимания», потому что зрячелышащие, более или менее выезжающие на всевозможных привычках, просто не в состоянии понять, как это слепоглухие подчас буквально в истерике из-за сущих пустяков, даже о существовании которых зрячелышащим и вспоминать неловко. Это относится именно к зрячелышащим, существующим бездумно, за счёт привычек.

Есть и другие, – их меньше, чем первых, но счастье, что вообще есть, – живущие мыслями, мужеством, чувствами, чутко готовые подвергнуть ревизии любую привычку. Хозяева, а не рабы привычек. Те, кого, в отличие от первых, обычно называют «думающими».

Я счастлив тем, что в моём постоянном окружении таких «думающих» больше: во всяком случае, таковы все мои ближайшие друзья. Те, кто свято следует привычкам своим и общества без учёта ситуации, возводя эти привычки в абсолют, около меня долго не держатся, не могут удержаться.

Чтобы жить сколько-нибудь полноценно, а иногда чтобы выжить в условиях слепоглухоты, мне – и ради меня моим зрячелышащим друзьям – приходится сознательно нарушать некоторые общепринятые нормы поведения. Например, такую: как можно меньше обращать на себя внимания, привлекать к себе внимание. Многие приходят прямо в ужас от того, что «люди смотрят». Ужасаются не того, на что именно «смотрят», а того, что вообще «смотрят», и даже – «будут смотреть». «Смотрят» же на дактилологию, на общение со мной посредством пальцевых комбинаций, а не звуков. Или смотрят, как я пытаюсь осмотреть руками какой-нибудь памятник. Словом, смотрят на неизбежно необычные в моём положении способы удовлетворять самые обычные и законные потребности – в общении, в познании.

И мне даже прямо говорили иногда, что я не должен удовлетворять эти свои потребности доступными мне способами, – видите ли, «некрасиво». Что «некрасиво»? Разговаривать руками и вообще делать руками то, что другие делают с помощью глаз и ушей. Почему «некрасиво»? Потому что «смотрят».

И невдомёк таким «эстетам», что некрасиво, нехорошо, неприлично, безнравственно, бесчеловечно в данном случае именно «смотреть», глазеть, а также реагировать на глазение, замечать его, смущаться им. Кто же виноват, что я не вижу и не слышу! Бесчеловечно требовать от меня, раз уж я не могу (не всегда могу) вести себя «как все», чтобы я замирал, превращался в какое-то ходячее растение.

Ну, да нет худа без добра. Убедившись, что вести себя «как все» не всегда уместно, я убедился в идиотизме самого требования «быть как все». В результате очень рано – сколько себя помню – стал относиться к морали сознательно-критически, а не бездумно-подражательно. Целесообразность любого «приличия» я всегда требовал объяснить, обосновать, иначе отказывался его соблюдать.

И хотя в своём критицизме я нередко хватал через край, одно время даже отрицая мораль вообще, всю целиком, без разбору, – я никогда не сомневался и не усомнюсь в принципиальной, даже единственной правильности сознательно-критического отношения к морали. Именно такому отношению к морали мы должны научить подрастающих

слепоглухих, да и всех вообще людей, если действительно желаем их самостоятельности, – как элементарной (бытовой, пространственной), так и личностно-духовной. И не только к морали надо так относиться. Ко всему – при малейшем подозрении, что не совсем ладится, не совсем срабатывает, что-нибудь да не так, что-нибудь да не к месту.

Я вовсе не отрицаю при этом привычек, штампов, стереотипов поведения как таковых. Просто я против возведения их в абсолют, придания им самоценного значения, в то время как они – только средство, но ни в коем случае не цель жизни.

Всякие приличия и привычки – та самая «Суббота», которая, по слову Христа, для человека, а не человек для неё, – и потому хороши только до тех пор, пока они упрощают, облегчают жизнь. Когда же они соблюдаются вопреки целесообразности, вопреки здравому смыслу, во что бы то ни стало, – тогда они, приличия и привычки, не только осложняют, затрудняют жизнь, а иной раз делают её вообще невыносимой, невозможной.

Как-то я с одним знакомым собрался в Ленинград. Уже в купе, перед самым отправлением поезда, кто-то из провожающих попросил меня, по возможности, вести себя в Ленинграде «как все зрячеслышащие», чтобы на нас с моим сопровождающим поменьше глазели. Я ответил взрывом:

– Ни в коем случае! – додумав: «Тогда уж лучше никуда не ехать».

Человек опешил:

– Почему?

Я – немного спокойнее:

– Потому что я не зрячеслышащий.

На этом и кончился разговор. Проще, короче и точнее объяснить особенности своего поведения я не смог бы.

Учёт ситуации, учёт в своей жизнедеятельности того очевидного факта, что я не зрячеслышащий, а слепоглухой, – вот фундамент всей моей самостоятельности, вот сила, заставившая меня искать, изобретать конкретные способы жить нормально вопреки слепоглухоте, в обход слепоглухоты.

Тут меня очень поддержало философское определение мышления, восходящее в первой своей редакции ещё к Спинозе: мышление – это способность мыслящего тела действовать согласно логике, внутренней сути любого другого тела. Действовать по логике и значит действовать по ситуации, с учётом ситуации. Учиться этому учёту и значит учиться быть самостоятельным. У меня эта учёба поневоле была тоже самостоятельной, потому что учиться тому, как самостоятельно ездить и покупать, было не у кого.

О.И. Скороходова была самостоятельна только в пределах своей квартиры, а вне квартиры – ни шагу без сопровождающего. В её книге описан случай, когда на вокзале Ольгу Ивановну никто не встретил. Женщина, которая её привезла, должна была ехать дальше, и поэтому провела её в отделение милиции, где та и дождалась, когда за ней приедут. Милиционерам она объяснила, как с ней общаться: чертить пальцем зрячие буквы во всю её ладонь. Ольга Ивановна сообщила номер телефона, по которому за ней и вызвали сопровождающего.

Несколько раз такое было и у меня. С этого, собственно, всё и началось, когда я понял, как ненадёжен постоянный помощник, и почувствовал, как унижительно зависеть от одного человека. Независимость получится в результате зависимости от многих, от случайных встречных. Так я решил – и начал «самостоятельничать».

Тут всего важнее личностно-психологические предпосылки, но, разумеется, нельзя не учитывать степени слепоты и глухоты, а также есть или нет, и насколько разборчива, если есть, устная речь. От конкретного их состояния зависит, в каких пределах слепоглухой может обходиться без посторонней помощи, а в каких – самой минимальной, не говоря уже о конкретных способах обращения за помощью, привлечения к себе внимания и объяснения, что именно нужно. Личностно-психологическими предпосылками предопределяется степень

готовности к самостоятельности, то есть сама возможность быть самостоятельным; конкретные же дефекты диктуют способы осуществления самостоятельности. Разумеется, на практике не всегда легко бывает определить, где кончаются дефекты (зрения, слуха и речи) и начинается свой собственный, средней паршивости, характер. Впрочем, на практике обычно и не до того...

Моё зрение – практическая слепота, наступившая в трехлетнем возрасте. Лет до пятидесяти различал контуры не слишком мелких и не слишком крупных предметов на контрастном фоне: светлые на темном, темные на светлом. При слишком ярком солнечном свете, как и в полной темноте, вообще ничего не различал. Сейчас перед собой ничего не вижу, – только светло или темно, и то не всегда уверенно, – так что на улице вся надежда на ориентировочную трость, которой в молодости лишь подстраховывался. С грехом пополам в молодости мог заметить ступеньки вверх, но спусков совсем не видел. Это и заставило схватиться за ориентировочную белую трость: однажды в высотном здании университета слетел с нескольких маршей лестницы, приземлился у дверей-вертушек, чудом не покалечившись, и на следующий день поехал с помощником в специализированный магазин «Рассвет» за первой своей тростью.

Слух у меня такой, что если звуки речи и дойдут, то слов не пойму. Речь обычной громкости без слухового аппарата не слышу, а со слуховым аппаратом ощущаю звуки, но не понимаю ни слова.

Оглух я в девять лет, и поэтому моя собственная устная речь уцелела, вполне разборчива (такую речь специалисты называют «сохранной»). Есть, правда, что-то в речи не совсем обычное, при знакомстве меня нередко спрашивают, с каким это акцентом я говорю, принимая не то за эстонца, не то за литовца. Но в целом мою устную речь понимают без особенного напряжения. Когда привыкнут к ней...

Итак, исходные возможности в студенческие годы и лет до пятидесяти: с тростью – всюду без посторонней помощи, если только не надо перебираться через дорогу с большим движением транспорта, но без подземного перехода. Сейчас – по квартире обхожусь без опоры, но на улице и вообще в незнакомых местах – либо коляска, либо ходунки с ориентировочной тростью. Ездить без помощи в виде посадки и высадки в нужном месте не мог; но зато редчайшее для слепоглохого преимущество: могу обратиться к первому встречному, понимающему по-русски, «голосом», – лишь бы слушали. И вслушивались. Сейчас без сопровождающего ездить не могу совсем. Один на улице – только возле дома.

У меня воля, стремление к самостоятельности возникли из конфликта с постоянным окружением, из острого недовольства зависимостью в каждом пустяке. В Загорском детдоме я чувствовал себя вполне свободно: всем необходимым обеспечен, а так как всё свободное и даже значительную часть учебного времени и ночью читал, то за пределы детдомовской территории особенно и не стремился. За забором для меня не было ничего привлекательного, кроме первомайских и ноябрьских демонстраций, проходивших мимо детдома (это из-за возможности хоть немного услышать духовой оркестр). К моим услугам были книги и достаточно разнообразное общение, в том числе с разного рода гостями – студентами, журналистами, учёными, иностранцами. Что ещё надо?

Другое дело – дома, у родителей. Книг – вечная нехватка, пока с мамой не доберёмся до библиотеки; общения же практически никакого. В гостях закармливали всевозможными лакомствами, но всё время жевать – скучно, а больше там обычно нечего было делать. Поэтому в гости ходить я очень не любил. Можно было развлечься прогулками по окрестностям, но не очень-то пускали – боялись, как бы чего не случилось, и требовали ходить только возле дома, а это тоже скучно (и я не очень-то слушался). Сами же со мной не очень-то гуляли: родителям недосуг, брату с сестрой – неохота (в кино пойти, конечно, интереснее, как будто мало телевизора дома). Очень любил купаться, но это – редчайшее

удовольствие: во Фрунзе, во-первых, особенно и негде, а во-вторых – не допросишься.

Неудивительно, что запрет уходить от дома далеко я нарушал, а если не пытался один уехать в парк или купаться, то только потому, что без посторонней помощи это было неосуществимо, да и маму мою, а заодно и меня, знала вся округа, и любая авантюра кончилась бы насильной доставкой к ней на работу или домой. Но тем сильнее я мечтал, даже тосковал о самостоятельности.

В студенческие годы у меня для помощи в учёбе и передвижении был специально нанятый помощник. А у помощника – такого же студента, – вечно свои дела, которым он неизбежно норовил подчинить мои. И даже порой не делам подчинить, а капризам.

Я на всю жизнь запомнил, как чуть не год не мог допроситься в парикмахерскую, потому что помощнику, видите ли, неохота сидеть в очереди. Когда я напоминал о своём праве внеочередного обслуживания, он отвечал, что у него такого права нет, а моим правом в моих же интересах он... стесняется пользоваться.

В первый год учёбы в университете, когда наши помощники получали свои 90 рублей в месяц как оклад, они вообще норовили не работать. Я первым запротестовал против их «малины» и настоял на почасовой оплате их труда: 53–54 копейки за час работы. Такая точная цифра получилась из простого деления ставки, выплачиваемой ВОС, на четыре недели и на сорок один рабочий час в неделю. Так как все сорок часов в неделю помощник был не нужен, он стал на полставки переписывать по Брайлю нужную мне литературу, а на полставки – ездить со мной куда надо, причём так, чтобы общая сумма проведённого со мной времени не превышала двадцати с половиной часов в неделю. Такая чёткая система оплаты свела к минимуму риск возникновения конфликтов с помощниками из-за их нежелания работать.

Вообще считаю, что при решении вопроса об оплачиваемой помощи инвалиду описанный механизм самый оптимальный. Деньги на помощь должны выдаваться инвалиду, а не помощнику независимо от того, работал он или нет. Если только помощник – не член семьи, живущий вместе с инвалидом: тогда отношения менее официальные, более личностные... При официальных же отношениях лучше устроиться так, чтобы помощник в оплате труда зависел от того, кому помогает, иначе есть риск, что он будет «воровать зарплату».

Фактически же решающее значение может иметь не столько финансовый, сколько личностный фактор, когда помогают поистине не за страх, а за совесть. Например, без самоотверженности В.В. Богуславского я никогда не смог бы ни овладеть компьютером для слепых в компьютерном центре ВОС, ни работать в этом центре над моими текстами всю рабочую неделю. Но для такой самоотверженности нужна заинтересованность меньше всего в деньгах, а больше всего в сути дела, в самой работе, и, конечно, ещё того важнее, нужна просто настоящая дружба.

Огромное большинство инвалидов и мечтать не смеет ни о каких «ассистентах». Такая помощь – исключение из правила. А правило – крутись как хочешь, решай свои проблемы, с кем можешь. И кроме себя, рассчитывать приходится в лучшем случае на родственников. С 2014 года рассчитывать стало можно, в более-менее существенной степени, на благотворительный фонд поддержки слепоглухих «Со-единение».

Братьям-сёстрам, собственным детям-внукам обычно недосуг, у них «своя жизнь». Родители – не вечны, пока могут – в лепёшку расшибаются, а состарятся, разболеются – им бы самим кто помог... Государство старается отделаться подешевле. Благотворительный фонд, естественно, зависит от спонсоров. Например, он оплачивает сколько-то часов сопровождения и перевода, и спасибо, даже если этих оплаченных часов мало: до 2015 года и этого не было.

И если те или иные ресурсы ограничены, – когда потребности их превышают, – хочешь не хочешь, выползай на улицу, хватай за полу, проси довести, посадить на нужный номер,

высадить на нужной остановке, перевести через дорогу, купить нужный товар, а больше с тросточкой – сам, будь ласков представлять себе местность, как-то ориентироваться.

В периодической печати много публикаций о том, как инвалиды в семьях «по одной половичке ходят», лишь бы не лишиться и тех крох внимания, какие перепадают от щедрот здоровых членов семьи. Инвалиды с детства, привыкшие к самоотверженности родителей, частенько – до поры до времени – в будущее особо и не заглядывают, пока родителей ноги носят, с ними везде. А потом – мрак и ужас: ни сами, ни родители – кто кого беспомощней?.. Один мой знакомый слепоглухой и вуз закончил, а даже лифтом пользоваться не умеет, около дома абсолютно не ориентируется, на даче топчет взад-вперёд одну и ту же дорожку.

Родители дрожат, как бы не стряслось какой беды, ничему не учат и боятся от себя на шаг отпустить, – а как потом, когда самим станет всё неважно?.. Сплошной безысходный круг. И прорывать этот круг надо с обеих сторон – как со стороны самого инвалида, так и со стороны его родственников. Надо трезво оценить свои возможности родителям и учиться доверяться, мобилизовать все резервы возможностей инвалиду. Не бояться мира, идти в мир, который, как известно, не без добрых людей. И как бы счастливо ни складывались до поры до времени обстоятельства, не растренировываться, не терять навыков самостоятельности, – пригодятся ещё.

Мне и сейчас, когда в общем-то проблема сопровождения практически не стоит, всё же иногда приходится если не ездить, то ходить самому около дома. Пусть и на ходунках. Иной раз обстоятельства так складываются, что нет другого выхода, – как бы близкие ни переживали, возникшую проблему приходится решать самому, с помощью случайных встречных. Этому надо специально учить, а некому – так самому учиться, переступая и через свой собственный страх, и через страх, просто недоверие окружающих.

В студенческие годы зависимость от одного человека и его дел меня сильно тяготила. К тому же один и тот же вид помощи, оказанный первым встречным и человеком из постоянного окружения – это совсем не одно и то же для самого помощника.

Первый встречный отвлекается в худшем случае минут на десять, чтобы перевести меня через дорогу, довести до какого-то близкого места, посадить на транспорт, помочь что-то купить. К тому же первый встречный сам для себя делает то же самое, что я прошу его делать для меня: ему тоже надо перейти эту же дорогу в эту же сторону, сесть на этот же автобус, а уж в магазине мы оба, естественно, очутились ради покупки чего-нибудь.

Постоянный же помощник, помогая мне в том же самом, вынужден ещё и всюду со мной таскаться, теряя огромное количество времени, и, если это случайный, чужой человек, в душе, разумеется, на чём свет стоит меня проклиная. Как у А.С. Пушкина в «Евгении Онегине»:

*...Но божже мой, какая скука
С больным сидеть и день и ночь,
Не отходя ни шагу прочь!
Какое низкое коварство -
Полуживого забавлять,
Ему подушки поправлять,
Печально подносить лекарство,
Вздыхать и думать про себя:
«Когда же чёрт возьмёт тебя!»*

А у меня, кроме всего прочего, тоже есть человеческое достоинство: считаю для себя унижительным принимать вынужденную помощь, сопровождаемую мысленными стонами и проклятиями.

Неважно, что мне в лицо не высказывают того, что ко мне чувствуют и обо мне думают. По особому добродетельно-кислому, мученическому поведению помощника я всё прекрасно

пойму, и мне с таким помощником едва ли не более неудобно, чем ему со мной. Кому же приятно быть обузой, да ещё платить за то, чтобы тебя кое-как терпели!

Итак, самостоятельность. Первые же мои попытки изучать окрестности – к тому же не всегда благополучно кончавшиеся, так как я ещё не осознал, зачем нужна трость, и нередко летел в неприятную неизвестность – вызвали бурю. Чем только меня ни пугали беспокоившиеся за меня, но не могущие постоянно со мной находиться друзья! Под машину попаду! Упаду и покалечусь! Падал и калечился, особенно сильно, между прочим, с бестолковым сопровождающим – собственным братом... Больше же всего меня пугали первыми встречаемыми: вдруг нарвусь на подонка, хулигана! Вдруг он, не вникая в детали моей слепоглухоты, возьмёт да и зарежет меня для собственного удовольствия!

А мне надо было преодолеть естественное смущение, вызванное необходимостью просить незнакомых людей о мелких услугах. Нет, я людей не боялся. Вокруг меня не было плохих. Я сознавал, что не каждый без сожаления будет тратить на меня часы, но на элементарную, минутную доброту к инвалиду, на пустяковую помощь ему – хватит каждого или почти каждого.

Я и сейчас уверен в элементарной доброте первого встречного, но убедился с тех студенческих пор, как нелегко бывает убедить человека, что ты нуждаешься в элементарной доброте. Да что там! Нелегко бывает даже просто привлечь к себе внимание, добиться, чтобы к тебе подошли и взяли тебя за руку.

Трудности эти были всегда, но в первые годы их как-то легче было преодолевать, чем сейчас. В чём тут дело? Кто стал хуже – люди или я? Соблазнительно, конечно, решить, что люди, но это будет, пожалуй, неправда. Скорее хуже стал я – нетерпеливее, настырнее, требовательнее (а какое у меня право чего бы то ни было от кого бы то ни было требовать?). Раньше я с добродушным юмором терпеливо ждал, пока человек переварит факт встречи со слепоглухим, – едва ли не более невероятный, чем встреча с чёртом во всём его рогадом, хвостатом, копытном и ехидном великолепии. Я без особой нервотрёпки дожидался, пока человек обретёт способность действовать.

Но по мере того, как обращение за помощью к первым встречным становилось привычным, я стал терять добродушие, раздражаясь, просто не на шутку злясь, если человек соображал не так быстро, как мне бы желалось. Вот и возросла «себестоимость» конвейера доброты, как я в шутку окрестил вереницу помогающих мне, передающих меня друг другу первых встречных. Правда, иногда – и почему-то всё чаще – конвейер доброты ломался так, что не хватало никакого добродушия. Попробуйте простоять целый час у дверей прачечной в окружении наблюдающей за вами толпы, безуспешно пытаюсь узнать, почему прачечная закрыта и когда откроется! Там всего лишь был обеденный перерыв, но кто бы мне об этом написал на ладони... Простоять, держа в руках матерчатый плакатик с текстом: «Я слепой и глухой. Нужна помощь». И люди подходили, читали надпись, но не давали руки, не пытались узнать, что за помощь мне нужна, а, явно принимая меня за нищего, совали мне какую-то мелочь в руку. Кто бы не взбесился в такой ситуации, с которой, кстати, мне в первые годы сталкиваться не приходилось. Даже когда, казалось бы, необходимая мне помощь очевидна – на платформе при подходе электрички, – меня не сажали в электричку, а мне в руку совали монеты.

Я по-советски понимал под «помощью» всё, что угодно, только не милостыню. Но на дворе была перестройка, потом советская власть вообще рухнула, на улице появилось множество нищих, и меня с моим плакатом действительно принимали за одного из них. Потому и в электричку не сажали, думая, что я торчу на платформе ради милостыни, а ехать на самом деле мне куда не надо.

Раньше записки с конкретными просьбами спокойно брали и читали, охотно выполняли указанные в них просьбы; а как началась перестройка, далеко не каждый почему-то брал

записку, не каждый читал, что и вынудило меня обзавестись описанным выше плакатиком. Раньше в толпе я чувствовал к себе доброжелательное внимание, мне уступали дорогу, помогали пройти. А как началась перестройка, публика стала настолько невнимательна, что лезла прямо на трость, спотыкалась о неё, гнула и ломала, так что я стал пользоваться лыжными палками, которые сломать не так-то просто.

Дошло до того, что я обзавёлся спортивным свистком: не видят в упор, так пускай слышат, и если не помогают, то пусть хотя бы не путаются под ногами, вернее под тростью.

Но с другой стороны, мне по-прежнему готовы были и сами предлагали помочь, когда я просто изучал пространство и никакая помощь мне в тот момент не нужна была. Конвейер доброты стал работать по известному закону подлости, хорошо выраженному Твардовским:

Как пойдёшь искать кривое,

Так прямое всё подряд,

А пойдёшь искать прямое -

Всё кривое в аккурат.

Нужна помощь – не добьёшься, а не нужна – прямо-таки пристают с нею.

4.5. ИНСТРУМЕНТЫ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

Всё, что я придумал для своей самостоятельности, было результатом поиска наиболее надёжного контакта с конвейером доброты. С тех пор, как я решился выйти на улицу, поиск этот идёт непрерывно. Все перипетии этого поиска я уже не припомнил бы, да и не в них дело, а в результате, то есть в конкретных способах – целой системе способов – пользования им. Поэтому моя задача будет выполнена, если я просто опишу разработанный мною за много лет «пульт управления», подробно прокомментировав каждую «кнопку». Заодно и повод «перебрать» его, проверить, всё ли там в порядке, нельзя ли ещё что-то улучшить.

Конечно, дефекты зрения, слуха и речи у каждого свои, не говоря уже об уровне общего развития и всевозможных особенностях личности, им же несть числа, и все они важны. В деле самостоятельности нет мелочей, и дело это сугубо индивидуальное, так что каждый может пользоваться только своим, специально разработанным вариантом «пульта».

Пожалуй, самое сложное – это «запустить» конвейер доброты, «включить» его. Выражаясь проще, надо привлечь к себе доброжелательное внимание окружающих, не скрывая своей слепоглухоты, а, наоборот, подчёркивая её, давая о ней понять. И уже здесь – проблема.

Дело в том, что сигналы, предупреждающие о слепоте, существуют, да ещё международные. Светлая трость, приближающаяся по цвету к белому, и тёмные солнцезащитные очки во всём мире признак, что их владелец слеп. Но в очках всё время не ходишь. Даже практически слепые (с ничтожными остатками зрения, почти слепые) пользуются своим светоощущением для ориентировки в пространстве, а тут уж тёмные очки не всегда уместны. Меня, например, слепил солнечный свет, и тёмные очки при ярком солнце очень выручали. А вот вечером или утром, между темнотой и солнцем, отличное бестеневое освещение; при нём ориентироваться мне было легче всего, но без очков, потому что в них темновато. Маловато света, если ты в очках, и в метро. Сейчас, в пожилом возрасте, светоощущение совсем слабенькое...

Впрочем, обычно в моей практике оказывалось достаточно трости, чтобы люди догадались о моей слепоте. Только в мае 2016 года, гостя у моего друга Альгиса Арлаускаса в Испании, я узнал о существовании специальной двухцветной трости, сигнализирующей не только о слепоте (белый цвет), но и о глухоте (красный цвет). И Альгис подарил мне такую. Но не только в России, а и на Западе символику красно-белой трости надо усиленно пропагандировать, чтобы окружающие ассоциировали её со слепоглухотой.

Догадается человек по белой трости, что я слеп, а о том, что глух, и не подозревает. Я часто замечал, как люди задерживались рядом со мной, но вплотную не подходили, а потом через пару минут уходили совсем. Бывало и так: возьмут за руку, ведут, и вдруг через несколько шагов отпускают. Ясно: обращаются ко мне голосом, я не слышу и молчу, а человек не может взять в толк, почему я ему не отвечаю, и теряется, обижается. Дескать, что за невежа, ему помочь хотят, а он даже не разговаривает. Когда меня берут за руку, я поэтому сразу же сообщаю, что не слышу и не могу прореагировать на обращённую ко мне речь. Но в том, что меня расслышали за шумом транспорта и поняли, уверенности никогда нет. К тому же остатки слуха у меня лучше всего в высокочастотном диапазоне, и гула машин на улице я не слышу, а ощутить вибрацию мешает пониженная чувствительность ног. Зато слышим этот гул досаждают отчаянно, и за ним они меня могут не расслышать, в то время как я уверен, что кругом тихо.

Ну ладно. Ко мне подошли или мне удалось подойти; рука человека в моей руке, и я протягиваю тетрадку с просьбами, раскрытую на нужном месте. Однако руку мою с тетрадкой отталкивают. Что за притча? Ясно, что не понимают ситуации. Если сами не видят, не могут прочитать, то я не раз замечал, как лезли в карман за очками или передавали тетрадку кому-нибудь по соседству. А если сразу отталкивают руку – значит, не хотят читать. Почему? То ли принимают за хулигана, отвлекающего внимание с целью заехать по шее; то

ли думают, что я предъявляю какой-то документ, как милиции, а они мне и так верят... Ну, чужая душа потёмки, а печальный для меня факт тот, что в ситуации не разобрались, тетрадку читать не хотят, даже руку с ней отталкивают.

Всё это навело меня на мысль о плакате, заметном издали и дающем понять о моей инвалидности. В августе 1986-го мне сделали два таких плакатика, один из которых был запасным. Каждый из них представлял собой прямоугольную белую тряпку, по узким сторонам которой – специальные белые чехлы, чтобы вставлять палочки. Палочки нужны: за верхнюю я держал плакатик, а другая слегка его оттягивала, не давая свернуться. В эти чехлы удобно было вставлять длинные карандаши. В верхней части было вышито черными нитками: «Я слепой и глухой. Нужна помощь»; посередине – нашитый крест из ярко-алой материи; в нижней части красными нитками был вышит международный знак СОС. Когда плакатик не был нужен, он лежал у меня в кармане, свёрнутый так, чтобы мгновенно развернуться лицевой стороной к окружающим людям, едва я вытащу его из кармана и возьмусь за верхний карандаш, отпустив нижний.

Обычно плакатик срабатывал как надо: сразу вслед я протягивал тетрадку с просьбами, и её безропотно брали. Плакатик и придуман был именно для того, чтобы брали тетрадку. Думаю, такие плакатики не грех иметь всем без исключения слепоглухим: они срабатывают всё же лучше любого документа об инвалидности. Разумеется, каждому слепоглухому, кроме плакатиков, надо иметь и тщательно продуманный набор письменных просьб, но о них немного ниже.

Часто мне сильно казалось, что зрячие на самом деле, как бы это сказать, «слепее» меня. Прут напролом, в упор никого перед собой не видя. Был в метро уморительный случай, когда один такой «зрячий слепой» кувыркнулся через мою трость, встал на ноги, прочитал записку о том, как со мной говорить, и спросил печатными буквами у меня по ладони:

– Вам помочь?

Я не сдержал смеха в ответ:

– А вам не надо в медпункт? Чай, ушиблись.

Но чаще бывает не до шуток. Какой-то буйвол ринулся опростеть между мной и стеной, вдоль которой я спускался по лестнице в метро, споткнулся о трость, да так её лягнул, что в моих руках оказался обломок. Нечего и говорить, каким я сразу стал беспомощным. Ведь без трости я уверенно передвигаюсь только в хорошо знакомом помещении, например, в квартире. Даже во дворе Загорского детдома я без трости чувствовал себя не слишком уютно. Кстати о трости. Её обязательно должны иметь при себе и слабовидящие. На трость неплохо бы наматывать кольца изоленты контрастного чёрного цвета (лучше бы трости выпускали уже с такими кольцами, нанесёнными несмываемой краской или лаком). Три-четыре кольца, чтобы трость лучше видели водители автотранспорта. При переходе через улицу трость надо обязательно поднимать примерно горизонтально: для машин это, по международным законам, то же самое, что и красный свет светофора.

Как-то я переходил через улицу в сопровождении одного знакомого. Трость моя была в руках этого знакомого, он держал её горизонтально, и тем не менее какая-то нахальная легковушка шмыгнула у нас перед носом. Знакомый, просвещённый по части международных норм сигнализации о слепоте, изловчился и ударил моей тростью по зеркальцу нахалки. Зеркальце разлетелось вдребезги, чем мы оба были очень довольны. Как же ещё учить нахалов?.. Правила-то не про них писаны...

Настоящее бедствие – загромождение автотранспортом тротуаров. Каждый раз, путаясь среди машин на тротуаре, я от души жалел, что не припас молотка, дабы грохать им в ветровые стёкла, или шила – прокалывать колеса. Хулиганские мечты, конечно, да о чём же ещё мечтать при подобной беспардонности?!

Ходить без трости при слабом зрении – очень опасная бравада. Слепые ведь тоже часто не

похожи на слепых, какими они «должны быть» в представлении зрячих... Разгуливать без трости и других бросающихся в глаза признаков инвалидности – ничем не оправданный риск. Но и на трость, как видим, не очень-то иногда реагируют. Когда зрячий спешит, он становится крайне невнимателен: видит только отходящий поезд и прочее, что ему там нужно, и совершенно не замечает никаких посторонних для него предметов, хотя бы этим «посторонним предметом» оказался инвалид. Не только трость погнуть или сломать – сбить с ног могут. В густой толпе идти очень трудно: мечутся во всех направлениях, сбивают с маршрута, и трость то и дело запутывается в чьих-то ногах. Особенно это в метро и в больших магазинах, ну и на вокзалах, конечно. Словом, я убедился, что глаза у зрячих на редкость незрячие, доверять им никак нельзя.

Что ж, если дураки глаза, авось умнее уши. После нескольких злоключений, в результате одного из которых я расшибся в кровь (сбили-таки с ног на эскалаторе в метро «Добрынинская»), я купил набор свистков со звуком погромче и порезче. Пускай принимают за сумасшедшего, за кого угодно – наплевать, лишь бы не путались под ногами, не мешали идти.

Одно удовольствие – брести по перрону метро к эскалатору и свистеть: дураки шарахаются во все стороны, ближе чем на три метра не подходят, так что для трости полный простор, а из сотен окружающих идиотов хоть один да найдётся умный, кто возьмёт за руку и поведёт. Тогда я переставал свистеть. И разумеется, сразу же объяснял ситуацию подошедшему человеку: кто я такой, зачем свищу...

Правда, однажды я привлёк своим свистом милиционера на станции метро «Площадь Свердлова» (теперь «Театральная»). Я уже почти достиг эскалатора, как вдруг меня резко схватили за сумку на длинном ремне. Но, едва я обернулся, тут же отпустили: блюститель общественного порядка узрел трость, которую, видно, сгоряча не заметил. У меня в таких случаях мгновенный, чисто детский инстинкт – я успел ощупать погон, «взбежав» пальцами свободной руки до плеча милиционера...

В другой раз на «Комсомольской» какой-то добровольный блюститель общественного спокойствия вырвал свисток у меня из губ, а свисток в тот раз, как нарочно, не висел на шее на шнурке, – обычно-то я вешал, опасаясь «посеять» столь драгоценный предмет. Я успел схватить блюстителя за рукав и заорал, чтобы он отдал свисток. На мою защиту тут же встали окружающие, кто-то, как мне потом рассказывали, даже угостил непрошеного блюстителя по шее, и я, клещом вцепившийся в его рукав, отпустил незадачливого обидчика не раньше, чем он вернул мне свисток, для чего ему пришлось изогнуться – свисток валялся на полу довольно далеко...

Не каждый способен вести себя так нахраписто, как, обозлённый слепотой зрячих, позволял себе я. Щадя не «слепых зрячих», а чувства сопровождающих меня друзей, я придумал способ привлекать к себе внимание без всякого шума: трость поднимать повыше, держа почти за самый наконечник. Оказывается, «слепые зрячие» – большие «зазнайки»: под ноги не смотрят, предпочитают считать ворон. Завидя поднятую наподобие знамени трость, они благополучно меня с моим сопровождающим обтекают. Рекомендую для стеснительных. При условии, что они не одни. Сам же, если один, предпочитаю свистеть. Или по-детски «бибикать», или даже гавкать – буквально: «Гав-гав-гав!» Когда я загавкал на той же «Комсомольской» в густой толпе, стадом сгрудившейся перед эскалатором, я развеселил всю публику. Мне перевели реплику:

– А кусаться не будете?

Я пообещал, что обязательно буду, и народ мирно, со смехом вступил на эскалатор.

Кстати, не могу полностью приписать себе заслугу такого использования свистка. Идею почерпнул из одной книги известного психотерапевта В.Л. Леви, в которой он при встрече с жаждущим драки пьяным хулиганом рекомендует свистеть в милицейский или подобный по

звуку свисток слабакам вроде меня, не могущим иначе за себя постоять. Леви заверяет читателя в полной надёжности такой защиты: действует, даже если нет ни одного милиционера на три километра вокруг. Я посоветовал это своей слепоглохой подружке, Ирине Поволоцкой, подарив ей свисток, и она мне рассказала, что воспользовалась рекомендацией, когда поздним осенним вечером с неё попробовали снять роскошную американскую куртку. Подружка моя заверещала в свисток так, что сама испугалась, а когда опомнилась – обидчиков как ветром сдуло. Ай да Владимир Львович! Низкий вам поклон!

Выручал меня свисток в магазинах. Как-то я заблудился в универсаме, ничего не мог найти, а люди, как на грех, не предлагали помочь, да ещё толкались. Отчаялся что-либо найти сам, администратор где – шут его знает, остановился в конце одного из рядов с товарами и изо всех сил, заодно освобождаясь от накопившегося раздражения, дунул в свисток. А он у меня такой, – даже мои уши закладывает, даром что потеря слуха довольно-таки большая. Ясное дело, что, когда такое начинает сверлить нормальные уши, их обладатели – кто куда. Так вот, после первого свистка вокруг меня сразу стало просторно; после второго свободное пространство ещё больше расширилось. После третьего, как пишут в книгах, решительным шагом для принятия строгих мер ко мне подошёл какой-то мужчина. Кто его знает, что он мне сказал или собирался сказать, но, как только он взял меня за руку, я протянул ему заранее подготовленную тетрадку с просьбами. Прочитав, кто я такой и чего мне нужно, он сразу стал мне деятельно помогать. Я нашёл и купил всё, что хотел.

Но когда я в автобусе вознамерился добиться свистком, чтобы меня вывели на нужной остановке, я создал вокруг себя полный вакуум, однако ничего не добился. Три раза проехал я в автобусе из конца в конец, пока ко мне не решился подойти водитель. Когда я сам протягивал ему тетрадку в кабину, он не брал, шарахался. Убедившись, что я не вылезу из автобуса, пока меня не выведут там, где мне надо, он всё же прочитал соответствующую записку и высадил-таки, где надо, но после столь долгих неудач я никак не мог поверить, что автобус стоит на моей остановке, и отказывался выходить. Это было, когда плакатика ещё не сшили...

В общем, свисток ненадёжен как способ позвать на помощь: когда подойдут, а когда и нет, да если и подойдут, то с целью призвать к порядку. Впрочем, таких добровольных блюстителей порядка, на моё счастье, не так уж много. Большинство просто шарахается. Но когда как раз и нужно, чтобы шарахались – тут уж свисток, в роли звукового бича, безотказен. А необходимость разогнать толпу возникает довольно-таки часто. Хорош свисток и при посадке в автобус на первой остановке, куда автобус после разворота подходит пустой. Все бросаются толпой, толкаются, протискиваются вперёд; этим озверелым эгоистам ни до кого, ни до чего, лишь бы прорваться в первых рядах и занять сидячие места. Толкотня, давка, упадёшь – затопчут. И вот я заранее брал свисток в рот и, как только начинают толкаться, оглушительно свистел. Звери мгновенно превращались в людей, начинали входить в автобус по одному, как положено, и я тоже поднимался без приключений, да ещё и помогали – под локоток поддерживали, за руку брали, чтобы легче было вскарабкаться...

Итак, трость, плакатик, свисток. Но это всё мелочи. Самое же главное – записки. Их было много разных, удачных и неудачных, слишком общих и слишком конкретных; пробитых дырколом, чтобы можно было связать обувным шнурком, и аккуратно сшитых в тетрадки. К концу перестройки у меня остались две тетрадки с записками: одна только транспортная, а другая – остальное. Система записок имела для моей самостоятельности исключительное значение, поэтому опишу её как можно детальнее.

Все записки делались из брайлевской бумаги. Брал из пачки лист, резал на четвертушки, которые дополнительно сгибал пополам. На каждой половинке четвертушки с обеих сторон писал для себя по Брайлю сигнальные слова или цифры, по которым я сам мог догадаться о содержании просьбы на этой записке. Затем вставлял четвертушки в зрячую машинку и под

брайлевскими подписями печатал только заглавными буквами обращение к случайным встречным зрячеслышащим с соответствующими просьбами. Когда все записки были готовы, сшивал их в тетрадки форматом в одну восьмую брайлевского листа (примерно с паспорт или сберкнижку) и без этих тетрадок один никуда не выходил. Раньше я делал их без обложек, и наружные записки быстро ветшали. Позже стал делать обложки из тех же четвертушек брайлевской бумаги, совершенно чистых, без надписей. Всё же примерно два раза в год тетрадки приходилось обновлять. И так как от них зависела вся моя самостоятельность, то делать новые тетрадки приходилось очень быстро, бросая все остальные дела.

Теперь перелистаем тетрадки. Начнём с транспортной.

1. Брайлевская надпись для меня: «Переводная». Зрячий текст: «Товарищ, пожалуйста, вчитайтесь. Я слепой и глухой. Пожалуйста, переведите через дорогу. Если вам некогда, попросите кого-нибудь другого помочь мне».

Долгое время я каждую записку начинал фразой: «Товарищ, я не слышу и очень плохо вижу». Иногда возникали непонятные для меня затруднения: записку вроде читали, а может, и нет, но не помогали, отходили. Предполагая, что виновата слишком стыдливая, деликатная редакция сообщения об инвалидности, я преодолел ложный стыд и стал писать беспощадно: «Товарищ, я слепой и глухой». Но в годы перестройки записки вообще отказывались читать – разумеется, не всегда отказывались, но часто. Или по поведению человека я догадывался, что он хотя и читал, но не до конца. Всё та же спешка, даже на две короткие фразы терпения не хватает!.. И я каждую записку стал начинать просьбой: «Товарищ, пожалуйста, прочитайте записку до конца». Опять не то: иные встречные понимали так, что надо перелистать всю тетрадку, и в итоге, разумеется, не знали, какого же лешего мне от них надо. В конце концов я стал писать: «Товарищ, пожалуйста, вчитайтесь». Случайный встречный, как бестолковый ученик, читать вроде бы читает, а вот понимать – ни черта не понимает. Поэтому я пытаюсь мобилизовать его мыслительные способности (о которых, в среднем, у меня сложилось очень невысокое мнение) просьбой не просто прочитать, а вчитаться.

Последняя фраза записки – тоже постоянная, и тоже не просто формула вежливости. Раньше я ограничивался сообщением о своей инвалидности и конкретной просьбой. Однако бывали осечки; люди читали мои записки, но, явно торопясь по своим делам, просьб не выполняли. Приходилось обращаться к другим, а это совсем не просто: пока-то другой возьмёт тетрадку... Предполагая, что первому встречному может быть некогда, я и стал добавлять просьбу договориться о помощи мне с кем-нибудь другим. Стало легче, меня стали часто передавать с рук на руки. Слышащему ведь легче ввести в курс дела окружающих и найти среди них того, чьим планам меньше всего мешает моя письменная просьба.

Обращение «товарищ» после 1991 года не всякому понравится. Признаюсь, оно мне всегда было не просто привычно, а очень дорого. Тем более, кто мне сейчас «товарищ» и в чём... Как я вычитал в книгах про гражданскую войну, «гусь свинье не товарищ».

Можно обойтись вообще без обращения, так с ходу и начинать: «Пожалуйста, вчитайтесь». Но как-то грубовато выходит. Думаю, можно выкрутиться из щекотливой ситуации с помощью обращения «Дорогой друг». Оно общепринято на всевозможных международных конференциях, – «дорогие друзья!», – когда нужно обратиться как-то позадушевной, неофициально.

К тому же и психологически, и по существу в моём положении совершенно верно: в каждом, к кому обращаюсь за помощью, я просто обязан видеть потенциального друга, иначе нет смысла огород городить, дома надо сидеть. Это соображение – по существу. А психологически, наверное, каждому, к кому обращаешься за помощью, приятно должно быть узнать, что он – не кто-нибудь, а «дорогой друг». Именно «дорогой»: если отбросить это прилагательное, то и существительное «друг» будет звучать уже как-то не так, резковато, пожалуй.

В проникновении в психологию случайного встречного «среднего» зрячеслышащего, и с точки зрения этой психологии – в редактировании записок, – мне в начале 1980-х годов очень много помогал Б.М. Бим-Бад. Это была исключительно важная помощь, так как не только зрячеслышащим трудно «влезть в шкуру» слепоглухих, но не легче и наоборот.

«Переводная» записка вообще-то существовала у меня на всякий случай: обычно перейти через дорогу помогали и без всякой письменной просьбы. Слишком, наверное, очевидна ситуация. Но когда-то «Переводной» запиской я пользовался часто; то ли ситуация была менее очевидной, то ли, скорее всего, сам я держался не столь уверенно, ещё не очень хорошо зная свои маршруты, да и ложный стыд – обращаться за помощью – не до конца преодолел.

Дальше не буду специально оговаривать, что в записке написано по Брайлю, а что незрячему. Брайлевская надпись всегда идёт первой и отделяется точкой с тире, а дальше зрячий текст.

2. Такси. – Дорогой друг, пожалуйста, вчитайтесь. Я слепой и глухой. Посадите, пожалуйста, в такси. Куда ехать, скажу водителю сам. Если вам некогда, попросите кого-нибудь помочь мне.

К 1990-м годам эта записка имела чисто исторический интерес – самостоятельно такси не пользовался, и даже если случалось ездить одному, меня сажали и встречали люди из постоянного окружения, а никак не первые встречные. То ли дело в первой половине 1980-х, когда существовали стоянки такси, наподобие автобусных остановок, – для этих стоянок и сделана эта записка, – и можно было объехать Москву по МКАД за 10 рублей. Обычно же мои маршруты обходились мне не дороже четырёх – пяти рублей. Раз или два в неделю я мог себе позволить это удовольствие, что очень выручало меня, если место назначения было далеко от метро или если я просто ещё не освоил дорогу.

3. Комсомольская радиальная. – Дорогой друг, пожалуйста, вчитайтесь. Я слепой и глухой. Пожалуйста, помогите мне выйти из электрички и дойти до станции метро «Комсомольская» на радиальной линии. Если вам некогда, попросите кого-нибудь другого помочь мне.

Сейчас я на ходунках и в инвалидной коляске, и всё это в прошлом... Какой бы то ни было общественный транспорт мне давно уже недоступен. Вообще записками я активно пользовался лет пятнадцать, с 1976 года, а в 1990-е годы и позже меня кто-нибудь да сопровождал – мама, брат, названный сын...

4. Комсомольская кольцевая. – Просьба такая же, как и в предыдущей записке, только на соседнюю станцию.

5. К Маленковской. – Дорогой друг, пожалуйста, вчитайтесь. Я слепой и глухой. Пожалуйста, посадите меня на электричку, которая останавливается на платформе «Маленковская». Если вам некогда, попросите кого-нибудь другого помочь мне.

6. Маленковская. – Дорогой друг, пожалуйста, вчитайтесь. Я слепой и глухой. Пожалуйста, помогите мне выйти на платформе «Маленковская». Если вам некогда, попросите кого-нибудь другого помочь мне.

7. К Москве. – Просьба посадить на электричку, идущую на любой московский вокзал. Тип зрячего текста аналогичен тому, что в записке «К Маленковской». Эта записка – на случай, если я не буду знать, с какой платформы поезда идут в Москву.

8. Электричка. – Просьба посадить на любую электричку. Это если мне надо, например, на платформу Лосиноостровская, где останавливается всё.

9. Лосиноостровская. – Просьба высадить на этой платформе. Зрячий текст такой же, как в записке «Маленковская».

10. К Лосю. – Дорогой друг, пожалуйста, вчитайтесь. Я слепой и глухой. Пожалуйста, посадите меня на электричку, которая останавливается на платформе «Лось» (ни в коем случае не «Лосиноостровская»!). Если вам некогда, попросите помочь мне кого-нибудь

другого.

Как на грех, две соседние платформы почти тёзки, и их иногда путают. На Лосиноостровской останавливаются все электрички, а на Лосе – не все. Живу я именно у платформы Лось, так что из-за чьей-то неосведомленности насчёт двух «лосиных» платформ рисковать выскочить раньше времени или проехать мимо совсем не хотелось. Ведь некоторые поезда после Лосиноостровской останавливаются только в Мытищах! Я шутил, что к моей платформе надо «пристреливаться»: недолёт – перелёт – в яблочко. Но если влипнешь в эту «пристрелочную» историю один – не до шуток.

11. Лось. – Просьба высадить на этой именно платформе, с той же категорической оговоркой, что мне нужен именно Лось, а не Лосинка.

12. К Сергиеву Посаду. – Читатель, думаю, уже догадался, что если стоит предлог «к», значит, в зрячем тексте просьба посадить на что-то в ту сторону. В данном случае – на Сергиев-Посадскую электричку.

13. Сергиев Посад. – Просьба высадить в Сергиевом Посаде.

14. 26, 28. – Дорогой друг, пожалуйста, вчитайтесь. Я слепой и глухой. Пожалуйста, посадите меня на 26 или 28 автобус. Если вам некогда, попросите помочь мне кого-нибудь другого.

По такому же типу – все просьбы посадить на автобусы или троллейбусы.

15. 46. – Просьба посадить на автобус.

16. ПМК. – Дорогой друг, пожалуйста, вчитайтесь. Я слепой и глухой. Пожалуйста, помогите мне выйти на остановке ПМК. Если вам некогда, попросите кого-нибудь другого помочь мне. Точно так же составлены все просьбы высадить на той или иной остановке.

17. 601. – Просьба посадить на автобус.

18. 602. – Просьба посадить на автобус.

19. 76, 172. – Просьба посадить на троллейбус или автобус.

20. Бабушкинская. – Просьба высадить у метро «Бабушкинская» и довести до метро.

21. Улица Егора Абакумова. – Так называется моя остановка на Ярославском шоссе. Просьба высадить на ней.

Почему-то просьбы высадить выполнялись на всех остановках, кроме этой. Именно здесь мне надо было сойти со 172-го автобуса, на котором я однажды проехал три раза из конца в конец, потому что меня никак не высаживали. Позже эта загадка разъяснилась: остановка-то оказалась предпоследней, и те, кого я заранее просил высадить меня на ней, просто сходили раньше. Уяснив это, я понял, что никого просить и не надо; доедешь до конца, развернёшься, и на первой же остановке вылезай, – заодно и с подземным переходом связываться не нужно, сразу на своей стороне Ярославского шоссе.

22. 181, 605, 696. – Просьба посадить на любой из этих автобусов.

23. «Дары природы». – Просьба высадить на остановке под этим названием, возле которой находился магазин «Дары природы». Помню и другой магазин «Дары природы», на Комсомольском проспекте, напротив метро «Фрунзенская». Там Ильенков часто покупал для четвёрки слепоглухих студентов гостинцы – кедровые шишки с орехами, фрукты, мёд...

24. 185, 210. – Просьба посадить на автобус.

25. «Каучук». – Так называлась остановка, вывести на которой я просил в этой записке.

26. 64, 132. – Просьба посадить на эти автобусы.

27. Трубецкая. – Улица, по которой называлась остановка, иногда мне нужная.

28. Новгородская. – Улица, по которой называлась остановка, иногда мне нужная.

29. Медведково. – Просьба высадить у метро «Медведково» и довести до него.

30. Алтуфьевское-91. – Просьба высадить на этой остановке, названной по одному из домов на Алтуфьевском шоссе. До платформы Лось я жил в соседнем (89/А) доме.

31. Череповецкая. – Улица, по которой названа остановка, иногда мне нужная.

Раньше у меня все записки были скопом – и транспортные, и другие. Потом другие были

отделены. Иногда в сложной ситуации после транспортной записки бывала нужна другая, а листать тетрадку, искать нужную записку – себе дороже: как бы не удрал помощник. Лучше её иметь наготове, отдельно. Три записки из второй тетрадки я пропущу, чтобы прокомментировать особо, после всех.

32. Завтрак. – Дорогой друг, пожалуйста, вчитайтесь. Я слепой и глухой. Пожалуйста, возьмите деньги из моего кошелька и купите мне завтрак по своему выбору. Питья, пожалуйста, два стакана (лучше сок). Если вам некогда, попросите кого-нибудь другого мне помочь.

Необходимость в постоянных записках такого рода появилась, когда мне показали дорогу в ближайшие столовые и я стал питаться в основном в них. Сначала я пробовал капризничать, перечислял, что я предпочёл бы (например, второе – что-нибудь котлетное, суп – чур, не молочный и не свекольный и т.п.), но очень быстро сообразил, что создаю себе и окружающим лишние трудности. К тому же кто ж его знает, что вообще есть. И я предоставил выбор помогающим мне людям, и не раскаялся, тем более что обычно за помощью обращался к персоналу данной забегаловки.

Кстати, очень важная психологическая деталь: я предлагал человеку, к которому обращался за помощью в торговых учреждениях, самому взять деньги из моего кошелька. Это демонстрация доверия. Стыдно щупать каждую монетку, пытаться прямо при случайном помощнике проверить, не обсчитали ли тебя. Если не веришь людям, зачем тогда вообще к ним лезешь за помощью? Обходишь уж как-нибудь один. Другое дело, что можно иметь два кошелька: один расходный, с небольшой суммой, который и протягивать помощнику; другой – со всей наличностью, откуда постепенно добавлять в первый кошелек. Если уж в кои-то веки и наткнёшься на подонка, убыток окажется не страшным. Но в моей практике никогда и ничего подобного не было. Наоборот, часто я обнаруживал, что деньги мои в расходном кошельке целы, хоть кошелек у меня и брали, а накормили, следовательно, за свои, а не за мои деньги.

Собираясь за молоком, я положил однажды в опустевший кошелек рубль. Вернулся с молоком как раз на рубль (три литра), а когда снова собрался в магазин и решил пополнить расходный кошелек, обнаружил, что тот несчастный рубль так там и лежит. А ведь кошелек у меня из рук брали... Вот такие «обсчёты» в моей практике случались часто. А чтобы наоборот, чтобы взяли больше хоть на копейку – такого ни разу не было.

В отношениях между людьми, а особенно в отношениях между инвалидами и здоровыми, должна преобладать презумпция доверия. Весь мой личный опыт убеждает меня, что никакой другой «политики» тут быть не может.

Всё так, но сейчас у меня один кошелек, и я в нём сам хозяйничаю – не потому, что не доверяю продавцу или сопровождающему, если не один, а просто чтобы в нём не нарушался мой порядок. Купюры по размерам похожи, и отличить их могу, только положив в определённое место и в определённом – сложенном или развёрнутом – виде. Одно отделение кошелька – для сторублёвок; другое – для тысяч; а в отделении между ними купюры по 500 рублей лежат в развёрнутом виде, по 50 – в сложенном пополам, иначе могу их перепутать. Бумажную десятирублёвку тоже складывал, чтобы отличить от сторублёвки. Но всегда спрашиваю при получении сдачи, иногда довольно крупной (с пяти тысяч), какие купюры какого достоинства, и раскладываю их по соответствующим отделениям. Сейчас десятирублёвки чаще металлические, и у меня для них особое отделение.

Очень выручает монетница, в которой можно раскладывать монеты достоинством до пяти рублей. Неплохо бы специально организовать снабжение слепых и слепоглухих монетницами, ибо их не очень-то легко найти в продаже...

33. Обед. – Точь-в-точь то же самое, что и в предыдущей записке, только вместо слова «завтрак» – слово «обед».

34. Ужин. – Просьба дать ужин.

35. Поесть, что есть. – Для буфетов. Просьба дать что-нибудь поесть. Всё равно что, исходя из имеющегося ассортимента.

36. Обед в ресторане. – Дорогой друг, пожалуйста, вчитайтесь. Я слепой и глухой. Дайте мне, пожалуйста, обед по своему выбору. Питья, пожалуйста, два стакана (сока) или две бутылки (лимоада). Деньги при расчёте возьмите из кошелька сами.

Здесь нет оговорок насчёт «некогда», потому что записка подаётся официанту, которому не на кого переложить заботу обо мне. В ресторанах я бывал крайне редко и в прежние, относительно благополучные советские времена, в основном если больше поесть было просто негде. Чаще всего такая авария случалась по вечерам: рестораны работали до одиннадцати, а обычные столовые – не позже чем до девяти. Засидишься иногда в читальном зале, ну и прозеваешь все сроки. Так что чаще всего бывала нужна записка:

37. Ресторанный ужин.

38. Кафе-мороженое. – Тип записки тот же, что и для ресторанов: любое мороженое, коктейль, сок.

Это уже чистый каприз. По пути между институтом и метро знал одно такое заведение – «Космос», и изредка, как говорится, «с полочки», туда заходил. Надо же иногда и побаловать себя «вкусным снегом».

Всё это, разумеется, устарело. Раньше-то в ресторане можно было поесть за три рубля... И тогда я жил один, а сейчас у меня семья. Нормальное домашнее – семейное – питание; главная кормилица, когда один дома – микроволновка.

39. Веник в баню. – Дорогой друг, пожалуйста, вчитайтесь. Я слепой и глухой. Вот мой кошелек, мне надо купить банный веник. Если Вам некогда, попросите кого-нибудь другого помочь мне.

Раньше ездил обычно в Центральную баню, – привык ещё со студенческих лет именно к ней, да и метро близко. И там рядом продавались веники. Продавцы – народ пугливый, чуть не лезли при встрече со мной под прилавок, забыв про свой товар, вот я и завёл для них специальную записку. Зато веник давали самый драчливый!.. Сейчас, правда, баня давно уже не по здоровью...

40. Банный билет. – Дорогой друг, пожалуйста, вчитайтесь. Я слепой и глухой. Мне нужен билет в высший разряд бани и талон на простыню. Деньги возьмите сами.

Это для Центральных бань, где я со студенческих лет только в высшем разряде и сориентировался. Билет туда стоил 60 копеек, простыня – 18. Эта записка подавалась в окошечко кассиру, поэтому в ней и нет просьбы, если некогда, договориться о помощи мне с кем-нибудь другим.

Теперь три пропущенные записки.

41. Разговорная. – Дорогой друг, пожалуйста, вчитайтесь. Я слепой и глухой. Говорить могу. Мне нужна Ваша помощь. Какая – скажу. А вы во всю мою правую ладонь чертите печатные буквы, как на вывесках. Прямо по ладони, пальцем или напишущим концом авторучки (карандаша). Так я Вас легко пойму. На ухо не кричите: это бесполезно.

Во всех предыдущих записках содержатся конкретные просьбы, выполнение которых не требует никаких разговоров, – просьбы предельно просты. «Разговорная» записка универсальная; пускается в ход в исключительно сложных случаях, когда мне надо получить какую-то информацию, а для этого сообщить людям способ обращения ко мне.

Редакция этой записки очень важна. Текст записки не должен быть слишком сложным. В то же время надо успокоить человека, подчеркнуть, что, если он в точности выполнит мою инструкцию, он будет понят без всяких затруднений.

Сложнее всего преодолеть удивительно стойкий и распространённый предрассудок: раз глухой – надо орать погромче, на самое ухо, тогда поймёт.

Некоторые факты научной психологии следовало бы довести до обыденного сознания. Например, тот факт, что ощущать звук и понимать звуковую речь, различать звуки – совсем не одно и то же. Некоторые мои первые встречные обладали очень даже мощными голосовыми связками; орали так, что и мёртвого оглушили бы, не то что меня. Но, само собой разумеется, от этого их речь не становится для меня понятнее, ибо понятность, если воспользоваться научным языком, – вовсе не функция громкости.

Писать же пальцем никак не решались. Для них, очевидно, это слишком непривычное, дикое применение пальца. Проще сорвать голос, чем написать хотя бы одну букву.

Или готовы написать, но только не на ладони, а на бумаге, и совали мне эту бумагу, не осознав, очевидно, одновременности глухоты и слепоты. Увы, столь упорное непонимание ситуации нередко выводило меня из себя, я начинал торопить, даже кричать, и тогда этот робот в человеческом облике просто обращался в бегство.

По моим наблюдениям, больше всего роботизированы чистые исполнители, функционеры, от кого на работе и вообще в жизни требуется меньше всего творчества. Школьников, начиная уже со второго класса, а также студентов и интеллигентов отличает, как правило, способность довольно быстро осваиваться в необычной ситуации встречи со мной. Ещё довольно сообразительны люди в погонах... Когда с человеком наконец удаётся разговариваться, я интересуюсь характером преобладающего в его жизни труда. Поэтому так уверенно говорю, кто именно быстрее осваивается в ситуации общения со мной.

Переход к письму по ладони несколько упрощается, если предлагать писать не пальцем, а неочиненным карандашом или напишущим концом авторучки. Это привычнее. Да и то нередко пытаются писать у меня на ладони пишущим концом, против чего я, конечно, протестую, ибо не знаю, каким мылом эти письма потом смывать.

Был только один случай, когда в метро, направляясь домой, я позволил написать у себя на ладони, на какой именно автобус мне надо попасть после метро. Я вынужден был махнуть рукой на проблему мыла, потому что где-то забыл или обронил тетрадку с записками. Ситуация была такой: лишь бы добраться до дома, а там ладонь можно сдать хоть в химчистку.

Одну знакомую моей сестры, впервые меня увидевшую, битый час уговаривали писать у меня по ладони пальцем. Уже отчаялись: она всё время отдёргивала палец, как будто боялась обжечься. Наконец, я попросил неочиненный карандаш, и через несколько минут она стала писать вполне разборчиво. Для перехода с карандаша на палец понадобилось ещё не более десяти минут.

Писать нужно только печатными буквами, как на вывесках. Даже не писать, а чертить, во всю ладонь. Однако пытаются именно писать, а не чертить, и не печатными, а строчными буквами, да ещё очень мелкими, да ещё соединенными друг с другом в строку. И зрячие-то, судя по многочисленным жалобам на почерк, еле-еле разбираются в этих узорах, а мне каково?

Да ещё в «Разговорной» записке я забыл подчеркнуть, что писать надо только в пределах ладони, ни в коем разе не делать строчку, заезжая с кисти руки на предплечье, а то и на плечо. Но записка и без того длинная, а чем длиннее, тем первая встречная бестолочь больше путается. Не делать строчку легче лёгкого попросить прямо в ходе общения, – лишь бы вообще начали писать...

Важна и оговорка насчёт правой ладони: для такого способа общения натренирована только она.левой ладонью понимаю гораздо хуже.

Когда Ильенков учил меня понимать зрячие буквы ладонью, заодно впервые фактически и знакомя меня с ними, он, сославшись на опыт О.И. Скороходовой, подсказал: положить левую руку на руку собеседника и контролировать его движения. На первых порах меня это выручило, а потом я так натренировался, что надобность в контроле отпала.

Очень выручила меня «разговорная» записка в тот кошмарный день, когда я не нашёл сберкнижку на привычном месте, а в кармане у меня было всего три рубля. В сберкассе выяснилось, что нужно написать заявление об утере сберкнижки и с ним поехать в центральную районную кассу. Заявление мне написали, объяснили, на чём ехать и где выйти. Будь у меня побольше денег, я просто попросил бы посадить меня в такси, а там бы водитель нашёл бы всё, что надо. Но денег на такси не было, и пришлось ехать автобусом, выходить на указанной мне в сберкассе остановке, а потом с помощью целого ряда людей, сменяющих друг друга, искать эту проклятую центральную сберкасса. Адрес дали, как водится, не тот; спасибо и на том, что по этому адресу сберкасса всё же была, хотя и не центральная. Оттуда послали в третью сберкасса, из третьей – в четвертую, и та наконец оказалась нужной. Затем мне оформили документ, разрешающий завести на меня новую сберкнижку, проводили на остановку автобуса, посадили на него, уже другие люди высадили на нужной остановке, и я пришёл в первую сберкасса почти перед закрытием. Там наконец получил деньги и ещё едва успел зайти в ближайший продовольственный магазин – продуктов дома не было.

Неотложность всей этой беготни вызвана была тем, что я только что прилетел из отпуска, из Киргизии; встретившего меня в аэропорту человека неосторожно отпустил, думая, что сберкнижка там, где, помнится, я её оставил перед отъездом в ящике платяного шкафа, а там её не оказалось. Все мои деньги по моей просьбе (чтобы не нужно было каждый месяц ездить далеко, за полтора часа в один конец, только ради получения зарплаты) перечисляли на сберкнижку, откуда я их и снимал, сколько мне надо. Нечего и говорить, что без «разговорной» записки мне из той ситуации было бы никак не выпутаться...

42. Разговорная для музыки. – Эта записка почти такая же, как и предыдущая, но предназначена для покупки билетов на концерты, балеты и т.п.

Представьте себе, что в кассу оперного театра просовывают записку, в которой, с одной стороны, содержится сообщение о полной глухоте владельца, а с другой – просьба продать билет на «Лебединое озеро» Чайковского. Мне даже трудно вообразить замешательство человека, к которому обратился бы с такой просьбой глухой... меломан. Поэтому в «разговорной для музыки» записке у меня сказано, что я совсем не понимаю звуковой речи, но любые звуки с помощью слухового аппарата ощутить могу и очень люблю слушать через слуховой аппарат музыку. Всё остальное точно так же, как и в обычной «разговорной» записке.

В конце перестройки в специализированном магазине для слепых «Рассвет» появились так называемые «алфавитки» – пластмассовые дощечки с брайлевским и параллельным зрячим алфавитом на одной стороне, с крупным печатным зрячим алфавитом – на другой. Там, где брайлевский алфавит, сверху инструкция: перед вами слепоглухой, показывайте ему соответствующие буквы в алфавите (возле каждой брайлевской буквы – зрячая), и таким образом вы сможете с ним общаться. Теперь я постоянно носил с собой эти алфавитки. Мои записки для меня были лучше, но алфавитка помогала легче вступить в контакт, преодолеть первоначальный барьер. По-видимому, людей успокаивал явно промышленный, не кустарный вид алфавитки, её спокойно брали в руки, читали инструкцию, убеждались, что имеют дело со слепоглухим, а не с бандитом с большой дороги. После этого я переворачивал алфавитку той стороной, где крупные зрячие буквы (она предназначена для слабовидящих глухих), и говорил, что лучше чертить такие же буквы пальцем по моей ладони, а не скакать по дощечке с буквы на букву, как по болоту с кочки на кочку. Контакт налаживался быстро.

Кончилась перестройка – прекратился выпуск алфавиток. В 2014 году появился Фонд поддержки слепоглухих. Я сразу стал на всех перекрёстках рассказывать про алфавитки, вслух мечтать о выпуске их новой серии. У меня чудом сохранилась одна, журналисты её сфотографировали... И то ли мои мечты услышали, то ли ещё что, но года не прошло – мне подарили новую алфавитку. Лучше старой. Более яркую, рельефную, с выпуклыми, а не

вдавленными буквами на стороне для слабовидящих. Иногда новая алфавитка выручает в магазинах возле дома, если там меняется персонал, пока я долго туда не заходил...

Кроме того, полезно на улице всегда быть со слуховым аппаратом. Во-первых, он поможет услышать достаточно издали шум машины, большую магистраль. Во-вторых, услышать, если не понять, устное предложение помощи. Чаще всего, как я убедился, спрашивают: «Вам куда?» – люди, готовые проводить.

Обстановка на российских улицах со времён перестройки всё усложнялась, и соответственно приходилось упрощать мораль. Раньше я, как и все советские люди, стеснялся сойти за нищего, и без крайней необходимости не вытаскивал на свет ни плакатика, ни записок, ни алфавитки. Но потом я пришёл к выводу, что нужен какой-то постоянный бросающийся в глаза признак, выделяющий инвалида из толпы. В Америке я видел значки – пластмассовые прямоугольные таблички с крупной зрячей рельефной надписью, по слову в каждой строке: «Deaf and blind» («Глухой и слепой»). Эти таблички прикалываются к одежде булавкой и носятся как значок. Мне пришлось убедиться, что нечто подобное необходимо и в России. Нужно разработать и выпустить в продажу серию значков, придумать какую-то эмблему слепоглухоты и под ней написать примерно следующее: «Я слепой и глухой. Мне нужна Ваша помощь» (или «мне нужно Ваше внимание» – надо очень подумать над редакцией; может быть, как на американском значке, ограничиться просто словами «слепой и глухой», или сделать надпись двуязычной – по-английски и по-русски).

В США проведено исследование, как воспринимаются обращения слепоглухих за помощью зрячеслышащими встречными-поперечными, и сделан вывод, что эти обращения должны печататься тремя шрифтами: самое важное – самым крупным, менее важное – средним, и наименее важное – относительно мелким шрифтом. Ну и разного цвета, конечно. Этот психологический принцип должен быть соблюден и на российских карточках для слепоглухих, которые они могли бы предъявлять при обращении за помощью. Форма карточки или значка должна быть как можно более необычной, бросающейся в глаза, – может быть, треугольная. Можно обойтись без эмблемы, но шрифтовые выделения должны быть обязательно. Хорошо бы, чтобы надпись фосфоресцировала в темноте, но в конце концов при необходимости её можно как-то подсвечивать, да и нужна она бывает обычно в достаточно хорошо освещённых местах (в салоне пассажирского транспорта, в торговом зале...). Уж если обратят внимание и возьмут шефство в освещённом месте, то мой опыт показывает, что, как правило, не бросят до самого подъезда вашего дома.

Значок нужно носить на улице постоянно, не снимая ни в коем случае. Даже если вам помощь сейчас особо и не нужна, всё равно не отказывайтесь. Во-первых, так безопаснее, а во-вторых, людей вообще надо приучать приходить на помощь.

Наконец, последняя записка.

43. Адрес. – Я – Суворов Александр Васильевич, слепой и глухой. Мой почтовый адрес: Домашний телефон Телефон соседей, если дома никто не подойдёт...

Ну, это ещё до эпохи мобильных телефонов придумано. Сейчас достаточно сообщить номера мобильных своих близких, с кем живёте.

Всегда есть опасность особенно талантливо заблудиться, так что придётся обращаться в милицию, где, конечно, понадобятся мои почтовые и телефонные координаты. Да мало ли что может случиться. Я как-то зимой выкатил инвалидную коляску к подъезду, сел в неё, просто чтобы подышать свежим воздухом. Поднялся переполох: вызвали милицию, «Скорую помощь»... К счастью, сынок был дома, соседи его вызвали, он вышел, успокоил народ... Но и после его ухода домой «Скорая помощь» не сразу уехала – медики поверить не могли, что мне их услуги правда не нужны.

Такова моя система постоянных записок, то есть таких, которыми приходится пользоваться многократно. Но всего в жизни не предусмотреть, и не во всех непредвиденных

обстоятельствах уместна такая «тяжелая артиллерия», как «разговорная» записка. Сколько «разговорную» записку ни редактируй, а пользоваться ею всё-таки очень сложно, громоздко, и часто проще бывает заготовить временную записку, чем ловить за полу прохожих и учить их со мной разговаривать.

Например, если мне нужно было дать телеграмму, я писал, что слепой и глухой, хочу дать простую либо срочную телеграмму, изредка и молнию, а дальше – адреса и текст. Мне оставалось только протянуть эту записку телеграфисту вместе с деньгами и немного подождать, пока он всё оформит, возьмет деньги и выдаст мне квитанцию.

Или нужно идти в продовольственный либо другой какой магазин. Заранее печатал на зрячей машинке список необходимых товаров, разыскивал в магазине администратора, который по этому списку давал мне всё, что есть.

Однажды я хотел навестить в подмосковном санатории А.В. Апраушева. У меня был адрес и номера автобусов, на которых ехать от станции после электрички, а также название остановки, где сойти. За мной заехал приятель, с которым мы договорились навестить Апраушева вместе, но у меня немного болела нога, и приятель меня «пожалел» – сбежал, чтобы я не тревожил зря ногу. Нигде не найдя его в квартире, я по имевшимся у меня данным быстро сделал несколько временных записок: одну – чтобы посадили на электричку, другую – чтобы высадили, третью – чтобы посадили на автобус, четвертую – чтобы высадили, – и без всяких приключений добрался до санатория сам. Приятель же для здоровья решил пройтись пешком, так что появился где-то часа через полтора после меня. Оправившись от шока, вызванного неожиданной встречей со мной, приятель только и мог сказать:

– Да Вы, оказывается, из тех, кто в войну сбежали из госпиталей на фронт, не долечившись!

Текст временных записок примерно такой же, что и текст постоянных: просьба вчитаться, сообщение о слепоте и глухоте, просьба помочь, просьба, если самому некогда, договориться о помощи мне с кем-нибудь другим. Временная записка однократная, рассчитанная для использования только в данной, единичной ситуации, поэтому писалась на обычной тонкой, «зрячей» бумаге. Кроме того, временная записка чаще всего была только одна, и брайлевская надпись на ней отсутствовала за ненадобностью. Если же, как в описанной поездке к Апраушеву, нужно было несколько временных записок, я с помощью клавиши «точка» (с регистром – «7») клавиатуры зрячей машинки выкалывал на обороте брайлевскую цифру – номер записки, и обычно в записках не путался.

4.6. ТОНКОСТИ СОПРОВОЖДЕНИЯ

Эти тонкости не всегда осознают – иногда потому, что не хотят осознавать, и поэтому же их чрезвычайно трудно анализировать и объяснять, особенно когда закусивший удила сопровождающий пребывает в истерике. И кто его знает, что за фантазии у него в сознании – вместо того, что происходит на самом деле.

А на самом деле нарушено оптимальное взаимодействие между сопровождающим и слепоглухим, и восстановить его не просто, тем более что «оптимум» весьма индивидуален. И не только у слепоглохого, но и у сопровождающего, то есть нельзя найти оптимум взаимодействия раз и навсегда, один и тот же для всех. У меня этот оптимум с одним человеком – один, с другим – другой; с детьми – одно, со взрослыми – другое; с женщиной – так, с женщиной – иначе, и смотря с какой женщиной, насколько тревожной...

1. Взаимодействие должно быть гибким.

Некоторые сильно сковывают инициативу слепоглохого слишком жёстким способом взаимодействия, оставляющим подопечному недостаточно «степеней свободы». Это особенно важно как раз для тех слепоглохих, у которых «степеней свободы» и без того не густо, – например, как в моём случае, мучают постоянные головокружения и вообще неважно с равновесием... Следовательно, мне приспособиться к сопровождающему намного сложнее, чем ему ко мне.

Нельзя, сжав мои пальцы, перекидывать остальную руку себе через плечо. Я в таких случаях неизменно вырывался и кричал, что не мешок с картошкой.

Я заметил, что слепых с нормальным слухом обычно водят, зажав кисть их руки локтем под мышкой. О препятствиях при этом предполагается предупреждать голосом. Может быть, со слышащими слепыми так и оптимально, но я никогда не разрешал так себя водить. Я не слышу, меня о препятствиях надо предупреждать как угодно, только не голосом. А когда рука под мышкой у сопровождающего, дактильный разговор на ходу невозможен. Да и он не решает проблемы: пока дактильно проговоришь, что-де впереди ступенька вверх или вниз, арык, глубокая лужа или яма... Мне рассказывала слепоглохая девушка, как педагог дактильно предупреждала её о ступеньках вверх до тех пор, пока девушка на этих ступеньках благополучно не растянулась. Разбила коленку...

И когда сам подстраховываешься ориентировочной тростью, прижатая локтем к боку сопровождающего рука всё равно мешает, сковывает движения, стесняет их свободу. Так бы я попробовал обойти маленькую ямку, нащупанную наконечником трости, но зажавший мою руку сопровождающий не даёт отклониться от него на достаточное расстояние, чтобы эта чёртова ямка оказалась между нами. В итоге рискую подвернуть на ямке ногу.

Но и контакт, когда взаимодействуют кисти рук сопровождаемого и сопровождающего, не всегда оптимален. Смотри как взаимодействуют.

У ребят обычно самые спокойные руки. Наименьшая тревожность. И наибольшая приспособляемость: рядом со мной они идут так, как будто всю жизнь по-другому и не ходили. Тормозят, когда я торможу, тут же ускоряют шаг, когда я ускоряю, и ровно настолько, насколько это сделал я. И я к ним тоже предельно внимателен, готов к любым ошибкам.

Например, одиннадцатилетнему подростку час назад объяснили, что непосредственно перед ступенькой вниз надо резко потянуть мою руку вниз; если ступенька вверх – надо так же резко, рывком, тянуть руку вверх; если труба или порог, надо делать моей рукой такое движение, как будто перешагиваем. На лестнице, когда надо спускаться со второго этажа, мальчик, наоборот, тянет руку вверх. Ну что же, на то и ориентировочная трость: я обнаруживаю её наконечником, что ступеньки на самом деле ведут вниз, и ошибка подростка вызывает только общий смех. Я тут же напоминаю ему правильный сигнал.

Сжимая мои пальцы, вы рискуете передать мне свой страх перед возникшим препятствием. И тем самым увеличить риск моего падения, с возможной травмой в итоге. Контакт пальцев должен быть свободным, пальцы можно сжимать слегка, но ни в коем случае не судорожно вцепляться в них. Мне, с моими проблемами равновесия, да ещё при моей чуткости к энергетике сопровождающего, и так сложно идти, я должен максимально контролировать свои движения, а судорожно вцепившиеся в мою руку пальцы горе-сопровождающего отвлекают меня от моих движений, опять же повышая риск падения и травмы. Совсем плохо, если, когда я пытаюсь высвободить руку, в неё, вместо того чтобы сразу отпустить, вцепляются ещё крепче. Тут и так сложно – ступеньки или, того хуже, множество мелких ямок, не поймёшь, куда ногу ставить, – а я ещё должен отвлекаться на борьбу (иногда попросту драку) с сопровождающим, отцеплять его от себя, как клеща. К такому сопровождающему я стараюсь прикасаться минимально, не позволяю ему завладеть моими пальцами, максимум безопасного доверия – это удерживать мою ладонь на тыльной стороне его кисти. Вполне достаточно, чтобы не расцепить руки, и удобно для тактильного общения на ходу.

И поскольку такой сопровождающий больше занят собой, своими страхами, и поэтому совершенно не способен приспособиться ко мне – стараюсь приспособиться я: во-первых, держусь на некотором расстоянии, не давая к себе прижиматься; во-вторых, немедленно торможу, как только рука сопровождающего напряглась, чтобы с разбега не оказаться впереди него. Оказаться впереди сопровождающего очень опасно, потому что при моём постоянном головокружении могу выпрямиться больше, чем надо, и запрокинуться – упасть на спину. Мне всегда безопаснее быть слегка внаклонку – так равновесие сохраняется лучше. Поэтому, кстати, если надо спуститься с тротуара на мостовую, сопровождающий должен быть впереди меня, а никак не сбоку. Я иду за ним. Он должен спуститься и отойти от бордюра на шаг-другой, и я, не выпрямляясь, опираясь на трость, а не на его руку, как он может ошибочно подумать, состую с тротуара рядом с ним. Но только вслед за ним, только после того, как он спустился и отошёл от края тротуара, чтобы мне тоже было куда спуститься, двигаясь следом.

Бывало и при выходе из транспорта, когда сопровождающий не догадывался отшагнуть от дверей автобуса, троллейбуса, трамвая, метро, электрички; а так как я мог идти только за ним, только к нему, я рисковал об него, своего сопровождающего, споткнуться. Насколько могу понять, эта, как и многие другие, ошибка объясняется весьма распространённой неспособностью (да нередко и нежеланием) представить себя на моём месте, переносом на меня зрячих стереотипов восприятия, ориентировки.

Когда я стал пользоваться на улице четырехколёсными ходунками-роляторами, проблемы взаимодействия рук исчезли. Сопровождающий просто направляет катящиеся передо мной ходунки, у меня обе руки опираются на их поручни, и взаимодействие сводится в основном к регулированию скорости движения, – чуть быстрее, чуть медленнее... На ходу, правда, не очень-то поболтаешь... Ограничивать опору на ходунки одной рукой не безопасно...

Правда, когда иду один, выбора нет. В правой руке ориентировочная трость, и для ходунков остаётся только левая. Но если начинаю терять равновесие, всегда можно вовремя затормозить, схватиться за ходунки обеими руками. Когда прохожие предлагают помощь, я с облегчением складываю трость и, объяснив добровольному провожатому, куда мне надо, сам иду, опираясь на ходунки обеими руками.

Но есть и лёгкие двухколёсные ходунки, которые в сложенном виде превращаются в опорную трость на колёсах. Опираюсь на них правой рукой, левая взаимодействует с рукой сопровождающего, и тут уж проблемы те же самые, что и раньше, когда мне было достаточно ориентировочной и/или опорной трости.

Пока не забыл: не знаю, как другие, а я предпочитаю на сопровождающих не опираться – не

наваливаться всей тяжестью руки. Если, конечно, не угораздило, например, ногу подвернуть, и тогда волей-неволей опираешься на плечо – надо же дошкандыбать до дому. Обычно же касаюсь руки и преодолеваю её сопротивление, невольно давя на неё, но давить – не значит опираться.

Ещё многие слишком высоко задирают руку, к которой прикасается моя рука; приходится просить опустить её, а не доходит – опускать силой, давить. Нет иного выхода: при слишком высоко задранной руке быстро немеет плечо (виноват остеохондроз).

И могло бы быть смешно, если бы мы поменьше трепали при этом нервы друг другу... А то ведь чрезмерно тревожные женщины, ощущающие только свой страх, могут даже с кулаками накинуться на сопровождаемого, притягивая за уши бессвязные обвинения и оскорбления, ничего общего не имеющие с реальной проблемой. За свою жизнь я имел сомнительное удовольствие подвергаться подобной агрессии не единожды. А этим, как легко сообразить, каждый бывает сыт с первого раза – и навсегда.

Для опоры у меня была опорная трость, костыль, изредка даже ориентировочная трость – когда спускался, мог поставить её вертикально и перенести на неё тяжесть тела, пока нога искала следующую ступеньку. Вообще-то ориентировочная трость для опоры не предназначена: её можно запросто погнуть. Но если поставить вертикально, на несколько секунд опереться можно (если она уже не погнулась раньше).

Сейчас у меня прочная металлическая складная трость, вертящийся наконечник в форме цилиндра. Там, где не проходят коляска и ходунки, эта трость очень выручает – на неё можно смело опираться. Вот только почти везде скользкое покрытие...

Сильно усложняет жизнь и дрожь в руках сопровождающего. Дрожь произвольна – такая болезнь, или что-то испугало... Но касаться такой, ходящей ходуном, руки, при этом самому стараясь остаться спокойным и продолжать путь, сложно. Тогда контакт с кистью руки сопровождающего лучше вообще прервать. Чтобы не заразиться его состоянием, лучше положить свою руку ему на плечо. Пускай он идёт, как может, а я следом. Это весьма эффективно корректирует и скорость. Иногда сопровождающий начинает идти слишком быстро, не реагируя ни на какие просьбы притормозить; тогда можно остановиться и снять руку с его плеча. Ему придётся за мной вернуться и волей-неволей сбавить темп.

А если переходим через дорогу? Что, и посреди машин я сниму руку?

А чего кидаться на переход сломя голову? Вот уж не место для паники. Я ещё студентом вычитал в журнале для слепых детей, что машина скорее сойдёт того, кто мчится через дорогу напролом, стремглав, – а спокойно идущего пешехода видно издали, всегда можно успеть притормозить. Торопыга же как раз может появиться на проезжей части откуда ни возьмись, тем самым подвергая риску и себя, и водителя, и окружающих.

Эта статья начиналась жуткой сценой: мальчишка переходит через дорогу, чутко прислушиваясь; но за рёвом самосвала не расслышал быстро несущейся «Волги»; чтобы не задавить мальчишку, водитель «Волги» бросил машину на тротуар, не совладал с управлением, и сбил женщину с детской коляской. Рванулся за уходящим мальчишкой, да только в отчаянии махнул рукой: мальчишка был слеп. Мораль сей басни: не стесняйся просить зрячих помочь тебе перейти через дорогу.

Мне ещё читали плакат на железнодорожной платформе: «Что вам дороже – жизнь или сэкономленные минуты?» Адресовано тем, кто пытается успеть на отходящую электричку, уже закрывающую двери. Лучше, конечно, подождать следующей, и в любом случае логика плаката неотразима: жизнь дороже любого опоздания.

2. Иголлка позади нитки не ходит.

Эту бесспорную истину мне приходилось весьма часто напоминать, когда сопровождающий пытался «вести» меня перед собой. Он, видите ли, хочет видеть. Что? Как я подниму фонтан в центре лужи? Или рухну в яму? Главное, разве трудно сообразить, что сам-то я иду в

неизвестность, если оказываюсь впереди сопровождающего, ведь я ничего не вижу. И то, что сопровождающий видит препятствие, а я нет, не помогает его преодолеть. Наоборот, если я впереди сопровождающего, препятствие оказывается ещё более труднопреодолимым.

Как перейти арык, полный водой? В моём родном городе, столице Киргизии Бишкеке, арыки везде – они отделяют тротуары от проезжей части, орошая деревья. И часто бывает нужно такой арык перешагнуть, и шаг надо делать широкий. Насколько широкий? Как это узнать слепому? Сопровождающий должен перейти на другой берег арыка и оттуда подать руку сопровождаемому, а тот, нащупав тростью твёрдую почву рядом с сопровождающим, спокойно перешагнёт туда. Одновременно, когда я перешагиваю арык, сопровождающий свою протянутую мне руку сгибает, чтобы не тормозить моё движение. Но до такого простого способа преодолевать арык мы додумались удивительно не скоро. То есть я, после нескольких купаний в грязных арыках, додумался быстро, однако втолковать этот манёвр с переходом на тот берег сначала сопровождающего, а потом уже меня, оказалось очень не просто... Мои горе-сопровождающие скорее готовы были приписать неудачи моей неуклюжести.

Если вы вытолкнули сопровождаемого вперёд себя, то вы должны вообще оставить его в покое – пускай решает проблему сам. Например, на лестнице мою руку кладут на перила или, если их нет, на стену. И я сам преодолеваю ступеньки. Если ни перил, ни стены, и за краем ступенек – пустота, обрыв, – лучше всего подставить под мою руку плечо. Придерживаясь за плечо, я одолею эти ступеньки. Бывают такие крылечки, где иначе никак.

Главное, никакой паники! Спокойнее! Не суетитесь! И помните, что вы – иголка, я – нитка. Я, если не в коляске – за вами, не наоборот. А что нитку сзади не видно, не беспокойтесь: зато нитке «видно» иголку, мне – сопровождающего, на которого я и ориентируюсь, равняюсь.

Как-то в горах мальчик, ночевавший со мной в одной палатке, сказал мне вечером, что по радио принято «смерчевое предупреждение». Палаточный лагерь может оказаться на пути смерча. И если, мол, ночью такое нагрянет, «ориентируйся на меня». Слава богу, наши палатки не оказались на пути смерча, и узнать на практике, как именно ориентироваться на моего юного друга, не пришлось... Впрочем, этому человеку – своему названному сыну, – я доверился на двести процентов, вообще решившись карабкаться в горы. Мало кому можно так довериться на обычной городской улице...

3. Слепоглухой тоже должен сориентироваться.

Об этом зрячие сопровождающие сплошь да рядом забывают. Удивительным образом трудно доходит до сознания, что для того, чтобы можно было кого-то вести, этот кто-то должен идти. Сам идти. Пусть следом за вами, но сам. Передвигать ножки. А для этого надо постоянно ориентироваться, куда их, собственно, передвигать. На сопровождающего надейся, а сам не плошай. Ощупывай перед собой дорогу ориентировочной тростью, опирайся на опорную или на костыль, или на ходунки, – а опорная трость и костыль в моих руках всегда выполняли и роль ориентировочной трости. Ходунки тоже, катясь передо мной (тяжёлые) или сбоку (лёгкие), помогают сориентироваться в ближайших неровностях, и я убедился на практике, что с ходунками даже безопаснее, чем с тростью. Я нащупываю ими всеми (тростями и ходунками, – по отдельности, конечно) край ступеньки, которую надо преодолеть. И мне нужно предоставить на это достаточно времени.

Нельзя топтаться на неровностях, на которых есть риск подвернуть ноги, а то и переломать их. Но бывает, как на грех, что сопровождающий, за меня же страдая, держит меня на этом препятствии, вместо того, чтобы как можно скорее перевести меня через него. Даже не перед неровностями, а прямо на них. Надо позволить ощупать эти неровности наконечником трости и, не останавливаясь, только слегка затормозив, пройти через них. Обнаружив много маленьких кочек и ямок, внезапно затарахтевших под тростью, я постараюсь поднимать ноги

повыше – вот и вся хитрость. Давно уже заметил в бездорожье детских лагерей, что, когда поднимаешь ноги повыше, риск подвернуть их на маленькой неровности меньше. Ну и не надо, конечно, на этих неровностях плясать, нужно пройти через них как можно быстрее, не уделяя им лишнего (весьма травмоопасного) внимания.

Так нет же, перепуганный сопровождающий остановился по ту сторону препятствия как вкопанный, не пускает! Я уже на этих неровностях, непонятно, на чём и стою, а он никак не пойдёт дальше с тем, чтобы и я мог пойти следом за ним. Струной напряг руку, вместо того чтобы расслабить её, согнуть, дать мне тем самым возможность шагнуть вслед за сгибом. Да ещё свято уверен, что обо мне же неблагодарном заботится. Не понимает, что ничего нельзя придумать хуже, чем мелкие неровности преодолевать «потихоньку». Ноги соскальзывают, вот-вот подвернутся, лучше побыстрее передвинуть их с этого места на шаг вперёд, но куда, сопровождающий там застрял...

Я переходил вброд горные речки. Сплошные камни, мелкие и не очень, стоять невозможно, надо идти. Остановишься – рискуешь травмами конечностей. Я подстраховывался, бинтовал суставы эластичным бинтом, но ведь на подобной «поверхности» можно просто упасть... Сопровождающий должен меня вести так быстро, как только я смогу за ним следовать. Самое безопасное – не задерживаться ни одной лишней секунды на этих чёртовых буграх. Сынок так меня и водил. А неопытный сопровождающий, как нарочно, задерживает! И меня же при этом обзывает дураком.

С разбегу на такие бугры тоже, конечно, не запрыгнешь. Хотя, если всего лишь разбитый асфальт, иногда не успеешь испугаться, как всё уже позади. А, нормально: притормозили, я понял, что за бяка впереди, мобилизовался – и, как можно скорее, туда, где более ровно. Ни в коем случае не топтаться на этой бяке! Или уж переносите на руках, если сумеете поднять мои сто с лишним килограммов... Или перевозите в коляске...

4. Никаких лишних движений.

Это вообще всегда в общении со слепоглухими, потому что движений, которые бы ничего не означали, для нас не существует. Любое прикосновение имеет смысл, любое не просто так. Любое требует внимания. При слепоглухоте больше не на что его, внимание, и обращать... Только по прикосновениям мы вообще как-то ориентируемся в этом кошмарном мире.

Я всегда пугаюсь, и даже могу от неожиданности ударить, если со мной начинают внезапно играть. Я не против поиграть, побаловаться, ничуть. Но я должен как-то к этому подготовиться... А если неожиданно, когда я просто иду в свою комнату или выхожу из неё, и вдруг по моей спине забегали пальцы, начали щекотать... Очень некстати. Если уж так хочется, лучше делать это, когда я сижу. Ноги у меня иногда подгибаются совершенно произвольно, такое нападение может это спровоцировать... И опять риск падения и травмы. Ничего не поделаешь: с нами лучше сдерживать безотчётные порывы, импульсы. Последствия могут оказаться непредсказуемыми.

И опять – пальцы! Наши лучи. Самое чуткое наше. И вот сопровождающий, запаниковав при переходе дороги – дали красный свет, – начинает шароухаться в разные стороны, при этом быстро-быстро сжимая и отпуская мои пальцы. А мне что прикажете делать? Я чувствую, ситуация не совсем нормальная, хотя мне ещё не объяснили, в чём её ненормальность. В любом случае, мне надо мобилизоваться, то есть на себе сосредоточиться, на своих движениях. А тут такое мельтешение под пальцами, даже хуже – между пальцами. Отвлекает, раздражает. И опять-таки лучше положить руку на плечо запаниковавшего сопровождающего. Пускай шароухается, я буду шароухаться за ним следом, но смогу полностью контролировать мои собственные шароухания, не отвлекаясь на дикую, паническую свистопляску его пальцев между моими пальцами.

5. Не настаивайте на ошибках!

Вообще, чем меньше безотчётности в отношениях с нами, слепоглухими, тем лучше для всех.

И ничем нельзя оправдать невнимательность в этом, никакими ссылками на то, что уж такой уродился, такой получился, так привык... Переучивайся! Если не хочешь угробить или покалечить слепоглухого, и без того уже калеку, – учись быть внимательным, учись контролировать себя полностью, война, война и война всякой неуместной безотчётности! И ведь, доигравшись до беды, всегда сумеют себя оправдать в собственных глазах... Найдут, в чём обвинить слепоглухого же. Откажутся понимать, что причиной несчастья явилась именно неуместная безотчётность, импульсивность невовремя. Будут яростно спорить, выдумывать другие причины, искать, в чём обвинить пострадавшего...

В споре между сопровождающим и сопровождаемым чаще прав сопровождаемый. Не стоит настаивать на ошибке. Не стоит забывать, что возможности сопровождаемого меньше ваших, иначе бы он в ваших услугах и не нуждался. И нужно не навязывать слепоглухому свои привычки – стереотипы восприятия, мышления, безотчётности, невнимательности всякого рода, – а попытаться представить себя на его месте, не создавая лишних проблем. Неизбежных проблем более чем достаточно.

Попробуйте, ведя человека за руку, помнить о нём, а не только о своих страхах или о том, как вы привыкли действовать «обычно». «Обычно» вы за руку слепоглухого не водили. А сейчас вот пришлось вести... И то ваше «обычное» лучше всего забыть: в данной ситуации оно ни к селу, ни к городу, а помешать может очень, вплоть до самых печальных последствий. Не оправдывайте своей безответственности тем, к чему вы привыкли «обычно». Тогда, когда ещё слепоглухого среди ваших знакомых не было ни одного.

Как-то в лагере я ориентировался в коридоре: где моя комната, через сколько дверей от неё туалет, какие у стены препятствия – мебель всякая... Сопровождающая стала пытаться мои траектории спрямлять, не пускать меня в разные тупики, в которых я должен при ориентировке побывать, чтобы потом знать, как их лучше обойти. Мне эта суета надоела, и я резко спросил:

– Кто из нас слепой?

– Ты.

– Вот и не мешай, не лезь со своими зрячими привычками. Будь рядом и жди вопросов, не путаясь под ногами.

И снова, и снова: не смейте настаивать на своих ошибках! Для всех лучше будет, если попытаетесь осознать и исправить их.

«Обычно», когда мои пальцы безотчётно сжимают и я их высвобождаю, это резкое движение сопровождающего удивляет, но он тут же делает правильный вывод, что по какой-то причине лучше на своём не настаивать, предоставить мне касаться его руки так, как сочту более удобным в данных обстоятельствах. Изредка бывает, однако, что мои пальцы пытаются сжать снова, да так, чтобы уже не вырвался... Это и есть настаивание на ошибке, её усугубление. Зачем?

И я бы никогда не написал этого текста, если бы не напоролся особенно болезненно на те случаи, которые «изредка», когда человек делает элементарные ошибки, настаивает на них, да я же у него ещё и в дураках хожу.

Ну, что ж, нет худа без добра. Зато теперь другие, прочитав мои сетования, будут знать, где стелить соломку. И сколько-то дружб сохранится, не рухнет из-за чьей-то чрезмерной тревожности... Из-за манеры настаивать на ошибках, «объяснять» (то есть оправдывать) ошибки, а не осознавать их и исправлять.

Имеющий уши – да услышит.

Имеющий очи – да увидит.

Имеющий голову – да вникнет!

А чтобы обижаться – кому ума не доставало?

6. Теперь о барьерах – технических и человеческих.

Колясочникам нужны пандусы – не слишком крутые; слепым – звуковые маяки; слабовидящим – как можно более контрастное оформление пешеходных дорожек, чтобы их лучше было видно. Например, на пешеходной дорожке, ведущей от моего дома к УПП (Учебно-производственному предприятию) ВОС, в годы перестройки были две ярко-белые полосы, которые каждую весну наносились на асфальт, и я даже мог нащупать их наконечником ориентировочной трости. После 1991 года обновлять перестали, и ходить по этой дорожке стало сложнее.

Главная проблема слепоглухого – это общение с окружающими зрячеслышащими, не только незнакомыми, но и с членами семьи. Прежде всего трудности общения и являются источником барьеров, возникающих между слепоглухими и их окружением.

Очень мешает установка членов семьи на тотальное обслуживание, сохраняющаяся даже после того, как слепоглухой прошёл реабилитацию в специальном учреждении (детдоме или реабилитационном центре). Такое отношение результаты реабилитации может свести к нулю. Например, пока я жил один, я знал, где у меня что лежит, и хотя бы сам находил все свои вещи. Старенькая мама сама нуждалась в уходе, ухаживал, как мог, я, и потому в хозяйстве ориентировался. Но когда мама умерла и хозяйство взяла в свои сверхэнергичные руки сестра, она после стирки стала складывать вещи по своему усмотрению и не приветствовала мои попытки что-либо найти самостоятельно – предпочитала сама давать. В итоге я очень скоро перестал ориентироваться в хозяйстве, что где лежит, и не только из одежды, но и вообще – перестал пользоваться электроплитой, которую к тому же быстро привели в опасное для меня состояние... Кое-как мне удавалось отстоять от бесцеремонного хозяйничанья только свою комнату. Короче, навыки бытового самообслуживания оказались в очень значительной части утрачены. Восстановить их тем труднее, что с возрастом моё здоровье тоже постепенно ухудшается. Лучше было бы сохранить эти навыки, но я не сумел себя отстоять. И когда сестра умерла, а брат женился, оказалось, что я вообще не могу жить один. Так что мы с моим названным сыном постепенно пытались восстановить мою посильную бытовую самостоятельность на новом уровне, с использованием современной бытовой техники.

Появилась микроволновая печь. Я научился пользоваться блендером и тостером. В блендере делаю фруктово-овощные смеси-пюре. Чтобы сберечь разваливающиеся зубы, стараюсь измельчать в блендере что только получится, переходя, таким образом, на полужидкую пищу. Не очень вкусно, зато безопаснее для здоровья. Блендер всё больше превращается у меня в своего рода зубной протез...

Я привык самостоятельно есть, когда захочется, – лишь бы в холодильнике что-то было, а за этим сын с его женой следят. Посуда у меня своя, специальная, и я, поев, тут же сам её мою. Долгое время заваривание кофе и чая в обычной посуде крутым кипятком было сопряжено для меня с риском обжечься, и время от времени я действительно шпарился, иногда сильно. Сейчас в основном пью холодную фильтрованную воду и пюре из блендера, и есть особые устройства – электрические вибраторы для определения уровня жидкости. Как только вода коснётся проволочек этих вибраторов, подвешенных на край посуды, начинается вибрация, и я перестаю наливать. В кои-то веки этот вибратор спасает меня и от ожогов, если надо наливать кипяток.

Сын с женой подарили мне на Новый год пол-литровую чашку с ручкой. И на моей территории лежит пластмассовая пол-литровая бутылка из-под минералки. Наливаю в неё воду из краника-фильтра, переливаю в чайник, кипячу воду, а затем выливаю кипяток в чашку, не опасаясь перелить через край, ибо в чайнике ровно столько кипятка, сколько помещается в чашке. Вылил весь кипяток – и заварил чай. Даже надёжнее и безопаснее, чем с вибратором.

Современные компьютеризованные бытовые автоматы без зрения и слуха недоступны. Если

бы я стирал сам, мне нужен был бы агрегат попроще, которым я в молодости и пользовался. Ну, всё равно стирка без зрения и слуха – малодоступный процесс: надо отличать светлое от тёмного, использовать разные стиральные порошки... Мелкие вещи вручную могу постирать, например, в поездках.

Сын придумал переделать один из моих книжных шкафов так, чтобы в нём появилось платяное отделение. Таким образом, почти вся моя одежда, кроме верхней уличной, теперь доступна мне в моей комнате.

Мытьё полов для меня всегда было непосильным. Когда жил один, кое-как поддерживал чистоту пола с помощью пылесоса. Но это было очень трудоёмко и утомительно, с моим-то постоянным, в течение жизни всё более сильным, головокружением.

Там, где слепоглухой действует сам, всё должно быть «находимым». Ничего нельзя переставлять, менять местами. Необходимость искать переместившуюся вещь очень раздражает, да и уронить можно – сломать или разбить. Зрячеслышащие делятся для меня на тех, которые это понимают с самого начала, и тех, которым бесполезно объяснять и напоминать – всё равно упорно лезут, куда их не просят. И не считают нужным ни о чём предупреждать. Это тест на элементарную человечность: тот, кто хоть сколько-нибудь готов со мной считаться, и сам сообразит, что на моей территории без моего ведома и согласия ничего меняться не должно; а кто не уважает меня абсолютно, столь же абсолютно ни с чем и не считается, позволяя себе любую бесцеремонность. И таким бесполезно что-либо объяснять – при малейшей возможности с ними лучше расставаться. И, уж во всяком случае, не допускать их на территорию слепоглухого.

Сын предложил даже холодильник поделить на две части: в одной продукты только для меня, а в другой – для всех остальных. Тем более что у меня сахарный диабет второго типа, и некоторые продукты мне просто запрещены.

Я в основном работаю в надомном режиме, в университете бываю очень редко. Мне очень неуютно на всяческих заседаниях. Переводчик, как ни странно, живой человек, многого может не понять, особенно если недавно приступил к исполнению своих обязанностей, и чем меньше понимает, тем больше раздражается и устаёт, а я вместе с ним. Обычно же я на заседании ни в чём не успеваю сориентироваться, страшно и бесполезно устаю. Меня давно и не зовут на них.

Я предпочёл бы индивидуальные контакты с коллегами, но заседания этому никак не благоприятствуют. Хоть усаживайся в коридоре и веди там «амбулаторный приём» коллег, удравших с заседания якобы в туалет... Я был бы счастлив, если бы меня позвали в лабораторию не заседать, а для персональной встречи с кем-либо из коллег.

Вообще на любых «тусовках» – заседаниях ли, вечеринках, – без слуха и зрения чувствуешь себя очень неуютно. Поэтому с детства я стал брать в гости книжку и шахматы или шашки, а то и брайлевскую машинку и рукопись, над которой в данный момент работаю. Гостеприимные хозяева обычно не находили, чем меня занять, – разве что поставят передо мной, до общего застолья, тарелку с фруктами... Но не лопать же всё время, пока не лопнул от жратвы, а главное – я хочу общаться!!! И на работе, и в гостях.

На симпозиумах в Психологическом институте РАО давно уже перестали настаивать, чтобы я присутствовал не только от начала до конца, но даже хотя бы один полный день. Я приду, сделаю доклад, а потом сижу в вестибюле, и людям объявляют, что они могут ко мне подойти и пообщаться индивидуально, кто захочет. Очень комфортно: попиваешь себе кофе и ведёшь «амбулаторный приём», вместо того чтобы мучиться вместе с переводчиком в общем зале, пытаясь уловить обрывки-ошметки докладов, достаточно бессвязные. Если мне в самом деле какой-нибудь из этих докладов интересен, то, зная план конференции, могу попросить прислать мне текст – потом или, ещё лучше, заранее. Другое дело, что я по электронной почте завален информацией и просто физически не успеваю многого прочитать

– от меня ведь ещё и моих текстов ждут, обычно сразу в нескольких местах, и часто к одному и тому же сроку.

Что касается гостей, то наиболее близкие и давние из моих друзей, такие, как академик Бим-Бад, давно уже поняли, что со мной лучше встречаться отдельно. Не у всех сопровождающих меня людей хватает такта дать мне пообщаться с человеком, с которым назначена встреча – сами рвутся общаться, а я при этом выпадаю. Борис Михайлович обычно умеет очень тактично, однако непреклонно пресечь такие поползновения, и от встреч с ним я всегда остаюсь довольным и вдохновлённым на новые творческие свершения. Если же тот, с кем назначена встреча, даёт сбить себя с толку и вежливо внимает трескотне моего сопровождающего... Всё испорчено – хоть назначай новую встречу для обсуждения тех же самых вопросов, раз нам помешали сейчас. До случайных сопровождающих редко доходит, что встреча назначена всё-таки не с ними. Напомнить же об этом не всегда хватает и духу, и такта, в том числе у меня самого.

Доходит до абсурда. С одной случайной сопровождающей – назовём её Цикадой за чрезмерную и не всегда уместную разговорчивость – я пришёл отрегулировать слуховые аппараты под восприятие музыки, а не речи. Тренировать речевой слух мне давно уже поздно и бесполезно, а вот с музыкой поезд ещё не совсем ушёл, и на вопрос специалиста, что для меня важнее – речь или музыка – я не колеблясь ответил, что музыка. Я принёс диск с музыкой Йоганна Штрауса, нужно было включить прослушивание и по ходу регулировать частотный диапазон слуховых аппаратов. Естественно, процедура требует полной тишины, то есть никаких посторонних звуков, только музыка. А Цикада трещит без умолку. Я не выдержал и спросил у специалиста, кому в конце концов настраивают аппараты – мне или моей сопровождающей? «Вам», – был единственно возможный ответ специалиста. Тогда я попросил, чтобы сопровождающая замолчала и дала нам возможность поработать.

Таких самоуверенных и самовлюблённых «цикад», зачастую до печёнок достающих своими невежественными рекомендациями и «мнениями» там, где ничего не смыслят, на голову слепоглухих очень много, особенно, увы, среди родственников. Это сильно обостряет отношения, и хорошо, если есть возможность благополучно разойтись, а если такая «цикада» живёт под одной со слепоглухим крышей – катастрофа, да и только.

Переводчик должен быть прежде всего прозрачным: ибо нормальных очков не должно быть видно – через них надо видеть всё, кроме самих очков; нормальный слуховой аппарат не должно быть слышно – через него надо слышать внешние шумы. Поэтому проверка на способность быть хорошим переводчиком есть одновременно проверка на доброту, умение – способность – на время перевода забыть о себе любимом и перевоплощаться в того, кого переводишь.

В жизни любого из нас бывают ситуации, когда любому из нас полезно стусеваться. К слепоглухим это тоже относится – они иногда назойливо навязывают своё общество, не подозревая, что живущим рядом с ними людям, возможно, хочется побыть одним, или пообщаться между собой.

Я, например, ни в коем случае не зайду в комнату своего сына и его жены без их ведома и согласия, особенно когда у них гости, и не буду настаивать на том, чтобы меня приняли в компанию. Слава богу, на такой случай у меня всегда найдутся свои дела. Но то же самое относится и к неприкосновенности моей комнаты...

Я не лезу ни к кому в компанию, мне есть чем заняться, но я с детства привык, что гости членов моей семьи подходят ко мне поздороваться и попрощаться. Так уж это, сколько себя помню, было налажено моей мамой. Я читал, или писал, или слушал музыку, но если приходили гости, мама обязательно звала меня с ними познакомиться, поздороваться. Через несколько минут я мог вернуться к своим делам. Если устраивалось общее застолье, меня всегда звали. Поев со всеми, я опять мог вернуться к своим делам. И перед уходом гости

обязательно должны были со мной попрощаться, – иначе рисковали сильно обидеть прежде всего мою маму. В общем, я привык, что мне всегда сообщают о чьём бы то ни было приходе-уходе, и если это кем-то нарушается, я чувствую себя очень не в своей тарелке. Поэтому я очень обижался на гостей покойной сестры, систематически моё присутствие игнорировавших, и, как только сестра умерла, постарался с помощью подлинных своих друзей как можно быстрее отвести таких посетителей от своего порога. Это мой дом, я тут живу, и будьте любезны сообщать, когда вы в нём появляетесь или покидаете его!

Не говоря уже о том, чтобы таким образом хоть минимально считаться с тем, что я слеп и глух... И не причинять мне лишней боли, игнорируя моё присутствие.

Сама-то покойная сестра, к чести её будь сказано, всегда предупреждала меня, уходя в магазин или ещё куда и вернувшись домой. Гостиных своих она пыталась приучить подходить ко мне после прихода и перед уходом, однако безуспешно.

Увы, от нас, слепоглухих, многие шарахаются – и даже в поликлиниках и больницах, где уж должны бы находить подход к каждому пациенту и где на каждого пациента у последней санитарки должно бы хватать терпения. Но чинушные бездушные позволяют себе зачастую даже врачи.

Грешен, мне доставляло иногда злорадное удовольствие зажать какую-нибудь дуру в белом халате в углу её кабинета и принудить писать у меня во всю правую ладонь печатные буквы. А если дура удерёт – ну что ж, я хотя бы с комфортом подожду на освобождённом ею стуле, пока на её истерический зов явится кто-нибудь поумнее.

Натерпевшись в общественном транспорте от народного хамства, мои сопровождающие в конце концов перестают мне мешать находить на этих хамов свою управу.

Например, при выходе из подземного перехода я как-то наткнулся на продавца спичек, избравшего перила вместо насеста и не желавшего освободить проход. У меня прогрессирует болезнь спинного мозга и головокружение, я еле держусь на ногах, и обходить сидящих на перилах, отрываясь от опоры, без риска скатиться с лестницы я просто не могу. Спичечника этого мне пришлось без всяких церемоний пихнуть кулаком в бок, при этом я таки оторвался от перил и еле устоял на ногах. Но, снова вцепившись в перила, я снова двинулся в наступление, рыча:

– Уйдите с дороги, кому сказано!

На этот раз до торговца дошло, что со мной лучше не связываться, и он дал мне возможность вскарабкаться на поверхность.

Мы с сыном ездили каждый день на лечебные процедуры, и нам надо было выбираться из метро через этот переход к остановке автобусов. И каждый раз этот продавец спичек оказывался на месте. Но, слава богу, первого урока ему хватило, он безропотно при моём приближении освобождал перила, и мы под конец даже начали с ним здороваться, с добродушным юмором. Увы, не так уж много таких «обучаемых»...

Это кошмар и стихийное бедствие, что всякого рода мелкие торговцы устраиваются торговать на ступеньках лестниц, обвешивая перила своими товарами, а то, как продавец спичек, и своими задами. Глубокие старики, еле ковыляющие с опорными тростями, инвалиды с опорными проблемами не могут их обойти, а согнать с дороги – попробуй! Поэтому я и дохожу до белого каления, готовый кидаться с ними в драку, ничуть своего праведного гнева не стесняясь – сколько же можно хамство терпеть! И если стражи порядка не могут обеспечить свободный проход людям с опорной тростью, а то и на костылях, то я готов навести порядок хотя бы для себя самыми скандальными мерами. Авось при этом и до стражей порядка дойдёт кое-что относительно их прямых обязанностей...

На моих маршрутах, где я вынужден был появляться регулярно, меня запоминали – и предпочитали не связываться. Гордиться нечем, но терпеть и пытаться обойти хама, держась за воздух, – разве лучше? Я бы приветствовал самые драконовские меры со стороны властей

– против торговли на лестницах, и вообще против всех, кто мешает по этим лестницам пройти, держась за перила. Конечно, до слёз жалко просящих на этих же лестницах милостыню стариков... Но их товарищам по несчастью тоже как-то надо пройти, при всём к ним сочувствии...

А для зевак – сущий цирк, если на лестнице столкнутся двое слепых и начнут фехтовать ориентировочными тростями. Как говаривала моя мама:

– Смешно дураку, что рот на боку.

Помогли бы лучше добром разойтись... Вцепившись в одни и те же перила, мы рискуем переломать друг другу трости – а как потом обоим продолжать путь? Мне в такой ситуации случалось оказаться не раз. И смех, и грех, и досадно до чёртиков. Впрочем, сообразив, что оба инвалиды, мы обычно сами вовремя прекращали военные действия, расходясь без особых последствий. Сами такие наши «междоусобицы» вызваны хамством окружающих: пока сообразим, кто перед нами, мы переносим друг на друга ту агрессию, что накопилась на предшествующем пути.

Сходная проблема внутри электричек и метро. Все знают, – а при минимальном желании легко догадаться, – что нельзя торчать возле самых дверей вагона, если не собираешься выходить. И ни для кого не секрет, что сплошь да рядом торчат! А мне, чтобы войти в вагон и особенно выйти из него, очень нужны поручни возле дверей. Но как до них добраться? Примерно раз на раз, когда проход добром не уступали, а попытка обойти хама – травмоопасна. Я давно уже озлобился настолько, чтобы не стесняться спихивать хама с дороги, как неодушевлённый предмет. Пока спихиваешь, «предмет» одушевляется хоть самым приблизительным, однако пониманием ситуации.

Особенно это опасно в провинциальных электричках. Платформы низко, на них надо не перешагивать из вагона, а спускаться по вертикальной лесенке. Удержаться на этих лесенках мне очень трудно. Когда мы с сыном отдыхали в Туапсе, иногда ездили купаться за город. Старались выходить из электрички и садиться в неё поближе к машинистам. Но главной опасностью оказалось тупо топчущее стадо пассажиров, которым не терпелось ворваться в вагон или выскочить из него мимо меня, вцепившегося в поручень и еле удерживающегося на узкой ступеньке. Сынок сетовал на идиотизм этого стада, которому одинаково трудно было объяснить, что я инвалид, и удержать от неумелой помощи, чреватой тяжёлой травмой. Не раз меня пытались просто под мышки втащить в вагон, чего делать нельзя ни в коем случае – надо дать мне вскарабкаться самому, иначе искалечат. Ну, когда меня пытались оторвать от поручня, я уже сам начинал верещать. А потом сынок рассказывал, какие эти пассажиры «тормозные».

Впрочем, появились новые вагоны, где предусмотрены углы у дверей: встал в угол, и не мешаешь проходу. Сиденья в метро начинаются немного подалее от дверей, а не впритык. В электричке просторный тамбур: стой себе в углу, а кому надо, поручень свободен. Ну, электричка – слава богу, никаких претензий, а вот новый вагон метро... В старых, где сиденья впритык к дверям, я привык ориентироваться в остановках по вибрации от дверей, когда они открываются и закрываются. В новых вагонах эта вибрация не чувствуется. Да и стены вагонов неожиданно толстые – с непривычки угодишь как раз между вагоном и платформой. Я пока избежал этого приключения, но риск возникал не раз...

Широкие лестничные марши в общественных зданиях придают, вероятно, торжественность их архитектурному облику. Но для таких, как я, это проклятие, особенно если нет перил. Иногда и за стену держаться невозможно – стена кончается на несколько ступенек раньше. Туда-сюда – наверх, а вниз, при моём равновесии, совсем трудно... Разве что опираться на плечо сопровождающего, который на одну ступеньку впереди меня спускается в одном со мной темпе.

Ох уж эти перила! Почему они сплошь да рядом оказываются короткими? Начинаются на

несколько ступенек позже, и кончаются раньше, чем надо. Перила надо нащупать, ещё не ступив на первую ступеньку, и они должны кончиться не раньше, чем инвалид сойдёт с последней. Так нет же – понаблюдайте...

Особенно кошмарен в этом смысле переход на станции метро «Китай-город». Тот, который посередине, а не по концам платформы. Слава богу, можно обойти, поднявшись по лестнице с конца одной платформы и спустившись по такой же лестнице на конец другой платформы. Но иногда мои сопровождающие бунтовали – зачем такой дальний обход? – и со скандалом тянули на переход посередине, игнорируя мои предупреждения, что там перила начинаются слишком поздно и кончаются очень рано. Потом, спасая меня от падения, сами проклинали всё на свете – и в первую очередь идиотов-архитекторов.

Официально дорога с конца одной платформы на конец другой обозначена не как переход с одной линии на другую, а как выход в город. Это сбивало с толку моих сопровождающих, особенно новеньких, которые привыкли ориентироваться на надписи. Но я достаточно давно знаю метро, в том числе много лет ездил и один, и на горьком опыте убедился, что «официальный» переход далеко не всегда самый удобный. С «Тургеневской», например, можно подняться по эскалатору, а потом по другому эскалатору спуститься на «Чистые пруды» – и никаких лестниц, которые есть, если переходить по надписи. Точно так же можно перейти с «Площади Революции» на «Театральную», а с неё на «Охотный ряд», с кольцевой на радиальную на станциях «Курская» и «Павелецкая». «Официальные» переходы на всех этих станциях весьма неприятны для человека с опорными проблемами.

Рекреационные зоны мне сейчас недоступны без сопровождающего, а когда-то я гулял один в парках недалеко от дома. Там бывает сложно отличить ориентировочной тростью край дорожки, иногда никак не обозначенный, что создаёт опасность потеряться среди деревьев. Хорошо, если по краю дорожки растёт трава, это облегчает ориентировку. Но иногда все доступные ориентировочной трости обозначения края дорожки затоптаны. Зимой помогают ориентироваться сугробы.

На улицах тоже край тротуара не всегда отчётлив или к нему не добраться из-за продавцов: они, как и паркующиеся где попало автомобили, очень затрудняют ориентировку. Мне рассказывали, что доведённые до отчаяния слепые били лобовые стёкла автомобилям, припаркованным на тротуарах, и только после нескольких таких случаев власти приняли меры и запретили подобную парковку. Я тоже не раз проклинал всё на свете, натываясь на автомобили, припаркованные где попало. Этот парковочно-торгашеский хаос очень мешает инвалидам по зрению передвигаться в ближайших окрестностях домов, где они живут.

Да ещё бедствие – канализационные люки: на краю закрытого можно подвернуть ноги, а в открытый – свалиться...

4.7. ИНФОРМАЦИЯ: НУЖНАЯ И НЕНУЖНАЯ

Вопрос о передаче и получении информации весьма обширен. Всё зависит от того, какая информация имеется в виду: новостная, литературная, межличностная, актуальная (прямо здесь и сейчас).

Я всю жизнь обходился без газет, и когда мне их стали пересылать по электронной почте, очень быстро убедился, что это просто огромная замочная скважина. Не такая уж большая потеря – недоступность плоского зубоскальства, а то и прямого хамства в адрес известных людей, особенно политиков. Я быстро потерял интерес к полным электронным версиям газет. Вот уж действительно, права Марина Цветаева:

Читатели газет,

Глотатели пустот!

Другое дело – литература, книги. Тут всегда чувствовался дефицит. Электронные «Библиотеки в кармане», библиотека Мошкова, интернет, сканированные тексты стали для меня подлинным спасением. Всего по Брайлю не издашь, а столько нужно и просто хочется прочесть! Но из числа слепоглухих компьютер с брайлевским дисплеем доступен немногим, хотя постепенно становится всё доступнее, в том числе благодаря благотворительному фонду «Со-единение». А кому доступен – круглые сутки за ним не усидишь... Зрячих выручает принтер. У меня был брайлевский принтер, но квартира и так была загромождена брайлевскими текстами. В том числе оплаченными мною из своего кармана в докомпьютерную эпоху переписками того, что по Брайлю не издано. Я свой брайлевский принтер отдал в редакцию журнала слепоглухих «Ваш собеседник».

У зрячих распечатка самой толстой книги влезет в обычную канцелярскую папку, а у нас – в рюкзак, а то и не один... Когда у меня появился органайзер Pronto, я постепенно полностью перешёл на чтение только электронной литературы. Поистине бесценный прибор: и читать, и писать, и музыку слушать. Лежу себе, на животе ортопедическая подушка, на ней – Pronto, и редактирую данную книгу. Из-за больного позвоночника сидеть быстро устаю, а лёжа работать удаётся больше.

Огромная проблема – некуда девать прочитанные брайлевские книги, заказанные за деньги, например, в петербургском издательстве «Чтение». Или московском «Репро». Хранить это в обычной квартире невозможно. Рядом с моим домом есть предприятие для слепых, и при нём библиотека. Сначала относили прочитанную периодику туда. Но там отказались: негде хранить, сами сдают какому-то макулатурщику. Обидно: книги эти на самом деле в десятки раз дороже той цены, по которой их распространяют, качество изданий высочайшее, и – в макулатуру!!! Я попробовал найти, куда их девать. По одной из интернет-рассылок распространили сообщение об этой моей проблеме. Откликнулись... из Киева. Но как туда пересылать? По почте? Я бы рад, но сам не могу, а зрячеслышащее окружение реагировало на эту затею весьма кисло. В принципе договорился с одной знакомой, счастливой обладательницей подержанной иномарки, о регулярном вывозе периодики в центральную библиотеку... Там тоже отказались принимать... Выносить на помойку – просто кошунство. У меня в квартире негде было жить – кругом книги. Негде хранить одежду и прочее. И я упорно не позволял изменить баланс в пользу всяческого барахла.

Но, может, я один такой. У остальных всё наоборот: спасибо, если есть хоть одна полка для брайлевских книг. Если я всегда «купался» в книгах, остальным они доступны в очень и очень ограниченном объёме. А до читального зала, где можно сидеть с утра до вечера, далеко не каждый доберётся... Я тоже не могу, но я превратил в библиотеку своё жильё, плюс компьютер.

Впрочем, далеко не у всех эта потребность и такая сокрушительно-неутолимая – на корню сокрушающая, подавляющая малейшее противодействие живущих рядом, – как у меня. Я так

поставил дело с детства: ещё подростком был, когда мама поняла, что в чём - в чём, а в книгах мне отказывать нельзя. И на летних каникулах книги мне возили из ближайшей библиотеки грузовиками. Буквально. И не было случая, чтобы я всю эту гору до отъезда не успевал прочитать. Мне, собственно, и делать больше было нечего – читал круглые сутки... А личную библиотеку стал собирать со студенческих лет. Хранить было негде, и поневоле шла сортировка: без чего – со скрипом – мог обойтись, отдавал в центральную библиотеку, но уж за остальное держался «зубами».

И когда сестра и брат филиал моей личной библиотеки, хранившийся в квартире родителей, покидали с балкона, я им этого не смог простить. Я держал там золотой фонд художественной литературы – особенно стихов, – то, что всегда хотелось перечитать, приезжая из Москвы.

Но, повторяю, что касается книг – мой случай особый. Мало таких «фанатов», да я вообще никого не знаю среди слепоглухих, кроме себя. Однако почти вся моя личная брайлевская библиотека постепенно ушла-таки в государственную библиотеку слепых. Оставил у себя совсем немного. Благодаря брайлевскому дисплею достаточно электронной литературы. Я боялся, что дисплей сломается – и останусь без книг. Но жизнь убедила в беспочвенности этого страха. Дисплей не вечен, но окрепла уверенность, что при необходимости заменят. А для сына и его жены жизненное пространство освободилось.

Очень сложно с межличностной информацией – иными словами, с ориентировкой в межличностных отношениях. Кому и насколько можно доверять? Как быть, получив на кого-то «компромат»? Эта проблема лично для меня так и останется неразрешимой до конца жизни.

Я поневоле недоверчив. Поистине пришлось реализовать на практике декартовский принцип глобального сомнения во всём, в том числе в собственных суждениях о ком бы то ни было.

Презумпция ошибки: ошибиться может каждый, в том числе и я. А если не ошибка – то прямой обман, дезинформация, спекуляция на моей слепоглухоте! Из этого правила – презумпции ошибки – никаких ни для кого исключений. Ошибиться может абсолютно каждый. Только бог по идее непогрешим, безошибочен. Но в том-то и дело, что я никого не обожествляю.

Не от хорошей жизни, конечно. Слишком сильно, и не раз, довелось обжечься, когда меня ссорили с самыми близкими, клеветали на них и требовали «верить», скандалили, если я позволял себе сомневаться. Право на сомнение мне пришлось буквально завоевывать с подросткового возраста – ценой многократного разрыва отношений со всеми, кто, как я убеждался, пытался навязывать мне своё отношение к миру и особенно к людям, манипулировать моим сознанием.

И, только завоевав право на сомнение, на то, что никто не смеет и просто не может навязать мне своё мнение о ком бы то ни было, о чём бы то ни было, и никому я не обязан верить на слово, не перепроверя это «слово» при малейшей возможности, – только ближе к шестидесяти годам я осторожно позволил себе констатировать, что наконец-то повзрослел. В какой-то мере. А пока мной можно было манипулировать, ссоря с самыми близкими – я не мог признать себя взрослым. Всё ещё подросток... Великовозрастный.

Взрослый – тот, кто не вступает сам и не даёт себя втягивать в чужую войну. Кто умеет не суетиться. Или – что то же самое – не умеет суетиться... Я очень хорошо умел суетиться, и вся жизнь ушла на то, чтобы в какой-то мере перестать это уметь.

Разумеется, за что боролся, на то и напоролся. Завоевав право на критическое «обжалование» чьих бы то ни было мнений-суждений, на сомнение в какой бы то ни было, от кого бы то ни было исходящей информации, вплоть до сомнений в адекватности собственного осмысления этой информации, я обнаружил себя в пустоте. Окружающие стали задумываться, прежде чем сообщить мне что-либо, зная, что всё будет принято к сведению – и к многократному

переосмыслению. И всякое лыко при переосмыслении будет поставлено в строку.

Да, с таким неодолимо самостоятельно мыслящим сложно иметь дело, даже если он нормально видит и слышит, а уж если он слеп и глух... Вероятно, права была одна из претенденток на манипулирование мною, при разрыве отношений запальчиво выкрикнувшая: – Вас невозможно любить!

Но у меня нет другого выхода – другого выбора. Либо позволять собой манипулировать – либо абсолютно всех, себя в том числе и в первую очередь, держать «под микроскопом». Только практика – критерий истины. Практика, а не чьё бы то ни было «мнение». «По делам их узнаете их», как сказано в Евангелии. А слова – они слова и есть, от кого бы, сколь угодно авторитетного и любимого, они ни исходили.

Презумпция аберрации (искажения) – невольной, а уж если вольной... Я недаром ёжик, сразу ошетиливаюсь. И сознательной аберрации никому не прощаю. Как бы она ни маскировалась, – ведь всё тайное рано или поздно становится явным, особенно при таком сознательно исследовательском, критическом подходе.

И «слишком» хорошая память – вплоть до точных дат и чуть ли не времени суток, когда кто-то что-то мне сказал... И что именно было сказано, обычно помнится дословно. Человек наутро и сам забыл, что он там ляпнул... Я могу напомнить через десятки лет. Если это вызвало у меня какие-то эмоции. Я ведь не нарочно. Просто почти абсолютная эмоциональная память. Которую я в юности сознательно культивировал для стихов – как источник выразительных художественных деталей.

Да и без стихов, сенсорный дефицит вообще очень напрягает. Постоянно, буквально всем существом прислушиваешься к окружающей обстановке: что изменилось? Кто-то пришёл? Прошёл мимо? Где я? Вроде сейчас будет поворот направо, налево? Поневоле заранее тяну туда – и ведущий меня сынок раньше меня чувствует напряжение моей руки и начинает жалобно звать:

– Ну расслабься, доверься мне, ещё рано поворачивать...

Совершенно теряюсь, не зная, как выполнить его просьбу расслабиться.

Нас ведёт и спасает величайшее взаимное доверие. А если его нет – не только величайшего, но простейшего, бытового, – непреодолимым становится обыкновенный тротуарный бордюр. Я прошу Цикаду при спуске с тротуара на проезжую дорогу, чтобы перейти на другую сторону, отойти от края тротуара на один шаг – мне так легче сосупить с тротуара. Цикада упрямится и даже... бьёт меня по лицу, настаивая на том, чтобы я, инвалид, приспособился к ней, здоровой, а не наоборот. Увы, такое было. 4 июля 2007 года, примерно в 20 часов. В этот вечер я в очередной раз хотел с собой покончить. И только мысль о сыне, который в это время был на Алтае, удержала – хотя бы дождаться его приезда...

С тех пор с Цикадой стало невозможно ходить – даже по самой что ни на есть ровной дороге. Доверие напрочь рухнуло. И если всё же приходилось ходить с ней, мы никак не могли найти взаимно удобное положение наших рук. С другими такая проблема если и возникала, то разрешалась легко, что называется, в рабочем порядке. А тут – глухой тупик. Мне уж проще было самому брести, с ориентировочной тростью, к Цикаде обращаясь только за минимальной информацией о том, куда повернуть... А идти рядом, держась за руки, с вечера 4 июля 2007 года стало невозможно.

Недаром традиционный в Детском ордена милосердия и некоторых подобных организациях тренинг, когда половина участников играет роль тех или иных инвалидов – слепых, глухих, слепоглухих, колясочников, – а другая половина пытается им помогать, и затем половины меняются ролями, называется «Тропа доверия». Первостепенное значение имеет прежде всего именно уровень взаимного доверия. Без него нельзя помочь, потому что помощь не будет принята. Её не смогут принять от того, кому не доверяют.

Актуальная информация – это о том, что мы узнаём прямо здесь и сейчас. О том, насколько

можно довериться идущему рядом человеку, и только потом уже о том, насколько безопасна дорога. О том, не скандалят ли в соседней комнате. О том, не появился ли, не исчез ли кто, не дав себе труда со мной поздороваться/попрощаться. О том, один ли я, или кто-то рядом есть, и кто именно.

Получить подобную актуальную информацию в условиях слепоглухоты – задача не из простых... И, наверное, нельзя хуже провиниться перед слепоглухим, чем, манипулируя им, злоупотребляя его доверием к себе, попытаться разрушить его доверие к кому-то другому.

Многолетний горький опыт попыток участия в разборках зрячеслышащих – опыт участия в чужой войне, – убедил меня, что этого лучше всего всячески избегать. Чёрт ногу сломит в их взаимоотношениях, и одно точно – без друзей останешься. Причём без самых близких. При одних манипуляторах информацией – кукловодах, а потом и вовсе в полной изоляции.

Пусть они между собой сами разбираются, а я уж лучше буду судить о том, что касается меня непосредственно – что можно пощупать руками, в прямом и переносном смысле слова. Иначе уподобишься барану, доверчиво устремившемуся за козлом – прямо в пропасть...

Это значит: с каждым зрячеслышащим у меня отношения отдельные, строго вдвоём. Он не должен навязывать мне своё мнение о ком бы то ни было, «открывать мне глаза» на кого бы то ни было, с кем бы то ни было ссорить. Подобное поведение по отношению ко мне, слепоглухому, по меньшей мере безответственно, а по большому нравственному счёту – преступно.

Наш мир и так до предела сужен слепоглухотой, чтобы ещё сужать его распрямами, дразгами, сплетнями. Нам и так предельно трудно ориентироваться в происходящем вокруг нас, чтобы ещё ввязываться в чужую свару. Непозволительная роскошь.

Когда в 1972 году в Ленинграде я попросился в музей Н.А. Некрасова, а один из сопровождавших нас зрячеслышащих студентов, Коля Носов, настаивая, что Некрасов никакой не поэт, звал в музей Ф.М. Достоевского, Мещеряков огорчённо сказал, что оба мы не понимаем: я Достоевского, а Носов – Некрасова.

Когда я ссорился и даже дрался с единственной девушкой в нашей группе слепоглухих студентов, Наташей Корнеевой, – Ильенков горестно вздыхал: два хороших человека не понимают друг друга, – покупал в подземных переходах цветы, а затем уговаривал меня эти цветы дарить Наташе... К полному её обалдению...

И мой мальчик, сынок, очень мудро всякие распри называет «непонятками». Вот именно. Так чаще всего: двое не поняли друг друга, и пошла писать губерния – семь вёрст до небес, и всё лесом.

Взрослый – это, повторяю, тот, кто не вступает сам и не позволяет себя втягивать в чужую войну. А я вступал. Очень долго вступал. И охотно позволял себя втягивать, впутывать. Уж очень хотелось лавров борца за правду. И в итоге позволял собой манипулировать. Ведь нет ничего легче, нежели обмануть того, кто сам рад обмануться...

Но если близкий мне человек не переносит кого-то не столь близкого... Важнее сохранить близость, чем разбираться, кто из них прав.

Не каждый согласится переводить слепоглухому хулу на самого себя, изрыгаемую по телефону. В этой ситуации мой сын даже разбил однажды телефонный аппарат – пришлось новый покупать, а разбитый, мол, ему с самого начала всё равно не нравился. Ну, так телефону и надо – и заодно тому абоненту, который вздумал катить бочку на моего юного переводчика вместо того, чтобы сразу объяснить, что именно требуется от меня. Между тем звонил один из моих постоянных деловых партнёров. К тому же я тяжело в тот момент болел, а партнёру этому обычно как приспичит, так сроки прошли ещё позавчера...

К передаче и получению информации можно отнести и сильное восприятие природы, музыки, изобразительного искусства, особенно доступной по размерам скульптуры.

Я с детства привык к мелодичной музыке, желательной, конечно, с ясно различимым ритмом,

но не так, чтобы ритмичный грохот забивал и заменял всё остальное. Музыка для меня – это форма, в которой существует моё настроение. Бодрому рабочему настроению соответствуют марши, польки, всё такое быстрое. Спокойной вечерней задумчивости, лёгкой грусти соответствуют вальсы и всё близкое им по темпу. А если тоскливо, безысходно – спасает траурная музыка, созданная, конечно же, для живых, а не для мёртвых.

Траур учит жизнелюбию, доброте; без траурной составляющей нет духовной и душевной глубины. Не понимаю тех, кто боится траурной музыки, шарахается от неё. Тем самым они шарахаются от духовной и душевной полноты, высоты, глубины, катастрофически обедняют себя лично. Я люблю и под настроение слушаю Любые марши – строевые, свадебные, похоронные, – бальную музыку, балеты, симфонии, католическую и православную церковную музыку... Неважно, что не понимаю слов, не знаю сюжета, и уж совсем неважно, верю или не верю в бога, – важно только воплощённое в музыке чувство.

Живопись в какой-то степени доступна слабовидящим, а слепым – только скульптура, и то не слишком монументальная. Чрезмерную монументальность хотя бы отчасти можно преодолеть, если сопровождающий не постесняется повторить своим телом позу статуи. Выручают и уменьшенные копии.

Скульптор тоже ориентируется на зрительное восприятие, но объёмный образ осязанию может оказаться даже понятнее, чем зрению. В произведениях Вадима Сидура я обнаружил прежде всего ту самую «адекватность предмету», о которой писал Мещеряков как о единственно общем для зрительных и осязательных образов. Например, крест, в который снизу вложен силуэт младенца, – для меня чистая адекватность образа и понятия материнства. Скульптуры Сидура настолько адекватны предмету, что художественный образ перерастает в научное понятие, которое Ильенков определяет как «понимание сути дела». И это понимание как раз очень конкретно, а не абстрактно.

Спасибо за попытки сделать картины доступными слепым. Но при этом надо учитывать специфику осязания, а не зрения. Замена цветowych пятен точками делает поверхность картины из гладкой шершавой, примерно как шкурка апельсина, но содержание картины от этого не становится более понятным. Не точка вместо цветового пятна, а рельефная линия, контур.

16 ноября 2016 года при поддержке фонда «Со-единение» проводился конкурс на лучшую модель Мадонны Микеланджело. Творческий коллектив Александры Золотовой, Александра Похилько и Ирины Поволоцкой сделал модель, доступную осязанию. Чтобы дать представление о перспективе – ближний план, дальний план, – несколько рельефных картинок повесили на горизонтальный металлический стержень. Я высоко оценил столь наглядный способ дать незрячему представление о перспективе. Рельеф и такая вот «перспективная вешалка». То, что можно пощупать. А зрительное остаётся зрительным, и его слепому не компенсировать.

При беспомощности, обусловленной слепоглухотой, мучительно тяжело переживается неизвестность. Мою старенькую маму я вынужден был оставлять одну дома на целый день – ездил работать в компьютерный центр, ну и мало ли ещё куда приходилось отлучаться... Для неё было очень важно знать, когда именно ждать меня домой. Ещё лучше, если в середине отлучки удавалось откуда-нибудь ей позвонить по телефону. Тогда она могла ждать без особых переживаний. А если сроки пропущены... Как говорится, хоть всех святых выноси.

Сейчас я в таком же положении, когда жду откуда-нибудь сына и его жену. Мне не так уж важно, где их черти носят, – их молодое дело. Главное знать, когда именно они появятся дома. Если назначенные ими самими сроки уже прошли, а их нет – я, как говорится, готов лезть на люстру. Или кидаться на стены. И, кого только сумею, прошу дозвониться им по мобильнику, узнать, когда же они придут на самом деле...

Мой друг Владимир Богуславский установил у меня на системном блоке компьютера

интернет-модем с сим-картой, настроил программу, и в июне 2012 года я наконец-то смог получать и отправлять SMS-сообщения.

Фонд «Со-единение» подарил мне беспроводную связку мобильного телефона – айфона, брайлевского дисплея и «зрячей» клавиатуры. Когда более-менее научили управляться с этой «птицей-тройкой», я смог наконец самостоятельно поддерживать текстовую связь со всеми, с кем нужно, и из дома, и в поездках. Ни о чём подобном я раньше и мечтать не смел...

Раньше, если назначишь встречу, а человек не появляется в назначенный срок – нервотрёпка жуткая. Особенно обидно, если в конце концов выясняется, что он о назначенной встрече просто забыл. Пунктуальность в общении со слепоглухими ещё важнее, чем с другими. Хотя, конечно, она со всеми важна. Теперь, как и все, благодаря моей беспроводной «птице-тройке» я никому не дам забыть о назначенной встрече. Напишу, напомню, расспрошу обо всех организационных деталях. И если надо, вовремя передоговорюсь.

Зрячеслышащие иногда очень скупы на информацию, которую считают лишней. Они не понимают, что «лишнее» для них может быть вовсе не лишним для нас, и свою невнимательность оправдывают тем, что незачем заваливать сознание мусором.

А мне, например, очень важно знать, на какой электричке я еду, и всегда ли она останавливается на моей платформе, и в какую сторону идёт после узловых станций. Мне важно знать все до одного номера автобусов и маршруток на ближайших к моему дому остановках и куда именно можно попасть на этих номерах, особенно до какого ближайшего метро. Да и куда дальше – тоже знать очень желательно. Там, где я не знаю станции метро наизусть, мне важно, чтобы их список сообщали заранее, и где куда переходы. Я привык собирать и запоминать всю подобную информацию впрок – мало ли кто меня будет сопровождать, вдруг пригодится помочь сориентироваться своему новому сопровождающему. А тем более, если горькая нужда заставит пуститься в путь самому, в расчёте только на помощь окружающих...

Но самоуверенным сторонникам принципа «экономии мышления» трудно бывает всё это объяснить. Они начинают злиться и «из вредности» оставляют мои вопросы без ответа.

Вообще просто оторопь берёт, и озноб по коже, и волосы дыбом, и ужас в конце концов, как иные зрячеслышащие отказываются чему бы то ни было учиться, как бы то ни было учитывать слепоглухоту или другие обстоятельства «ближнего», с чем бы то ни было считаться – и навязывают свои привычки, свои окончательные мнения о том, что лишнее, а что нужное, что надо знать, а что не надо, что уместно, а что неуместно, и как безопаснее...

Я купил в магазине Рериха «Путь к себе» заземлитель, или как это называется – такие металлические трубочки или палочки, которые очищают энергию в комнате, если повесить их, желательно посередине потолка. Моё, казалось бы, дело, что из такого рода вещей держать мне в моей комнате. Тем более и гости иные отмечали, что в моей комнате как-то свободней дышится, как-то светлее...

Но вот появилась православная фанатичка – всё та же Цикада – и заявила, что в моей комнате и вообще квартире такие вещи, видите ли, неуместны! Я пытался ей объяснить, что это равносильно отрицанию громоотвода. После тесного общения с этой фанатичкой я снова перестал носить нательный крест, который было надел после маминой смерти. Противно стало. Напоролся-таки на воинствующее мракобесие в чистом виде.

Крестиков у меня несколько, один купленный сразу после маминой смерти. Лежат где-то. Не помню где, и не хочу помнить, даже про тот, что после маминой смерти куплен.

Беспомощность – проклятие вообще, а при слепоглухоте особенно. Недаром в своих работах по смыслу жизни я определяю счастье как посильность, разрешимость проблем – разрешимость хотя бы с чьей-то помощью, лишь бы эта помощь поспевала вовремя.

Вот, например, у меня перестал работать интернет, хотя сын перед уходом в двухнедельный поход, для надёжности, подключил к моему компьютеру выделенную линию напрямую. В

конце концов оказалось, что кусок линии между этажами срезан и унесён какими-то варварами. А другой способ интернет-связи, как назло, не был тогда предусмотрен... Модем сдуру отключили, а мобильная «птица-тройка» мне тогда, в сентябре 2008-го, и не снилась...

И вот – не работает. И я один, и ни до кого не добраться, а связь как никогда нужна – столько срочной работы, результаты которой я должен пересылать по электронной почте, и главное, так плохо быть без связи, без хотя бы виртуального общения...

В результате этой катастрофы я окончательно понял, что, если не можешь самостоятельно решить возникающие проблемы, надо иметь как минимум два альтернативных способа добиться своего. В данном случае я горько пожалел, что при установке выделенной линии согласился отключить внешний модем и «Стрим». Сейчас работала бы хоть какая-нибудь связь... И я твёрдо решил при первой возможности настоять, чтобы такой запасной вариант у меня всегда был.

Отношения слепоглохого в семье складываются, конечно, очень по-разному – и в целом, и по отдельности с каждым членом семьи. Всё может сводиться к минимальному уходу – кормёжке, обстирыванию... А может быть беззаветная поддержка, позволяющая слепоглохому добиться многого, расширить круг общения и быть не только потребителем, но и источником помощи для кого-то.

Зависимость от родственников бывает очень тягостна. Самой пустяковой помощи не допросишься. Слепоглухому, чтобы меньше зависеть от родственников, надо обязательно иметь свой круг дружеского общения, но создать его самостоятельно очень сложно.

Моя самая неразрешимая проблема в том, что виртуального общения хоть отбавляй (и поэтому так тяжело переживаются периоды, когда интернет не работает), а личных контактов почти нет. Когда-то ко мне регулярно приходили гости; прощаясь, я договаривался по возможности точно о следующей встрече – день и час; да и вне дома договориться о помощи с незнакомыми людьми было проще.

В провинции люди легче сходятся, соседи по многоквартирному дому могут запросто заглянуть друг к другу на вечерок, вместе посидеть за телевизором, за вязаньем, хоть за картами, рады устроить и общее застолье – было бы чем угостить... Моя мама привыкла к такой простоте отношений между соседями и очень страдала в Москве, в которой, по её словам, все по квартирам сидят, «как сычи». Её московские дружеские связи почти полностью свелись к телефону: сидит, листает тетрадку с номерами телефонов, пробует хоть до кого-нибудь дозвониться... Тоже своего рода виртуальное общение, как у меня потом интернет. А личные дружеские отношения с теми, кто рядом живёт, установить почти невозможно. Хорошо иллюстрируют разницу между провинцией и Москвой стихи Твардовского из поэмы «Дом у дороги»:

*Не тот порядок и уют,
Что, никому не веря,
Воды напиться подают,
Держась за клямку двери.
А тот порядок и уют,
Что всякому с любовью
Как будто чарку подают
На доброе здоровье.*

Лет пятнадцать (с 1993-го по 2008-й) ко мне ходила социальная работница, но все её услуги сводились к приносу два раза в неделю небольшого количества еды. В поликлинику она не водила меня ни разу, когда я лежал в больнице, тоже ни разу не навестила. А, насколько мне известно, такие работники должны это делать.

Когда со мной поселился названный сын, от социальной поддержки меня вообще открепили: он написал заявление, что берёт эти функции на себя. Но он сам учился на дневном

отделении, при всём желании не мог сопровождать меня везде, где мне бы надо, и переводить там.

Впрочем, государство проблему сопровождения и перевода никогда не решало. Пенсия, бесплатные (самые дешёвые) лекарства и проезд (очень урезано по сравнению с советскими временами), изредка гуманитарная помощь – и всё.

Если мечтать об эффективных службах социальной поддержки слепоглухих, то прежде всего службы эти должны максимально освободить слепоглухих и членов их семей от взаимной зависимости. Члены семьи должны учиться, работать и вообще иметь возможность «жить своей жизнью», а не круглосуточно обслуживать родственников-инвалидов. В свою очередь, эти родственники-инвалиды тоже имеют право на свою жизнь и должны иметь возможность решать свои проблемы независимо от членов семьи. И если исходить из этого, то главная задача служб социальной поддержки – обеспечить слепоглухих сопровождением и переводом. У кого есть электронная почта и мобильная связь, надо наладить обращение за этими услугами по электронной почте и текстовой мобильной связи.

А ведь бывает, что никаких членов семьи вообще нет – слепоглухой живёт один. И если сложно попросить о телефонной услуге иного члена семьи, отмахивающегося от тебя, как от назойливой мухи, то во сколько же раз труднее с той же просьбой обращаться к соседям, как бы ни были они доброжелательны! А если ещё угораздит и злоупотребить их доброжелательностью – как стремительно тает их готовность помочь!

Словом, главное – организовать регулярное сопровождение и перевод, причём активное, когда сопровождающий-переводчик сам по определённому графику ходит к клиенту, а не пассивное, когда он ждёт, пока его позовут (ибо подавляющее большинство из нас лишено физической возможности позвать, не обращаясь за помощью к кому получится). И если такая служба сопровождения и перевода организована, все прочие проблемы решать неизмеримо легче – и снабжение едой, и обращение к врачам...

С 2014 года эти мои мечты во многом реализует и превосходит Фонд поддержки слепоглухих. Даже бегло перечислить всё, что делается, затрудняюсь. По возможности решаются проблемы сопровождения, перевода, досуга, лечения, компьютеризации, разгрузки членов семьи, трудоустройства... По интенсивности и размаху деятельность фонда – настоящая революция в жизни слепоглухих России. Есть Ресурсный центр поддержки слепоглухих «Ясенева поляна» (Москва), создан «Тихий дом» – альтернатива прозябанию взрослых слепоглухих в семьях и интернатах для престарелых. Учреждено Сообщество семей слепоглухих, для деятельности которого создаётся весьма многообещающая правовая база. В общем, для оптимизма есть основания.

4.8. ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ БУХГАЛТЕРИЯ

Саморазвитие – процесс, предполагающий личные усилия индивида, – кто бы, кроме него самого, в этом процессе ни участвовал и кто бы ни был его инициатором. Главный критерий, имеем ли мы дело с саморазвитием – именно личные усилия, в результате которых возникают те или иные знания, умения, навыки, способности, индивидуальные особенности... Словом, накапливается тот или иной, более-менее удачный или неудачный, жизненный опыт.

Нравственное саморазвитие, следовательно, – это процесс, в котором накапливается нравственный опыт и формируется этическая культура индивида. В том числе – и, может быть, в особенности, – культура межличностного взаимодействия, в котором устанавливается повседневная система взаимоотношений.

В целом, ничему нельзя научить того, кто сам не пытается учиться – как бы ни провоцировали, ни стимулировали, ни понуждали извне. Поэтому не может быть развития без саморазвития.

О субъекте саморазвития правомерно говорить при условии, что источник собственной активности – внутренний; индивид действует сознательно, в том числе привлекает других участников. До такого уровня надо ещё дорасти. Очевидно, не всякая инвалидность подобный рост допускает.

Но даже при самой тяжёлой физической инвалидности кто-то может сам за себя решать, а за кого-то решать приходится другим. Разумеется, у каждого из нас бывают случаи, когда решения принимаются нами самими, за нас или вместе с нами... Мы можем не столько преодолевать, сколько отвергать ситуацию, претендовать на принятие решений, не будучи готовыми за них отвечать. Между тем нравственность предполагает прежде всего ответственность за себя.

Но как отвечать за себя и в то же время зависеть от других? А при инвалидности зависимость больше; ограничение возможностей прежде всего и связано с зависимостью.

Можно самоутверждаться напролом, зажмурившись, пытаться игнорировать неприемлемые, отвергаемые, вызывающие протест обстоятельства, и среди них – прежде всего, зависимость от других в наших делах, тем большую, чем тяжелее инвалидность. Но можно эти обстоятельства учитывать – и преодолевать.

Подросток зависит от взрослых и может претендовать на непосильную пока самостоятельность в решениях. Как говорится, амбиции не по амунции. Эти чрезмерные амбиции связаны с личностной незрелостью. По мере личностного взросления уровень притязаний приходит в соответствие с возможностями их реализовать.

У инвалида возможности реализации притязаний ограничены не только его личностной незрелостью, которую по мере взросления он тоже может преодолеть, но и инвалидностью, которую, хочешь не хочешь, ты вынужден принимать, – никакие протесты тебя от твоей инвалидности не избавят, разве что вылечишься или умрёшь. И поворотным, решающим моментом нравственного саморазвития инвалида может стать именно осознание инвалидности как данности, от тебя не зависящей, – и обрекающей на большую или меньшую зависимость от других, более здоровых. И вместо бессмысленных протестов из этого факта приходится просто исходить.

Переход от протеста или игнорирования к констатации того, что дано, означает преодоление личностной незрелости. Принятие обстоятельств как данности часто путают с капитуляцией перед обстоятельствами, а на самом деле это просто ясное осознание, констатация исходных условий задачи. Осознание, необходимое для того, чтобы поставить задачу дальнейшего нравственного саморазвития.

Итак, дано: я – инвалид. Первой группы. Неизлечимый. Поэтому нет смысла метаться по врачам. Именно с целью вылечиться. Но с целью узнать, что от меня зависит, чтобы не стало

хуже – к врачам, конечно, обращаться стоит. Из неизлечимости моей инвалидности следует принцип: лечиться, чтобы жить, а не жить, чтобы лечиться.

Теперь надо определить для себя, что значит жить. Лично для меня это не то же самое, что существовать. Жизнь – один из возможных способов существования. Другой, противоположный способ существования – прозябание. Кто-то может рассудить и по-другому, но я для себя смолodu рассудил именно так. И спорить со мной по этому поводу нет смысла. Я так решил. Я так сформулировал альтернативу: либо жить, либо прозябать. И решил для себя, что прозябание – хуже физической смерти. Существовать вообще, физически, стоит до тех пор, пока удаётся жить, а не прозябать.

Прозябать – значит существовать без всякого смысла, без всякой цели. Вполне растительно, вполне по-животному. В соответствующей литературе кочует характеристика слепоглухонемых детей как полуживотных-полурастений. Таково их состояние до и без всякого обучения. Они растут, увеличиваются в размерах – и этим их «развитие» исчерпывается. Они – объекты и жертвы тотального обслуживания, и, чтобы вывести их из этого состояния, надо как можно раньше постараться научить обслуживать себя в быту. Потом уже может формироваться речь и всё остальное... Но я сейчас не об этом, а о сознательном выборе между прозябанием и жизнью. Состояние полуживотного-полурастения – лишь самый яркий, крайний пример того, что имеется в виду под прозябанием.

К процессу выведения из этого состояния иногда применяется термин «очеловечивание». Я всегда считал этот термин хотя и жёстким, но совершенно точным. Главное, содержащим если не исчерпывающий ответ, то достаточно прозрачный намёк на ответ, что значит жить. А именно: жить – значит быть человеком. Начиная с формирования навыков самообслуживания – и кончая сознательным выстраиванием мировоззренческой системы ценностей, а исходя из неё – повседневным решением нравственных задач. Оно, в свою очередь, сводится к постоянной, непрерывной ориентировке в том, что нравственно, а что безнравственно, что человечно, а что бесчеловечно – и к выбору варианта действий, поведения.

А это и значит выбрать, быть или не быть человеком прямо здесь и сейчас. Альтернатива? «Свинья», согласно Виктору Франклу, пришедшему к выводу, что даже в гитлеровском лагере смерти есть этот выбор: быть человеком – или свиньёй... Ибо человеком не рождаются, а становятся, и не раз и навсегда, а только прямо здесь и прямо сейчас, в сиюминутном выборе, как поступить – по-человечески или «по-свински». То есть экзамен на человечность мы сдаём всю жизнь, каждый раз, как принимаем то или иное решение.

Парефразируя Гамлета: быть или не быть человеком – вот в чём вопрос. И на самом деле смысл жизни – в том, чтобы отвечать на этот, в сущности один-единственный, вопрос...

Позволю себе обширную выписку из книги Ильенкова «Об идолах и идеалах»:

«Нравственность можно только воспитать в человеке, создав объективные условия, внутри которых он с детства привык бы действовать нравственно столь же естественно и непринужденно, как умываться по утрам... Нравственность означает умение индивида самостоятельно осознавать социальный смысл своих поступков и решений и действовать в соответствии с последними. Если я передаю другому обязанность самому отвечать за общественное значение своих поступков, возлагая на другого функцию такого суждения, то я возлагаю на него и нравственную ответственность за мой поступок и решение. Но тем самым я перестаю рассматривать себя самого как личность в нравственном смысле слова. И если я передаю свою обязанность (равно право) судить о социальном смысле своих индивидуальных действий другому, то я тем самым перестаю смотреть на себя как на человека. И тот, кому я передал свои обязанность и право, будет прав, перестав смотреть на меня как на человека... И нет большей безнравственности, чем смотреть на человека как на вещь. Что из того, что такой человек – я сам? Тем нелепее и гнуснее. Ведь если уже я

сам перестал смотреть на себя самого как на человека, то есть как на личность, то я не вправе огорчаться и негодовать, когда и тот «другой», которому я передал свои нравственные обязанности, также перестанет смотреть на меня как на человека и будет обращаться со мною как с неодушевлённым предметом...»³⁷.

Ну да, людьми не рождаются, а становятся; более того, право называться человеком (и самому себя считать человеком) приходится зарабатывать, заслуживать, подтверждать ежедневно, каждым новым своим поступком. Но сам я тоже один из тех, кто воспитывает из меня человека. Я тоже вправе и обязан судить, насколько по-человечески мне удалось прожить сегодняшний день, и от меня в какой-то мере всегда зависит, насколько по-человечески удастся прожить день завтрашний. Моя позиция, вытекающие из этой позиции действия, тоже входят в число обстоятельств, от которых зависит конечный итог: насколько удаётся именно жить, быть человеком, а не прозябать.

Короче, когда мы говорим о воспитании, никак не следует забывать, что воспитанник тоже себя воспитывает – воспитанник в идеале и должен быть самым главным своим воспитателем.

Можно позволять другим что-то делать за нас – бывают обстоятельства, например, инвалидность, – при которых этого трудно избежать. Но нельзя передать другому ответственность за решение. Это я обратился к кому-то за помощью в решении того или иного моего вопроса, и я в ответе за то, что из этого вышло. Я доверился, я в ответе за своё доверие.

Отсюда следует не то, конечно, что лучше никому не доверяться, – как бы чего не вышло, – а то, что просто доверяться надо уметь. Это очень трудное умение, овладеть им, возможно, придётся всю жизнь, но оно того стоит.

Я всегда шарахался от абсолютной – абсолютно обезчеловечивающей меня – зависимости. Я не вижу и не слышу, но отсюда не следует, что я клинический идиот, неспособный адекватно осмыслить ситуацию и принять верные решения. Помогите сориентироваться, понять, что происходит, но решать и отвечать за меня позвольте мне самому.

Правда, я сталкивался не раз и с необходимостью решать за другого – чтобы защитить себя от его решений. При первой возможности такого другого, конечно, лучше всего отпустить от себя на все четыре стороны, чисто пространственно с ним разойтись, – пускай расхлёбывает последствия своей «свободы решений» как можно дальше от меня, чтобы рикошет меня поменьше задевал... Но так легко эта проблема редко решается... Речь идёт, например, о защите от «свободы решений» психопата – не дай бог оказаться у этого психопата в кровных родственниках или соседях по коммунальной квартире.

«И нет большей безнравственности, чем смотреть на человека как на вещь». А если индивид, например, парализован, обречён на инвалидную коляску и только через других, с помощью других может решать свои проблемы? Встречал мальчика, который только головой мог управлять, двигать вправо, влево, вверх, вниз, а всё остальное тело парализовано. При этом он всех побеждал в шашки, хотя не мог сам передвигать их по доске – по его просьбе это делали другие ребята. Или зависимость, на которую обрекает слепоглухота, – поистине хрен редьки не слаще. Как в этой ситуации не на словах, а на деле видеть в своём помощнике персону, а не персонал – человека, а не вещь?

Вот одна из проклятых проблем всей моей жизни, которую всю жизнь приходится решать. Каждый раз, с каждым новым другом (и даже случайным прохожим), каждый день эту проблему приходится и ставить, и решать заново.

В условиях инвалидности (не только в них, но в определённом смысле – особенно в них) главная и наиболее сложная нравственная задача – поиск баланса, оптимального

соотношения между моим правом на человеческую полноценность – и таким же правом окружающих. Как не подмять под себя, но и самому не оказаться на «остаточном принципе» (а горький опыт показывает, что «остаток» обычно получается более чем мизерный – только самое минимальное обслуживание).

Безнравственно превращать здорового человека в живого робота, существующего только для того, чтобы заниматься делами того или иного инвалида. Но столь же безнравственно и обрекать инвалида на вечное прозябание в «прихожей», – на вечное ожидание, пока для него найдут хоть какое-то время.

Проблема эта решается (если вообще получается решать) очень индивидуально, исходя из данности здесь и сейчас, особенно из того, как и насколько получается организовывать наши взаимоотношения. Лучше, когда свет клином не сходится на одном помощнике, а есть возможность обращаться к разным людям.

Бывает, что на своих правах приходится настаивать весьма жёстко – тем жёстче, чем откровеннее нас обрекают на «остаточный принцип». Приходится оказывать сопротивление, настаивать на дополнительном внимании, добиваться максимальной посильной для нас самостоятельности в принятии решений. Сочинять пресловутую «Философию независимой жизни», весьма среди инвалидов популярную во всём мире.

Это может обернуться бесконечной войной. Опасно привыкнуть к постоянному качанию прав, как единственной форме взаимодействия. Главная опасность при этом – именно забыть, что у других тоже те же самые права. Перестать ценить то, что есть, – перестать ценить наличное жизнеобеспечение. И вдруг окажется не с кем воевать, качать права, – например, тех, кто до сих пор обеспечивал наше физическое существование, не стало в живых. Или ещё почему-либо не стало рядом. Тут-то и оказывается: за что боролись, на то и напоролись... На пустоту. Причём буквальную, пустоту вокруг, отсутствие кого бы то ни было рядом – а не только в смысле скуки, в том смысле, что существование наше не заполнено никакой деятельностью.

Чем тяжелее инвалидность, тем больше сфера решений, которые, – желаячи, само собой, только добра, – норовят принимать за нас; тем меньше сфера решений, которые мы можем выполнять совершенно самостоятельно, не обращаясь ни к кому за помощью. Лучше всего, думается, решать вместе. Мы сами должны участвовать в решении всех наших проблем, всего, что нас касается и для нас важно, – обсуждать. Самостоятельно делать то, что по силам, а что превышает наши возможности – делать вместе с друзьями. Самой большой, приоритетной должна быть сфера не единоличных решений – наших или вместо нас, – а совместных. Тогда меньше риска, что, с одной стороны, друг превратится в живого робота, в придаток к нам, а с другой стороны – мы сами превратимся в обузу, которая никому не интересна, на которую ни у кого нет времени, всем некогда...

Наше общение расходится от нас концентрическими кругами: кто-то рядом с нами постоянно (первый круг); с кем-то – встречаемся хоть иногда (второй круг); с кем-то – по переписке, сейчас в основном в интернете (третий круг); о ком-то откуда-то знаем, а кто-то откуда-то знает о нас (четвёртый круг). Беда, когда во втором круге общения – среди тех, с кем встречаемся хоть иногда, – мы чувствуем себя комфортнее, чем в первом круге, – с теми, кто рядом постоянно.

Увы, распространённая ситуация: например, нам лучше с друзьями, чем с членами семьи. При инвалидности это особенно трагично: здоровый-то может сделать второй круг хотя бы частично первым, перестать бывать в ставшей формальной семье, а инвалиду некуда деваться, и чем тяжелее инвалидность, тем положение безысходнее. Скверно, когда постоянно рядом чужие. Это уже не семья, а коммуналка.

Говорят: «Не выноси из избы сору – меньше будет вздору». Но, твердя эту истину, обычно не задумываются: да есть ли изба-то? Есть ли то, откуда выносить сор? Если рядом – чужие, как

же от них защититься, не позвав на помощь реальных родственников – родные души – из второго круга общения? А то и из третьего...

При этом живущие рядом чужие могут злиться на «вынесение сора из избы», в упор не замечая, что избы-то нет. Есть – улица, в смысле, толчая тех, кто оказался рядом случайно. Изба предполагает как раз, что рядом не чужие, а свои. И получается, что нам запрещается рваться, прорываться от чужих к своим. Просить у своих защиты от чужих, звать на помощь своих – а кого же ещё, не чужих ведь...

Впрочем, не на пустом месте возникла и поговорка: «Своя своих не познаша». Бывает, что чужих принимают за своих, а действительно своих отталкивают.

Необходимо строить вокруг себя реальную семью, состоящую из своих, из родных душ. Активно строить, а не только сетовать на то, что рядом чужие, меня, такого сложного, никто не понимает, не хочет понять. Нельзя отмахиваться от проблемы нотациями и советами типа: сделай чужого своим, а не сделаешь – значит, сам дурак, и нечего хныкать... Сам бы советчик попробовал выполнить подобное указание!

И если повезёт, если выпадет такой шанс, реальнее может оказаться заменить чужих вокруг себя своими. Не налаживать безнадежно разладившиеся отношения, а уходить от чужих к своим или по каким-то причинам выбывшего чужого заменять своим. Строя таким образом реальную семью – ту самую избу, из которой уже действительно выносить сор не стоит ни в коем случае.

Владимир Иванович Даль поясняет пословицу: сор из крестьянской избы не выносят потому, что сжигают в печке. Сжигать проще и рациональнее, чем пытаться выметать на улицу через высокий порог. Пояснение Даля моё уподобление избы реальной семье даже усиливает: в реальной семье сор сгорает во взаимной любви – в родстве душ.

Семья не обязательно должна состоять из одних только кровных родственников. На самом деле кровное родство – самая древняя и самая примитивная форма общности. Бывает ещё родство душ, а бывает и родство по духу – духовное родство.

Если между нами только кровное родство, мы на самом деле чужие друг другу. Реальная семья должна состоять из родных душ – неважно, есть между ними кровное родство или нет. Важно, чтобы мы друг друга действительно любили, а не только «обязаны» были любить. Духовное же родство предполагает общность мировоззрения... Тут важно уважать на деле, а не на словах, свободу совести. Обратите внимание: важно уважать. Не случайно общий корень: получается, что уважать – значит придавать важность, важное значение.

Если уважать на деле, а не на словах, свободу совести, родству душ не должно мешать то, что одна из родных душ не верит ни в бога, ни в чёрта, другая верит в Христа, третья – в Будду и так далее. Чтобы жить рядом и быть при этом своими, а не чужими, составлять реальную семью, – этому ни в коем случае не должно мешать то, кто какому богу молится или не молится никакому.

Пусть у каждого будет право на свой любимый вздор. Он вздор не потому, что не имеет значения: наоборот, для каждого из нас это очень важно, свято. Но святыни нельзя навязывать. Чтобы сохранить общую святыню – родство душ и основанную на родстве душ реальную семью, – все остальные святыни (мировоззренческого характера) должны быть сугубо личными, частными, и в этом смысле – вздором по сравнению с тем, что нас делает своими, что нас объединяет, а не разъединяет.

Чтобы Владимира Высоцкого выпускали за границу, от его жены Марины Влади, гражданки Франции, потребовали в советском посольстве подписать какую-то бумагу, не соответствующую реальным политическим взглядам Марины. Объясняя в своих воспоминаниях, почему она эту бумагу подписала, Марина сформулировала знаменательно: «И тут я посылаю к чёрту все свои глубокие убеждения – и выбираю тебя». Она выбрала любимого – и, чтобы идеологически нетерпимый строй не разлучил её с ним, ради

воссоединения готова была подписать любую фикцию...

Вот это и есть родство душ. Родство душ – это любовь. Родство душ – когда мы выбираем друг друга из всего остального мира. И по сравнению с этим выбором в пользу друг друга, выбором друг друга, выбором любимого существа, всё остальное просто второстепенно. Не главное. Даже вера или неверие в бога.

Инвалидность – это несчастье. Это то, что более-менее ограничивает по сравнению со здоровыми те или иные наши возможности. Так инвалидность обычно и воспринимается – и самими инвалидами, и окружающими людьми, с точки зрения потерь – того, чего та или иная инвалидность лишает.

И понадобилась мне лично вся моя – неожиданно для меня самого долгая – жизнь, чтобы прийти к другому восприятию инвалидности, с противоположной точки зрения – не с точки зрения потерянных, а с точки зрения оставшихся и благоприобретённых возможностей. Отрицательная бухгалтерия – учёт минусов, потерь, – предполагает положительную: учёт плюсов, того, что есть – вне всякой связи с инвалидностью и/или вопреки ей.

Отрицательную бухгалтерию бессознательно навязывают, внушают нам здоровые. Своей жалостью к нам. Своим страхом за себя – что с ними может случиться такая же беда. Тем, что видят прежде всего и даже только беду, а возможностей с этой бедой жить, и даже полноценно жить – не видят.

До шестнадцати лет я от своей слепоглухоты особо не страдал. Всё, что нужно, у меня было. Главное – были книги. И я ничуть не страдал от того, что не мог самостоятельно покинуть территорию детдома, купить какие-то лакомства. Меня устраивала детдомовская кормёжка, и даже не было привычки, в отличие от большинства ребят, выносить из столовой в спальню хлеб, дабы ночью заморить червячка. Самый неугомонный «червячок» сидел у меня в голове, а не в желудке, а именно – книжный «червячок».

Чтобы я спал по ночам, у меня отбирали книги. Я прятал их под одеялом, однако ночной персонал детдома эту уловку живо смекнул: нащупают под одеялом твёрдое – и конфискуют. Я спал у стены. Почувствовав ветерок, оповещающий о приближении ночного сотрудника, я мгновенно засовывал открытую брайлевскую книгу стоймя между кроватью и стеной. Сотрудник подходил; не нащупав книгу под одеялом, не ленился пошарить и под кроватью, но дородная комплекция мешала достать до самой стены, – и, переждав шмон, я благополучно продолжал читать.

Тогда меня переложили на кровать посреди спальни. Кровати стояли попарно, и я прятал книги стоймя между своей и соседней кроватью. В конце концов ночной персонал махнул на меня рукой – пускай читает и спит с книжкой на животе...

Я уже рассказывал историю о том, как маму убедили в необходимости повторного медицинского обследования, которое лишь подтвердило мою неизлечимость... Я тогда разрыдался. Убежал на веранду на детской площадке детдома, проплакал там до третьего урока. Пришёл в класс – мне никто не сказал ни слова упрёка. Разумеется, видели, где я и что со мной.

Вот так безмозгло сердобольные здоровые навязали мне отрицательную бухгалтерию в моём отношении к слепоглухоте. Я начал отчаянно, до мыслей о самоубийстве, страдать из-за недоступности музыки, живописи и тому подобных пластов культуры. Позже – из-за невозможности любоваться детьми, не мешая их делам. Из-за невозможности обходиться без услуг переводчика в сколько-нибудь многочисленной компании. Из-за отсутствия сопровождения в Центр компьютерных технологий... В отчаянии писались душераздирающие стихи.

* * *

*Всю ночь в тоске глубокой бдят
У гроба. Разговор негромкий.*

Слова обычные звучат,
Но голос – сдавленный и ломкий.
А больше тяжело молчат,
Забыть не в силах на мгновенье
Про этот гроб, и погребенье,
И смерти безучастный взгляд.
Слепозлухой – мертвец как будто:
Своим присутствием гнетёт,
И от своей персоны круто
Отвлечься людям не даёт.
И, тайно от себя, ухода
Слепозлогого – люди ждут:
К занятиям всяческого рода,
А то и просто в спальню, шлют.
Фальшивой лаской не обманут,
Меж них по-хамски он торчит...
Так маленький назло не спит,
Пока просить не перестанут.

* * *

Инвалиды всех стран, умирайте!
Добровольно. Житуха пуста.
Ни малейших надежд не питайте,
Будто сбудется ваша мечта.
Жить не стоит. Да вот же качели:
Чуть пригреют – и хочется жить...
У ближайшей, реальной цели -
Только слёзы в песок уронить.
О духовности – и не мечтайте.
Вы беспомощны. Дух – на замок.
Инвалиды всех стран, умирайте!
Подлой жизни – хоть в морду плевков.

* * *

Поздно. Давно уже всё решено.
Скоро последние грянут итоги.
Был я слепой, и глухой, и безногий.
Это, простите, не жизнь, а говно!
Даже любовью – хоть самой большой -
Не отодвинуть предельные сроки.
Все, что остались – посмертны уроки.
Бог отчитается передо мной,
Чем заработал я жребий жестокий!
То же мне вечный судья... Не смеши!
Знаю, встречал лицемеров подобных.
Ох, и схлопочешь ты суд мой загробный -
Суд моей перестрадавшей души!
Бросьте, попы! Не взывайте ко Господу -
Был к моему бы он милостив ропоту!
Что о грехе вам крушиться моём?
С Господом мы разберёмся вдвоём.

Когда в одной аудитории стали допытываться, в каких я отношениях с богом, Бим-Бад с присущим ему остроумием ответил:

– Бог знает, в каких он с Сашей отношениях.

Действительно. Бог знает – и никого больше это не касается. Ведь нет отношений более интимных. И я всегда протестовал против нескромного любопытства в этой области.

Со dna отрицательной бухгалтерии на вершину бухгалтерии положительной мне помогла подняться любовь к детям, то, что уж кого-кого, а их невозможно превратить в вещи.

В лагеря я обычно ездил один, без специального сопровождения и перевода. В Москве посадят на поезд, а в Екатеринбурге, или Туапсе, или Волгограде, встретят. В лагере выручали те, кто уже умеет говорить пальцами. А не оказывалось таких – они скоро появлялись: я разработал методики ускоренного обучения пальцевому алфавиту.

Обычная детская просьба:

– Научите меня говорить!

Днём запомнит алфавит, а вечером уже предлагает свои переводческие услуги, хотя ещё еле шевелит пальчиками. Ну что ж, попробуй... Как откажешь?

Научился говорить и переводить, стал вполне приличным переводчиком – и... всё. Наигрался.

Теперь его (её) тянет на сцену, участвовать с отрядом в коллективном творческом деле. А как же я с моей потребностью в переводе? Ну, как-нибудь, кто-нибудь другой переведёт, или потом расскажем... «Потом», как правило, не рассказывали, да и зачем мне прошлогодний снег, а «кто-нибудь» находился – обычно только-только овладевший алфавитом... И не поспоришь. Я ведь не имею права лишать ребёнка участия в коллективном творческом деле.

Тут поневоле начинается усиленная работа сознания. А, собственно, зачем ты в лагере? Чтобы быть в курсе происходящего на сцене? Ведь нет? Ты приехал к детям. Тебе интересны только они. Вот после ужина идёт коллективное творческое дело, ты в зале клуба со всеми, к тебе кто-нибудь подсаживается – якобы переводить, – а на деле спрашивает, например, что главнее – любовь или дружба. Или спрашивает, люблю ли животных, и повествует о своих знакомых кошках и собаках. Или – маленький – забирается ко мне на колени, смотрит на сцену, аплодирует, а потом спрашивает:

– Вам понравилось представление?

И ты без малейшей обиды, с улыбкой отвечаешь:

– О да! Мне понравилось наблюдать, как оно понравилось тебе.

А что? Разве не так? Ребёнок у тебя на коленях доверчиво позволяет тебе чувствовать, как он радуется. Разве не за этим ты сюда приехал? За этим. А то, что происходящее на сцене тебе так и осталось неизвестно, – подумаешь, потеря. То, что тебе действительно необходимо знать, так или иначе до тебя дойдёт. А нет – и не надо. Обойдётся.

Так дети научили меня совершенно искреннему равнодушию к тому, без чего на самом деле прекрасно можно обойтись. Привели к осознанию, что вовсе это не такая уж потеря, чтобы из-за неё мечтать о самоубийстве и грозить господу богу своим загробным судом. Достаточно спросить себя: а что есть? А есть – детская радость у тебя под руками.

* * *

*Вас бы радостью мне согреть,
Чтобы детство добром помянули.
Мне-то в цирке нечем смотреть,
Нечем слушать...*

Я в вестибюле

*Поработаю, подожду,
Пока выскочите в антракте.
Вашу радость в руках подержу, -
Моё счастье – в этом контакте.*

– Вам нравимся мы? – спросил меня малыш у лагерного костра в Ижевске.

Оставалось распространить положительную бухгалтерию, которой научили меня дети, на все остальные сферы моей жизни. Это происходило очень медленно, десятки лет, с периодическими срывами в бездну отчаяния, но если я жив до сих пор, то благодаря тому, что это всё-таки происходило. И с какого-то момента я это восхождение со дна отрицательной бухгалтерии на вершину положительной осознал.

И если основной вопрос при встрече со слепоглухими: как можно обходиться без зрения и слуха? – то основной ответ содержится хотя бы в двустихии Твардовского:

Не так ты уж беден

и в нынешнем разе:

Не всё на прилавке,

а есть и на базе!

У меня много чего на базе. Любовь – моя и ко мне. Вполне востребованное творчество. А пышный букет болезней, инвалидность – фон, на котором я всё-таки могу пользоваться богатствами своей базы. Всё-таки могу жить, а не прозябать.

Дело в том, что именно в центре нашего внимания: фон жизни – или жизнь. Научиться это различать – и значит дать основной ответ на основной вопрос.

– Как можно жить без зрения и слуха?

– Не гипнотизировать себя фоном жизни, – в данном случае слепоглухотой, – а жить, приобщаясь ко всем, тем не менее доступным, богатствам человеческой культуры. Вести не отрицательную, а положительную бухгалтерию имеющихся, а не отсутствующих возможностей.

РЕВОЛЮЦИЯ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

Ну вот, я поделился, насколько смог полнее, своим «пришельческим» опытом. В приложениях – крошечная частичка того, что не влезло в основной текст. Остальное – и тоже далеко не всё – на сайте www.avsuvo.gov.ru.

Встреча вселенных получается, как говорят дипломаты, весьма дружественной и обнадеживающей. На днях меня попросили написать предисловие к годовому отчёту Сообщества семей слепоглухих за 2016 год. Я не поленился прочитать его, хотя на носу были крайние сроки сдачи книги, и пришёл в восторг.

Работа огромная, и впечатление от неё было бы на много порядков сильнее, если бы в отчёте не умолчали скромно, что это вообще первый (sic!) годовой отчёт организации. Учредительный съезд прошёл 8–11 ноября 2015 года. 2016-й – первый полный год существования и работы Сообщества. И уже проделана такая громадная, разносторонняя, зрелая конкретная работа, и сразу – такая массовая!!!

До учреждения благотворительного фонда поддержки слепоглухих «Со-единение» в 2014 году ни о чём таком мы не смели и мечтать. Радовались, что каким-то чудом выжили достижения советского периода истории России – прежде всего Сергиево-Посадский (бывший Загорский) детский дом для слепоглухих. Ничего хорошего в обозримом будущем не ждали. Дай бог, если так и будем прозябать, довольствуясь наличным убожеством.

И вдруг – с осени 2014 года – как взрыв: общество словно впервые узнало о существовании слепоглухих. Кто такие? Как они могут жить, как бы то ни было существовать, без зрения и слуха, да ещё нередко с разнообразными дополнительными заболеваниями? Шквал публикаций, лейтмотив которых – попытка зрячеслышащих представить себе, хоть как-то вообразить слепоглухоту. Наивное зажмуривание глаз, затыкание ушей – как оно?..

Мне это напоминает ситуацию 1950–70-х. Тоже высчитывали проценты абстрактной, бессмысленной, бессодержательной «информации вообще», которыми якобы ошастливлены зрячеслышащие и обездолены слепоглухие. И поражались, как мало, оказывается, нужно «процентов информации», чтобы тем не менее состояться человеком. Тем самым проявляли наивное – и, увы, нагло-самоуверенное – невежество, ни сном ни духом не ведая о существовании культурно-исторической психологии Л.С. Выготского, последователи которой во главе с А.И. Мещеряковым и смогли совершить этот величайший психолого-педагогический подвиг под названием «Загорский эксперимент».

Потом десятки лет уныло спрашивали у меня при личной и виртуальной встрече, что осталось в Загорске, то бишь в Сергиевом Посаде, от «Загорского эксперимента». Готовы были винить кого-то, что похоронил славное отечественное наследие, низкопоклонствуя перед Западом. Да и правда бесценный архив Соколянского и Мещерякова десятки лет лежал не востребуемым. Апраушев не знал, как в убогой однокомнатной квартирке сберечь для равнодушного общества свой архив, накопившийся за более чем двадцать лет руководства Загорским детдомом.

Но вот появился фонд «Со-единение» – и вскоре закипела работа по оцифровке архивов и публикации в интернете. И в дни работы учредительного съезда Сообщества семей слепоглухих, 10 ноября 2015 года, торжественно открылся музей тифлосурдопедагогики в Сергиево-Посадском детдоме.

Главное – существование фонда сразу почувствовали сами слепоглухие. Во всяком случае, часть их, и немалая, и их, почувствовавших, всё больше. Уменьшилась зависимость от родственников: есть кому, кроме них, организовать сопровождение и перевод. Появились возможности общения и творчества. Даже актёрского творчества, вместе со здоровыми профессиональными актёрами.

Построен и напряжённо работает Ресурсный центр поддержки слепоглухих «Ясенева Поляна».

И наконец – реализация безнадежно несбыточной мечты энтузиастов тифлосурдореабилитации за сто с лишним лет её существования в России: мечты об ассоциации – Сообществе – родителей и родственников слепоглухих.

Наконец-то мыкавшие горе поодиночке, ничего не знавшие друг о друге люди начали не только робко надеяться на что-то неопределённо «лучшее», а жить! И всё увереннее, опираясь на поддержку фонда и Сообщества, делать собственное будущее. Делать, а не только верить в него.

Это революция в самом лучшем смысле слова, революционное переустройство жизни всё большего числа едва ли не самых обездоленных людей.

Огромное спасибо!

Россия остаётся территориально самой большой в мире страной. И на такую огромную территорию иметь один-единственный специализированный детский дом – разумеется, ненормально. Отчёт наглядно показывает стратегическую нацеленность Сообщества на семейную тифлосурдопедагогику. Уже за первый год существования Сообщества разнообразие форм семейной тифлосурдопедагогики поражает.

Начавшаяся революция, надеюсь, решит и другую стратегическую задачу, без решения которой никакая детская тифлосурдореабилитация не имеет смысла: взрослая трудовая, а не иждивенческая перспектива. Надо исследовать, какие современные, особенно творческие, профессии доступны слепоглухим, и создавать рабочие места. А под эти будущие рабочие места и детей учить.

Ну и конечно, наращивать столь успешно начатую поддержку слепоглухих всех возрастов в решении их бесчисленных текущих проблем...

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. РАЙ

Дорогая Раиса Афанасьевна!

Очень жаль, что мне не пришлось проводить Вас в последний путь. О Вашей смерти в августе 2011-го мне только пару дней назад написала по электронной почте Татьяна Александровна Басилова – как только ей самой кто-то сообщил...

Задолго до ухода из жизни перестаём встречаться – и в итоге прощаемся заочно.

Раиса Афанасьевна, я всегда знал только самое прекрасное Ваше лицо, обращённое к Вашим ученикам. В том числе ко мне. С моих одиннадцати лет. С осени 1964 года, когда меня привезли в Загорский детский дом для слепоглухонемых, в котором Вы регулярно бывали в качестве сотрудницы лаборатории изучения и обучения слепоглухонемых детей Научно-исследовательского института дефектологии Академии педагогических наук СССР. Эта лаборатория организовала детдом и руководила в нём психолого-педагогическим процессом. Создал эту лабораторию Ваш учитель, профессор Иван Афанасьевич Соколянский. После его смерти в 1960 году лаборатория стала носить его имя. Возглавил её после смерти И.А. Соколянского Александр Иванович Мещеряков, а Вы были его заместителем.

Вы были прежде всего педагогом-практиком. Защитить кандидатскую диссертацию так и не удосужились. Но зато в качестве педагога-практика были замечательным мастером.

Насколько знаю, Ваш первый и самый любимый ученик – Серёжа Сироткин. Вы работали с ним ещё в пятидесятые годы прошлого века, под руководством профессора Соколянского, в экспериментальной группе при лаборатории – Загорский детдом не без Вашего участия был открыт в октябре 1963 года. Через много лет, на склоне своей педагогической деятельности, Вы рассказывали мне, что врачи обнаружили у Сироткина какой-то анатомический дефект речевого аппарата. И врачи вынесли приговор: устной речи научить мальчика невозможно. Но Вы сказали:

– Они там как хотят, а я буду учить!

И научили. Мне говорили, что у Сироткина более разборчивая речь, чем моя сохранныя. Мне-то свойственно тараторить, когда волнуюсь. А он во время выступлений контролировал свою речь особенно тщательно.

– Они там как хотят, а я буду учить!

В этой фразе – Ваше педагогическое кредо. Ваша высочайшая требовательность к себе. И – величайшая педагогическая дерзость. Готовность учить, даже когда, казалось бы, заведомо безнадежно – заведомо невозможно. Ваш первый ученик стал Вашим великим профессиональным подвигом, которым всю жизнь Вы по праву гордились.

Когда, выходя в Загорском детдоме из класса на перемену, я в дверях наткнулся на Вас, первым и самым сильным, на всю жизнь определившим для меня Ваше прекрасное лицо, впечатлением было – от Вашей мягкости. Мягкого, бесконечно терпеливого, спокойного обращения. Рядом с Вами я всегда чувствовал себя уютно. Мне с Вами всегда было хорошо. Мы были очень конфликтными, нам случалось вести себя с учителями просто по-хамски, иногда – заочно – я ощетинивался и против Вас. Но стоило встретиться лично – и Ваша спокойная, мягкая манера обращения меня обезоруживала, пристыживала. Я просто не мог Вам не доверять. Убедительно было только Ваше со мной обращение.

Я рассказал о Вашей смерти своему названому сыну. Он вспомнил, как присутствовал при нашей последней встрече в Институте коррекционной педагогики Российской академии образования, когда там отмечали столетие российской тифлосурдопедагогики и одновременно – 120 лет со дня рождения Вашего учителя, профессора Соколянского. Это было 21 января 2010 года. Так вот, мой сын припомнил, что я рядом с Вами «прямо светился весь». Очевидно, так было всегда. Вы умели делать так, чтобы ученики рядом с Вами

светились.

Какое-то время мы, старшие слепоглухие воспитанники Загорского детдома, увлекались придумыванием прозвищ педагогам. Основой для прозвищ служили инициалы. Ваши – Раиса Афанасьевна Мареева, РАМ. Напрашивалось – Рама. Но я сразу сказал:

– Рай!

– Рай – Головокачай! – веселился Сироткин.

Когда мы делали что-то не то, Вы качали головой. Причём, главное, не только своей, но и головой слепоглоухого ученика. Ласково брали голову ученика в свои ладони – и качали её из стороны в сторону, а наши руки клали на свой подбородок, показывая, что одновременно качаете головой и сами. Лично мне это очень нравилось. Выходило очень потешно, и поднималось настроение.

Так за Вами и закрепилось – Рай. В Вашем присутствии мы чувствовали себя в раю.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. БОЛЬШОЕ КОРОТКОЕ СЧАСТЬЕ

По дороге в «Светлячок»

Владимир Александрович и Нина Олеговна Поспеловы пригласили нас с мамой в лагерь ещё в феврале. Мама у меня болеет. Оставить её одну в Москве я не смог бы. Я очень благодарен за приглашение и за понимание.

В поезде я познакомился с кошкой. Кошка лежала на второй полке. Я думал, что это щенок, потому что на кошке был кожаный ремешок. Этим ремешком её привязали к третьей полке, чтобы она не убежала. Я долго гладил кошку и разговаривал с ней. Я жалел кошку:

– Бедная, как ты переносишь дорогу? И куда, зачем тебя везут?

По вагону бегал маленький мальчик в одних трусиках. Я нащупал его, когда он залезал на вторую полку. Там лежало два скатанных матраца. Мальчик сидел между матрацами, свесил ножки, и когда я проходил мимо, быстро ножки поджал. Но я уже коснулся ножек и остановился, чтобы чуть-чуть приласкать малыша. Он немного боялся, но доверчиво принял мою ласку, когда я погладил его по головке.

Я не знал, как зовут малыша. Для себя почему-то я прозвал его Виталиком. Может быть, потому, что имя Виталий (ласково – Виталик) – от древнегреческого слова «виталис» («жизнь»). И просто красиво звучит.

Когда мама знакомила меня с этим мальчиком, я положил ему руку на головку, а он под моей рукой тихонько пошёл, да так ровно! Наверное, если бы ему на голову поставили стакан с водой, он бы ни капли не пролил. Я удивился такой ровной, почти воздушной походке. Сам-то я косолапый.

Комната для обиженных

Встретили нас Тамара Ивановна Кузнецова с сыном Алексеем. Тамара Ивановна Кузнецова – председатель Свердловской областной организации ВОГ. Её заместитель и муж – глухой. Его зовут Николай Максимович. Тамара Ивановна долго работала сурдопереводчиком в клубе Уралмаша, затем в областном дворце культуры ВОГ. Когда Максимыча избрали председателем областной организации ВОГ, он сказал, что председателем лучше быть слышащему человеку, для поддержания внешних связей, и предложил в председатели свою жену, – а я, мол, от вас никуда не денусь. Так и сделали.

На малолитражном автомобиле Тамара Ивановна с сыном отвезли нас с мамой в помещение РВО – разновозрастного отряда. Это пятикомнатная квартира. В одной комнате стоят кровать и диван. Мне сказали, что это комната для обиженных ребят.

– А кто их обижает?

– Ну, родители, ровесники, мало ли кто... Здесь они находят понимание и могут переночевать, пока обиды пройдут, и обидчики вспомнят, что они люди, – объяснила Тамара Ивановна.

Я никогда раньше не слышал о комнатах – убежищах для обиженных детей. Кто это придумал? Я был поражён добротой людей, которые это придумали. И всю ночь мне снились дети, спасавшиеся в этой комнате от своих обидчиков. Посидеть с такими рядом, дать выплакаться у себя на плече, тихонько поговорить, успокоить... Завидую людям, которым дети доверяют свои обиды. Это счастливые люди. Это счастье – иметь сердце, открытое детскому горю.

Кто умеет стоять на ушах?

Тамара Ивановна познакомила меня с глухими ребятами и их мамами. Дети называли свои имена дактильно. Я удивился, сколько тут Максимов. У Владислава Петровича Крапивина есть повесть «Болтик», главный герой которой – девятилетний Максим. Может быть, мамы

этих Максимов тоже читали «Болтик». И тоже полюбили этого замечательного мальчика. И своих сыновей назвали в его честь...

Я спросил у ребят через Тамару Ивановну:

– Вы умеете стоять на ушах?

– Нет. А ты умеешь?

– Умею.

Это так говорят – «стоять на ушах» – когда дети сильно балуются, а взрослые не знают, что делать. Я люблю «ставить на уши» ребят вокруг себя. Только мне трудно это делать, когда ребят много – я их всех сразу не вижу и не слышу. А одного кого-нибудь – хоть сейчас!

Глаза и ум надо точить

Ко мне подошёл поздороваться Олег Пospelов, восьмилетний сын Владимира Александровича и Нины Олеговны. Мы знакомы два года.

Сейчас он очень хорошо писал у меня во всю правую ладонь печатные буквы.

– Помнишь, Олег, как ты в «Орлёнке» рисовал? Художник, учитель рисования, сказал мне, что ты гений.

– Не понял.

– Ты рисовал так, как рисуют в пятом классе художественной школы. А в пятом классе ребята на три-четыре года старше тебя. Ты, наверное, будешь самый молодой академик. Ты видел академиков по телевизору?

– Да.

– Много лысых?

– Много.

– Поэт Роберт Рождественский дразнился: «Академики – дотошный народ: сорок лысин, восемнадцать бород». Ты будешь юный академик – без лысины и без бороды.

– Я буду художником.

– Лучшие художники тоже становятся академиками. Академия искусств на Кропоткинской улице в Москве. У художников острые глаза.

– У меня будут очень острые глаза.

– Знаешь поговорку: «Снявши голову, по волосам не плачут»?

– Не знаю.

– По остроглазости уже трехлетние дети – профессора. А когда дети вырастут, глаза становятся тупые. Художники всю жизнь точат свои глаза, чтобы всегда были острые.

– Я буду точить.

– Острые глаза видят мелочь, которую другие не видят. Художники увидят и всем покажут на своих картинах. И так покажут, что получается: они увидели не пустяк, а самое главное. Но чтобы увидеть главное, нужен острый ум, а не только острые глаза.

– Я буду точить ум.

– Остроту твоих глаз другие проверят, я ведь не вижу. А остроту твоего ума проверить могу и я.

– Хорошо.

– Я уже проверил. Сейчас у тебя острый ум. Но надо точить всю жизнь, а то затупится.

– Я пойду в отряд.

Зачем я в лагере?

Этот вопрос задали Тамаре Ивановне глухие ребята. Она меня долго ругала... Великий ученый, психолог... Когда она мне это все пересказала, я заворчал, что все неправильно.

– Ну сам скажи, зачем едешь в лагерь. Какая у тебя цель?

– У меня всегда одна цель – посадить себе на голову как можно больше ребят.

Первая забота

После обеда я вышел с тростью изучать дорожки в лагере. Ко мне сразу подошли глухие ребята.

– Куда? Домой?

– Нет.

– Смотреть? Гулять?

– Да.

Я пошёл по краю площадки перед крыльцом своего корпуса (второго по номеру). Шёл и считал дорожки, расходящиеся от площадки. Наткнулся тростью на что-то металлическое, похожее на трубы. Растерянно пожал плечами, протянул руку пощупать. Кто-то из ребят взял эту руку и направил. В ладонь брызнула струя холодной воды.

– А, питьевой фонтанчик!

Перейдя широкую дорожку, я пошёл назад по другому краю площадки. Трость что-то нашла – мягче столба, тверже травы.

– Ярослав! – сказала «что-то» мне в руку дактильно. Это был глухой мальчик.

Потом мы обошли вокруг корпуса. Я нашёл деревянную лесенку. Ребята положили мою руку на перила. Я спустился и вышел на какой-то мостик.

– Вода, – сказали мне.

Я снял цепь и шагнул к краю верхней ступеньки. Сзади меня схватили за рубашку. Но я ведь тяжелее ребят, упали бы вместе... Я сел на корточки и опустил трость в воду. Достал дно.

– Бассейн, – сказал я ребятам.

Мы пошли вокруг бассейна. С другой стороны я снова снял цепь, присел на корточки, опустил трость – и не достал дна.

– Глубоко! – сказал я.

– Далеко! – сказали ребята.

Я хотел уже посмотреть дорожки подальше от корпуса, но навстречу шла Тамара Ивановна с моим рюкзаком. Я взял у нее рюкзак, и мы вместе вернулись в корпус.

Алёна

Тамара Ивановна показала мне стол и скамейки в тени. Там мы сидели долго. Подходили ребята, мы разговаривали, а потом пришли девочки-подвожатые, и я стал напоминать им дактильный (пальцевый) алфавит.

Помощников вожатых в разных лагерях зовут по-разному: стажёры, координаторы, аниматоры... А тут – подвожатые. Я сразу прозвал их «подполковниками». Среди «подполковников» была и Алёна из второго отряда. Взяв её руки в первый же раз, я почувствовал, что это очень острый – то есть решительный – и добрый человек. Я исправил ей только некоторые буквы. Рука была твёрдая, сильная, дактильная речь получалась очень чёткая, пружинистая – самая лучшая.

После ужина я напросился на дискотеку. И сначала очень пожалел об этом. Я никогда не любил танцевать. Но недаром говорится: «За компанию еврей повесился». Девочка Даша однажды неправильно выговаривала дактильно «Ш». Получалось больше похоже на «м». Она подошла ко мне на дискотеке и хотела сказать, как её зовут, а получилось – «Дама».

– Ну, раз ты дама, то я кавалер. Пойдём танцевать, – предложил я неожиданно для себя.

И я стал в тот вечер самой главной «дамой», с которой все хотели танцевать.

С тех пор я решил ходить на лагерные дискотеки и танцевать, уж как умею, чтобы лучше узнать ребят, сблизиться с ними.

На дискотеку меня привели, хотели посадить на стул – сиди, мол, старый пень. А я не сидеть пришёл. И танцевать со мной пошла Алёна. Она очень хорошо прыгала, я косолапил рядом, немного себя стыдись.

- Мне надо детей укладывать.
- А мне с тобой можно?
- Пошли вместе.
- Ты с кем-нибудь до меня танцевала?
- Нет. Сидела.
- Почему?
- Болела голова.

Мы уже были в палате мальчиков.

- Можно посмотреть твою голову?
- Можно.

Я тронул голову Алёны ладонями. Да, лоб и виски были горячими. Я сделал ей лёгкий массаж головы. По её словам, ей стало легче.

Я хотел дожидаться, пока ребята лягут, и посидеть немного с ними, может быть, сказку им перед сном рассказать или придумать. Не получилось. Начальство прогнало. Жаль...

«Подполковник» Максим

После отбоя я вышел на разведку: где же тут душ? Зашёл в пустую комнату, и меня поймала «подполковница». Пока я с ней разговаривал, подошла ещё одна, а потом пришёл «подполковник» Максим.

Оказалось, меня занесло в сушилку – место, думать надо, для «подполковников» очень заманчивое, потому что там можно спрятаться. Максим показал мне, где душ. Я огорчился: не закроешься, негде повесить одежду, а главное, душ плохо работает, слабенькая струйка и чуть тёплая.

«Подполковники» не знали, где моя палата, и провели мимо, на крыльцо корпуса. Тут я и заметил их ошибку, глотнув свежего воздуха. Ещё немного поговорили, и меня отвели в мою палату, хотя я мог бы пойти и сам.

Удивительные ребята. С одной стороны, заметно торопятся. С другой – не могут отойти, пока не уверены, что их помощь больше не нужна.

Про Кокованю, кошачьи глаза и душного козла

Тамара Ивановна сказала, что Нина Олеговна приглашает (зовёт) нас в лес на прогулку после полдника. Мама осталась, а я намазался от комаров, и мы пошли.

Оказывается, не просто прогулка, а игра со станциями – «Тропа Берендеев». Мы с Тамарой Ивановной присоединились к четвёртому и шестому отрядам. Пока чего-то ждали, познакомились с ребятами. Мальчик спросил, как меня зовут. Я извинился:

– Я так избалован своей «знаменитостью», что забыл представиться. Меня зовут Саша Суворов. От скромности я не умру...

На первой станции нас ждала сама «Хозяйка Медной горы» – Лариса Алексеевна, начальник лагеря. Она спрашивала ребят, какие камни добывают в здешних местах. Места Бажовские: тут жили герои большинства уральских сказов П.П. Бажова. Рядом расположен тот самый Полевской завод, теперь город Полевской. Лагерь «Светлячок», приютивший нас, принадлежит крупнейшему предприятию города – Полевскому криолитовому заводу. Позже от председателя профкома этого завода я узнал, что криолит – это не камни, а какое-то химическое сырьё для производства алюминия.

Я попросил Тамару Ивановну узнать, нельзя ли и мне выполнить какое-нибудь задание. Лариса Алексеевна согласилась.

- Какие вы знаете камни-самоцветы? – спросила она.
- Я очень люблю особые камни-самоцветы – язык «Малахитовой шкатулки» Бажова. Там каждое слово – камень-самоцвет.
- Например?

Я смутился: не ожидал, что придётся припоминать наизусть. Сначала, по моей испорченности, вспомнил сказку про Кокованю, который вместо изумрудов собирал кошачьи глаза. Собрал шесть изумрудов, несёт, а за ним три кошки:

– Мяу! Мяу! Отдай наши глаза!

Кокованя от них убежал. Натерпелся страху, а жадность сильнее. И снова двинулся в то заветное место за изумрудами. Слышит голос:

– Опять, Ваня, пришёл? Безглазых кошек не боишься?

Кокованя понял: сама Хозяйка Медной горы заступает за кошек. Хозяйка Медной горы дала Коковане целую горсть изумрудов. И велела передать их приказчику, сказать, что это ему, «душному козлу», Хозяйка Медной горы прислала. Там она приказывала передать приказчику ещё какую-то угрозу, да уж не помню... А обозвала она приказчика «душным козлом» за то, что у него был постоянный неприятный запах – «дух», «душок». Хозяйка Медной горы приказала Коковане передать её слова приказчику точно, слово в слово. Тот перетрусил – легко ли начальство обзывать «душным козлом»! – но делать нечего. С Хозяйкой ссориться и вовсе невыгодно.

Приказчик положил изумруды в красивую шкатулку, чтобы показать господам – хозяевам завода, – когда они пожалуют из столицы. А Кокованю за точную передачу слов Хозяйки Медной горы отправил на порку. Мол, сам придумал, на Хозяйку свалил, выпороть его!

Когда господа приехали, приказчик позвал их смотреть изумруды. Господа явились всей семьёй. Открыли шкатулку, а там никаких изумрудов, плесень одна, и такой дух оттуда – дышать нечем! Господа зажали носы и бросились бежать из комнаты, сбивая друг друга с ног, толкаясь в дверях. Такой невыносимый был запах – никакими французскими духами не перешибёшь. В одну секунду в комнате остались двое, и приказчик налетел на Кокованю с кулаками:

– Где ты столь вони насобирали?!

Кокованю высекли ещё раз, а приказчика уволили...

Вот этот вопрос – «Где ты столь вони насобирали?!» – я почему-то и вспомнил первым делом, когда Лариса Алексеевна попросила меня привести пример самоцветных бажовских слов. Но это я цитировать (точно повторять) не решился. Пришлось бы всю сказку рассказывать в своё оправдание. И я вспомнил заклинание из другой сказки, сам не подозревая, до чего кстати:

– Эй-ка, эй-ка,

Голубая Змейка!

Объявись, покажись,

Колеском покрутись!

Мне захлопали. Оказалось, что одной из станций нашей «Тропы Берендеев» была станция Голубой Змейки...

Перед ужином мы встретили Ларису Алексеевну у дверей столовой. Я крепко пожал ей руку:

– Обычно начальник лагеря заботится о питании, отоплении, ремонте и прочем таком. Редко бывает, чтобы начальник лагеря был ещё и педагогом. Я восхищаюсь Вами!

Женя-«чудотворец»

С утра по всему лагерю была газовая атака – такой «аромат», что я сразу вспомнил Некрасова:

А для едущих есть мостовая,

Не щадящая бедных боков.

Летом взроют её, починяя,

Да наставят зловонных костров, -

Берегись!..

В дополнение, с мая,

*Не весьма-то чиста и всегда,
От природы отстать не желая,
Зацветает в каналах вода.*

Вот этой цветущей водой и пахло. Да ещё как. Тамара Ивановна сказала, что чистят бассейн. После завтрака – туристская эстафета. Тамара Ивановна подвела меня показать, как ставят палатку. Я заскользил пальцами по тросу от палатки туда, где он закрепляется. Раздался отчаянный вопль: мальчик торопился забить колышек в землю и испугался, что заодно забьет и мои пальцы. Он выдал целую пулеметную очередь воплей – какое-то слово, может, и короткое предложение, но уж этого мои уши не различают.

Прямо с эстафеты отряды шли в бассейн.

Ух! Я от души возблагодарил свою чистоплотность. У меня в квартире за месяц до отъезда в лагерь выключали горячую воду. В бане рядом с домом – тоже. Так я каждое утро принимал ледяной душ. В бассейне вода оказалась, пожалуй, ещё холоднее. Больше двух минут в первый заход я не высидел.

Но второй раз я застрял минут на десять. Я наткнулся на пенопластовую доску, а на ней – ноги. Мальчик устраивался, как петух на насесте, на металлическом заборчике, идущем вдоль всего бассейна и отделяющем совсем уж мелкий «лягушатник» от более «глубоководной» части бассейна. Доска все время хотела выскользнуть из-под ног мальчика, но он переступал с одного края на другой, а сам тихонько поворачивался, чтобы сесть на верхушку забора. Вот это чувство равновесия! Ах ты, «Иисусик Христосик», задумал по воде ходить, как по твердой земле! Я придержал доску под «чудотворцем». Он утвердился на своём насесте и расставил ноги по краям доски, чтобы она не удрала. Теперь мы могли поговорить. Я объяснил «чудотворцу», что мне надо пальчиком чертить печатные буквы во всю правую ладонь, и «чудотворец» вычертил: «Женя».

Ёжики и вертихвостки

На открытии смены меня представили, и я должен был поприветствовать ребят. Я не успел толком продумать своё приветствие. С одной стороны, объяснился ребятам в любви. А с другой стороны, пообещал обсудить с ребятами на занятиях Института взаимной человечности (ИВЧ), как «причёсывать ёжиков», и себя тоже назвал колючим. Что же тогда у меня за любовь – колючая, что ли?

После ужина ко мне подвезли на коляске парализованную девочку Иру, и мы обменялись, кто чего не понял: она – в моём приветствии, а я – в концерте по случаю открытия смены. Ира, конечно же, спросила, о каких ёжиках я говорил.

– О тех, которые выставляют колючки, если им неправильно помогают. Мы все такие ёжики.

– А Вам понравился концерт?

– Тамара Ивановна – гениальный переводчик. Я только не понял, что такое проделывали «домовята»? Тамара Ивановна говорит, они вертели тем, что на теле укреплено неподвижно... Что значит, как можно – «вертеть попами»? Пусть какой-нибудь «домовёнок» мне это покажет. Кстати, одного мальчика-«домовёнка» (то есть командира отряда-семьи) я потом об этом попросил. Но он поклялся, что сам не вертел и вертеть не умеет, а вертели девчонки. Ах они «вертихвостки»!

В одном стихотворении Александра Блока сказано, что офицер, ухаживая за дамой, «вертел проворно задом». Для меня уже с подросткового возраста загадка, что именно делал этот офицер.

Алёша

Этот мальчик описал вокруг меня точную кривую, прежде чем ко мне прикоснуться. Как космический корабль вокруг планеты.

На «Тропе Берендеев» он расчищал нам с Тамарой Ивановной дорогу, чтобы выбраться из

леса, – я далеко не вездеход, и там, где все прошли, мне было слишком трудно. А потом мы встретились и разговорились на дискотеке по случаю открытия смены. Алёшу интересовало, читаю ли я. Я предложил зайти ко мне и показал взятые мною с собой книги. Показал шашки и шахматы для слепых. И мы договорились, что при случае сразимся. Алёша не стал откладывать дела в долгий ящик. До него я, правда, обыграл в шашки с десятком глухих ребят – всех, кроме непобедимого Антона. С ним я сразился дважды и оба раза «сел в лужу». А глухие играют, между прочим, на зависть многим слышащим. Ещё обыграл меня только Женя, у которого по одному пальцу на руках. Задача для «здоровых»: почему инвалиды бывают сильнее их в умственном отношении? Я знаю ответ, но поклялся Кораном, Библией и «Капиталом» Карла Маркса, что не буду выдавать военную тайну.

Ещё я пообещал Алёше научить его дактильной речи за полчаса и выполнил обещание. Спросите хоть у Нины Олеговны, которая сама научилась у меня в «Орлёнке» тоже за полчаса, и с тех пор не забыла. Кто следующий?

«С места в карьер»

Тамара Ивановна уехала по делам в Екатеринбург. Тоня и Алёша только начинают говорить дактильно. А тут – представление кружков. Среди ребят лучше всех пока говорит Алёна. Но она занята.

Я думал, представление кружков – это выставка, где все можно потрогать руками и расспросить кружководов. На самом деле – реклама со сцены.

– Кто будет переводить?

– Я! – храбро вызвался Алёша. Я подумал: «Человек ещё в буквах немного путается, какой же перевод?» Но выбора не было. Вернее, был выбор, только такой: сидеть в зале «для мебели», без перевода; сидеть где-нибудь одному; воспользоваться предложенным переводом – вдруг что-нибудь да получится. И я сказал:

– Давай, попробуем.

Да, Алёше было трудно. Но он делал героические усилия, чтобы сообщить мне о происходящем на сцене хоть что-нибудь.

И получилось. Вдвоем с Тоней, которая помогала, когда не выступала, они добились того, что хотя бы список кружков у меня в голове составил. Я заинтересовался мягкой игрушкой и биржей. Про Институт взаимной человечности – пока ничего... Видимо, это отдельно, и уж об этом я буду знать раньше ребят. Ведь моя работа предполагается именно там.

«Зелёные пятки»

Тоня сказала, что после полдника будет игра в «Зелёную пятку». Я спросил, что это такое, но понял только, что кто-то кого-то будет ловить. Дополнительно уточнил перед полдником у Алёны. Некоторым вожатым, подвожатым и другим начальникам вымажут пятки зелёной, и надо будет их всех выловить, а потом «пытать» – допрашивать, зачем прилетели, и придумывать наказание. Я сразу стал на сторону «Зелёных пяток», и за полдником во мне вдруг зазвучали строки:

А я бы «Зелёную пятку» любил.

А я бы «Зелёную Пятку» спросил:

«Откуда ты родом? С планеты какой?

А может быть, разум соседний земной?

Его представители с нами в пути,

Чтоб нас от безумья над бездной спасти.

А может, я тоже – неदेशняя суть:

С рождения к людям послал кто-нибудь,

С отличьем лишь тайным каким-то другим, -

Но с «Пятками» занят я делом одним...

Что ж вы меня не ловите и не пытаете, ребята? Неужели не в догадку, что, если человек понимает ваши мысли с полуслова, даже с полубуквы, – значит, он пришелец откуда-нибудь. И никакого тайного отличия вроде зелёной пятки не надо искать: слишком умный – пора пытаться. Чего проще! Вот только по этому признаку – по большому уму – находили тайных врагов и церковный суд – «святая» инквизиция, и товарищ Сталин...

Да и нынче времена не шибко изменились, слишком быстрый ум по-прежнему не в чести... Будь средненьким и не выпендривайся – тайных и откровенных сторонников этого «идеала» предостаточно.

Мне приятнее на одном костре с великим ученым Джордано Бруно, чем в одной шайке с инквизиторами и товарищем Сталиным.

Уверен, что игра игрой, а если по-честному, вы со мной согласны. Или согласитесь попозже, когда лучше узнаете нашу кровавую человеческую историю...

Избранницы и избранники

После полдника все куда-то делись. Где черти носят чертенят?.. Мы с мамой отправились на поиски.

Утром «подполковница» Ира завела нас к «Котам Матроскиным» – в первый отряд. Раньше в лагерях в первом отряде были самые старшие, а здесь – наоборот, самые младшие. Впрочем, все относительно: Пospelовы, насколько знаю, начали с создания Разновозрастного отряда (РВО), и здесь тоже все отряды – разновозрастные. Но в одних больше маленьких (до десяти лет), в других больше средних (например, как я узнал позже, в четвертом преобладали двенадцатилетние «поросята», – сейчас «год свиньи», и все они родились в предыдущий «год свиньи»).

Вот мы с мамой и заковыляли в первый корпус, где, по данным моей «разведки», поселилось пол-лагеря, четыре отряда из восьми. Зашли в игровую на втором этаже, на голоса, а там – все потные (позже нащупал) и красные (позже догадался) от смущения, потому что – «Дворец бракосочетаний»! Старшие, видимо, решили выяснить, кто с кем хочет дружить. Ишь, проныры! Мне потом сказали, что затеял это восьмой отряд («Семья Демидовых»), но сбежался потеть и краснеть от смущения весь лагерь.

В жизни я – отчаянный трус и потому холостяк, но понарошку почему бы не приискать себе супругу? Тем более, что надо либо топтать восвояси, либо включаться в игру, – просто наблюдать ведь не могу, так как не вижу и не слышу. Подлетела Алёна:

– У меня свадьба! Выхожу замуж за глухого Максима.

– За которого? Их не пересчитаешь!

– За высокого, самого старшего.

Позже я оценил его кудри: каракуль высшего сорта.

– А мне можно?

– Можно.

– А что надо делать?

– Обменяться кольцами и расписаться.

– Где?

– У Насти. Но она вышла.

– Все как полагается. Не бывает учреждений, где бы чиновники не отлучались и не задерживались именно тогда, когда их ищешь.

Без политической сатиры собственного производства я дня прожить не могу. Да и как прожить без неё в России? Над российской властью – то псевдокоммунистической, то псевдодемократической, но всегда олигархической, – только плакать либо смеяться. Слезы выплаканы ещё Некрасовым. Со времен Маяковского (кукла Петрушка не в счёт) остаётся только смеяться. Но уже полвека – без наивной надежды, что все достойное горького смеха,

как сказано Твардовским в «Тёркине на том свете», – «неизжиток пережитка или тень на наш плетень». Увы, оно, достойное горького смеха, – живучее, всякой власти присущее, какой бы «народной» ни рекламировала себя эта власть...

Настя из третьего отряда («Семья Весельчаковых»), как ей по должности и положено, и отлучилась, и задержалась, но в конце концов появилась на службе. И меня к ней подвели.

– Чего вы хотите?

– Жениться.

– На ком?

– Не знаю.

– Выбирайте.

– А как?

– Надо подарить цветы.

– А где их взять?

– Тут, рядом с корпусом, на клумбе в виде ромашкового поля.

– А кто меня туда проводит?

– Могу и я.

Оказалось, и правда рядом. И множество высоких толстых стеблей с маленькими ромашками, большей частью уже оборванными. Много тут, видать, уже «паслось» «благородных рыцарей». Настя помогла мне собрать букетик. Я долго не думал:

– Держи. Ты и есть моя избранница.

– Да ладно вам меня смущать! Вы ещё и не выбирали. Других посмотрите.

И подвела меня к Оле и Лене из восьмого отряда («Семья Демидовых»).

– Вы уже замужем?

– Нет ещё.

– А хотите замуж?

– Нам рано, мы маленькие.

После полученного отпора предлагать руку и сердце я уже не решался. Однако невесты меня не бросали. Подвели к мальчику лет восьми-девяти.

– Ты уже женился?

– Чо?

Рот до ушей, хоть завязки пришей – от смущения.

– Ты женился?

– Да. Не надо об этом. – И убежал. Надо полагать, куда угодно, только не к своей «жене».

Ждем свадьбы Алёны и Максима. Девочки говорят, что Максим есть, а Алёна исчезла. Пока её ищут, опять прошусь на ромашковое поле. И преподношу букет маме:

– Выходи за меня замуж!

Думал, уж тут-то номер беспроегранный. Куда там! Старый ребёнок не понимает игры:

– О, сдурел? Я мама, а ты сын! Сыновья на матерях не женятся!

– Женятся! Вон царь Эдип, я читал.

– Бессовестный! Я не согласна.

А ромашки к груди прижала. И целоваться не мешает. Только шея горячая – покраснела моя красная девица.

Пока я веселил честной народ, ухаживая за собственной мамой, нашлась Алёна. Но Максим заявил, что не согласен жениться, потому что ему надо как минимум две жены. Делить его со второй женой Алёна отказалась, да второй Максим и не нашёл, так что свадьба расстроилась.

Всю эту комедию описали мне Оля и Лена. А я занудно страдал: шутка ли – дважды отвергнут! И Лена сжалилась:

– Хотите расписаться со мной?

Мы нарвали третий букет ромашек и расписались. Надо было ещё обменяться кольцами, но

они, разумеется, кончились – на то Россия! Впрочем, вечером на дискотеке мне неожиданно надели на голову венок, сплетенный из травы. Я таскал его весь следующий день, не подозревая, что венок оповещает публику о моем женатом состоянии. Когда мы расписывались, я спросил у Лены:

– Ты какую фамилию поставила – отрядную («Демидова») или настоящую?

– Настоящую.

– А какая у тебя настоящая?

– Хорош жених! – вмешалась мама. – Уже расписался, а не знает настоящую фамилию жены!

– Некрасова, – начертила Лена на моей ладони.

О!.. Тесен мир. Или это перст Божий? Эта фамилия мне очень много говорит, и не только потому, что я люблю стихи Николая Некрасова и читал «В окопах Сталинграда» Виктора Некрасова.

На следующее утро на завтрак вёл меня слабослышащий мальчик, тоже Максим, только на три-четыре года моложе.

– Ты женился вчера? – Я говорил голосом, старательно выделяя каждый слог, чтобы меня легче было понять.

– Нет! Это чепуха!

– Почему чепуха? Просто игра.

– Все равно чепуха! Все девчонки дуры!

Если бы я стал заступаться за «девчонок», то уж точно показал бы себя дураком. Но я твёрдо знал: мальчик так о девочках не думает, а обзывается от смущения. И я нежно провел ладонью по вьющимся мягким волосам и гладкой щеке умного Максима.

Женя из Первоуральска

Алёша – «домовёнок» – подвёл ко мне ещё двух ребят из своего отряда: девятилетнего Сашу и пятнадцатилетнего Женю. Все трое из Первоуральска. Я долго и нудно расспрашивал Алёшу, где этот город. С запада, востока, юга или севера от Екатеринбурга? Но Алёша оказался не силен в географии родной области.

Как и все, знавшие друг друга до лагеря, эти ребята стараются держаться вместе.

О Жене я не раз уже слышал от Тамары Ивановны. У него на каждой руке только по одному пальцу. Так родился. Но жалости не внушает: управляется очень ловко, не хуже, чем мы своими десятью. Попробовал бы кто из нас переставлять из одного окошка в другое шашки для слепых! Или из одного отверстия в другое шахматные фигурки для слепых! Одним указательным пальцем! По зрячей-то доске и толкнуть можно в нужную сторону, а тут так не получится, надо поднимать и опускать.

Женя управлялся. У него эти единственные пальцы на каждой руке необычайно гибкие и хватистые. Он умеет выражать и ласку: не раз позже сжимал мою руку обоими своими пальцами, как другие – обеими ладонями. И мы прекрасно обходились в общении без посредников – он писал правым пальцем по моей правой ладони. Единственный, кого не понадобилось обучать дактильному алфавиту, да и так обошлись...

Азбука-колодка

Ребята заинтересовались азбуками-колодками. Это вроде мозаики, для обучения маленьких незрячих детей рельефно-точечному алфавиту Луи Брайля. Деревянная колодка, в ней отверстия образуют десять шеститочий, и в эти отверстия вставляются пластмассовые как бы гвоздики, шляпки которых и образуют точки. Можно выложить любую комбинацию из десяти брайлевских знаков, а можно – просто узор. Сначала ребята и выкладывали, что придётся, узор – не узор, лишь бы не одинаково. Я им читал, что у них получалось, поворачивая к себе колодку то одним длинным краем, то другим. Ребят забавляло, что, если знак перевернуть, то получается уже что-то другое, и каждый раз оказывается, что такой знак

существует на самом деле. Как ни старались, полной бессмыслицы не выходило. Я объяснил: – Математики давно сосчитали, что из шести точек можно сделать только шестьдесят три комбинации. Поэтому все они используются – большинство для букв и знаков препинания, для нот. И уже для цифр знаков, помещающихся в одну клетку (в одно шеститочие), не хватило. Чтобы отличить цифру от буквы, пришлось придумать особый цифровой знак.

Конечно, эта игрушка для маленьких быстро надоела, и ребята захотели выучить брайлевский алфавит. Вот когда я завздыхал, засокрушался, заругал себя! Последние годы всегда брал в лагеря несколько приборов для письма по Брайлю и несколько грифелей, которыми пишут на этих приборах. Но как-то не находилось желающих учиться. Тут нашлось предостаточно, а я уже привык, что система Брайля не вызывает особого интереса, – и взял с собой только один прибор для себя да по чистой случайности два-три грифеля.

«Закон подлости» сработал очень подло. Тот, когда зонтик берёшь – дождя нету, солнце печёт немилосердно, а стоит зонтик забыть – хлещет как из ведра, ни одной сухой нитки. Так и тут. И часто получалось так: надо бы мне заметки для своей личной стенгазеты писать, а ребятам хочется писать по Брайлю по-настоящему, на бумаге – и я отдавал им прибор и грифель. Все лучшее детям, известное дело! А сам сразу по-зрячему стучать не решался: мне нужны хотя бы черновики моих текстов по Брайлю, в доступном виде, иначе я их сам уже никогда не прочитаю, не перепишу, не исправлю, не использую для своей работы.

Вот и выходило: один пишет, остальные завидуют и режутся со мною в шашки либо изучают дактильный алфавит... Как говорит в таких случаях моя мама: «Что такое не везёт и как с ним бороться?» А как бороться? Всё своё таскать с собой. Как улитка или черепаха – звери, кстати, очень у ребят популярные: когда учил их говорить дактильно, на букву «У» чаще всего предлагали продактилировать слово «улитка», а на букву «Ч» – «черепаха».

Я написал брайлевские таблички – алфавит, основные знаки препинания, арабские цифры. Дело привычное, сколько за свою жизнь я писал таких табличек для самых разных людей, детей и взрослых, для дела и для просто так... Ребята их надписали по-зрячему – и завладели моим прибором, оставив меня, как говорится, безлошадным.

Сначала писали шифровки, и я добросовестно им читал, насколько их замысел далёк от исполнения, однако вскоре и Алёша, и Саша без единой ошибки подписались: «Алёша Малых», «Саша Швацкий».

Малышу я тут же сообщил, что он, наверное, – потомок польских повстанцев прошлого века, сосланных царскими судьями на Урал за участие в восстании. Саша этой моей версии не отрицал. То ли правда, то ли нет, но воображать себя потомком польских повстанцев ему, видимо, нравилось. Он охотно подтвердил мою догадку: «Швацкий», потому что сто или двести лет назад на Урал сослали его предков-поляков.

Летом 1996 года в этом же лагере у меня произошёл прорыв в обучении зрячих ребят системе Брайля. На этот раз я взял с собой с десяток брайлевских приборов, сам никаких табличек не писал, а диктовал их ребятам. И по-зрячему они надписывали таблички, не вынимая из прибора, в соседних строчках, – каждая зрячая буква точно под брайлевской. Главное, зрячие подписи были с той стороны листа, где углубления точек, а не там, где точки, – там же, где пишут, а не где читают. В итоге процент «шифровок» свёлся почти к нулю. Это было большое, невольно подсказанное мне учениками, методическое открытие, благодаря которому я смог обучать зрячих системе Брайля почти так же быстро, как дактильному алфавиту.

Нина Олеговна зашла в помещение, где я расположился со своим брайлистским кружком. Смена только началась, и Нина Олеговна беспокоилась.

– Как ты?

– Отлично! Хорошо сосут.

– Сосут?

- Ну да. Высасывают из меня брайлевские премудрости, как младенцы материнское молоко.
- Ты для этого и существуешь, – засмеялась Нина Олеговна.

Алёша «заказывает музыку»

Моя личная стенгазета «Спасибо» заинтересовала сразу и ребят, и взрослых. Сначала я поместил туда, как выразилась Нина Олеговна, «дневничок» – первые впечатления от дороги в лагерь и, особенно, от ребят. Некоторых сразу назвал по именам – Олега Поспелова, Алёну Чернобай, Алёшу Малых... Но начались занятия в Институте взаимной человечности, я с трудом успевал писать в стенгазету свои материалы для ИВЧ, а Алёша пристал как банный лист:

– Про Женю пишете? Когда про Женю напишете?

Интересно, зачем ему так надо было, чтобы я «прославил» Женю?

Они светятся?

Но, как только начались уроки в ИВЧ, до самого конца смены я кормил своих читателей только размышлениями о человечности – о том, «как причёсывать ежика». Больше просто ничего писать не успевал. И это часто приходилось писать рано утром, вставая в четыре часа, когда весь лагерь смотрел самые сладкие сны. Всё равно не спалось: думал о ребятах, был переполнен благодарностью им за их любовь, ощущал, как они толпятся вокруг моей кровати, светятся свечками рядом...

А тот, кто скажет, что просто комнату ночью освещал уличный фонарь – тот серая личность, скучный человек, вот! И пусть попробует этот чересчур твёрдо знающий, что бывает, а чего не бывает, объяснить, почему за неделю до отъезда в лагерь я почувствовал вдали, в Екатеринбурге, разгорающееся зарево радостного ожидания, готовности любить, и почему сейчас, в Москве, в компьютерном центре Главной российской библиотеки слепых, я чувствую присутствие особенно привязавшихся ко мне ребят. Они обо мне помнят, думают, но по-доброму, поэтому мне не икается. Они толпятся, как в лагере, у меня за спиной, молчаливо наблюдая, как я работаю, и читая текст прямо с видеодисплея компьютера, как в лагере читали прямо с моей пишущей зрячей машинки. Господи, как же я без них скучаю!..

– Ага, ага, вот сам все и объяснил, ты просто скучаешь, а все другое тебе чудится, этого нет и быть не может, потому что никогда не бывает! – торжествующе высовывает мне язык серая личность, знакомая только со светом уличного фонаря, а никак не со светом любви. Да ну её, серую! Это её нету, я её для смеха придумал, потому что в лагере все точно знают, что свет любви не только есть, но и поярче любого фонаря, луны и даже солнца. И мне не чудится, а так и есть – я залит этим светом, и этот свет поднимал меня в лагере ни свет ни заря, чтобы любить письменно, пока нельзя в прямом общении.

...А ведь с каждым разом ехать в лагерь все страшнее. Я жаден до света детской любви. Вдруг не получится зарева, не удастся согреться, и будут лишь неверные, случайные вспышки на общем промозглом пасмурном фоне равнодушия?.. Бр-р-р... Чур меня, чур – от такой участи. Лучше дома тогда сидеть.

Оруженосец

Тамара Ивановна прозвала Сашу Швацкого моим «оруженосцем». Сашенька взялся провожать нас с мамой в столовую и обратно и никому старался не уступать эту честь. Других ребят мне приходилось «пришвартовывать» с запретного «борта» – с правого, где рука с тростью. Братся за руку с тростью и за саму трость нельзя – это все равно что закрыть глаза зрячему человеку и предложить ему куда-то идти. Но если взяться повыше локтя – ничего, не мешает... А главное, с детьми и детям можно многое, чего нельзя никому в обычной жизни – бездетной, нелагерной. Малыш может взяться и за кисть, и даже за трость. Пусть. Они меня хотят водить, вот и пусть водят, а устроим кучу малу – не беда.

Как-то давно, в Загорском детдоме для слепоглухонемых, меня облепило человек шесть

малышей, чтобы вместе со мной выйти из спортзала. Повисли так – чувствую, не удержу равновесия, сейчас рухну. Ну что ж, уселся на пол добровольно, чтобы никого под себя не поднять случайно, а малышня на меня посыпалась со всех сторон, никто не устоял на ногах. Одно из лучших воспоминаний в моей жизни...

В столовой все углы далеко, поставить трость некуда, и я обычно клал её рядом со своим стулом на пол. И Сашенька завладевал моей тростью, пока я ел. Стоит рядом и терпеливо ждёт, держа мою трость обеими ручонками.

– Тебя ждёт оруженосец, – улыбалась Тамара Ивановна (улыбка чувствовалась в её дактилирующей руке).

Ежик или солнце?

После полдника в каждом отряде была своя кутерьма. Мы пошли с Сашей по отрядам. У самых маленьких, «Матроскиных», были какие-то весёлые старты. Пока я пытался понять, что там творится, нельзя ли принять какое-то участие, подошёл Олег Пospelов. Он стал «домовёнком» (командиром) во втором отряде, который принял фамилию из той же сказки, где и кот Матроскин, – фамилию «Печкиных». На мой вопрос, что тут происходит, Олег ответил дактильно:

– Дурестафета.

Я не стал поправлять, – «дурэстафета», – мне больше понравился Олежкин вариант.

– А что у Печкиных?

– У нас рисуют.

Я зашёл на минутку (разумеется, с Сашей) к себе в комнату, взял приборы для рельефного рисования, и мы присоединились к художникам. Я попросил ребят что-то нарисовать. Но сначала пришлось выполнить такую же просьбу самому. Я нарисовал кружок, ошетирил его короткими палочками. Я считал, что это ёжик, выставивший иголки. Но Саша назвал моё творение солнцем. Внутри кружка я написал печатными буквами «Плохо», но они в строчку не поместились, пришлось размещать буквы как получится, и Саша так и не понял, чем я начинил «солнце».

Это поняла только вожатая Наташа, которую ребята дружно воспевали своими рисунками. Мне потом показывали несколько наташиных портретов. Ниже ёжика-солнышка я попробовал изобразить другого ёжика, доверчивого, не клубочком, а с головой и ногами и с убранными иголками, так что кожу изобразил мелкими волнами. Тут уж Саша сразу сказал, что это ёжик, – правда, удалось внутри в строчку написать это слово, а так не знаю, получилось похоже хоть сколько-нибудь или нет. Оба ежа – испуганный и доверчивый – у меня были в тени дерева неизвестной лиственной породы. В общем, было видно, что я не умею держать карандаш в руках, но Саша всё равно меня похвалил, и другие ребята тоже. И принялись рисовать сами. Одно дело – на бумаге карандашом и красками, а тут – на полимерной плёнке фломастером, и чтобы пощупать было можно. Такой необычный способ рисования, конечно, всех заинтересовал.

Тем временем в других отрядах шло Гиннес-шоу, но я крепко встал на якорь у «Печкиных», и как ни тянул меня Саша, уйти оттуда уже не мог. А Саша не хотел расставаться со мной. И кончилось тем, что после ужина мне пришлось извиниться:

– Я виноват перед тобой. Ты из-за меня так и не попал на Гиннес-шоу.

– Зато мы сейчас идём на дискотеку и будем танцевать, – утешил меня Саша.

Качели

Уж это мне детское «зато»... Иногда завидуешь бессознательной детской мудрости: нет одного, зато есть другое. Но всё можно вывернуть наизнанку, и знаменитое бандитское «Кошелёк или жизнь!» – на самые разные лады постоянно звучит в отношениях между людьми. Мне часто в жизни предлагали обходиться слишком без многого – просто потому,

что так проще, удобнее окружающим, – слишком часто предлагали мне это, чтобы я мог утешаться по-детски: нет одного, зато есть или будет другое, и, в общем, я не беднее вас. Хорошее утешение, что и говорить, но оно не помогает, если самое главное в твоей жизни считают капризом.

Я всю жизнь вынужден объяснять то одним, то другим, что если считать капризом моё неукротимое желание работать, то почему бы не считать капризом то, что я до сих пор не умер? Когда я не хочу откладывать выполнение работы ни на один день, стараюсь жестко выдерживать намеченные сроки, мне приходится иногда слышать вопли: «Что решает один день?!» Но если примешь этот якобы неотразимый довод, то придётся принять его до конца: что решает один день, что решает одна неделя, что решает один месяц, что решает один год, и наконец, что решает вся жизнь...

Но если жизнь ничего не решает, то зачем капризничать – жить? Не лучше ли скромно удалиться на тот свет, избавить раз и навсегда всех от хлопот, с тобой, с твоим существованием связанных? Жизнь состоит из дней, и потерянный день – это потерянная часть жизни. Это совсем не пустяковая потеря для тех, у кого есть смысл жизни, кому есть для чего жить. У меня смысл жизни есть. И никаким «зато» меня не утетишь, если пропадает рабочий день. Неважно, по моей же собственной вине пропадает или по чьей-то ещё.

В лагере были две парализованные девочки. Одну возили на коляске, у другой коляски не было, и она еле ходила, поддерживаемая с двух сторон. Мне эту сцену как-то описала Тамара Ивановна. Вот эту вторую девочку звали Ира. После первого моего урока в ИВЧ Иру ко мне подвезли на коляске, взятой ненадолго у другой девочки, Маши. И перевели её благодарностью:

– Спасибо за лекцию. Теперь я поняла, что жить стоит.

Я понял, что сейчас я должен быть сокрушительно правдивым. Именно должен, и именно сокрушительно. Никто другой не имеет права сказать этой девочке то, что я должен ей сейчас ответить. И поэтому у меня нет права всех других – права промолчать.

– Ирочка, я очень рад, что ты пришла к такому выводу, – осторожно начал я, набираясь духу.

– Но я должен сказать тебе очень жестокую правду. Сам я до сих пор не уверен, и никогда, наверное, уверен не буду, что мне стоит жить.

Рука Нины Олеговны Поспеловой вздрогнула в моей руке.

– Я всю жизнь на качелях: то мне кажется, что жить стоит, то кажется, что не стоит. Когда у меня есть возможность работать, как сейчас, и мне помогают, кто чем может, – хочется пожить. Бывает, что от меня с моими проблемами под разными предлогами отмахиваются. А то и не утруждают себя поисками предлогов. Тогда жить не хочется. Так оно и идёт с переменным успехом. Качели. В течение последнего года мне так хорошо, как, пожалуй, со студенческих времен ещё не бывало. Но я в постоянном страхе, что в любой момент могу снова оказаться один на один со своими трудностями. Я не могу тебе врать. Поэтому честно говорю: готовься к качелям! Судьба таких, как мы с тобой, – всю жизнь сомневаться, стоит или не стоит жить.

Это страшная правда, но я всегда считал, что любая правда лучше обмана и самообмана. В народе говорят: «Без правды не житье, а вытье». А если знаешь правду, то можно начинать бороться за себя. А успешно бороться за себя нельзя, давая себя обмануть и обманываясь добровольно. А то будешь уверять себя и всех, что ямы нет, а яма есть, и ты давно на дне этой ямы... Чтобы в яму не попасть, надо знать, где она. Точно знать!

Я не этими словами говорил. Сейчас я уверен только в том, что правильно передаю свою общую мысль. Для Иры мой ответ, как и для других, кто его слышал, был полной неожиданностью. Но это правда, и такая правда, которой ни один здоровый человек не имеет права говорить инвалиду. Эту правду можно говорить только на равных – один тяжкий инвалид другому тяжкому инвалиду. А что легче – слепоглухота или врожденный паралич?..

Думаю, мы с Ирой не согласились бы поменяться местами. Нам обоим – по разным причинам – одинаково плохо.

Если бы то, что я сказал, Ира услышала от кого-то более здорового, этот более здоровый был бы просто подонком, подлецом. Ведь он пустился бы в разговоры о смысле жизни вместо того, чтобы дать смысл жизни, чтобы делом, своей помощью рассеять сомнения, стоит ли жить. Увы, именно так и поступают слишком многие, часто даже не догадываясь (или не желая догадываться), что совершают подлость. Я сам так часто на эту подлость напарывался, что меня сейчас, пожалуй, вряд ли удастся кому бы то ни было убедить в прочности моего сегодняшнего счастья. Все кажется, будто сплю, и в любой момент жду неприятного пробуждения. И ничего не могу с собой поделать.

Через несколько дней я перед Ирой очень провинился. Её привели ко мне пообщаться, но вокруг меня было очень много детей, и заняться кем бы то ни было одним я не мог. Так я провинился перед многими, и у всех прошу прощения. Я могу полноценно общаться только с кем-то одним, со мной всем и всегда лучше уединяться, и я не могу обижать одного ребёнка, бросая его ради другого. И получается, что мною завладевает небольшая группа ребят.

Как быть? Как добраться до всех, кому я нужен, никого не отталкивая, не обижая? Не знаю. Ничего не могу тут придумать. Может быть, надо ходить по корпусам, по комнатам в гости, знакомиться, кто где живёт... Это зимний вариант. Летом-то все на улице, а с погодой нам в «Светлячке» на редкость повезло. В общем, не вижу выхода. Чтобы хоть как-то добраться до всех, мне и нужны выступления – уроки в ИВЧ или просто чтение своих стихов – и личная стенгазета. Тут уж удастся сказать то, чего ни в какой уединённой беседе не получается, потому что это говорится обычно только с трибуны. Спасибо Нине Олеговне и Владимиру Александровичу Поспеловым, спасибо всем, кто дал мне возможность выступать перед ребятами устно и печатно. Без этой возможности я совсем бы чувствовал себя несостоятельным должником. А так – все долги выплатил в лагере, насколько успел, и продолжаю выплачивать сейчас, дописывая лагерный дневник уже в Москве.

«Эх!» – «Ура!»

Я работал на улице на зрячей машинке – писал для стенгазеты «Спасибо!». Когда я печатаю на зрячей машинке, сбегаются свободные ребята со всего лагеря. Посидят, поглядят и отойдут. Потом подходят другие. Иногда я чувствую за своей спиной целую толпу. Пыхтят в затылок, засматривают, наверное, через плечо. Бывает, так сгрудятся, что начинают немного стеснять мои движения. Приходится просить чуть-чуть отодвинуться. А чаще я «отвлекаюсь» и начинаю с ними общаться. Играем в шашки, иногда в шахматы, учимся говорить дактильно – пальцами. Машинка отодвигается в сторонку. Я ведь для этого и приехал – общаться с ребятами, быть с ними, заниматься все равно чем, лишь бы с ними. Это я и имел в виду, когда говорил, что хочу посадить себе на голову весь лагерь. Работаю на глазах у всех, затеял личную стенгазету – всё для того, чтобы привлечь к себе внимание ребят. И грех жаловаться: вниманием не обходят.

Вот и сейчас около меня сидел мальчик. Как давно, кто его знает. Я спешил: стенгазета – дело серьёзное, надо писать, после первого же выпуска и ребята, и взрослые стали нетерпеливо ждать новых материалов. Поэтому не всегда обращал внимание на «публику».

Я увлёкся и забыл следить за страницей. Она вывалилась из машинки, а я стучал впустую. Заметив это, я спросил:

– Кто тут есть?

– Серёжа, – написали мне по правой ладони.

Я вставил чистую страницу.

– Прочитай, пожалуйста, на чём кончается.

Он прочитал. Я дописал до новой строки (до абзаца).

- Ты из какого отряда?
- Из четвертого. Я там домовёнок.
- Как вы назвали свою семью-отряд?
- «Семья Тимошкиных».
- Почему?
- По Тимошке. Это прозвище одного мальчика.
- Почему вы его так прозвали?
- По фамилии. Тимофеев.
- Чем он у вас так прославился, что вы в его честь назвали свой отряд?
- Ничем. Просто он хороший. Научите меня говорить пальцами.
- Давай. Напиши мне любое слово на букву «А», потом на букву «Б» и так до конца алфавита. Мы эти слова будем говорить дактильно, и ты быстро запомнишь все буквы. Так я всех учу. Иногда пользуюсь и старым способом – показываю алфавит и придумываю сказку, на что похожа каждая буква. Это весело, но запоминается хуже. А так – незаметно каждую букву скажут несколько раз, многие уже запоминают, пока мы доплзём до половины алфавита, и весь алфавит в памяти через каких-нибудь двадцать – тридцать минут. Ещё удобно, что сразу учатся говорить, переходить от одной буквы к другой. А если показывать каждую букву отдельно, то раньше ребят что-то тормозило, буквы помнят, а слово сложить никак не могут. Этот переход от одной буквы к другой становился отдельной загвоздкой. А так мы одним выстрелом убиваем двух зайцев: и алфавит незаметно запоминаем без всякой зубрёжки, и переход от буквы к букве отработываем с самого начала. И через полчаса уже можем худо-бедно разговаривать.
- Серёжа показал себя, впрочем, как и многие ребята, очень сообразительным учеником. Удивило другое: всем приходят в голову самые простые слова, а этот выбирает в алфавитном порядке довольно необычные. У всех – «арбуз», у этого – «аллигатор». И вообще заметно, что любит читать про путешествия, про космос, всякую фантастику и приключения. И стихи любит. Не помню, что за слово меня насторожило, – может, «ландыш» или «осень», – но я подумал, что этот человек пишет стихи, а не пишет, так много знает наизусть.
- Ты пишешь стихи?
- Нет.
- Я не поверил, но не в моих правилах это показывать.
- А на областном фестивале творчества детей-инвалидов ты что делал?
- Читал стихи.
- Чьи?
- Есенина.
- Тебе сколько лет?
- Двенадцать.
- Есенин – в двенадцать лет?! Я дорос до его лирики только в тридцать три года. А до этого я в основном любил поэмы, от лирики быстро уставал.
- И какое же стихотворение ты читал на фестивале?
- «Заметался пожар голубой...».
- Я снова мысленно как бы вздрогнул. Такое – в двенадцать лет? Необычно!
- Ну, вот и конец алфавита и нашей учёбы. Ты уже умеешь говорить дактильно. Поздравляю!
- Эх!.. Так быстро!
- Ты огорчён? Ты хочешь со мной поговорить?
- Да.
- Дурачок, так за чем же дело стало? Зачем же я учу ребят этому алфавиту? Чтобы разговаривать, а не просто так. Давай теперь поговорим. Машинка ещё подождёт.
- Ура!

Я поразился. Считается, что дети отличаются от взрослых своей непосредственностью. Но по-настоящему непосредственных ребят я встречал не так уж много. Больше скрытных, стеснительных. Большого труда стоит их расшевелить. А этот – весь снаружи! И за все годы моей дружбы с ребятами не припомню случая, чтобы кто-нибудь ещё так откровенно огорчился, что общение со мной кончилось, и радовался, когда я предложил продолжить.

Серёжа Егоров очаровал меня с первого урока дактильной речи. Я думал: такой эрудит, начитанный не по годам, с развитой, правильной литературной речью не удержится долго, уйдёт в коллектив, не сможет выкроить для меня много времени... И я заранее прощал его за это и прощался с ним. Оказалось – напрасно. Он всё время был рядом, не мешая мне играть и разговаривать с другими ребятами. Он, мне кажется, меня раскусил, понял и поверил, что мне всего важнее вот это общение. И стал мне помогать, знакомить меня все с новыми и новыми. А сам наблюдал в сторонке за нашей вознёй, активно включался тогда, когда другие уставали. Я чувствовал эту удивительно тактичную, ненавязчивую опеку. Мне потом говорили, что с другими он – другой, даже жестокий. Но кто рассудит, у кого хватит смелости уверенно сказать, с кем – со мной или с другими – он был «в маске»?

Во всяком случае, я никогда не забуду этих двух междометий – «Эх!» и «Ура!». Это было при первом же разговоре, и вряд ли это было маской – огорчение, что мы так быстро выучили дактильный алфавит, и восторг, что можно, оказывается, с помощью этого алфавита продолжать общение. При первой же встрече мальчик был со мной без маски – этим и удивил, и очаровал. Редкая вещь! Только начал говорить, каждую букву складывает целую секунду, если не две, и уже – эти два междометия, которые легче выкрикнуть вслух, чем выдать совсем новым, непривычным способом. «Маска»? Не верю.

«Портреты неповторимости»

Кто-то с утра сказал, что сегодня банный день. Души в лагере были, но горячая вода – с переборами, да и души работали неважно. Была отдельная душевая рядом с нашим корпусом – этакое фанерное сооружение, полусгнившее. Там был только один исправный душ, другой – без разбрызгивателя. Когда я мылся в начале смены под этим вторым, подо мной вдруг затрещало, и левая нога провалилась под пол. Продавил гнилую доску... К счастью, я как раз намылился, так что обошлось даже без царапин. Но больше я туда лазить не рисковал, хоть и говорили, что дыру заделали. В одном месте латка, в другом месте гниль...

А тут собрались взять ребят в город Полевской, в городскую баню. Я, разумеется, напросился с глухими ребятами.

В ожидании автобуса немного поговорили с Ниной Олеговной Поспеловой. Я рассказал ей о сеансе «Портретов неповторимости» в экспериментальной группе при нашей лаборатории. Пациенты и все присутствующие выстраивались в круг, а я шёл внутри этого круга, и мне протягивали руки ладонями вниз. Я подставлял свои ладони, прислушивался к своим ощущениям и сообщал человеку, какой он хороший. Делать до автобуса всё равно было нечего, и Нина Олеговна тут же предложила дать «портреты неповторимости» ребятам. Выстроила их в круг, и началось...

Конечно, теперь уже невозможно припомнить, что я чувствовал и что говорил. Чувствовал тепло в детских ладошках, определял, где оно сильнее, где слабее, и часто приходилось, помнится, говорить что-нибудь ободряющее: мол, поменьше стесняйся, не бойся подходить к людям, не съедят, а вдруг и подружишься... Позже прочитал, что русские детские психотерапевты чаще всего имеют дело со стеснительными детьми (немецкие – с агрессивными). Ну что ж, таких стеснительных было немало. Я ведь не знаю, чьи руки над моими руками, кому именно отвечаю комплименты двусмысленного, а то и вообще сомнительного свойства. В ИВЧ пришлось давать «портреты неповторимости» младшей группе, среди них и Олегу, вот он мне и рассказал свой «портрет». Оказалось, что ему, как и

многим другим, я порекомендовал поменьше стесняться, быть посмелее. Ну что ж, брать назад свои слова не приходится, это верно и для моего осознанного опыта общения с этим чудесным мальчиком.

Была в кругу и Нина Олеговна. Узнал я её или нет, не помню, может, сама объявилась. Ну, как я успел заметить, у таких людей обычно тепловой центр круглый, горячий, занимает всю ладонь от запястья до пальцев. Это очень уютные, добрые люди, их призвание – согревать, собирать вокруг себя всех, кому не хватает душевности окружающих. Нина Олеговна ведь – душа Свердловского областного Детского ордена милосердия. Но так или не так у неё с тепловыми центрами – мне ещё надо проверить, точно зная, что это именно её руки.

Всерьёз я начал принимать эти свои ощущения недавно, раньше больше обращал внимание на то, какая кожа (насколько гладкая, шероховатая, вообще грубая...), и на общую температуру кистей рук. Впервые по-настоящему обратил внимание на разницу в тепловых ощущениях в пределах ладони 20 мая 1995 года, на том самом сеансе дачи «портретов неповторимости» заикающимся. Опыт у меня к моменту применения его в «Светлячке» был не более чем двухмесячный.

В лагере это называли – «дать характеристику». (Потом назвали «игрой в ладошки».) Получать «характеристики» всем очень понравилось, иногда просили это сделать даже в тихий час, когда я думал только о том, чтобы немного полежать, набраться сил для дальнейшего общения с ребятами. А в каком состоянии «давать характеристики» – не всё равно. Я должен быть хотя бы относительно свежим, не усталым, не больным. Прислушиваться к очень слабым ощущениям нелегко. Когда сразу много людей, меня это утомляет примерно так же, как и лекция, в которую я вложил много чувств. Так что приходилось иногда и отказываться «давать характеристики», просить пощады – если чувствовал себя усталым.

В бане я мылся с глухими ребятами. Они трогательно за мной ухаживали, водили в парную, помогали найти душ. Когда я кончил все это, попросили «дать характеристики». У всех руки мокрые, попробуй что-нибудь понять, легче ощутить энергетический (тепловой) центр на сухих ладонях.

Но я не стал капризничать. Слабослышащий Максим (тот самый, который «Все девчонки дуры») взялся помогать общаться с ребятами. Я говорил ему голосом, а он переводил ребятам жестами. Я всё же предупредил, что по мокрым рукам трудно что-то понять. Да ладно, главное – ребята остались довольны. Я потом долго посмеивался, вспоминая этот сеанс в бане. Твардовский говорил о человеке, который «решать вопросы мировые любитель – хлебом не корми», где попало, «а то хоть в бане, где место самое для них». Так и тут получилось. Ведь говорят, что подключение к тепловым центрам – это подключение к космической энергии. Если так, то мы с ребятами нашли самое подходящее место – баню – для подключения к энергии космоса, то есть для решения мирового, космического вопроса о том, кто мы такие. Ну, да с детьми всё вообще вопросы мировые – уж, во всяком случае, для меня. Ребёнок – пришелец из вечности, совсем особенное существо... Иметь с ним дело – всё равно что с инопланетянином...

Сколько вечностей? Из одной приходим, в другую – уходим. В одной – будущие дети, в другой – бывшие люди. В третьей – не сбывшиеся: носители и причинители зла при жизни. В четвёртой – сбывшиеся: носители и делатели добра при жизни. Если всех живущих распределить по тому, кто как жил и кто сколько успел прожить, то вечностей оказывается очень много, бесконечно много. А ещё – вечность будущих растений, вечность бывших растений, и так же с животными, и так же с микроорганизмами...

Фантазирую? Или постигаю истины, никакой наукой не доказуемые, потому что – никакой науке не доступные? А чему доступные? Религии? Но в бога я тоже не хочу верить. Особенно в того, с которым пристают ко мне самозванные миссионеры. Кстати, с собой в «Светлячок»

я тогда взял по Брайлю все четыре Евангелия. Просто потому, что это можно долго читать и перечитывать. С таким же успехом я мог бы взять – и позже брал – поэтические сборники.

Тамара Ивановна, считавшая себя принадлежащей к секте евангельских христиан-баптистов, увидев у меня эти издания, воскликнула:

– Сподобился!

Я рассмеялся:

– А если бы я взял с собой «Майн кампф» Гитлера, ты бы умозаклчила, что я нацист?

Пробовал, кстати, и Гитлера читать – наткнулся на компакт-дисках «Библиотека в кармане». Несъедобно.

Познание. Постижение. Вряд ли это одно и то же... Отыскивая в ладонях тепловые центры, чем я занят – познанием или постижением? Наверное, больше постижением.

«Ничо непонятно»

После бани был концерт кукольного театра. Профессионального, чуть ли не из Москвы. Мне переводила Алёна Чернобай, лучшая в лагере переводчица (среди ребят, конечно). Мы ждали спектакля, а получили какую-то сборную солянку, отдельные номера из разных спектаклей. Было скучно. Алёна ворчала:

– Ничо непонятно...

«Вы – не наглядное пособие, а друг!»

После кукольного театра я читал лекцию в ИВЧ. Кроме всего прочего, говорил о том, что вообще-то я самостоятельнее, чем можно подумать. Дома все облазил с тростью на несколько километров вокруг. А в лагере так и не изучил дорожек потому, что тут у меня другая задача: важнее, чтобы мне помогали ребята. У ребят должно быть побольше поводов мне помогать. Я в лагере – как бы живое учебное пособие по человечности.

После обеда ко мне прибежал Серёжа Егоров, чтобы выпалить дактильно:

– Вы – не наглядное пособие, а друг! – и тут же исчезнуть на тихий час. Я был очень тронут.

Хотя и пытался объяснить свою мысль, но Серёжа объяснений не принял. Ему не понравилось это сравнение. Умница. Сравнение, пожалуй, и правда неудачное. Хотя как сказать... Если бы не это «неудачное» сравнение, не было бы у меня такой удачи, как протест и поправка Серёжи.

«Какие у меня недостатки?»

Я работал на зрячей машинке, спеша с очередным выпуском личной стенгазеты. Мама сказала, что тут фотокорреспонденты из областной газеты. Хотят со мной поговорить.

Поговорили. Корреспондент сказал, что наслышан о моих способностях. Я не понял:

– О каких?

– Ну, вы по рукам говорили, какой у каких ребят характер...

– А-а-а-а... Ну и что?

– Скажите мне, пожалуйста, какие у меня недостатки.

– Я специалист не по плохому, а по хорошему... Давайте руки.

Прислушался. Тепло рассеянное, какой-то центр найти не удаётся. Говорю, тщательно подбирая слова:

– Вы – человек очень любознательный, настолько, что не можете ни на чём надолго остановить внимание. Впрочем, как журналисту, вам так и положено. Но всё же немного внутренне собраться было бы не грех...

Кажется, он остался доволен. Другая журналистка, что с ним была, характеристики не попросила.

Они сфотографировали меня в детской куче: я за машинкой, дети вокруг; я с Сашей Швацким на коленях, беседую с кем-то ещё... Всего три снимка. Привезли через неделю. Я сам спросил о фотографиях, сказал, что у меня просят для иллюстрирования моих публикаций, а у меня

нет.

«День Нептуна»

Ещё в банный день Нина Олеговна говорила, что, если погода не испортится, завтра будет День Нептуна. Погода не испортилась. Бассейн хорошо прогрели, пустив по трубам горячую воду. Я успел там поплавать ещё до праздника, а потом купался в общей ребячьей куче. На празднике переводила мне сама Нина Олеговна, Тамара Ивановна участвовала в празднике, выступала и переводила жестами глухим ребятам.

«Волшебный корабль»

После ужина в День Нептуна праздник продолжался на дискотеке. Ко мне подошла Марина Поспелова. Мы вместе танцевали в хороводе, в её отряде («Семья Тимошкиных»), Марина мне рассказывала, как могла, что происходит. Отряду поручили спеть песню, я положил руку на горлышко Марине, у нее сильный голос, хорошая горловая вибрация, и я надолго запомнил, как она пела. Она сказала, что пели песню про медведей. Нина Олеговна уже в Екатеринбурге, 5 августа, сказала мне первый куплет: «Где-то на белом свете, там, где всегда мороз, трутся спиной медведи о земную ось...» Припев – сплошное «ля-ля-ля». Этот припев так и застрял у меня (в ушах или пальцах?), до сих пор слышу его внутренним слухом, а сразу после лагеря он был просто навязчивым, по крайней мере месяц лагерь вспоминался этой, запомнившейся приблизительно и звучавшей внутри меня с утра до вечера, мелодией. Вообще в этом лагере поют хорошо, протяжно, мелодично, мне это нравится. Это действительно пение, а не рывканье под гитару.

Вообще в провинции, видимо, целее фольклорная песенная традиция, поэтому так мелодично, приятно. В центрах – засилье моды, всяких вымученных и выморочных стилей, вроде техностиля, который, услышав однажды в другом лагере, я определил беспощадно: «Впечатление такое, словно задница вздумала стать оперной певицей». Более мягкого сравнения просто не смог подобрать. И не скрыл его от ребят. Посмеялись смущённо, но больше в этом лагере я такого ужаса не слышал, музыку стали подбирать, хотя и все равно «современную», но более мелодичную, слушать было можно.

Потом нашему отряду (я на этот вечер благодаря Марине попал в плен к «Тимошкиным») поручили изобразить «Волшебный Корабль». Это надо было под музыку пробежать по довольно-таки сложному маршруту. Поволокли по нему и меня, а дорога – пронеси, Господи! Корни, всякие ямки, да ещё ступеньки – на эстраду, с эстрады... Бежали с Мариной.

Не знаю, какое участие принял в моей судьбе Господь, но Марина меня пронесла, уберегла, я умудрился ни разу не упасть. Ну, и сам о себе позаботился, старался повыше ноги поднимать, чтобы не споткнуться. Ещё в самом первом своём лагере научился так избегать падений: там кругом были корни.

Спасибо Марине. Она сделала этот вечер на всю жизнь волшебным.

«Приметливый» Женя

С утра играл с ребятами в шашки. Саша все время проигрывал, а Женя (по одному указательному пальцу на каждой руке) изнывал рядом и наконец бесцеремонно отстранил Сашу. Саша обиделся, расплакался. Мама его успокаивала. Я пробовал погасить конфликт, предлагал поиграть одновременно – с одним в шашки, с другим в шахматы, – но обиженный Саша на это не согласился. И отказался выполнить мою просьбу – сбегать в мою комнату за шахматами.

Ух, как неприятно, когда ребята из-за меня ссорятся. И как быть в таких случаях? Всегда теряюсь. Вечером я задал этот вопрос Нине Олеговне.

– Надо в таких случаях уходить к другим ребятам, – посоветовала она.

Может, и верно, – хотя нелегко выполнимо. Я спросил Женю:

– Сколько тебе лет?

– Пятнадцать.

– А Саше девять. Что же ты заедаешься с таким маленьким?

– Он – большой наглец!

Я стиснул зубы.

– Ты здесь, «домовёнок»? Рассуди, кто тут прав, – воззвал я к Серёже Егорову.

Серёжа наблюдал все это с самого начала.

– Женя неправ, – отозвался Серёжа.

– И что мне делать? Играть с Женей или нет?

– Ну, играйте с Женей, пока Саша успокоится.

Ну, погоди у меня, думаю. Кровь из носу, но тебе поддаваться не буду, хоть ты неплохо играешь по сравнению с малышом. И не поддался. После двух молниеносных проигрышей Женя заметно поуявля. И мною снова завладел «оруженосец», которого мама привела ко мне заплаканного. Сидя у меня на коленях, он с удовольствием наблюдал, как я расправлялся с Женей на шашечной доске. Саше-то я постарался проиграть...

Мама мне рассказала с сашиних слов, что у него опухоль головного мозга. Три раза переливали ему кровь, по всему Первоуральску искали доноров. Таких ребят называют у нас «инвалидами по внутренним болезням». С виду здоров, а вот так... У Жени-то – бросающееся в глаза увечье, и он, похоже, привык спекулировать на жалости к себе. Опасная привычка.

Да ещё, как выяснилось вскоре, умеет и клеветать! Сказал Тамаре Ивановне, а та передала мне, что маленький Саша, оказывается, матерщинник.

Ни моя мама, ни я, ни Серёжа не слышали от него ни одного черного слова. Я сказал Тамаре Ивановне об этом и об утренней ссоре Жени и Саши.

– Выходит, никто не слышал, один Женя слышал? – переспросила она.

– Выходит, так...

К сожалению, я поздно сообразил, что Женя клеветает, а то не было бы следующего разговора между мной и Сашей:

– Ты умеешь ругаться?

Молчание. (Умница, мне бы научиться отвечать молчанием на явную клевету.)

– А я не умею. У кого бы поучиться? А то вот беда: я люблю пить пиво, но не слышу, на каком языке разговаривают в пивнушках.

Саша засмеялся.

– Когда мне было девять лет, как тебе, меня большие ребята пробовали научить ругаться.

Сказали одно слово, я его старательно выучил наизусть, думал, что это какое-то слово по-немецки. Они сказали, что слово волшебное: скажу взрослым – получу рубль, а то и два. Побежал проверять волшебную силу немецкого слова на маме. И получил вместо рубля пощёчину. Убежал в парк, до вечера не решался вернуться домой. Потом очень хотел забыть это слово, но уже не мог, хотя значение его узнал только уже взрослым, лет через десять, не раньше.

Саша не чувствовал в моих словах ни тени осуждения. Просто я не мог поверить, чтобы такой маленький – и уже специалист по русскому черному «перезвону». Это была мелкая, подлая месть Жени, и не прошло десяти минут, как это выяснилось. Я пожалел, что вообще завёл с Сашей этот разговор. Правда, вроде ничего не натворил, всё обернулось очередным анекдотом из моего богатого жизненного опыта. Но чувствовал я себя нехорошо. А главное, вся эта нелепая история на меня подействовала... Когда же я научусь достойно выпутываться из таких переплётов? Как себя вести, если ребята начинают меня «делить»? Чтобы никого не обижать, никого не выбирать, и раздор погасить всё-таки... Ох, не знаю... Переключаться на других? Хорошо, как есть рядом эти другие, а если нет? Если я между двумя «захватчиками»? Может быть, заняться напоказ чем-то посторонним: запеть, что ли, во все горло, начать писать, – словом, переключиться на себя, если рядом нет других ребят, кроме

«соперников». Пожалуй, это мысль... А то мама в таких случаях начинает уговаривать:

– Я всех вас люблю одинаково.

Вот «одинаковой»-то любви никому и не нужно. Такой, во-первых, не бывает, а во-вторых, все хотят безраздельной любви. И правы, по большому счёту. Я и сам не умею любить «одинаково». Другое дело, что эту «неодинаковость» не надо показывать, особенно детям. К малышу-то меня, конечно, больше тянет, – просто потому уже, что он маленький. Ну, а после недостойного поведения Жени, попыток оболгать малыша, оклеветать мне Женя стал просто неприятен. Нет, я его не отталкивал, и на этих страницах он ещё появится, но мне надо было делать волевое усилие, чтобы заставить себя с ним общаться.

А Серёжа... Уж этот наблюдатель. Сидит рядом, сам ни во что не вмешивается, даже не пытается меня захватить в полное и безраздельное пользование. Наоборот, подводит ко мне всё новых и новых ребят, знакомит. Необычно. Как-то заигрался с глухими ребятами в шашки, они все проиграли и остыли, и тут появился Серёжа.

– Ты был рядом? Следил за игрой?

– Был-л-л-л! – Он так напряжинил пальцы, составляющие букву «л», и задержал их в таком положении чуть ли не на целую минуту. В этой удивительной, конечно, произвольной, дактильной интонации мне почудился задор, даже смех.

– А теперь с вами буду играть я!

Был рядом, следил, ждал своего часа – и дождался. Но не лез, никого не отталкивал, терпеливо ждал, пока наиграются другие. И так победно напряжинил своё «л», готовясь выяснить со мной шашечные отношения. Вообще, он быстро научился говорить дактильно, вполне отчётливо и на приличной скорости. И так выразительно! Это его «л» мне теперь не забыть до конца жизни. Такая выразительность – редко у зрячещлышащего, да ещё меньше недели назад научившегося говорить дактильно. Обычно так выразительно говорят глухие, слепоглухие – те, для кого дактильная речь – родная... «Л-л-л-л!»

Фарит и Риточка

Перед ужином неожиданно приехал Фарит – глухой бизнесмен, президент местного отделения Российского фонда помощи глухим. Привёз с собой Риточку – заслуженную артистку, глухую, уже не выступающую, но удивительно молодую, озорную, этакую вечную «затевалу». Риточка, кажется, ненамного моложе моей мамы, – а такая быстрая, весёлая, задорная, «свойская», – все иначе и не могут её называть, кроме как Риточкой. И я не знаю ни отчества, ни фамилии – Риточка, и все тут. Бывают такие вечные дети. Я их очень люблю, и сам, хоть и по-другому, тоже вечный ребёнок. Это не только моё самомнение – меня так называют в глаза.

Тамара Ивановна где-то бегала, появилась не сразу. Пока мы с Фаритом беседовали. Он расспрашивал меня о жизни в лагере, но я был переполнен лагерем и не мог пока о нём говорить. Я переводил разговор на его дела. Он говорил, что пытается давать работу глухим, помогать им, чем может, и огорчался, что есть много желающих много получать, да поменьше работать.

Вышли на улицу, и нас облепили ребята, отвечая этим на все вопросы Фарита, хорошо ли мне в лагере. Сбежались в основном глухие. Тамара Ивановна переводила мне разговоры между Фаритом, Риточкой и ребятами.

Риточка тут же затеяла с ними какую-то игру на пальцах, простенькую, но хитрую: надо какие-то движения делать всё быстрее и быстрее, так что начинаешь путаться, и я запутался немедленно. Дети с восторгом приняли эту игру, тоже путались, но не так сразу, как я.

– Завидую вам, Риточка, – завздыхал я. – Мне бы так сразу придумывать, чем с ребятами заниматься, во что играть...

– Так я – массовичка старая, всю жизнь людей развлекаю. Такая профессия.

– Оно и видно.

Провожали гостей чуть ли не всем лагерем. Глухие поближе, остальные немного подальше. Как же, событие – на легковой машине приехали, на «Волге»! Заодно отправили в Екатеринбург одного воспитателя глухих ребят: ему надо было отлучиться по делам на денёк, а тут – такая удача – Екатеринбург сам за ним приехал.

«Домовёнок»

Сегодня – день рождения у Олега Поспелова. Ему исполнилось девять лет. Я подарил ему «Сказку про Домовёнка», которую сочинил тут же, сразу на зрячей машинке.

Мой «Домовёнок» получился необычный: он не хулиганил, не проказничал, а наоборот – всё по ночам делал по хозяйству, поддерживал огонь в печке, подметал полы... А от людей ему надо было одного – доброты. Побольше доброты, душевной красоты, мудрости. Он за это и старался, помогал людям, но только добрым. От недобрых прятался, уходил.

Отдал сказку Нине Олеговне, маме Олега. Она меня благодарно поцеловала. Ребята сами нарисовали к сказке картинки и повесили в стенгазету.

Цирк

День этот для Олега был большой и по-настоящему праздничный. Приезжал московский цирк.

Я сидел с Алёной Чернобай, она мне переводила, а Тамара Ивановна – глухим ребятам. Серёжа сидел рядом, справа от меня.

Выступали клоуны. Они выкатили на сцену одноколёсный велосипед, вызвали из зала Олега Поспелова, и он пробовал на этом велосипеде покататься.

У него никак не получалось даже сесть на велосипед. Пыхтел, старался, и вдруг очутился верхом на клоуне, а клоун – на велосипеде, и клоун с Олегом на шее поехал по сцене. Интересно, какое лицо было у мальчика от неожиданности?..

Показывали обезьянку, носили по рядам. Тамара Ивановна попросила дать её мне в руки. Обезьянка сидела смиренно, такая тёплая, шерстистая. Но мне вздумалось дать её подержать и Серёже. Я не знал, что это нельзя. Обезьянка прыгнула к артисту на руки, смазав меня хвостом по носу, а Алёну успела тяпнуть за палец. Называется, захотел сделать добро...

Выпустили удава. Он был длинный и толстый. Метра два или три. Тамара Ивановна при виде этого чудовища убежала со сцены. Какой тут перевод – давай бог ноги!

Стихи о Прекрасном

Мы сидели с Сашей Швацким в нашей с мамой комнате. Мальчик рисовал на полимерной плёнке, пробовал писать по Брайлю, складывал брайлевские буквы с помощью азбуки-колодки.

И тут Серёжа прибежал за помощью. Дело в том, что на областном фестивале он читал стихи Есенина, и теперь его попросили сочинить стихи в честь Прекрасной Дамы для предстоявшего на следующий день детского Рыцарского Турнира. Я предложил ему попробовать что-то сочинить самому и написать мне по Брайлю, а сам тоже занялся придумыванием «Гимна», как обычно, на память. Через полчаса он показал мне своё творение:

О, Прекрасная Дама!

Ты прекрасная очень!

И к твоим-то, ногам-то,

Принесу я победу!

А победа та будет

Уж великой, могучей!

И тогда ты, надеюсь,

Меня не помучишь!

Я пошутил:

– Не надо было тревожить на фестивале память Сергея Александровича, – имея в виду Есенина.

Серёжа сетовал, что по заказу трудно писать. Я согласился, но сказал:

– Выход есть: надо облегчить печёнку, вдоволь поиздеваться над заказчиком.

Свой «гимн» в этом «издевательском» – скорее шутилом, конечно, – духе я и выдержал. А серёжин отредактировал так:

О, Прекрасная Дама!

Ты горда и упряма.

Я на подвиги еду,

Завоюю победу.

Той победой могучей

Ради женщины лучшей

Я добиться надеюсь,

Что меня не помучишь!

Я отпечатал на зрячей машинке как серёжин, отредактированный мною, опус, так и свой:

Круть – верть! Круть – верть!

Трогать пальчиком не сметь!

Эти косы так прекрасны -

В бой за них, и умереть!

Говорят, такие косы

Под водой русалки носят,

Здесь же, на сухой земле -

Ведьмочки на помеле.

Я за ведьму, за русалку

Об соперника всю палку

Изломаю на турнире, -

Нет славней победы в мире!

Со своим опусом я немного задержался. Я привык сочинять стихи без бумаги, на память, а потом сразу записывать, немного исправляя. Но тут вертелся Саша Швацкий и немного мне мешал сосредоточиться, так что Серёжа меня опередил, но я его догнал, пока он писал своё творение по Брайлю. Счастливая получилась работа. Серёжа потом сказал, что оба опуса – и его отредактированный, и мой – были использованы на турнире и помещены в стенгазете.

Узнав на следующий день, кого мне предстоит посвящать в Прекрасные Дамы из взрослых, я срочно соорудил другой гимн:

Благородство в рыцаре – в наличии.

Есть доспехи, разные отличия.

Но загвоздка: надобно по правилам,

Чтоб на подвиг женщина отправила.

Рыцари утешились несчастные:

Нынче Дамы есть у них Прекрасные!

[Маленький Серёжа](#)

Рыцарский день. Сегодня понаехали гости. У взрослых – конференция, подведение итогов смены, разговор о будущем. О том, будут ли деньги для такой работы и дальше. А у ребят – праздник. Гости привезли батут – надувную крепость, и ребята по ней лазили, прыгали. Автоинспекция привезла подарок – складной велосипед – и устроила какие-то соревнования, чтобы решить, кто его выиграет. На соревнованиях победил Серёжа Егоров. Автоинспектор рассказывал, что мальчик заявил это сразу: «Я выиграю!» – и выиграл.

– Упорный, огромная воля к победе. Но нам его пришлось «подкорректировать» – сказать, чтобы он давал кататься на велосипеде и другим ребятам.

Я был рад за Серёжу. Но потом немного огорчился: мне рассказали не совсем приятные подробности.

– Он сразу нашёл в велосипеде какие-то недостатки и стал требовать – именно требовать – чтобы велосипед ему заменили. Как будто не подарок, а сам купил в магазине!

Да, нехорошо... Дарёному коню в зубы не смотрят.

Серёжа исчез. Я не видел его до самого ужина. Да и был занят: я – первый взрослый Рыцарь Свердловского областного Детского ордена милосердия. Меня посвятили в Рыцари 30 мая 1993 года. А в этот день посвящали первую взрослую Прекрасную Даму, Наталью Алексеевну – врача «Скорой помощи», маму парализованной девочки Маши. Большой души человек. Вот для нее я срочно и сочинил новые вирши. Я должен был вместе со вторым Рыцарем (которого посвятили на следующий год после меня) поздравлять первую Прекрасную Даму. После обеда репетировали эту торжественную церемонию, а после полдника мы посвятили Наталью Алексеевну в Прекрасные Дамы на сцене. Надо было сказать речь, ударить её легонько букетом цветов по плечу, а потом вручить цветы. Вирши у меня были готовы к полднику (как раз успел), прочитал ей и сделал всё, как мы репетировали. Наталья Алексеевна была растрогана до слёз.

Перед ужином встретил Серёжу. Он был с велосипедом.

– Ну, как велосипед, хороший?

Мало ли кто что мне говорил! Сам мальчик ничего не сказал, значит, я ничего не знаю.

– Хороший, – Серёжа отвечал как-то неохотно, вялой рукой.

Ну, хороший так хороший... Каким же ты показался мне в эту минуту маленьким! Видно, здорово тебя «подкорректировали»...

Обычно Серёжа полон собственного достоинства, а тут – какой-то притихший, покорный... Сразу показался мне в полтора раза меньше обычного даже по размерам. Похудел, на голову ниже стал себя самого. Сейчас бы я не дал ему его двенадцати лет. От силы десять.

Впрочем, на следующий день он уже пришёл в себя и сказал, что у велосипеда сорвана резьба на том болте, который крепит руль. Это серьезно. Если руль не держится, не очень-то покатаешься. Но всё равно – дарёному коню в зубы не смотрят...

Не просил, а «требовал»?.. Я вспомнил Корчака. В своей книге «Как любить детей» он обратил внимание, что дети обычно никогда ничего не просят, не пользуются даже словом «прошу». Корчак мог припомнить один-единственный случай, «особо торжественный», когда ребёнок сказал:

– Эх ты какой, а я тебя так прошу!

Обычно же как-то обходятся без этого слова. Вряд ли это случайно. Это – очень тонкое и точное психологическое наблюдение Корчака. И может быть, взрослые переносят на детей свою логику, вкладывают в их слова свой смысл, слышат то, что звучит у взрослых, а у детей за этим стоит что-то другое?.. Не требование, не грубость, а желание как-то избежать неприятного, уничительно-просительного тона? Трудно сказать.

Но – каюсь – «подкорректированный» Серёжа вызвал у меня жалость. И этот уход в себя, неискренний первый ответ – будто бы велосипед хороший... Сказал то, что мне должно понравиться, то, что нужно было сказать, а не то, что думал...

Он это стряхнул с себя на следующий день. Снова стал самим собой. Но на разговор со мной о своих лагерных проблемах так и не решился. Я не просто догадывался о существовании этих проблем – я о них точно знал от разных людей. Знал, что его переизбрали, что он больше не «домовёнок» в четвёртом отряде, в «Семье Тимошкиных». Знал, что он иногда ведет себя вызывающе, чем раздражает ребят и взрослых ещё больше. Думаю всё же, что это вызывающее поведение – всего лишь самозащита. Думал так с самого начала. Но за отзывами

о нём стояло большое раздражение. А против эмоций – это я давно и, может быть, чересчур прочно усвоил – любые аргументы бессильны. В таких случаях раздражает всё.

Защищая себя, своё самоуважение, он раздражал ребят тем, что назвал себя Змеёй. По гороскопу. Я как бы случайно спросил:

– Ты Змея по гороскопу?

– Свинья, – спокойно ответил он.

Ах да!.. Тысяча девятьсот девяносто пятый год – ведь «год Свиньи»!.. Мне на Новый год самому подарили игрушечного поросёнка. А по восточному календарю год того или иного животного повторяется каждые двенадцать лет. Серёжа родился в предыдущий «год Свиньи», – точнее, как я немного позже прочитал в одной статье по астрологии, год Кабана. Это я – Змея по гороскопу, родился в «год Огненной Змеи», в 1953-м. Все сходится. Серёжа сыграл на невежестве, называя себя Змеёй. Многие из недавно ещё советских людей, «убеждённых атеистов», имеют ведь самое смутное представление об астрологическом календаре. Передо мной выпендриваться не надо, я – друг, и мне Серёжа ответил спокойно и просто, кто он на самом деле по гороскопу. Я тоже не великий дока в этой чертовщине, но всё-таки немножко читал, и то понадобилось напрячь память.

– Ну а змей ты боишься? Ядовитых?

– Нет.

– И можешь взять их в руки?

– Да. Только надо сначала выпустить яд в стакан. Для этого надо нажать на две точки, я знаю где.

Вот ведь какой образованный! Но я уже знал немного, откуда. Его мать – геолог. Она брала его в экспедиции, дома не с кем было оставить, наверное. Ну и просветила, как обращаться с ядовитыми змеями. А я их смертельно боюсь, даром, что сам Змея по гороскопу. Даже ужа в руки не решился взять, что жил у нас в детдоме в клетке. Ежа – пожалуйста, хоть и колется, а ужа – нет: какая-никакая, а змея. Всегда вздрагиваю, когда кто-нибудь изображает ползущую змею рукой, а тем более – кусающуюся. Один глухой мальчик показал мне жест: «змея», как раз кусающаяся, – я так и подпрыгнул, чем доставил ему немало удовольствия.

Ещё разговор с Серёжей:

– Как зовут твоего папу?

Я просто хотел узнать его отчество, чтобы сравнить, не такое ли, как у Есенина. И вдруг услышал дактильный ответ:

– У меня нет папы.

С такой страшной простотой он это резанул. Я всё же продолжил тему, хоть прекрасно понимал бестактность расспросов, но хотелось лучше понять мальчика, я надеялся, что он мне это простит, раз уж так просто и в лоб говорит такое.

– Где же папа? Умер?

– Нет. Прогнан.

Да... Стандартная, в общем-то, ситуация, но ещё ни разу не доводилось мне слышать от детей, чьи родители в разводе: «У меня нет папы». У них папа есть, просто с ними не живёт, у него вторая семья (именно вторая, а не другая, – две семьи, эта и ещё одна), но папа есть. А тут – нет. За этим кроется подлинная детская трагедия. И я перевёл разговор на что-то другое. Не потому ли он так «прилип» ко мне, что подсознательно ищет себе отца, скучает без него?.. Спасибо за доверие, малыш.

«Ор голодных кошек»

Вечером мы с мамой легли спать пораньше. Взрослые ушли на заключительное заседание по итогам смены. Я о нем то ли не знал, то ли не пошёл: чувствовал себя усталым. Уже заснул было, как вдруг подо мной кровать задрожала, завибрировала. Спросонья никак не мог

сообразить, что тут такое: кто поднял этот тарарам, не мама ли пошла путешествовать. Полто – деревянный, половицы гнутся, при каждом шаге хорошо вибрируют – почувствуешь... Возня продолжалась. Встал, подошёл к маме, – оказывается, лежит. А я уж думал, что она что-то на ночь глядя затеяла искать. Да и наша дверь, выходящая в коридор, оказалась заперта.

– Ужас, как кричат, – охала мама.

Оказывается, это подняли шум ребята.

Утром, по пути на завтрак, я рассказал о суматохе Саше Швацкому. Он объяснил:

– У нас вчера был «ор голодных кошек». Взрослые все ушли, мы выскочили на улицу, прибежали к глухим ребятам в ваш корпус, их тоже подняли. Здорово было!

– Да я уж думал, провалюсь в преисподнюю – так подо мной кровать плясала.

Составляем анкету

Нина Олеговна попросила меня составить анкету для ребят, чтобы узнать их впечатления от смены. Вот такой я психолог: анкет составлять не умею, не приходилось, хотя психологи в лагерях обычно и пользуются анкетами, всякими тестами.

Но я учился в семидесятые годы, когда к тестам у нас относились очень осторожно, насторожённо, даже враждебно. Вспоминали слова крупнейшего советского психолога, работавшего в конце двадцатых – начале тридцатых годов двадцатого века, Льва Семёновича Выготского. Он говорил, что всякие тесты показывают только вчерашний день детского развития, а какой уровень сейчас и какие возможности развития – на эти вопросы ни один тест не ответит. Я этой установке, в общем, остался верен и никаких тестов никогда всерьёз не принимал.

Запомнил остроумное место в одной из книг известного психотерапевта Владимира Львовича Леви. Его отношение к тестам осторожное: он замечает, что в тесты верят те, у кого по ним хорошие показатели, а у кого плохие – те от тестов отмахиваются. Приводит игровой тест:

– Скажи быстро, не думая – любую нечётную цифру в пределах десятка.

– Один!

– Гений!!!

– ???

– Это тест.

– А другие?

– Три – дурак, пять – талант, семь – посредственность, девять – авантюрист.

– Чушь! – радостно кричит «гений» и в тот же вечер проверяет тест ещё на пяти своих знакомых.

Леви занимает среднюю позицию: молиться на тесты не надо, но и напрочь их отрицать не следует. Тест – это просто испытание. Любая проверка знаний на экзаменах, на контрольных работах в школе – тоже тест. Понятно, что по-настоящему знания проверить трудно, чего-то все мы не знаем, а что-то да знаем.

С экзаменационными лотереями – как повезёт: попался знакомый билет – выплыл; незнакомый, забытый или не успел об этом прочитать – провалился. Когда мы готовились к государственным экзаменам по психологии, нам все билеты дали заранее, переписали по Брайлю, и мы задавали вопросы преподавателю, который нас консультировал перед экзаменами. Там по психологии восприятия был вопрос о законах Фехнера – психофизиолога середины XIX века. Об этих законах преподаватель и сам прочно забыл, пообещал узнать и на следующей консультации рассказать. Узнал, рассказал и закончил шуткой:

– Теперь и сам некоторое время буду знать.

Я совсем от тестов не отказываюсь. Отношусь к ним без особого интереса, но считаю полезной игрой, заставляющей задуматься человека о самом себе: кто же он такой. Игра – и

не больше. И результаты надо принимать как игровые: пусть даже самые неприятные – все равно я на самом деле не такой, это тест дурак, а не я.

Можно задуматься, насколько всё правильно, но я сам себе – высший суд.

А покопаться в себе, задать себе несколько вопросов, – для этого тесты хороши. Это повод самому себя поизучать, самому с собой поговорить, начистоту, без притворства перед самим собой, без выпендривания. Тесты – только повод для собственной работы над собой. И если не ждать от них «божественных откровений», окончательных приговоров: «ты именно такой, что бы ты сам о себе ни думал», – то всё в порядке, тогда это очень полезная игра.

Но, не принимая тесты очень-то всерьёз, относясь к ним без особого интереса и восторга, я до сих пор без них обходился, не составлял их сам, и не старался собирать уже готовые, составленные другими. Хотя мог бы уже собрать целую коллекцию: их с конца восьмидесятых годов начали печатать в журналах для слепых. Но выписывать их из журналов мне было просто лень.

А тут понадобилось узнать впечатления ребят от лагеря, вот Нина Олеговна и попросила меня составить анкету. Назвался «груздем» – психологом, – полезай в «анкетный кузов», хотя я психолог совсем из другого «кузова». Но отговариваться я не стал. Позвал на помощь Серёжу Егорова и Тамару Ивановну. Попытка – не пытка, как говаривал товарищ Берия...

После ужина мы встретились все трое, и Тамара Ивановна стала диктовать пункты предполагаемой анкеты, а мы с Серёжей – дополнять по мере сил. Я записывал. Тамаре Ивановне, как профессионалу-массовику в Доме культуры глухих, а теперь – председателю Свердловского областного правления ВОГ, приходилось проводить социологические опросы, так что опыт у неё немалый.

Главное, что интересовало Нину Олеговну, насколько я её понял, – это результаты работы Института взаимной человечности и пожелания, предложения на будущее, что ещё можно бы и нужно включить в программу ИВЧ. Поэтому я предложил пункт: какие занятия в ИВЧ понравились больше. Тамара Ивановна поняла задачу шире: подведение итогов лагеря в целом, а не только ИВЧ и даже не главным образом ИВЧ. Против моего пункта она восстала:

– Это непедагогично!

– Почему?

– Потому что все напишут одного Суворова.

– Ну да! А может, одну Кузнецову Тамару Ивановну? Я-то искренне думаю, что, так как читал лекции, – в основном произносил монологи, – то ребята у меня, должно быть, неплохо выпались. Ведь слушать монологи тяжело.

– Не веришь? А вот Серёжа подтверждает, что так и будет, все напишут Суворова. А мнение ребёнка в этом вопросе решающее.

– Неужели ты серьёзно так думаешь? Не смеёшься? – воззвал я к Серёже.

– Серьёзно.

Мне ничего не оставалось, как почесать за ухом. Мои монологи, конечно, очень эмоциональные, но всё-таки... А с другой стороны, Нина Олеговна говорила, что Алёша-«домовёнок» отказался посещать ИВЧ, сделав исключение только для моих занятий, и ни одного не пропустил. Шут их разберёт, может, я себя недооцениваю...

– Ну, если ты считаешь этот пункт непедагогичным, можно и исключить его, – сказал я Тамаре Ивановне. – Только вот Нина Олеговна хочет ведь знать впечатления ребят от ИВЧ и пожелания на будущий год, и как об этом спросить более педагогично?

– Да ладно уж, пиши, – поступилась Тамара Ивановна педагогической этикой.

Дети, взрослые и творцы

После составления анкеты Тамара Ивановна понесла наши труды Нине Олеговне (позже сказала, что Нина Олеговна осталась очень довольна анкетой), а мы с Серёжей пошли

прогуляться по территории лагеря.

Я спросил Серёжу, есть ли ещё качели на территории лагеря. Дело в том, что мне показывали качели недалеко от нашего корпуса, но они были маленькие, мне не удалось в них влезть и покачаться. Серёжа сказал, что где-то есть ещё другие, и мы пошли туда. Я немного покачался, напугав Серёжу размахом качелей: он испугался, как бы качели не сорвались и я не свалился вместе с ними на землю. После качелей мы пошли назад к корпусу, и я вслух, но как бы для себя, пробормотал:

– Странная логика у этих взрослых...

Я думал о том, что мы часто переносим на детей свои представления и приписываем им бессознательно то, что самим детям и в голову не приходит, перетолковываем на свой, взрослый, лад их высказывания и поступки. С одной стороны, это и неплохо, детям ведь надо ориентироваться в нашей взрослой логике, готовиться к жизни среди взрослых. С другой стороны, приписывание ребятам своего подтекста может затруднить наше взаимопонимание. Мы рискуем загнать детей в подполье, заставить их замкнуться. Об этом с болью писал Януш Корчак, что ребёнок – сто масок, сто ролей. Любой ребёнок – разный с разными людьми, с каждым надевает новую маску. И как сделать, чтобы он маску снял? И надо ли этого добиваться, лезть в душу?.. А может, пусть остаётся в маске, которая нас устраивает, и пусть эта маска в конце концов прирастёт к его «Я», станет его настоящим лицом, его сутью. Да, а если не получится, маска останется маской, и мы получим вещь в себе, которая рано или поздно выглянет из-под маски, и реальность может оказаться весьма неприятной... Вот я и буркнул себе под нос про «странную логику у взрослых».

– То есть у вас? – мгновенно сориентировался Серёжа.

– Какой же я взрослый! – искренне открестился я.

– Да, вы не похожи на взрослого, – согласился Серёжа, имея в виду, возможно, мое катание на качелях только что.

– Я делю людей на три категории, – продолжил я разговор. – Одни – дети. Другие – взрослые, то есть те, кто перестал быть ребёнком и даже забыл, что когда-то и он был ребёнком. Такие вот взрослые чаще всего и начинают детьми командовать, и против них направлены все книги Крапивина. А третьих я называю творцами. Они выросли, но они продолжают расти творчески, духовно, остаются растущими людьми на всю жизнь, а дети – это прежде всего растущие люди. И у таких, всю жизнь растущих, от детства остаётся очень много, может быть, главное, – они остаются в чём-то очень важным детьми, даже когда становятся взрослыми. Вот это и есть творцы. К их числу я отношу и себя.

– Вы действительно от скромности не умрёте, – ответил Серёжа. Это он меня же цитировал: в стенгазете по какому-то поводу я написал, что не умру от скромности (кажется, в первых дневниковых записях, которые успел вывесить в стенгазете).

– «...А за лбом ни зги – чернота. Вовсе не мозги – жернова», – припомнил я своё стихотворение, написанное где-то ещё в 1989 году, не позже. И пояснил:

– Это про одного загорского воспитателя. Мне он показался таким «командным» – ать-два, левой – пасёт ребят, а когда надо задуматься о чём-то таком, чего простой командой не расхлебашь, то почти слышно, как скрипят эти «жернова» у него за высоким крепким лбом. Вроде старшей пионервожатой школы из повести Крапивина «Болтик».

– У нас в школе говорят: «Броню включил, включил рога, включил и думает, что ладно».

– Здорово! Это уже начало стихов, было бы интересно попробовать продолжить... Ладно, с ходу не получается. А что, много таких «бронированных рогачей» ты встречал в школе?

– Много. Но меня теперь уже не очень-то забодаешь. Я – крепкий.

– Ты тоже, как погляжу, от скромности не умрёшь...

«Какой ты редактор?»

Скоро конец смены. Спешу вывесить в стенгазету последнюю порцию материалов. Ночью написал по Брайлю, теперь переписываю по-зрячему. Подошла Марина Поспелова:

– У нас игра в тушение пожара. Пойдём с нами.

– Извини, Мариночка, у меня у самого пожар: спешу с последним выпуском стенгазеты.

– Ну ладно.

А эта игра, как я понял, вместо прежних «Зарниц». Так как не был там, подробностей не знаю, теперь немного жалею, – но в самом деле приходилось торопиться, чтобы последний выпуск успели прочитать. Уезжать-то уже послезавтра...

После полдника ко мне пришёл Женя из Первоуральска, тот самый, однопалый. Попросил разрешения воспользоваться моей машинкой, чтобы переписать материал в свою районную (или городскую) газету. Он гордится тем, что является корреспондентом этой газеты, конечно, внештатным. Предлагал мне устроить газету для инвалидов вместе, под странным названием «Суворов и компания».

Я сказал, что название больше годится для какой-нибудь фирмы или банка, а не для газеты. И вообще: сколько у них в Первоуральске детей-инвалидов, для кого газета, кто её будет читать, выписывать? Знает ли Женя о существовании всероссийских обществ слепых, глухих, инвалидов и о том, как эти общества строятся, о территориальных первичных организациях этих обществ? Узнавать о детях-инвалидах надо там.

Ничего этого Женя не знал. Но на проекте «газеты» назойливо настаивал.

Я не проявил ни малейшего энтузиазма, указал на сложности подобной затеи, а как их преодолеть, не сказал – не знаю сам. Да и смысла не вижу в таком издании районного или городского масштаба. Женя в этой будущей газете отводил себе роль главного редактора... Уж эта мне делёжка шкуры неубитого медведя! Мне было очень трудно удержаться от откровенной иронии при обсуждении с ним этого «плана». Поневоле вспомнились «Двенадцать стульев» Ильфа и Петрова: как члены шахматного клуба небольшого приволжского городка Васюки развесили уши, слушая фантазии Остапа Бендера о превращении этого городка в «шахматную столицу мира». Вот вроде того и затея с первоуральской газетой для детей-инвалидов.

В «Двенадцати стульях» все кончилось тем, что Остап на сеансе одновременной игры, назвавшись гроссмейстером, получил подряд несколько детских матов, чем и разоблачил себя. Разъярённые шахматисты бросились бить Остапа, но он разбил лампу, в темноте и суматохе выскочил в окно и рванул наутёк в сторону Волги, а шахматисты – за ним, чтобы расквитаться за свою собственную легковёрность.

Остап с Воробьяниновым едва успели сесть в первую попавшуюся рыбацкую лодку и отчалить от берега. Шахматисты тоже схватили лодку, набились в неё все тридцать с чем-то человек, и – так велика была жажда мести – стали наступать проходимцев. Настигли, рванулись все на один борт – бить их – и перевернули лодку, сразу всем скопом очутились в воде, которая тут же охладила их воинственный пыл. Остап поплавал вокруг них, издеваясь над ними, обзывая их «дурачьём», и благоразумно скрылся, не дожидаясь, пока они выберутся из воды, выловят лодку и возобновят погоню.

Это одно из самых уморительных мест в романе. И я ничего не мог с собой поделать: отфыркиваясь от жениной «гениальной идеи», я не мог отвязаться от воспоминания об одуроченных Остапом Бендером шахматистах. Поэтому не мог удержать предательскую улыбку, выдававшую моё истинное отношение к планам Жени. Серёжа слышал весь этот разговор и, возможно, иронизировал открыто.

Так вот, Женя попросил попечатать на моей зрячей машинке, и я разрешил. Серёжа вызвался ему помочь, ускорить это всё, так как Жене двумя-то пальцами (по одному на каждой руке)

сложно стучать. Таковую печать я называю «долбит дятел», – так многие начинающие печатают, но у Жени никакого другого способа и быть не может за отсутствием пальцев, кроме указательных. Для Серёжи это, конечно, просто возможность поиграть с машинкой...

В общем, Серёжа стал переписывать материал Жени, а потом Тамара Ивановна с возмущением рассказывала мне, что Серёжа издевался над Женей, унижал его, нашёл в его материале какие-то ошибки и ему на них указал. Вот ведь какой жестокий!

Я не мог понять, в чём дело. Что ж, если у тебя вместо десяти – два пальца на руках, так можно всю жизнь ходить малограмотным? Что унижительного в указании на ошибки, особенно если тут же и исправлять их? Сами ребята меня в эти свои распри не посвятили. Спросил у мамы. Её точка зрения совсем другая: Женя сам виноват, зачем хвастаться, что он редактор? Вот Серёжа и сказал ему: «Какой же ты редактор, если у тебя столько ошибок?» И не смеялся, не издевался – говорил серьёзно, просто честно помогал.

Вот два истолкования одного и того же факта. Одно – Тамары Ивановны: какой Серёжа жестокий, зачем указывает на ошибки такому бедненькому, с двумя пальцами вместо десяти? Другое – мамы: мало ли что бедненький, пусть не хвастается, Серёжа правильно поступил. Я ничего этого сам видеть и слышать не мог, а расспрашивать ребят счёл бестактным. Но если действительно имело место хвастовство со стороны Жени (вполне возможно, он «павлин», – то есть любит «выпендриваться», «распускать хвост»), то я бы тоже несколько поубавил ему спеси. И, в любом случае, я бы не смог пройти мимо ошибок, не указать на них. Всё дело в форме – как указать необходимо...

Меня грамматические ошибки дёргают, как электрический ток. Я поправляю раньше, чем успеваю подумать, обидны эти поправки или нет. Для любого грамотного человека это как рефлекс. Я, наверное, тоже проявил бы «жестокость»... Да и что унижительного в указании на ошибки? Не боги горшки обжигают, ошибаются в чём-то все, и главное – не настаивать на ошибках, осознавать и исправлять их – грамматические ли, в поведении ли. И уж во всяком случае прав Твардовский:

Верно, горшки обжигают не боги,

Но обжигают их – мастера!

Если не было откровенного глумления, шельмования со стороны Серёжи, то принципиально он был прав, не промолчал об ошибках. Да и как о них промолчишь, если чужой текст переписываешь? Исправить все молча, ничего не сказав автору? А автор потом скажет, что его «шедевр» испортили. Без согласования с автором ничего исправлять нельзя – незтично. Не исправлять? Выставить Женю на посмешище другим, да и себя с ним вместе, раз не исправил – значит, и ты не грамотнее?.. Нет уж, тут либо исправлять с разрешения автора, либо отказаться от перепечатки – пускай сам срамится. Что более жестоко – исправить или стусеваться? Последнее, по-моему, уже было бы просто подлостью. В общем, напросился Серёжка со своей помощью, да на свою же голову.

Последняя дискотека

После ужина я пошёл к ребятам на дискотеку. Немного потоптался с кем-то под музыку, а потом нашлись другие дела.

Рядом со мной на лавочке сидел мальчик в курточке из какого-то очень мягкого, нежного материала – то ли плюш, то ли что-то другое типа плюша. Он сначала испугался, когда я его потрогал, а потом мы разговорились. Мальчика звали Алёша, он из Екатеринбурга, из детского ансамбля «Зеркало». Лет двенадцати. Алёша попросил научить его дактильному алфавиту. Вот и стало не до танцев. Потом с той же просьбой Алёша подвёл ко мне Женю, мальчика из «Зеркала», как оказалось, того самого «чудотворца», который в бассейне устраивался на пенопластовой доске. Прорезался-таки под занавес, я с той, первой, встречи все ждал следующей. У Жени очень жесткие, прямо проволочные какие-то, волосы. До конца

дискотеки мы прообщались, я учил всех желающих дактильному алфавиту, а потом ребята отвели меня домой.

Ну и лагерь. От начала до конца смены отношение ко мне ребят становилось всё теплее, свободнее. Ребят около меня становилось всё больше. Так не часто у меня бывало. Потом в Москве Ира Поволоцкая сказала, что я приехал какой-то оттаявший, ребята меня отогрели.

«Тимофеев»

Последний день. Закрытие смены, прощальный костёр. Я все время среди ребят. На закрытии смены говорили прощальные речи, раздавали подарки. И, странным образом, поблагодарили всех, кроме подвожатых, которые очень обиделись. «Подполковников» тоже отблагодарили, но как-то не со всеми вместе, отдельно, кажется, даже на следующее утро. Нет, за ужином. «Подполковники» мне говорили, что они делают больше всех, они все время с детьми, и отряды держатся на них, а благодарят всех, кроме них. Это ребята раннего юношеского и позднего подросткового возраста. Они невнимательны к своим подвигам чувствуют очень остро. После ужина весь лагерь пошёл в лес на прощальный костёр. Я попал к «Тимошкиным» и пробыл у них всё время. Перед выходом из лагеря познакомился с Юрой Тимофеевым, давшим фамилию всему отряду. Мы и раньше встречались, а ещё больше ребята о нём упоминали, но общения не было. Представляясь, он написал мне на ладони:

– Тимофеев.

Почему-то по фамилии, а имя назвал потом. Почему так официально? Обычно ребята называют себя по имени. По фамилии – только если спросят. А тут – наоборот. Мальчик произвёл на меня впечатление серьёзного, делового, активиста и отличника, может быть – уж во всяком случае – «хорошиста». Организатор, командир, – и поэтому, видимо, так официально представился.

На костёр меня вела Марина Поспелова, а на самом костре меня обсели ребята, кто рядом, кто на коленях... И опять захотели учить дактильный алфавит. Я спросил:

– Мы же завтра разъедемся по домам, с кем вы будете говорить дактильно?

– Между собой.

Весь костёр и проучились, пропустив всё, что происходило в общем кругу – все выступления и песни.

Прощаясь, ребята просили меня расписаться на фотографиях. Я расписывался – где от руки, где штампом со своей фамилией. Штамп вызвал большой интерес, и сбылось бы предсказание Тамары Ивановны, что весь лагерь сбежит за подписями, да она сама перекрыла поток желающих с самого начала. пожалела меня. Или краску на штампе? Я бы не пожалел ни себя, ни краску. Правда, надо было собирать вещи, и просто не нашлось бы времени на всё – и на сборы, и на подписи.

После костра я собирал вещи, мама лежала, а Серёжа сидел тут же, наблюдал за моими сборами, помогал отыскать то одну, то другую вещь, а упаковывал я всё сам, чтобы потом ничего не искать. Обстановка была очень домашней, уютной...

На следующее утро я закончил сборы. Приходил Юра Тимофеев с целой ватагой мальчишек. Прощались трогательно, и при посадке в автобусы, и в Екатеринбурге. Я познакомился с мамой Серёжи, Людмилой Петровной. Объятия, прощальные поцелуи... Всё смешалось, и всё мало, хотелось обнять каждого, но это было физически невозможно. Очень надеюсь, что мы ещё встретимся будущим летом...

Перо, пух и мех

На прощальный костёр для моей мамы из лагеря специально взяли стул. Остальные, в том числе и я, расположились на брёвнах.

Подошла Тамара Ивановна:

– Выбирай: перо, пух или мех?

– Что за ерунда?

– Выбирай!

– Ну, пух.

– Целуй двух!

Расцеловал Тамару Ивановну и маму.

– А если бы выбрал перо?

– Целуй одного.

– А мех?

– Целуй всех!

Караул!.. В восьми отрядах сто двадцать человек. Вот была бы работка!..

Где-то читал про отправку на фронт маршевого батальона. То ли австрийская королева, то ли голливудская звезда – сюжет, видимо, бродячий – должна была расцеловать всех солдат в строю. И, описывая эту сцену, писатель отметил, как она всё чаще поглядывала в конец строя: много ли ещё осталось?

Дети – не солдаты, их целовать не в пример приятнее, да и поменьше у нас, чем в маршевом батальоне, во сколько-то раз. А всё-таки жалко задним московским числом, что я не выбрал мех...

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. ВЕСЕЛЫЙ, МИЛЫЙ...

11 ноября 2014 года в Екатеринбурге прощаются с Владимиром Александровичем Поспеловым, умершим 8 ноября.

В 1990-е годы он был председателем Свердловского областного Детского фонда. В 1980-е годы вместе с женой Ниной Олеговной организовал в МЖК (Молодёжном жилом комплексе) Разновозрастный отряд (РВО), а в 1993 году супруги учредили Свердловский областной Детский орден милосердия. Нина Олеговна стала его президентом. Тогда-то мы и познакомились.

В декабре 1992 года в Москве проходил творческий фестиваль Всероссийского общества глухих, на который пригласили и меня. Мы с мамой были встречены очень радушно, переводить мне вызвалась сама Тамара Ивановна Кузнецова – лучший сурдопереводчик России, председатель Свердловского областного правления ВОГ. Она захотела посетить Сергиево-Посадский детдом для слепоглухих, а мы с мамой вызвались её туда проводить. Тамара Ивановна приехала на нашу платформу Лось, где мы назначили встречу, за час до назначенного времени и в ожидании зашла погреться в пристанционный магазинчик. Узнав об этом, мы с мамой ругали её: надо было идти к нам домой, чаем бы напоили.

Прежде чем уехать к себе на Урал, Тамара Ивановна добилась прикрепления к нам с мамой социальной работницы.

Дома Тамара Ивановна всем рассказывала о нас с мамой, в том числе и супругам Поспеловым, как раз учреждавшим Детский орден милосердия. Они пригласили нас с мамой в Екатеринбург, на фестиваль творчества детей-инвалидов «Мы всё можем». На этом фестивале меня посвятили в Рыцари Свердловского областного Детского ордена милосердия. Тогда мама едва ли не единственный раз в жизни прокатилась туда и обратно в спальном вагоне. И третьего июня 1993 года в ресторане Дворца спорта МЖК пышно справили моё сорокалетие...

В июне – июле 1994 года супруги Поспеловы возглавили в «Орлёнке», что на Чёрном море под Туапсе, общероссийскую смену общения Детских орденов милосердия Москвы, Екатеринбурга и многих других регионов. В рамках смены организовали Институт взаимной человечности (ИВЧ), и мне предложили стать его «ректором». Ну какой из меня ректор, но лектор – ничего... Я проводил занятия по очереди со всеми классами ИВЧ на тему «Как причёсывать ёжика» – о сложностях общения здоровых и больных детей. Третий класс ИВЧ даже попросил о дополнительном занятии. Через несколько лет моё руководство «Как причёсывать ёжика» было опубликовано в сборнике моих трудов «Разведчик на трудной планете», изданном Свердловским областным Дворцом молодёжи.

Владимир Александрович любил вспоминать, что он в молодости работал вожатым в «Орлёнке». С гордостью причислял себя к «орлятской» педагогической школе. И РВО в Екатеринбурге организовали на «орлятских» принципах.

С 1995 года в помещении РВО я стал останавливаться почти при каждом приезде в Екатеринбург. Тогда, летом 1995-го, я впервые приехал на смену общения в лагерь «Светлячок» не какого-нибудь, а Полевского завода – в Бажовских местах. Мне разрешили взять с собой послеинсультную маму, которая честно работала в лагере общей бабушкой. Наладить общение на новом месте, где никто тебя не знает, всегда сложно. Первые три дня я страдал от ощущения пустоты. Дети ко мне приглядывались, и такие периоды «приглядок» очень мучительны... На четвёртый день я заскулил в стихах – и в тот же день плотина рухнула, дети ко мне пошли, общение, по словам Нины Олеговны Поспеловой, стало нарастать лавинообразно. Я написал об этой смене дневник «Большое короткое счастье». Организатором счастья был, разумеется, Владимир Александрович Поспелов. Наезжая из

Екатеринбурга, он говорил мне, что организует нашу «красивую жизнь».

В «Светлячке» тоже работал ИВЧ. Я делал там личную стенгазету «Как причёсывать ёжика». В 1996 году учил ребят брайлевской грамоте, что вызвало среди них настоящий ажиотаж, и ребята невольно подсказали мне ценнейшие методические приёмы обучения системе Брайля зрячих подростков.

Я настолько погружался в ребячью стихию, что Нина Олеговна признавалась, что временами просто не помнила обо мне. Беспokoиться было совершенно не о чем.

Вообще, Пospelовы сумели включить меня в лагерный психолого-педагогический процесс, этот опыт облегчил мне жизнь и работу и в других лагерях. Тем, каким я стал педагогом, я обязан во многом именно Пospelовым. И ректору УРАО (Университета Российской академии образования) Б.М. Бим-Бадy, который всегда охотно отпускал меня к Пospelовым в командировки, один раз, в год смерти моей мамы, даже на две лагерные смены подряд. (С Борисом Михайловичем мы дружим почти сорок лет, он много сделал для моего творческого, в том числе психолого-педагогического, роста задолго до Пospelовых, но в «пospelовский» период моей жизни он делал это как ректор, именно отпуская меня в эти командировки.)

Я приезжал не только в лагеря. Это летом. А в течение учебного года – на «гастроли»: читал лекции в екатеринбургских вузах, выступал в доме детского творчества, где работала Нина Олеговна, по инициативе Тамары Ивановны – в областном дворце культуры ВОГ, во всех трёх школах глухих. Принимал участие и в акциях Детского фонда по кормлению беспризорников.

Несколько раз побывал и в помещении Детского фонда. Насколько помню, помещение это находилось чуть ли не в подвале, очень скромное, тесное, но и его кто-то пытался отобрать, и Тамара Ивановна переводила мне, как Владимир Александрович обсуждал с юристом возможности отстоять занимаемое фондом помещение. Юрист настойчиво советовал упираться на то, что здание, в котором ютится Детский фонд, «не является памятником архитектуры». Мол, нашли, на что зариться.

Мы были на «ты» и по имени – Володя, Нина. Когда я пытался обсудить итоги прошедшей лагерной смены, Володя иронизировал:

– Разбор полётов?

Когда речь заходила о его обидчиках, несправедливо критиковавших его работу, грозился:

– Я из него барабан сделаю!

Ну, а как же! Если ничего не путаю, в детстве был в отряде барабанщиков. Что же другое делать ему из обидчиков!

Весёлый, милый толстячок. Приезжая в лагерь, участвовал в ребячьих коллективных творческих делах, потешно плясал на клубной сцене, так что зал ложился от хохота...

С 1994 по 2001 год я ездил на «пospelовские» лагерные смены ежегодно. В промежутках – «гастроли» в Екатеринбург. Тесная была дружба, счастливое время...

Потом и в жизни Пospelовых, и в моей начался другой период. Ну, бывает... Расходятся пути... Нина Олеговна, попадая в командировку в Москву, старалась повидать меня. И Тамара Ивановна тоже. Потом мне сообщили по электронной почте, что Тамара Ивановна умерла 31 марта 2010 года. Теперь вот и Владимир Александрович...

Не хочется произносить никаких трафаретных слов типа вечная память, царствие небесное, земля пухом... Перед лицом смерти немеешь. И только мысленно кланяешься благодарно: спасибо за всё...

ПРИЛОЖЕНИЕ 4. КАК ПРИЧЕСЫВАТЬ ЕЖИКА?

Лучшим моим учителям человечности, участникам движения «Детский орден милосердия», разлетевшимся уже по всей России искорками моей любви, – моим «ёжикам» – посвящаю эту смеющуюся сквозь слёзы книжку.

Эта книжка – не для маленьких...

Знаю, что маленькие, как прочитают первое предложение, книжку без боя не отдадут. Захотят доказать, что они не глупее больших. И прогрызут книжку от корки до корки. И скажут, что всё поняли. Как я, когда мне было восемь лет, грыз одну почти взрослую книжку. Долго грыз. И прогрыз. И сказал, что книжка скучная. А по-честному – просто мало в ней понял.

Эта книжка – для тех ребят, которые становятся помощниками вожатых. Их по-разному называют. Где-то стажёрами. Где-то – координаторами. Где-то – аниматорами. А в Свердловском областном Детском ордене милосердия – подвожатыми. Я тут же перекрестил их в «подполковников».

Ну вот, эта книжка – для «подполковников». Но и «полковники», и «генералы» школьной, внешкольной, семейной и всякой другой педагогики найдут в ней для себя много полезного. Да и ребята поменьше – тоже. Постараюсь, чтобы никто над моей книжкой не спал.

О чём же эта книжка? Не скажу. Сами узнаете. И лучше самого меня сумеете объяснить.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КАК ПРИРУЧАТЬ ЕЖИКА

ГЛАВА 1. «ВОЗЬМИТЕ МЕНЯ ДОМОЙ!»

Дорогие ребята!

Все вы знаете, что ежи колючие. Их так просто в руки не возьмёшь.

Иглы и всегда торчат. Кожа у них такая, за которую наука так и обзывает ежей и всех их родственников – «иглокожие». А попробуй тронь – еще выстрелит иголками. До потолка подпрыгнешь от неожиданности, если не от боли.

Хоть у нас, людей, на коже нет иголок, нас тоже голыми руками не возьмёшь. Потому что мы тоже ежиной породы. Мы все умеем обижать и умеем обижаться. Дурацкое дело нехитрое. Поэтому обижать и обижаться мы умеем очень хорошо. Это и есть наши иголки. Обижаем – колемся, обижаемся – тоже колемся. Обижаем, потому что нам скучно. И опять обижаем, потому что нас уже обидели. Кругом колючки. Острые, готовые выстрелить иголками. И страшно руку протянуть, чтобы ласково погладить Ежика. Ежик всё время в клубке. Ежик никому не верит. Ему не объяснишь, что хочешь его приласкать. Он всё равно уколёт:

– Уходи, не верю тебе, ты, наверное, злой, обижать будешь. Ты притворяешься добрым. Обмануть меня хочешь. Зачем ты хочешь меня обмануть? Чего тебе надо? У меня нет ничего. Одни колючки. Вот и получай! Сколько угодно! Досыта!

А ведь мы хотим не просто приласкать. Мы хотим помочь. Мы правда этого хотим. Мы хотим быть самими собой – людьми, а не ежами. Но человек – матрёшка. Снаружи – Ежик, внутри – человек. Чтобы стало видно человека, ежа надо причесать лаской. Причесать готовностью помочь. Причесать помощью, когда он в какой-то беде – большой или маленькой. Он медленно, недоверчиво развернётся, когда его станут причёсывать. И покажет свое человеческое лицо. Но это лицо искажено страхом. В любую минуту лицо может снова спрятаться.

Ежом быть хоть и неприятно, а легко. Как в штанишки струйку упустить неприятно, а совсем не трудно. Быть самим собой – человеком – бесконечно труднее. В нашем недобром мире нужно быть очень храбрым, очень мужественным, чтобы быть добрым. А чтобы обижать и обижаться, никакой храбрости не надо. Колючки выставляют не от храбрости, а от трусости.

Где же набраться храбрости – доброты? Такое на улице не валяется.

Чтобы ёж набрался храбрости превратиться в человека, ему нужен дом.

Нужно гнездо, где ёж ничего и никого бы не боялся.

Я понял это очень давно. Осенью 1979 года я написал стихотворение «Открытый дом». Мне тогда было очень плохо. Я жил в коммунальной квартире. С соседями мне не повезло, как, наверное, и соседям со мной.

Бесконечная мелкая, унижительная возня и грызня. Ну, любить или ненавидеть – дело хозяйское. Но если ты сколько-нибудь культурный человек, будь хотя бы вежливым. Хотя бы не забудь поздороваться. Или попрощаться... Нет, мне всячески давали понять, что я – пустое место. Мелькали мимо. Подсовывали под руки бритвенные лезвия. И в первый раз, не ожидая этого, я сильно порезался. Портили тайком вещи на кухне...

Не всё ли равно, почему? Чем ни объяснять, а такому поведению нет оправдания. Пусть я даже хуже фашиста, – а хуже фашиста для меня никого не может быть, – всё равно, если себя уважаешь, так делать нельзя.

В этом аду я прожил восемь лет. И всё это время ни секунды не сомневался, что в соседней квартире живут по-другому – лучше, добрее, достойнее. Там и в самом деле жили хорошие люди. Они никогда не отказывали мне в помощи – по телефону позвонить, что-то починить, даже просто прочитать, на чем я остановился, печатая на зрячей машинке... Я не сомневался, что мне просто на редкость не повезло. Я просто попал в чёрную, сырую, гнилую яму, над которой светит солнце.

Теперь вы лучше поймёте старое моё стихотворение «Открытый дом», зная, что написано оно в чёрной яме – в коммунальной квартире.

*Ты измучен, истерзан
Мелочами в быту.
Болью взорвано сердце,
Весь в холодном поту.
До предела промёрзший
И душой, и умом,
Аж завидуешь мёртвым...
Приходи в этот дом.
Тут весёлые люди,*

*Добротою полны,
Ни за что не осудят,
Не припишут вины.
Щедры делятся счастьем,
Жизнелюбимы тут.
Двери, души – всё настежь:
Тут открыто живут!*

Я попал в яму, но не родился в яме. Потому и верил всегда в открытый дом. С детства-то мне повезло. Моя мама была очень добрым человеком, и дом её всем всегда был открыт. Потом я бывал в открытых домах моих учителей – замечательных учёных, бесконечно добрых людей, Александра Ивановича Мещерякова и Эвальда Васильевича Ильенкова. А ещё потом пришлось убедиться: открытый дом очень трудно найти, не то что построить. И когда я уже давно вырвался из коммунальной ямы, и вроде бы всё у меня было хорошо, – 17 января 1993 года я продолжал проситься домой:

*Ни капли не веря в чудо,
Кому-то молюсь порой:
Возьмите меня отсюда,
Возьмите меня домой.
О господи, – всё вздыхаю,
Расстроенный и больной.
Прошу, а куда – не знаю:
Возьмите меня домой.
Где мне разрешат в счастливой
Компании – быть собой,
Где не было бы надрыва...
Возьмите меня домой.
И где бы не приставали
С моралью ко мне любой,
На свой бы лад не меняли...
Возьмите меня домой.
Где добрые греют взгляды,
Где каждому каждый – свой,
Где сразу – на помощь рады...
Возьмите меня домой!*

Сначала стихотворение было без названия. Но когда 30 мая 1993 года меня посвящали в Рыцари Свердловского областного Детского ордена милосердия, я поблагодарил ребят за высокую награду вот этими стихами.

И ребята назвали их: «Дом». Во всех смыслах. И ДОМ – Детский орден милосердия. И дом – те люди, с кем мы дома, с кем нам хорошо.

Когда я написал стихотворение «Дом», я уже заканчивал работу над книгой «Школа взаимной человечности». Решив прочитать стихотворение «Дом» в благодарность за посвящение в Рыцари, я вдруг понял, что в последних двенадцати строчках этого стихотворения спрятана тайна. Именно – тайна взаимной человечности. Так я и сказал в своём выступлении, прежде чем прочитать стихи:

– Вы меня посвятили в Рыцари Детского ордена милосердия, а я в ответ хочу посвятить вас в

тайну взаимной человечности.

Что же это за тайна? Об этом и пойдёт у нас главный разговор.

ГЛАВА 2. ВМЕСТЕ – ИЛИ РЯДОМ?

Если мы Ежика принесли в дом и забыли о нём, ему очень плохо. На улице он хоть сам о себе позаботится. Дело для Ежика привычное – рассчитывать на себя. А тут – совсем новая обстановка. Можно ли в ней жить – непонятно. И никому до тебя дела нет...

Кто никогда-никогда не чувствовал себя «позабытым-позаброшенным»?

Сомневаюсь, что бывают на свете такие счастливики. Чувство заброшенности по разным поводам, наверное, испытывали все. Немножко оно и не повредит. Тут, как в аптеке, всё зависит от дозы. Вообще нам для жизни нужно всё. Ничем нельзя поступиться. Даже самыми неприятными переживаниями. Потому что неприятные переживания – сигнал, что что-нибудь да не так. Принимай меры. Восстанавливай благополучие. Для физического равновесия – чтобы не падать и хорошо бегать – нужны обе ноги. А для душевного равновесия – чтобы не бояться жизни – нужно быть знакомым со всеми ощущениями. И когда больно, и когда приятно, легко во всём теле, и тело удивительно послушное. Нужно быть знакомым со всеми чувствами. И с чувством бесконечной тоски, и с чувством восторга, счастья.

Всегда от всего в восторге, всегда всем доволен только идиот. Такого «счастливику» приходится лечить психиатру.

Но если сигналов бедствия много? И ты ничего не можешь поделать? Если ты бессилен, беспомощен? Если не можешь даже убежать?..

Попал, например, в счастливую компанию. Все веселятся. А ты не можешь разделить веселье. И уйти не дают:

– Побудь с нами.

Недаром в народе сложилась поговорка: «в чужом пиру похмелье».

Инвалидность – любая – тем и страшна, что обычную, нормальную жизнь превращает в «чужой пир». Несбыточной мечтой становится то, о чём обычно даже не задумываются. Например, послушать, о чём говорят за праздничным столом. Пусть разговор самый пустой и глупый. Но убедиться в этом своими ушами, без переводчика, – несбыточная мечта.

1 января 1988 года я написал одно из самых жестоких, беспощадных своей правдивостью стихотворений. Встречали новый год. Меня кормили. Поили. А о чём разговаривают, не могли объяснить. Мне было из-за этого очень тоскливо. И на следующий день в душе закровоточили строчки:

*Да, не слышу вас и не вижу.
Что я рядом – едва ли помните...
Мне ни слова в ладонь не выжмут
Все, сидящие в той же комнате.
От людей уж невольно как-то
Отстраняюсь и сам презрительно.
что работает тут за фактор?
Отчего мне жить – всё мучительней?*

*Если жить мне осточертело, -
Что-то есть в душе неисправное.
И боюсь не успеть доделать,
Недописанным бросить главное.
А нужна ли кому страница
О души тяжелеющем бремени?..
...Я смертельно устал – бодриться,
Притворяться – «героем времени».*

– Инвалидам показали, как весело живут здоровые, – сказали мне об одном благотворительном празднике. И я очень порадовался, что не был там. Хотя тот праздник почтили своим присутствием и Ельцин, и Боровой, и Никулин...

Я заметил: мне хуже всего, я больше всего психую, когда ничего сделать не могу. Если я знаю, как выпутаться, – например, найти дорогу, сделать, починить или купить вещь, – я спокоен, хладнокровен. Неприятно, но выход вот он, под рукой. А если я ничего не могу, и позвать на помощь некого, – тут уж иногда не хочется жить. Злишься, кричишь. Одним словом – закатываешь истерику. Это ведь с вами, ребята, я иногда самому себе кажусь ангелом. Потому что почти не могу ни на что рассердиться, обидеться. Мне с вами хорошо. А так – всякое бывает.

«Вместе» и «рядом» – это совсем не одно и то же. Я вместе со всем человечеством, когда читаю, пишу, слушаю любимую музыку. И я бесконечно одинок, когда из сотни или тысячи окружающих людей не найдётся ни один, кто бы «выжал мне в ладонь» хоть полслова.

Быть вместе – это значит не просто рядом сидеть. Быть вместе – значит что-то вместе делать. Вместе – когда общая жизнь. Одна на двоих, на троих, на сто двадцать, на пятьсот человек. А общая жизнь – это общее дело. Хоть какое-нибудь. Танцы. Прогулка. Игра. Дежурство. Задушевная беседа. Учеба друг у друга. Ведь каждый чему-нибудь да может научить.

Шекспир сказал: «Весь мир – театр, и люди в нём – актёры». А я бы сказал: «Вся жизнь – это школа, и все мы друг другу – учителя и ученики сразу».

Поэтому я говорю, что я – ходячее «наглядное пособие». Живой «тренажёр помощи» в Лагерях общения Детского ордена милосердия. Чтобы быть вместе, а не рядом, мало этого хотеть. Надо ещё уметь. Я стараюсь так устроиться, чтобы ребята могли учиться быть вместе. Учиться – на мне. Я сознательно ставлю перед собой такую цель. Поэтому стараюсь не оттолкнуть от себя обидой на что бы то ни было. Терпеливо переношу неизбежный поначалу период «глядделок», когда ребята меня разглядывают издали, а подойти ещё не решаются. На доброе здоровье. Разглядывайте.

Я стараюсь работать и даже развлекаться у вас на глазах. Вы останавливаетесь. Наблюдаете. Подходите всё ближе. Наконец, окружаете меня тесным кольцом. Мне нравится чувствовать ваше внимание, ваше дыхание, ваше сопение, ваше пыхтение рядом. Мы уже вместе, хотя ещё ни слова друг другу не сказали. Вот я «устал». «Отвлёкся». И уже показываю вам, как писать по моей ладони. И уже кого-то учу дактильному алфавиту – разговору пальцами... Если бы я в лоб вам предложил – давайте покажу, давайте научу, – я бы спугнул вас. Если бы около меня сидел сопровождающий и переводчик, которого специально прикрепили ко мне ещё в Москве, и никаких других дел у него в лагере нет, кроме как меня обслуживать, – он

бы отгородил меня от вас. И всё бы как началось, так и кончилось бы «гляделками». Мы остались бы рядом, но не вместе. Поэтому в лагерях я стараюсь обходиться без «официальной» помощи. Так труднее для меня. Но так лучше для всех нас.

Хочу, чтобы сопровождающими и переводчиками как можно скорее стали вы сами. И тогда опрокидываются все барьеры. Все перегородки между нами. И тогда вы смелее становитесь и в общении друг с другом, а не только со мной. И тогда вы начинаете со мной спорить:

– Вы не наглядное пособие, а друг! – и этим возражением делаете меня счастливым.

Дорогие мои, одно другому не мешает, а помогает. Конечно, я ваш друг. Заранее, до знакомства ещё. И я хочу поскорее с вами познакомиться. Хочу, чтобы вы поскорее разглядели во мне друга. Ежика, который заранее вам доверился, убрал иголки. Как раз для этого я должен быть вашим наглядным пособием. Ведь времени в лагере для нашей взаимной любви так мало...

Я люблю есенинскую строчку из поэмы «Пугачёв»: «Дорогие мои, хор-рошие...» Когда я думаю о вас, когда я среди вас, – во мне постоянно звучит эта строчка. Дрожит, как гитарная струна, настроенная на любовь.

ГЛАВА 3. ПРАВО НА НЕПОХОЖЕСТЬ

Я часто сознательно иду против морали. Ради нравственности. Ради человечности.

Потому что мораль требует, чтобы все были как все. Мораль отрицает моё право быть ни на кого не похожим.

А человечность, нравственность требует, чтобы я и сам был самым собой, и с другими считался (если не принимал, не любил их) с такими, как есть. Человечность, нравственность признаёт моё и ваше право быть ни на кого не похожими. Право на уникальность, то есть на единственность. Человечность, нравственность признаёт, что таких, как я и любой из вас, больше нет, не было и не будет.

Это самое главное. В этом гвоздь. Без этого мы никогда не научимся быть вместе, а не рядом друг с другом. Без этого всегда будет, как в песне:

*Встретились два одиночества,
Развели у дороги костер,
А костру разгораться не хочется, -
Вот и весь разговор.*

Одинокие – одинаковые. Вместе – разные. Больше скажу: дружить, быть вместе, быть интересными друг другу могут только разные, даже очень разные люди.

Разные – не враги. Разные – просто другие. А враги в своей взаимной, встречной вражде – одинаковые.

Знаю, не каждый из вас это переварит. Это звучит неожиданно и для многих взрослых. Обычно именно стараются быть одинаковыми – внешне. А различия прячут как можно глубже. На самое доньшко. Туда, где среди всякого мусора – ила, водорослей, затонувших кораблей – никаких различий не откопает никакой археолог.

Ну что ж, переваривайте. Пока просто знайте, что есть на белом свете и такое «мнение»: не только «можно», а нужно быть разными. Самими собой. И ни в коем случае не «как все».

Поживёте ещё – может быть, поймёте.

Мораль учит: обращать на себя внимание – нехорошо. Но разве я виноват, что не слышу? Разве я виноват, что могу разговаривать только необычным, привлекающим внимание, способом? Все разговаривают в транспорте. И я тоже хочу. И когда со мной «стесняются» разговаривать, потому что «люди смотрят», – я вправе очень обидеться. Может быть, такая «стеснительность» и моральна. Но она безнравственна. Потому что бесчеловечна.

Я имею право на внеочередное обслуживание в магазинах и в других местах. Это право предоставлено мне государством. Обычно – для более здоровых – морально стоять в очереди. И меня тоже часто заставляли стоять в очереди. Неудобно, видите ли, пролезать. Хотя помогают мне в моих делах. Вовсе не прячутся за мою спину, чтобы тоже попользоваться моим правом внеочередного обслуживания. И, заставляя меня вместе со всеми, более здоровыми, мучиться в очереди, лишают меня льготы, которую мне, как инвалиду, предоставило государство. Из-за морального предрассудка самочинно отменяют закон. В виде исключения – нравственный, человеческий закон государства. (Книга была написана до того, как российское государство спохватилось и отменило свои человеческие законы, заменив их на людоедские. – *Авт., 28 сентября 2006 года.*)

Если мы вместе, то моё право проходить без очереди – на двоих. Один ведь я не пройду. Мне нужна помощь. И ничего плохого, если мой помощник заодно и себе что-нибудь купит без очереди. Не ждать же мне тут же в магазине, пока он выстоит очередь, хотя мне уже всё купил.

Если ты с инвалидом, надо вместе с ним пользоваться его правами, чтобы не лишиться его этих прав. Чтобы не мучить зря. Да ещё из «высокоморальных» соображений...

И очень правильно, что транспортные льготы сейчас по решению государства распространяются и на сопровождающих. На метро, трамвае, электричке, в автобусе (кроме дальнего междугородного) и в троллейбусе можно ездить бесплатно вместе со мной одному человеку. Сопровождающему. С октября по апрель я могу ездить на дальних поездах и дальних автобусах за половину цены билета. И мой сопровождающий – тоже. Тут, правда, в законе неувязка: в остальное время года я по-прежнему слеп и глух... Правильнее было бы, чтобы ездить за половину цены можно было круглый год. Но мы живём в стране, в которой государство если и предоставляет льготы, то «моральные» граждане самочинно их отменяют. (Это было раньше. Сейчас эти транспортные льготы, и то в далеко не полном объёме, сохранились для меня только в Москве, а в остальной России... – *Авт., 28 сентября 2006.*)

Давняя история с парикмахерской, в которую меня не хотел вести мой студент-сопровождающий, кончилась тем, что я удрал туда один. Поднял переполох среди сотрудников парикмахерской. Не очень-то быстро они разобрались, кто я такой и как со мной разговаривать. Но всё-таки постригли. А то так оброс – хоть косы заплетай. И ученик я в этом деле глупый. Меня пробовали научить заплетать косички. Ничего не получилось.

Как и все мальчишки, я только дергаю за косички мастерски. А то могу учинить погром и похуже. Как-то на автобусной остановке захотел взъерошить волосы мальчику. Это такая шуточная ласка – потрепать по голове. Но мальчик уклонился, а я запутался в сложнейшей химической причёске его учительницы. У неё на голове была то ли Останкинская башня, то

ли средневековая крепость. Что там было, для меня так и осталось тайной, потому что после моего нападения от этой постройки остались одни развалины. Помню чувство крайнего удивления, когда вместо мальчишеских вихров я попал во что-то похожее на паутину. Учительница только и смогла воскликнуть:

– Ну Саша!..

Сейчас она благодарна мне за нечаянно преподанный урок. Если имеешь дело со слепыми, никаких сложных архитектурных сооружений на голове лучше не возводить. После того случая она стала причёсываться как можно проще, чтобы после детской ласки всё можно было быстро поправить.

...Человек в беде просто должен, вынужден привлекать к себе внимание. Чтобы получить нужную помощь. Поэтому, если я прихожу в поликлинику один, сразу захожу в кабинет врача. И уже там жду, когда врач отпустит больного и займётся мной. Конечно, могу смутить и рассердить какую-нибудь тётю, которую как раз осматривает врач. Но что поделаешь... Если бы я сидел в коридоре, никому и в голову не пришло бы меня позвать. Дождался бы только ухода врача домой.

Если в магазине я один (без помощника), а покупатели и продавцы от меня шарахаются, я ищу дорогу за прилавок. Знаю, что туда «посторонним вход воспрещён». Но как иначе заставить продавца понять, что я слепоглухой? И что слепоглухие, как ни странно, тоже хотят кушать? И не согласны ходить зимой босиком. Я нарочно нарушаю правила. Чтобы заставить помочь мне если не покупателя, не продавца, так хоть заведующего магазином.

Одноногий мальчик стеснялся купаться в море. Чтобы при всех не снимать протез. Чтобы не показывать всему пляжу свою культю. Но, во-первых, нормальный – нравственный, добрый – человек должен сделать вид, что никакой культы он «не заметил». Во-вторых, стеснялся – не стеснялся, нога не вырастет. Купаться этот мальчик очень хотел. Да и нужно ему было это для здоровья. Мы старались уходить подальше от людей. И я любовался, как здорово прыгал этот мальчик в воде. Я ему говорил, что я сам ни в воде, ни на берегу так прыгать не смогу. Свалюсь мешком. Ради этого мальчика я нарушил одно правило: детям купаться только вместе с отрядом. Я договорился, чтобы ему разрешали купаться в тихий час и после ужина с кем-нибудь из взрослых. Из хорошо видящих и слышащих взрослых. Мне-то самому нужен присмотр – хотя бы старших ребят...

А вообще-то инвалидности глупо стесняться. Только сделаешь свою жизнь, и без того нелёгкую, ещё труднее.

На транспорте я дохожу до открытого хулиганства. Чтобы напомнить людям об их человеческом – нравственном – достоинстве. Например, мне уступали место, а маме нет. Я сам не садился, но её сажал. Она же старенькая, болела очень, голова всё время кружилась, и мама стоять совсем не могла.

Это ещё не хулиганство. Но иногда я наступал своей опорной тростью на ноги сидящим рядом. Трость опорная мне зимой нужна, чтобы не падать на лёду. Валяться-то в больнице с переломом или растяжением – некогда... Наступал тростью на ноги нарочно, якобы сослепу. А не поможет – мог и на колени «нечаянно» взгромоздиться. Лишь бы посадить маму. Вот это уже настоящее хулиганство. А куда денешься, если зрячие притворяются слепыми?

Случалось и нечаянно проучить этих «слепых зрячих». Как-то я ехал в метро один. Мне уступили место. Но, чтобы сесть, я должен пощупать сиденье. Потом развернуться спиной к сиденью и осторожно устроиться. Чтобы не очень задевать соседей. И вот пощупал я сиденье, повернулся, «пошёл на посадку», как вертолёт, а подо мной неожиданно затрещало-захрустело. Я так и подпрыгнул. Тут же рукой стал щупать, что это на сиденье вдруг появилось. Ведь было вроде пустое. И успел заметить, как из-под меня выхватили какую-то коробку, похожую на те, что для тортов. Очень порадовался, что не уселся прямо в торт. Народу в вагоне было очень много. Видимо, какая-то тётя решила спасти свой торт от давки. Ну и, пока я собирался сесть, подсунула под меня. Я ехал тогда в гости к своему другу. Рассказал ему это приключение. Он долго смеялся:

– Тётя занимала место не для торта, а для себя. Ты её хорошо проучил. Что поделаешь, если ты нездоров...

Когда у мамы произошло кровоизлияние в мозг, я приучил её к опорной трости. Нечего притворяться здоровой, если голова всё время кружится. Можно ведь упасть и сильно покалечиться. Сначала я давал ей ту трость, с которой сам хожу зимой. Из аптек эти трости почему-то пропали. Большой мой друг, Вилен Эммануилович Чудновский, нашёл опорную трость в аптеке и подарил моей маме. Сначала она ворчала, но скоро привыкла. Да так, что уже без палочки – никуда из квартиры. И молодец. Правильно.

А вот сестре ещё раньше я сам подарил опорную трость. У неё тоже кружится голова, зимой на льду часто падает и калечится. То руку сломает, то ещё что. Но она отказывается ходить с тростью. Стесняется, видите ли. А потом подолгу лежит в больнице. И совсем не умеет беречься. Знает, что голова закружится, если полезет на табуретку. Я тоже не могу стоять на табуретке, не держась за стену или книжные полки. Кружится голова. Страшно. Я и не лезу. А сестра один раз полезла. Шторы хотела повесить. Упала и опять сломала всё ту же руку, которую ломала уже раз пять. Нет чтобы попросить кого-нибудь поздоровее.

Нет, совсем глупая стеснительность, когда речь идёт о здоровье.

Бывает, с палочкой ходить стесняются, а виснуть на плечах у домашних, чтобы они дотащили до туалета и обратно, не стыдно. Хотя с палочкой прекрасно бы сами справились. Это полное безобразие. Не надо стесняться просить о помощи, когда сам справиться не можешь. Но нельзя и висеть на людях клещом-кровососом, в то время как достаточно взять в руки опорную трость – и можешь один обойтись. Нельзя быть вампиром.

Я повредил как-то руку, в другой раз – ногу, загипсовали... Но как угодно выкручивался, а сопровождать меня в туалет никогда никого не просил. Вот уж этого – стеснялся. Наоборот, с загипсованной рукой вёл себя так, как будто ничего не случилось, и с сыном ходил в лесопарк, ездил на другой конец Москвы. Мальчик вёл меня под руку, и – нам было хорошо.

Не надо стесняться звать на помощь. Не надо стесняться помогать себе самому – костылём, очками, слуховыми аппаратами. Ведь недаром говорят: бережёного и бог бережёт...

Очки – видно. Слуховой аппарат, особенно карманный, тоже видно. Костыль, лёгкая ориентировочная тросточка слепых – прямо бросаются в глаза. И это хорошо, а не плохо. Люди, видя эти вещи, понимают, что тебе может понадобиться помощь. И могут предложить её. Если не нужна, отказываться надо очень вежливо. Чтобы в другой раз люди не побоялись предложить свою помощь тому, кому она, возможно, очень нужна.

Это всё о том, что не надо бояться привлекать к себе внимание.

Наоборот. Чем тебе труднее обходиться самому, тем нужнее внимание окружающих людей. Чтобы всегда было, кого попросить о помощи. Чтобы люди, увидев трость или что-нибудь ещё, говорящее об инвалидности, могли сами предложить свою помощь. И не надо хвататься за явно непосильное. А то покалечишься и станешь ещё беспомощнее.

Ещё пример моего вынужденного хулиганства. Свистеть в спортивный свисток в общественных местах – неприлично. А на вокзале иначе просто с ног собьют. Даже самые зоркие глаза сопровождающего не всегда помогут в густой толпе. А если я один, свисток помогает не только разогнать толпу, но и выхватить из этой толпы человека, который догадается (наконец-то!), что мне нужна помощь.

Так что прошу запомнить покрепче: бывает бесчеловечная мораль, и бывает человеческое хулиганство. Я для себя давным-давно решил, что человеческое хулиганство лучше бесчеловечной морали. И если надо, хулиганю без зазрения совести, как вы можете убедиться по рассказанным только что историям. (Я поневоле «историческая личность», потому что время от времени попадаю в истории. Вы в этом ещё не раз убедитесь.)

Человечное хулиганство требует внутренней свободы. Оно требует умения над собой смеяться. Над своими трудностями. Над бестолковостью первых встречных-поперечных. До которых так плохо доходит, что человеку рядом с ними, может быть, в чём-то намного труднее, чем им. И что ему нужна их помощь.

Мне весело вспомнить, как одна бестолковая тётя удрала от меня под столом. И привела дядю, который наконец-то понял, что я просто ошибся дверью. Искал прачечную, а попал в контору по ремонту квартир. Он это всё сумел мне объяснить и проводил до прачечной...

Мне весело вспомнить, как перед Первомайскими праздниками я с другом попал в отделение милиции, на метро «Медведково». Вытащили нас из автобуса. Какой-то пьяный майор вообразил, что пальцевая азбука – это тайный шифр Центрального разведывательного управления США. Или какой другой вражеской разведки. Отобрал у нас паспорта и завёл в отделение милиции. Там нам не давали разговаривать дактильно – пальцами. Только попробует мой друг заговорить со мной – тут же какой-то милицейский нижний чин с разбега, мягко, но непреклонно, расцепляет наши руки. Прямо вот так: разбежится, и всем телом ударит в наши руки. Я сказал своему другу:

– Не переводи, раз они не хотят твоей помощи. Я их сейчас проучу.

И с этими словами я пошел вокруг комнаты. Сначала вдоль стены. Потом, повернув налево – вдоль какого-то деревянного сооружения, вроде прилавка на почте или в сберкассе, только без стёкол. Потом, снова повернув налево – вдоль другой стены. И уткнулся в письменный стол. За столом выяснял мою шпионскую личность более высокий милицейский чин. При моём приближении он из-за стола убежал. Я-то хотел заставить его писать пальцем по моей ладони... Ну, спасибо и на том, что стул освободил, единственный в той комнате. А то я стоять устал. Я уселся и стал спокойно ждать развития событий. Скоро ко мне пустили моего друга, убедившись, что я слепоглухой и проживаю по адресу, указанному в моём паспорте. Я ещё лекцию чинам прочёл, что не всякий слепоглухой похож на слепоглухого. Жаль только, из автобуса-то вытащили, а на своей машине домой не отвезли... А продержали почти до полночи...

И в ремонтной конторе, и в милиции можно было злиться, а не смеяться. Да толку-то что?.. На всех идиотов злости не хватит. А смех, по крайней мере, поможет не сойти с ума за компанию с прочими идиотами.

Так будем же смеяться! Даже когда совсем не до смеха... Особенно именно когда не до смеха.

ГЛАВА 4. ЗАКОН ВЕЧНОСТИ

Почему Ежик сворачивается в клубок и выставляет иголки? Потому что не чувствует себя дома. А не чувствует себя дома по двум причинам.

Во-первых, потому что чувствует себя чужим. Рядом с чужим счастьем. А не вместе со всеми.

Во-вторых, потому, что не всегда может быть самим собой. Не имеет права на непохожесть. И не умеет ценить, признавать такое же право других.

Поэтому остаётся Ежиком. А человеком быть не удаётся. Не хватает смелости и умения.

Но вот, кажется, всё наладилось. Ежик играет со всеми. И никто его не одёргивает. Не учит жить. Не читает мораль, каким надо, а каким не надо ему быть. Он не чужой. Он среди своих. Вместе, а не рядом. И никто ему не мешает быть самим собой. И всё-таки иногда он свертывается в клубок. И стреляет иголками. Чего же ещё не хватает этому капризному существу?

Меня спрашивали в «Орленке»:

– Почему ребята-инвалиды отказываются от помощи, и часто в очень грубой форме? Как с ними дружить при таком раскладе?

Чтобы ответить на такой сложный вопрос, придётся рассказать очередную историю.

Один раз мне самому довелось избить не в меру услужливого полковника. Был он самый настоящий. В мундире и с погонами. Мне брат потом сказал его звание. А провинился полковник передо мной тем, что мёртвой хваткой вцепился при выходе из автобуса в мою руку с тростью. Сам – снаружи. Я – внутри. Мне надо спуститься. А ощупать ступеньки и асфальт под ними нечем – рука с тростью в медвежьих объятиях.

– Отпустите!

Не отпускает. Жаждет помочь. На руках, что ли, выносить из автобуса собрался?

Мне ничего не оставалось делать, как несколько раз сильно ударить по этой глупо-услужливой руке.

Другая история. В ленинградской области, в лагере «Салют», за слепоглухой девочкой первое время ходила целая свита. Девочке хотелось показать, на что она способна. Хотелось проявить самостоятельность. Да не тут-то было. И, как мне передавали, она довольно грубо разгоняла «свиту»:

– Не подходите, пока не позову!

Если судить по этим историям, то ответ на вопрос «орлят» очень простой.

Отказываться приходится от неумной помощи. От такой, когда не столько помогают,

сколько путаются под ногами, мешают.

Я-то с благодарностью приму самую неумелую детскую помощь. Потому что для этого и приезжаю в лагерь. Чтобы учить помогать. Но дети – что здоровые, что инвалиды – приезжают просто жить в лагере. Никаких психолого-педагогических целей перед собой, конечно, не ставят.

Дети-инвалиды хотят быть наравне со всеми. И если делать за них то, что они могут сами – это их обижает. Но если не оказаться рядом с ними вовремя, тогда, когда им одним не справиться, – они могут озлобиться. Могут ожесточиться. Могут решить, что весь мир против них.

И нет для них большей радости, чем вдруг обнаружить, что они тоже могут помочь. Хоть в каком пустяке.

Я, например, всегда в восторге, когда в московском метро, которое знаю почти всё наизусть, могу возить и водить зрячеслышащих. Я всегда знаю, на какой станции лучше всего сделать пересадку. И если станция мне часто нужна, знаю весь её лабиринт. Выведу где надо на улицу. И уверенно покажу, с какой стороны придёт нужный поезд. Когда спрашивают:

– На какой станции выйдем? – Отвечаю:

– На «Какойтовой».

Это по известному принципу: «Куда?» – «На кудыкины горы».

Конечно, «Какойтовой» станции нету. Мне и говорят:

– Не знаем такой.

– Ну и не надо знать, – отрезаю грубовато. – Сам скажу.

– Нам так не нравится – ехать в неизвестность.

– А мне нравится, думаете, когда всю жизнь приходится идти в неизвестность? И даже часто – за первым встречным?..

Зачем я напоминаю о своей слепоглухоте? Чтобы лишний раз, очередной бестактностью, не напомнили мне самому. И я не упускаю случая подчеркнуть, что тоже хочу быть здоровым. Хочу мочь то, что другие могут. Описанную игру в метро я называю «водить за нос зрячеслышащих». И очень люблю этим заниматься. Не всё же водить за нос (то бишь за руку) меня...

Я давно понял: чтобы я хоть ненадолго забыл, что слеп и глух, об этом лучше никогда не забывать окружающим. А если забудут – могут ждать и требовать от меня в самом деле чего-то непосильного. Такое в моей жизни бывало. Поэтому нашим здоровым друзьям лучше быть всегда рядом. В готовности подставить плечо. И в то же время уметь принимать от нас нашу маленькую помощь. Чтобы мы почувствовали: мы тоже что-то можем. Поверили бы в себя. И хоть на минутку забыли о своей беспомощности.

Первые советские учителя слепоглухих – Иван Афанасьевич Соколянский и Александр Иванович Мещеряков – открыли закон совместно-разделённого действия.

Это когда учитель начинает что-то делать вместе с учеником (совместное действие).

Потом учитель вместе с учеником делает часть работы, а другую часть ученик пробует делать сам (совместно-разделённое действие).

Потом ученик всё делает сам, от начала до конца, а учитель только следит за ним и исправляет ошибки (разделённое действие).

На самом деле закон совместно-разделённого действия – это не только способ научить чему-нибудь слепоглухонемого ребёнка. Это закон всякой дружбы. Можешь – делай сам. А трудно – сделаем вместе.

Грузинский писатель Нодар Думбадзе назвал это «Законом Вечности».

У Думбадзе есть роман, который так и называется – «Закон Вечности». Главный герой романа попал в больницу. Чуть не умер от инфаркта – страшной болезни сердца. Всё-таки выздоровел. Выходит из больницы. Прощается с лечившим его профессором. И говорит:

– Я здесь, в больнице, открыл закон вечности. Душа человеческая, оказывается, очень тяжёлая. В одиночку не унести. Надорвёшься. Упадёшь. Надо, чтобы другие люди помогли нести эту страшную тяжесть. Они несут мою душу. А я несу их души – всех их, кто вокруг меня. Только вместе мы можем нести души друг друга.

В романе он говорит другими словами. Я передал его мысль по-своему. Но могу заверить, что мысль передана точно. А если хотите узнать, какими словами говорил герой романа, – сами прочитайте роман.

...Теперь давайте поговорим о разных видах помощи. По разным поводам.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. КАК ДРУЖИТЬ С ЕЖИКОМ

ГЛАВА 5. РУКОВОДСТВО ПО НЕВИДИМОСТИ

Если очки не прозрачные – это не очки, а заслонки.

Если слуховой аппарат пищит, рычит и вообще издаёт звуки – это не слуховой аппарат, а заглушка.

Переводчика тоже не должно быть ни видно, ни слышно. Переводчику надо быть невидимым и неслышимым, чтобы сквозь него было видно и слышно окружающий мир. Это общее требование ко всем переводчикам (по-английски «трансляторам»): и с языка на язык, и с голосовых связок на руки.

Распространённое мнение, будто для хорошего перевода достаточно хорошей дактильной или жестовой речи, – ошибка. Этого мало. Нужно главное – умение быть прозрачным, невидимым и неслышимым.

Самый простой вид перевода – по телефону. И вообще когда собеседник специально ждёт, пока его слова повторяют. Но и тут неумелый переводчик умудряется вносить в перевод посторонние шумы, помехи.

– Он говорит, что его зовут Женя.

Надо было перевести от первого лица – от лица говорящего:

– Меня зовут Женя.

Или:

– Он спрашивает, как зовут тебя. Я уже сказал (сказала).

Если переводчик может говорить вместо меня, то зачем я тут вообще? Надо было просто повторить вопрос:

– Как тебя зовут?

И я бы сам представился.

Правда, по телефону, чтобы лишний раз не переключать трубку из рук в руки, я часто прошу переводчика переводить и в обратную сторону – от меня к собеседнику. А то бывает плохо слышно. Да и говорят, что к речи моей новому человеку надо привыкнуть. Да и не могу я проверить, понимают меня или нет. Но когда можно, мне больше нравится самому за себя говорить.

У меня дома было два телефонных аппарата. Оба с усилителями. Для слабослышащих. Мог поэтому сам, без слухового аппарата, определить (услышать), свободно или занято. Сняли трубку или нет. И любил сам набирать номер. (Сейчас у меня аппараты обычные, кнопочные, я к ним никак не привыкну.)

Когда трубку снимали, говорил, например, так:

– Это Суворов. Позовите, пожалуйста, Андрея Алексеевича.

Но большой мой друг, Тамара Ивановна Кузнецова, вдруг стала неохотно помогать мне звонить по телефону. В чём дело? Она не решалась объяснить. Но я попросил не стесняться.

– Ты не здороваешься, а сразу зовёшь.

Я удивился:

– Откуда же мне знать, кто снял трубку? Я ведь говорю волшебное слово – «пожалуйста».

– Всё равно как-то нехорошо. Получается, будто ты приказываешь. И все должны твои приказы выполнять.

Неприятно слышать такое, правда? Можно обидеться. Только глупо было бы обижаться. А если Тамара Ивановна права? И я нечаянно кого-то обижаю?

Я, конечно, огорчился. Но ведь сам просил не стесняться правду говорить. И я спросил Тамару Ивановну:

– У меня и в мыслях нет кого-то обижать. Но как лучше начинать разговор по телефону, чтобы даже нечаянно не обидеть?

– Скажи сначала: «Здравствуйте», «Доброе утро», «добрый вечер». В общем, как-нибудь поздоровайся. И только потом проси позвать к телефону, кто тебе нужен.

– Спасибо...

Мы обсудили, как лучше начинать телефонный разговор в разных случаях. Больше нам к этой теме возвращаться не пришлось. Скоро я привык сначала представляться – «Это Суворов», – потом здороваться (если догадываюсь, кто берёт трубку, то называть по имени), а потом уже спрашиваю, можно ли поговорить с нужным мне человеком. Ведь он может быть дома, но занят. А то сразу – «позовите»... А вдруг он работает и не может сразу оторваться, я его сбиваю? Или просто в таких местах, откуда при всём желании не

выскочишь к телефону? Это за границей я видел телефонные аппараты даже в туалете...

А до замечания Тамары Ивановны я здоровался только тогда, когда был уверен, что у телефона нужный мне человек:

– Здравствуйте, Андрей Александрович. Извините за беспокойство... Как дела с моей статьёй в вашем журнале?

Получив «втык», я стал здороваться два раза: первый раз – когда называю себя, а второй – когда со мной готовы говорить. Маслом каши не испортишь...

Обычно я по телефону и при личной встрече, если человек не умеет со мной свободно общаться, говорю сам. Голосом. Мне только переводят – повторяют, передают – его слова. Телефонная трубка при этом переходит из рук в руки. Но бывает, что собеседник сам вносит «помехи»:

– Скажите ему, что я прошу его испытать прибор для слепых, который я изобрёл...

Опытный переводчик, привыкший просто повторять за собеседником его слова, не успевает перестроиться. И форма обращения до меня доходит автоматически. Тогда мне трудно удержаться от озорства:

– Он готов познакомиться с вашим прибором и с удовольствием сделает это. Когда вам удобно к нему приехать?

Собеседник часто «покупается»:

– Кто – он? С кем я говорю?

– Я тот, кому вы просите передать вашу просьбу. Ко мне можно обращаться прямо – на «вы» или на «ты». И переводчику так проще.

Но как быть, если нет перевода, а мне срочно надо позвонить, позвать на помощь?

Тут мне пригодился опыт Ольги Ивановны Скороходовой. Она просила в ответ на её слова стучать ей авторучкой по микрофону телефона, и считала эти стуки. Два раза – «нет», три раза – «да». Я тоже так попробовал, но оказалось, что стуки плохо слышно. У Ольги-то Ивановны был особый аппарат-вибратор, и она считала не звуки, а вибрационные щелчки. А у меня этого аппарата – «Аппарата Цуккерман» – нет. Я должен полагаться на свой остаточный слух. Поэтому я немного изменил способ Ольги Ивановны:

– Здравствуйте, это Суворов. Я без переводчика. Отвечайте мне голосом три раза «да-да-да», или два раза «нет-нет». Это клуб «Компьютер»?

– Да! Да! Да!

– Есть ли Ирина Владимировна?

Трах-тарарах – многословное бормотание.

– Вы меня не поняли?

Бормотание.

– Вы не знаете, есть ли Ирина Владимировна? Знаете?

– Нет-нет.

– Значит, вы сейчас пойдете и посмотрите?

– Да-да-да!

– Я жду. Спасибо.

Через некоторое время трубка оживает, бормочет.

– Это Ирина Владимировна?

– Да-да-да!

– Ирочка, привет. Когда ты сможешь приехать ко мне поговорить по плану лекционных занятий? На этой неделе?

– Да-да-да!

– Завтра?

– Нет-нет!

– Послезавтра?

– Нет-нет!

– В воскресенье?

– Да-да-да!

– Утром?

– Да-да-да!

– Отлично, буду ждать. Позвонить накануне вечером?

– Нет-нет!

– Значит, договорились окончательно. До воскресенья!

Попробуйте в это поиграть. Спрашивайте друг у друга что-нибудь так, чтобы можно было ответить или «да» – три раза, или «нет» – два раза. Сами увидите, так о многом можно договориться. Но к этому способу разговаривать нужно привыкнуть. Как ни просто кажется, многие мои собеседники часто забывали с непривычки, что я слушаю только счет – три или два, – и получалась путаница. Я ведь «да» от «нет» на слух не отличу. Мне только считать легко, сколько раз прозвучал голос. А какие звуки – спросите о чём полегче...

Это давний опыт. С двухтысячного года меня выручает электронная почта.

Когда народу много, – например, какое-нибудь заседание, конференция, – никто уже не станет специально дожидаться, пока мне дактильно повторяют сказанное вслух. Тут-то и обнаруживается, что переводчику нельзя быть ни оценщиком, ни попугаем.

Нельзя быть оценщиком – это значит: нельзя без предупреждения вкладывать в чужой рот свои речи. А то и просто говорить, нравятся переводчику или нет чужие речи, но сами речи – не переводить.

Нельзя быть попугаем – это значит: всего, что говорят, не повторишь. Просто не успеешь.

Как-то меня пригласили студенты-филологи на семинар по повести Михаила Булгакова

«Собачье сердце». Переводить взялся пожилой человек с очень хорошим дактильным произношением. Но ещё он слишком склонен обо всём высказывать своё мнение. Ветеран и инвалид Великой Отечественной войны, он привык сразу кидаться в бой. Сразу стрелять. А разбираться – после пальбы. Разбираться в том, сколько дров наломал. В том, кого начинил свинцом – своих или чужих.

«Перевод» у него получился такой:

– Этот мальчик самый быстрый, но говорит неглубоко... А эта девушка говорит лучше... А вот парень долго молчал, да уж зато и говорит по делу, молодец...

Я так никогда и не узнал, что же именно говорили мальчик, девушка и парень.

Но язык без костей, а пальцы – с костями. Пальцы за языком никогда не успеют. Как быть?

Надо сокращать. Надо повторять не всё, а одно предложение из двух, трёх, четырёх. И суметь так выбрать, чтобы в этом предложении был смысл из пропущенных. Надо переводить главные, самые богатые содержанием предложения. А «воду» отжимать на ходу. Это, может быть, и не «вода», а пояснения, уточнения, но... Не до жиру. Быть бы живу. Лишь бы общий смысл донести.

Тем более что мне иногда нужно не только слушать перевод, но и делать записи для памяти. Меня иногда зовут на научные семинары. Я готовлю свои выступления. А иногда план выступления рождается тут же на семинаре. Надо кратко записать, с чем не согласен, что особенно понравилось. И потом по этим записям выступать или поправлять выступление, подготовленное заранее.

А чтобы сделать запись по Брайлю – рельефно-точечным шрифтом слепых, изобретённым французским слепым Луи Брайлем, – нужны обе руки. Значит, приходится переставать слушать перевод. Тут переводчику ещё труднее: и так его никто не ждёт, знай выкручивайся поспевай, на ходу сокращай, лишь бы общий смысл дошёл. Да ещё с перерывами на мои записи. Как бы быстро я ни писал и как бы сам ни был краток в своих записях, а время на них нужно. Тут уж попугай, который норовит повторять за выступающим всё подряд, увязнет в болоте сразу и насовсем.

Ещё того хлеще. Что, если надо не только общий смысл произносимых слов передать, но и показать, рассказать, что делается на сцене?

В 1987 году, в лагере «Салют» в Ленинградской области, был танцевальный конкурс. Мне пробовал переводить тринадцатилетний Алёша.

Рассказать о танце он не сумел – для этого надо очень хорошо, совершенно свободно владеть русским языком. А он по русскому, заметно было, получал пятёрки разве что случайно. Так что все слова растерял.

Тогда я предложил Алёше попробовать передразнивать девочек. Он поколебался – обычно это нехорошо, ругаются на обидное кривляние. Но тут другое дело, надо же как-то довести этот танец до слепого человека... Алёша плюнул на то, что кривляться нехорошо, встал и начал повторять для меня движения девочек. Я следил за ним руками, а музыку слышал через слуховой аппарат. У него получилось, может быть, и не совсем то, что у девочек. Но всё равно удивительно красиво.

Этот случай – одно из самых дорогих мне лагерных воспоминаний.

Вы, ребята, все вообще очень красивые, гибкие. Мне хочется вами любоваться. А я могу любоваться только с помощью рук. Я любовался Алёшей и заодно представил себе танец.

Так что же такое настоящий перевод? Это искусство (мастерство) невидимости (прозрачности). Хороший переводчик – не попугай и не судья, выносящий приговоры. Хороший переводчик – артист. Он как бы перевоплощается, превращается в того, кого переводит. Вроде актёра в театре.

Бывает, человек научится хорошо переводить. Но не понимает, какое это сложное, творческое дело. И начинает уклоняться от перевода, как от мытья посуды. Считает перевод чисто технической работой. А себя – творческой личностью, которой зазорно, видите ли, заниматься чем-то нетворческим.

Из-за этого я нередко бывал вынужден довольствоваться самым неумелым, ученическим переводом – в самые серьезные, ответственные моменты.

Но дело не только в том, что на самом деле перевод – творчество, мастерство. Даже если бы в самом деле пришлось заниматься чем-то механическим, нетворческим, то главное – всё-таки не в характере работы, творческом или нет, а в другом. Главное – для кого.

Казалось бы, какое уж творчество – купание больного человека. Но вот свою маму я купал с удовольствием. И не так-то просто было помочь ей встать из ванны. Надо было приноровиться, чтобы с первой попытки получалось. И лучше меня помогать маме в этом никто не умел. В санатории три медсестры тянули её в разные стороны, а она плюхалась обратно в воду. Я подсказал им, за что надо маме ухватиться, чтобы она могла встать сама.

Вывод: если любишь, всякое дело – творческое. Для любимого существа. Это творчество добра. Творчество человечности. Своей собственной – и окружающих людей.

Готовность и умение переводить – тоже прежде всего проверка на доброту. Бывает так, что переводят только то, что считают интересным. А то, что считают скучным, пропускают, или переводят очень неразборчиво. То есть навязывают своё мнение, даже сами этого подчас не сознавая. А вдруг мне интересно именно то, что скучно переводчику?.. Ведь очень часто людям кажется чепухой не то, что скучно, а то, чего они не понимают. Получается замаскированный эгоизм.

И оправдывается этот эгоизм так: я, дескать, имею право на своё мнение. Да, но и я ведь – тоже. И мне важно знать правду, не искажённую мнением, цензурой переводчика. Право на полную информацию у нас должно быть одинаковым. Переводчик должен прежде всего помочь мне это моё право на информацию осуществить. И только после этого мы можем – сколько угодно – обмениваться мнениями.

Всё, что я тут пишу, адресовано только добрым людям. Только они поймут, что я хочу им помочь стать хорошими переводчиками. А недобрый скажет, что я слишком всё усложняю, запугиваю. Требую, дескать, чтобы все под мою дудку плясали. Словом, недобрый будет всячески оправдывать свою халтуру. И с этой целью старательно выискивать, в чём бы меня обвинить. Ведь лучшая оборона – это нападение...

Ну и бог с ними, с недобрыми. Я пропущу их обвинения мимо ушей точно так же, как они пропустят мимо ушей мои советы, продиктованные только желанием помочь. Квиты.

ГЛАВА 6. «СПАСИБОЧКИ!»

Мальчику было неполных одиннадцать лет. Он очень быстро научился говорить дактильно – с помощью пальцевого алфавита. В совершенстве научившись дактилировать руками, он пробовал дактилировать даже ногами. Суёт мне под руку босую ножонку и пытается отвечать на мои вопросы. Ничего, «да» и «нет» у него ногами получалось, пожалуй, не хуже, чем руками. А уж печатные буквы по моей правой ладони большим пальцем ноги рисовал запросто...

Летнее утро. Ночью то ли прошёл дождь, то ли выпала сильная роса.

Во всяком случае, на асфальте – небольшие лужи. А я ещё студентом был, когда заметили, что все лужи – мои. Невозможно пройти мимо. Чем больше стараются мои несчастные провожатые обойти со мной лужу, тем я точнее попадаю ногой прямо в самую середину. А поступь у меня тяжёлая. Кроме слепоглухоты, нарушено и равновесие. Сам-то я не чувствую, что попал в мелкую лужу, зато на моего провожатого – все брызги.

Так получилось и с тем моим юным другом, который пробовал дактилировать ногами. Тем более, что был он в шортах.

– Не топайте!

Пытаюсь отшутиться:

– Ты же любишь купаться...

– Спасибочки!!!

Поистине, возмущению мальчика не было границ. Брызгается, да ещё дразнится!

Уж эти мне лужи. Сколько с ними связано историй. Для кого смешных, а для кого не очень.

К одному своему другу и учителю я когда-то ездил домой каждую неделю. Читал ему свои опусы, он терпеливо слушал, деликатно поправлял. Домой я возвращался довольно поздно вечером, и мой друг либо вызывал для меня по телефону такси, либо ловил машину рядом со своим домом. А дальше я сам руководил водителем, куда меня везти. Объяснить водителю, что мне надо писать большими печатными буквами во всю правую ладонь, обычно было не трудно.

Так вот, однажды летним вечером мой друг погнался за такси. А мне было скучно стоять там, где меня оставили. У меня есть небольшое светоощущение. Отличаю свет от темноты. Замечаю в виде столбиков светлые фигуры – на тёмном фоне, а тёмные – на светлом. Я и двинулся вслед за фигурой друга. Но быстро потерял её из виду и остановился.

Машину мой друг не поймал. Вернулся. И вот я вижу, на фоне светлого пыльного асфальта, какой-то тёмный столбик, который топчется около меня. То с одной стороны приблизиться попробует, то с другой. Наконец дотягивается до моей руки и вытягивает меня за собой шага на три. Это мой друг. И он растерянно спрашивает:

– Ну скажи на милость, как это могло случиться? Я оставил тебя на сухом месте, а нашёл посреди единственной на тысячу километров вокруг лужи!

Лужа была мелкая, да ведь попробуй не забрызгайся... Мне хорошо, я не вижу, что делают брызги на брюках, а зрячие очень остерегаются.

Одним из лучших в моей жизни «сашеводителей» был мальчик Гриша Дашков, родной внук моего учителя Александра Ивановича Мещерякова. Гриша родился через четыре с половиной года после смерти деда. Когда мы с Гришей подружились, ему было двенадцать лет. И он очень увлёкся «сашевождением». Быстро научился всей нехитрой сигнализации, да ещё сам придумал несколько сигналов. Очень творчески подошёл к делу.

Он заинтересовался, что это за странный закон: чем больше стараешься спасти Сашу Суворова от лужи, тем вернее в неё заводишь. И решил попробовать вести прямо на лужу – что получится? Не всегда, но я через лужу перешагивал. Обратный закон работал, хоть и не железно, так процентов на пятьдесят.

Гриша был «сашеводителем» высочайшего класса. Я доверялся ему настолько, что под его охраной спокойно выходил за территорию лагеря босиком. На дороге всего хватало – битых стёкол, острых камешков... Но я ни разу не порезался. Гриша замечал все опасные предметы и проводил меня мимо них.

Я мог подсказать Грише только три сигнала. Я их всем подсказываю, и взрослым и ребятам, кому приходится меня водить.

Сигнал первый – «ступенька вверх»... Да, я забыл сказать, что провожатый мой обычно слева, в свободном контакте с кистью моей левой руки... Так вот. Перед самой ступенькой, так чтобы мне осталось сделать шаг, и я поставил бы ногу на неё, надо сделать резкое движение вверх. Резко поднять руку, которой касается моя рука. В ответ я почти мгновенно поднимаю ногу. Поэтому, если дать сигнал слишком рано, я могу споткнуться на ровном месте.

Сигнал «ступенька вниз» – наоборот. Руку надо резко опустить, когда я уже на краю этой ступеньки.

На лестнице достаточно предупредить о первой ступеньке, а дальше я буду подниматься или спускаться без всяких сигналов. Остальные ступеньки я просто замечу уже сам – тростью. Если есть перила, лучше положить мою левую руку на перила и пустить меня одного. Так безопаснее. Суесться и паниковать на лестнице – верный способ меня уронить. Со всеми вытекающими отсюда последствиями в виде травм различной тяжести.

На перила лучше класть именно левую руку, потому что в правой трость. И переключивать её из руки в руку нежелательно – если привык щупать дорогу тростью в правой руке, то левой будет сложнее...

На лестнице ни в коем случае нельзя маневрировать. Только спускаться или подниматься. Только вперёд. Ни шагу в сторону. У меня плохое равновесие, и если ступеньки не точно передо мной, могу упасть и покалечиться. Подниматься можно и посередине лестницы, а вот спускаться лучше по краю. Если я не чувствую края лестницы тростью или не держусь за перила, у меня при спуске может закружиться голова. Потому что я чувствую себя неуверенно.

Контакт между мной и провожатым должен быть свободным, гибким. Поэтому я сразу вырываюсь, когда меня берут за локоть. Или когда засовывают мою руку к себе под локоть, крепко прижимая её локтем к боку. Это сковывает мои движения. Споткнусь – некуда качнуться, трудно переступить с ноги на ногу, чтобы сохранить равновесие. Ну и

шлёпаешься в итоге... Поэтому надо свободно, без нажима, расслабленно, держать меня за левую кисть. Гриша просто всовывал ладошку в мою ладонь. И просил, чтобы я его ладошку сжал покрепче. Не он мою, а наоборот. И правильно. Споткнусь – качнусь, переступлю, восстановлю равновесие. И как ни в чём не бывало топаю дальше. Когда мы касаемся только кистями рук, я могу в любой момент отступить от провожатого на расстояние вытянутой руки. Мне нужна свобода движений на таком расстоянии. Так безопаснее. Лишать меня такой свободы, сковывая мои движения – значит во много раз повышать риск падения и травмы. Когда ведёте слепого, не прижимайтесь к нему – вы ему мешаете. Особенно если у него не только глаза, но и ноги не здоровы.

Ещё я показал Грише сигнал «перешагнуть». Это если порог или что-нибудь в том же роде, – палка, труба, – надо моей рукой сделать плавное движение сначала вверх, потом вниз. Рука описывает дугу, вроде бы мостик. И я понимаю, что надо перешагнуть. Сразу же поднимаю ногу и ставлю её по ту сторону порога. Это если сигнал дали прямо перед порогом. А если раньше – спотыкаюсь на ровном месте. Потому что ногу поднимаю сразу после сигнала.

Вот и вся премудрость, которой я мог научить Гришу. Остальное он придумал сам.

Гриша придумал сигнал «Закрой глаза». Это если впереди мелкие ветки. Чтобы не надо было им слишком низко кланяться. Гриша сжимал все пальчики в кулачок, а большой палец просовывал между средним и безымянным пальцами. Справа и слева от большого пальца – по два других. Вариант фиги. Но это значит: большой палец – нос, а остальные пальцы – глаза. Когда пальцы вот так сжаты, это и есть сигнал – закрыть глаза. И пока Гриша держит пальцы сжатыми, я должен держать глаза закрытыми.

Но вот опасность позади. Гриша резко, вспышкой, выпрямляет и растопыривает все пять пальцев. Это – сигнал: «можно открыть глаза».

А если дорога неровная, всякие мелкие неровности, а не ступеньки?

Гриша в таких случаях начинал быстро поднимать и опускать руку, как если бы я трясся на неровностях в телеге. Я сразу настораживался, сосредотачивал внимание, начинал идти осторожнее, поднимая ноги повыше, чтобы не подвернуть ногу на маленькой неровности. Такие маленькие неровности этим и страшны – мои косолапые ноги на них запросто подворачиваются и потом долго болят: растяжение связок. А если дать сигнал, что впереди неровно – я буду осторожнее сам, и мы пройдем это место благополучно. Гриша «дрожал» своей рукой до тех пор, пока избитый асфальт или просто гравиевая дорожка не кончались. Когда он переставал вибрировать – поднимать и опускать руку, – это значило, что дальше ровно.

Мы дружили с Гришей летом, в пионерских лагерях, но он всё-таки думал и о том, как бы водил меня зимой. И придумал сигнал – «скользко». Ладонь раскрыта, все пальцы сжаты вместе. Ладонь повёрнута вниз, пальцами вперёд, горизонтально. И надо сделать не резкое, плавное движение над поверхностью земли – как будто ладонь скользит. Ну, погладьте ладонью крышку стола, и будет то, что нужно. Это и есть сигнал – «скользко». И нашлось-таки место и летом, где этот сигнал пригодился! Кафельный пол в умывальнике, забрызганный водой. Мокрый кафель очень скользкий.

А если впереди машина и надо свернуть на обочину дороги? Гриша делал своей рукой, которую по его просьбе сжимала моя, такое движение, как будто поворачивает руль. Влево,

вправо... И тянет меня в сторону. Я не удивляюсь внезапному повороту: всё понятно по «рулившей» только что руке. А то с другими сплошь да рядом: неожиданно тянут в сторону, я упираюсь: «Куда?!» А они уже потом дактильно объясняют, что была машина. Лучше секунду «порулить», как только заметили машину, и всё понятно, и я безропотно сворачиваю на обочину. Всякие необъяснённые неожиданности меня лично пугают. А объяснять нет времени. Тут-то и выручает сигнализация.

Одна моя слепоглохая знакомая рассказывала, как вошла однажды в какое-то учреждение с учительницей. Женщина десятки лет работала со слепоглохими, но водить их, как ни странно, не умела. Подумаешь – премудрость: за руку за собой вести, как козу на верёвочке! А тут, в вестибюле учреждения, несколько ступенек вверх. Завидев такое препятствие, учительница запаниковала:

– Впереди ступеньки! Осторожно! Ступеньки! Три, нет, четыре сту...

Девочка благополучно грохнулась на этих ступеньках, разбив и сильно ушибив колени.

А чего бы проще – не тратя времени на болтовню и суету, резко поднять руку перед ступенькой! И всё. Дальше человек сам о себе заботится. И обходится без болячек и ушибов. Надо только не забыть ещё одну «мелочь»: перед ступенькой притормозить. Не остановиться, а пойти помедленнее. Это тоже сигнал – впереди какое-то препятствие. А потом – руку кверху: сигнал о ступеньке. И всё нормально...

А если вы не доверяете слепому человеку, что он по вашему сигналу справится со всеми трудностями сам, – попробуйте взять его на ручки и перенести через препятствие. Только... Лично я – стопудовый урожай: ни удержать меня, когда уже падаю, ни взять на ручки... Остаётся одно – довериться мне. Тому, что я сам себе тоже не враг. Дать сигнал, предупредить, о чём только можно, а дальше... сам. Собственными ножками и ручками.

Поэтому – ни в коем случае не хвататься за ориентировочную трость – есть такая у слепых. Они держат её перед собой для ориентировки – чтобы ощупывать дорогу перед собой. Трости эти бывают складные, бывают цельные. Но ни на те, ни на другие нельзя опираться. Они только для ориентировки. Для опоры – слабые. Сразу погнутся или сломаются...

Многие люди хотят помочь, но не знают, как. Я выхожу из электрички, а не в меру услужливый на платформе хватает мою руку с тростью. Мне надо ощупать платформу, чтобы знать, насколько она низкая или высокая, насколько вровень с полом электрички. И насколько далеко от электрички, какой ширины сделать мне шаг, чтобы не рухнуть под платформу. А руку схватили и держат, как клещами. Что делать? Деликатничать? Себе дороже: не делать же шаг в полную неизвестность. Услужливый-то дурак видит, где платформа, а я нет... Мне надо коснуться её тростью. А времени нет, электричка стоит мало.

– Отпустите!

Хорошо, если послушается. А если нет? Он же обалдел: хотел помочь, а тут просят отпустить. И ещё судорожнее вцепляется в руку.

Мне не до шуток. Шагать в неизвестность – может быть, между платформой и электричкой, – я не могу. И я вынужден драться. Изо всех сил бить по глупо-услужливой руке. Чтобы освободить свою руку с тростью и посмотреть – пощупать – где платформа, далеко ли от электрички, очень ли низко.

Хотите помочь? В самом деле помочь? Не помешать? Беритесь только за свободную от трости руку! Ни в коем случае не лишайте меня доступного минимума самостоятельности! Помните, что всех моих проблем вы за меня всё равно не решите.

Мне нужна ваша помощь. Но помощь – это когда действуют вместе. Провожатый даёт сигнал о препятствии, а в остальном полагается на меня. Помощь – это когда рассчитывают на активность того, кому помогают. А если всё сами, без меня, вместо меня, – это не помощь.

Это сверхопека.

И ничего не пытайтесь показывать мне моей тростью. Вы просто не умеете с тростью обращаться.

Как-то я ходил один в магазин. Купил, что надо, и хочу вернуться домой. А там дорога с автомобильным движением, не очень сильным, но всё же. Я попросил прохожих перевести меня через неё.

Но рядом проходит ещё и железная дорога. Через неё мне не надо. А мои помощники решили, что меня надо перевести именно через железную дорогу. Повели. Вот и рельсы. Никаких мостков в этом месте нет, через рельсы надо перешагивать. И... Хватаются за мою трость. Да с такой силой бьют ею по рельсам, чтобы показать мне это препятствие, что я пугаюсь – трость вот-вот сломается.

Сначала я принимаю эти рельсы за бордюр тротуара. Но... почему такой высокий? Да и откуда он тут взялся? На нужной мне дороге ничего подобного нет!

Я прошу отпустить мою трость, и сам обстукиваю рельсу. Всё понятно. Спасибо за доброту, но вы меня завели не туда. Мне вовсе не через железную дорогу, а через автомобильную, на ту дорожку, что как раз идёт вдоль железной.

Меня вывели куда надо. И дальше я пошёл сам. Но я запомнил, как зрячий помощник дубасил по рельсе моей тростью. Я-то касаюсь очень легко, чуть-чуть. Вот когда я понял, что зрячие не умеют обращаться с ориентировочной тростью. Да и откуда им уметь... Не дай им бог ослепнуть и научиться.

Просто: если в руке трость – не трогайте эту руку, вот и всё.

Поверьте, что я, слепой с детства, лучше вас знаю, как мне действовать и этой рукой, и этой тростью. Руками и глазами смотрят по-разному.

Поймите это!

В первой части я рассказывал, помнится, про свисток. Лучше свистеть на вокзале, чем позволить сбить себя с ног. Но свист – это очень сильное средство. Люди очумело шарахаются в разные стороны. Да и мой сопровождающий страдает. Зажимает себе уши, нервничает, ругается. Моя мама, например, так за всю жизнь и не привыкла к моим свисткам. Я свистну в толкучке – она меня шлёпает ладошкой, куда придётся. Что делать?

Мой друг, Владимир Викторович Богуславский, подсказал: надо всё время постукивать тростью по дорожке перед собой. По асфальту там или по кафелю. Услышат. Обойдут. Это деликатнее, чем свистеть, а тоже помогает. Я не поверил. Проверили вместе. Владимир Викторович оказался прав. Если только... если только он не кричал прохожим, чтобы они расступались. Откуда я знаю. Не слышу ведь. «Чистый» опыт надо бы поставить, когда я

совсем один.

Но вот в чём я уверен, так это в том, что зрячие могут не смотреть под ноги, а вверх смотрят всегда. Когда моя трость была внизу, мне её ломали не раз. Она попадала под ноги прохожим. Но вот на вокзале, зная, что впереди нет ступенек (и если, конечно, иду не один), я решаюсь поднять свою трость повыше. Держу её за ручку, а наконечник – высоко над моей головой. Иду со своим провожатым и покачиваю тростью, как если бы нёс флаг или знамя. Ни разу не было, чтобы в такой момент задела, толкнули. Поднятую трость видят. Беда только в том, что в электричку так не зайдёшь. И окажись на дороге лестница – тут и гроб. А так поднятая трость помогает не хуже свистка...

Нет, ну её, деликатность, куда подальше. В толкучке на вокзале, в метро деликатность просто неуместна. Все толкаются, все летят как сумасшедшие, никто ни на кого не обращает внимания... Лучше свистеть.

Пускай принимают за кого угодно – лишь бы кости были целы.

Их уши? Подумаешь! Вздохнут, повернут голову на неожиданный звук. И хорошо, пусть посмотрят, кто идёт.

Примут за пьяного? За сумасшедшего? Ну и что? Это их проблемы – за кого они там меня принимают. А мне в толпе важно только одно – уцелеть... Я их не знаю, они меня не знают – что мне за дело, за кого они меня принимают? Дай бог разойтись благополучно.

Нигде, ни при каких обстоятельствах не надо лишней суеты. Нет ничего опаснее.

Садимся в электричку. Не тяните за руку! Положите мою руку на поручень рядом с дверью, на ребро двери. И дальше я зайду сам. Засуну трость между платформой и электричкой. Покачаю, чтобы узнать ширину щели. Перешагну. И только после этого, когда я уже в вагоне, мне снова понадобится ваша помощь.

То же самое – автобус, или троллейбус, или трамвай. Там между раздвигающимися дверями обычно есть поручень. Если нет, то есть ручка прямо на дверях. Положите мою свободную от трости руку на поручень или ручку. Дальше я сам. И уже в автобусе, троллейбусе или трамвае мне снова понадобится ваша помощь – чтобы сесть... Увы, стоять в транспорте я не могу – из-за плохого равновесия.

А как сесть в легковую машину и при этом не удариться головой об её крышу? Совет на этот случай я прочитал в одной книжке – руководстве по ориентировке слепых. Там предлагают открыть дверцу легкового автомобиля, положить свободную от трости руку на верх этой дверцы и садиться в машину, держась за этот верх. Прочитав этот совет, я так и начал делать. И с тех пор ни разу не ушибся, а до этого – много раз. Надоело шишки считать.

Заходить со мной на эскалатор с разбегу не стоит. От неожиданности это может кончиться очень плохо. Эскалатор ведь, если грохнуться на нём, может сработать как мясорубка... Если наконечник моей трости попал между концом эскалатора и полом, то трость после этого приходилось покупать новую.

Перед эскалатором надо затормозить. Мою свободную от трости руку – всегда левую – надо положить на металлические поручни перед эскалатором. Потом я уже сам найду перила эскалатора, зайду на него и передвинусь на правую сторону.

Сразу заходить туда – на правую сторону – не могу: трость в правой руке. Переложить в левую? Нет. Я привык держать её только в правой руке, а в левой – всё равно что без трости. Правая рука грамотная, а левая нет. Левую надо обучать грамотному обращению с тростью отдельно. Вот почему я всегда по лестнице хожу с левой стороны, хоть и против правил движения. Зато левой рукой держусь за перила, а правой подстраховываюсь тростью.

А если нет металлических поручней перед эскалатором? Тогда мне надо показать перила эскалатора. Положить мою левую руку на них, пока сам я ещё не на эскалаторе. Я сам зайду на эту «лестницу-чудесницу» и передвинусь на правую сторону. Только утвердившись на ступеньке эскалатора, я могу безнаказанно переложить трость в левую руку, а правую положить на правые перила.

У ориентировочной трости слепого – свои стандарты. В любом руководстве по ориентировке слепых вы прочитаете, что эти трости должны быть обязательно светлыми. Все оттенки белого цвета. Белая трость – одна из эмблем слепых.

При переходе через дорогу с большим движением автотранспорта белую трость надо поднимать. Не над головой, как я делаю на вокзале, а перед собой, наконечником вперёд, на уровне своей головы. Как шлагбаум. Это сигнал для машин – идёт слепой. Такой же сигнал, как красный свет светофора.

ГЛАВА 7. СКОЛЬКО СТОИТ?

Хорошо, если все товары можно потрогать. А если они под стеклом?

– Что ты хочешь купить?

– А что тут есть?

Надо рассказать, какие товары на витрине. Перечислить. Я должен выбрать сам.

– Постой тут, я куплю...

– Нет, пойдём вместе.

– Ты мне не доверяешь?

– Ну причём тут это! Просто, во-первых, скучно ждать. Во-вторых, надо же мне самому выбрать и посмотреть товар. В-третьих, с моим правом внеочередного обслуживания будет быстрее.

– Ну хорошо, пойдём...

Опекать легче, чем помогать. Помощь предполагает мою активность, а опека – нет. Помощь уважает моё человеческое достоинство, потому что признаёт моё право самостоятельно решать. Опека – унижает, потому что решения принимаются без меня.

На западе принцип помощи даже закреплён законодательно. Когда я был в Америке, я должен был участвовать во всех обсуждениях инвалидных проблем. На этом настаивали сами американцы.

Но мне переводили не всегда. Присутствовать «для мебели» – последнее дело. И я просил разрешения позаниматься своими делами в соседней комнате (например, почитать). Американцы возражали: по их законам, обсуждать проблемы инвалидов без самих инвалидов нельзя.

Но всё равно ведь получается без меня, потому что без перевода моё присутствие – чистая формальность. А на переводе всегда «экономили». Дома перед поездкой обещали переводить «по очереди», а на деле перевод сваливался на кого-то одного из делегации либо вообще не переводили.

Это было очень унижительно, и я как-то даже закатил истерику. Заперся в своей комнате изнутри. Пришлось вызывать полицию и взламывать дверь. После этого случая без перевода оставлять уже не решались или давали возможность уйти, не настаивали, чтобы я присутствовал «для мебели».

В магазине продавец обязан давать свой товар в руки слепому покупателю. Именно обязан. Иначе получается дискриминация (нарушение прав) слепого: все могут посмотреть и выбрать товар, а слепому не дают.

Как-то я хотел купить зажигалку. Продавщица не хотела давать её в руки. А я ведь должен выбрать зажигалку из нескольких типов, попробовать, как работает... Я настаивал, чтобы мне показали зажигалку. Продавщица отказывалась. Можно было плюнуть и уйти, купить в другом месте. Но я разозлился. Если я не смогу настоять на своём праве, продавщица эта будет так же издеваться и над другими слепыми покупателями, более беззащитными, чем я. Нет, её надо проучить. Я требовал показать мне товар, а продавщица угрожала позвать милицию. Мне того и надо было. Милиция заняла мою сторону. Человек с погонями показал мне свою зажигалку, точно такую же, как в киоске, и я купил. А продавщицу тут же пригласили в отделение милиции, где и оштрафовали за нарушение моих прав. Об этом рассказал мне мой сопровождающий, который разговаривал с милиционерами.

Однажды я устроил разгром в нотариальной конторе, где мне отказали в простейшем – заверить документы о том, что я ответственный съёмщик квартиры, в которой живу. Дескать, раз я слепой и глухой, я никак не могу быть ответственным съёмщиком, хотя это сущая правда. Я хотел поговорить с нотариусами-женщинами, убедить их, что слепоглухота не мешает мне осуществлять мои гражданские права. Но они разговаривать отказались разговаривать и убежали из кабинета. Взбешенный этим до последней степени, совершенно уже не владея собой, я перевернул им письменные столы со всеми бумагами. Пытаясь разбить окно, я вывел из строя сигнализацию. Тётки ждали на улице, пока меня утихомирят мои сопровождающие и сторож конторы. Я был болен, еле передвигался, мне делали обезболивающие уколы, и заверить бумаги надо было, чтобы с ними в другую организацию смогли поехать без меня. А тут...

Сторожу после моего визита пришлось самому походить в поликлинику на уколы – я как-то повредил ему ногу, когда он пытался меня вывести из конторы силой.

Это была ближайшая к моему дому нотариальная контора. В другую надо было ехать довольно далеко. А эти нотариалки отказывались обслуживать всех слепых подряд, которых в моём микрорайоне живёт много: рядом предприятие общества слепых и несколько домов, заселённых членами этого общества. Мне гордиться нечем, конечно. Я вёл себя безобразно. Но не настаивать на своих правах я тоже не мог. А уж в какой форме пришлось настаивать, зависело не столько от меня, сколько от того, как со мной обращались. Обращались по-хамски, вывели из себя...

Сторож на меня не обиделся, в душе он был на моей стороне. Когда он встретил в

поликлинике нас с братом, мы узнали и о поломке сигнализации, и о том, что этих нотариалок после učinённого мною разгрома уволили.

Не надо переживать из-за того, что ощупывание мною товара, видите ли, задерживает продавца. Это его работа. А если покупаем какой-то аппарат, – например, магнитофон, – его надо изучить на месте, проверить, как работает, всё ли есть в комплекте. Список того, что входит в комплект, всегда в инструкции. Там же и совет – не покупать, не проверив. Чтобы не пришлось тут же искать гарантийную мастерскую или менять аппарат в том же магазине. Лучше потратить время на спокойную проверку аппарата при покупке, чем терять в десять раз больше времени на ремонтно-обменную беготню. Тем более что один бегать по своим делам я не могу, надо всегда кого-то просить побегать со мной.

Было время, когда я жил один и должен был ходить по магазинам без сопровождения. Просить было некого. Только в самом магазине – покупателей, продавцов... Не всегда легко бывало растолковать им, как со мной разговаривать. Чего проще, казалось бы – писать зрячие печатные буквы во всю мою правую ладонь. Нет, далеко не до всех эта простота доходит.

Ну, а если дома ни крошки хлеба? А продавщица руку для разговора не даёт...

И я нагло заходил за прилавок. Потом шёл дальше, в складские помещения. Пока не находил кого-нибудь, кто вынужден был писать на моей ладони, чтобы вывести нарушителя (меня) с запретной территории. Я знал, что нарушаю правила. Я нарушал их нарочно. Как ещё заставить с собой разговаривать?..

ГЛАВА 8. КУПАТЬСЯ ЛУЧШЕ В МОРЕ, А НЕ В КОМПОТЕ

Если компот стоит сбоку от тарелки, я запросто могу задеть его рукой и опрокинуть на себя. Все жидкости должны быть за тарелкой. А если стол придвинут вплотную к стене, то у стены. Так легче найти жидкость на ощупь, не опрокинув.

Как показать, например, где тарелка с салатом? Довольно часто брали мою руку и... чуть не всей пятернёй совали в этот самый салат. Вам понравилось бы такое? Лично я в восторге никогда не был. Надо было коснуться моей рукой края тарелки с салатом. Или края бутерброда, не трогая масла. Словом, любую еду показывать лучше так, чтобы не пачкаться.

Для меня почти нет такой еды, которую «можно брать руками». Разве что хлеб... Дело просто в том, что для меня руки – это и глаза и уши. Они всегда должны быть по возможности чистыми. Поэтому ни курицу, ни крольчатину я в руки не беру. Поддеваю ложкой, поддерживая куском хлеба. В крайнем случае обёртываю салфеткой и тогда беру в руки. А голый рукой – ни-ни. Как тогда разговаривать?

Когда-то я читал книжки по этикету. Про то, как себя вести за столом и в других случаях. Так вот в этих книжках я вычитал, что, оказывается, специалисты не советуют вообще трогать пищу руками. Там тоже обсуждается злосчастная курица. С ней советуют расправляться именно с помощью салфетки. Или вилкой. Но не руками. Так гигиеничнее, чище. Я был рад, что специалисты по этикету в этом вопросе оказались на моей стороне.

Не знаю, как управляются с вилкой другие слепые, лично я с ней так и не подружился. Не получается. Всё с неё падает. Только сосиску, или сардельку, или оладьи, или гренки удобно

брать вилкой. А так на все случаи жизни – ложка. И ребята в лагерях всегда просят для меня ложку за ужином – вместо вилки.

Помните сказку про дружбу журавля и лисы? Как они друг друга угощали? Лиса угощала манной кашей. Размазала по тарелке и потчует. Сама слизывает манную кашу языком, а журавль тук-тук клювом – ничего не попадает. Журавль угощал лису крошкой. Кувшин был высокий и с узким горлом. Журавль туда легко попадает своим длинным клювом, знай себе таскает крошку, а лиса кружит возле кувшина, добраться до угощения не может.

Ну так вот. Я – лиса, а не журавль. Для меня вилка – тот же клюв, а ложка – язык. Тот мальчик, который пытался дактилировать ногами, всегда спрашивал:

– Что вам дать – язык или клюв?

– Конечно, язык!

С набитым ртом не очень-то выговоришь: «Спасибо!» Тут спасает жест глухих – кулаком любой руки коснуться сначала лба, потом подбородка. Сверху вниз. Я так часто благодарю. А тот мой десятилетний озорник в долгу не оставался: тут же своим кулачком касался моего подбородка, а потом моего лба. Снизу вверх. Я ему «спасибо» – сверху вниз, он мне «пожалуйста» – снизу вверх.

Ну, ему было можно так баловаться, он маленький. А вообще-то, когда вы имеете дело с глухими, прикасаться всегда лучше к себе, а не к собеседнику. К своему подбородку и своему лбу, к своему виску, к своей груди... А если прикасаться к собеседнику – можно заработать от него и оплеуху. Трогать лишний раз чужое тело невежливо, просто грубо иногда.

В школах взаимной человечности ребятам показывают и некоторые жесты. В свердловском областном Детском ордене милосердия эти занятия вела иногда Тамара Ивановна Кузнецова, председатель свердловского областного правления Всероссийского общества глухих. Я показывал ребятам разного рода специальные алфавиты. Но иногда вторгался и в сферу Тамары Ивановны. Показывал, например, как спросить жестом:

– Тебе куда не надо?

То есть вы, конечно, уже догадались, куда именно – «никуда».

Тамара Ивановна отчитывала меня:

– Я им это нарочно не показываю! Если я покажу им эти жесты, они запомнят только их, а все остальные забудут! Тоже мне, детский психолог, психологию детей не знаешь!

Ну, я всё же не думаю, что вы такие уж пошляки... День-два побалуется, да и надоест. Зато при случае сможете очень деликатно, незаметно, одним движением задать своему глухому приятелю никогда не лишней житейский вопрос.

Я вовсе не против, чтобы ребята немножко побаловались. Поэтому показываю им все варианты этого жеста, какие только знаю. А мне известно три.

Распространённый у русских глухих: указательный и средний пальцы вытянуты и прижаты друг к другу; остальные пальцы согнуты, большой придерживает согнутые безымянный и мизинец. И вот вытянутыми пальцами, ребром указательного, надо коснуться виска. Если вы

покажете указательным пальцем на своего глухого друга, а потом сделаете этот жест, он сразу поймёт ваш вопрос: «Хочешь в туалет?» И ответит либо «да», либо «нет». Буквально я перевёл бы этот жест как «кабинет задумчивости». Иначе непонятно, почему надо касаться именно виска...

В моей школе, где я учился, в Сергиево-Посадском реабилитационном центре слепоглухих, то же самое обозначается одной из букв дактильного алфавита – «У». Мне это привычно с детства. Когда я учу ребят дактильному алфавиту, эту букву называю «Коровой». Потому что большой палец и мизинец вытянуты и сильно оттопырены, а остальные сжаты. Получаются рога. И сразу же начинаю бодать своих учеников. Чтобы посмеялись – и лучше запомнили.

Но хоть эта «У» и привычна мне с детства как жест, обозначающий туалет, я иногда попадаю с этой буквой в смешные истории. Например, один мальчик, сестра которого училась в УРГУ – Уральском государственном университете, – спросил меня:

– Что вы делали в У?

Так получилось. Мальчик торопился и «проглотил» остальные буквы.

(Кстати, запомните: гнаться за скоростью никогда не надо. Дактильно, как и голосом, важно говорить не столько быстро, сколько разборчиво. Часто, к сожалению, гонятся за скоростью, а говорят неразборчиво. Приходится переспрашивать по нескольку раз, и получается не быстрее, а наоборот. Так, как и было в этой истории, которую сейчас рассказываю.)

– Ну что я мог там делать? Что вообще там делают? – в крайнем смущении забормотал я.

– Что вы делали в У? – повторил мальчик свой вопрос, давась от смеха.

– Ну, если тебе самому туда надо, беги. В чём дело-то...

– Что вы делали в У-Р-Г-У?

– Тьфу! Вот ты о чём. Лекцию один раз прочитал.

Ну, а третий жест из моего набора – американский. Мне его показали в Перкинс-скул, в школе Перкинса, в Бостоне. Это школа слепых, и в ней есть отделение для слепоглухих ребят. Там этот деликатный вопрос задают точно такой же фигурой, как наша русская фи́га... И в их дактильном алфавите эта же конструкция из пальцев означает букву «ти» – «Т».

ГЛАВА 9. РАЗРЕШИТЕ С ВАМИ ПОЗНАКОМИТЬСЯ

Это было в мае 1971 года, когда я готовился поступать в университет. Добрейший человек, одна из моих самых любимых учительниц, Алла Яковлевна Акшопина, познакомила меня со своей подругой – Анной Ивановной Чистяковой. Когда мы встретились во второй раз, я Анну Ивановну не узнал. Потому что я вообще никого не узнаю.

Это сказки, будто достаточно коснуться руки – и уже можешь сказать, кто перед тобой. Если, конечно, знакомы... Но тогда в эти сказки многие верили. И другие слепоглухие эту веру старались поддержать. Из самолюбия уверяли, что всегда всех узнают «по руке». На самом деле не всегда. Хотя всё же много чаще, чем это получается у меня. Не знаю, почему чаще...

Так вот. Анну Ивановну развеселило, что я её не узнал. И она предложила:

– Давай знакомиться второй раз!

С тех пор при каждой встрече она представлялась шутливой фразой:

– Разрешите с вами познако-омиться!

Нажим на «о» получался, видимо, потому, что именно в этот момент она не выдерживала – и начинала смеяться.

Мои друзья, которым почему-то не хочется называть при каждой встрече своё имя, выкручиваются, кто как может. Предлагают узнавать по перстню. Или по браслету. Или даже по лысине – кладут мою руку на гладкую макушку. Или изобретают какой-нибудь отличающий их жест.

Например, одна женщина, когда ко мне подходит, уже чисто автоматически, по привычке, первым делом тянет мою левую руку куда-то глубоко вниз. Как будто кланяется. Так делает только она одна. И тут уж не может быть ошибки. Я знаю, кто это.

В первый лагерный день часто бывают головные боли. Обычное дело у городского жителя, попавшего в сельскую местность, в которой действительно чистый воздух. Как-то я попросил мальчика положить ладони ко мне на макушку, немного поскрестись там пальцами, чтобы уменьшить головную боль. Мальчик выполнил мою просьбу. Но и свою проблему при этом решил: если я его не узнавал, тут же стремительным движением касался моей макушки и скрёб её пальцами. Больше никто так не делал. И меня сразу «осеняло», кто это.

Ну и так далее. Кто во что горазд.

Но это всё – про уже знакомых. А как знакомиться с новыми людьми? Особенно если ты один. Например, в поезде: там, откуда ты едешь, тебя посадили в поезд, а там, куда едешь, должны встретить. В дороге же ты один, то есть кругом незнакомые люди.

Я прошу тех, кто меня сажает в поезд, сразу объяснить попутчикам, что они могут писать печатные буквы пальцем у меня по правой ладони. И подбодрить сообщением, что я их легко пойму. Обязательно надо познакомить меня с проводником, а проводнику объяснить то же самое – как со мной разговаривать.

Можно сделать «Разговорную» записку примерно такого содержания:

«Я слепой и глухой. Мне нужна помощь. Возьмите, пожалуйста, мою правую руку. Пишите во всю ладонь печатные буквы. Писать можно пальцем или непишущим концом авторучки (карандаша). Я вас легко пойму».

Мне как-то перевели с английского языка и переписали по Брайлю небольшую статью о том, как оформлять записки слепоглухих, предназначенные для обращения за помощью к незнакомым людям. Дело в том, что такие записки в США и других странах печатают типографским способом, а потом просто раздают слепоглухим. Там есть и значки, на которых рельефными зрячими буквами пишется, что человек, к одежде которого приколот этот значок, слеп и глух. У нас, к сожалению, ничего подобного пока нет.

Так вот в той статье рассказывается об исследовании, когда записки печатались разными способами, разными шрифтами. А потом исследователи шли на улицу и, притворяясь слепоглухими, проверяли, какая записка быстрее подействует на прохожих.

Оказалось, что не всё равно, каким шрифтом напечатана записка. Если шрифт везде

одинаковый, записку могут вообще не взять и отказаться читать, как со мной и бывало не раз. А вот если главные слова подчёркнуты, выделены разными шрифтами, то человек первым делом невольно прочитает эти главные слова, а потом уже не сможет не прочесть и всё остальное. И ему труднее будет уйти, не оказав помощи.

Я не помню уже подробностей, давно читал ту статью... Тогда я только вздохнул – в моих условиях всё это было невозможно. На зрячей машинке можно было сделать только одно – напечатать главные слова большими буквами и подчеркнуть их. Но позже я смог на подаренном мне специальном компьютере набрать всё разными шрифтами, а потом напечатать на принтере...

Коммуникатор – это прибор для общения. Он представляет собой небольшой ящичек. С одной стороны ящичка – шесть клавиш брайлевской пишущей машинки (каждая клавиша – одна точка в шеститочии). За этими клавишами – параллельный алфавит, брайлевский и зрячий, а за ним – шеститочие, где высовываются нужные комбинации точек – брайлевские буквы. Ещё есть инструкция для тех, кто не знает брайлевского алфавита. Инструкция эта напечатана на дощечке, которую нужно выдвинуть из ящичка сбоку, снизу. Человек может заглядывать в эту подсказку и нажимать на нужные клавиши. Можно и проще: класть палец слепоглохого на нужную брайлевскую букву рядом с шеститочием. Напротив каждой брайлевской буквы есть зрячая.

Коммуникатор меня особенно выручал в общении со слепыми. Они чаще всего не знают зрячих букв. А если знают, то не умеют их писать на ладони. Нажимать на клавиши брайлевской машинки им проще. И мы можем разговаривать без переводчика...

Алфавитку я очень даже проверил на практике. Незнакомые люди ей доверяют. Правда, мне удобнее, чтобы мне писали на ладони печатные буквы. Поэтому я сначала показываю незнакомому человеку «свою» сторону алфавитки – где написано про слепоглохого. Потом переворачиваю алфавитку другой стороной, для слабовидящих, и говорю:

– Чем прыгать по болоту с кочки на кочку, с буквы на букву, лучше пишите во всю мою правую ладонь вот такие буквы. Я их легко понимаю. Так будет быстрее.

Эта алфавитка выручила меня тысячи раз. Раньше они продавались в специализированном магазине «Рассвет» по рублю за штуку, я покупал их десятками и давал ребятам в лагерях, чтобы они изучали по ним грамоту слепых. И даже возил за границу – как занятный сувенир...

Сейчас я использую «Разговорные плакаты». В Волгограде мой друг Ирина Маловичко распечатала для меня огромными заголовочными буквами в нескольких экземплярах текст... Полноформатные листы с этим текстом вложены в файл-конверты, а те заклеены скотчем, и к ним привязаны шнурки, чтобы можно было вешать на шею. В карман такое не засунешь, но я не из стеснительных. Могу нагло носить на шее и всё время. Чтобы я не затруднялся, с какой стороны текст, он напечатан с двух сторон. Какой стороной ни повешу плакат – можно прочитать. Вообще-то, в плакате два листа с текстом, а между ними проложен тонкий картон, чтобы плакат не мялся. Файл-конверт предохраняет бумагу от сырости на улице.

Эти плакаты выручают меня в поездах, а также когда выхожу один из дому.

Инвалидов надо учить самостоятельности. Они должны быть в состоянии сами решать все

свои проблемы, какие только можно по состоянию здоровья. (Сами, но не в одиночку, а с помощью добрых людей, при их участии!) И должны уметь обращаться за помощью к незнакомым людям. Иначе просто не выжить. Иначе одна дорога – в дом инвалидов.

Не надо причитать: «Я боюсь за тебя!» - и, причитая так, «запрещать» самостоятельность. Не пускать одного на улицу. Всё делать для инвалида без его участия. Короче – не надо опекать.

Надо помогать. И прежде всего в том, чтобы инвалид становился всё самостоятельнее. Выйдите с ним на улицу. Пусть он идёт сам, а вы идите чуть в сторонке и позади, наблюдая за ним. И только если он сам никак не справляется, подскажите, помогите, а дальше – опять сам.

К нему подойдёт случайный прохожий? Очень хорошо, пусть они попробуют понять друг друга. Пусть инвалид попробует обратиться к прохожему за помощью, объяснить, как можно разговаривать. А вы не спешите вмешиваться. Получилось – хорошо. Нет – подойдите и объясните всё сами. И помогите им всё-таки познакомиться.

Такую самостоятельность я называю «подконтрольной». Инвалид всё делает сам, или пробует делать сам, но под контролем, под наблюдением здорового друга.

А для вас такая подконтрольная самостоятельность инвалида – лучшая школа помощи ему. Помощи, а не опеки. Вы его не освобождаете ни от чего, что он может и должен делать сам. И не путаетесь у него под ногами, когда он действует самостоятельно. Вы только у него на подхвате – там, где он сам не справляется.

Перечитайте все советы в этой книжке. Не замечаете в них ничего общего? Нет? Или всё-таки заметили? Ну хорошо, сам скажу. О чём бы ни шла речь – о том, как водить слепого, как сажать его на транспорт, как помогать ему в магазине, или за столом, – везде есть общее, везде одно и то же. Это одно и то же – совет быть на подхвате, не подменять своей суетой, не подавлять активность инвалида. Положили руку слепого на перила – и всё, дальше он лучше справится один. Положили его руку на поручень между дверей автобуса, троллейбуса или трамвая – и дальше он сам туда зайдёт. И на эскалатор сам, только покажите начало эскалатора. И вещь, которую собирается купить, сам ощупает, а вы только терпеливо отвечайте на его вопросы. Не забегайте вперёд, то есть не будьте слишком услужливы. Пусть впереди будет он. А вы – на подхвате. Это и есть помощь, в отличие от опеки.

Помощь предполагает сотрудничество – разделение трудностей. С сильными я сам справлюсь. С слабыми – вы мне поможете справиться.

А опека предполагает полное освобождение от любых трудностей. Опекун, если бы можно было, и дышал бы, и жевал бы, и переваривал бы пищу вместо меня.

Это катастрофа и преступление. Нельзя жить за другого! Надо жить только вместе с другими людьми.

Когда хорошо умеют жить вместе, главным способом общения становится взаимопомощь. Чем я самостоятельнее, чем больше трудностей мне по силам, тем в большем я могу помочь вам, а не только вы мне. И мы становимся настоящими друзьями, а не один – объектом жалости другого. Мы становимся друг для друга людьми.

ГЛАВА 10. ИМЕТЬ ЛИЦО, А НЕ ЛИЧИНУ

Мы становимся друг для друга людьми. А что это значит – быть людьми? Всегда ли мы и

вправду люди? Нет, не всегда. Мы вправду люди только тогда, когда человечны.

А что такое человечность? Ну вот. Приехали. На этот вопрос я пытаюсь ответить всей этой книжкой. И не только этой. Я всю жизнь ищу на него ответ. И кое до чего доискался.

Пора нам заканчивать нашу беседу. Сделать это лучше всего некоторыми тезисами о человечности, и в них подвести черту под всем сказанным в этой книжке. А на то, чего сказать не удалось, попытаться намекнуть.

О человечности всё равно всего не скажешь. Не только в такой маленькой книжке, как эта, но и в самой длинной и премудрой.

Тезисы – это очень кратко. Это самое главное – о том, о чём можно говорить долго. Тезисы – это главное в нескольких пунктах. Итак:

1. Человечность – это то, чем человек отличается от животных. То, что делает человека человеком.
2. Рождаемся мы животными, а людьми становимся. Иными словами, всю жизнь учимся быть (на худой конец, притворяться) человечными.
3. Я согласен, что человек произошёл от обезьяны. Потому что он кривляется перед всеми, особенно перед самим собой, ни дать ни взять как обезьяна.
4. Самое трудное – это быть самим собой. Не кривляться, не примерять бесчисленные маски, а иметь лицо.
5. Но лицо не должно быть неподвижным, как маска (личина). Лицо должно быть выразительным.
6. Лицо может выражать только человечность. Иначе оно перестаёт быть лицом, а становится личиной, в лучшем случае – гримасой.
7. Человечность – это умение отвечать за себя перед другими и всем остальным миром. Человечность – это умение отвечать за других перед своей совестью. Короче говоря, человечность – это умение любить.
8. Лицо – налицо только у того, кто умеет любить. Если не умеет, то кривляется.
9. Кривляться – значит быть рабом своих прихотей и капризов. Быть животным, воображая себя человеком.
10. Чтобы быть человеком, надо быть очень смелым, потому что самое трудное – это именно быть человеком. Трус не может быть человечным (любящим, добрым, ответственным). Трус может быть только нахальным.
11. Нахальство – это выпендрёж, назойливое зубоскальство, вызывающая поза, грубость. Нахальство – это попытка насмерть перепуганного животного напугать того, кого само же смертельно боится.

Не бойтесь быть людьми!

ПРИЛОЖЕНИЕ 5. КАК БЫ ИНТЕРВЬЮ

Алексей Максимович Горький в переписке с Ольгой Ивановной Скороходовой назвал слепоглухих «существами для эксперимента». Я никогда не имел ничего против этой почётной роли. «Испытуемый» и «подопытный кролик» – вовсе не одно и то же. Испытуемый – это добровольный участник эксперимента, а не лабораторное животное, которое кромсают и умерщвляют, не спрашивая его согласия. Ничего нет бесчеловечнее превращения человека в вещь, как писал Ильенков. Соответственно, ничего нет бесчеловечнее превращения человека в лабораторное животное – ту же «вещь». Но добровольное участие в эксперименте, хотя бы и в роли испытуемого, да ещё в психолого-педагогическом эксперименте, – совсем другое дело. Этим можно и нужно только гордиться.

Я и гордился. И всегда готов был участвовать в экспериментах по очеловечиванию. В том числе самоочеловечиванию. А уж в них я ни в коем случае не только испытуемый – это объективная данность, из-за слепоглухоты. В экспериментах по самоочеловечиванию я – самый главный экспериментатор.

И чем дальше жил, тем больше я совершенно сознательно превращал свою жизнь в эксперимент именно по самоочеловечиванию. Собственно, книга «Встреча вселенных, или Слепоглухие пришельцы в мире зрячеслышащих» – это по возможности полный отчёт об эксперименте по очеловечиванию, в котором мне посчастливилось участвовать, и по самоочеловечиванию, который я сам над собой поставил. Тем самым я попытался подвести итог научного подвига своих учителей, поскольку сами они сделать это не успели. Ну, заодно и свою жизнь подытожил.

Смыслом моего литературного (в том числе поэтического), теоретического, психолого-педагогического творчества стало объяснение зрячеслышащим того, чего они не понимают в слепоглухих. Выступая перед зрячеслышащими, в том числе и особенно в качестве преподавателя, я просил их спрашивать, и они обычно живо откликались на эту просьбу.

Как преподаватель, я должен был принимать у студентов и магистрантов зачёты и даже экзамены. Но, понимая их дикую учебную перегруженность, я не хотел ломать комедию «проверки знаний». Какие такие знания, откуда? Спасибо, если они находили время сколько-нибудь регулярно посещать мои занятия. Да и скучно, просто мучительно многократно выслушивать их наукообразные фантазии на заданную зачётно-экзаменационным билетом тему... Я плюнул на это дело и в академические часы, отведённые для принятия зачёта, решил всё перевернуть – всё-таки, полагаю, с головы на ноги, – и... самому сдавать зачёт своим слушателям в прощальной общей беседе, в которой они спрашивали, я всем сразу отвечал. К концу беседы мой названный сын и постоянный ассистент, Олег Игоревич Гуров, оформлял принятие зачёта/экзамена – всем по «отлично»! И – с Новым годом (или каким-нибудь другим ближайшим праздником).

При этом кое-что всё-таки проверялось, а именно интерес аудитории к моему предмету. В вопросах, правда, примерно наполовину проявлялся интерес к личности преподавателя, но считаю это вполне естественным и правильным: пока учёные, да простят они мне эту

шпильку, хлопают ушами, хоть студенты (слава богу, что не следователи) попытают вопросами «существо для эксперимента».

Удалось небольшую часть их вопросов зафиксировать в электронном виде. Частично книга «Встреча вселенных» содержит на них ответы, а на остальное я решил ответить в приложении.

Тематическая сортировка вопросов/ответов затянулась бы до морковкиного заговенья, поэтому отвечаю на вопросы в хронологическом порядке, с декабря 2013-го по апрель 2017 года.

* * *

1. Что вы помните из детства, когда еще видели и слышали?

Практическую слепоту на уровне светоощущения обнаружили на четвёртом году моей жизни. Слух резко упал в девятилетнем возрасте. Что мог запомнить трёхлетний ребёнок? А девятилетний получил хороший задел для дальнейшего развития личности: сохранную устную звуковую речь, любовь к чтению, любовь к музыке и неплохой запас мелодий и песен в памяти...

2. Почему вы начали курить?

Ну, не вдаваясь в подробности, курить я начал, потому что душили слёзы. Очень значимый человек не понял меня и не поверил, что я вообще не способен врать, а тем более ему, – и как раз обвинил меня во вранье.

Первый раз я бросил курить, воспользовавшись тем, что меня душил насморк и курить было просто противно. Через девять лет я позволил себе «одну» сигарету за компанию с сестрой и братом после довольно обильных застольных возлияний с ними – и снова удалось бросить только через шесть лет. Окончательно меня заставил бросить курить бронхит курильщика – душил кашель.

3. Какой досуг вам нравится?

С детства люблю гулять. Бродяжничать.

Когда меня взрослого водили друзья, они удивлялись, что меня никак не удаётся провести мимо лужи. Чем больше хлопчут, чтобы я не намочил репутацию собственных ног, тем точнее я попадал прямо в центр лужи, отчего – спасибочки! – страдала репутация и их ног.

Однажды папа под дождём, идя со мной из магазина, устроил потешный балет: скачет на левой ноге, потом на правой, пытаюсь отряхнуть свои брюки, а локтем меня, хохочущего, сердито толкает в бок: не брызгайся, шайтан!

Сейчас я уже почти отгулял своё своими ногами. Ходунки. Большое удовольствие, когда в коляске выгуливают. Иногда довозят до лесопарка «Лосиный остров». И даже пикник там устраиваем на берегу лесного озера.

Особенно виртуозно катает меня Олег. На ровной прямой дороге использует коляску в режиме самоката: разгонит, куда-то запрыгнет, и – где наша не пропадала, как ещё умудряется править. Суший аттракцион.

Люблю вспоминать, как 9 мая 2009 года мы с Олегом доехали на такси до музея под открытым небом, он меня там пофотографировал, ощупывающего скульптуры. Потом на коляске довёз до ближайшего кафе, пообедали. А потом – в парк Горького, через него в Нескучный сад, до смотровой площадки на Воробьёвых горах. Там-то впервые сынок и превратил коляску в самокат. Поднял меня по склону от берега Москва-реки до входа в метро «Воробьёвы горы», остановился, приложил мою руку к своему сердцу, бешено колотящемуся.

– Качалка ты моя, – ласково сказал он мне однажды, имея в виду, что катание меня в Коляске «качает» его мускулатуру. Ему после таких «тренировок» легче в горах.

Отдышался – и повёз меня дальше, к смотровой.

До салюта было ещё далеко. Однако народу набралось уже порядочно, меня не пустили к ограждению, где я только и мог что-либо увидеть. А так до меня доносились только залпы.

Ну, я не пожалел. Сынок, как обезьянка, вскочил на ручки коляски, за которые ею управляют, и начал с верхотуры всем на зависть фотографировать салют у всех над головами. Как только держался? А уж восторг!!! Ничего не надо, только чувствовать Олежкин восторг.

После салюта Олег ушёл искать воду – мы оба очень хотели пить. Я, чтобы не скучать, достал из сумки губную гармошку, заиграл. А когда Олег вернулся, и я сунул гармошку убирать – сумка оказалась полна мелочи. И металлической, и бумажных купюр. Олег, когда мы рассказываем о той прогулке, уверяет, что моего «гонорара» хватило на такси до дому.

В молодости немного увлекался настольными играми. Шашки, шахматы, домино. Даже играл в самодельные рельефные карты, с брайлевскими схематичными рисунками и цифрами. Вокруг меня зрячеслышащие дулись в подкидного дурака, мне стало любопытно, и я с их помощью смастерил из брайлевской бумаги колоду рельефных карт. Сейчас совершенно не помню правил карточных игр, которым они меня научили. Азартных среди них не было. А если были – мы играли просто так.

А чтение, прослушивание музыки – это не столько досуг, сколько духовный труд. Работа личности – и рост личности.

Настольные игры в прошлом, разве что с детьми изредка в лагерях. А чтение и музыка – до конца жизни. Я без них никогда не смогу.

4. Как много времени вам нужно, чтобы привыкнуть к человеку и начать ему доверять?

Может быть, благодаря моей маме, я доверчив изначально. Проблема, вообще-то, в том, чтобы обмануть моё доверие, а не заслужить его.

Другое дело, что доверие моё дозированное. Я никогда не считал себя обязанным каждому встречному-поперечному верить на все сто процентов. Как и не верить на те же сто, шарахаясь на всякий случай. Обычно – смотря в чём. И границы доверию ставит опыт общения. Зато, если возникают какие-то «непонятки», я не шарахаюсь в обратную крайность – к недоверию абсолютно ни в чём. Опять же – смотря в чём.

Диалектический подход к доверию. Запоминаю отрицательный опыт и стараюсь его избегать, продолжая общаться в пределах опыта положительного. Запоминаю. То есть я очень внимателен на всё – и на хорошее, и на плохое. Стараюсь ничего не забывать.

А что касается христианского прощения... Я диалектик. Обе противоположности всегда держу во внимании вместе, одновременно. Жизнь и смерть, например. Противоположность прощению – осуждение. А мы не на суде. Кто я такой, чтобы судить? Прощать или осуждать? Ни прощать, ни осуждать. Сужу разве что себя. Помнить. Фиксировать в памяти результаты эксперимента. И учитывать их в общении.

5. Кто лучше, по вашему мнению, подходит для работы со слепоглухими – мужчины или женщины?

Настоящие люди – обоего пола. Человечные, ответственные, любящие, понимающие. Словом, люди, которым удаётся в своих поступках чаще – или даже как правило – оправдывать звание и название Человека.

Лучше – хорошие люди.

6. Как следует вести себя родителям, если их ребёнок – слепоглухой?

Как и всем родителям – любить своих детей таких, как есть. И делать всё возможное и невозможное для их личностного роста в наличной ситуации.

Ни в коем случае не жертвовать развитием личности – чему бы то ни было, даже лечению. Неизвестно, удастся вылечить или нет, а упускать время для учёбы нельзя ни в коем случае. На исцеление надеяться, а росту личности способствовать немедленно, при каждой подвернувшейся возможности, не упуская ни единого шанса, – в наличной ситуации. Если удастся вылечить, всё, чему уже успели научиться – впрок. А вот если прохлопали ушами личностный рост, бегая по врачам – не вернёшь.

7. Что вам кажется самым приятным на ощупь?

Многое. Пушистое. Мягкое. Тёплое. Приятно прохладное, то есть не ледяное. Гладкое. Нежное, как детская кожа. Вода – тёплая, прохладная... Ветер – такой же. А ещё пощупать можно спокойную, надёжную, улыбчивую доброту. И это, пожалуй, самое-самое.

8. Как слепоглохому настраивать речь? (Имеется в виду громкость.)

О, это не просто. Когда-то в нашей общей молодости Борис Михайлович Бим-Бад удивился:

– Ну скажи на милость, как это получается: когда вокруг шумно – ты еле шепчешь, а когда тихо – у тебя прорезываются такие мощные динамики...

Я задумался.

– Видимо, дело в том, что у меня всё же есть какой-никакой остаточный слух. И не слыша, вернее, может быть, не осознавая окружающий шум, я тем не менее к нему прислушиваюсь. А когда мы к чему-то прислушиваемся, мы невольно понижаем свой голос – верно? Ну, а когда тихо, прислушиваться не к чему, кроме вибрации собственных «динамиков», вот и начинаю орать, сам того не замечая.

Борис Михайлович со мной согласился.

Сынок безуспешно пытается «настраивать» громкость моих «динамиков», сигнализируя: опускает мою руку – потише, поднимает – погромче. Однако «настройка» не очень-то работает.

Скороходова, как рассказывал мне Ильенков, во время выступлений прикладывала руку к горлу, чтобы через его вибрацию регулировать громкость и разборчивость речи. Я тоже так иногда делаю. Публика в панике: не болит ли у меня сердце?

Самый надёжный способ – это включить слуховой аппарат, чтобы слышать себя самого. Тогда я слышу уличный шум, в том числе свой голос, и говорю погромче. А когда тихо – я, прислушиваясь через аппараты к собственному голосу, могу говорить потише. Но я за всю жизнь так и не приучил себя к постоянному ношению слуховых аппаратов – ушные проходы вскоре начинают невыносимо чесаться, воспаляться и болеть. Даже кровоточить, покрываться язвами. Когда-то я даже вынужден был лечить их синтомициновой мазью.

9. Есть ли кто-то из домашних животных?

Я люблю животных, особенно пушистых, но за них надо отвечать, ухаживать... Не говоря уже о том, что слепоглохому это сложно, я до сих пор, даже в коляске, веду благодаря фонду «Со-единение» и Олегу весьма подвижный образ жизни. А оставлять животных не с кем. Как-то я пошутил, назвав на лекции «домашним животным» собственного брата, всюду меня сопровождавшего. Тот надулся, как мышь на крупу, и тут же под общий хохот заехал мне «по шей-и-и». Теперь я склонен присваивать почётный титул «домашнего животного» себе самому. За мной ухаживают, нянчат мою старость...

10. Как вы относитесь к инклюзивному образованию?

Вообще-то об этом достаточно сказано в основном тексте «Встречи вселенных», но ввиду болезненности этой темы коротко резюмирую: отношусь крайне осторожно. Ни в коем случае не навязывать всем, строго индивидуально.

Я за личностную, внеучебную инклюзию, которую по-русски называю совместной педагогией. При обязательном сохранении других форм оказания образовательных услуг. В коррекционных школах, в том числе интернатах. Дома – под руководством губернаторов.

Интеграция в общество – стратегическая задача, но и образование – тоже. Цель образования – прежде всего чему-то научить, подготовить к получению профессии, дать профессию. И если уж непременно настаивать на инклюзивном образовании, то дополнительном, в соответствующих внешкольных учреждениях типа дворцов и домов детского и юношеского творчества. Там ему самое место, потому что меньше обязательности и больше индивидуализации, чем в массовой школе.

В конечном итоге любое образование – и общее среднее, «массовое», и коррекционное, и дополнительное, – работает на интеграцию, пусть отсроченную. Но я категорически против того, чтобы жертвовать образованием, учёбой ради «инклюзии».

Да главный вопрос ещё, как сложатся отношения между инвалидами и здоровыми в классе. Я сам имею горчайший многолетний опыт изгойства и не приветствую шапкозакидательства энтузиастов «инклюзивного образования».

Разделяй и властвуй. Решай задачу интеграции в общество на путях личностной, внеучебной инклюзии, не мешая учёбе, лучший вариант которой – строго индивидуальный.

11. Почему вы решили заниматься научной деятельностью?

Это она решила мною заниматься, я не виноват.

Как писал Ильенков в статье «Откуда берётся ум?», вся четвёрка, не только я, «решила» посвятить себя психологии в благодарность за то, что психология открыла перед нами, ещё детьми, перспективы личностного роста.

На самом деле просто было невозможно, не было таких ресурсов, чтобы обеспечить наше обучение одновременно в нескольких вузах. Сергей Сироткин поступил на факультет философии, но первую же зимнюю сессию сдавал на психфаке. Я тоже мечтал о философии, либо филологии, а больше всего – о Литературном институте имени Горького, и весь первый курс проучился на психфаке на правах стажёра, сдав вступительные экзамены в ходе первой летней сессии и поступив сразу на второй курс.

То есть я больше всех брыкался, сопротивлялся психологическому выбору, «настоящей психологией» провозглашал художественную литературу, потому что уверен был, что

психология – это же про чувства. Так что уж кого-кого, а меня точно выбрала психология, не наоборот. Я её выбрал попозже, увлѣкшись психологией воображения, по которой мне, как действующему поэту, предложили писать курсовые, а затем диплом. Ещё я попался на своём чувстве красоты: очаровался теоретической красотой диалектики детского развития в периодизациях Л.С. Выготского, Д.Б. Эльконина и других. Все эти увлечения и стали приоритетными в последующей моей научной деятельности. Так что психология меня соблазнила, как опытная девушка наивного мальчика.

Когда мы появились на психфаке в сентябре 1971 года, мне на лестничной площадке между первым и вторым этажами показали (дали пощупать) и рассказали плакат: изо рта парня выползает ленточка с вопросом-предложением: «Общнѣмся?» А изо рта девушки – смущѣнное: «Люди же вокруг...» И под всем этим чья-то приписка: «Общайтесь, но не обобщайтесь!»

У нас с психологией диалог получился несколько другой. Это психология предлагала мне «общнуться», а я бурчал, что художественная литература более привлекательная дама. В итоге мы с культурно-исторической психологией (именно с ней, ни с какой другой) не только «общнулись»-таки, но и «обобщились» на всю жизнь, и на сегодня главный плод этого «обобщения» – эта книга.

Да и вся моя жизнь подталкивала к этому «обобщению». Единственным адекватным подходом к жизни меня, слепоглохого пришельца, в мире зрячеслышащих – оказался исследовательский подход. Я вынужден был поставить над собой эксперимент по самоочеловечиванию, не было для меня другого выхода, потому что никаких «ценностей» я чуть ли не с детства на веру, без проверки, принимать не мог, отказывался. Категорически не хотел быть «как все». Ну с какой стати? А коли так, коли во всѣм сомневаешься – всѣ исследуй и переисследуй заново. Заново обосновывай, например, необходимость вежливости, и бесчеловечность «правдобоя» – словесного мордобоя под предлогом «резания правды-матки в глаза».

12. Как появилось такое сотрудничество с Олегом?

Длинная история, с которой можно познакомиться на моём сайте

www.avsuvorov.ru в нашей общей книге «Философия процесса, или Педагогика «Тропы»».

Мы познакомились на рубеже сентября – октября 2001 года по электронной почте, за несколько дней до того, как ему стукнуло четырнадцать. По его настойчивому приглашению я приехал в мае 2002 года изучать педагогическую систему детской экологической экспедиции «Тропа», одним из наиболее активных членов которой он был. В мае мы решили, что в середине лета я приеду в горы, где экспедиция прокладывала тропы (отсюда и название организации). Так что я не только читал предоставленные мне в электронном виде материалы, но и пытался физически готовиться к походу в горы на крутых улицах, взбегающих на склоны гор. В июле – августе я провѣл в горах, куда Олег вѣл меня буквально за руку 20 километров пешком в течение трёх дней. Мы очень подружились, Олег научился

говорить дактильно, мне очень захотелось дополнить его «тропяной» опыт другим, и в ноябре 2002 он приехал на сессию Школы взаимной человечности, где сразу стал моим главным ассистентом, а не только школьником. В ШВЧ он проучился два года в этом двойном качестве - школьника и моего ассистента, - получил сертификат выпускника Школы, потом продолжал ездить на её сессии уже только в качестве моего ассистента.

С октября 2002 года, с пятнадцати лет, он стал мне всё чаще помогать и в моей преподавательской работе. В конце концов он стал моим официальным ассистентом, работает в этом качестве со мной в Московском государственном психолого-педагогическом университете, факультет социальной педагогики которого окончил в 2011 году.

После смерти моей сестры и женитьбы брата, тоже умершего через несколько лет, Олег по моей просьбе переехал жить в мою квартиру, стал моим официальным попечителем, то есть не опекуном при недееспособном, а попечителем, который заботится о дееспособном больном человеке.

Обращение «сын» было традиционным у моей мамы, она так называла всех мужчин сколько-нибудь моложе себя, детей и подавно. Я применяю его не так широко, но Олег его принял и стал для всех окружающих прежде всего моим названным сыном (как бывают названные братья – побратимы), а потом уже официальным попечителем и ассистентом.

Вообще-то на самом деле он скорее меня воспитывает, чем наоборот, но так у меня всегда было со всеми детьми: я – ведомый, они – ведущие. Нормальное соотношение, ребёнок должен быть активнее взрослого – как иначе лично расти? Это единственно возможная стратегия, при которой ученик вырастает лучше учителя.

13. Оказывает ли вам помощь государство?

Ну, пенсия... С тех пор как я начал лечиться в Центральной поликлинике Российских железных дорог, с которой у фонда «Со-единение» договор на обслуживание слепоглухих, я отказался от так называемого социального пакета, в который входит три якобы «бесплатные» услуги: обеспечение самыми дешёвыми (и самыми на деле неэффективными) лекарствами; ежегодное санаторно-курортное лечение – или в случае неиспользования денежная компенсация, которой я никогда не получал, хотя путёвки мне предоставлялись очень редко; и проезд в пределах Москвы и Московской области.

Я отказался от первых двух частей соцпакета, с тем чтобы эти копейки присоединили к пенсии. Хотел отказаться и от третьей, транспортной, части, но Олег попросил её пока оставить. Он время от времени проверяет общественный транспорт на доступность слепоглухим колясочникам, а для меня эти прогулки – огромное удовольствие.

В основном же надеюсь не на государство, которое старается откупиться от инвалидов подешевле и обворовать их, не выплачивая полагающихся им компенсаций за непредоставленные путёвки, а на благотворительный фонд поддержки слепоглухих «Со-единение».

14. Есть ли в дактиле знаки препинания, как обозначаются пробелы между словами? Между предложениями?

Во-первых, не дактиль, а дактилология, в буквальном переводе с древнегреческого – «пальцевое слово». Дактиль же – это в теории силлабо-тонического (слово-ударного) стихосложения трехсложная стопа с ударением на первом слоге. Например, «Железная дорога» или «Дедушка Мазай и зайцы» Н.А. Некрасова.

Во-вторых, дактилология создана для разговора. Будучи алфавитным средством общения, она подчиняется законам письменной речи, но используется для разговора, просто не нуждается в некоторых особенностях речи, предназначенной для фиксации на бумаге или на экране компьютера. В частности, как правило, не нужны пробелы.

Не нужны обычно и знаки препинания, кроме случаев дактильного диктанта и необходимости усилить, например, вопросительную «интонацию». Знаки препинания используются «зрячие», чертятся указательным пальцем либо в воздухе под ладонью, либо прямо по ладони слепоглохого. Попробуйте написать в воздухе или хоть на коленке вместо ладони, запятую, тире, точку, вопросительный и восклицательный знаки, скобки, кавычки... Вот-вот. Точно так же и дактильно.

Как-то обозначать пробелы бывает нужно при обучении визуальному или осязательному восприятию дактильной речи, которая поначалу рассыпается на бессмысленный набор дактилем. Чтобы помочь ученику, я похлопываю его по тыльной стороне ладони, обозначая одним-двумя хлопками границу между словами. Каждую дактилему при этом прошу вслед за мной повторять. Иначе получается не общение, а какая-то игра в догадку. Мой собеседник пытается не столько понять, сколько догадаться, что ему сказали. Обычно эти попытки безуспешны, и я не спускаю собеседника с «короткого поводка», не показываю следующей дактилемы, пока он не повторит предыдущую.

15. В каком возрасте наступает фаза совместно-разделенного труда?

Совместно-разделённая предметная дозированная деятельность – это не «фаза», а закон всякого возможного обучения. Друг и единомышленник Ильенкова, академик Михайлов, считал её даже законом всякого возможного взаимодействия, деления труда между людьми. В таком широчайшем понимании совместно-разделённая предметная дозированная деятельность, конечно, сопровождает каждого человека всю жизнь, от рождения до смерти.

16. Возможно ли, по вашему мнению, повторить эксперимент с обучением слепоглохих в университете?

Раз оно было возможно до нас (пусть и поодиночке) и у нас четверых, то в принципе возможно и после нас. Директор Сергиево-Посадского детдома Галина Константиновна Епифанова говорила мне, что, если появляются ребята, способные учиться в среднем или высшем учебном профессиональном учреждении, им стараются такую возможность

организовать. И есть несколько выпускников детдома, для которых это сделать удалось после «четвёрки».

Для подавляющего большинства нужно подыскивать посильные виды труда, не требующие столь высокого уровня профессиональной подготовки, но тем не менее по возможности творческие; по возможности безвредные для и без того слабого здоровья, особенно для осязания; по возможности достойно оплачиваемые – и создавать под такие виды труда рабочие места. Ситуация сейчас радикально отличается от XX века. Старые пути и формы трудоустройства безвозвратно ушли в прошлое. Жизнь требует фактически всё придумывать заново, едва ли не с нуля.

17. Существуют ли деревни-поселения для глухих / слепых / слепоглухих?

Можно, видимо, говорить о тенденции к их созданию. Фонд «Со-единение» создал небольшой «Тихий дом», куда собраны одинокие слепоглухие из домов престарелых и семей, где они прозябали в полной изоляции. В «Тихом доме» эти люди занимаются посильным творчеством – керамикой, ткачеством, - осваивают компьютерную грамотность, вместе кулинарят и вообще пытаются вести хозяйство, ездят на экскурсии, принимают гостей... И никто из них и думать не хочет о возвращении туда, откуда они попали в «Тихий дом». Учреждение малокомплектное, и должно быть таким по идее, чтобы оставаться уютным поистине «Тихим домом». Предполагается распространить этот опыт на регионы.

18. Возможна ли творческая реализация слепоглухих самостоятельно? (После обучения у взрослого.)

Без участия зрячеслышащих – вряд ли. Но люди – коллективные существа. Писатели, художники, артисты, композиторы, всевозможные ученые объединены в творческие союзы. Для детей существуют дома детского творчества. Но сам творческий процесс только выигрывает от созданных условий, не становится менее самостоятельным, в смысле – менее оригинальным, менее независимым по содержанию. Так что создание условий ничего не обесценивает, скорее наоборот...

19. Как вы пользуетесь почтой?

Электронной? Совершенно самостоятельно. Есть компьютер с брайлевским дисплеем и интернетом, соответствующими пакетами с программным обеспечением. Овладев этим всем в достаточной для себя степени, я спокойно работаю с электронной почтой, делаю рассылку «Письма всем» почти по всей моей адресной книге, прикрепляю файлы... Всё так же, как у всех других пользователей, только вместо зрячего экрана – брайлевский дисплей.

А вот обычной докомпьютерной почтой я сам пользоваться не мог. Текст писал самостоятельно по-зрячему и/или по Брайлю, но отправить... Кто напишет адрес? Кто наклеит марку? Где висит почтовый ящик, куда бросают письма? Как далеко от дома отделение связи, чтобы я мог, например, послать телеграмму? Пришло зрячее письмо. Кто мне его прочитает?

Сейчас никаких таких забот и никакой зависимости, разве что от специалиста-компьютерщика – не больше, чем у всех обычных пользователей.

20. Были ли вы когда-нибудь женаты (влюблены), если нет, то почему?

Это что – допрос? А где мой адвокат?

Всю жизнь ко мне пристают с этим нескромным вопросом. И всю жизнь хочется послать вопрошательниц, что называется, лесом. Ну обязан я, что ли, непременно жениться? Почему? С какой стати? Разумнее всего, конечно, «послать лесом», но я зачем-то всю жизнь пытаюсь тем не менее отвечать.

То повешу всех собак на брезгливость – запах пота на уроках физкультуры, видите ли, во всём виноват. То спрячусь за спину Фрейда – творческая сублимация, мол. То сошлюсь на страх больного потомства: у меня же основной диагноз – болезнь Фридрейха, а именно наследственно-дегенеративное заболевание нервной системы с поражением задних столбов спинного мозга, атрофией зрительных и слуховых нервов. Диагноз подтверждён несколькими поколениями медицинских светил. То ляпну по телевизору в прямом эфире, что, занятый творчеством, не удосужился порешать проблемы семьи. То сошлюсь на страх, что кто-то хочет выйти замуж не за меня, а за мою московскую квартиру. Или на страх семейных скандалов, о которых вдосталь начитался в книжках, да и в жизни довелось понаблюдать.

В августе 1985 года я написал:

Я хочу, чтобы были дети,

Но боюсь, что будет жена,

И меня до дурдома и смерти

Доканает склокой она.

Идиоты, что вы наделали, -

Тьма родных, друзей и врагов!

Вы скандалами черно-белыми

Задушили веру в любовь.

Захлестнули удавкой сочувствия,

И дыхание прервалось.

И семья

стала

штука гнусная,

Проскандаленная насквозь.

А поверить в любовь так хочется, -

Полюбить и счастливым быть...

...Сердце в страхе скандалов корчится,

Не пуская нормально жить.

Где мой адвокат? Отстаньте, наконец!

21. Как вы относитесь к закону, вступившему в силу с 1.09.13, о приеме во все школы детей с любыми особенностями?

Заставь дурака богу молиться – он себе и лоб расшибёт. Да если бы только свой...

22. Как рождаются образы, представления таких вещей, как дом, поезд, закат...

О внешнем архитектурном облике дома представление можно получить по макету, сколько-нибудь крупной рельефной картинке. И можно обследовать этот дом изнутри от подвала до чердака.

Моей любимой игрушкой в загорском детстве была железная дорога – конструктор. Я собирал на полу круг из рельсов и шпал, составлял из вагончиков поезда – и волчком кружился на четвереньках внутри этого круга, гоня по рельсам поезда. Разумеется, не просто так, а в контексте своей игры-фантазирования.

Много в детстве ездил и в настоящих поездах – мама возила по врачам и гостям.

Закаты/восходы надо видеть – это же панорамы. Даже светоощущение это хоть немножко позволяет. Но совсем, абсолютно слепому от рождения доступен лишь культурный контекст, например: на закате дней, на заре жизни, «Закат Европы».

Так же, как у меня лишь контекстное, символическое, знаковое представление о красном цвете, например. Нечто среднее между светлым и тёмным, но не цвет.

Я читал описание радуги, но представляю её себе очень смутно. Мост, говорят, какой-то в небе... Семь цветов радуги... У меня ничего чувственно-конкретного за этим не стоит и стоять не может, потому что цветоощущения никогда не было и нет. Только светоощущение.

Разве что представить радугу в виде ёлочной гирлянды, подвешенной аркой?.. Горящую гирлянду-то в темноте я вижу... И в новогодние праздники мне её вешают на окно.

23. Хулиганство – это продукт воображения? Как это происходит у слепоглухих детей?

Детское «хулиганство» – всё равно, слепоглухих или зрячеслышащих, – это «продукт» недостатка внимания. Поиграй со мной, побудь со мной, хоть отшлёпай меня, только не будь таким ласково-резиново-равнодушным.

Вот я зашёл в коридор Загорского детдома рядом с комнатами для малышей. Они меня обступили, дёргая за одежду и убегая... Знакомая картинка? Зрячеслышащие ведут себя точно так же?

24. Как невидящий человек воспринимает свою внешность: есть ли у него комплексы по этому поводу?

У меня нет, я открытый и свободный, не боюсь быть самим собой. Большинство же, и слепоглухих, и зрячеслышащих, насколько мог заметить, чрезмерно зависят от мнения о них окружающих, очень закрытые, стараются быть «как все», пряча отличия, непохожесть.

Такие конформисты обычно пишут очень скучно, озабочены не столько содержанием, сколько формой, их тексты смертельно заражены канцеляритом. От этих творений, что называется, мухи дохнут на лету...

Они застёгнуты от подбородка до пупа и ниже. Трудно растормошить...

25. Как вы относитесь к тому, чтобы усыновлять слепоглухого ребёнка в обычную семью?

Очень хорошо. Одно из стратегических направлений работы Сообщества семей слепоглухих – борьба с социальным сиротством. Великолепна программа «Передышка», по которой специально готовятся так называемые профессиональные семьи. Эти семьи на некоторое время берут на себя уход за слепоглухим ребёнком, а родители имеют передышку, чтобы куда-то съездить отдохнуть, сходить к врачу, восстановить между собой эмоциональную связь, реанимировать любовь – словом, укрепить семью...

26. Как жить незрячему человеку в мире, который сильно визуализирован?

Не стоит придавать этой «визуализации» чрезмерное значение. Понятно, это мир здоровых, приспособлен прежде всего к их возможностям, но и инвалидов он не игнорирует, иначе бы эта книга была невозможна. Лежу вот с брайлевским органайзером на животе, пишу... Кто придумал для меня такой органайзер? Зрячеслышащие. Они порой чувствуют нашу боль сильнее, чем мы сами. Да и вообще, с них всё началось – наше обучение, наша адаптация в их мире. И если наши возможности где-то сравнялись – им, зрячеслышащим, спасибо.

Мы вместе решаем проблемы по мере их поступления, и если «чрезмерная визуализация» мешает, то именно зрячелышащие стараются это как-то исправить, сгладить. Их человеческая инициатива первична, наша – в ответ.

27. Ваше отношение к стратегии государства касательно помещения детей из детдомов в семьи (под опеку). Не снизится ли успеваемость?

Ох, не о том хлопчете. Какая успеваемость? Сироты в детдомах привыкли жить на всём готовом, никакой инициативы, ждут, пока всё за них решат, и показатели «успеваемости» у них формальные.

Это вообще дико, что вполне здоровых физически сирот приравнивают к каким-то инвалидам, они моральными инвалидами и вырастают. Кошмар тотального обслуживания.

На самом деле ни малейшего желания нормально работать и зарабатывать, смутные маниловские мечты, если закреплена государством какая-то жилплощадь – готовы её продать и бомжить, вместо регулярной работы и заработка – азартные игры. Полный паралич воли, мне о таком время от времени пишут.

Приводили ко мне одного взрослого сиротку. Мечтает быть телеведущим. Учился ли этому, предлагал ли свои услуги какому-то телеканалу? Нет, только «мечтает», а пока, слава богу, официант в какой-то забегаловке – и то всё же хоть какой-то труд и зарплата, а то и этого нет, лучше украдёт и продаст...

А вы – «успеваемость»...

В семье, может, поменьше иждивенчества будет, привыкнет сам себя обслуживать и за себя отвечать, а то на всём готовом...

28. Опишите ваши ощущения после того, как наступила глухота? Насколько это было страшно?

1 августа 1962 года отец несколько раз меня о чём-то спросил, но я так и не понял, о чём. Отец психанул, а мама поняла, что наступило предсказанное врачами резкое снижение слуха. Вот ей было страшно, опять начались хождения по врачам...

В школе слепых я чувствовал себя изгоем – враждебные отношения с одноклассниками, учителя говорили обо мне: капризный, но умный. Меня уговаривали поменьше плакать, не нервничать, да ведь такое не выключишь, как радио. Жить – сплошь да рядом значит страдать, пока-то научишься этому сопротивляться, противостоять, и тогда, и сейчас, жить больно, вот и болеешь...

И во взрослости много раз бывало, поскандалишь с кем-нибудь на ровном месте, и еле ходишь, ноги не держат, не можешь выпрямиться, сразу дряхлеешь на много лет. Не умеем

мы беречь друг друга. Сплошь да рядом взаимный эгоизм и амбиции не по амуниции, а не взаимная человечность...

29. Любимая книга из детства?

Для формирования мировоззрения наибольшую роль сыграл роман Ивана Ефремова «Туманность Андромеды». Кроме того, «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя. Уже тогда – первое знакомство с «Педагогической поэмой» Макаренки, ставшей одной из моих настольных книг. Особенно поэзия: Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Маяковский, Твардовский. Много стихов специально учил наизусть, с тех пор мало что добавилось...

30. Кто из тифлосурдопедагогов, психологов внёс, на ваш взгляд, значительный вклад, но недостаточно известен (оценен)?

Ну что за манера – упрекать прошлое? Суета всё это, неконструктивно. Да и не такой уж я знаток. Много хотел бы прочитать – Соколянского, Ярмоленко...

Давайте переставим акценты. Не то главное, насколько известен и оценён, а то, что внёс-таки значительный вклад. И чтобы этот вклад был востребован.

Вот книгу Мещерякова с 1974 года так и не переиздавали. Хорошо, что есть в интернете.

31. Почему обучение слепоглухих детей в СССР было так продвинуто, а детей с даже умеренной степенью умственной отсталости не обучали?

А как же вспомогательные школы? Ну и всё-таки тут уместно вспомнить, наверное, о роли личности в истории. В олигофренопедагогике не было, видимо, своих Соколянского и Мещерякова. К тому же пресловутое «соревнование социализма и капитализма». У них – Елена Келлер, у нас – Ольга Скороходова и «четвёрка», наглядное свидетельство «социалистического гуманизма». А олигофренопедагогика не оказалась такой выигрышной для идеологического отдела ЦК КПСС.

32. Что вы делаете в трудные моменты, когда нет сил продолжать бороться? Откуда вы их питаете, чтобы продолжать борьбу?

Кричу караул, зову на помощь друзей. И я не только не претендую на лавры героя-борца, но всю жизнь от них отбиваюсь. Что, в самом деле, за воинственность? Надо просто спокойно, по-деловому, в рабочем порядке, решать проблемы по мере их поступления, по мере сил, по мере дружеской поддержки. Самый страшный враг правды – борец за правду. По правде надо просто жить. И это куда интереснее, чем «бороться». И эффективнее.

33. Были ли моменты, когда вы чувствовали, что общество вас отторгает?

Были. А в конце концов оказалось, что я ошибался. Мой любимый Твардовский:

Стой, говорю, всему помеха:

*То, что, к перу садясь за стол,
Ты страсти мелочной успеха
На этот раз не поборол.
Ты не свободен был. И даже
Стремился славу подкрепить,
Чтоб не стоять у ней на страже,
Как за жену, спокойным быть.*

Я работаю не для потомства, а для современников, для тех, кому и поскольку нужен прямо здесь и сейчас. Остальное – «Суета вокруг дивана», «Суета сует» и «Всяческая суета» (заголовки частей сказки Стругацких «Понедельник начинается в субботу», восходящие к Ветхому Завету, «книга Экклезиаста»).

34. На что, кого, какую силу должен надеяться человек, оказавшись в отчаянном положении?

На силу человеческого коллектива. Силу того, что я назвал «антиэкстремальной коалицией».

Инвалидность – это экстремальная ситуация. Общение с инвалидами, особенно на первых порах, тоже носит экстремальный характер. В одиночку эту ситуацию не одолеть. И разговоры о том, что-де инвалид надеется только на себя да на бога – неумная бравада. Неумная и бессовестная, потому что надо же всё-таки быть благодарным и своим родителям, и учителям, и друзьям.

Другое дело, что инвалид тоже должен быть самому себе благодетелем. Помочь можно только тому, кто и сам себе помогает. Саморазвитие, то есть личные усилия, поддержанные окружающими. без поддержки личных усилий ничего не выйдет. А нет личных усилий – нечего и поддерживать...

Ну и конечно, не перепутать фон жизни с самой жизнью. Фон – болезни, сколь угодно тяжёлые, и то, чего они лишают, связанные с ними пресловутые «ограничения возможностей». А жизнь – то, что, тем не менее, доступно: игры, труд, творчество. На фоне болезней, на фоне инвалидности. Ну что поделаешь... Не оплакивай себя заживо, подпевая (подскуливая, подхныкивая) неумным жалельщикам, которые бесконечно считают/пересчитывают то, чего у тебя нет и никогда не будет, что составляет фон твоей жизни. А надо жить на этом фоне – учиться всему, чему только удастся, и получать доступное удовольствие от общения, творчества, отдыха...

Словом, положительная, а никак не отрицательная «бухгалтерия».

35. Я хочу спросить, верите ли вы в Бога?

Всегда верил в свою антиэкстремальную коалицию, уж насколько её удавалось и создать, и сохранить. А в бога не хочу верить хотя бы потому, что ко мне уж очень назойливо пристают с этой верой, как и с вопросом, почему не женился. Не хочу доставлять удовольствие самозваным миссионерам. Которые сами-то не столько верят, сколько изуверствуют... Брысь!

Вот уж не было печали – черти накачали! Ну зачем вам так надо, чтобы я был как вы? Хотите за мой счёт свою единственную и абсолютную правоту узаконить? Нет абсолютной правоты и истин в последней инстанции, успокойтесь. И полечитесь-ка у психиатров от духовной чесотки – зуда самозваного миссионерства. А мне позвольте быть самим собой.

11 августа 1993 года я высмеял себя:

Если б можно было – будущее знать...

Если б можно – чьё-то счастье созидать...

Если б никогда ни в чём – не ошибаться...

...А зачем тебе так надо – Богом стать?

Ну а соответствующая литература меня всегда интересовала. Николай Рерих, Даниил Андреев, Александр Мень. Мой дом, моё родное – это Маркс и Ильенков, но почему бы и в гости не заглянуть...

36. Ваша история меня очаровала во многих отношениях. Мне очень хотелось бы задать вам несколько вопросов. Как я понимаю, незрячие люди обычно бывают хорошими речевыми коммуникаторами, а глухие имеют более развитым язык изображений. Мне хотелось бы узнать, чем отличается тактильная речь, и есть ли у неё какие-то особые черты, не имеющие отношения к адаптированному письму. Что происходит с участками мозга, отвечающими за обработку слуховой или визуальной информации, в случае мозга слепоглохого? Не получая информацию, они, возможно, обретают новые дополнительные функции?

Простите, а вы сами знаете, что происходит в отдельных участках вашего собственного мозга в тех или иных ситуациях? Я что, сам себе патологоанатом? Или физиолог высшей нервной деятельности? Все мы просто живём, пользуясь мозгами и всем остальным организмом как инструментом жизни. Я сейчас работаю на органайзере, ничего не зная о его устройстве. И не надо мне знать. Прибор работает нормально, и этого достаточно. А если что не так – обращаюсь к специалистам. «Участки мозга» я чувствую, когда голова болит. И глотаю назначенные врачами таблетки. Вы бы ещё у младенца потребовали самоотчёта за процессы в тех или иных «участках» его головёнки...

37. Как вы себя чувствуете на вершине человеческого развития и карьеры?

Вина хочу хорошего, сухого красного. Отметить это дело. Или пускай друзья на поминках отпразднуют моё пребывание на вершине. Потому что, кроме шуток, пока жив, мне туда карабкаться и карабкаться... Или (опять шучу), пока жив, давайте лучше вместе выпьем, чем бальзамировать меня заживо абсолютной трезвостью... Короче, мне некогда почивать на лаврах. Кто-нибудь после моей смерти на них выпится.

38. Есть ли ощущение счастья от самореализации?

Чувствую себя счастливым от того, что у меня есть друзья. Есть поддержка. Я востребован. А творческая самореализация – это как дышать. Было бы чем дышать, то есть было бы творчество. Вы же не прыгаете от восторга при каждом вдохе и выдохе?

|

|